

№ 40

802-11  
274

# СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА.

I.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ративоръ Холмоградскій. Сочиненіе *Александра Вельмана*. Москва, 1841.

Вотъ заглавіе книги, о содержаніи которой мы намѣреваемся отдать отчетъ нашимъ читателямъ. Станемъ читать, разбирать. Откидываемъ заглавный листокъ..... Чу!.... какой-то звукъ заставляетъ насъ остановиться. Вслушиваемся.... Да, точно!.... это изъ-подъ книги, только слышится какъ-будто далеко-далеко, будто изъ-подъ полу чуть внятный голосъ поетъ заунывную пѣсню; то стонетъ какъ нѣжная пѣночка, оставленная другомъ; то ропщетъ въ полу-гнѣвъ какъ ручеекъ, принужденный скакать черезъ камни, что загораживаютъ ему дорогу, жужжить какъ золотая пчелка, которая застала муху на своемъ любимомъ цвѣткѣ. Ст!... дайте вслушаться, что это за жалоба, что за ропотъ? Прикладываемъ ухо, напрягаемъ все свое вниманіе. Звукъ далеко, смѣшиваются, переливаются; слышенъ только напѣвъ. Чу!.... вотъ слово понятное.... другое.... третье.... Сближаемъ эти слова, придумываемъ смыслъ тѣхъ, которыхъ не дослышали, соображаемъ, и въ выводѣ находимъ, что голосъ жалуется на то, будто люди, нынче читающіе книги на Руси, не понимаютъ идей, не умѣютъ находить ихъ въ книгахъ.

Ба! что это значить? Такъ, пожалуй, и про насъ запоютъ, что мы не понимаемъ идей! Мы не понимаемъ идей? да помилуйте, для чего же мы живемъ на свѣтъ? Для чего же мы и книги-то читаемъ, если не для идей? Чего же мы и ищемъ въ книгахъ, если не идей и мыслей? Въ противномъ случаѣ, на что намъ книги? Для препровожденія



времени? Извините. Время—старикъ почтенный, умный, и притомъ немножко своенравный: его не проведешь. Попробуйте спроводить его какою-нибудь глупою, бессмысленною книгой, онъ тотчасъ нагонитъ на васъ скуку, и съ помощью этой досадной гостни такъ надобѣтъ вамъ, что рады-рады будете, когда успеете укрыться въ объятіяхъ сна. Нѣтъ, мы любимъ время, дорожимъ имъ, и не намѣрены досаждать ему бессмысленными книгами. Если бъ мы предполагали, что въ лежащей передъ нами книгѣ нѣтъ идей, мыслей, то ни за что въ свѣтъ не стали бы читать ея. Но эта книга такъ красива, такъ привлекательна, что въ ней непременно должна скрываться какая-нибудь идея. Давайте же, любезные читатели, искать вмѣстѣ. Когда вы пособите, такъ мы ужъ непременно отыщемъ эту идею, будь она хоть меньше инфузорій: мы употребимъ въ дѣло все свои зрительныя трубки, телескопы и микроскопы, разглядимъ все ножки, глазки и щупальцы идеи. Она отъ насъ не уйдетъ. Не ударимъ въ грязь лицомъ; покажемъ, что и мы умѣемъ находить идеи въ книгахъ.

Давайте же разбирать. Но прежде всего не мѣшаетъ знать, что такое будемъ мы разбирать. Вотъ тутъ, на первомъ шагу, встречаемъ важное неудобство: авторъ не далъ своей книгѣ определеннаго имени: заглавіе говоритъ только, что это — сочиненіе, а какое сочиненіе, не извѣстно. До этого надобно самимъ добратся. Посмотримъ на наружность, на внѣшнія формы («сочиненія»), не узнаемъ ли чего. Книга написана по-переменно стихами и прозой; она раздѣляется на пять частей, которыя опять подраздѣляются на нѣсколько *стпей*. Въ каждой части свои дѣйствующія лица. Форма драматическая, но названія что-то новы и не совсемъ понятны. Мы все-еще не знаемъ, что это такое. Предисловія нѣтъ. Какъ быть? А! вотъ, постойте: въ концѣ книги есть прибавленіе,—нѣсколько примѣчаній и «Взглядъ на осьмое столѣтіе.» Заглянемъ въ этотъ «взглядъ», можетъ-быть недоумѣніе наше разрѣшится. Глядимъ и видимъ, что тамъ между-прочимъ говорится вотъ что: «Дезидерій, избранный въ предводителя Лангобардовъ, по смерти «миришнагося» передъ Фрапками и папой Астольфа, долго не смѣлъ поднять оружія на Римъ для возвращенія (себѣ) экзархата. «Но по смерти Пепина, во время возникшихъ въ Галліи смутъ изъ-за права наслѣдія, Дезидерій ополчился, возвратилъ большую часть «городовъ экзархата, и въ то же время принялъ подъ свое покровительство дѣтей Карломана, лишенныхъ Карломъ Великимъ отцовскаго наслѣдія; а равно Гунольда, владѣтеля аквитанскаго, и всехъ «вообще недовольныхъ Карломъ, почитавшихъ его хищникомъ братскаго наслѣдія, Австраліи или восточной части Галліи. Въ это-то «время, черезъ посредство Берты, матери Карла, старавшейся примирить его съ племянниками, совершился неожиданный и противный политикѣ папъ союзъ Карла съ дочерью Дезидерія, Эрменгардой, и готовился новый союзъ Адальгиза, сына Дезидерія, съ сестрой Карла, Гейзлой. Этотъ союзъ рѣшалъ судьбу Рима, Церкви «и всей Европы, но онъ разорванъ тайнымъ вліяніемъ: Карлъ, который пренебрегъ папскими увѣщаніями и заклятіями не жениться

«на еретикѣ, вдругъ разводится съ Эрменгардой и становится поборникомъ папы, способствуетъ ему изъ духовнаго владыки преобразоваться въ верховнаго преобладателя Запада, покоряетъ Лангобардію, лишаетъ греческаго императора господства надъ Италіей, и «за все это получаетъ въ награду титуло (титуль?) кесаря новой германской феодальной монархіи. На этомъ событіи, столь важномъ въ «Исторіи, основаны предлагаемыя драматическія картины — Ратиборъ Холмоградскій.»

Вотъ что! Ну, теперь намъ гораздо привольнѣе и удобнѣе разсматривать, когда мы знаемъ на что смотримъ. Такъ это — драматическія картины исторіи или историческія драматическія картины, однимъ словомъ, картины. Но зачѣмъ же эти картины развѣшаны въ свѣняхъ? Почему не въ кабинетъ или въ гостиную? Впрочемъ, всякой воленъ располагать своимъ добромъ какъ вздумается. А намъ все-равно, гдѣ бы картина ни висѣла, лишь бы она была хороша и освѣщалась какъ слѣдуетъ.

И такъ начнемте по порядку, съ первой картины. Мѣсто дѣйствія—въ Тичинѣ, столицѣ Лангобардовъ, теремная горница Эрменгарды. Мамка Батильда наряжаетъ невесту Эрменгарду и старается развеселить ее, отвлечь отъ грустнаго воспоминанія объ отсутствующемъ любовникѣ. Но Эрменгарда не подается на утѣшенія, она хочетъ душу выплакать. Батильда старается прельстить свою питомицу знатностью и богатствомъ жениховъ, которые сватаются, но та говоритъ: «Все для меня равны. Пусть Богъ ихъ судитъ, а отецъ мой рядитъ... Одинъ мнѣ былъ женихъ. Гдѣ жъ онъ? отчего не ѣдетъ?» — Отчего! Забылъ быть-можетъ, ... или что другое.

«Кто? снѣ меня забылъ? нѣтъ, нѣтъ, Батильда, Ему забыть меня нельзя!

.....  
Нельзя, но почему, не знаю.....  
Вотъ видишь ли: вѣдь я ни въ чемъ  
Предъ Богомъ не виновна.

Меня Богъ не забудетъ,  
И Ратиборъ забыть не можетъ.

.....  
О если бъ онъ меня забылъ,  
Порвалась бы въ его душѣ  
Любовь святая звонкой стрункой,  
Отозвалось бы въ моемъ сердцѣ,  
Первались бы во мнѣ все жилки!»

— Но можетъ-быть онъ убитъ, говоритъ Батильда.

«О, что ты говоришь! убитъ онъ? нѣтъ,  
Онъ не убитъ, не умеръ: я бы знала,  
Я слышала бы вздохъ его послѣдній  
Днемъ и ночью;  
Его душа носилась бы какъ голубь  
Надо мною.»

И въ ясный день на небѣ набѣжало  
Облачко бѣ;  
И не дождемъ оно меня кропило,  
А слезами.  
И прилетѣлъ бы вѣстникъ злой съ могилы,  
Черный воронъ,  
И горе, горе, горе, бы прокаркалъ  
Бѣдной дѣвѣ!»

Ну, пусть онъ и живъ, пусть пріѣдетъ, но вѣдь тутъ есть женихи по-знатнѣе и по-богаче, — Фриульскаго государя, баварскаго государя, да венецейскаго дожа, да храбрый Витикиндъ. Гдѣ жъ Ратибору мѣрятъ силы съ ними!

Ахъ, пусть пріѣдетъ только! Боже, Боже!  
Пошли его скорѣй,  
Изъ злой неволи сердце выручить мое!  
О, только пусть пріѣдетъ Ратиборъ,  
Я на него взгляну съ такой любовью,  
Что въ немъ побѣдныя совокупаются силы;  
А на противниковъ такимъ взгляну я чернымъ глазомъ,  
Что нѣмота ихъ члены окуетъ.  
Да, ты не вѣдаешь, Батильда,  
Какъ силенъ взоръ любви,—онъ чудеса творить!

БАТИЛЬДА.

Ахъ, Богъ съ тобою! золото мое!  
Да что ты говоришь! вѣдь ты не чародѣйка!  
Ты, *селаживать* людей! избави Боже!  
Охъ, нѣтъ! одна молитва чудеса творить.

ЭРМЕНГАРДА.

Я буду за него молиться, горячо молиться!

Но вотъ началась музыка. Всѣ съѣхались, ждутъ невѣсту. Пора идти. Эрменгарда, въ волненіи, въ нерѣшимости, хочетъ сказатьсь больною, хочетъ, по-крайней-мѣрѣ, отдалить турниръ, который долженъ рѣшить ея участь. Приходитъ Герберга, вдова Карломана, со своими дѣтьми, Пепиномъ и Сигурдомъ, которыхъ Карлъ лишилъ наслѣдія. Ей хочется, чтобы Эрменгарда вышла за Тассильона, который, ставъ въ главѣ недовольныхъ Карломъ, при помощи Дезидерія, могъ бы возвратитъ права ей и Карломановымъ дѣтямъ. Эрменгарда, скрывая свою любовь къ отсутствующему Ратибору, говоритъ, что ей «всѣ равны.» Герберга настаиваетъ.

Не говори: равны; что прочіе предъ нимъ?  
Наслѣдники владннй небольшихъ  
Нѣтъ, выборъ отъ тебя зависитъ;  
Кого своимъ ты рыцаремъ назначишь  
И перевязь отдашь, тотъ твой и будетъ,  
Съ тѣмъ ты и обручишься;  
Всѣ прочіе ему уступать добровольно

Побѣду,—съ нимъ соперничество бесполезно:  
Кто сердце побѣдилъ, за тѣмъ и поле.

Сестра Эрменгарды, Люйтберга, по-видимому влюбленная въ Тассильона, тремя стихами, — однимъ четырехъ-стопнымъ, другимъ пяти-стопнымъ, третьимъ шести-стопнымъ, — упрощиваетъ ее не выбирать Тассильона. И въ этомъ заключается рѣшительно все дѣйствіе снноры Люйтберги, которая только увеличиваетъ число ненужныхъ лицъ въ картинѣ. Герберга тоже ничего, такъ, только пожелала да посовѣтовала то, что вы видѣли, и конецъ. Приходитъ пажъ, и проситъ Эрменгарду къ выходу въ залу. Опять волненіе, изнеможеніе; она *припадаетъ* въ кресла; у нея кружится голова. Но вотъ раздается звукъ вѣстоваго рога. Кто-то пріѣхалъ. «Пріѣхалъ?» восклицаетъ Эрменгарда:

«..... Вѣрно онъ!  
Такъ радостно забилось сердце!  
Чу! въ третій разъ рогъ прозвучалъ.....  
О, это гость..... мой гость..... мой..... Ратиборъ!  
Пойдемъ!..... Пора!»

И она торопливо выходитъ; всѣ за нею. Первой картинѣ конецъ. Эта картина, какъ видите, представляетъ любовь Эрменгарды къ Ратибору, страстную, доверчивую любовь невинной дѣвушки. Тутъ есть немножко чувства, немножко мыслей, но выраженія..... это другое дѣло. Характеру ни какого.

Вторая сннь. Королевская зала. Великій дворникъ докладываетъ Дезидерію о пріѣздѣ новаго гостя:

«Тебя онъ хочетъ видѣть, Государь;  
Но имени не объявляетъ,  
Представитъся желаетъ неизвѣстнымъ,  
Какъ паломникъ іерусалимскій.  
На немъ вся броня вороная  
И греческая черная хламида.

ДЕЗИДЕРІЙ.

Кто жъ онъ?... Догадываюсь я...  
Не Ратиборъ ли Холмоградскій?  
Не полагается на силы молодыхъ,  
По гордости, въ глазахъ моихъ стыдится  
Быть побѣжденнымъ... знаю.  
Да, три года тому назадъ,  
Я радъ бы былъ союзу съ сыномъ друга;  
Теперь другое дѣло, Варнефридъ:  
Мнѣ всѣхъ нужнее былъ бы Карлъ,  
Чтобъ не мѣшались Франки  
Въ мои дѣла съ Папеземъ.  
А? какъ ты думаешь?

Дьякъ Варнефридъ отвѣчаетъ ему сущимъ вѣдоромъ. Но можетъ-быть вы не повѣрите намъ на слово, такъ извольте прочесть сами. Вотъ что онъ говоритъ:

Твой образъ государевъ красенъ,  
Лицо свѣтло и благолѣпно,  
И многоплодовитъ твой разумъ;  
Но Карлъ намъ сторона.

## ДЕЗИДЕРІЙ.

Такъ (?) Витикиндъ Саксонію подниметь  
На Франковъ; такъ ли, Варнефридъ?  
И съ Тассильономъ важенъ мой союзъ:  
Онъ спитъ и видитъ-лишь, во что бы ни стало,  
Завѣтъ исполнить предка Гаривлада —  
Баварію освободить отъ ига Франковъ.  
На стягъ его стекутся Австріаки,  
Вся вѣрные завѣту Карломана  
И двумъ наследникамъ его.  
Когда зайдетъ о Франкахъ дѣло,  
Саксонцы также голосъ подадутъ.  
О, надо сбросить Карла гордеца  
Съ его высокаго стояда!  
Да, если онъ пойдетъ въ отца,  
Обритаго католика, паписта,  
То, чего добраго, и намъ  
Онъ бороды обрветъ.  
Одно лишь счастье наше — Греки:  
Они боятся власти папъ,  
Которые раздѣвъ церковный замышляютъ,  
Чтобъ отъ имперіи восточной отдѣваться.

## ВАРНЕФРИДЪ.

Дивлюся много мудрости твоей  
И государевой твоей догадкѣ;  
Но думаю, ты худо сдѣлалъ,  
Что не послалъ по просьбѣ Копронима  
Твоей дружины противъ Сарацинъ  
Въ защиту стѣнъ Святаго града.  
Послы отпавились отсюда къ Карлу;  
И слышно, Карлъ на корабляхъ послалъ  
Большія силы въ Палестину.  
А дружба Карла съ Копрониномъ.  
Для насъ не выгодна . . . чтобъ намъ не быть въ тискахъ  
Межъ Франками и Римомъ.

## ДЕЗИДЕРІЙ.

Умно сказалъ, да я умнѣе сдѣлалъ.  
Не время помощь мнѣ другимъ теперь давать:  
Свой дѣла устроить надо,  
Покуда миръ; а тамъ, союзомъ Эрменгарды  
Мы многое рѣшимъ . . .

Мать Карла, королева Берта,  
Пріѣхавъ посѣтить своихъ несчастныхъ внуковъ,  
Мнѣ сдѣлала намѣкъ о родственномъ союзѣ . . .  
Карлъ пужень мнѣ живой или мертвой;  
И потому я сдѣлалъ честь ему  
Извѣстіемъ о пошибаньѣ  
И о торжественномъ замужствѣ Эрменгарды . . .  
Онъ могъ пріѣхать, ну, хоть посмотрѣть  
На дочь мою, которой нѣтъ подобныхъ  
Въ подсолнечной, не только въ царствѣ Франковъ . . .  
Что жъ получилъ въ отвѣтъ? — Король въ отсутствіи. —  
Гдѣ жъ онъ? бѣжалъ изъ королевства?  
Да, знаю я, гордецъ! но знай и ты,  
Что два племянника твои въ моихъ рукахъ!

Входитъ палатникъ на юмкинъ. Привѣтствія, и прочая. Децидерій желаетъ знать имя гостя, но тотъ хочетъ остаться неизвѣстнымъ. Децидерій изъ отвѣтовъ палатника видитъ, что рыцарь благородный, и этого ему довольно. Онъ радъ гостю. Раздѣли, говоритъ, хлѣбъ соль со мною,

Присутствуй на моихъ семейныхъ торжествахъ:  
*Я съ поля выдаю дочь Эрменгарду замужъ.»*

«Хорошъ политикъ! скажете вы: выдастъ дочь замужъ по политическимъ видамъ, разсчитываетъ, который зять ему полезнѣе, а между-тѣмъ отдаетъ дочь съ бою! Да вѣдь такимъ образомъ она можетъ достаться и сильному да бесполезному человѣку!» Совершенная правда. И намъ тоже кажется, что это не очень политично.

Спустя немного входятъ Эрменгарда, подъ покрываломъ; при ней ея сестры, Лейтберга и Амальберга; Герберга съ дѣтьми; женихи Эрменгарды, Тассильонъ, Витикиндъ, Юаннъ и Радгость, и прочіе придворные. Палатникъ-паломникъ говоритъ про себя:

«А! вотъ они, племянники мои,  
Вотъ мать ихъ Герберга,  
И Тассильонъ, защитникъ правъ ихъ!  
И Витикиндъ, храбрецъ саксонскій.  
Вотъ Эрменгарда . . . о, посмотримъ  
Прославленную красоту!  
Но этотъ бѣлый, двѣстванный покровъ  
Непроницаемъ какъ завѣса ночи!»

Такъ стало-быть палатникъ-паломникъ — самъ Карлъ Великій? Кажется. Приносятъ вино. Эрменгарда встаетъ, отбрасываетъ покрывало и подноситъ кубокъ отцу. Всѣмъ прочимъ разноситъ великій чашникъ. Палатникъ-паломникъ, въ лирическомъ восторгѣ, раздражается дактилохореемъ и четырехъ-стопными амфибрахіями:

«Сила Святая!  
И я не осыпанъ глазами какъ небо,  
Чтобъ взглядомъ однимъ свою душу насытить! . . .  
Когда божества на землѣ обитали, (?)  
О, я не спросилъ бы тогда, кто она! (?)»

Безъ страха упалъ бы предъ ней на колѣна, (?)  
 Смотрѣлъ бы безъ гнѣва, безъ страсти ревнивой (?)  
 На этихъ презрѣнныхъ ея богомольцевъ. (?)  
 Но что же теперь она! бѣдная жертва, (?)  
 Плодъ, заключающій влагу безсмертья, (?)  
 Къ которому тянутся руки грѣха! (?)

## ДЕЗИДЕРІИ.

Во здравіе и въ честь союза Эрменгарды,  
 Съ тѣмъ изъ мужей высокоименитыхъ,  
 Которому ее судъ Божій предназначитъ.  
 Но прежде чѣмъ откроемъ поле,  
 Я объявляю нареченнымъ  
 Условія родства со мной.  
 Дьякъ Варнефридъ, читай!

## ВАРНЕФРИДЪ.

Извѣстно всѣмъ, что всепрославленному войску Лангобардовъ Италия обязана спасеніемъ своимъ отъ ига Визиготовъ: что за побѣду грознаго Тотилы, царь греческій Юстиніанъ, Паннонію и Норичу въ помѣстье войску далъ; а вскорѣ Альбоинъ, великій атаманъ, главой Италиіи и королемъ былъ признанъ, и вѣнчанъ былъ вѣнцомъ желѣзнымъ, искованнымъ изъ крестнаго гвоздя, которымъ распятъ былъ Христосъ Спаситель. Главою всѣхъ Христовыхъ войскъ былъ византійскій царь, главой духовнымъ патриархъ первосвященный; а здѣсь, въ Италиіи, экзархъ, его намѣстникъ. Но римскій папѣжъ тайно ковы строитъ, отторгнуть хочетъ Западъ отъ Востока, намѣстникомъ себя апостольскимъ зоветь; и между-тѣмъ, орудье замысловъ сковавъ изъ вѣры, отъ имени Апостола всѣхъ проклинаетъ, кто патриарха чтитъ главой духовнымъ, а не папѣжъ. «Rege terreno deficiente, Christo regnante» говорить; а между-тѣмъ Евгений III обрадовался экзархату, когда Пепинъ отторгъ его отъ войска, и царствію земному папѣ основу положилъ. Намѣстники Апостола Петра свою модельню обратили въ царскія палаты, епископъ сталъ придворнымъ воеводой, монахъ въ бронѣ, несетъ не символъ мира, а мечъ и огонь, и промышленъ не о вѣчномъ благѣ, а торгъ ведетъ прощеніемъ грѣховъ. Король Италиіи, всепресвѣтѣйшій Деизидерій, увѣнчанный желѣзною короной, рядилъ съ вельможными чинами войска, исторгнуть экзархатъ изъ-подъ папѣжской ризы, ввести папѣжъ въ его границы храмовыя.

## ДЕЗИДЕРІИ.

Вотъ отношенія наши къ Риму.  
 Зять долженъ быть намъ правою рукою.  
 Кто признаетъ, тотъ чокнись съ этимъ кубкомъ,  
 И пей во здравіе и славу войска.»

Витикиндъ, Тассильонъ, Іоаннъ и Ралгостъ встаютъ и по-очередно подходятъ къ Деизидерію. А Карлъ Великій между-тѣмъ разсуждаетъ какъ истинный романическій рыцарь:

«Что говорилъ онъ? Я не слышалъ,  
 И время ли пустыя рѣчи слушать,  
 Когда ея я чувства сторожилъ,  
 И вслушивался въ ея мысли,  
 И вглядывался въ ея взоры,  
 Чтобы узнать, кто здѣсь счастливецъ,  
 Кто предпочтенъ и избранъ сердцемъ.»

И что же? только на меня  
 Свѣтили ярко ея взоры!....  
 Взаимность ли таинственная душъ;  
 Или порокъ всѣхъ женщинъ — любопытство,  
 И гибельная страсть предпочитать  
 Все тайное — всему, что явно.  
 Невѣрно — всему, что вѣрно,  
 И горе будущее настоящимъ благамъ!...  
 Онъ говорилъ какія-то условія...  
 И кажется про экзархатъ?...  
 Но папа, или онъ — мнѣ всё-равно.  
 Покуда папа самъ истецъ земнаго,  
 Покуда тяжбу онъ кр. вавую ведетъ  
 И вызываетъ мечъ въ поборники свои;  
 И копигъ тѣнь вокругъ себя,  
 И замышляетъ о добычахъ!»

Затѣмъ хоръ придворныхъ пѣвцовъ постъ многи лѣта. Деизидерій беретъ дочь за руку; всѣ уходятъ, и мы пойдемъ за ними въ третью стѣну, на площадь ристалища, на дворъ королевскихъ палатъ. Мѣста для короля покрыты дорогими парчевыми *полостями*; слѣва, на лавкахъ, мѣста для судей; справа для музыкантовъ. Около оградъ дворцовая стража, доспѣшники и разные всадники, которые разсуждаютъ о предстоящемъ турнирѣ, о томъ, кто какой призъ надеется получить, и о прочемъ. Приходитъ маршалъ, распоряжается. За нимъ *Гуффъ*, который, прозою, горюдитъ двѣ компактыя страницы вздору. А за оградой витязи гарцуютъ на коняхъ; Витикиндъ выѣзжаетъ впередъ, сходитъ съ коня, и, не переводя духу, наполняетъ двѣ страницы стихами. Изъ этихъ стиховъ явствуетъ, что храброму Витикинду очень хочется быть побѣдителемъ и выиграть главный призъ — Эрменгарду. Являются Деизидерій и Эрменгарда. Хоръ гремитъ славу вѣнчаносной невесты. Маршалъ поля отворяетъ ворота ристалища, впускаетъ рыцарей и назначаетъ кому съ кѣмъ сражаться. Сцена довольно живая, настоящая рыцарская, такая, какую можно найти въ любомъ рыцарскомъ романѣ. Паладинъ дерется съ Витикиндомъ. Они начинаютъ турниръ. У паладина, въ жару битвы, отпадаетъ забрало; онъ нахлобучиваетъ шлемъ и продолжаетъ драться. Эрменгарда, всплеснувъ руками, издаетъ глухое восклицаніе и припадаетъ безъ чувствъ къ отцу. Въ этомъ глухомъ восклицаніи заключаются слова: «О, Боже, Боже!.... Не онъ!....» Паладинъ разбиваетъ мечъ Витикинда на двое. Тотъ бросаетъ рукоятку и уходитъ! Побѣдитель вскакиваетъ на коня и увѣзаетъ. Какъ? куда? зачѣмъ? Развѣ онъ всѣхъ побѣдилъ? Вѣдь онъ только съ однимъ дрался. Или онъ отказывается? Кому же теперь достанется Эрменгарда? Не безпокойтесь, авторъ знаетъ исторію, и не выдастъ Деизидеріевой дочери ни за кого другаго, кромѣ Карла Великаго.

Сѣнь четвертая. Заповѣдный лугъ передъ дѣдинцемъ Тичина. Надъ стѣнами теремъ съ выходцемъ. Ратиборъ со своимъ приспѣшникомъ, Славомъ, раскидываетъ шатеръ, пускаетъ коня на зеленый лугъ, на шелковую траву, смотритъ на теремъ и спрашиваетъ: «Ждешь ли ты меня Эрменгарда?» Потомъ онъ, по рыцарскому обы-

чаю, беретъ пѣвницу и поетъ нѣжную пѣсню, въ которой выражаетъ тотъ же вопросъ. На выходѣ выходитъ буфъ, который выдаетъ себя за короля Лангобардовъ и, естественно, очень надобно своей глупою болтовней Ратибору и Славю, и всякому кто ее читаетъ. Наконецъ приходитъ стражъ, и на вопросъ о королѣ Деузидеріи отвѣчаетъ толкомъ,

«Здравствуетъ, только его нѣтъ дома. Здѣсь сынъ его Адальгизъ; король поѣхалъ къ королю Франковъ, на свадьбу королевны Эрменгарды.

РАТИБОРЪ.

О, такъ шутъ не шутимъ!... Не даромъ сердце *поцумо* горе!... Здѣсь Адальгизъ, говоришь ты?... пойдимъ!...  
(уходитъ.)

СЛАВОЙ.

Охъ, торопливой какой! вхали, вхали, изъ Холмограда за тридцать земель въ тридцатое царство, проѣхали всѣ чуждскія земли, коней замучили, а хлеба не-солоно! Вотъ тебѣ и царевна, *магнитныя* глазки!»

И первой части конецъ. «Гдѣ же тутъ картины?» спросите вы. Помилуйте, а турениръ-то? Пышное собраніе двора, вельможи и дамы, буфы и музыканты, маршалы и судьи, народъ и рыцари въ коняхъ на сценѣ, какъ въ оперѣ «Жидовка»; костюмы, декорации, блескъ, роскошь. Да это великолѣпный спектакль! Это картина хоть куда.

Въ первыхъ сѣняхъ второй части декорация представляетъ лѣсъ раздѣленный на двѣ *поляны*. Вдали виднѣн Соассонъ, столица Карла. Ратиборъ и Адальгизъ, сынъ Деузидерія, сидятъ у входа въ шатеръ на большой полянѣ; въ отдаленіи присѣнщики и дружина. Адальгизъ утѣшаетъ Ратибора.

«Другъ, полно горевать! Кто виновать? судьба.  
О, если бы ты въ-время пріѣхалъ,  
До моего отъѣзда въ Византію, —  
Сестра была бы за тобой.

РАТИБОРЪ.

Что? .. Эрменгарда? .. Нѣтъ, не то:  
Тоскую я объ *Русскомъ* морѣ...  
Какое мрачное. . . на берегахъ его  
Мнѣ надо было умереть...  
Когда аварская стрѣла нашла дорогу къ сердцу,  
Межъ связью панцыря и кольцами кольчуги.  
Какъ хорошо тогда мнѣ было,  
И какъ спокойно замирало сердце.  
Ни стукъ оружія, ни клочокъ моря,  
Мнѣ не мѣшали бы уснуть на бѣлкѣ.  
Такъ Эрменгарда, говоришь ты.  
Была увѣрена, что я убить и умерь?...

АДАЛЬГИЗЪ.

Я вѣрилъ Витикипду:  
Онъ въ доказательство мнѣ *гривну* показалъ,  
Которую тебѣ на память  
Сестра, прощаясь, подарила

РАТИБОРЪ.

Какъ! *крестъ*? подарокъ Эрменгарды?  
Онъ у него?

АДАЛЬГИЗЪ.

Да, признаюсь *тебѣ*,  
Я вмѣстѣ съ *ней* *тебѣ* оплакалъ,  
И *самъ* же умолялъ *ее*  
Отцовскую исполнить волю.  
О, безъ извѣстія о мнимои *твоей* смерти,  
Не убѣдили бы *ее* ни просьбы, ни угрозы.  
Ахъ, другъ, *она* всѣ выплакала слезы;  
И тяжело я вздохнулъ, когда *она* сказала:  
Располагайте *мною*: во *мнѣ* ужъ нѣтъ души!

РАТИБОРЪ.

А! Витикиндъ, злодѣй!  
Ты свѣтлой полосы меча  
Не приложилъ къ моимъ устамъ,  
Чтобъ испытать, не живъ ли я;  
И не таится ли еще во мнѣ дыханье!  
Добычь съ мертвого былъ радъ!  
И съ нимъ-то кровно я сдружился!  
О, да исполнится же клятва наша,  
И да изгонитъ Богъ его туда,  
Гдѣ нѣтъ ни храма, ни модельни,  
Гдѣ солнце не свѣтитъ,  
Земля не плодитъ,  
Жена не родитъ,  
Гдѣ нѣтъ ни пути, ни дороги,  
Ни счастья, ни доли,  
Ни дна, ни покрывки,  
Ни клочки, ни имени!  
Богъ наказалъ меня за дружбу съ *иноверцемъ*!  
Я душу *клялъ* за друга,  
А онъ, злодѣй:  
«Своего незялъ, а мое погубилъ!»

Является карликъ Тролло, посланный для развѣдокъ какимъ-то неизвестнымъ. Чтобы обратить на себя вниманіе рыцарей, онъ пробирается лѣсомъ, побрякивая на лютьѣ, приплясывая и напѣвая пѣсню, которую мы выпишемъ, потому что она лучше всѣхъ пѣсенъ и хоровъ, какіе есть въ этой книгѣ.

«Грынъ, грынъ, грынъ,  
Что эта за пѣсна!»

Трынъ, трынъ, трынъ,  
Такъ и подмываетъ!  
Трынъ, трынъ, трынъ,  
Такъ и поджигаетъ!  
Всѣ бы скокъ да скокъ,  
Все бы чокъ да чокъ,  
Каблучокъ въ каблучокъ,  
Кулачокъ подъ бочокъ!  
Трынъ, трынъ, трынъ,  
Что это за пѣсня!

Струнка грянетъ,  
Загудѣтъ,  
Милка встанетъ, ручкой манить,  
Очи сладко заведетъ!

Трынъ, трынъ, трынъ,  
Что это за пѣсня!

Сердце ходитъ ходуномъ,  
Душу встряхиваетъ;  
Шитымъ золотомъ платкомъ  
Знай помахиваетъ!

Трынъ, трынъ, трынъ,  
Что это за пѣсня!

Ходи разъ, ходи два,  
Выбирай переборы,  
Выводи ногой узоры,  
Выплетай кружева!

Трынъ, трынъ, трынъ,  
Что это за пѣсня!

Адальгизу понравился карликъ; онъ беретъ его съ собой въ Соасонъ, куда ѣдетъ жениться на Гейзль, сестрѣ Карла Великаго. Они ѣдутъ. Мы переходимъ въ домъ франкскаго вельможи Ансельма, который разсуждаетъ о дѣлахъ Карла съ придворнымъ аббатомъ. Папа шлетъ своихъ легатовъ, съ намѣреніемъ разстроить союзъ Франковъ съ Лангобардами. Римъ въ опасности. Надобно дѣйствовать рѣшительно.

«Когда предупредить не въ силахъ были  
Союза Карла съ еретичкой  
Такъ надо все употребить,  
Какимъ бы средствомъ ни было расторгнуть  
Союзъ богопротивный свѣта съ тьмою,  
Союзъ католика съ бесовскимъ порожденьемъ;  
Союзъ съ врагами Бога и людей.»

Но какія же употребить средства? А вотъ какія.

« . . . . . Эрменгарда  
Такъ холодна, такъ равнодушна  
Къ безумной страсти короля,  
Что часто онъ не можетъ скрыть досады.»

Надобно присовѣтовать королю, чтобы онъ, для пріобрѣтенія женской любви, возбудилъ ея ревность, надобно, чтобы онъ занялся какимъ-нибудь другимъ предметомъ. И если ужъ онъ

« . . . . . въ сторону уклонится на шагъ,  
То сбить его съ пути не трудно будетъ.»

Аббать предлагаетъ свести Эрменгарду съ Гиммельтрудою, оставленной женою Карла. Между-тѣмъ входитъ Тролло, приславный къ аббату для исправленія при немъ должности шпиона. Онъ, для начала, увѣдомляетъ своего господина о томъ, что съ принцемъ Адальгизомъ пріѣхалъ одинъ благородный рыцарь, повидаться съ королевой, «поручить себя ея благосклонности, по старой памяти». И это кстати. Затѣмъ входятъ другіе вельможи, извѣщаютъ Ансельма, что король скоро воротится съ охоты и будетъ къ нему. Поговоривъ о необходимости разрыва съ Лангобардами, въ чемъ всѣ согласны, вельможи идутъ встрѣчать Карла, и какъ-то странно въ самыхъ дверяхъ расходятся, что не замѣчаютъ его приходу. Еще если бы прокрался тайкомъ, а то онъ въ дверяхъ же получаетъ черезъ гонца извѣстіе о безпокойствахъ на границѣ: Саксонцы грабятъ, села жгутъ; Витикиндъ грозитъ возстановить противъ него землю и небо. Гонецъ выходитъ. Карль говоритъ:

«Ужъ небо кажется возстало! . . .  
А! Витикиндъ! знакомецъ мой! . . .  
Ну что жъ? война!  
Война и для меня теперь необходима!  
Во мнѣ нарушенъ миръ;  
Миръ долженъ рушиться во всемъ, что Карла окружаетъ! . . .  
Ктѣ жъ рушить этотъ миръ?  
Та женщина, которую я думалъ  
Обнять какъ воплощеніе мира!  
Ея любовью думалъ примирить  
Все распри за слова и право! . . .  
И что жъ! не подла она мнѣ миръ,  
И мнѣ ли примирять другихъ,  
Когда въ самомъ душѣ бунтуешь! . . .

(Показывая на сердце.)

Кипитъ здѣсь, какъ въ жерлѣ волкана,  
И самъ я, какъ волканъ,  
Хочу залить все лавой,  
И обратить все въ пепель! . . .  
Когда на мраморную я смотрѣлъ Венеру,  
И та мнѣ улыбалась;  
А Эрменгарда . . . чувствующее, живое существо,  
Такъ холодно, бездушно смотритъ! . . .  
Пріѣхалъ братъ — откуда взялись  
Слова живыя, ласки, нѣжность,  
Не изъ студеннаго ли сердца? . . .

Морить меня завистникъ дьяволъ  
И демонъ ревности къ последней изъ рабынь,  
Которой скажетъ ласковое слово  
Ко мнѣ пеласковал Эрменгарда!  
О, я готовъ его отнять,  
Какъ с бственность свою:  
Оно мое, по сердцу и закону!...  
По сердцу!... правда ли?...  
Хочу улыбку вызвать,  
Хочу зажечь ея холодный взоръ,  
Хочу, чтобъ сердце билось подлѣ сердца,  
Хочу въ ней женскихъ вѣсѣхъ причудъ,  
И своенравія, и мелочныхъ желаній,  
И дѣтскихъ слезъ и ссоры,  
Чтобъ угодить, утѣшить, примириться,  
И снова ласки нежности испытать!...  
И что жъ въ отвѣтъ? — Безмолвіе и стужа,  
И пустота безъ эха на мой зовъ!...  
Быть можетъ... ненависть ко мнѣ, любовь къ другому...  
Пусть ненавидитъ!  
Пусть лучше ненависть, чѣмъ отвращеніе;  
Пусть отвращеніе, но лишь не равнодушіе.  
Дай безнадежность!... о, она лекарство  
Всѣмъ умирающимъ отъ страсти къ жизни!...»

Ансельмъ за дверьми подаетъ своей племянницѣ Гильдегардѣ совѣтъ какъ вести себя передъ королемъ, потомъ проходитъ не замѣтивъ Карла. Гильдегарда съ прислужницей Алисой входятъ, также не замѣчая его. Гильдегарда хочетъ посмотреть какъ онъ подъѣдетъ къ крыльцу. Она прежде видѣла его только мелькомъ, однако жъ успѣла замѣтить, что онъ прекрасный мужчина.

«Какъ жаль, что онъ женился на гордынь Лангобардской! Говорятъ, что бывало, при дворѣ, всякій день пиры да праздники, музыка и пляска; а съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, все какъ будто умерло. Говорятъ, что королева еретичка, арианка, такъ обворожила короля, что страшно слушать. Вотъ видишь, у ней есть на рукѣ волшебное кольцо съ магическими словами; этимъ-то кольцомъ заколдовано сердце короля. Она требовала, чтобъ король вынесъ изъ дому весь образъ, а онъ не соглашался; она, съ досады, взяла, да и забросила кольцо, и сказала: такъ ницъ жъ ты любви моей! — Вотъ онъ и ходитъ повѣся голову, все смотритъ въ землю, да ищетъ этой проклятой любви. Не права ли, Алиса, что онъ несчастный человекъ? Если бъ онъ женился на Франкинь, какъ бы она его любила! какъ бы было весело!»

## АЛИСА.

Если бъ онъ женился на Франкинь, такъ ужъ вѣрно на васъ: лучше Гильдегарды ему нигдѣ бы не сѣискать. Королевы-то и не заметишь при васъ; она такая блѣдная, томная, какъ луна. Да, если бъ король видѣлъ васъ прежде, такъ онъ бы не издѣлалъ искать себѣ жены иноземной.»

Оглянувшись и замѣтивъ Карла, Гильдегарда вскрикиваетъ и убегаетъ; Алиса тоже.

«Я думалъ скрыть свое горе, говоритъ Карлъ; но его все поняли! Какъ она хороша, простодушна, мила! Какой живой нравъ! Все эти свойства я

думалъ найти и въ Эрменгардѣ... Такъ вотъ какія попятія въ народѣ о моемъ союзѣ съ нею! Да, горькая правда! Эрменгарда поселилась во дворцѣ моемъ, какъ ангелъ надъ гробомъ удовольствій!... Надо воскресить ихъ!... Я испытаю, какъ будетъ она смотреть на соперницу, которая явится на праздникъ моемъ... можетъ-быть, ревность научитъ ее любви!...»

Входитъ Ансельмъ; изумляется, извиняется, что не замѣтилъ когда пришелъ король. Потомъ входитъ его жена, Мильдрета, съ дочерью, Аделиндой. Обѣ *персоны* совершенно лишнія: сказать королю, что Гильдегарда вдругъ заболѣла, могъ бы и самъ Ансельмъ. Мильдрета сказала королю круглымъ счетомъ пять словъ, Аделинда ничего не сказала; обѣ поклонились два два или три и ушли, съ тѣмъ чтобы уже не появляться. Между-тѣмъ приходитъ еще лишняя *персона*, Адельгардъ, братъ короля, съ извѣстіемъ, что Гейзлы нѣтъ: она скрылась съ Миловомъ, графомъ Анжерскимъ, своимъ любовникомъ, чтобы избѣжать брачнаго союза съ Адальгизомъ. Кончивъ это, Адельгарду ничего больше не остается дѣлать въ «драматическихъ картинахъ», и онъ тоже уходитъ изъ нихъ навсегда. Карлъ приказываетъ объявить что сестра его Гейзла умерла. Онъ, послѣ такого поступка не хочетъ признать ея, хочетъ похоронить поношеніе своей семьи. Его возгласами объ этомъ предметѣ оканчивается вторая часть книги.

Часть третья. Свѣтъ первая. Гротъ въ дворцовомъ саду. Эрменгарда, одна, сидитъ на дерновой скамьѣ, близъ бассейна въ который струится ключъ.

«Здѣсь — я бы умерла спокойно!  
Я, истомленная въ темницѣ пышной,  
Подъ стражей собственнаго горя!  
Которое не позволяетъ  
На свѣтъ мнѣ радостно взглянуть!  
Здѣсь, я какъ будто бы свободна.  
Смотрю съ участіемъ на потокъ,  
Который также плачетъ, ропщетъ,  
Что люди и его, для прихотей своихъ,  
Свободнаго теченія лишили!  
Здѣсь не мѣшаетъ мнѣ никто  
Впадать въ безчувствіе къ тому, что окружаетъ,  
И уносится духомъ въ домъ отцовскій,  
Подъ кровлю дѣтства моего,  
Подъ небо свѣтлыхъ дней моихъ,  
Въ объятія матери и на колѣни няни!  
Какъ сладко тамъ въ кругу родномъ!  
Я чувствую, какъ нежность и любовь  
Во мнѣ и вокругъ меня вдругъ оживаютъ,  
И онъ со мной, и все надежды,  
Какъ сонъ во снѣ!...  
Я снова весело смотрю, я снова вижу:  
Онъ побѣдитель на ристаньяхъ,  
Моей вѣнчается рукой...  
Но сонъ такъ скоро пролетаетъ!  
Еще скорѣе юность пролетѣла!  
Онъ въ пелладины посвященъ,





О, умились на мигъ: скажи мнѣ:  
Иди, умри, несчастный, съ миромъ!  
Скажи: прости! и это слово  
Слезою жалобной облей!

ЭРМЕНГАРДА (съ умоляющимъ безуміемъ).

Ахъ, это ты! ты, ты, ты, ты, другъ!  
Спаси меня! и извлеки изъ ада,  
И въ тихую свою могилу унеси!

КАРЛЬ (воступленно бросается къ Эрменгардѣ).

Жена!

ЭРМЕНГАРДА (съ ужасомъ озирается на Карла).

Скорѣй, скорѣй! вѣтъ демонъ, мой мучитель!

РАТИБОРЬ (пораженный появленіемъ Карла, вскакиваетъ).

КАРЛЬ.

Жена!

ЭРМЕНГАРДА.

Не вѣрь! я не жена, я не жена его!

КАРЛЬ.

Преступная!...  
Притворнымъ безуміемъ себя не спасешь!  
Я ваши два сердца скую неразрывнымъ союзомъ!  
Отца и все царство его призову на дочернюю свадьбу!  
Заставлю всѣхъ мертвыхъ пропѣть обручальную пѣсню!  
Торжественно васъ обвиняетъ палачъ, подъ небомъ открытымъ!  
И крови преступной твоей напью я въ кубокъ,  
И съ честью отцу поднесу, и выпить заставлю до дна!  
И пусть онъ ухнетъ на свадьбѣ дочерней!

Коварная! въ прахъ!... Долой вѣнецъ! и вмѣстѣ съ державой надъ этимъ обманутымъ сердцемъ... къ стопамъ моимъ!

ЭРМЕНГАРДА (становится на колѣни и слагаетъ съ себя вѣнецъ).

Слагаю радостно... отдай... его... твоей женѣ съ любовью...  
(Подбѣгаетъ Пепинъ.)

Которая тебѣ наследника дала...»

Картинно, эффектно. Но стихи! стихи! Боже, оборони друга и не друга отъ такихъ стиховъ. Ну, бросимъ стихи. Далѣе. Пепинъ спрашиваетъ: «Нянечка, нянечка, кто тебя на колѣнки поставилъ?»

Карль, всплеснувъ руками, восклицаетъ: «Боже!» Пепинъ увидя Карла, говоритъ: «Ахъ, папа, это ты! а гдѣ же маменька?» Карль озирается кругомъ и кричитъ: «О, демоны!» Вбѣгаютъ Ансельмъ, аббатъ и стража. Карль приказываетъ имъ взять Ратибора, который подходитъ къ стоящей на колѣняхъ Эрменгардѣ и говоритъ надъ ней.

«Прости!  
Твоихъ несчастій я виновникъ!  
Бвдою для тебя родился я на свѣтъ!  
(Стража окружаетъ Ратибора.)

ЭРМЕНГАРДА (бросается къ нему въ объятія).

Мой Ратиборъ!

КАРЛЬ (всплеснувъ руками).

О, стой! оставьте ихъ! пойдѣмъ, пойдѣмъ!...  
Не нарушайте ихъ блаженства!  
Прочь, демоны, отъ ангеловъ!

(Отталкиваетъ стражу и машетъ рукою; Ансельмъ, аббатъ и стража уходятъ.)

КАРЛЬ (пріостанавливается, взглядываетъ на Эрменгарду и Ратибора, которые забылись въ объятіяхъ другъ друга).

Счастливыцы! (Блжитъ.)

Какъ! бѣжить? Куда же онъ бѣжить? Держите, ловите его, нето онъ, пожалуй, совсемъ убѣжить изъ «драматическихъ картинъ»! Мы желали бы видѣть эту сцену на театрѣ, чтобы посмотрѣть какъ расхохочутся зрители, актеры и музыканты, весь закулисный и передъ-кулисный міръ, когда Карль Великій, разразившись гнѣвомъ ревниваго любовника и оскорбленнаго мужа, вдругъ наостритъ лыжи. Невозможно, чтобы Ратиборъ и Эрменгарда выдержали свои роли: они непременно захохочутъ. Это было бы очень весело.

Часть четвертая. Зала во дворцѣ Дезидерія. Браный столъ; фонтаны вина и разноцвѣтнаго меду; музыка. Празднуютъ свадьбу младшей дочери Дезидерія, Лютберги, съ герцогомъ Тассильономъ. Свадебные и всякіе хоры. Буфы, шуты, дураки, дурачкія головы, пестрые дурни, гаеры и манкары, пляшутъ, болтаютъ и поютъ приличное своему почтенному званію. Въ самый развалъ пира является изгнанная Карломъ Эрменгарда, съ сопровождающимъ ее вельможей Ожеромъ. Дезидерій думаетъ, что она пріѣхала въ гости на сестрину свадьбу; радуется и спрашиваетъ гдѣ Карль? скоро ли онъ будетъ? Ожеръ отвѣчаетъ:

«Когда отъ ужаса изволнуются, взыдутся,  
Колосья въ полѣ;  
Когда потоки крови черной переполнятъ  
И По и Твшву,  
И выступивъ изъ береговъ, затопятъ  
Твою столицу!»

ДЕЗИДЕРІИ.

Что? что такое? что сказалъ ты?

ЭРМЕНГАРДА *(приходя въ себя)*.

Отецъ мой!

ОЖЕРЬ.

Я королевское исполнилъ приказанье,  
И удаляюсь.... Дочь объяснить тебѣ....

ДЕЗИДЕРІИ.

Дочь? дерзкій!... ты безуменъ!  
Ты госпожу свою и королеву  
Такъ смѣешь называть!...

ЭРМЕНГАРДА.

Отецъ мой!... я не королева!...  
Я здѣсь изгнанница!...  
Прости меня!... признай  
Какъ дочь несчастную!... я не виновна!...*(Ожеръ выходитъ.)*

ДЕЗИДЕРІИ.

Какъ?... что такое ты сказала? ...  
Не понимаю я... да говори же!...*(Эрменгарда въ слезахъ обнимаетъ его колѣна.)*Что?... ты не королева?  
Изгнанница?... ты?... Эрменгарда?  
Ты помѣшалась!... Боже, Боже!  
Что сдѣлали съ моей дочерью дни!...  
Что жъ все молчать?... Гдѣ онъ?...

ТАССИЛЬОНЪ.

Кто, Государь?

ДЕЗИДЕРІИ.

Да вотъ что было?... Что жъ не позвали гости? не поднесли заздравный кубокъ?... И музыка молчитъ! да ну, играйте!... Сейчасъ придетъ Карлъ!... Охъ!... что это такое!... такъ мутно.... темно здѣсь.... скорѣе осветить!... Гдѣ жъ мой престолъ?...

*(Ищетъ руками и колеблется; Тассильонъ и Варнефридъ поддерживаютъ его; безчувственную Эрменгарду выводятъ.)*

ДЕЗИДЕРІИ.

Что-это?... Опять вѣнчать?... А! Западной Имперіи корона?... А гдѣ жъ Астольфъ? ужъ умеръ? ну хорошо!... А! Папа Адрианъ!... Ну, возводи! я говорилъ тебѣ, дождешься, что за ключами экзархата я самъ приду!

*(Его выводятъ; въ изъ запы молча удаляются.)*

БУФЪ.

Все уцло! такъ уходитъ и мірская слава!... *(Sic transit gloria mundi.)*

Во второй снѣи много болтовни и мало путнаго. Войска Карла перешли уже черезъ Альпы, подходятъ къ Тичину. Тассильонъ хлопочетъ о томъ, что ему дѣлать: какъ франкскій вассалъ онъ долженъ итти съ своимъ войскомъ на помощь къ Карлу, который и зоветъ его; какъ зять Деидерія онъ долженъ драться за Лангобардовъ. Ну, да какое намъ дѣло до Тассильона: онъ человекъ сторонній. Пойдемте дальше. Вотъ, говорятъ, Карлъ тараномъ бьетъ въ ворота лангобардской столицы. Деидерій съ горя сошелъ съ ума. Вельможи и воеводы крамольничаютъ, трусятъ, соглашаются противъ воли короля сдать ся неприятелю. Одинъ воевода и дьякъ Варнефридъ остаются вѣрными, но они, вѣроятно, ничего не могли сдѣлать противъ превосходныхъ силъ. Побѣдитель Карлъ приходитъ и спрашиваетъ: «Гдѣ онъ?» то есть, Деидерій. Эрменгарда вскрикиваетъ, и голова ея припадаетъ на колѣни отца. Деидерій хочетъ привстать, но не можетъ. Четвертой части конецъ. Эффектно.

Часть пятая. Деидерій въ плѣну у Карла, въ Лиежѣ, въ монастырской келіи. Жалобы, сътованія, пошлое хвастовство и пошлые копейные расчеты: Карлъ мало даетъ ему на содержаніе; отнялъ цѣлое царство, а кормитъ свининой, молокомъ да чеснокомъ, не дастъ даже павлина или фазана покушать, и прочее такое. Является Витикиндъ Саксонскій. Онъ съ нѣсколькими удалцами, въ калугерской одеждѣ, тайно перебрался черезъ границу и пришелъ спасти Деидерія и Эрменгарду, которую, за труды, требуетъ себѣ въ жены. Эрменгарда соглашается. Все идетъ хорошо. Но вдругъ раздается звонъ набата: кто-то изменилъ имъ. Витикиндъ поспѣшно схватываетъ Эрменгарду и уходитъ со своими рейтарами, а Деидерій ищетъ своего вѣнца и ключа отъ тайно сохранныхъ сокровищъ. Вбѣгаетъ стража и толпа народу. Деидерій вскакиваетъ и бросается въ двери; всѣ за нимъ. Во второй снѣи представляется намъ лагерь Карла при Падерборнѣ. Карлъ довершаетъ свои побѣдительскія дѣла, принимаетъ пословъ, расправляется съ своими ослушниками-вассалами.

«Пріѣхалъ герцогъ Тассильонъ,  
Желаетъ къ кесарю явиться  
Съ повинной головой.

КАРЛЬ.

А! эту голову дрянную  
Давно бы надо съ плечъ долой!  
Гдѣ онъ? пусть явится.

*(Графъ Милонъ уходитъ.)*

Глупцамъ написано какъ будто на роду  
Храбриться не впадать, и не впадать смиряться....  
Не вовремя надуться и некстати лопнуть.

*(Входитъ Тассильонъ, съ поникшей головой; за нимъ приспѣшники несутъ его оружье и седло, и ведутъ разсѣланнаго коня на чумбуръ; позади слышуютъ двѣнадцать заложниковъ изъ старѣйшихъ баварскихъ.)*

А, братъ, здорово!  
Что, пересталъ брыкаться?  
Готовъ хѣтъ подь седло?  
Хребетъ подставилъ,

Чтобъ съль я на тебя, да и повхалъ?  
 Да я на клячахъ не вздохъ!...  
 Ты думалъ, что насталъ конецъ мой?  
 При Ронсевалъ я разбить,  
 Отсюду мнѣ гроза и гибель:  
 Тамъ тучи Мавровъ и Британовъ,  
 Здѣсь громы Грековъ, тьмы Булгаръ,  
 Тутъ Саксы хлынули въ границы,  
 Славяне вихрями взмелись,  
 Авары нанесли набѣгомъ,  
 Фриульцы подняли мятежъ,  
 И лишь тебя не доставало  
 Поднять на брата знамя бунта!  
 Мой кровный — измѣнилъ родству,  
 Вассалъ мой — измѣнилъ обѣту,  
 Какъ Франкъ — ты чести измѣнилъ!  
 А что судилъ Салическій законъ?  
 Псовъ упоить преступной кровью,  
 А душу черную отдать на Божій судъ!...

ТАССИЛЬОНЪ

Мой государь....

КАРЛЬ

Довольно!

Молчи! ты только спутаешь себя,

А оправдаться не сумѣешь;

Я знаю, ты не можешь быть

Ни честнымъ по душѣ, ни по душѣ злодѣемъ!»

Мы выписываемъ это мѣсто единственно потому, что стихи хороши. Въ этой сценѣ есть еще и другія очень хорошія мѣста, но дѣло то все стороннее.

Въ третьей сѣни мы находимъ Ратибора на островѣ Гельголандъ, на берегу моря. Его спасъ отъ рукъ Карла вѣрный оруженосецъ Славой, какимъ образомъ — неизвѣстно, а только спасъ, усадилъ на корабль, привезъ на Гельголандъ и тутъ уже рассказываетъ ему, что Карль развелся съ Эрменгардой, отправилъ ее къ отцу, завоевалъ Ломбардію, и прочая, и прочая. Ратиборъ такой простакъ, что ничего этого не знаетъ, и не нашель времени у людей спросить. У него только одна мысль, которую онъ безпрестанно повторяетъ, со вздохомъ: «Послалъ же Богъ меня на свѣтъ, чтобъ возмутить ея (Эрменгардину) душу, нарушить ея счастье!...» Между прочимъ онъ слышитъ отъ другаго кого-то на Гельголандѣ, что Витикиндъ еще воюетъ съ Карломъ. Вотъ и его взяла охота подраться, вдругъ ужасно расхрабрился. «Постой же, кесарь!» говоритъ, «и я прииду къ тебѣ! огорожу высокимъ тыномъ дворъ твой, завалю всѣ входы и выходы, заложу печи во всемъ царствѣ твоемъ, наложу запретъ высѣкать огонь!» Васъ можетъ-быть удивляетъ, откуда у сонливаго, плаксиваго, недѣятельнаго Ратибора, взялась такая рысь? Но въ «драматическихъ картинахъ» всѣ герои таковы: всѣ поминутно бросаються

изъ одной крайности въ другую. Мы забыли сказать отчего Ратиборъ попалъ на Гельголандъ. Корабль его съль на мель, и онъ ждетъ покуда снимутся. Между-тѣмъ приходитъ нѣкая дѣва-щитоносица, по имени Гева, только-что спасенная рыбаками отъ кораблекрушенія, въ которомъ погибли всѣ ея люди. Жестокій авторъ утопилъ корабль со множествомъ народу, единственно ддятого, чтобы Ратиборъ имѣлъ случай предложить несчастной дѣвѣ свое покровительство. Дѣва эта дочь Сиварда Шлезвигскаго; она дала обѣтъ кровью искупить чистоту свою. «Какой же смерти ты обрекла себя?» — Я должна умереть отъ руки того, кого я приняла на дѣвственное свое ложе, какъ жениха, и который забылъ меня! — «Безчувственный онъ злодѣй! Много видѣлъ я женщинъ, но знаю только одну соперницу красотъ твоей; твои слезы — падающія звѣзды съ темноголубаго неба. Скажи мнѣ имя злодѣя! Его кровью должна омыться твоя обида: я вызову его на судъ меча. Но дай мнѣ прежде совершить свой обѣтъ мести: я ѣду на помощь къ Витикинду, вождю саксонскому, противъ общаго нашего врага, Карла.» Повхали. Пріѣхали къ Витикинду, который уже принялъ христіанскую вѣру, помирился съ Карломъ и собирается жениться на Эрменгардѣ. «Какъ?... что?... а? Ага! Вотъ новость! Постой... тѣтъ!... вотъ я его!» — О, Ратиборъ, не убивай его! Онъ мой! говоритъ Гева. — «Твой?... Витикиндъ?... а! искусситель!... Постой!» Является Витикиндъ. Онъ любезничаетъ съ Эрменгардой, а она что-то не весела. «Ты, говоритъ она, еще не просвѣтился, и въ тайну истинной любви не посвященъ.» А Витикиндъ на это:

«И не хочу я тайны знать,

Какъ изъ могилы мертвыхъ вызываютъ

И любить ихъ!...

А! понялъ я теперь безсмертіе любви!...

Живъ Ратиборъ!... для насъ онъ умеръ,

Но для тебя не умираетъ!

На вызовъ твой встаетъ онъ изъ могилы!...

Въ палатахъ Карла онъ тебѣ являлся!...

Быть-можетъ, и теперь... онъ здѣсь... (Осматривается.)

Мнѣ, грѣшному, невидимъ;

А ты, ты праведная, видишь

Его яснѣ нежели меня!...

Но сотвори же чудо: пусть предстанетъ

Передо мною онъ съ упрекомъ,

Что на его невѣстѣ я женись!...

Пусть скажетъ, почему въ твоемъ великомъ сердцѣ

Я недостойнъ замѣнить его,

Счастливецъ?...

(Ратиборъ входитъ.)

Эффектно. Начинается перебранка, потомъ драка. Эрменгарда бросается разнять сражающихся, и ей попадаетъ ударъ отъ Витикинда; она падаетъ. Оба, Витикиндъ и Ратиборъ, кричатъ: «Убилъ, убилъ, убилъ ее, злодѣй!» Вопятъ, зываютъ, Божій гнѣвъ призываютъ; Ратиборъ схватываетъ свой мечъ, схватываетъ Эрменгарду, и кричитъ: «Возстань, моя невѣста!» Витикиндъ кричитъ: «А, хитрый демонъ!»

и заноситъ мечъ на Ратибора. Гева сбрасываетъ шлемъ и становится противъ удару.

«О, этотъ мнѣ ударъ!»

ВИТИКИНДЪ *(опускаетъ руку)*.

Кто это?... Гева!... ты?...  
Тебя кто вызвалъ изъ могилы?...  
И ты пришла напомнить мнѣ  
Отступничество отъ Одена?...  
О, я создаю праху твоему,  
Какъ все сбилось... сознаюсь!...  
Тебя любилъ я... но съ тѣхъ поръ,  
Какъ это знаменье колдуньи Эрменгарды  
Съ убитаго снялъ друга, и надѣлъ...  
Съ тѣхъ поръ все измѣнилось...  
Оно влекло меня къ ея стопамъ...  
Я обезумѣлъ, ничего не помню...  
Я очарованъ былъ...  
О, отрекаюсь!... мощный я великій  
Одень прими мольбу мою!  
Тѣнь Гевы! будь свидѣтель!

ГЕВА.

Не отрекайся, Витикиндъ!  
Не тѣнь передъ тобою Гевы;  
А Гева-христіанка.  
Она тебѣ прощаетъ все...  
И проситъ смерти!...

ВИТИКИНДЪ *(схватываетъ Геву обѣими руками и смотритъ долго на нее)*.

Что жъ это?... Боже христіанскій!

Ты надо мною чудо совершилъ!

*(Гева припадаетъ къ нему на грудь)*

ЭРМЕНГАРДА *(приходитъ въ чувство)*.

И я жива еще?... и Ратиборъ со мной?...

РАТИБОРЪ.

Съ тобою, Эрменгарда!  
Возстань, о ближняя моя!  
Возстань, денница радостнаго утра!

*(Обнимаетъ ее)*

*(Входитъ Дезидерій въ одежду инока и останавливается изумленный.)*

Конецъ исторіи. Въ «Заключеніи» авторъ переноситъ насъ въ Холмоградъ, гдѣ Ратибора, по смерти отца, выбираютъ въ владѣтельные князья, и гдѣ онъ пируетъ свою свадьбу съ Эрменгардой. Пѣсенники поютъ всякія пѣсни и многія лѣта. Конецъ концовъ.

Вотъ вамъ и «Ратиборъ Холмоградскій». Что теперь сказать о цѣломъ? Ничего нельзя. По весьма естественной причинѣ: пѣлаго тутъ нѣтъ, все разныя, разбросанныя картины, да и тѣ очень рѣдко со-

отвѣтствуютъ своему названію. Въ хорошей картинѣ требуется: чистый, правильный рисунокъ; искусное сочиненіе (композиція) группъ; единство въ дѣйствіи; гармонія въ движеніяхъ; естественность положеній; вѣрность выраженія характеровъ, страстей, чувствъ; изящество формъ; правдоподобіе, живой, пріятный колоритъ; приличное освѣщеніе, и, наконецъ, та оконченность, отчетливость выполненія, безъ которой нѣтъ художественнаго произведенія. Читатели видѣли, въ какой мѣрѣ авторъ выполнилъ эти условія. Взгляните напримѣръ хоть на характеры. Что такое — Ратиборъ? Плакса, вздыхатель, который только подъ-конецъ немножко расходился, но и тутъ ничего не можетъ сдѣлать безъ помощи женщины. Эрменгарда — тоже плаксивая, верѣшительная дѣвушка, безо всякой нравственной силы и воли, безъ страсти, обреченная на жертву овечка, которую тотъ и тащить за рога, кому очередь. Она не возбуждаетъ ни чьего участія, ни состраданія. Характеръ Дезидерія пошлый до нелѣпости. Карлъ Великій смѣшонъ. Ни на комъ лица нѣтъ. Одинъ только Витикиндъ обрисованъ хорошо, и выдерживаетъ свой характеръ до конца, да развѣ еще Ансельмъ. Прочіе все лица второстепенныя, третъепенныя и вовсе ненужныя. Послѣднихъ такое множество, что безпрестанно развлекаютъ читателя и запутываютъ ходъ дѣйствія. Всѣхъ говорящихъ — человекъ пятьдесятъ, кромѣ поющихъ и пляшущихъ, кромѣ разнаго народа, хоровъ, шутовъ, дурней, югларовъ, музыкантовъ, воиновъ и стражей. Немудрено, что въ «драматическихъ картинахъ» господствуетъ неистовый, хаотическій безпорядокъ: прошу покорно совладать съ такою несмысленною силой всякаго сброду! Касательно намѣреній автора можно довольно вѣроятно заключить, что онъ хотѣлъ написать *драматическую исторію*, хотѣлъ поэтически разрѣшить недосмотрѣнный исторіею вопросъ, открыть тайную причину развода Карла Великаго съ дочерью Дезидерія, слѣдствіемъ котораго было паденіе Лангобардскаго царства; однимъ словомъ, онъ хотѣлъ написать «исторію въ лицахъ». Вышла скучная, очень скучная сказка въ лицахъ.

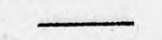
№41

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.



I.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.



Досуги уединенія В. А. Москва, 1841.



Посторонитесь, посторонитесь, господа русскіе поэты, брюшкіе борода: на Парнасъ идетъ поэтъ въ образъ самой музы. Вы пристыжены, господа, вы разбиты въ самой важнѣйшей позиціи: досель вы укрывались въ твердынь драмы; вы мечтали въ своей гордынѣ, что женскій геній слишкомъ слабъ, чтобы вытѣснить васъ оттуда, ошиблись, жестоко ошиблись, — вы ниспровергнуты двумя громосносными орудіями, которыя направила на ваше неприступное убжище госпожа В. А. изъ своего скромнаго уединенія. Да, вы погибли: и погибли за свое нечестіе: молились ли вы музамъ, курили ли оміамъ харитамъ, подательницамъ нѣжныхъ вдохновеній? Нѣтъ; вы пѣли только эгоизмъ, и богини отвратили отъ васъ лицо свое и, при всемъ пристрастіи къ смертнымъ мужескаго пола, полюбили сестринскою любовью смертную женщину, осыпали ее своими дарами. Чувство, чувство искреннее, божественная любовь не вдохновляла вашихъ сонныхъ, грубыхъ струвъ, и собранія, созванныя вашею тщеславною самонадѣянностью, уже были пусты на четвертое приглашеніе; вы думали подняться на одиныхъ похищенныхъ вами котурнахъ; васъ одушевляло только созерцаніе собственнаго генія, вы плакали только слезами оскорбленнаго самолюбія, и вамъ сочувствовали только тѣ, которые мѣтятъ въ неузнанные. Извинимъ даже въ васъ отсутствіе жаркаго чувства: какое мужское сердце можетъ спорить въ чувствительности съ женскимъ? Но у васъ непростительный, большой недостатокъ и въ томъ, что казалось бы преимущественной принадлеж-

ностью головы, украшенной бородою: въ вашихъ сочиненіяхъ значительный недочетъ въ идеяхъ, даже въ отдѣльныхъ мысляхъ, и ихъ читаютъ только записные любители. Справедливые боги разсудятъ, много ли есть исключеній. Чтò же если вы найдете и то и другое, — и чувство, и идеи, и мысли въ произведеніи дамы? А вы найдете все это, если ваше сердце не зачерствѣло хуже годовалой французской булки и если вашъ бородатый эгоизмъ не одервенилъ въ васъ всѣ способности мысленій. Но зачѣмъ предполагать въ васъ такое ожесточеніе души, такое упорство ума? Я знаю, что вы, любезные молодые люди, познакомившись съ лежащимъ, благовоннымъ, душистымъ, плодомъ дамскаго литературнаго трудолюбія, такъ имъ восхититесь, что, забывъ всѣ его несовершенства, по-очередно, или всѣ вдругъ, влюбитесь въ геній прекраснаго автора, какъ нѣкогда влюблялись наши бѣдные барышни въ геній поэтовъ мужескаго пола. Займитесь же обозрѣніемъ сочиненій госпожи В. А. съ сердцемъ, готовымъ къ принятію всего прекраснаго и къ извиненію того, чтò рѣзвый, легкій, геній стихотворства помѣшалъ милой сочинительницѣ довершить для полноты нашего наслажденія.

Идея первой драмы, подъ заглавіемъ «Францискъ Фоскари», — столкновение движеній сердца съ ползлами политическими и съ эгоизмомъ властолюбца. Пружинами ея взяты любовь къ родинѣ, любовь супружеская, родительская, дружба съ одной стороны; съ другой любовь къ долгу, къ благу отечества, къ своему народу. Страсти чистыя, святыя. Такія страсти трудно возстановить одно противъ другаго: этому помогаетъ посторонняя ненависть, порожденная клеветою. Предметъ—живая, движущаяся картина сладостей и горечи этихъ страстей. Мысль полная; и все это постановлено въ дѣйствительномъ мѣрѣ, въ опредѣленномъ вѣкѣ и странѣ.

Содержаніе историческое. Сынъ венеціанскаго дожа Франческа Фоскари, Джакомо Фоскари, изгнанъ за какое-то преступленіе, совершенное раньше той минуты, въ которую открывается дѣйствіе. Томимый желаніемъ возвратиться въ отечество, гдѣ у него любимая жена и дѣти, онъ обратился съ просьбою о помощи въ этомъ дѣлѣ къ чуждому государю, миланскому герцогу. Этимъ, по законамъ республики, онъ прибавилъ къ своему преступленію новое: его схватываютъ на дорогѣ посланные отъ правительства и ведутъ въ Венецію на судъ. При видѣ роднаго берега, онъ забываетъ, что онъ не на веселье на него возвращается: онъ видитъ только берегъ родины. Сходя на него, онъ въ восторгѣ восклицаетъ:

Вотъ берегъ, берегъ!.. Дайте мнѣ вздохнуть.  
О, дайте часть мнѣ на родную землю  
И дайте мнѣ устами къ ней прильнуть!  
И надышаться воздухомъ роднымъ!.....

«И я опять въ Венеціи прекрасной!.....  
Какъ воздухъ тихъ, какъ небо чисто, ясно,  
Какъ куполы торжественно горятъ!  
И дома тамъ глядятъ какъ исполины.

Тамъ мой отецъ... И тамъ она... она,  
Чтò Богомъ мнѣ въ часъ милости дана.  
О, здѣсь страхну и самый прахъ чужбины!  
Въ отчизнѣ я; свершенъ мой трудный путь.  
О, дайте мнѣ къ землѣ родной прильнуть!»

Сопровождающій его патрицій въ маскѣ напоминаетъ ему, что его ведутъ въ отечество не какъ гостя. Джакомо отвѣчаетъ:

«... Знаю, знаю!  
На муки вновь я вами обреченъ.  
Но испытали ль тягость вы изгнанья?  
Но знаете ль изгнанника страданья;  
И знаете ль какъ чуждый небосклонъ  
Отверженья печатью заклеименъ,  
Какъ радости чужбины намъ постылы,  
Какъ пыткой дни тамъ кажутся унылы?  
Скитались ли среди людей чужихъ,  
Гонимые тоскою безотрадной,  
И голоса, и звука словъ родныхъ  
У чуждыхъ лицъ вы спрашивали ль жадно?  
Вы знаете ль, какъ часто съ теми скалъ  
Поклонъ я вамъ по вѣтрамъ посылалъ;  
Какъ съ мукою я простиралъ къ вамъ руки,  
Къ къ рвался я къ родимой сторонѣ?»

Маска язвительно смѣется надъ его приверженностью къ отчизнѣ:

«И дивно ли? Известно всѣмъ, какъ васъ  
Венеція родимая чтитъ ила.»

Контрастъ разительный и нужный. По этимъ словамъ страдалецъ узнаетъ своего врага, который алчетъ мщенія за мнимое погубленіе Джакомовымъ отцомъ его отца и дядей. Джакомо говоритъ: «Ты демонъ или Лореданъ?» Тотъ скрываетъ свое имя, но въ отвѣтъ обнаруживаетъ радость новому несчастью своего врага, и издѣвается надъ будущими его страданіями:

«Я проведу въ чертоги дожа васъ,  
Пониже только. Тамъ тепло, пріютно:  
Свинцовыя тѣ крыши солнце грѣветъ»

Джакомо убѣдительно молить о позволеніи свидѣться съ женой. Тотъ отказывается. Джакомо предоставляетъ ему стеречь всѣ входы и выходы изъ ея дома: тотъ не соглашается. Наконецъ, страдалецъ представляетъ ему, что онъ могъ бы удвоить страданье, давъ своей жертвѣ душу отвести блаженствомъ. Мучитель уступаетъ этому убѣжденію.

Во второмъ явленіи сочинительница переноситъ насъ въ домъ Джакомовой жены, Изоры. Изора съ матерью своей, Маріей Джюсти-ніани; у ногъ ея играетъ сынъ.

«ИЗОРА. Повѣришь ли, родная? Съ каждымъ днемъ  
Грустнѣе мнѣ: проходятъ годы, годы,  
А отъ него ни строчки нѣтъ.»

МАРІА Джюстиніани. Мой другъ!  
Ты знаешь, онъ писать не можетъ.

ИЗОРА. Знаю;  
Изгнанника сношенья и со мной  
Опасны имъ, ужаснымъ.

МАРІА Джюстиніани (*прерывая ее*). Тихе, тихе!

ИЗОРА. Боишься ты?

МАРІА Джюстиніани. Да... Будто и въ стѣнахъ  
Всѣ кроются лазутчики незримыхъ.  
И въ свѣтъ дня, и средь ночныхъ тьмъ  
Опутаны незвучной цѣпью мы.  
И словно ихъ уставамъ покорень,  
Доносчикомъ на насъ и самый сонъ,  
И нѣтъ для насъ ни ближнихъ, ни родныхъ:  
Судей своихъ могли бъ мы встрѣтить въ нихъ.  
О!... страшно мнѣ...

(*Указывая на ребенка.*)

Младенецъ даже этотъ...»

Въ этой глубокой, сильной чертѣ выражается весь ужасъ ихъ положенія: онъ должны пасаться даже самаго дорогаго имъ малютки. Но эта мысль возмутила душу матери, матери юной отрасли знатнаго дома Фоскари и дочери благороднаго семейства Джюстиніани: она съ оскорбленной гордостью говоритъ:

«Фоскари онъ, въ немъ кровь Джюстиніани:  
Не выскажетъ, чего не надо, онъ.»

Потомъ, обращаясь къ ребенку:

«Дитя, дитя! Когда бъ не ты, давно бы  
Оставила я мрачный городъ этотъ.  
Съ отцомъ твоимъ не сладостно ль изгнанье?  
Одна могла бъ укрыться; но съ тобой...  
Я знаю, что въ одной столицѣ этой  
Патрицій сохранить свои права,  
И мать ли ихъ отниметь у тебя?»

Этимъ достаточно объясняется причина, почему она оставила мужа одного скитаться на чужбинѣ: материнская любовь крѣпче супружеской. Обращаясь къ матери, она говоритъ:

«Какъ мрачно здѣсь!... Смотри, еще гондолы  
Едва скользятъ по дремлющимъ водамъ,  
Покрытыя всѣ чернымъ, словно гробы,  
И черныя въ нихъ домины. По комъ»

Венеція сей вѣчный трауръ поситъ?  
... Здѣсь словно вся природа замерла:  
Ни зелень здѣсь не радуется намъ ока,  
Ни дерева, ни травки нѣтъ далѣко,  
И птички нѣтъ, живаго существа.»

Съ этимъ ей приходитъ мысль, что

«Въ семь городъ печальномъ, безземельномъ  
Ужиться могъ одинъ лишь человекъ:  
Одинъ лишь онъ здѣсь борется съ волнами.»

Мысль хорошенькая и очень естественная при взглядѣ на Венецію перадожными глазами. Отсюда она переходитъ къ печальному состоянію подданныхъ республики.

«Какъ славлены, унижены они  
И ужаса и думъ житейскихъ полны;  
И будто здѣсь своб. дныя однѣ  
Лазурныя разгуливаютъ волны.»

Мысль вѣрная; стихъ волнуется. Но взгляните, какъ къ этому приважится искусно другая мысль и драматическое чувствованіе.

«МАРІА Джюстиніани. Не говори: и ты обручена  
Отъ давнихъ лѣтъ владѣтельному дожу;  
И море здѣ в покорствуетъ предъ нимъ,  
Какъ вѣрная жена передъ супругомъ.  
О, этотъ дожъ!... На сушь и на моря  
Развѣялъ онъ побѣдны знамя,  
И родни: онъ грани распахнулъ,  
А сына здѣсь онъ продалъ истязаньямъ!  
О!... и не д жъ; но если бы тебя  
Отвдалъ кто исторгнуть изъ объятій,  
Достигнулъ бы до сердца твоего  
Черезъ мои трепещущіе члены.»

Кто изъ мужчинъ изобразить съ большимъ жаромъ, съ болѣе силой и правдою отчаянную рѣшимость матери защищать отъ убійцъ свое кровное дѣтище? Это страшная отчаянность львицы, у которой хотять отнять ея дѣтенъшей. Не возможно, кажется, не быть тронутымъ до глубины души, при этомъ взрывѣ материнской любви и негодованія. Марія Джюстиніани продолжаетъ:

«А дожъ молчалъ! Онъ властью дорожилъ.  
Я клясть его готова...»

Черезъ минуту она уходитъ, говоря, что идетъ къ пріятельницѣ провѣдать, нѣтъ ли извѣстія объ изгнанникѣ. Изора остается одна съ сыномъ.



«... Объ немъ? Не можетъ быть:  
Какъ міръ другой — далекой край изгнанья,  
Откуда къ намъ и вѣсть не долетить.

(Молчаніе.)

Да, знаю я: быть вѣчно одинокой  
Судьба моя. Такъ годы протекутъ,  
И юность, жизнь съ с бою увлекутъ.  
А онъ, при комъ жила бы я далеко...  
О, Боже мой!... Тоска, вездѣ тоска!  
И вѣть мнѣ тоской весны дыханье;  
И словно мнѣ и небо подаетъ  
Одинъ отвѣтъ: не слышитъ онъ призванья!»

Какъ это поэтически истинно!

«Злой червь, тоска, вокругъ сердца обвилася,  
Какъ этотъ змѣй вокругъ тѣла Лаокона;  
И будто міръ на сердце тяготѣетъ,  
И вѣчно день свиданья не взойдетъ.

(Задумывается. Слышитъ шумъ.)

Но... шумъ!... Идутъ!... Во снѣ ли я?... Гдѣ я?  
Шаги его!... Мой Джакомо!

Вникните въ это: какъ чутко любящее сердце! После такой  
долгой разлуки она узнаетъ шаги милаго ей челоуѣка. Сцена  
свиданія. Джакомо быстро входитъ и бросается въ объятія жены.

«... Изора!

Изора. О!... Ты ли здѣсь?...

Джакомо. Не спрашивай, прійди

На грудь мою... Дай впить твое дыханье,  
Свѣжи, свѣжи страдальческую грудь.  
Дай слиться мнѣ съ твоимъ существованьемъ,  
Къ тебѣ, къ тебѣ, на сердце отдохнуть!  
Прійди, блесни мнѣ ясными очами;  
Серебряный св ѣй голосъ слышать дай,  
Прижмись, прижмись къ устамъ моимъ устами  
И юность мнѣ души своей вдылай

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

О, милый другъ, изгнанье, муки, лѣта,  
Изгладить все должна минута эта.  
Прійди, мой другъ, и чудомъ возбуди  
Тѣхъ давнихъ лѣтъ мечты, воспоминанья,  
Коснись моей измученной груди  
И вспыхнетъ въ ней твое существованье.

Изора. О, говори, Джакомо, говори.

Не вѣрится, еще ль мы въ міръ этомъ?...  
Другъ! въ очи мнѣ съ любовію смотри.  
Все блещетъ мнѣ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ.  
Ты, точно ль ты? Со мною, навѣкъ мой?  
О, говори, мнѣ нуженъ голосъ твой.

Джакомо. Но сердца намъ не скажетъ ли бѣенье,  
Но жаръ ланить, вся буря бытія,  
Но думъ, и чувствъ, и страсти упоенье  
Не скажутъ ли: съ тобою вмѣстѣ я?

Изора. Джакомо мой!... Но вотъ тв ѣ сынъ.

Джакомо. Мой Боже! А я не зналъ...  
(Обнимаетъ ребенка.)

Изора. Не правда ль, съ нами ты  
Останешься?

Джакомо. Остаться!... Мнѣ... у васъ!...  
Ты видѣлась съ отцомъ моимъ, съ родною?  
Что?... добрая, по мнѣ т скажетъ мать?  
А взоръ отца, какъ море подъ грозюю,  
Гдѣ Богъ одинъ провидитъ глубину?  
Остаться здѣсь!... О, если бы съ тобою  
Дитя, родныхъ, отечество увлечь  
Туда, туда гдѣ нѣтъ людей, ... далеко.  
Гдѣ Бога намъ одно бѣ ясное око!

Изора. Мечтатель мой!... Когда со мною ты,  
Венеція мнѣ кажется прекрасной;  
Какъ будетъ сладко намъ средь темноты  
Внимать гребца октавъ сладкогласной!  
Плывемъ съ тобой по зеркальнымъ зыбямъ,  
Когда на нихъ закатъ пылаетъ алый,  
И г родъ весь — любви намъ дивный храмъ,  
Гдѣ къ счастью дорогами каналы.

Джакомо, содрогаясь. Подъ ними что?... Забыла ты? Порой  
И въ пѣснь гребца врывался стонъ глухой.  
Не знаешь, тамъ въ глуби земли, зарыты  
Останки жертвъ, что, міромъ всемъ забыты.

(Какъ бы опомнлась.)

Оставимъ ихъ... О, если бы съ тобой  
Мнѣ смерть теперь послало Провидѣнье;  
Изъ горестной обители земной  
Умчала бы насъ въ этомъ упоеньи!  
(Преклоняется къ ней. Бьютъ часы: Джакомо содрогается.)  
Что это бьютъ?...

Изора, взглядывая на часы. Седьмого полчаса.

Джакомо. О, Боже мой... Сбери мнѣ въ часъ этомъ  
Любовь, и жизнь, и міръ, и небеса:  
Быть-можетъ, часъ одинъ намъ выданъ свѣтъ мѣ.  
Прижмись, прижмись устами мнѣ къ устамъ,  
Чтобъ небу могъ я верить, умирая.

Изора. Я жить хочу, я жить хочу съ тобою.  
Кому и жить, когда не намъ? Кгѣ насъ  
Счастливые, пусть выступить и скажетъ.  
Съ тобой иду я съ поднятымъ челомъ;  
Мнѣ свѣтель міръ любви моей вѣнцомъ.  
Мнѣ жизнь мила, мнѣ люди всѣ какъ братья,  
Вездѣ, гдѣ Богъ насъ жить благословилъ.  
(Преклоняется къ нему.)  
Но что жъ твои не пламенны объятія?  
Иль ты меня въ чужбинѣ разлюбилъ?

Джакомо. Забыла ты? Рукой я не владѣю:  
Слѣдъ пытокъ тѣхъ

ИЗОРА Да, Богъ мой! Вотъ они,  
 Тѣ знаки мукъ... Ты долго, другъ мой милый,  
 Къ своей груди подруги не прижмешь.  
 Но я, но я! . . . горящими руками  
 Тебя какъ жизнь, какъ небо обойму.  
 Съ болѣзненнымъ твоимъ сольюсь существованьемъ;  
 Съ тобой во все концы вселенной понесусь.  
 Тебѣ обручена я вновь твоимъ страданьемъ,  
 И всемъ твоей судьбы условьямъ покорюсь.

ДЖАКОМО. О, милый другъ! . . . Но день бѣжить. Кто знаетъ,  
 Что насъ еще въ грядущемъ ожидаетъ?  
 Быть-можетъ, намъ блаженства на земли  
 Послѣднія мгновенья протекла.  
 Завтра вновь день пышный заиграетъ;  
 Но если онъ найдетъ тебя одну,  
 И если насъ могилы въ глубину  
 Бѣгущее мгновенье увлекаетъ? . . .

День ясный гаснетъ, мигъ бѣжить.  
 Мнѣ мнится въ бездну насъ онъ мчить,  
 И словно насъ могилы мгла  
 Хвостомъ зминымъ обвила.  
 Представь, мой другъ, что древній врагъ  
 Въ незримыхъ спуталъ насъ сѣтяхъ.  
 Я вижу здѣсь, изъ-за колоннъ,  
 Растетъ, выглядываетъ онъ.  
 Вотъ, онъ сейчасъ на насъ слетитъ  
 И огъ тебя меня умчитъ.

Приди жъ, о, другъ! . . . Горящими устами  
 Къ устамъ моимъ плавающимъ прижмись  
 И съ взоромъ этимъ, съ ясными очами  
 Какъ ангель ты въ груди моей вмѣстись.  
 Быть-можетъ, вновь обрушится страданье:  
 Мня отъ злыхъ блаженствомъ огради.  
 Дай небо все вдохнуть въ твою лобзаны,  
 Какъ жизнь, какъ рай, на грудь мою приди.»

Нужны ли какія похвалы этой превосходной, пламенной сценѣ? Можно ли кому-нибудь на свѣтѣ не чувствовать ея красоту? Какая жаркая, пылая радость свиданія; какое естественное напоминаніе Джакомова положенія; какая отрава ожиданія конца его блаженству; какая быстрая переменна во взглядѣ Изоры на міръ при возвращеніи милаго, какая естественность въ замѣчаніи ея: «Иль ты меня въ чужбинѣ разлюбилъ!» Какое вѣжное соболѣзнованіе, какой бурный приливъ самоотверженія, какое искусное, какъ бы невольное, приговореніе ея къ страшной минутѣ! Какое мощное сосредоточеніе страсти передъ послѣднимъ мгновениемъ! И послѣ этого, вдругъ, изъ-за колонны выступаетъ, вмѣсто дьявола, Лореданъ, въ маскѣ; во всехъ дверяхъ показываются сбирры инквизиціи.

Лореданъ (къ Джакомо). Насъ ждуть, сеньоръ!

Джакомо. Минуту!

Изора. Боже, Боже!

Онъ въ ихъ рукахъ! . . . Погибли мы!

ДЖАКОМО (увлекаемый Лореданомъ). Прости!  
 (Изора падаетъ въ кресла простирая къ нему объятія.)

Холодъ и, трепеть пробѣгаетъ по жиламъ при этой сценѣ. Какъ трогательно это «прости!» Только «прости!»

Видите, какъ незапутанно, какъ ясно это дѣйствіе, которое тутъ кончается. Описаны чувства изгнанника при возвращеніи на родину, жены его въ разлукѣ съ нимъ, восторгъ свиданія. Характеры даны: чувства матери, изгнанника и отца намѣкнуты въ разговоръ его съ женой. Выводить эти лица на сцену было бы лишнее, вредно для силы дѣйствія: сильнѣе свиданія двухъ любящихъ сердець нельзя ничего написать. Видите, какая бережливость въ дѣйствіи: только пять выходовъ; за краткостью двухъ, ихъ можно считать даже за три. Родители изгнанника выводятся уже во второмъ дѣйствіи, гдѣ начинается вопросъ о рѣшеніи судьбы несчастнаго. Тамъ выводится также дружба.

Комната во дворцѣ дожа. На сценѣ являются дожъ, жена его и другъ изгнанника, графъ Риччіо. Риччіо, вельможа герцога миланскаго, старается отвратить отъ несчастнаго новую бѣду угрозой, что за него вступится его государь. Дождь холодно отвѣчаетъ, что герцогъ только ускоритъ казнь его сына. Послѣ этого Риччіо пытается оправдать самыя намѣренія своего друга, представляя, что, по тайному извѣстію, онъ именно съ тѣмъ писалъ къ женѣ перехваченное письмо, чтобы оно попало въ руки его гонителей: что ему сносили казалась смерть на родинѣ, чѣмъ жизнь на чужбинѣ, лишь бы свидѣться съ женой, съ отцомъ, съ матерью. Жена дожа, Марина, тронутая его участіемъ, благодаритъ его:

«Графъ Риччіо! Вы добрый человекъ.  
 Благослови васъ Богъ за рѣчи ваши.  
 Вы матери поймете скорбь; за васъ  
 Я Господа молить должна.»

Риччіо. Сеньора!

Я также сынъ и мужъ.»

Какъ просто и достойно! Тутъ онъ, говоря, что много разъ встрѣчался съ ея сыномъ въ изгнаніи, описываетъ его тоску на чужой сторонѣ, его безпредѣльную любовь къ родинѣ, которая и его заставляла сильнѣе любить свою.

«И правда ли? Онъ схваченъ, онъ сокрытъ,  
 И вѣкъ его мой взоръ не повстрѣчаетъ!  
 Подъ нами, тамъ, закинуть онъ, зарытъ,  
 Гдѣ солнце сводъ темницы раскаляетъ!»

Марина

О, Боже мой! . . . Я солнце бѣ сорвала  
 Съ небесъ Твоихъ! Оно ужаснымъ служитъ . . .  
 Велать они, какъ злымъ палачамъ,  
 Томить, пытать . . . и солнечнымъ лучамъ!

Допустишь ли твореньямъ всѣмъ твоимъ  
Орудьемъ мукъ явиться злобнымъ симъ?  
Иль все, что въ даръ землѣ твоей дано,  
Мучителямъ служить обречено?»

Вотъ голосъ матери! Опасливый Дождь хочетъ ее остановить:

«Мой другъ, жена!...

МАРИНА. Мнѣ дѣла нѣтъ: пусть знаютъ!  
Пусть знаютъ всѣ, какъ ненавижу ихъ.  
Чѣмъ душу мнѣ сильнѣе растерзають!

ФРАНЧЕСКО Фоскари. Но если сынъ за вольность словъ твоихъ  
Поплатится.

(Марина содрогается и молчитъ.)

Какъ это хорошо! За себя она не боится, но за сына трепещетъ.  
Дождь обращается къ графу Риччіо:

«Сеньоръ, за дружбу вашу  
Благодаримъ. За сына бѣ отдалъ я  
Послѣднѣя печальной жизни лѣта;  
Но я стою предъ небомъ и землей  
Блюстителемъ отечества законовъ.

РИЧЧИО. И будете вы сына судіей?

ФРАНЧЕСКО. Я долженъ быть хотя бѣ изъ засѣданья  
Снесли мѣня безъ силъ, безъ языка.»

Вотъ гдѣ мы слышимъ рѣчь отца и государя.

«РИЧЧИО. Но если бы совѣтъ въ своемъ собраньи  
Несчастнаго оправдывалъ, — и вы  
Осудите?»

ФРАНЧЕСКО. Отецъ ли вы?»

Въ этой фразѣ, можетъ-быть слишкомъ сжатой, чувства отца наконецъ перевѣшиваютъ чувства владыки народнаго. Графъ Риччіо говоритъ: «довольно!» — Но, замѣчаетъ Дождь, знаете ли вы Венецію? — Тотъ отвѣчаетъ:

«Я только знаю,  
Что гибнетъ онъ: теперь пора ли думать?  
Спаси его, ... спаси, во что бѣ ни стало:  
Хоть бѣ все то мнѣ грѣмѣ въ сердце пало,  
Что въ грудь его направлено судьбой.  
И васъ молю, располагайте мной.  
Кому нести вражды иль мира слова?  
Кажите путь; иду на все готовый»

Вотъ дружба! Но подозрительный Дождь отклоняетъ его услуги, говоря, что «намъ всѣмъ охраною законъ.» Онъ и ему не доверяетъ. Риччіо отвѣчаетъ ему съ укоромъ:

«Мнѣ вѣрится могли бы вы... Простите.  
Отважуся на все для друга я,  
На все рѣшусь:

МАРИНА (вслѣдъ ему). О, будьте осторожны.»

Дождь, оставшись съ женой наединѣ, выговариваетъ ей:  
«Себя въ рѣчахъ остереги:  
Что, если онъ одинъ изъ потаенныхъ  
Лазутчиковъ судей незримыхъ?»

МАРИНА. Нѣтъ:  
Скорѣ демонъ въ небѣ уживется,  
Чѣмъ въ немъ измѣна.

ФРАНЧЕСКО. Хорошо, я вѣрю.  
Но кто мнѣ въ скромности его порукой?

МАРИНА. Но гибнетъ сынъ: намъ дороги мгновенья.»

Тутъ она уговариваетъ мужа спасти сына; говоритъ, что не вынесетъ его страданій, и дѣйствуетъ на непреклоннаго любовью супружеской:

«Пусть слабымъ ты найдешь его; но я ли  
Передъ тобой виновна въ чемъ была?  
Не я ль тебѣ жизнь, душу предала?  
Допустишь ли, чтобъ въ немъ меня терзали?  
Спаси, спаси.

ФРАНЧЕСКО. Такъ выслушай. Всѣ муки  
Не вырвали бѣ изъ груди тайны той.  
Я сдѣлалъ все, что могъ: я Лоредану,  
Для брата, дочь въ супруги предложилъ.  
Да; къ злѣйшему, заклятому врагу  
Я первый, я шагъ сдѣлалъ къ примиренью.

МАРИНА. Что жъ онъ сказалъ?

ФРАНЧЕСКО. Отвѣта жду.

МАРИНА. Едва ли  
Тутъ быть добру: что можетъ Лореданъ?»

Франческо Фоскари объясняетъ, что Лореданъ сильнѣе всѣхъ можетъ противъ него дѣйствовать, будучи могучъ связями и высокимъ родомъ, и на вопросъ жены, сообщаетъ ей о причинѣ его ненависти, излагая догадки свои, что тотъ мѣтитъ сорвать съ нею вѣнецъ.

«Но если бы отрехшись отъ короны  
Ты сына спасъ?»

Франческо. Какъ! развѣнчать меня!

Дать надо-мной врагу торжествовать?

Марина. Но сынъ нашъ, сынъ!...

Франческо. А родина?... Иль ею  
Не избранъ я?... Не мнѣ ль судьбой она,  
Какъ кормчому ладья, поручена?»

Марина замѣчаетъ, что онъ высоко стоитъ, однако жъ не самостоятеленъ, и тоже долженъ опасаться за себя и своихъ. Дождь говоритъ о тайномъ судилищѣ, возражаетъ:

«Имъ власть, по слава мнѣ!  
Имъ бичъ, казнить, но мнѣ счастливить право!  
И что жъ?... скажу ль?... Охраной намъ они.  
Мы мукъ орудьями ограждены!»

И, довольно уже преклоненный, онъ заключаетъ:

«Но ждутъ меня на пиршествѣ народномъ:  
Пора, иду. Тамъ будетъ Лореданъ:  
Увижу я, война иль миръ межъ нами;  
Отвергнуть имъ союзъ м'я или нѣтъ.  
Надѣйся, другъ; повѣрь мнѣ; если онъ  
Пойдетъ на миръ, страдалецъ нашъ спасенъ.»

Марина. Благослови васъ Богъ на миръ!

Франческо. Прости.»

Интересъ возбужденъ: судьба изгнанника на всахъ

Сцена народнаго праздника: живая картина Венеціи, венеціанскихъ нравовъ. Риччіо тутъ, въ толпѣ; онъ старается пріобрѣсть приверженцевъ дѣлу его друга между партиями. Но всѣ почти отказываются; кто ссылается на Лоредана, кто на законъ. Риччіо заговариваетъ съ самимъ Лореданомъ, тотъ отклоняетъ разговоръ, извиняясь опасностью со стороны шпіоновъ, и приглашаетъ его для объясненія къ себѣ. Импровизаторъ прославляетъ съ Венеціей Дожа: тотъ, боясь зависти Лоредана, говоритъ, что онъ всѣмъ готовъ бы дѣлиться съ нимъ. Лореданъ сухо отвѣчаетъ ему:

«И тѣмъ  
Доволенъ я, что мнѣ дано судьбою,  
Свѣтлѣйшій дождь. Мѣняться поздно намъ.»

Этотъ необыкновенно короткій развѣтъ словъ, введенный такъ искусно, быстро подвинулъ дѣйствіе. надежда на главнѣйшую пружину погибла. Замѣьте, какъ живо пролетѣло второе дѣйствіе! Начинается третье, гдѣ пытаются что нибудь произвестъ дружба и окончательно рѣшается участь страдальца въ совѣтъ «Десяти», а потомъ и въ душѣ отца его.

Лореданъ у себя одинъ сидитъ у стола и разсматриваетъ счетныя книги.

«Уплачено... И это... Конченъ счетъ;  
И вновь морямъ доверю я стяжанье.  
И, можетъ-быть, торговый оборотъ  
Въ грядущій годъ удвоитъ достоянье...  
Но въ мѣрѣ семь должникъ мнѣ давній есть,  
Съ кѣмъ можетъ насъ одна погибель счесть.»

Этотъ должникъ — дождь.

«Меня онъ миромъ думалъ закупить!  
Отцовъ своихъ я кровью не торгую.  
Свою простить (биду могъ бы я)  
Но мстить за *нихъ* велитъ мнѣ честь моя.  
... Расплатишься! Ты мнѣ любовь къ отчизнѣ,  
Свѣтъ дня своимъ дыханьемъ отравилъ.  
И неба сводъ отъ глазъ моихъ закрылъ;  
Обязанностью, долгомъ сдѣлалъ мщенье;  
Обрекъ меня къ удѣлу палача,  
Ты вдругъ вонзиль мнѣ ненависти жало,  
Что медленно въ немъ чувство возжигало...  
И къ цѣли зла мнѣ сердце приковалъ.  
Узнаешь ты въ конечный часъ мученья,  
Какъ тяжело жить безъ мира и спасенья!»

Тутъ онъ переходитъ къ Риччіо: «А зачѣмъ онъ искалъ меня? Что, если онъ стремится разстроить мои замыслы? Тогда, его надо задержать.» Гостепріимство подняло-было свой голосъ, но онъ скоро заставляетъ его молчать:

«Но если долгъ предписываетъ мой?  
Отчизны мы должны хранить основы.»

Онъ даетъ своимъ замысламъ видъ пользы общественной, и говоритъ призваннымъ сбиррамъ:

Вы, сбирры!... Если къ вамъ кто выйдетъ въ эту дверь,  
Его въ *свинцовыя* отправить въ то жъ мгновенье.»

И тѣ, по знаку его, удаляются. Является Риччіо одушевленный любовью къ правдѣ, противъ воли оскорбляетъ Лоредана, понося враговъ Джакома Фоскари. Проситъ его голоса въ пользу несчастнаго: тотъ отвѣчаетъ:

«Мнѣ законъ  
Укажетъ путь, и вѣрный.»

И приступаетъ къ задержанію Риччіо:

«Но совѣта  
У васъ прошу: вы много изучили.  
Позволено ль властителю, порой  
Сдержатъ того, кто чуждую заразу  
Занестъ бы могъ въ здоровый край съ собой?»

Риччио. Я думаю.

Лореданъ. Припомните жъ... (*Видя, что Риччио встаетъ.*) Куда вы?

Риччио. Да время мнѣ. Вамъ друга поручаю.  
Не правда ли, вашъ голъ съ за него?

Лореданъ. Повѣрьте, графъ, мнѣ дѣло сына дожа  
Не чуждое: своимъ я чту его.»

Какъ адски-тонко!

«Риччио. Простите-жъ...

Лореданъ (*показывая на двери, откуда появлялись сбирры*). Вамъ сюда  
прямѣе путь.

(*Графъ Риччио выходитъ въ двери, указанныя Лореданомъ. Слышенъ шумъ, стукъ  
оружій; потомъ все стихаетъ.*)

Противится!... Онъ схваченъ... Время было  
Мечтателя порывъ остановить.  
Такую могъ онъ искру заронить,  
Что пламя весь бы городъ охватило.  
Теперь врагу опоры этой нѣтъ...  
Но ждутъ меня таинственныхъ въ совѣтъ.»

Сцена инквизиціоннаго судилища. Послѣ нѣкоторыхъ, не совсемъ  
умѣстныхъ сужденій, въ которыхъ обнаруженъ духъ инквизиціи,  
члены ея приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣла дожева сына. Одинъ  
старается оправдать его, но Лореданъ, въ маскѣ какъ всѣ, представляетъ,  
что онъ опасенъ для республики. Послѣ нѣкоторыхъ слабыхъ воз-  
раженій, его присуждаютъ къ вторичному изгнанію, подвергнувъ  
сперва пытку. Это рѣшеніе остается только утвердить сенату и под-  
писать Дожу, дожъ одинъ. Чувства отца борются въ немъ съ дол-  
гомъ вѣнценосца, съ любовью къ отечеству и, главное съ эгоиз-  
момъ.

«Мой сынъ!... мой бѣдный сынъ?  
Такъ!... завтра приговоръ надъ нимъ произнесутъ  
Въ торжественномъ совѣтѣ засѣданьи!  
И мнѣ подписывать рѣшеніе поднесутъ!  
О Боже!... мнѣ! Да легче бѣ жилы  
Вытягивать вѣли вмѣстѣ намъ!  
Не слышитъ ли кто?... нѣтъ.... Страданья человека  
Во мнѣ могли бѣ порадовать враговъ:  
Я долженъ рѣчь въ уста, негодованье въ око  
Желѣзной волею втѣснить;  
Я долженъ ихъ суду внимать съ челомъ высокимъ  
И предъ злодѣями себя не посрамить.  
Но тяжело мнѣ!... вѣкъ цѣлый для кого же  
Наслѣдье славы я съ такимъ трудомъ сбиралъ?  
И Богъ мнѣ сына далъ, и что жъ?... На смертномъ ложѣ  
Рука насмѣшника закроетъ очи мнѣ!»

Спасти, спасти... ж. стокаго рѣшенья  
Я подписью мою не скрѣплю!  
Его пытать и я еще стерплю!  
Кто могъ сказать? кто смѣлъ подумать это?  
На что жъ вѣнецъ!... вѣнецъ!... А!... что я? гдѣ я? Законъ,  
Забывъ себя хранить я обреченъ!  
Хранить закнъ и власть, я знаю: Лоредана  
Желанье тайное сорвать съ меня вѣнецъ!  
Но мнѣ ль стерпѣть!... что жизнь безъ права  
Беречь, счастливить свой народъ?  
И я ль, безумствуя, когда-то санъ священный  
Какъ обѣтшалаю одежду отвергалъ?  
О! будь вѣнецъ змѣей, и въ этотъ черепъ жало  
Вонзи!... не сброшу!... нѣтъ!  
Но сынъ иль власть?... Что я? Венеція! предъ нею  
Умолкни сердца стонъ: гдѣ долгъ.... благоговѣю!  
Но дѣлъ мнѣ!... больше дѣлъ!  
Быть-можетъ бѣдныхъ голосъ,  
Вотъ этотъ, что въ груди бушуетъ, заглушить!»

Лишь-только онъ рѣшилъ, къ нему прибѣгаетъ Изора и умоляетъ  
его спасти ея мужа. Тотъ отклоняетъ ее отрывистыми фразами: она  
выходитъ изъ себя и ѣдко укоряетъ его въ жестокосердіи.

«А!... Вижу я, опасно:  
Возставъ за сына, ты бѣ вѣнецъ утратить могъ!  
Хорошъ вѣнецъ, когда въ желѣзахъ сынъ!  
Или дворець п кинуть жаль?  
Да!... Онъ воздвигнуть надъ тюрьмою,  
Гдѣ твой единственный томится въ мукахъ сынъ!»

Какая убійственная, горькая насмѣшка! Потомъ Изора, опомнившись,  
говорить:

«Прости!... Прости! О, я безумная. Да, ты  
Спасешь его. Не правда ль? Ты пойдешь,  
Ты на гонителей возстанешь.  
Онъ страдать: для него ты чѣмъ подорожишь?  
Я по себѣ сужу.»

Этотъ переходъ изъ одной крайности въ другую совершенно  
естественъ въ безсильномъ отчаяніи. Франческо Фоскари, боясь  
измѣнить себѣ, поспѣшно уходитъ, не давъ ей утѣшительнаго отвѣта;  
только проситъ беречь себя для дѣтей. Она восклицаетъ:

«Бѣжать!  
Да, всѣ бѣгутъ меня!... Спаси, спаси, о Боже!»

Этотъ стихъ вылился прямо изъ женскаго сердца. Несчастная безъ  
силъ падаетъ въ кресла.

Четвертое дѣйствіе открывается сцѣкой сената. Тамъ, послѣ нѣко-  
торыхъ замѣчаній, сенаторы, услышавъ рѣшеніе совѣта «Десяти»,  
подтверждаютъ его большинствомъ. Лореданъ торжествуетъ; послѣд-  
нее нападеніе на мужество дожа. Но его не поколебало торже-  
ство врага: онъ, не проронивъ ни одного слова, подписалъ приговоръ

и отдать одному изъ старшихъ совѣтниковъ, который передать его тотчасъ начальнику сборовъ для исполненія.

Ночь. Изора одна, по полученіи страшнаго извѣстія, въ душѣ переноситъ всѣ пытки и мученія, которымъ подверженъ милый сердцу: она слышитъ, чувствуетъ, какъ его терзаютъ, и вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ. Чувства превосходныя. Приходитъ сенаторъ. Изора встаетъ, спрашиваетъ, опять терзается, обвиняетъ себя, потому что и она причиною возврата Джакомо на родину: онъ пришелъ за тѣмъ чтобы повидаться съ нею. Опять прекрасныя и истинно женскія чувства. Потомъ является Лореданъ. Изора быстро встаетъ и говоритъ ему, чтобы онъ не подходилъ къ ней. Тотъ притворяется изумленнымъ; говоритъ, что на это была воля дожа. Она проклинаетъ Венецію, а больше всего Лоредана. Тотъ этому смѣется; говоритъ, что онъ не воюетъ съ женщинами. Она еще сильнѣе разгорячается: говоритъ, что еслибы такія страданія, какія она перенесла, достались его женѣ?

«Не посядешь ли бѣ волосъ твой,  
Когда бы въ сердце ей тотъ судорожный трепетъ,  
Что здѣсь по жиламъ пробѣгалъ!...  
Но нѣтъ, ты быть любимъ не можешь:  
И самый адъ любви не для тебя.»

Какая сила мысли и выраженія!

Послѣ допроса, Джакома приводятъ во дворецъ проститься съ отцомъ. мать захворала отъ тяжкаго удара. Является Джакомо, слабый, поддерживаемый нѣжною женой. Тутъ страдальческая любовь его ко всему родному сіяетъ во всемъ блескѣ. Она такъ небесна, такъ восторженна, что удивляешься, какъ идеальное можетъ быть такъ трогательно. Отечество было съ нимъ такъ жестоко, и онъ не клянетъ его, напротивъ, благословляетъ, какъ покорный сынъ цѣлуетъ наказавшую его руку. Сцена сильная, трогательная, которая доказываетъ, что сочинительница мастерски владѣетъ струнами сердца. Джакомо старается отвлечь вниманіе жены отъ своего печальнаго положенія:

«Полно; все прошло.  
Я вновь живу, и вновь мнѣ днѣ сіянье.  
Что на руки ты смотришь?... Не смотри.  
Я вновь съ тобой! Но гдѣ отецъ, родная,  
Гдѣ дѣти?»

«Не смотри!» Сколько тутъ ужасной правды, сколько сказано однимъ этимъ словомъ! На вопросъ о дѣтяхъ Изора отвѣчаетъ:

«Они со мною;  
А мать тебѣ благословенье шлетъ:  
Не можетъ встать. Съ дѣтьми жъ на брегъ моря  
Простимся мы.»

Джакомо. И ты?

Изора. Съ тобою всюду.  
Готова я.

Джакомо. Какъ! Въ островъ заключенныхъ,  
Гдѣ, кажется, и воздухъ самый — рабъ!  
Ты въ Кандію!... мой вѣрный другъ!... изгнанье  
Снесешь ли ты?

Изора. О!... если бѣ взять дѣтей,  
Всѣ лучше мнѣ, чѣмъ мрачный этотъ городъ,  
Воздвигнутый на трупахъ....

Джакомо. Не хули.  
Гдѣ есть страна прекраснѣе въ созданьи?  
Иль воздухъ здѣсь всѣ язвы не цѣлитъ?  
... Бывала ль ты въ чужбинѣ отдаленной?  
Средь чуждыхъ скалъ въ тоскѣ металась ты?...

Изора. Иль въ чуждыхъ небесахъ  
Нѣтъ солнца намъ?

Джакомо. Спроси у тѣхъ, чей прахъ  
Лежитъ засыпанный въ чужихъ пескахъ....

Изора. Но буду я съ тобой.  
Но тамъ, гдѣ ты, не весь ли рай земной?  
О!... только бѣ насъ съ тобой не разлучали.

Джакомо. О, милый другъ!... внѣ родины любовь  
Какъ ангелъ внѣ отеческаго неба.»

Выходитъ дождь.

«Мой сынъ!... мой сынъ!

(Джакомо Фоскари, преклоняется передъ нимъ.)

«Родитель!

О, дай взглянуть... Какъ измѣнился ты!  
Но менѣе чѣмъ сынъ твой. Да, печали  
Давно ужъ мнѣ весь образъ старца дали.  
Ты видишь, хлѣбъ чужбины не тучнилъ  
Костей моихъ. Ты видишь, въ эти лета  
Мнѣ чуждый вѣтръ чело избородилъ.»

Мысли сильныя, поэгическія, хотя выражены и не довольно гладко.

А здѣсь, а здѣсь!... Мгновеніе свиданья  
Цѣною я несслыханной купилъ.  
И правда ль? Вновь мнѣ вѣчное изгнанье!  
И стерпишь ты!

Франческо. Отечества законы  
Я долженъ чтить.

Джакомо. О!... Дай надежду мнѣ,  
Хоть смерти въ часъ, въ послѣднее мгновенье  
Увидѣть вновь тебя и край родной.  
Отецъ!... отецъ! истерзанныя руки  
Съ молениями къ тебѣ подѣмлю я.»

Какая сила, трогательность!

«Надежду дай!... Звѣздою путеводной  
Да будетъ мнѣ въ изгнаніи она;  
Да буду знать, настанетъ день желанный,  
На родину я быстро возвращусь.  
И воздухомъ я этимъ надышусь.  
И чудный край, что съ дѣтства мнѣ знакомъ,  
Вновь будетъ мнѣ какъ отчий, свѣтлый домъ.  
Какъ тѣжкій сонъ, забуду край чужой  
И кости я сложу въ землѣ родной.  
Отъцъ, отецъ!... О, ты мнѣ не откажешь.  
Не правда ли?»

Тотъ говоритъ, что не можетъ:

«Кому же, какъ не намъ, давать примѣръ  
«Покорности законамъ?»»

Джакомо. Такъ на вѣкъ?... Мой Боже!  
Отецъ, отецъ!... О, дай тюрьму, могилу,  
Но только здѣсь, въ Венеціи.

Франческо. Огу ли?»...

Тутъ дожево упорство пробуждаетъ гордость Изоры, и она, обращаясь къ мужу, говоритъ:

«Еще ль молить ты станешь?»

Въ это время объявляютъ, что судно готово къ отплытію.

«Джакомо. Прости, мой край родной.  
Порадуйтесь небесъ родныхъ сіяньемъ  
Вы, очи; вамъ ихъ болѣе не видать.  
Симъ воздухомъ, морей монхъ дыханьемъ  
Въ послѣдній разъ мнѣ сердце ослаждать.  
И родины я не увижу болѣе!  
Нѣтъ!... никогда!»

Изора, къ дожу. Прости!... дѣтей  
Не дай въ обиду недругамъ его.  
Прости на вѣкъ.

Франческо. О, дочь мол, ты съ нимъ!  
Ты счастлива. Храни васъ Богъ!

Джакомо. Родитель!  
Благослови надъ этой головой.  
Моли, моли, чтобъ первою волной  
Мой трупъ къ пескамъ Венеціи прибило.»

Какое трогательное, поэтическое, послѣднее выраженіе любви къ родинѣ! Этимъ заключается четвертый актъ.

Въ первомъ явленіи пятого акта, гдѣ мы видимъ нѣсколько сенаторовъ и Лоредана, открывается состояніе души дожа. Онъ, съ отъѣзда сына, живетъ отшельникомъ въ своемъ дворцѣ. Дѣла не идутъ. Его убило горе. Совѣтъ «Десяти» положилъ отставить его. Ему объявляютъ это рѣшеніе, онъ не соглашается добровольно оставить престолъ. Черезъ нѣсколько времени ему возвыщаютъ волю всего народнаго собранія, и онъ уступаетъ. Онъ въ частномъ своемъ домѣ, упавшій духомъ. Жена утѣшаетъ его, и указывая на дѣтей, говоритъ:

... «Но вотъ растутъ  
Отмстители: за все заплатятъ.»

Тутъ его любовь къ спокойствію отчизны пробуждается съ новой силой, онъ говоритъ:

«Вамъ всѣмъ я завѣщаю  
Не мстите врагу; изъ рода въ родъ обиды  
Какъ памятникъ наслѣдный, не сдавать.  
Довольно мы отъ мести пострадали.  
Вы слышали, друзья? Благословенъ  
Вамъ иначе не будетъ моего.»

Какъ высоко и неожиданно!

«Дѣти.

Исполнимъ мы. Но словно завѣщанье  
Въ часъ смертный ты высказываешь намъ!  
Иль жить для насъ не хочешь ты?»

Но это слово о жизни напомнило ему его старость и поношеніе, и онъ съ растерзаннымъ сердцемъ говоритъ:

«Мнѣ жизни

Еще желать?... О, долго жить бѣда:  
За долгій вѣкъ я гнѣвъ несу отчизны;  
Проклятіемъ мнѣ давнѣе годъ.  
И вы, и вы... Дождатся ль, чтобъ отсталымъ  
Казался вамъ и умъ мой и языкъ?  
Чтобъ вы, соскучившись сужденьемъ запоздалымъ,  
Промолвили: онъ выжилъ, старикъ;  
Чтобъ виявъ порой совѣту съ небреженьемъ,  
Тинкомъ моей смѣялись съдницъ,  
И то счли бѣ утраченнымъ мгновенье,  
Которымъ вы пожертвовали мнѣ!»

Какъ горько! Какаѣ глубина!

Наконецъ, надъ Франческомъ Фоскари раздражается послѣдній ударъ. Въ Венеціи празднество. Онъ спрашиваетъ у Лоредана, принесшаго ему, вмѣстѣ съ другими сенаторами, его пенсію, что за причина этого веселья. Вдругъ раздается звонъ колокола и Лореданъ говоритъ, что избранъ другой дожъ. Фоскари не выноситъ поруганія, что ему назначили преемника при его жизни, и умираетъ. Въ послѣднюю минуту зрѣніе его помутилось; онъ говоритъ:

«Кто здѣсь со мной  
Въ мой смертный часъ?»

(Быстро взглянувъ на Лоредана.)

А! Ты мнѣ вмѣсто сына!»

Изъ этого легкаго обозрѣнія можно видѣть, какъ хорошо прекрасная сочинительница выполнила главнѣйшую свою мысль — изобразить въ подвижной картинѣ важнѣйшія высокія побужденія сердца: это не статистика, такъ-сказать, этихъ побужденій, а исторія, драма. Вездѣ движеніе, жизнь; надежды, планы, дѣйствіе, успѣхи съ одной стороны, паденія съ другой. Интересъ поддержанъ вездѣ, то дѣйствіемъ вещественнымъ, наружнымъ, то внутреннимъ, — борьбою, стремленіемъ, приливомъ и отливомъ чувствъ, ихъ столкновеніемъ, ошибками, что, даже съ малымъ дѣйствіемъ, безъ сомнѣнія, важнѣе дѣйствія безъ живаго обнаруженія волненій и движеній душевныхъ, а мы встрѣчаемъ здѣсь и то и другое. Сцены идутъ одна за другой не мѣшая себѣ взаимно; дѣйствія, акты — тоже; характеры очерчены довольно полно, отчетливо, за исключеніемъ самаго главнаго лица, Франциска Фоскари, который намъ кажется весьма страннымъ, сбивчивымъ: онъ, то пламенный патріотъ и нѣжный отецъ, то страшный эгоистъ, честолюбецъ и властолюбецъ, который жертвуетъ всѣмъ своей личной выгодѣ, и мы, — да проститъ намъ прекрасная сочинительница, — не понимаемъ хорошенько, кого онъ обманываетъ, себя самого или всѣхъ окружающихъ. Ссылаемся на монологъ его передъ подписаніемъ приговора сыну. Что это такое? Что значать эти сильныя, полныя, глубокія чувства выраженія любви къ отечеству и народу, эти страданія, стоны растерзаннаго отцовскаго сердца, рядомъ съ самымъ жаднымъ себялюбіемъ? Пусть бы онъ обманывалъ другихъ, но какъ же онъ, разсуждая, хочетъ обмануть самъ себя? Пусть даже онъ обманываетъ и самого себя, но въ такомъ случаѣ Францискъ не можетъ такъ сильно и глубоко выражать тѣхъ чувствованій, насчетъ которыхъ онъ себя обманываетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ, передъ лицомъ читателя или зрителя — существо двусмысленное; онъ даже не эгоистъ, а довольно пошлый лицемеръ, который ни какъ не можетъ возбудить участія къ своей судьбѣ. И оттого пятый актъ производитъ впечатлѣніе слабое, почти ничтожное. Вотъ единственное укоризненное замѣчаніе, которое мы сдѣлали обозрѣвая эту драму, и которое вырвалось у насъ невольно. Но мы тотчасъ же останавливаемся, боясь зайти слишкомъ далеко. Мы пропустили также въ молчаніи не мало другихъ недостатковъ, впрочемъ

второстепенныхъ, единственно для того, чтобы они не помѣшали намъ ясно изложить ходъ мысли прекрасной сочинительницы и достоинства ея творенія: всѣмъ друзьямъ успѣховъ нашей словесности понятно желаніе поскорѣй раздѣлить сперва радость какой-нибудь пріятной находки, чѣмъ выставить на-показъ ея слабыя стороны: мы такъ еще бѣдны хорошимъ, особенно по этой трудной, драматической, части! И такъ не требуйте отъ насъ подробнаго указанія на недостатки. Сама сочинительница, вѣроятно, смотритъ на нихъ какъ на непослушныхъ дѣтей своей фантазіи, которыхъ она со-временемъ приберетъ къ рукамъ, выучитъ, вышколитъ, и тогда порадуетъ насъ новымъ прекраснымъ произведеніемъ, болѣе совершеннымъ, болѣе тщательно отдѣланнымъ.

При обозрѣніи второй пьесы, мы будемъ короче. Эту, кажется, можно назвать траги-комедіей, по мрачному характеру развязки и по шутливому тону, господствующему въ болѣе части пьесы. Идея ея — несогласіе ума, остываго, разочарованнаго, — примѣта не очень выгодная, — съ чувствомъ, чувствомъ теплымъ, восторженнымъ, поэтическимъ. Эти два двигателя, по естественному распорядку, вошли — первый въ мужскую голову, второй въ женскую грудь. Голову, конечно, хорошо бы было для этого взять у русскаго поэта (рода мужескаго), описывающаго «Разочарованіе», «Луну», «Могилу» и тому подобное; но, къ-несчастью, у героя траги-комедіи не было даже и «сновъ поэтическихъ»: такой былъ ужасный человекъ покойный лордъ Генри Мортимеръ; ну, просто, «человекъ безъ сердца». У лорда Генри Мортимера все-было пошло хорошо съ прекрасной мечтательницей, леди Валеріей, да попади между нихъ другъ лорда, сэръ Чарльзъ Гарри, — «ужъ эти мнѣ друзья, . . . друзья!» — да еще прежняя пріятельница высокороднаго, леди Луиза Деми: все и испортили. «О-охъ, а-ахъ, э-эхъ!»

Леди Валерія, урожденная Миранда, фея шотландскихъ горъ. . . Да, да, — фея; что вы такъ сомнительно улыбаетесь? Есть документы: въ прологѣ это ясно показано. Вы шутите: гдѣ бы ей набрать столько неземнаго, сколько она обнаружила въ себѣ въ продолженіи пьесы? Да. Такъ эта-то милая фея имѣла несчастіе влюбиться въ неспособнаго туриста, лорда Мортимера, котораго не плѣняетъ даже ни какаѣ слава, ни даже Гомерова, ни слава Александра Македонскаго, ни Катонова, ни Архимедова. А ужъ какъ, кажется, Англичане любятъ эти славы. Не хочетъ ихъ, да и только; и руками и ногами. А любезная, услужливая фея и тѣни тѣхъ великихъ мужей для него вызвала: выбирай, де-скалъ, голубчикъ, славу, какаѣ тебѣ понравится; тебѣ ее уступятъ съ уваженіемъ. И много другаго она ему предлагала изъ царствъ, и воздушнаго, и подземнаго, и подводнаго. . . Да что я говорю «изъ царства подводнаго»? . . . отдавала ему во власть весь съдой океанъ «съ огромной головой, увѣнчанной осокой». Другой бы Англичанинъ не далъ слова договорить, схватилъ бы обѣими руками: оно вѣдь, хоть Англичане и владѣютъ морями, а всё-таки не худо бы было взнуздать и самого старика «съ огромной головой, увѣнчанной осокой»; тогда ужъ онъ не смѣлъ бы проглотить у нихъ ни одного кораблика: изъ горла бы вырвалъ. Такъ и тѣ; гордость океанная: не хочетъ принять изъ рукъ женщины, да еще какъ даръ



волшебства. Толкуйте же съ человѣкомъ: не хочетъ одолжаться («женой»), да не хочетъ, чтобы она и могла его одолжать: хочетъ, чтобъ жена его была непременно слаба, слабѣе его. И бѣдная фея соглашается оставить для милаго всю власть свою, испросивъ на то сначала позволеніе у своей старшей, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не выходить замужъ раньше года, чтобъ не уронить, скорой переменной жизни, достоинства воздухо-жительницы, такъ какъ прежде («пути ея ложились по звѣздамъ»). При всемъ томъ бѣдняжка отреклась отъ безсмертія и согласилась принять «всю болѣзнь и трудъ земнаго бытія».

Вотъ содержаніе пролога. Мысль поэтическая, только она не довольно согласна съ положеніемъ, даже съ самымъ характеромъ являющагося въ немъ земнаго обитателя. Теперь она хороша только какъ объясненіе, оправданіе необыкновенно чистой, почти идеальной, природы Валеріи.

Начинается дѣйствительность. Генри хочетъ жениться на леди Веверлей; бракъ отложенъ вслѣдствіе какого-то завѣщанія матери, черезъ сколько времени ей будетъ позволено выйти. Генри объясняетъ своему другу Чарльзу, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать, чтобы держать ея сердце въ своей власти. Онъ говоритъ:

«О, средства намъ извѣстны:  
Холодностью въ ней чувства возбудить,  
И сердце ей томить недоумѣньемъ,  
И ревностью измучить, покорить,  
И властвовать души ея волненіемъ;  
Нежданымъ умъ глубоко поражать...  
Страданье ихъ художески прекрасно;  
Тѣмъ болѣе въ Валеріи.»

Эти средства, какъ вы видите, совершенно согласны съ характеромъ такого ужаснаго человѣка, каковъ лордъ Мортимеръ.

Тутъ Чарльзъ спрашиваетъ:

«Но что за мысль, скажи,  
Навѣючивать жену себѣ на шею?»

Тотъ отвѣчаетъ:

«Пожить хочу ея существованіемъ:  
Быть-можетъ, съ ней воскресну я душой;  
Привить къ себѣ всѣ юной жизни силы,  
Души ея въ пріютъ отдохнуть.  
Хотя бы разъ на этотъ міръ постылый  
Очами мнѣ Валеріи взглянуть!  
А если нѣтъ, тогда... Но будетъ время.»

То есть, какъ говорится, ему хочется чужой вѣкъ заѣсть, подобно некотораго рода паукамъ, которые впиваются въ спину бѣднымъ, лазыи птичкамъ и питаются ихъ тѣломъ, откуда та не издохнетъ.

Послѣ этого Генри ведетъ Чарльза знакомить съ прекрасной своей невѣстой. Завязавшійся между ими всѣми разговоръ обнаруживаетъ характеръ Валеріи. Хотя Генри и отвергалъ славу Архимеда, который бы ему былъ очень кстати со своей математикой, однако, надобно знать, у лорда нѣтъ ни какого руководителя его поступкамъ, ни какого мѣрила всему бывшему, сущему и будущему, кромѣ разчета. Онъ его и превозноситъ. Валерія возражаетъ.

«Уже ль разчетъ къ высокому призванію,  
Порывъ къ добру, поэзія, любовь;  
И Нормы пѣснь, и звуковъ чарованье,  
Что душу мнѣ волнуетъ вновь и вновь?  
Уже ль разчетъ сочувствіе съ Шекспиромъ,  
Когда любви, какъ Джулія, полна,  
Его душой, могущественнымъ міромъ  
Невольно я живу, упоена?  
Уже ль разчетъ — мечты, гармоньи эти,  
Когда живить, чаруетъ насъ поэтъ;  
Когда мы съ нимъ чрезъ нѣсколько столѣтій  
Живемъ душой?»

Генри. Для васъ, быть-можетъ, нѣтъ.

Валерія. А думъ порывъ, надеждъ очарованье,  
Когда въ груди вся жизнь небесъ у насъ;  
А чудное любви воспоминанье,  
А радостный свиданья свѣтлый часъ?  
Разчетъ ли все?»

Отвѣтъ лорда вы знаете: разочарованный ничего не можетъ сказать путнаго. Тутъ за разчетъ вступается Чарльзъ. Обращаясь къ Валеріи, онъ говоритъ:

«К чему вашъ гнѣвъ? Вражда у васъ съ разчетомъ!  
Но если міръ онъ создалъ намъ чудесъ?  
Не онъ ли водъ могучимъ сталъ оплотомъ,  
Не онъ ли царствъ уравниваетъ вѣсъ;  
Не онъ ли всѣ могущества природы,  
Какъ данниковъ, намъ верныхъ, покорилъ?  
Не онъ ли тамъ возвышенные своды  
Подъ Темзою волнуемой прорылъ?  
Не все ль разчетъ? Не онъ ли передъ нами  
Покрылъ нашъ край желѣзными путями  
И носить насъ стрѣлою на парахъ?»

Этотъ по-крайней-мѣрѣ не ударилъ въ грязь лицомъ.

Тутъ мы пропустимъ одну сцену, цѣли которой мы никакъ не можемъ понять. Выводится работникъ съ одной изъ фабрикъ лорда со своей женой, котораго тотъ прогналъ за то, что онъ *запилъ*. Онъ пришелъ просить бывшаго барина о прощеньи. Лордъ отказываетъ. Валерія принимаетъ въ бѣднякъ участіе; разспрашиваетъ его, съ чего онъ опустился. Тотъ отвѣчаетъ, что ему наскучило ремесло; что онъ томился жаждой другихъ познаній, разспрашивалъ людей о томъ,

о семь; а его прогоняли всё на его булавочную фабрику. Пріѣхали изъ Индіи товарищи, — онъ съ-горя и выпилъ съ ними на радостяхъ свиданія; выпилъ, да и запилъ. Очень естественно. Валерія проситъ за несчастное семейство: къ утѣшенію бѣднаго Джака лордъ говоритъ только, что можно принять на фабрику его семи-лѣтняго сына, «и они бы снова зажили!» Валерія возстаетъ противъ этого; говоритъ, что малютка сдѣлается машиной. Конечно, это мимоходомъ. Да какъ же быть? Настоящая фея.

Развѣ, эта сцена приведена для того, чтобы выставить доброту Валеріи и, кажущуюся будто бы, безчувственность лорда, тогда какъ онъ, по уходѣ отъ своей невѣсты, обезпечилъ судьбу бѣдныхъ людей, что еще болѣе заставило Валерію полюбить его. Съ какими же чувствами онъ это сдѣлалъ, будетъ *явствовать* послѣ. Теперь мы болѣе не будемъ говорить объ этой сценѣ. Перейдемъ къ той, гдѣ выводится пятое главное лицо траги-комедіи.

Является леди Луиза Демби. Она зоветъ Валерію на раутъ. Та отговаривается тѣмъ, что носитъ трауръ. Она къ лорду Генри. Тотъ отвѣчаетъ:

«Съ вами, можетъ быть:  
Вамъ трудно мнѣ отказывать.»

Тутъ Луиза объясняетъ Валеріи короткость своего знакомства съ высокороднымъ, говоритъ, что, оставшись вдовой въ осьмнадцать лѣтъ, она обрыскала всю Европу почти не разставаясь съ нимъ; пускается въ воспоминанія, которыя хоть какую неревнивую невѣсту заставили бы призадуматься. Но Валерія — чудо: она слушаетъ эти рассказы равнодушно, и уходитъ со своимъ Генри гулять.

Тутъ Чарльзъ и Луиза, оставшись одни, строятъ ковь противъ Генри и Валеріи. Дѣло въ томъ, что Чарльзъ — врагъ лорду изъ-за этой безнравственной Луизы, которую тотъ у него отбилъ, и хочетъ отомстить за это, хочетъ отвратить Генри отъ Валеріи, посорить ихъ, и предлагаетъ Луизѣ содѣйствіе, чтобы преклонить его къ ней. А Луизѣ того только и нужно. Въ благодарность за это, она общается истерзать сердце дѣвушки извѣстными себѣ способами.

Въ началъ втораго дѣйствія, Валерія, встрѣтись съ Генри, жарко благодаритъ его за благодѣяніе, которое онъ оказалъ бѣдному Джаку. Тотъ холодно отвѣчаетъ:

«А если я платилъ за ощущение?»

И уѣзжаетъ съ леди Демби, которая за нимъ подѣхала въ каретѣ.

Сцена раута: картина англійскихъ нравовъ и вѣка, въ которой разсыпано довольно мѣткихъ мыслей. Напримѣръ. Одинъ лордъ, узнавъ, что другой лордъ, его знакомецъ, повѣрилъ кому-то, почти на честь, значительную сумму, выговариваетъ ему, какъ можно такъ довѣрять людямъ. Тотъ отвѣчаетъ:

«Не люди намъ, но выгоды людей  
За вѣрность ихъ порукой несомнѣнной.»

Потомъ зашла рѣчь о самоубійствѣ. Одинъ подаетъ мысль издать билль съ цѣлью привязать Британцевъ къ жизни. Другой вызываетъ указъ средство для достиженія этой цѣли. Спрашиваютъ, какое же это средство.

«Да сдѣлать насъ бѣднѣе.»

Между-тѣмъ раутъ не пропадаетъ и для дѣйствія. Тамъ является одинъ изъ поклонниковъ леди Демби лордъ Фальконеръ. Чарльзъ старается возбудить въ немъ ревность, трубя про счастливаго соперника. Луиза сама подтверждаетъ свое предпочтеніе къ лорду Мортимеру, и раздраженный Фальконеръ вызываетъ того на поединокъ.

Дѣйствіе третіе. Къ Валеріи, которая мечтала въ любовномъ обаяніи, какъ она осчастливитъ своего милаго, какъ она привяжетъ его къ жизни, приходитъ Луиза. Мимоходомъ говоритъ, что она все утро въ волненіи, и на вопросъ о причинѣ, какъ-будто безъ умыслу, заминаетъ объ этомъ рѣчь. Однако въ разговорѣ, зашедшемъ по случаю чтенія Валеріей сочиненій Жоржа Санда, она высказываетъ, тоже будто неволью, тревожное состояніе сердца; а между-тѣмъ старается привить къ ея душѣ взглядъ почтенной *madame d'Udevant*, и свой, на жизнь, на любовь, на супружество; только, на первый случай, осторожно.

Приходитъ Чарльзъ; приносятъ газеты, и, вдругъ, Валерія съ ужасомъ узнаетъ изъ нихъ о дуэли своего жениха. Луиза тоже притворяется испуганною. Но Генри живъ. О причинѣ говорятъ, что, по слухамъ, это вышло изъ-за одной молодой вдовы, недавно пріѣхавшей въ Лондонъ. Чарльзъ говоритъ Луизѣ со смѣхомъ: Да ужъ не изъ-за васъ ли? Та отвѣчаетъ:

«А Богъ вѣсть: мы съ нимъ странствовали долго,  
Молва жъ всегда и всѣхъ чернить готова;  
Такъ, можетъ-быть, не вытерпѣлъ онъ слова.»

Является Генри, и бѣдную дѣвушку начинаютъ мучить самымъ недостойнымъ образомъ. Валерія, пылко, съ чувствомъ, какъ любящая женщина, начинаетъ укорять его за пренебреженіе своей жизнью. Лордъ со смѣхомъ увѣряетъ ее, что его не возьметъ ни пуля, ни шпага. Она, въ жалобѣ своей, касается мечты о счастьи; онъ самымъ негоднымъ, или лучше, гнуснымъ, образомъ, разбиваетъ эту мечту, говоря:

«О счастья рѣчь идетъ еще межъ нами!  
А думалъ я, вопросъ давно рѣшенъ.»

Къ этому Чарльзъ подскакиваетъ съ своимъ поясненіемъ:

«О счастья рѣчь! Да тутъ не сердца ль надо?  
Пустой сосудъ: давно ужъ онъ изсякъ.»

Представьте себѣ положеніе несчастной Валеріи, которую такъ низко убиваютъ два любезные джентльмена; возлюбленный ея парченый и его дружокъ: я не знаю лучше названія этому милому Чарльзу.

Этого мало. Рѣчь касается добродѣтели. Благородный лордъ даетъ уразумѣть, что онъ не вѣритъ ничему доброму, что у него ничего нѣтъ святаго. Любовь не позволяетъ еще Валеріи увидать всей черноты его души, и она прибѣгаетъ къ помощи Луизы. Та сначала льститъ ей двусмысленно; но вскорѣ, подстрекая Чарльзомъ, наноситъ ея чистому сердцу рѣшительный ударъ. Она говоритъ:

«Скажите мнѣ: безъ чувства, безъ любви,  
Случалось вамъ, порой, для развлеченья,  
Искать любви?»

Но тутъ Валеріа, одушевленная праведнымъ негодованіемъ, обращаетъ этотъ ударъ на ее самоѣ:

«... «Безъ чувства!... такъ! Что вымолвили вы?  
Стыдъ женщинамъ и стыдъ такой любви,  
Чтобъ такъ жена унизиться могла!  
Скажите мнѣ, что видимъ мы въ созданьи:  
Орлица ли преслѣдуетъ орла,  
Голубка ли за голубемъ летаетъ?  
Жена же стыдъ, врожденный забываетъ!...  
Но въ торгъ собой, боясь одной молвы,  
Посмѣете ль вступить и сами вы?  
Не вѣрю я, высоко намъ призванье.  
Намъ такъ упасть!... Да въ насъ жена и мать:  
Посмѣемъ ли въ себѣ ихъ унижать?  
Посмѣемъ ли всѣхъ ниже насъ въ созданьи?  
Не вѣрю я.»

Луиза по-своему отражаетъ этотъ ударъ:

«Оставимъ споръ другимъ.  
Но выше ктѣ? — рѣшите это сами, —  
Ловець иль звѣрь, преслѣдуемый имъ?»

И, вдругъ, любезный Генри рукоплещетъ невѣстиной противницѣ, восклицая со смѣхомъ:

«Каковъ отвѣтъ!»

Валеріа не выдерживаетъ: вставая, холодно говоритъ Луизѣ:

«Слѣдите: передъ вами.»

И прекрасный лордъ осуждаетъ этотъ гнѣвъ благородной души! Это осужденіе тяжело ей было, горько, выслушать изъ устъ любви-

маго чловѣка. Но, вида, что Генри удерживаетъ нарочно Луизу, она сокрушаетъ его тираническое на себя вліяніе и быстро уходитъ.

Какова сцена! Каковы люди! Такой сильной, пылкой сцены борьбы порока съ чистотой душевной не было еще въ нашей литературѣ.

Дѣйствіе четвертое. Валеріа въ отчаяніи, что милый ей — чловѣкъ погибшій: она ясно увидала, что онъ неспособенъ ни къ любви, ни къ счастью, ни къ добродѣтели. Родственница ея, съ которой она живетъ, утѣшаетъ ее. Но она чужда утѣшенія. Нѣжная скорбь ея совершенно, женская, ангельская: она не о себѣ тоскуетъ; а если и касается себя, такъ по отношенію къ своему милому: всѣ ея слезы — по томъ, что она не можетъ его осчастливить.

«Понятно ль вамъ: *меня не любитъ онъ?*  
К чему жъ тогда и небо надо мною,  
И чувствъ порывъ к чему въ душѣ моей,  
И жизнь к чему?  
... Кому я храмъ въ душѣ моей устрою?  
... Постигли ль вы, въ чемъ счастье жены?  
Въ себѣ ль самихъ мы жить обречены,  
И жизнь для насъ, съ надеждами, страстями,  
Не вся ль она въ блаженствѣ, данномъ нами?»

Этотъ, послѣдній стихъ должно вырѣзать золотыми буквами, . . . гдѣ — ужъ этого, я не знаю: такъ онъ высокъ и прекрасенъ. Достоинъ же я объ немъ ничего не могу сказать. И передъ нимъ благоговѣю.

Однако грубая, бульжная, душа лорда поколебалась; по-крайней-мѣрѣ онъ успѣлъ смѣрнить ледянымъ умомъ своимъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и прислалъ къ Валеріи Чарльза просить у ней свиданія, для объясненія. Нѣжная дѣвушка въ первую минуту измѣнила себѣ и общала.

Между-тѣмъ встрѣчаются на-единѣ благородные сподвижники благороднаго дѣла, Генри и Луиза. Они поздравляютъ себя съ успѣхомъ — бранью. Та благодаритъ его за рыцарскую выходку его изъ-за нея съ Фальконеромъ и за видимое прелпочтеніе, которое онъ оказалъ ей передъ Валеріей: онъ, въ досадѣ раскаянія, отрѣзываетъ ей правду. Луиза бѣсится, и они честятъ другъ друга самыми вѣрными, пронзительными привѣтствіями. Лордъ говоритъ ей прямо, что онъ не вѣритъ ея любви къ нему: онъ, ослѣпленный эгоизмомъ, думалъ, что она любила въ немъ одинъ ядовитый его умъ. Но она выводитъ его на чистую воду:

«А если вы ступенью только были,  
Чтобъ выше стать мнѣ въ обществѣ?»

Лордъ даетъ ей полную отставку и откланивается.

Въ пятомъ дѣйствіи онъ является рѣшившимся перервать цѣпь своей противной жизни. Онъ узнаетъ отъ Чарльза, что Валеріа не хочетъ уже простить его. Лорданъ въ неистовствѣ, желаетъ доказать ей.

«Что жизнь и съ ней не стоила труда.»

Чарльзъ старается его отвратить отъ ужаснаго намѣренія. Генри, въ убійственной картинѣ описываетъ ту страшную, неисцѣлимую, болѣзнь, что зовутъ разочарованіемъ: говоритъ, что не стоитъ жить, нельзя жить зараженному этимъ недугомъ. Ихъ разговоръ невозможно сократить и представить въ выпискахъ: все печальная правда, все адская поэзія. Въ заключеніе Генри разоблачаетъ и дружбу ихъ: для него все потеряно.

Но любовь приходитъ еще къ нему на помощь: Валерія, увидавъ его такимъ мрачнымъ, смягчается; жертвуетъ для него всею, самой жизнью, — вспомните прологъ, — чтобы только спасти его. Огжившая душа его все отвергаетъ; онъ свирѣпо алчетъ смерти; проглатываетъ ядъ и умираетъ, преслѣдуемый грозными привидѣніями бездны. Картина его изступленія вздымаетъ волосы; глубокое сердечное сокрушеніе Валеріи, ея дивное, страстное, самоотверженіе, хоть кого тронетъ. Намъ очень хочется выписать еще эту сцену, но не смѣемъ: боимся слишкомъ обобратъ книгу. Советуемъ всею прочесть это, и не только это, но всю книгу, и ручаемся за полноту наслажденія.

Довольно ли этихъ очерковъ, чтобы убѣдить васъ, что мы приобрѣли большой, большой драматическій талантъ? Мы видимъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ произведеній свою опредѣленную идею. Эти идеи зачаты въ поэтической душѣ, согрѣты теплымъ чувствомъ, и взошли живыми, душистыми, цвѣтами воображенія. Ходъ интриги простъ, ясенъ. Можетъ быть скажутъ, что тутъ мало искусства. Но въ искусство не дается вдругъ: этотъ трудъ — первый; на немъ надо было *искуситься*. Дайте срокъ. Повѣрьте, даровитый художникъ, которому суждено не останавливаться на первомъ удачномъ шагу, глубже всѣхъ самъ видитъ недостатки своего перваго произведенія. А они въ этихъ двухъ пьесахъ не велики. Все поправится опытностью, навыкомъ, размышленіемъ. Главная помѣха успѣху этихъ первыхъ пьесъ будетъ неточность, даже нечистота языка и вольность выраженія мысли, мысли въ обширномъ смыслѣ, отдѣльныхъ предложеній, которыя вообще довольно ясны. Еще много портитъ упрямая рѣма, которая очень часто влечетъ за собой натяжки и естественныя перестановки словъ. По-нашему, рѣма въ драмѣ — вещь совершенно лишняя. Драма можетъ обойтись и бѣлыми стихами, которые тоже могутъ быть звучны, сильны, плавны и притомъ не исказятъ естественнаго теченія рѣчи.

Въ концѣ книжки помѣщено еще нѣсколько небольшихъ пьесокъ, большая часть которыхъ отличаются новостью мыслей и сюжета, особенно, та что носитъ заглавіе «Не міра побѣдителямъ.»

✓ 42/43

## СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

### ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русская беседа. Собрание сочиненій русскихъ литераторовъ издаваемое въ пользу А. Ф. Смирдина. Санктпетербургъ, 1841, 8<sup>а</sup>. Томъ первый, стр. 682.

Всею и каждому извѣстно, съ какою цѣлію издается эта книга, — самое заглавіе даетъ достаточное объясненіе, — но «критиковать», то есть, разбирать, хвалить или бранить ея, говорить, нельзя. Бранить ся ни гдѣ не годится, это такъ. Строго разбирать, укорять и указывать на недостатки собранныхъ здѣсь статей тоже неумѣстно, потому что это — посильное приношеніе, пожертвованіе: каждый далъ, что могъ; каждый — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Самые недостатки тутъ совершенно извинительны, потому что на это дѣло никто не приготовлялся: лишь-только разнеслась вѣсть о предполагаемомъ предпріятіи, все поспѣшили принести, что имѣли на ту пору лучшаго, и все исполнили свой долгъ. Хвалить..... А почему бы, кажется, не похвалить того, что хорошо, гдѣ и когда бы оно ни явилось? хоть бы даже въ общей складчинѣ на общую же пользу, въ собраніи писателей и читателей на пользу литературы и ея двигателей издателей? Во-первыхъ, хвалить своего собственнаго, ужъ разумѣется, здѣсь никто не станетъ: похвалить товарищъ, можетъ-быть даже недругъ. Слѣдовательно, во-вторыхъ, тутъ-то и могло бы выказаться истинное безпристрастіе, о возможности котораго люди столько спорили. Безпристрастія въ строгомъ судѣ, въ укоризнѣ, не существуетъ: тутъ всегда есть и должно быть пристрастіе къ истинѣ и къ зако-

намъ изящнаго, пристрастіе, руководимое чувствомъ, которое не терпитъ ни какого оскорбленія. Безпристрастіе проявляется только въ похвалѣ, въ отданіи справедливости, хотя и похвала можетъ быть пристрастною. Вообразите же, напримѣръ, нѣсколькихъ литераторовъ, которыхъ разделяютъ несогласіе мнѣній, соперничество, и Богъ знаетъ какія отношенія, они по первому призыву на общій подвигъ, откинувъ въ-сторону все личности, братски подаютъ другъ другу руки, спѣшатъ туда, куда ихъ призываетъ долгъ, и, каждый отдавая безпристрастную справедливость труду и приношенію другаго, стремятся къ достиженію общей благородной цѣли. Не правда ли, что это зрѣлище истинно умиленное? Не правда ли, что тутъ есть случай выказать настоящую, столько прославленную, римскую добродѣтель? Въ-третьихъ..... Но довольно и этого. Мы, кажется, доказали, что хвалить можно. Впрочемъ, пожалуй, не станемъ хвалить. Мы не хотимъ хвастать добродѣтелью и готовы даже доказать, что похвала этой книгѣ не нужна. Пусть она сама за себя говоритъ. Покажемъ только что въ ней есть.

Вотъ оглавленіе. Александрина, небольшой романъ, взятый изъ записокъ Юрія З\*\*\*, сочиненіе Федора фанъ-Дима. Барыня, рассказъ И. Панаева. Видѣніе на берегахъ Леты, стихотвореніе К. Батюшкова. Изъ поѣздки въ Крымъ, стихотвореніе В. Бенедиктова. Ландыши, рассказъ старушки, сочиненіе М. Жуковой. Слѣпой случай, ода Державина. Князь Маргеръ Пилонскій, рассказъ Цвиркуна, великаго конюшаго великаго княжества литовскаго, историческая повѣсть XIV вѣка, Н. В. Кукольника. Русская пѣсня, князя Д. Кропоткина. Измѣнница, стихотвореніе Бернета. Кочубей, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, И. Кульжинскаго. На смерть моей племянницы, стихотвореніе князя Шаховскаго. Фультонъ, повѣсть П. Каменскаго. Комаръ, басня Б. М. Федорова. Жалоба, стихотвореніе Э. П. Губера. Мечта, стихотвореніе князя Кугушева. Смерть Данта, драматическое стихотвореніе Автора Путешествія по святымъ мѣстамъ. Видѣніе Іезекіиля, стихотвореніе Бороздны.

Изъ оглавленія, правда, еще не видно содержанія. Но невозможно же на одномъ листѣ показать содержаніе сорока двухъ большихъ печатныхъ листовъ. Какъ быть? Возьмемъ на выдержку, всего по-немножку. Начнемъ съ романа «Александрина.» Эпиграфомъ ему служить извѣстное изрѣченіе Шекспирова Гамлета «Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ.» Главная пружина — магнетизмъ. Выбирать мѣста не станемъ, возьмемъ прямо съ начала.

«Семейный обѣдъ нашъ кончился среди задушевныхъ разговоровъ, въ которыхъ весело и непринужденно выливались все думы, все желанія бесѣдующихъ. Тепло и привѣтно бывало мнѣ всегда въ кругу милыхъ и добрыхъ сестеръ, въ присутствіи снисходительной матери, но въ этотъ день было веселье обыкновеннаго. Юлія и Надина сочувствовали мнѣ въ полной мѣрѣ, потому что, кромѣ особой причины моей веселости, и кромѣ обычной беззаботной радости, происшедшей отъ сердечнаго довольства, въ этотъ день насъ всѣхъ оживляло пріятное ожиданіе: очаровательный для юнаго, не-

утомленнаго воображенія призракъ — балъ въ перспективѣ, не далѣе какъ въ тотъ же самый, благополучный вечеръ.

Вы не поймете меня, охлажденные, состарѣвшіеся прежде времени, посетители баловъ большаго свѣта, гдѣ вы такъ величаво павлините своимъ принужденнымъ bon ton и принужденною зѣвотою! И вы, гордые царицы этихъ баловъ съ сердцами закованными въ тройныя латы кокетства, пресыщенія и чванства! Для васъ каждое собраніе — битва, и не всякое увѣнчивается побѣдой, а между-тѣмъ, сколько часовъ, проведенныхъ передъ зеркаломъ, сколько изученныхъ движеній, сколько заботъ о тайнахъ туалета предшествуютъ рѣшительной минутѣ. И сколько думъ, сколько расчетовъ, сколько военныхъ хитростей перекружится въ иной завитой головкѣ, прежде нежели красавица, увѣрившись въ исправности своего вооруженія, съ улыбающимся лицомъ, съ свѣтлыми, увѣренными взорами, ступитъ маленькою ножкой на скользкое, патертое воскомъ поприще ожидаемаго торжества!

И если все эти умственные, пластическіе и туалетные труды возобновляются почти каждый вечеръ въ продолженіи зимы? — это ужасно! О! я понимаю, милостивыя государыни, какъ вы должны презирать, ненавидѣть эти балы, которые достаются вамъ такою дорогою цѣною! Я вѣрю, что въ душѣ вы точно ненавидаете ихъ, хотя въ нихъ проходитъ вся ваша жизнь, и тѣмъ болѣе я изумляюсь передъ чуднымъ талантомъ, съ какимъ вы такъ неподражаемо разыгрываете сцены непринужденной, всеувлекающей веселости: право, никто лучше меня не отдаетъ справедливости вашему артистическому притворству. Когда возвратившіеся изъ Парижа знакомые приводятъ меня въ зависть, рассказывая, какъ совершенна была *M-me Mars* въ роли Селимены, я утѣшаю себя воспоминаніемъ, что и я видѣлъ *B\*\** на такомъ балѣ, слышалъ неподражаемую по своей *causerie de salon* *B\*\** на извѣстномъ пикникѣ. Только мнѣ часто бываетъ жаль васъ, трогательный, великодушный жертвы кокетства, какъ бываетъ жаль хорошаго актера, которому навязываютъ дрянную роль.

Къ-счастью, ни я, ни сестры мои не принадлежимъ къ большому свѣту, ни къ числу людей, разочарованныхъ пошлымъ и безжизненнымъ повтореніемъ тѣхъ удовольствій, которыя должны служить только минутнымъ отдохновеніемъ отъ настоящихъ занятій. Для насъ балъ имѣлъ еще очаровательную прелесть, даже поэтическую сторону, и отъ мысли провести вечеръ въ танцахъ, танцовало воображеніе, а за нимъ и молодое сердце.

Вотъ почему мнѣ было весело и хорошо въ ожиданіи бала.

Жду вечера; вечеръ на этотъ разъ былъ не легкокъ на поминѣ, въ ожиданіи время ползеть на костыляхъ, будто разбитое параличемъ.

Ждать-пождать, бѣтъ пять часовъ. Еще четыре часа ждать, вѣчность!

Зову будущее, гоня прочь настоящее: ему нѣтъ мѣста, когда двадцати-пятитнѣтній влюбленный молодой человекъ собирается на балъ. Еще четыре часа, а сердце мое уже давно у Долинскихъ, и вѣрно первымъ гостемъ явилось на вечеръ. Почему нѣтъ крыльевъ у меня, чтобы вслѣдъ за сердцемъ упорхнуть туда же, и услужливымъ гениемъ-невидимкою участвовать въ веселыхъ приговорахъ праздника? О! если бы волшебству любви, которое проявляется только въ духовной жизни, дана была власть и на предметы внѣшняго міра, я бы огнемъ душевнаго счастья освѣтилъ храмину, гдѣ увижу милую, и убралъ бы ее сокровищами моего воображенія! Какъ бы мнѣ хотѣлось создать магическій островокъ радости, и на немъ отделить отъ всего прочаго міра мою Ольгу! Мою! да, она будетъ моею, будетъ сегодня же... Непонятная робость до-сихъ-поръ оковывала признаніе на устахъ моихъ, но глаза были смѣлые; они высказывали ей многое, и она не отвергала нѣмыхъ откровеній: на мои взоры, ея голубые глазки отвѣчали такъ привѣтно.... О, она будетъ моею, будетъ, будетъ!...

Чу! бѣтъ семь часовъ! Ужъ не ошибкой ли седьмой часъ опередилъ меньшаго брата, шестой часъ?

Нѣтъ, точно семь часовъ. Видно за картинами воображенія незамѣтно пробѣжали два часа. Вся любящая или любившая поймутъ, какъ время, то, кажется, ползеть-не-доползетъ до урочнаго часу, то летомъ передвигаетъ часовую стрѣлку на часъ ожиданія, хватаясь за хвостъ блестящей кометы-мечты.

Да! вотъ будущее словно превратилось въ настоящее, существенное слилось съ воображаемымъ, и я уже среди шумнаго собранія. Нетерпѣливо пробираюсь сквозь толпу, убѣгая встрѣчи съ знакомыми, чтобы по-скорѣе отыскать милую хозяйку дома и . . . . моего сердца. Вотъ она порхнула мимо меня, какъ райская птичка въ вихрь быстрого вальса, но успѣла замѣтить меня, и привѣтствовала наклоненіемъ головы, тайнымъ для всѣхъ, кромѣ меня, она, казалось, высказала: «Здравствуй, желанный гость!» Но все же видѣть милую въ вальсѣ съ другимъ, можетъ-быть соперникомъ, пренеприятная картина даже въ мечтѣ, и . . . . по мановенію магической воли воображенія, вальсъ кончился, и я съ нею . . . . не знаю какъ, не знаю гдѣ. Какого же отчету можно потребовать у своенравной мечты? Рука съ рукой . . . не чувствуя подъ собой земли, въ упоеніи страсти, я не свожу глазъ съ милой; ея щеки албютъ отъ жаркаго соприкосновенія моихъ взоровъ; ея сердце бьется отъ вѣтнѣ на требованія моего сердца; полу-словами, полу-молчаньемъ мы высказываемъ другъ другу безконечную поэму первоначальныхъ впечатлѣній любви, эту поэзію разсвѣта, чувствъ, которая только одинъ разъ въ жизни пробуждаетъ душу!

Стройно лется шопотъ любви изъ сердецъ, переполненныхъ чувствомъ, словно сладкая пѣснь влюбленнаго соловья; весело и звучно отзывается чарующее эхо взаимности, словно сердца наши вылиты природою по одному ликалу. Въ самомъ молчаніи были рѣчи; за насъ говорили глаза, и пожатіе руки и тайный трепеть, а тамъ снова уста рвались досказывать то, чего не высказывали глаза, или нѣмые рѣчи души. Но вотъ, снова нѣтъ ни звуковъ, ни знаковъ для выраженія чувствъ, и снова, то замираютъ слова, то очи, утомленные пылкою рѣчью, застилаются слезою, то разлившіеся рѣчи перерывалъ молчаніе, то молчаніе ложилось снова на уста . . .

Радость въ рѣчахъ, радость въ молчаніи, радость во взорахъ, въ сердцѣ — рай, душа на устахъ, уста дрожать! . . .

О! поцѣлуй меня, милая, и выслушай въ моемъ лобзаніи то, чего не могли высказать слова, очи, трепеть! Стыдливая, ты на груди моей хочешь скрыть ответное желаніе твоего сердца: я слышу, ты шепчешь — твоя, твоя! . . .

О, доживу ли я до такого счастья!

А переживу ли я его?

Мгновеніе . . . . и мечты мои разсѣялись; кто-то дотронулся до меня. «Юрій Александровичъ! не прикажете ли подавать одѣваться? Ужъ двѣнадцатый часъ; барыня давно уѣхала съ барышнями, а вы все изволите почивать, да еще какъ странно, съ открытыми глазами!»

Я очнулся, будто послѣ глубокаго сна. Передо мною стоялъ мой камердинеръ, Павликъ, съ запухлыми отъ настоящаго, долгаго сна глазами, и онъ же упрекалъ меня въ сонливости! Опомившись, смотрю съ недоувѣрчивостію: стрѣлка перешла на одиннадцать! . . .

Бѣдный! давно ли упрекалъ я время въ медленномъ ходѣ, а время опередило мое желаніе. И какъ же могъ я забыть настоящую Ольгу для Ольги моего воображенія? Какъ могъ я такъ живо видѣть ее передъ собою, говорить съ нею, слышать ея голосъ, и — чуть, чуть не поцѣловать ее?

Черезъ шпиль минутъ прозябшіе кони несли меня въ миллионную; черезъ десять я былъ уже на мраморной лѣстницѣ, унизанной соевыми лакеями въ разнородныхъ лифтахъ. Вхожу, нѣтъ, вбѣгаю въ залу: балъ кипитъ жизнью и, какъ недавно еще въ моей мечтѣ, я вижу сотни паръ кружатся въ вальсѣ и мелькаютъ передъ моими очами, еще не опомившимися послѣ

фантастическаго бала; цѣты, ленты, газъ, кудри волосъ, эполеты и фраки, все это пестрой тесьмой вилось передо мною.

Въ числѣ вальсирующихъ различилъ я первую — младшую сестру мою Надю. Кончивъ туръ, она погрозила мнѣ пальчикомъ: «Что это значить, Жоржъ, такъ поздно? мама начинала беспокоиться, сказала она громко, и потомъ тихо прибавила: *Olga te boude lambin!*»

Вглядываюсь — и что же? въ самомъ дѣлѣ, мое красное солнышко немилостиво взглянуло на меня изъ за тучи длинныхъ ресницъ. Я ближе: умышленно разсѣянный видъ замѣнилъ вспыхну гнѣва, но надутыя губки измѣняли притворщицу. Легкое наклоненіе головки отвѣчало на мой поклонъ, ни пол-слова упрека, ни взора для меня: все вниманіе для другихъ.

Сестры осыпали меня вопросами: гдѣ былъ? что дѣлалъ? почему опоздалъ? Ольга была съ ними, но отвернулась, будто не желая слушать моихъ оправданій. Да и что могъ я отвѣчать? Гдѣ былъ? — Сидѣлъ дома. — Что задержало? — Ничего. — Что дѣлалъ? — Ничего. — Отчего же было не пріѣхать раньше?

На этотъ послѣдній вопросъ, за неимѣніемъ ни какого отвѣту, ни хорошаго, ни дурнаго, я оставался вѣтъ какъ рыба . . . Ольга не могла долѣе выдержать своего притворнаго равнодушія.

— Стало-быть, *M. Georges*, вы предпочли *ничего* тому, что надвѣялись найти въ нашемъ обществѣ. Это очень лестно слышать для хозяйки! И очень вѣжливо со стороны гостя!»

— Наружность обвиняетъ меня, Ольга Дмитриевна, но я не заслужилъ вашего упрека: утѣрю васъ.

— Не заслужил! когда вы сами сознаетесь, что оставались дома, такъ, изъ ничего, только бы у насъ не быть?

— Неожиданные вопросы Юліи меня смутили; передъ вами лишь думалъ я оправдываться, потому что одинъ вы можете оцѣнить мою защиту.

— «Въ самомъ дѣлѣ? Такъ начнемъ же новый вопросъ: отчего вы просидѣли дома до двѣнадцатаго часу, наперекоръ обѣщанію пріѣхать къ намъ прежде всѣхъ?»

— Я увлекся разговоромъ.

— Стало, вы были не одни!

— Не одинъ, отвѣчалъ я, засмѣявшись.

Улыбка исчезла на устахъ Ольги.

Губка опять надулась, въ нахмуренныхъ бровяхъ ясно выразилось неудовольствіе; въ это время заиграли контрдансъ, и за Ольгой явился ея партнеръ на этотъ танецъ: я едва успѣлъ напомнить о давно обѣщанной мажуркѣ.

— Я лучше васъ помню свои обѣщанія, отвѣчала она насмѣшливо, подавая руку своему кавалеру.

Этотъ кавалеръ былъ молодой человекъ высокаго росту, черноволосый и весьма пріятной наружности; его бы можно было назвать красавцемъ, если бы чрезвычайная блѣдность и ужасная худоба не наложили на лицо его страшной безжизненности.

Слѣдя за движеніями Ольги, я замѣтилъ, что она съ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ, казалось, разговаривала съ нимъ. Досада вспыхнула во мнѣ, а реальные глаза готовы были увѣрять меня, что въ разговорѣ Ольги было даже чувство пріязни, даже что-то нѣжное. . . . меня бросило въ жаръ: «кто онъ? что онъ? по какому праву любитъ онъ моимъ цвѣткомъ?»

— Кто это танцуетъ съ Долинскою? спросилъ я у сосѣда зрителя.

— Григорій Становъ, отвѣчалъ мнѣ зритель сосѣдь.

Я слышалъ о Становѣ, но нигдѣ не встрѣчался съ нимъ. Онъ слылъ извѣстнымъ вертопрахомъ, вѣчной декорациейъ всѣхъ возможныхъ баловъ, постояннымъ посѣтителемъ клубовъ, игрокомъ, охотникомъ до лошадей, до разгульной жизни, однимъ изъ тѣхъ свѣтскихъ людей, которые всякій день ставятъ вабанкъ жизнь, здоровье, время. Вспомнивъ о такой незавидной извѣстности Станова, я еще болѣе удивился ласковому съ нимъ обращенію Ольги; рождающаяся ревность жестоко меня мучила; мнѣ казалось, что не будетъ конца вѣчному, мучительному кадрили; но, какъ все вѣчное на землѣ, и онъ кончился. Я бросился къ Ольгѣ, и, къ довершенію моей душевной пытки, нашелъ ее опять въ томъ же обществѣ. Она продолжала разговаривать съ Становымъ, и казалась растроганною почти до слезъ; лицо Станова было тоже подернуто печалью, странно противурѣчившею мѣсту и времени разговора. Когда я подошелъ, и онъ и она вдругъ замолкли. Чтò за тайные переговоры могутъ быть у Ольги съ такимъ человѣкомъ? подумалъ я; чтò за причина привѣтливости, вниманію и даже явному участію къ существу, такъ мало ихъ заслуживающему? Цѣлый рой противурѣчащихъ предположеній и мучительныхъ мыслей закружился въ моей головѣ. Съ трепетомъ и нѣмой досадою ожидалъ я минуты завѣтной мазурки.

— Чью же пріятную бесѣду предпочли вы нашему вечеру, Юрій Александровичъ? — спросила меня Ольга, скончивъ первую фигуру.

«Ни чью», былъ отвѣтъ, которому я старался придать тонъ холодной вѣжливости, несмотря на то, что въ голосѣ, какимъ былъ сдѣланъ ея вопросъ, высказывались и участіе, и кроткая снисходительность, и желаніе повѣрить мнѣ на-слово.

— Опять за прежнее! — сказала Ольга, покачавъ головой — не сами ли вы сознались, что вы увлеклись разговоромъ?

«Да, но это не значитъ, чтобы я предпочелъ чью нибудь бесѣду вашей, потому что это невозможно, потому еще, что я именно разговаривалъ съ вами!»

— Не старайтесь отдѣлаться шуткой, обвиненіе очень важно, вы, *chevalier felon*, нарушили обѣщаніе: для благороднаго человѣка обѣщаніе — все-равно что клятва, а клятвенное преступленіе смертельный грѣхъ: такимъ, по крайней-мѣрѣ, его считали отъ созданія міра у всѣхъ народовъ, по законамъ всѣхъ религій. Очистите же вашу совѣсть отъ этого ужаснаго обвиненія, объяснивъ темныя обстоятельства съ откровенностію, безъ увертокъ, или... или...

Тутъ она вдругъ остановилась, смѣшалась, и румяною зарей подернулось милое личико строгаго судьи.

Какая досада устояла бы въ эту минуту передъ милымъ созданіемъ? сердце опять забилося любовью и надеждою.

— Договоривайте, Ольга Дмитріевна, договаривайте; ради Бога, ваше или... положимъ, я великій преступникъ, и ни что не можетъ оправдать меня, тогда чтò же будетъ?

Она посмотрѣла на меня недоувѣрчиво; въ глазахъ ея выразилось твердое убѣжденіе, что передъ нею, я не могу, не хочу и не долженъ остаться неоправданнымъ. Хитро улыбулась плутовка, и продолжала съ забавною важностію:

— Или вы заставите меня раскаяться, что я желала оправдать закоснѣлаго грѣшника!

— О нѣтъ! въ такомъ случаѣ неумолимый судья сдѣлается вѣрно для меня ангеломъ, и своей небесной благодатію исхититъ бѣдную душу изъ тмы грѣха и преступленія... вѣдь вы не отказались бы подать мнѣ руку помощи?

— Я подаю вамъ руку... начинать фигуру. И легче воздушной мечты она уже неслась по огромной залѣ.

Милая шутка Ольги сбила меня съ ходуль восторженной рѣчи, но мнѣ не хотѣлось даромъ уступить ей побѣду. Обративъ противъ прекрасной неприятелиницы моей ея собственное орудіе, я уже шутками, безъ досады, старался вывѣдать отъ нея чтò-нибудь для объясненія привѣтливаго обращенія ея съ Становымъ.

Мое любопытство видимо было неприятно Ольгѣ. Сначала шуткой, а потомъ съ нѣкоторою важностію ссылалась она на обязанность хозяйки дома, показать какое-нибудь вниманіе каждому изъ своихъ гостей; но когда я упрямо изъявилъ желаніе узнать предметъ занимательнаго разговора ея съ Становымъ, замѣтивъ ей, что отъ меня не укрылось сильное участіе, которое она принимала въ этомъ разговорѣ, тогда исчезъ шуточный тонъ, и я примѣтилъ на лицѣ Ольги безпокойство, даже невольное содроганіе. Тутъ сильнѣе разыгралось мое ревнивое воображеніе. Оставя на этотъ разъ всѣ шутки и словесную войну, я просилъ, умолялъ, заклиналъ Ольгу разрѣшить ужасныя сомнѣнія. Она упорствовала въ своемъ молчаніи, и принужденно смѣялась надъ ребяческимъ, какъ она называла, любопытствомъ.

Ревность, досада, опасенія кипѣли въ душѣ моей: откуда взялась рѣшимость объясниться съ Ольгой, между-тѣмъ какъ до сихъ поръ, при одной мысли объ этомъ, меня бросало въ холодъ! Я принялъ твердое намѣреніе, во чтò бы ни стало, доказать ей, что не пустое любопытство владѣло мною, и что я цѣною моего сердца купилъ право ревниво стеречь ея сердце, и трепетать за каждое его впечатлѣніе.

— Вы напрасно обвиняете меня въ ребяческомъ любопытствѣ: я имѣю на это важныя причины. Моя давишняя бесѣда, которую я хотѣлъ утаить отъ васъ...

— А! наконецъ мы узнаемъ вашу тайну, сказала она улыбувшись, вѣроятно, въ надеждѣ переменить неприятный для нея разговоръ.

— Да! узнаете, Ольга Дмитріевна, но, ради Бога, не сердитесь, если вамъ чтò нибудь не понравится въ моей откровенности.

— Не сердитесь? замѣтила она безпокойно и задумавшись, какъ-бы стараясь угадать смыслъ этихъ словъ.

— Да! я увлекся пріятною, очаровательною бесѣдою, и время прошло быстро и незамѣтно.

— Вѣрю; потому что вы не замѣтили даже, какъ прошелъ вечеръ, обѣщанный для другихъ.

— Это правда; но правда и то, что очарованіе бесѣды искупаетъ мою вину, продолжалъ я, внимательно смотря на Ольгу.

Она покраснѣла, но принудила себя улынуться, между-тѣмъ какъ въ глазахъ ея чуть не слезы навернулись. Я продолжалъ:

— Вы не повѣрили мнѣ, когда я говорилъ, что бесѣдовалъ съ вами!

— Да, я думаю, что это было невозможно, когда васъ не было здѣсь, и вы были подъ вліяніемъ какого-то очаровательнаго разговора, отвѣчала Ольга съ обиженною гордостію.

— Чтò же, если я повторю вамъ, что я точно вамъ посвятилъ весь вечеръ?

Она молчала, но взоръ ея выражалъ безпокойное любопытство.

— «Я точно говорилъ съ вами, продолжалъ я: вамъ это кажется непонятнымъ? Хорошо; я скажу яснѣе. Развѣ не случалось вамъ, въ минуты, когда желаетъ сердце, и тишина кругомъ не разрываетъ нити вашей думы, олицетворять передъ очами души тѣ предметы, къ которымъ стремитесь ваше желаніе? Слѣди за игривою мечтою, развѣ не случалось вамъ заводить разговоры съ тѣми, кого звало ваше сердце?»

Ольга вспыхнула. Я продолжалъ.

— Это бываетъ со мною, и съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ особенно, какъ мнѣ показалось, — обманъ сердца, можетъ быть, — что на мою долю судьба вынимала счастливый билетъ изъ лоттереи жизни, это повторяется чаще. Не спросясь васъ, не спросясь, можетъ быть разсудка, послушный только голосу сердца, увлекаемый будто предопредѣленіемъ, я избралъ васъ предметомъ моей мечты...

Ольга дрожала: тѣ блѣдность, тѣ яркіе румянецъ смѣнялись на щекахъ ея. Минуту, казалось, она была въ нерѣшимости, остаться ли ей, или уйти: но, или у ней не достало силъ, или сердце ея было въ заговоръ со мною, — она осталась.

— Ради Бога, дослушайте меня, продолжалъ я. Вы, въ мечтѣ моей, были снисходительнѣе, вы слушали меня, и не сердились. Нѣтъ, она, дитя мечты моей, моя Ольга не изменила ожиданію моего сердца: на голосъ мой я услышалъ желанный отголосокъ созвучный, сердечный! на призваніе моего сердца, она отвѣчала мнѣ пожатіемъ руки. Да! на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы сидите; она шепнула: «Твоя навѣки, твоя!» О! подтвердите же тѣ, что мнѣ сказалъ вашъ двойникъ, вы вѣрно знаете, вы помните...

— Ради Бога, Юрій Александровичъ! прервала Ольга дрожащимъ голосомъ: вы не знаете, въ какое содроганіе приводитъ меня ваша странная шутка, особенно послѣ разговора объ этомъ Становѣ. Мнѣ страшно... перестаньте хоть изъ жалости!

Я взглянулъ на Ольгу. Она была въ ужасномъ смущеніи, блѣдна, какъ полотно, губы ея дрожали. Но я уже слишкомъ далеко зашелъ, и не могъ остановиться.

— Почему же вамъ страшно повѣрить, что я говорилъ съ вами? Развѣ пѣть чувствъ довольно сильныхъ, чтобы уничтожить разстояніе? и развѣ страшны эти чувства?

— Не чувства... нѣтъ... но этотъ разговоръ заочно... этотъ Становъ... о, вы не можете понять, какой ужасъ вселяетъ въ меня подобная мысль. Грустныя воспоминанія... три года тому назадъ, ровно три года... бѣдная Александрина!...

Тутъ голосъ ея замеръ, и она чуть не залилась слезами.

«Le souvenir ou la mort?» спросила ее дама, подводя къ ней двухъ кавалеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ Становъ. Видъ его какъ громомъ поразилъ уже безъ того смущенную дѣвушку. Глаза ея остановились; на лицѣ изобразился въ сильной степени ужасъ; она какъ-будто припоминала что-то, и дѣлалась все блѣднѣе и блѣднѣе... Souvenir de mort! проговорила она вставая, едва слышимымъ голосомъ, вмѣсто того, чтобы выѣхать, какъ слѣдовало, одно изъ предлагаемыхъ словъ, и упала почти безъ чувствъ на стулъ. «Ей дурно!» закричали со всѣхъ сторонъ, и всѣ забыли недавно шумную мазурку, засуетились около блѣдной, похолодѣвшей дѣвушки. Трудно было въ ней узнать ту самую Ольгу, которая, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, такъ мило оживляла все собраніе своею рѣзвой, любезной веселостью.....»

Прочитавъ этотъ отрывокъ вы поймете какъ сильно намъ хочется рассказывать и показывать дальше. Мы не смѣемъ разрушать того наслажденія, которое доставитъ вамъ чтеніе полнаго романа. Не можемъ однако жъ удержаться, чтобы не выписать еще хоть немножко. Ручаемся впрочемъ, что это ни сколько не повредитъ интересу, который возбуждаетъ и поддерживаетъ каждая страница прекраснаго сочиненія господина фанъ-Дима. Вотъ нѣсколько строкъ изъ разсказу Ольги. Уже счастливой невѣсты, о причинѣ ея обморока.

«Для насъ, молодыхъ дѣвушекъ, неопытныхъ еще, не жившихъ, но жаждущихъ жизни и ея первыхъ впечатлѣній, Становъ неизбежно долженъ былъ составить таинственный идеалъ. Въ воображеніи нашихъ мечтательницъ онъ скоро сдѣлался героемъ еще несозданныхъ романовъ. Кто изъ насъ не творилъ себя подчасъ кумира изъ своей фантазіи, не облакалъ этого кумира въ чудную ткань изъ чистаго пламени, и не возносилъ, съ помощію окриленной думы, высоко, далеко, туда гдѣ бѣлая, какъ снѣгъ, облака стройно и величаво плаваютъ въ лазури небесной? Да! небесной, потому что въ небѣ всегда витаетъ мечта дѣвушки! туда ея первыя думы увлекаютъ все воздушное существо! тамъ — наша родина, тамъ — наше свѣтлое жилище, тамъ дышемъ мы беззаботнымъ весельемъ, куда, какой-нибудь зѣвливый Дивъ не уловитъ въ свои опасныя свѣти оплошную Пери, не сманитъ ея изъ областей идеальнаго рая въ міръ земнаго блаженства. Тогда Пери должна сказать вѣчное прости всему, что радовало ее прежде! не порхать больше ей беззавѣтно съ одного цвѣтка радости на другой! отпадутъ ея крылышки, отяжелѣютъ нѣжныя члены, а перелегкую волю захватитъ злобный Дивъ въ могучую длань, прикуетъ ее, бѣдную, цѣпью всемогущаго чувства и скоро изгнанница забываетъ свой рай, — свою свободу, — воздушный полетъ, — своихъ свѣтлыхъ подругъ, и прильнетъ къ груди врага съ безпредѣльной любовью! невозвратно повергается она съ милымъ въ бездну этой любви, не мѣряя глубока ли бездна, не взвѣсивая велика ли ея жертва! Что же тамъ ждетъ ее? Будущее безмолвно и темно! Что ждетъ бѣглицу рая въ бездонной глубинѣ? Счастье или горе? кто знаетъ? молчитъ глубина и чернѣется какъ глухая осенняя ночь. Бѣдная! бѣдная Пери!»

Этого, кажется, довольно. Перейдемте къ другимъ статьямъ. Что же намъ взять изъ «Барыни?» Возьмемъ опять начало. Такъ лучше всего.

«Слово *Барыня* принадлежитъ исключительно только русскому языку. Это слово невозможно перевести ни на какой другой языкъ земнаго шара.

У насъ, кажется, два главные класса барынь: барыни столичныя и провинціальныя. Какъ два величественныя древа (говоря возвышеннымъ слогомъ) роскошно развѣтвившіяся, красуются онѣ въ безпредѣльномъ Царствѣ Русскомъ. Столичныя барыни раздѣляются на московскія и петербургскія. Москва храмъ настоящаго барства. Московскія барыни отлщчаются хлѣбосольствомъ, благотворительностію, чувствомъ національной гордости и безобразіемъ экипажей. Онѣ живутъ среди великолѣпныхъ воспоминаній и благоговѣнно вдыхаютъ въ себя пыль прошедшаго, окруживъ себя въ настоящемъ москками и воспитанницами, — москками, которыхъ онѣ кормятъ и ласкаютъ; воспитанницами, которыхъ кормятъ и попрекаютъ кормомъ. Онѣ доживаютъ свой вѣкъ, раскладывая гран-пасьянсъ, и рассказывая о своихъ благодѣяніяхъ. Петербургъ — источникъ барства мелкаго, чиновнаго. Въ петербургскихъ барыняхъ оригинальнаго мало. Онѣ съ утра до ночи бредятъ княгинями и графинями, которыхъ встрѣчаютъ на гуляньяхъ и на балахъ благороднаго собранія. Онѣ помѣшаны на свѣтскости, о которой не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Онѣ задаютъ балки и вечеринки, оканчивающіеся прескверными ужинами. Всѣ онѣ говорятъ пронзительно и имѣютъ рѣзкія манеры. У всѣхъ у нихъ грязныя переднія, дочери — невѣсты, сыновья — чиновники или офицеры, кареты и коляски, запряженные еледвижущимися четвернями; за каретами лакеи въ заштопанныхъ ливреяхъ съ фантастическими гербами и съ засаленными аксельбантами, и по нѣскольку сотъ душъ крестьянъ, заложенныхъ въ заемномъ банкѣ или въ опекуномъ совѣтѣ съ надбавочными. Провинціальныя барыни раздѣляются на деревенскія, уѣздныхъ и губернскихъ. Объ нихъ надобно говорить или много, или ничего. Объ нихъ когда-нибудь послѣ.



«Съ той поры, когда дочки-барышни выходятъ замужъ, — онѣ получаютъ названія *молодыхъ барынь*, а маменьки ихъ — *старыхъ барынь*.

«Старыя барыни — представительницы отживающаго поколѣнія барынь. Молодыя барыни представительницы новаго поколѣнія барынь. Между отцвѣтшимъ и цвѣтущимъ поколѣніемъ разниа не слишкомъ рѣзкая, однако шагъ впередъ сдѣланъ. вмѣстѣ съ бѣльемъ и платьемъ, въ приданое дочекъ поступаютъ обыкновенно лакеи и дѣвки. Прислуга старыхъ барынь начинаетъ искоса смотрѣть на прислугу молодыхъ барынь. Отсюда начало размолвокъ между этими двумя поколѣніями.

«Вообще барыни начинаютъ формироваться около тридцати лѣтъ. Съ минуты брака до тридцати-лѣтняго возраста, онѣ въ состояніи переходномъ: въ этотъ промежутокъ времени, привычки барышни борются съ возникающими привычками барыни. Къ тридцати годамъ самостоятельное чувство барыни побораеъ нѣкоторыя сантиментальныя наклонности и простодушныя понятія барышни.

«Всѣ барыни въ Россіи относятся другъ къ другу въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Московская барыня выступаетъ впереди и кричитъ во все горло, что «Москва сердце Россіи, что въ Москвѣ Иванъ-Великій и царь-пушка». Петербургская смотритъ на нее насмѣшливо, говоритъ: «сѣ дроздъ, способу пѣтъ: какая провинціалка!» и порывается столкнуть ее съ перваго мѣста. Обѣ онѣ, какъ «столичные штучки», взираютъ съ снисходительною гримасою на губернскую барыню. Губернская созерцаетъ съ умиленіемъ московскую и въ особенности петербургскую, едва удостоивая своего покровительства узланую или мелкопомѣстную, которая съ должнымъ смиреніемъ кланяется ей въ поясъ — и между-тѣмъ искоса бросаетъ спѣсивые взгляды на стоящую поодаль разряженную и разрумяненную кущиху съ черными зубами, ворча съ негодованіемъ: «извольте видѣть, какъ разодѣта! будто барыня кака!»

«Моя геронья — барыня петербургская. Съ ней я былъ коротко знакомъ, и за достовѣрность ея исторіи могу поручиться.»

Изъ разсказу госпожи Жуковой мы, для разнообразія, возьмемъ что-нибудь изъ середины. Но для этого надобно сказать хоть нѣсколько словъ о предъидущемъ. Графиня Л\*\*\*, какъ всѣ дѣвушки, въ молодости очень много мечтала о счастіи и все напрасно. Она искала его у своихъ подружекъ и у работающихъ въ полѣ поселянокъ, искала на балахъ и среди своихъ куколъ, искала на небѣ и на землѣ, и вездѣ находила только мечту. Однажды, утромъ, гувернантка принесла ей букетъ ландышей, связанный голубою ленточкой, на которой было вышито слово «bonheur», счастье. Приколловъ этотъ букетъ къ груди, графиня поѣхала кататься на лошади. Одна, безъ гувернантки, свободная въ чистомъ полѣ, управляя по собственной волѣ гордымъ конемъ, она думала, что для нея уже не было препятствій въ цѣломъ мірѣ, что весь свѣтъ былъ въ ея власти. Она была почти счастлива. Вдругъ лошадь чего-то испугалась, захрапѣла, поднялась на дыбы и понеслась какъ вихрь. Всадница ударилась объ дерево и упала безъ чувствъ на землю. Пришедши въ себя она увидала молодаго человека, въ которомъ узнала свою мечту. Онъ заботливо поддерживалъ голову ушибленной, и старался привести ее въ чувство, что ему и удалось. Въ награду онъ получилъ букетъ ландышей и увѣреніе: «я васъ никогда не забуду!» Пролетѣли годы. Графиня вышла замужъ за человека, который искалъ и всегда находилъ счастье только въ фореляхъ и устрицахъ. Черезъ нѣсколько

времени у счастливаго супруга желудокъ пересталъ варить, надобно было ѣхать на воды. Поѣхали въ Швейцарію. Въ Луцернѣ, въ гостиницѣ, за общимъ столомъ, графиня совершенно неожиданно находитъ опять его, свою мечту. Счастье, бессонница любви, прогулки съ милымъ сердцу, перенесли графиню въ новый міръ, гдѣ все было пронитано свѣтомъ и теплотою, все звучало гармоніей и дышало ароматами.

«Только три дня мы были счастливы; но за нихъ я отдала бы всю жизнь. Мы не сказали другъ другу «люблю», но все для насъ повторяло это слово, — и взоръ и тихое пожатіе руки. Мы были счастливы любовью чистой и святою, любовью достойною небесъ...»

Ахъ! прошло, прошло! все прошло! Опять скажу: то были бредни, мечты, а жаль мнѣ ихъ, — жаль какъ жалѣемъ мы на сѣверѣ объ южномъ солнцѣ въ холодный несчастный день весны безъ зелени и теплаго дыханія.

Для счастья мало, если разсудокъ напоминаетъ непрестанно: «завтра всему конецъ.» Съ нами было не такъ. Едва возвратясь въ Луцерну, мужъ мой и сэръ Сиддъ толковали о поѣздкѣ на Риги, въ Гольдау, и потомъ пѣдѣли на двѣ въ Оберландъ. Длинный рядъ дней прекрасныхъ, открывался передъ нами: Валерій поѣдетъ съ нами. О! Швейцарію надо видѣть съ милымъ сердцу, если хочешь знать верховное блаженство. Но странно: когда въ первый вечеръ по возвращеніи нашемъ я услышала разговоръ объ этомъ путешествіи, сердце мое сжалось; предчувствіе какого-то несчастія, какъ грозный призракъ, стало передо мною. Что это было? какъ-бы какой-то внутренней голосъ шепнулъ мнѣ: «нѣтъ! счастье столько совершенное, столько безмятежное, и такъ надолго, невозможно! Враждебные духи разстроили эти планы, или мой ангель-хранитель, быть-можетъ. Вѣдь это любовь — чувство мнѣ не позволенное; я оскорбляю имъ это доброе, доврчивое существо, съ которымъ связала меня судьба... Оскорбляю? по чѣмъ? что ему до сердца моего? Имя его, которымъ онъ дорожитъ, всегда останется чистымъ; а мое сердце — что потерпитъ богачъ, у котораго украдутъ алмазь, забытый имъ?»

Я вышла на балконъ и невольно остановилась въ дверяхъ; какой-то трепеть, какъ электрическая искра, пробѣжала по всему тѣлу моему. Валерій стоялъ на балконѣ, облокотясь на перила, и задумчивымъ взоромъ слѣдовалъ за прихотливыми формами тучъ. Шорохъ платья моего заставилъ его оглянуться. Я хотѣла-было уйти; но радостный взоръ его доврчиво приглашалъ меня, и я робко стала возлѣ него.

Грудь моя волновалась, сердце билось; но я была счастлива, счастлива его присутствіемъ, и въ самое то время, когда тайный голосъ упрекалъ меня въ этомъ счастіи! И мнѣ кажется даже, что эта первая укоризна совѣсти вдругъ окружила Валерія какъ-бы новою какою прелестью. Мнѣ стало жаль его; онъ вдругъ сдѣлался неизяснимо дорогъ; я любила его въ эту минуту какъ любятъ милое существо, когда готовы цѣлою жизнью искупить слезу, которой были виною. Я упрекала себя въ мысли, что могла на-минуто усомниться въ святости этой любви, и между-тѣмъ эта мысль была не безъ основанія. Если бъ судьба такъ рано не расторгла этой связи, кто знаетъ, унесла ли бы я воспоминаніе о ней столько чистымъ и совершеннымъ.

Валерій казался печальнымъ; мы оба молчали.

— Скоро мы будемъ любоваться вечеромъ въ прекрасныхъ долинахъ Оберланда, сказала я наконецъ желая прервать молчаніе.

— Бога ради не говорите этого! прервалъ онъ; всѣ эти планы несбыточны, невѣроятны

— Это отчего?

— Оттого, что они слишком хороши. Подобное счастье не возможно на землѣ.

Ахъ! эта мысль была вырвана изъ души моей. Я смутилась, и невольная слеза быстро скатилась съ моей рѣсницы. Желая скрыть ее, я уронила платокъ, и мы оба бросились поднимать его. Руки наши нечаянно столкнулись, и докучливая слеза упала на руку Валерія. Мнѣ такъ было досадно на себя, на него, и на цѣлый свѣтъ, что мнѣ казалось, будто вся любовь моя пропала въ эту минуту. Между-тѣмъ Валерій все-еще держалъ мою руку.

— Да, подобное счастье невозможно, сказалъ онъ, какъ-бы продолжая начатую мысль: не возможно, не доступно, невѣроятно мнѣ, какъ мысль, что эта слеза — обо мнѣ и для меня.

Я приняла было видъ холодной ледниковъ Гринденвальдена и хотѣла отнять руку; но онъ привлекъ меня къ себѣ и, наклонясь къ щекамъ, сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Заклинаю васъ небомъ, сбросьте эту маску! Или если взоры ваши доселѣ обманывали меня, если все мое счастье была одна игра кокетства, продлите ее и обманите меня изъ сожалѣнія. Въ первый разъ я думала узнать счастье; если это обманъ, дайте мнѣ унести его съ собою. Что вамъ, что далеко отъ васъ я буду жить вѣрою въ блаженство, которое вамъ ничего не стоило! Смѣйтесь надъ моею мечтою, но оставьте мнѣ ее. Я уйду сейчасъ, сію-минуту если велите; дайте мнѣ только унести съ собою вѣру въ мое минутное счастье.» — Валерій казался такъ искрененъ, такъ просто-доверчивъ, какъ женщина, когда она уже отдала всю любовь свою. И моя душа была полна чувствомъ, но я еще притворствовалась. — Это безумство, съумасшествіе! сказала я вырывая мою руку: что за скоростижная любовь?

Лицо Валерія измѣнилось. Скоростижная? сказалъ онъ: «Нѣтъ; дитя, которое когда-то бросило незнакомцу этотъ букетъ съ обѣтомъ счастья, конечно не думало, что когда нибудь сама же назоветъ скоростижнымъ то чувство, которое съ тѣхъ поръ живетъ для нея въ душѣ его!» — Въ лицѣ Валерія было видно сильное волненіе, хотя онъ старался показать, будто совершенно хладнокровно разсматриваетъ засохшій букетъ цвѣтовъ.

Не могу описать вамъ, что почувствовала я. Этотъ букетъ былъ перевязанъ тою самою лентою, которую мнѣ дала моя добрая Бондъ. Я совершенно забыла сама себя и схватила руку Валерія. О! въ эту минуту для меня не существовали ни страхъ, ни приличіе. Слезы текли по щекамъ моимъ, и я могла только повторять: — Съ тѣхъ поръ, Валерій, съ тѣхъ поръ!... Завѣтная мечта моя, мое безуміе, моя дѣтская любовь, все осуществилось, все приняло живой, понятный чувствамъ образъ, и сердце, уже охладѣвшее въ сомнѣніи, вдругъ ожило для новой жизни... Но что я говорю? какъ могу вамъ передать что чувствовало сердце?...

Возвратите свободу узнику въ ту минуту, когда погасъ уже для него послѣдній лучъ надежды; скажите «живи!» несчастному страдальцу, осужденному на смерть, и вы поймете тогда мое чувство. И я не преувеличиваю: подумайте: моя любовь была жизнію моею; это была моя единственная вѣра, единственное чувство согрѣвавшее мнѣ сердце, и оно вдругъ было возвращено мнѣ тогда, когда я сама начинала сомнѣваться въ немъ!...

Мы были совершенно одни. Валерій крѣпко сжималъ мою руку; счастье взаимной любви блистало въ глазахъ его; слова любви безъ связи лились изъ устъ. Не знаю, отъ чего вдругъ глаза мои устремились на окно комнаты Сидта, выдавшейся въ улицу въ-уровень съ балкономъ. Въ амбразурѣ окна сидѣлъ — мой мужъ и преспокойно допивалъ стаканъ шипанскаго. Я поблѣднѣла. Видѣлъ ли онъ меня! не понялъ ли?... До-снѣла поръ онъ былъ такъ безпеченъ и равнодушенъ ко всему что не касалось

его бисстексовъ и устриць, что я пользовалась полною свободою, и никогда ни малѣйшее подозрѣніе не возмущало нашего домашняго согласія. Въ немъ это была не довѣренность, а просто лѣнь. Довѣренность есть слѣдствие убѣжденія или славной страсти, а ему грѣшно было бы приписать то или другое.

— Пустое безпокойство! онъ ничего не видалъ, ничего не понималъ: говорилъ Валерій сжимая мои руки. Безпокойство сблизило насъ болѣе чѣмъ самая любовь. Говоря объ опасеніи моемъ я высказывала Валерію все сердце, какъ-бы тайны его были ему давно, давно извѣстны! Онъ былъ уже мой старинный другъ, котораго слова имѣли надо мною полную власть; я вѣрила уже ему, и безпокойство мое разсыпалось. Мы вышли въ залу дружно разговаривая, какъ-бы никакой тучи не было надъ нами. Тереза встрѣтила насъ въ дверяхъ, и мы вмѣстѣ отправились за городъ.

Насъ было много, но мы были одни. Вечеръ былъ чудесный; я была счастлива. Онъ прошелъ далеко; но и теперь когда вспоминаю объ немъ, сердце бьется радостію.

Мужъ мой былъ съ нами. Встрѣча съ нимъ напомнила мнѣ мое безпокойство: но онъ былъ также веселъ и беззаботенъ, какъ обыкновенно, и даже, кажется, не обратилъ вниманія на то, что Валерій цѣлый вечеръ не отходилъ отъ меня. «Видишь ли, что я былъ правъ?» сказалъ онъ мнѣ прощаясь со мною. Я пожала его руку.

На другое утро, въ семь часовъ назначенъ былъ отъѣздъ нашего маленькаго каравана. Я заснула въ радостныхъ мечтахъ.

Дѣвушка разбудила меня. Неужели ли пора? спросила я? «Лошади готовы-сь, и баринъ дожидается-сь. Ужъ совсѣмъ одѣтъ.» Я торопилась одѣваться. — Да гдѣ же мадамъ Сидтъ? спросила я, выѣзжая изъ своей комнаты и встрѣтаясь съ мужемъ, который стоялъ въ самыхъ дверяхъ, въ дорожномъ сюртукѣ, въ шляпѣ, съ палкою, и отвѣчалъ мнѣ равнодушно: «Еще спать, думаю.» Зачѣмъ же меня торопили? — «Мы вдемъ въ Цюрихъ, а она, вѣрно, нѣтъ: такъ намъ пора»... Я смотрѣла на него съ удивленіемъ. — «Ваши цвѣты высохли», продолжалъ онъ, подавая мнѣ руку: «въ Цюрихъ поинщемъ новыхъ». И мы сошли съ лѣстницы.»

Меня посадили въ карету: дверца хлопнула: карета покатила... О! никогда не забуду я этого путешествія, никогда не забуду мученія, которое я чувствовала при каждомъ оборотѣ колесъ этой кареты, уносившей меня навсегда изъ Луцерны, отъ него! Я не думала объ моемъ мужѣ, ни объ своемъ странномъ положеніи въ-отношеніи къ нему. Къ стыду моему признаюсь, что я такъ мало привыкла думать о немъ, что и въ эту минуту не онъ занималъ меня. Нѣтъ, я думала о пробужденіи Валерія и вѣчности, разделяющей насъ съ этой минуты.

Мужъ мой заснулъ или притворился спящимъ, не знаю. Съ тѣхъ поръ между нами и въ поминѣ не было ни о цвѣтахъ, ни о Луцернѣ: какъ-бы этой эпохи совершенно не бывало въ жизни нашей. Онъ проснулся у подъезда первой гостиницы, спросилъ себя кофею, и съ тѣхъ поръ я видѣла его неизмѣнно такимъ, какимъ знала до сей минуты, какимъ былъ онъ до конца жизни.»

Вотъ нѣсколько страницъ изъ «Маргера Пилонскаго», разказа Н. В. Кукольника, который мы съ удовольствіемъ выписали бы цѣликомъ, если бъ это было можно.

«Славный край — моя Литва» сказалъ мнѣ Гедыминъ, когда съ высокаго навѣса глядѣли мы на Кернову...

«Да куда же твоей Литвѣ до Кіева!» сказалъ я...

«Э, не говори Цвиркунъ! Повдемъ завтра на охоту, далеко поведемъ, диковины увидишь, святые мѣста!»

«Гдѣ тамъ таки святые мѣста у литовской погани...»

— Гедыминъ вдохнулъ и не отвѣчалъ ни слова. Разумень онъ былъ, да бѣсъ хитрѣе. Крѣпко держалъ онъ князя за сердце и не давалъ ему внутрь Божій свѣтъ принять. Любилъ Гедыминъ свою литовскую погань, болѣлся только то показывать, и не правилось ему, когда глаза ему язычествомъ кололи. Трудно было разобрать, что у него въ душѣ творилось... То онъ христіанства желалъ, то за поганину стоялъ. Только ни тому, ни другому, ни смѣхъ, никакой обиды не дѣлалъ. Повхали мы и на охоту; и и малышей княжата съ собой взяли; придвѣлалъ къ сѣдлу моему сидѣнья, да и посадилъ направо Ольгерда, нальво Кейстута. Огонь а не дѣти, какъ-теперь помню. Дай имъ тура убить! Ну, какъ я имъ дамъ тура убить, когда я такого звѣря съ-роду не видывалъ? На высокихъ горахъ живетъ этотъ звѣрь. Больше двухъ десятковъ лѣтъ никто во всей Литвѣ ни одного тура не видѣлъ; я и говорю княжатамъ, что туръ ихъ — бабья сказка. «А ты чѣмъ вчера медь шилъ?» спрашиваютъ. Тогда я вспомнилъ, что точно то былъ турій рогъ, какого ни на быкахъ, ни на бѣловѣжскихъ зубрахъ я не видывалъ. Вотъ какіе острые княжата были!... Вѣдемъ, вѣдемъ, вдругъ пошли славныя горы, а потомъ озеро большое, и съ островомъ и опять горы, а на одной горѣ — военный городокъ, Троки.

«Чудо, не мѣсто!» сказалъ я, «и подь Кіевомъ такихъ не много...»

«Подари мнѣ, дядя, это мѣсто!» сказалъ Кейстутъ.

«Не мое!» сказалъ я: «спроси у отца!»

«Хорошо!» сказалъ Гедыминъ. «Я построю тебѣ здѣсь городъ, а пока и самъ жить буду...»

«А мнѣ?» сказалъ Ольгердъ.

«А тебѣ Кернову!»

«Не хочу Кернову. Далеко отъ Нѣмцовъ.»

Гедыминъ не успѣлъ отвѣчать. Передъ нами, съ высокой горы прыгнулъ огромный туръ на желѣзные свои рога и побѣжалъ къ озеру. Спустили собакъ; а сами во весь скокъ за ними. Туръ напился воды, оглянулся, и поглядѣлъ на насъ красными глазами. «Нашъ; нашъ!» подумали мы. Какъ бы не такъ, прыгъ, скокъ, уже на скаль; мы за нимъ; больше добрыхъ двухъ часовъ гнались мы за нимъ; ни духу, ни следу... Наѣхали мы на какую-то рѣчку; на другой сторонѣ высокія, высокія горы, чудо не горы, хоть бы въ Кіевъ ихъ поставить. А на горѣ, на лысой маковкѣ, туръ нашъ спитъ-себѣ, только рога отъ дыханія колышутся.

«Видишь, куда спать забрался!» сказалъ я, и первый бросился вплавь.

«Куда ты?» закричалъ Гедыминъ. «Это Нерисъ, святая рѣка, ты не знаешь ея: разсердится, ты мнѣ дѣтей утопишь!»

Я не любилъ никогда назадъ поворачивать. Плыву-себѣ, да творю молитвы; дѣти сидятъ смирно; конь плыветъ знатно; вижу Божіе благословеніе надо мной. Князь не вытерпѣлъ.

«Вытащите этого дурака изъ святой рѣчки!» закричалъ онъ ловчимъ; и тѣ струсили; нечего дѣлать, онъ бросился въ рѣчку самъ, а тѣ уже за нимъ. Да куда! Я уже былъ на томъ берегу и княжата обсушивалъ. «Ну, милости-вы боги!» сказалъ Гедыминъ поглядывая направо. Посмотрѣлъ и я направо... Роцца, высокая роцца подь высокой горой. На той горѣ бойница стоитъ, а въ роцѣ хоромы, изъ камня; большія, а тамъ по берегу, будто весь какал, много домовъ... Ну мнѣ до этого дѣла не было; у меня туръ на умѣ. Вѣдѣлъ я вѣсмъ ловчимъ сплываться; развязать и распутать сѣти и пошли мы гору обходить; а князь хватъ сѣкиру, да, словно кошка, и полезъ на гору... Не успѣли мы въ-тихомолку и на поль-горы взойти, какъ услышали ревъ, — страшный ревъ, такой, что изъ роцци люди повывѣжали... Мы сѣти бросили, пожи на-голо и, что мочи, на гору; высоко; духъ захватываетъ; да за князя страшно; добрались мы до маковки; глядимъ; стоитъ себѣ Геды-

минъ, опершись на сѣкиру, а туръ, такъ будетъ отъ него въ шагахъ двадцати, на песокъ мечется; смерть его ломаетъ. Мы хотѣли докончить.

«Не тропь!» сказалъ Князь. «Я ему въ самое темя попалъ; не встанетъ» и, вправду, страшно захрапѣлъ звѣрь и духъ вошь.

Пока ловчіе съ туромъ возились, поплы мы съ княземъ и княжатами, по горамъ, дальше. Правду сказать, все горы, по Нерису и Вильѣ, будто на игрушку княжескимъ дѣтямъ вырѣзаны... А съ бойницы, что на угловой горѣ, чудо, не видѣ. Внизу двѣ рѣчки одна другой краше; одна по-меньше Вилья, Вильна, Виленка, разна ее называютъ, словно заяцъ съ утеса на утесъ прыгаетъ, шумъ такой, будто она дѣло дѣлаетъ; а другая тоже не тихаго десятка, широкая, спина у нея здорова, добрые струги носить; на нашихъ глазахъ проѣхало шесть или семь большихъ струговъ съ разнымъ товаромъ въ Ковно. Славно было съ бойницы смотреть. Все какъ на ладо-ни. Мѣсто подь погами какъ изъ земли вырѣзано; двѣ рѣчки изъ него будто рогъ выдѣлали. На этомъ мѣстѣ большая роцца, завѣтная, дерево подь рядъ другому дереву. По всей роцѣ такъ чисто, что твои хоромы, а по-серединѣ большая божница изъ камня, такъ какъ и теперь, та же самая...

«Вотъ,» сказалъ Гедыминъ, «Святой Рогъ, дѣти! Такое урочище! Тутъ отецъ Зничъ горитъ: тутъ святица Перкуна. Видно онъ, отецъ, за мной тура прислалъ, а я за войной давно здѣсь не былъ. Тутъ, дѣти, великій Криве-Кривейго живетъ, въ высокой бойницѣ что за лѣсомъ бѣлаетъ. Вотъ до чего Нѣмцы довели бѣдную отчизну вашу... Изъ далекихъ Пруссъ, отъ своего моря, по Нѣману, Криве-Кривейто, жреца жрецовъ, судію судій, гнали Нѣмцы, да гнали и куда загнали, куда только туръ дорогу знаетъ...»

Оглянулся Гедыминъ и остановилъ ясныя очи на соседней горѣ. Была она по-меньше тѣхъ другихъ, только такая круглая, будто пароконь насыпана; на курганъ походила.

«Не худо бы на такой горѣ», сказалъ Гедыминъ, «послѣ смерти, свой прахъ положить. Вода не доскочитъ, и человекъ трудно.»

Задумался Гедыминъ... Помолчалъ, вдохнулъ и сказалъ: «Нѣтъ! туръ нынче диковина! видно не даромъ боги своего звѣря за мной посылали. Пойдемъ, дѣти, спросимъ у Криве-Кривейта, коли онъ насъ къ лицу своему допустить...»

Вотъ ужъ это мнѣ было не по-сердцу. Слово въ колодезь какой, надо было сходить въ долину; были, правда, ступеньки когда-то изъ старой бойницы, да видно давно уже тутъ человѣческая нога не ходила; все поросло травой, а держаться нѣзачто. Я и велѣлъ ловчимъ сѣть пустить по скаль, да копылами укрѣпить на верху, да внизъ лѣзть, да по мѣстамъ конья для опоры вколочивать. Дивился Гедыминъ выдумкѣ и мы спустились по добру по здорову, перешли рѣчку въ бродъ и прямо на Святой Рогъ... Тамъ такой страхъ былъ, что и рассказать трудно. Кудесники и кудесницы бѣжать отъ насъ благимъ матомъ къ Перкуновымъ хоромамъ; а другіе, что посмѣлае, за деревья попрятались, да словно лѣшіе изъ-за пней выглядываютъ. Поймали мы одного. То былъ Вайделота, храмовой прислужникъ, именемъ Гинтовтъ; отъ дородности не могъ уйти, съ-хари видно было, что плутъ и пьяница; а уменъ, нечего спорить, уменъ, и время показало, что уменъ. Гляди, чѣмъ онъ самъ теперь: Криве-Кривейто, на Святомъ Рогѣ живетъ королемъ и, чай, съ Вайделотками жепихается. Ужъ кто другой, пожалуй, а я его цѣломудрію не встрю.

«Дома Лиздейко» спросилъ князь по-Литовски.

«Гдѣ теперь Литвины, коли князь ихъ на лысой кіевской горѣ съ русскими вѣдьмами забавляется!» отвѣчалъ красный.

«Лжешь! Гедыминъ на Святомъ Рогѣ!»

Гинтовтъ не смѣшался, но сталъ на колѣни, и обратясь къ Перкуновой божницѣ, сказалъ торжественно:

«Боги! благодаримъ! приде заблудшій! вы привели его... Радуйтесь! Слаба еще противъ васъ латинская сила!»

Гедыминъ нахмурился. Думалъ я, что онъ оттого нахмурился, что бить обманщика собирается. А вышло не на мое. Проклятый Гинтовтъ въ немъ бѣса спугнулъ... Робко сказалъ князь: «Отецъ Вайделота, могу ли удостоиться видѣть лицо Лиздейки...»

«Послѣ жертвы, князь! очистишься прежде жертвой.»

«Подайте тура!» сказалъ Гедыминъ, какъ-будто обрадовался... «Одинъ рогъ Перкуну, другой мнѣ на память, а изъ мяса устройте печерную трапезу!...»

Не пошелъ я въ божницу, напрасно уговаривалъ меня Гедыминъ и малыши мои; и ихъ не хотѣлъ я пустить, да отецъ старше меня; увели ихъ; всѣ ушли, только я съ тремя ловчими остался и пошелъ бродить по рощѣ... Много времени прошло. Мы берегомъ до лошадей своихъ добрались и привели ихъ къ Святому Рогу. Тутъ проклятые стражники насъ въ рощу не пустили. Говорятъ, нельзя съ неочищенными животными на Рогъ ходить. Мы и устроили станъ подъ самой горой, гдѣ старая бойница была; раскинули шатры охотничьи; положили князю войлокъ да сѣдло; княжатамъ тоже постель приготовили; стали огонь раскладывать; а тутъ и князь воротился. Такой веселый, въ рукахъ у него турій рогъ. Всѣ усмѣхается. Пришелъ, да и легъ на свой войлокъ, да и заснулъ... Я давай княжатамъ разспрашивать, что тамъ въ божницѣ было. Вотъ они и ловчіе мнѣ и рассказали: была жертва, потомъ пришелъ и Лиздейко и обласкалъ Гедымина и много говорилъ чего и дѣти и ловчіе не поняли... Не спится мнѣ. «Что онъ тамъ наболталъ князю», думаю себѣ. Пока я думалъ, смерклося, всѣ уснули, а тутъ по вѣсѣмъ по горамъ пошла волчья переключка; завывали такъ, что унаси Господи. И псы мои пошли выть; а всѣ спать, ничего не слышать; послѣ охоты сомъ кровокъ; я слушалъ, слушалъ, какъ псы и волки воютъ, да видно прискучилося, я взялъ, да и заснулъ. Просыпаюсь. Солнце надо мной стоитъ; всѣ спать; только одинъ Гедыминъ, безъ шлема, закинулъ руки назадъ, да по берегу ходитъ, да думаетъ. Звѣнулъ я раза три, да и сказалъ: «А что, княже?»

«Дивный сонъ видѣлъ я», отвѣчалъ князь: «вонъ на той горѣ, что здѣсь зовутъ Лысой, видѣлъ я, волкъ ходилъ, такой большой, какъ бойница эта; весь онъ былъ въ желѣзномъ панцирѣ, а въ этомъ волкѣ, сто другихъ волковъ было. Дивный сонъ!»

«Какое же тутъ диво, когда я самъ съ-вечера больше ста волковъ слышалъ.»

«Рассказывай? Криве-Кривейто все знаетъ. Вчера я въ этомъ убѣдился. Я уже послалъ къ Лиздейкѣ Гаштолда, пусть намъ этотъ сонъ растолкуетъ.»

«Да я впередъ знаю какъ онъ растолкуетъ.»

«А какъ?»

«Скажетъ: наша братья — злые волки и голодные. Какъ завьемъ по всей Литвѣ, худо будетъ; дай серебра и золота, выть перестанемъ, а большой волкъ, это я, Криве-Кривейто.»

«Видишь сказалъ князь, останопись предо мной, какъ-будто корить меня хотѣлъ: я надъ твоей вѣрой никогда не смѣялся, а сколько было слушаевъ?..»

Прикусилъ я по-неволя языкъ и думаю себѣ: «какой же онъ добрый и разумный!» а тутъ и Гаштолдъ воротился и говорить, что Лиздейко велѣлъ костеръ ставить, будетъ сонъ толковать. Что онъ всю ночь не спалъ, всѣ звѣзды считалъ, и много доброто для князя и народа узналъ. Гедыминъ живо заходилъ взадъ и впередъ, разбудилъ дѣтвой и ловчихъ, не могъ дожидаться вѣсти. Раздался и звонъ; Вайделоты ударили въ щитъ Перкуна. Мы

всѣ бѣгомъ за княземъ, и такъ чуть-чуть поспѣли. Передъ капищемъ стоялъ костеръ, покрытый краснымъ сукномъ, со ступеньками. Когда мы подошли къ костру, изъ божницы посыпалась Лиздейкина челядь разнаго роду; и дѣвушекъ много было тогда уже на Святомъ Рогу; и онъ вышли и несли поломъ въ золотыхъ свѣтильникахъ... И трубы заиграли, и застучали тарелки, и на золотыхъ креслахъ Вайделоты вынесли стараго колдуна Лиздейку. Худой такой былъ Лиздейко; кожа да кости; даромъ-что вмѣсто пояса, ручникомъ бѣлымъ сорокъ девять разъ повязанъ; а все какъ лучина, на головѣ у него шапка коломъ, и чего на этой шапкѣ не было? И галуны, и цѣпочки, и *налистля* (бусы), и дорогіе камни, и наверху золотое яблоко, черезъ плечо перевязъ бѣлая, а на ней изъ разныхъ черныхъ книгъ, краснымъ шелкомъ вышита всякая чертовщина. Какъ увидѣли Лиздейку наши Литвины, язычники, такъ наземъ всѣ и повалились, а онъ въ креслахъ сидитъ-себѣ на красномъ кострѣ и усомъ не ведетъ. Посидѣлъ, посидѣлъ, да и сталъ баять... .

«Великій Государь и защитникъ святыни! боги благословляютъ тебя!»

Тутъ опять застучали и заиграли на трубахъ.

«Высоко станетъ Литва и Нѣмцы устыдятся славы твоей! Дерзай!»

Опять трубы...

«Сонъ твой знаменуетъ великую твердыню, и въ ней будетъ великая сила, и никто не одолѣетъ желѣзныхъ костей того града! Слава Зиждителя!»

Тутъ ужъ и заиграли и запѣли; а Лиздейко взялъ свою кривулю, палку такую, съ тремя кривульками, сошелъ съ костра и подалъ ее князю: «пошли жезлъ мой во всѣ концы Литвы», сказалъ онъ, «и соберутся люди и въ одинъ годъ выростутъ стѣны на горѣ и долу, гдѣ разумъ твой укажетъ.»

«Кого же пошлю я!»

«Кого перваго повстрѣчалъ ты на Святомъ Рогу, тотъ къ чему-нибудь въ этомъ дѣлѣ самими богами назначенъ...»

Князь указалъ на Гинтовта.

«Благо! сказалъ Лиздейко: всякое дѣло, послѣ боговъ, ума бонится...»

Чудное дѣло! видно что колдунъ! и недѣли не прошло, откуда ни возмись, народъ толпами сходилъ на Турью Гору, — такъ мы ее прозвали, — и устроили тамъ станъ великокняжескій; Гедыминъ, опричь Гинтовта, послалъ гонцевъ въ Керново, въ Троки, въ Ковно, даже въ Кіевъ и другіе русскіе города; прѣехали и наши кіевскіе Волошане Модрого и зодчій Хиронъ и пошла работа. На глазахъ расло Вильно. Воротился уже и Гинтовтъ съ заколдованной кривулей, и княгиня съ другими княжатами навѣстила насъ въ Вильнѣ, и воевода Давидъ прѣехалъ съ Нѣмана и всѣмъ Гедыминъ роздалъ мѣста и велѣлъ строить. Что хочешь, только строй. Ну, мое дѣло было на княжемъ дворѣ снарядить добрую псарню, да конюшни, да жильѣ для псарей и конюховъ; все это надо было устроить на низу, не въ замкѣ. Такъ я и сдѣлалъ; а для себя я выбралъ на другой сторонѣ рѣчки важное мѣсто; заложилъ хоромы, гдѣ и теперь живу, на Виленкѣ, да по сосѣдству для отца Геронтія церковь съ домомъ во имя Спаса Преображенія, потому что мы въ этотъ день, передъ новымъ годомъ, изъ Кіева уехали. Осень шибко шла впередъ. Пришло къ намъ въ Вильну и польское посольство; звалъ насъ Владиславъ Нѣмцовъ воевать. Гедыминъ ни отъ какого союза никогда не отъивкался.

«Буду», сказалъ онъ посламъ, «пусть только рѣки замерзнутъ. Теперь пути нѣтъ.»

Отпустилъ князь пословъ и сталъ одѣваться. На то приходитъ Гаштолдъ, и говорить: «Литвины изъ Пиллоны до тебя дѣло имѣетъ!» — «Позови!» Вошелъ мужчина лѣтъ тридцати пяти. Ростъ его всѣмъ намъ показался дивомъ. Головой выше великаго князя. Плечи и руки, словно дубовыя бревна

на желѣзныхъ веревкахъ; лицо умное, но тоской подтянуло. Ножъ у него за поясомъ иному молодцу въ мечи годенъ.

«Что тебѣ надобно!» спросилъ Гедыминъ дивуясь на гостя...

«Тоска сломала, сказалъ онъ такимъ голосомъ, будто волкъ завылъ... Пятый годъ искалъ я моей жены. Нашель, государь, нашель, да назадъ взять не могу...»

«Гдѣ же твоя жена?»

«Въ Остерродѣ, у рыцаря Юганна Эндорфа, въ палаткахъ...»

«Да какъ же попала она туда!»

«А помнишь, какъ мы сами Пилону отстояли; ты не пришелъ къ намъ на помощь. Городъ я спасъ, да жену потерялъ. Нѣмцы изъ-подъ носа украли!...»

«Князь Маргеръ! сказалъ Гедыминъ, вставъ съ мѣста и подавая ему руку. Я за тебя отомщу! Десять Нѣмокъ за одну подарю.»

«Не хочу жены нѣмецкаго кесаря. Вороти мнѣ Герману, что краше и въ Ковнѣ не видали. Пять лѣтъ искалъ я ее; изъ города въ городъ, всѣ Пруссы обошелъ; былъ въ Мариенбургѣ, Гданьскѣ, Королевцѣ и другихъ городахъ; языку ихъ научился. Пылъ врагамъ моимъ литовскія пѣсни; христіаниномъ прикинулся. Нашель наконецъ, да взять не могу, силы не хватаетъ. Эндорфъ командоромъ въ Остерродѣ!»

«Слово, Маргеръ, по первому льду, пойду на Остерроде...»

«Слово, князь, умру за тебя и не вздохну.»

«А пока живи у меня!»

«Нѣтъ! князь! межъ людей мнѣ тяжело; я въ лѣсъ уйду; а по первому морозу я приду за тобой», сказалъ Маргеръ и ушелъ...

И вправду. Напрасно искали его. Пропалъ Маргеръ. Но ударилъ первый морозъ и князь Маргеръ явился. Въ два дни приготовились мы къ походу; на третій, ночью, пошли въ путь.

Походы Гедымина и теперь уже на сказки похожи. А давно ли кажется? Не любилъ онъ съ Нѣмцами поля держать. Нѣтъ. Словно саранча, на Украйнѣ, далеко за Кіевомъ, на цѣлую область набѣжить. Нѣмцы и не знаютъ куда рвануться... И тамъ и въ другомъ и въ десятомъ мѣстѣ слышно про Гедымина; подумаешь, что у него заколдованные сапоги. Вся дружина на коняхъ; обозъ гдѣ-нибудь въ темномъ лѣсу, поставимъ, да и давай кружить. Словно заклятой кругъ колдуна, кругомъ деревни и села горять, изъ высокихъ каменныхъ бойницъ глядятъ на насъ рыцари, да дивуются, а ни одинъ въ поле носа показать не смѣетъ. Гонцы только изъ города въ городъ вздѣть, да куда соберутся ихъ конвенты или монастыри, уже нашъ обозъ, опять въ лѣсу, да только въ другой области, стоитъ. Поживемъ бывало въ Пруссакъ мѣсяць, такъ пѣнныхъ куда больше, чѣмъ войска. Насилу до Литвы ихъ догонимъ. Что въ этотъ походъ князь Маргеръ дѣлалъ, пересказать трудно. Цѣлаго рыцаря съ бою убилъ и послалъ съ двумя пѣнными въ Королевецъ великому орденскому маршалу въ гостинець. Шестъ деревень сжегъ на свою долю, а всю добычу великому князю подарилъ. Но когда мы стали подходить подъ Остерроде, Маргеръ и просить Гедымина: «не вели здѣсь жечь деревень! командоръ насъ заслышитъ.»

«Ладно», сказалъ князь; и пошли мы втихомолку; слова дордгой не перемолвили; малыши мои ни гугу! Боже Великій! какая это была дружина. Народу тысячъ семь, осемь, а стукъ, шумъ... подумаешь что одна легка шагомъ по дорогѣ тащится. Пришли мы подъ Остерроде: ночь, темно, хоть глаза выколи, а Маргеръ, будто кошка, все видитъ, все Гедымину рассказываетъ, да учить. Но великій князь велѣлъ сидѣть смирно; свѣту дожидаться; изъ лѣсу до поры не выѣзжать никому; сидѣть всѣмъ на коняхъ; порядка ради. Потомъ, сказалъ кому гдѣ быть, кому съ кѣмъ итти. Минуло глазкомъ свое утро... Люди спѣшились и пошли. Я съ княжатами

остался при Гедыминѣ съ запасными людьми. Маргеръ и Давидъ повели витязей на приступъ. Раздался тамъ и крикъ... На стѣнахъ зачернѣло, на бойницахъ выскочили огни вѣстовые. «Наша взяла» сказалъ Гедыминъ и вправду задымились хоромы, гдѣ рыцари платье свое держали; поднялось поломя; осветило и насъ и нѣмецкую твердыню. Видимъ, гонять нашихъ назадъ; валятся Литвины съ лѣстницъ. Гедыминъ хотѣлъ-было на помощь ударить, да поглядѣлъ на бойницы: вѣтеръ на всѣхъ башняхъ знамена качаетъ; вонъ баварское знамя! вонъ знамя великаго маршала, вонъ большое знамя Божіей Матери — и Гедыминъ затрубилъ. Чортъ въдастъ, что такое. Псы у меня не были такъ учены и поворотливы какъ Литвины у Гедымина. Послѣ третьей трубы, вся дружина была уже на чистомъ полѣ; впереди не шель, сбѣжалъ Маргеръ; на рукахъ у него лежала женщина, обмороченная испугомъ. Онъ упалъ передъ великимъ княземъ на колѣна, держа на рукахъ дорогую пошу.

«Вотъ она!» кричалъ онъ, такъ что я думаю въ Остерродѣ было слышно. «Вотъ она! теперь князь, вели мнѣ умереть... пойду, куда прикажешь!»

«Правъ Лиздейко!» отвѣчалъ князь. «Милостивы боги! знаешь ли, Маргеръ, на кого мы наткнулись? погляди на бойницы! Видишь ли? узнаешь ли эти знамена? великій магистръ со всѣмъ орденомъ въ Остерродѣ.»

Маргеръ поглядѣлъ на бойницы и покачалъ головою. «Вправду милостивы боги!» сказалъ онъ: «изъ рукъ всего ордена я вырвалъ мою Герману! чудное дѣло! я зажегъ ихъ хоромы, я выломалъ желѣзныя двери старой темницы, гдѣ ее пряталъ Эндорфъ отъ магистра, отъ старшихъ и младшихъ братьевъ; я унесъ ее, положивъ трупомъ многихъ челядниковъ и сошелъ со стѣны, только по твоему призыву. Право, чудное дѣло!»

Германада очнулась. Надо было видѣть ея радость, счастье; она бросалась на Маргера, обнимала, цѣловала его, то хватала великокняжескую ногу и обливала ее благодарными слезами... Но вдругъ Германада будто опомнилась, начала озираться и глазами искать чего-то. Лицо ея стало такое блѣлое, исковеркалось; она прижалась къ Маргеру и стала шептать, да такъ, что слушать было страшно: «А гдѣ же дѣти?»

«Какія дѣти?» задрожавъ всѣмъ тѣломъ, спросилъ Маргеръ...

«Дѣти мои! мой Альфъ, моя Альдона! пустите меня, я сейчасъ принесу ихъ, пустите меня!...»

«Ихъ убили!» сказалъ Маргеръ.

«Убили!» закричала она и повалилась ни жива ни мертва къ ногамъ Маргера.

«Какъ, Маргеръ, неужели ты убилъ дѣтей?» спросилъ князь строго.

«Нѣтъ, князь. Но она должна такъ думать! она должна забыть объ этомъ нечистомъ приплотѣ... Я не убилъ ихъ, потому что не встрѣтилъ!»

Въ это время съ бойницъ сняли вдругъ всѣ знамена.

«Ого», сказалъ князь, «Магистръ идетъ самъ за Германой! на коней!»

И всѣ услышали; Маргеръ взялъ полу-мертвую на сѣдло; раздался трубы и мы ушли... Магистръ со всѣмъ войскомъ потянулся за нами къ берегамъ Нѣмана, а намъ домой еще не хотѣлось, мы пошли гулять, да жечь посады другихъ твердынь нѣмецкихъ...

Но вотъ уже и роковая грань, предѣлъ статьи, за которую страшно переступить, а намъ еще такъ хотѣлось выписать что-нибудь изъ «Фультона», прекрасной повѣсти П. П. Каменскаго. Впрочемъ, для насъ всё-равно: вы будете же читать всю книгу. Стиховъ мы вамъ еще совсѣмъ не показывали, а статью уже конецъ. Нѣтъ, погодите, хоть немножко, хоть парочку страницъ еще выпишемъ. Возьмемъ «Жалобу» Э. И. Губера.

«Не стало силъ, не стало воли.  
Куда я скроюсь отъ страстей,  
Отъ горькихъ слёзъ, отъ тайной боли,  
Отъ страшной немощи моей?»

Дорогой жизни одиноко  
Нести проклятіе свое  
И знать, что чуждо и далеко  
Для всѣхъ страданіе мое;

Съ душою пламенной и нѣжной  
Родной души не находить,  
Въ разбитомъ сердцѣ стонъ мятежный  
Холоднымъ смѣхомъ заглушить;

Просить, алкать духовной пищи,  
Искать любви, искать друзей,  
И объ участіи, какъ нищій,  
Молить безчувственныхъ людей;

Чужія ласки злобно видѣть,  
Своихъ ни съ кѣмъ не разделить,  
И тамъ безумно ненавидѣть,  
Гдѣ такъ хотѣлось бы любить;

Раскрыть холодныя объятія,  
Друзей на праздникъ сердца звать,  
И съ воплемъ дикаго проклятія  
Холодный воздухъ обнимать;

На сходку съ братьями своими  
Принести страданія чуму,  
И тутъ быть лишнимъ между ними,  
И тутъ быть снова одному;

И тутъ мѣшать, суровымъ взглядомъ  
Бесѣду душъ остановить,  
И грудь наполнивъ желчнымъ ядомъ  
Съ чужаго пира уходить;

И вновь какъ Парія презрѣнный,  
Влачить томительные дни  
И видѣть съ завистью смущенной,  
Какъ дружбу празднуютъ они;

О, это страшно, это больно:  
Все сердце бѣдное въ клочкахъ,  
И грѣшной жалобой невольной  
Взываетъ къ Богу въ небесахъ.

И всё тяжеле злое бремя,  
Больше чувство нищеты,  
Всё глубже медленное время  
Хоронить скудные мечты.»

Да вотъ еще хоть половину оды Державина, и довольно.

«Всѣмъ дѣйствіямъ здѣсь есть причина,  
Собой не можетъ быть ни что;  
Конецъ, начало, есть середина,  
Доказываетъ опытъ то.  
Какой же случай прежде вѣка

Всему далъ жизньъ, и человѣка  
Душой разумной одарилъ?  
Ужели свѣтъ былъ созданъ тьмою?  
Ты глупость чтешь ума виною,  
Безсиліе — причиной силъ?»

Умъ человѣческой огромный,  
Не можетъ атомовъ создать,  
То какъ же случай глупый, темный,  
Возмогъ вселенну основать?  
Украсить сводъ небесъ звѣздами,  
Разлить моря между берегами?  
Пустить по тверди трескъ громовъ?  
Природѣ дать движенія души?  
Пролить дожди и сдѣлать сушу?  
Лучи составить изъ цвѣтовъ?»

Порядокъ, стройность всей природы,  
Связь общая во всѣхъ вещахъ,  
И поддержанія тварей роды,  
Всегда имъ въ свойственныхъ чертахъ  
Слѣпой ли, дѣйствіе, причины?  
Коль слонъ рсдилъ бы апельсины,  
И бытіе дубъ галкъ далъ;  
Когда бь огонь знобилъ намъ члены,  
То бь вслѣдствіе такой премъны  
Льзя мыслить: «случай тутъ игралъ!»

Но мы рожденные одними,  
И производимъ въ свѣтъ другихъ,  
Природа узами святыми  
Сковала чадъ съ отцами ихъ,  
Она жь велѣла наслажденю,  
Дать поводъ къ нашему рожденю;  
А безъ того, что бь быть могло?  
Бѣда въ потомствѣ, а не радость:  
Ужли жь союзомъ нѣжныхъ сладость  
Пустое въ мѣрѣ сопрягло?»

Когда ничто — міровъ создатель,  
 То призракъ жизни, сонъ пустой:  
 И совѣсть, честь и добродѣтель, —  
 Дѣла причины все слѣпой.  
 Что жъ было бъ свято намъ въ природѣ:  
 Равно бы славились въ народѣ,  
 Отрепьевъ, Мининъ, Анкерштремъ.  
 И къ пользѣ частной устремленны,  
 Злодѣйства были бы почтенны,  
 Пороки были бъ милы всѣмъ.

Въ хаосъ бы міръ сей обратился,  
 Порядка умъ нашъ былъ бы чуждъ,  
 Вездѣ бъ духъ буйства воцарился, —  
 Расторглась связь взаимныхъ нуждъ.  
 Морозы спорили бъ съ жарами,  
 Міры столкнулись бы съ мірами,  
 Расшибли бъ твердь небесныхъ тѣлъ,  
 Вездѣ бъ былъ ужасъ разрушенья,  
 Разстройство, смерть, опустошенье, —  
 Огонь бы въ недрахъ водъ горѣлъ.

Но что въкозъ прошло ужъ въ міръ,  
 А все своей идетъ чредой;  
 Коль царства пали, рабъ въ портиръ —  
 То глупость наша въ томъ виной:  
 Монада, волей одаренный,  
 Помыслилъ человекъ надмѣнный,  
 Чтобъ было все въ его рукахъ,  
 Чтобъ въ страхъ всѣ предъ нимъ трислися, —  
 И рѣки крови пролилися  
 И человечество въ цѣпяхъ!

Вотъ сколько глупость твари тлѣнной  
 Наводитъ міру страшныхъ бѣдъ!  
 Такъ что жъ бы было съ той вселенной,  
 Въ творцѣ которой смысла нѣтъ?  
 Хоть зло является межъ нами,  
 Но мы тому причиной сами,  
 Всегда одинъ Творца законъ:  
 Онъ служитъ твари къ соблюденью,  
 Не къ ужасу и разрушенью, —  
 Къ добру навѣки устремленъ.

Виновенъ ли Создатель свѣта,  
 Что гордость здѣсь, корысть, обманъ;  
 Что чтутъ пророкомъ Магомета  
 На тронѣ царствуетъ тиранъ?  
 Что ханжества костры пылаютъ?  
 Что войны міръ опустошаютъ?  
 Онъ далъ намъ жизнь и бытіе,  
 Онъ далъ намъ часть ума и воли,  
 Зачѣмъ же къ точкѣ лучшей доли  
 Не правимъ сами мы ее?

Гласъ правды разума священной  
 Твердись въ душѣ моей!  
 Какъ громъ раздайся во вселенной  
 И врѣжься ты въ сердца людей:  
 Отъ грубыхъ трудниковъ Потозы  
 До Мирабо и до Спинозы!  
 Не знать тебѣ Творца всего —  
 Гораздо меньше преступленья  
 Чѣмъ въ ложномъ случая сужденьи,  
 Доказывать, что нѣтъ Его.

Зиждигель вѣчный, Всемогущій!  
 Всего что есть — Душа, Вина,  
 Святой, Всесильный, Вездѣсущій,  
 Кѣмъ вся природа создана!  
 Хоть я Тебя не постигаю,  
 Но что Ты есть, то твердо знаю,  
 И слабымъ докажу умомъ:  
 Что Ты Великъ, — коль всѣмъ владѣешь!  
 Ты Благъ — коль все хранить умѣешь!  
 Премудръ — коль правишь естествомъ!»

Убѣждены ли вы теперь, что этой книгѣ не нужна похвала? Если  
 еще нѣтъ, такъ прочтите ее всю, и тогда уже навѣрное убѣдитесь.

№ 44/45 — 24 октября и 7 ноября 1891

# СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА.

I.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка. Сочиненіе сенатора *Бутурлина*. Санктпетербургъ, 1839 — 1841. — Два тома.

Статья первая.

Начало семнадцатаго вѣка въ Россіи ознаменовано событіями чрезвычайными, которыя тѣмъ болѣе изумляютъ насъ, что исторія предшествующаго полу-вѣка нисколько не приготовляетъ къ нимъ. Русскій народъ, двадцать-четыре года сряду безропотно покорявшійся всемъ неистовствамъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, вдругъ самъ разрываетъ всѣ узы законной подчиненности, и съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ вдается въ ужасы самовольства и безначалія. Духъ буйства и раздору, предавая всѣ сословія изступленію гнуснѣйшихъ страстей, потрясаетъ самыя начала государственнаго состава и очевидно влечетъ Россію къ конечному разрушенію ея самобытности. Но безмѣрность зла ужасаетъ и строитивѣйшихъ. На краю бездны Русскіе внимаютъ гласу погибающаго отечества. Сильный, единодушный порывъ уничтожаетъ вѣроломные замыслы вѣнскихъ враговъ и внутреннихъ крамольниковъ, и спасенная Россія успокоивается на обновленныхъ основаніяхъ своихъ. Только внимательный разборъ подробностей происшествій того времени можетъ объяснить намъ причины



этихъ дивныхъ переворотовъ, важнымъ слѣдствіемъ которыхъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многочисленнаго сословія въ Россіи.

Осьмнадцатаго марта 1584 года, смерть прекратила ужасные дни Грознаго. Казалось, Русскимъ оставалось только наслаждаться спокойствіемъ. Но люди искренно преданные отечеству не безъ трепета встрѣчали новое царствованіе. Извѣстное всѣмъ слабоуміе Θεодора, сына и преемника Іоаннова, давало поводъ опасаться, чтобы величіе государства не помрачилось безуправствомъ. Нельзя было не признаться, что свирѣпая, но мощная, рука царя Іоанна не безъ пользы дѣйствовала къ довершенію великихъ начинаній глубокомысленнаго дѣда его, великаго князя Іоанна III, настоящаго основателя руссійской монархіи. Но черезъ безсиліе недужнаго Θεодора Россія могла снова утратить блага, пріобрѣтенныя ею столь дорогою цѣной. Впрочемъ, событія не оправдали этихъ опасеній. Θεодоръ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ и обязанностямъ своего высокаго сана, любилъ только колокольный звонъ и свою достойную супругу, царицу Ирину, родной братъ которой, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, находился уже въ боярскомъ званіи еще при жизни царя Іоанна. Этому хитрому, честолюбивому вельможѣ, одаренному отъ природы необыкновенными способностями, не трудно было, черезъ посредство нѣжно привязанной къ нему сестры, совершенно овладѣть царемъ, и его именемъ управлять государствомъ. Ему обязана Россія, что четырнадцати-лѣтнее Θεодорово царствованіе справедливо почитается одною изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ ея исторіи. Внутреннее благоденствіе народа, укрощеніе опаснаго черемисскаго бунта, озаботившаго послѣдніе годы правленія Іоаннова, возвращеніе силою оружія отъ Шведовъ Иванъ-города, Ямы, Копорья и Кексгольма, упроченіе и распространеніе завоеваній въ Сибири и, наконецъ, уничтоженіе зависимости Русской Церкви отъ цареградской посредствомъ установленія самобытнаго патріаршества въ Москвѣ, обнаружили правительственную мудрость Годунова и, казалось, служили вѣрнымъ залогомъ прочности русскаго могущества. Однако среди этихъ славныхъ подвиговъ одно преступное дѣйствіе посѣвало уже сѣмена будущихъ золъ. Говоримъ объ убіеніи царевича Димитрія. Смерть царевича была нужна Годунову для исполненія дерзкихъ замысловъ. Правитель, — самъ патріархъ такъ называлъ Годунова, — упоенный безмѣрною властію, съ ужасомъ разсчитывалъ, что мгновеніе могло лишить его этой власти. Все зависѣло отъ жизни царя, которому слабое сложеніе не обѣщало ни долготѣія ни потомства. Единственнымъ наслѣдникомъ былъ осьмилѣтній братъ Θεодора, царевичъ Димитрій, жившій со своею матерью, изъ фамиліи Нагихъ, въ данномъ ему въ удѣлъ городъ Угличъ. При воцареніи Димитрія, Годуновъ неминуемо сдѣлался бы жертвою закоренной ненависти къ нему Нагихъ. Къ естественному желанію отвратить грозящую опасность, присоединились еще въ сердцѣ Годунова обольщенія верховнаго сана. Уже царь на дѣлѣ, онъ хотѣлъ быть и царемъ по имени. Одинъ Димитрій заграждалъ ему путь къ престолу. Участъ царевича была рѣшена.

Замышляя погибель Димитрія, Годуновъ искалъ сперва обезславить его въ общемъ мнѣніи. Приверженцы правителя повсюду раз-

сѣвали слухи, будто царственный отрокъ, оказываемою въ играхъ и разговорахъ лютостію, уже подобился отцу своему. Съ другой стороны, основываясь на происхожденіи его отъ седьмаго брака, православною церковью запрещаемого, Годуновъ выставялъ царевича незаконно-рожденнымъ и запрещалъ помянуть имя его на литургіи. Позволительно предполагать, что правитель нѣкоторое время думалъ этимъ средствомъ отстранить опаснаго соперника и безъ совершенія преступленія, которому еще противоборствовала совѣсть. Но скоро онъ увидѣлъ ненадежность этихъ мѣръ. Не трудно было угадать, что со смертію Θεодора исчезнетъ всякое сомнѣніе насчетъ законности рожденія Димитрія въ глазахъ народа, искренно привязаннаго къ поколѣнію старинныхъ государей своихъ. Оставалось или отказаться отъ очаровательной мечты или содѣлаться злодѣемъ. Годуновъ избралъ послѣднее.

Хотя правителю удалось закупить царевичеву мамку, боярину Волохову, однако жъ бдительность нѣжной матери и вѣрной кормилицы не дозволила исполнить предпринятаго намѣренія тайно извести Димитрія. Прибѣгли къ злодѣйству открытому. Посланные отъ Годунова въ Угличъ убійцы, Данила Битяговскій и Никита Качаловъ, съ помощію мамкина сына, Осипа Волохова, зарѣзали царевича, пятнадцатаго мая 1591 года, около полудня, на крыльцѣ занимаемаго имъ дворца. Встревоженный страшною вѣстію, народъ угличскій толпами бросился къ дворцу и, въ изступленіи горести, при видѣ бездушнаго трупа, убилъ трехъ злодѣевъ, и съ ними отца Битяговскаго и трехъ челоуѣкъ и одну женщину, подозрѣваемыхъ въ участіи. Если взять въ соображеніе, сколь нужно было Годунову прервать всѣ нити, по которымъ можно бы было добраться до настоящаго зачинщика, то не легко оградить себя отъ подозрѣнія, что онъ же былъ тайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ, и что по наущенію его же приверженцевъ городскіе жители самоуправно отомстили за смерть царевича.

Успокоенный касательно явныхъ противъ себя уликъ, правитель еще тревожился слухомъ о народной молвѣ, грозно указывавшей на него, какъ на перваго виновника преступленія, которое ни кому иному не могло быть полезно. Чтобы избавиться отъ страшнаго нареканія, ему не оставалось другаго средства, какъ постараться доказать, что самое преступленіе было вымышленное. Хотя труднымъ казалось выставить въ ложномъ видѣ происшествіе, которому свидѣтелемъ былъ цѣлый городъ, однако жъ Годуновъ отважился на это предпріятіе, и лукавство его и тутъ увѣнчалось успѣхомъ, почти неизвѣстнымъ. По повелѣнію его, немедленно отправлены изъ Москвы въ Угличъ три слѣдователя, бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій и царскій дядька Андрей Васильевичъ Клешнинъ и дякъ Вылузгинъ. Клешнинъ былъ извѣстнымъ угодникомъ правителя. Ничтожность Вылузгина скрыла отъ потомства его образъ мыслей; нѣтъ сомнѣнія однако жъ, что онъ избранъ былъ изъ числа преданнѣйшихъ слугъ Годунова. Но все покрывалось громкимъ именемъ Шуйскихъ. Всѣмъ было извѣстно, что эти горделивые потомки государей суздальскихъ явно враждовали Годунову, который, платя злобою за злобу, въ недавнемъ времени еще приказалъ удавить

двухъ бояръ Шуйскихъ, князя Андрея Ивановича и племянника его, знаменитаго защитника Пскова, князя Ивана Петровича. Поэтому назначеніе князя Василія Ивановича казалось дѣйствию смѣлымъ, являющимъ безпристрастіе правителя. Но онъ уже успѣлъ преклонить на свою сторону князя Василія Ивановича. Этотъ вельможа, самъ едва ли уступавшій Годунову въ лукавствѣ и честолюбіи, убѣдился, что, въ неравной борьбѣ съ властителемъ государства, онъ только изготовилъ бы себѣ неминуемую гибель, и потому рѣшился отказаться отъ семейной ненависти и сблизиться съ убійцею своихъ сродниковъ, въ ожиданіи отъ него важныхъ для себя выгодъ и почестей. Годуновъ, желая упрочить примиреніе съ нимъ, выдалъ свояченицу свою, дѣвицу Екатерину Скуратову, за меньшаго его брата, князя Димитрія. Легко вообразить, что такіе слѣдователи дѣйствовали по направленію Годунова. Единодушное свидѣтельство угличскихъ жителей было устранено, а основаніемъ розыска приняты показанія нѣкоторыхъ лицъ, закупленныхъ или застрашенныхъ. Царю донесли, столицѣ объявили, что царевичъ самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни. Этотъ изворотъ былъ тѣмъ пріятнѣе для Годунова, что давалъ ему поводъ обратить свой гнѣвъ на тѣхъ, которые искренно оплакивали Димитрія. Наказуя будто бы небреженіе о царевичѣ, Нагихъ разослали въ отдаленные города, а вдовствующую царицу, постриженную по-неволѣ и нареченную Марою, заключили въ монастырь. Угличане также не укрылись отъ злобы правителя: ихъ укоряли въ пролитіи мнимо невинной крови убійцъ царевичевыхъ. До двухъ сотъ человекъ казнены, другіе разсажены по темницамъ, а большую часть вывели въ Сибирь и поселили ими городъ Пелымъ. Запустѣніе Углича осталось для потомства печальнымъ памятникомъ мести и преступленія Годунова.

Выказывая свое могущество погубленіемъ противниковъ, правитель вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждался въ необходимости воспользоваться первымъ случаемъ для умноженія во всѣхъ сословіяхъ числа своихъ приверженцовъ, посредствомъ благодѣяній и щедрости. Случай незамедлилъ представиться, и столь благовременно, что современники не усомнились приписать его тѣмъ же тайнымъ побужденіямъ. Москва загорѣлась двадцать-втораго мая, не случайно, а по злоумышленію и, утверждаютъ, по повелѣнію Годунова. Пожаръ былъ ужасный. Уцѣлѣли только Кремль и Китай. Это бѣдствіе уже тѣмъ было полезно для Годунова, что отвлекало умы отъ толковъ о смерти царевича. Но правитель этимъ не удовольствовался. Онъ явился среди отчаянныхъ Москвитинъ въ видѣ ангела-утѣшителя, сыпалъ деньги, давалъ льготныя грамоты, однимъ словомъ, не только всякой получилъ нужное пособіе, но для многихъ вознагражденіе даже превышало убытки. Неминуемымъ слѣдствіемъ этой расчетливой расточительности было, что всѣ нареканія на Годунова умолкли, и имя его громко славилось въ столицѣ.

Такимъ образомъ правитель приближался къ своей цѣли, какъ вдругъ нечаянное событіе едва не испровергло всѣхъ его замысловъ. Царица Ирина оказалась беременною и, четырнадцатаго іюля 1592, родила дочь, Феодосію. Но эта неожиданная соперница не долго безпокоила Годунова: она скончалась въ слѣдующемъ году,

и преждевременная смерть ея навлекла новое подозрѣніе на правителя.

Другое дѣйствіе воли Годунова, было, укрѣпленіе крестьянъ. Изстари люди низшаго состоянія въ Россіи раздѣлялись на два сословія, — *холопей*, находившихся въ домашней службѣ не только у чиновныхъ людей, но и у купцовъ, и *крестьянъ*, упражнявшихся въ сельскихъ занятіяхъ. Холопы также были двухъ родовъ, полные и кабальные. Полными назывались тѣ, которые, и съ потомствомъ своимъ, находились въ вѣчномъ, потомственномъ владѣніи господъ. Кабальные же, также съ происшедшими отъ нихъ, были крѣпки тому господину, кому давали на себя кабалу только на время его жизни, но смерти же его опять получали свободу. Всякой вольный человекъ, не исключая и крестьянъ, имѣлъ право не одного себя, но даже и дѣтей своихъ, записывать въ полные или кабальные холопы къ какому бы то ни было господину. Что касается до крестьянъ, то они всегда были людьми вольными, не имѣвшими впрочемъ собственности недвижимой. Они пользовались правомъ произвольно переходить изъ одного селенія въ другое, разсчитавшись предварительно съ прежнимъ владѣльцемъ. Для избѣжанія помѣхи въ сельскихъ работахъ, срокъ перехода положенъ былъ по окончаніи ихъ, и ограничивался двумя недѣлями, именно, за недѣлю до осенняго Юрьева дня и черезъ недѣлю послѣ него. Крестьяне, въ вознагражденіе за предоставляемые имъ участки земли, работали на владѣльца и вмѣстѣ съ тѣмъ платили въ казну подать, которая обезпечивалась посѣянными на ихъ участкахъ хлѣбомъ. Въ этомъ, такъ-сказать, кочевомъ состояніи, крестьяне хотя не могли блаженствовать, потому что владѣльцы, не радѣя о временныхъ работникахъ, обременяли ихъ трудами непомерными, а сироты, увѣчные, устарѣлые, основывали всю надежду пропитаться на прихотливыхъ побужденіяхъ состраданія чужихъ людей; однако жъ важныхъ государственныхъ неудобствъ не представлялось пока Россія пребывала въ стѣпенныхъ границахъ и, въ особенности, пока удѣльная система разрѣзывала ее на мелкія владѣнія. Но, когда съ водвореніемъ единодержавія и расширеніемъ предѣловъ государства, кругъ перехода крестьянъ чрезвычайно увеличился, бродяжничество ихъ со дня на день становилось вреднѣе. Зло это дошло до высочайшей степени съ покореніемъ Казани и Астрахани, обезопасившихъ все пространство земли между Цною и Волгою. Эта обширная плодородная страна, рѣдко населенная Мордвою, Чуваши и Татарами, представляла важныя выгоды для новыхъ переселеній. Не трудно было сильнымъ вельможамъ и богатому духовенству пріобрѣсть тамъ пустопорожнія земли и переманивать туда поселенцевъ изъ внутреннихъ областей Россіи къ крайнему разоренію бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ возможности доставлять крестьянамъ своимъ льготы и выгоды, предлагаемыхъ выходцамъ зажиточными людьми. Первымъ слѣдствіемъ этого было запустѣніе селъ и деревень въ окрестностяхъ самой столицы. Годуновъ, съ одной стороны предусматривая ослабленіе государства отъ могущаго произойти въ самыхъ недрахъ его безлюдова, а съ другой, желая угодить мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, составлявшимъ въ то время

главную военную силу Россіи, прибѣгнувъ къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Увлекаясь примѣромъ сосѣдственныхъ земель, Литвы, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ съ давняго времени крѣпостное право владѣльцевъ селеній распространялось и на жителей, онъ запретилъ переходъ крестьянъ, велѣлъ имъ оставаться навсегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они значились по переписнымъ книгамъ, составленнымъ въ 1593 году.

Феодоръ тихо приближался къ гробу, не оставляя по себѣ наследника, котораго по тогдашнимъ понятіямъ можно было бы назвать законнымъ. Московскій великокняжескій домъ гибнулъ подъ ударами собственныхъ чадъ своихъ. Какъ всѣ помышленія глубокомысленныхъ государей этого дома устремлялись къ водворенію единой державы и къ учрежденію престолонаслѣдія по праву представленія первородства, и старѣйшинства въ родѣ, то для достиженія этой важной двойкой цѣли они даже не дорожили связями семейными. Самые ближніе кровные ихъ дѣлались жертвами мрачной политики. Иныхъ умерщвляли, другихъ осуждали на вѣчное заточеніе. Кромѣ того великіе князья неохотно позволяли братьямъ своимъ вступать въ бракъ, отчего нѣкоторые изъ нихъ умирали холостыми. При такихъ противныхъ распложенію дѣйствіяхъ, неудивительно, что царскій корень, хотя отъ природы одаренный довольно замѣчательною плодовитостью, изсякалъ, и что одинокій Феодоръ оставался безъ сродниковъ, даже дальнихъ, по мужескому поколѣнію. Впрочемъ, хотя племя московскихъ государей рѣшительно пресѣкалось, однако жъ много еще было въ Россіи князей, которые въ Рюрикѣ и Мономахъ имѣли общихъ съ ними родоначальниковъ, но никто и не помышлялъ, чтобы въ этихъ побочныхъ отрасляхъ, униженныхъ мѣстничествомъ, могло еще сохраниться право на наслѣдованіе престола царскаго.

Въ наше время мало понимаютъ мѣстничество. Историки, не исключая и самого Карамзина, приписываютъ изобрѣтеніе этого чуднаго учрежденія единственно сумазбродному тщеславію старинной нашей аристократіи, а вкорененіе его безпечному послабленію московскихъ государей. Но кто же были эти государи? Лѣтописи указываютъ намъ, что мѣстничество, принявшее свое начало при Іоаннѣ III, размножилось при сынѣ его Василіѣ Іоанновичѣ, а утвердилось и сдѣлалось настоящимъ государственнымъ учрежденіемъ при Васильевомъ сынѣ, Іоаннѣ Грозномъ, который письменнымъ закономъ указалъ ему правила и предѣлы. Основательно ли осуждать въ безпечности и послабленіи государей, которые отличались необыкновенною дальновидностью и чрезвычайною твердостью, часто доходившею даже до лютости, и не должно ли, напротивъ, полагать, что государи эти сами желали введенія мѣстничества, не безъ важныхъ на то политическихъ причинъ, которыя даже и угадать не трудно? Стоитъ только вспомнить, что главнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ того времени было водвореніе и упроченіе единой державы. Покореніе удѣльныхъ князей уже водворяло единодержавіе, но для упроченія его еще нужно было униженіе ихъ потомковъ. Для достиженія этой цѣли, московскіе государи, съ свойственною себѣ пронизательностью, избрали орудіемъ мѣстничество. Какъ служба въ московскомъ войскѣ

была первою обязанностію покореннаго удѣльнаго князя, то онъ неминуемо долженъ былъ находиться подъ начальствомъ боярина, которому ввѣрено войско. Эту случайную подчиненность старались обратить въ постоянную. Есть врожденное чувство, даже и въ наше время не совсѣмъ угасшее, по которому сынъ знатнаго сановника считаетъ себя выше сына чиновника, служившаго подъ начальствомъ его отца. Основываясь на этомъ, мѣстничество постановило правиломъ, что когда кто начальствовалъ надъ кѣмъ, то сынъ начальствовавшаго не можетъ безъ позору находиться на службѣ ниже сына того, кто былъ подчиненъ его отцу. Мѣстничество было учрежденіе довольно многосложное. Военскія и придворныя должности раздѣлялись на разныя степени достоинства. Такъ на примѣръ первый воевода Большаго Полка, то есть, главнокомандующій, почитался степенью выше перваго воеводы правой руки, а этотъ степенью выше перваго воеводы передоваго полка, и слѣдственно первый воевода Большаго Полка былъ уже двумя степенями выше перваго воеводы передоваго полка, и такъ далѣе. Также не всѣ сыновья одного пользовались одинакимъ старшинствомъ. Напротивъ того, если взять въ примѣръ двухъ отцовъ, А и Б, изъ которыхъ у А было три сына, В, Г и Д, и у Б также три сына, Е, Ж и З, и положить, что А былъ выше Б одною степенью, то В будетъ имѣть преимущество одной же степени надъ Е, двухъ степеней надъ Ж и трехъ надъ З; Г будетъ равенъ Е и одною степенью выше Ж, и двумя степенями выше З; наконецъ Д будетъ одною степенью ниже Е, равенъ Ж и одною степенью выше З. Легко вообразить, что въ многочисленныхъ семьяхъ разсчеты эти производили довольно запутанности и часто лишали правительство возможности употреблять людей по мѣрѣ ихъ дарований. Но эти неудобства, хотя и дѣйствительныя, были преувеличены писателями, которые всегда и безъ всякой разборчивости порицали мѣстничество. Въ важныхъ случаяхъ, когда государственная польза требовала болѣе имѣть въ виду настоящее достоинство лицъ, чѣмъ воспоминаніе о заслугахъ предковъ, царь останавливалъ дѣйствіе мѣстничества, приказывая служить *безъ мѣстъ*. Тогда никто не могъ отказаться поступить подъ начальство къ тому, надъ кѣмъ имѣлъ старѣйшинство, но зато такого рода случаи записывались въ разрядахъ съ отмѣтою, чтобы ими никогда не руководствоваться, а считать ихъ дѣйствіями не бывальными и слѣдственно оставлявшими всѣхъ чиновниковъ при прежнемъ ихъ старшинствѣ. Хитро-слетенный механизмъ этого глубоко обдуманнаго плана дѣйствовалъ такъ удачно, что одного вѣка достаточно было для довершенія отдаленія княжескихъ родовъ безъ всякихъ самопроизвольныхъ и угнетательныхъ мѣръ. Въ началѣ XVII столѣтія, мѣстничество, не имѣя уже цѣли и выказывая однѣ неудобства свои, вѣроятно было бы уничтожено, если бѣ царскій домъ не пресѣкся. Существованіе учрежденія, пережившаго свой вѣкъ, продолжалось до 1662 года, когда царь Феодоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ его, съ согласія собранной для этого Земской Думы.

Такимъ образомъ въ новоучреждаемой, въ XVI вѣкѣ, аристократіи для подавленія прежнихъ знатнѣйшихъ родовъ, Квашнины, Бутурлины, Воронцовы, Шереметевы, и многія другія дворянскія фамиліи

вступили на высшую степень достоинства передъ князьями, Долгорукими, Лобановыми, Гагаринными. Нельзя однако жъ пройти въ молчаніи, что родъ князей Шуйскихъ, происходящій отъ великаго князя Андрея Ярославича, втораго брата Александра Невскаго, и слѣдственно, составляющій отрасль, ближайшую всѣхъ прочихъ, отъ московской вѣтви, не утратилъ еще своей знаменитости и мало кому уступалъ въ первенствѣ. Представителемъ правъ этого рода по первородству былъ князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ, котораго природа какъ-бы приготовляла къ высокому назначенію, одаривъ его свойствами необыкновенными, достойно развившимися къ чести и славы отечества. Но будущій герой былъ еще двѣнадцати-лѣтнимъ сиротою, и имѣлъ только дальнихъ родственниковъ, изъ которыхъ ближайшій, правнучатный дядя его, князь Василій Іоанновичъ Шуйскій, уже предавшійся правителю, не легко бы рѣшился отказаться отъ ожидаемыхъ себѣ милостей, для поддержанія правъ отрока, котораго пользы до него мало касались.

Въ женскомъ поколѣніи царскаго дома Годуновъ тоже не опасался соперничества. Ближайшею сродницей царю Θεодору, въ этомъ поколѣніи, была его внучатная сестра, вдовствующая королева ливонская, Марія Владиміровна, дочь князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. Послѣ смерти ея супруга, мнимаго короля Магнуса, она, съ малолѣтною дочерью, Евдокіею, смиренно жила въ курляндскомъ городѣ Пильтенѣ, купленномъ Магнусу отцомъ его, королемъ датскимъ. Но Годуновъ, еще въ 1587 году, успѣлъ и мать и дочь завзвать въ Москву обѣщаніемъ богато устроить ея участь и приискать ей достойнаго жениха. Несчастливая пріѣхала въ Москву и должна была постричься. Дочь ея Евдокія, тоже не могла избѣжать участи тѣхъ, которыхъ, существованіе тревожило Годунова: она скончалась въ 1589 году, и смерть ея, какъ говорятъ преданія, была не естественная. Мать прожила еще нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, въ глубокой горести, и умерла 1597. Послѣ нея ближайшимъ сродникомъ Θεодору, по царскому женскому поколѣнію, остался его внучатный племянникъ, князь Θεодоръ Іоанновичъ Мстиславскій, котораго бабка, княгиня Анастасія, была дочь царевича казанскаго, Петра, и царевны Евдокіи, дочери великаго князя Іоанна III. Но правитель не опасался князя Мстиславскаго. Этотъ слабодушный вельможа, совершенно чуждый обольщеніямъ властолюбія, искренно страшился тяжкаго бремени вѣнценосцевъ и твердо хотѣлъ всегда оставаться первымъ подданнымъ. Ктому жъ онъ такъ боялся Годунова, что даже далъ ему обѣщаніе не вступать въ бракъ. Хотя сестра Мстиславскаго, Анастасія, при братѣ своемъ не могла имѣть ни малѣйшаго права на престолъ, однако жъ она была въ замужствѣ за Симеономъ Бекбулатовичемъ, царевичемъ татарскимъ, котораго царь Іоаннъ Васильевичъ, при учрежденія опричнины, объявилъ царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, а потомъ, когда уничтожилъ опричнину, велѣлъ ему управлять Тверью, съ наименованіемъ царя и великаго князя тверскаго. Эти чрезвычайныя почести, подкрѣпляемые свойствомъ съ царскимъ домомъ, придавали Симеону такую знаменитость, что, несмотря на довольно ограниченныя способности его, многіе по-

мышляли о возведеніи его на царство, по ожидаемой кончинѣ Θεодора. Эта мысль, сообразная духу мѣстничества, въ особенности должна была нравиться великимъ боярамъ, которые охотнѣе подчинились бы тому, кто, нося хотя только имя царя, стоялъ уже на высшей передъ ними степени достоинства, чѣмъ кому-либо изъ среды ихъ же самихъ избранному и, слѣдственно, дотолъ имъ равному. Такое расположеніе умовъ не могло укрыться отъ Годунова. По повелѣнію его Симеонъ былъ изгнанъ изъ Твери, и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень; но и тутъ онъ еще казался опаснымъ правителю, который, будто-бы въ знакъ доброжелательства, прислалъ ему на именины испанскаго вина. Симеонъ выпилъ и ослѣпъ, какъ самъ полагалъ, отъ смѣшаннаго съ виномъ ядовитаго зелья.

Очистивъ себѣ путь этими злодѣянiami, Годуновъ старался поселить въ умахъ понятіе, что, по пресѣченіи царскаго корня, вѣнецъ никому приличнѣе поднесенъ быть не можетъ, какъ ближайшему родственнику послѣдняго государя, безъ разбора о происхожденіи этого родственника. Многіе, вѣроятно, полагали обратитъ дѣйствіе этого правила въ пользу дома Романовыхъ, вообще любимаго въ народѣ по воспоминанію о добродѣтельной матери царя Θεодора Іоанновича, царицы Анастасіи Романовой. Ближайшимъ родственникомъ царя былъ двоюродный его братъ, родной племянникъ царицы Анастасіи, бояринъ Θεодоръ Никитичъ Романовъ. Не такъ разсчитывалъ Годуновъ. По его наущенію, царь духовнымъ завѣщаніемъ отказывалъ престолъ супругѣ своей царицы Ирины. Честолюбецъ зналъ, что смиренная Ирина не пожелаетъ царствовать, но для исполненія замысловъ своихъ ему нужно было положить державу въ ея руки хотя на нѣсколько дней. Такимъ образомъ послѣднимъ государемъ былъ бы уже не Θεодоръ, но Ирина; а у ней могли бы быть родственникъ ближе брата роднаго?

Все совершилось по желанію правителя. Сельмаго января 1598 года Θεодоръ скончался, и съ нимъ пресѣклась прямая линія царскаго поколѣнія, которое 735 лѣтъ сряду давало Россіи повелителей. На престолъ, взошла царица Ирина. Черезъ недѣлю и она отреклась, объявивъ, что желаетъ постричься. Никакія увѣщанія ни просьбы бояръ и сановниковъ не могли поколебать ея твердой рѣшимости. Она удалась въ Ново-Дѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась подъ именемъ Александры. Годуновъ послѣдовалъ за ней, какъ-бы ища успокоенія послѣ утомительныхъ трудовъ. Но многочисленныя приверженцы его не дремали: они повсемѣстно внушали гражданамъ, что одна опытомъ доказанная государственная мудрость Годунова можетъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ сохранить спокойствіе и величіе Россіи. Подстрекаемый этими ухищреніями, народъ толпился въ Кремль вокругъ палаты, гдѣ засѣдали патріархъ и бояре. Вышедшій оттуда государственный дьякъ и печатникъ, Щелкаловъ, предложилъ, чтобы всѣ цѣловали крестъ на имя думы боярской. Ему отвѣчали, что бояръ и знать не хотятъ, и что уже присягали царицѣ, которую и въ черницахъ почитаютъ своею государыней. Щелкаловъ доложилъ объ этомъ думѣ и снова вышелъ къ народу, объявляя, что царица рѣшительно не хочетъ заниматься дѣлами свѣтскими, и что если не присягнутъ боярамъ, то должны страшиться

смуть безначалія. Тогда всѣ возопили: «И такъ да царствуетъ братъ ея!» Патріархъ, обязанный своимъ высокимъ саномъ Годунову, былъ ему совершенно преданъ. Бояре не смѣли противорѣчить. Положили немедленно всѣмъ соборомъ итти въ монастырь, просить царицу, чтобы благословила брата на царство. Но это собраніе казалось Борису не довольно торжественнымъ. Желая получить державу не отъ одной Москвы, но отъ цѣлой Россіи, онъ лицемѣрилъ, клялся, что никогда и не смѣлъ помышлять о вѣнцѣ Мономаховомъ, говорилъ, что въ Россіи много вельможъ, превышающихъ его знатностію и мудростію; и наконецъ рѣшительно отрекся отъ престола, присокупивъ впрочемъ, что не жалѣетъ себя для службы отечеству и «съ бояры радѣти и промысли ради не токмо по прежнему, но и выше перваго.»

Бояре поняли значеніе этихъ словъ: Борисъ, оставляя за ними призракъ власти, не хотѣлъ ни выпускать изъ рукъ сущности ея ни дать породиться мысли, что государство можетъ обойтись и безъ него. Рѣшили, что въ ожиданіи постановленій сзываемаго великаго земскаго собора, боярская дума будетъ управлять именемъ царицы инокини Александры. Само-собою разумѣется, что на самомъ дѣлѣ ничего не творилось безъ воли Годунова. Между-тѣмъ клеветы его дѣйствовали усердно, не только въ столицѣ, но и по всей Россіи. Ихъ стараніями разнеслась молва о вторженіи хана крымскаго, и они внушали, что для защиты отечества отъ угрожающей опасности, непременно нужно ускорить избраніемъ въ цари мужа опытнаго. Такимъ образомъ всѣ пружины были приведены въ дѣйствіе. Годуновъ торжествовалъ, но все-еще лицемѣрилъ, заставлялъ просить, умолять себя, даже угрожать отлученіемъ отъ церкви. Наконецъ, 24 февраля, игрище это кончилось. Годуновъ, ко всеобщему восторгу русскаго народа, принялъ скипетръ. Еще три года продолжалось счастье Бориса и благоденствіе Россіи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, царь, не обнажая меча, успѣлъ сохранить достоинство своей державы и внушить всѣмъ сосѣдямъ должное къ себѣ уваженіе. Внутреннее управленіе государства также отличалось счастливымъ сліяніемъ твердости и кротости. Трепетали одни злодѣи. Умѣренность въ налогахъ, свобода торговли и общая безопасность повсюду открывали новые источники промышленности и богатства. Казалось, что это цвѣтущее состояніе отечества должно было усугубить любовь народную къ Борису. Явилось противное.

Самонадѣянный Борисъ, въ упоеніи чуднымъ успѣхомъ, безъ нужды подавъ своимъ недоброжелателямъ поводъ къ ропоту, сначала на предпочтеніе оказываемое иностранцамъ, на нововведенія, а потомъ на уничтоженіе перехода крестьянъ, которое могло быть полезно только среднему классу и мелкопомѣстнымъ дворянамъ, но въ нисшемъ и высшемъ классахъ породило много недовольныхъ. Узнавъ о всеобщемъ ропотѣ, царь окружилъ себя доносчиками, наушниками, и усугубилъ зло. Многіе знатные бояре сдѣлались жертвою его подозрительности. Раздраженіе умовъ усиливалось. Тутъ поднялась еще гроза, ужаснѣе всѣхъ прочихъ, — настали одинъ за другимъ, три неурожайныхъ года, и русская земля испытала всѣ ужасы голода, со всѣми страшными его послѣдствіями, безначаліемъ,

необузданною лютостію черни, разбоями, безчинствами, повальными болѣзнями и наконецъ развратомъ. Но всѣ эти ужасы уже претерпѣнные государствомъ были, такъ-сказать, только преддверіемъ готовящейся для него настоящей бѣды. Около 1600 года, въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что царевичъ Димитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ, живъ. Хотя одно имя невинной жертвы должно было казаться грознымъ для убійцы, однако жъ смерть царевича была дѣйствіемъ столь явнымъ, столь достовѣрнымъ, что Борисъ мало тревожился слухомъ, котораго неосновательность была очевидна. Между-тѣмъ онъ старался узнать, что могло подать поводъ къ нелпой баснѣ, и еще болѣе успокоился, когда добрался до презрительнаго ея источника. Все казалось только безмысленнымъ суесловіемъ молодого монаха, жившаго у патріарха. Конечно, замыслы самозванца ограничились бы однимъ смѣшнымъ пустословіемъ, если бы, къ его счастью, и къ несчастію Россіи, онъ не нашелъ себѣ сильной опоры въ іезуитахъ, которые вознамѣрились воспользоваться имъ какъ орудіемъ для исполненія своихъ собственныхъ видовъ. Они хотѣли обратить Русскихъ въ папешство. Въ Малороссіи они уже дѣйствовали: тамъ православныя церкви уже были отданы на откупъ жидамъ. Но Малороссіи имъ было мало: они хорошо чувствовали, что Восточной Церкви нельзя было нанести чувствительнѣйшаго удара, какъ отторженіемъ отъ нея великороссійскихъ епархій. Помышленія ихъ издавна были устремлены на этотъ предметъ. Еще въ 1581 году, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, желая окончанія пагубной для себя войны съ Стефаномъ Баторіемъ, королемъ польскимъ, прибѣгнулъ къ посредничеству папы Григорія XIII, который послалъ іезуита Антонія Поссевина, для примиренія враждующихъ государей. Поссевинъ возмечталъ, что можетъ воспользоваться этимъ случаемъ, для присоединенія Россіи къ Римской Церкви. Къ живѣйшему удовольствію своему онъ видѣлъ, что намѣки его на этотъ счетъ были принимаемы Іоанномъ безъ гнѣву, и даже съ нѣкоторымъ доброхотствомъ. Но Грозный перехитрилъ самаго лукаваго іезуита. Пока имѣлъ нужду въ Поссевинѣ, онъ оказывалъ подалливость къ его ученію, но потомъ, когда миръ съ Польшею былъ подписанъ, отвергъ всѣ дальнѣйшія домогательства его съ негодованіемъ. Оскорбленные іезуиты съ нетерпѣніемъ выжидали удобнаго времени для возобновленія своихъ старавій съ лучшимъ успѣхомъ. Узнавъ о замыслахъ мнимаго Димитрія, они, съ свойственною себѣ смѣлостію, исчислили всѣ выгоды какія могли извлечь изъ этого, и вознамѣрились всѣми силами помогать разстригѣ. Самое самозванство его было для нихъ полезнымъ обстоятельствомъ: имѣя дѣло съ природнымъ русскимъ царевичемъ, имъ не такъ легко было бы уговорить его на пожертвованіе правовѣріемъ за обещанныя пособія. Отъ тщеславнаго бродяги, который уже покушался на злое дѣло, нельзя было ожидать большой совѣстливости.

Всѣ свѣдѣнія, получаемыя іезуитами изъ Россіи, согласовались въ томъ, что государство находилось въ большомъ волненіи отъ претерпѣнныхъ бѣдствій, и что множество людей, изъ ненависти къ царю Борису, ожидали только удобнаго случая къ возстанію. Іезуиты положили приступить къ дѣлу. По ихъ наущенію, вѣроятно, вошелъ

Отрепьевъ въ услуженіе къ князю Адаму Вишневецкому, котораго ослѣпилъ своимъ самозванствомъ, и черезъ него познакомился потомъ съ сандомирскимъ воеводою, Юріемъ Мишскомъ. Между-тѣмъ іезуиты ревностно дѣйствовали въ пользу Отрепьева въ Краковѣ, при дворѣ послушника своего короля Сигизмунда. Они, вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ Рангови, внушали королю какъ славно, выгодно и даже душеспасительно будетъ для него видѣть на московскомъ престолѣ государя, который, будучи обязанъ ему своимъ величіемъ, доставитъ Польшѣ прочный союзъ съ Россіею, и который, оказывая готовность къ принятію римской вѣры, подастъ великую надежду къ обращенію въ папештво многочисленныхъ подданныхъ своихъ. Подъ вліяніемъ этихъ мечтаній, Сигизмундъ приказалъ Вишневецкому и Мишску представить передъ себя мнимаго Дмитрія. Въ началѣ 1604 года, Отрепьевъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ нунцій, посѣтивъ его, объявилъ, что если желаетъ королевской помощи въ отысканіи правъ своихъ, то предварительно долженъ отречься отъ греческой вѣры, принять римскую и вручить себя покровительству папскаго престола. Самозванецъ съ умиленіемъ обещалъ все это исполнить, и черезъ нѣсколько дней, въ домъ нунція, не только подтвердилъ на словахъ, въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, но даже далъ письменное обязательство. Послѣ этого Рангови угощалъ его пышнымъ обѣдомъ, по окончаніи котораго отвезъ къ королю на аудіенцію. Сигизмундъ принялъ Лжедмитрія опершись на столъ и, съ обыкновенною своею величавостію, подаль ему руку. Отрепьевъ поцѣловалъ ее, разсказалъ свою вымышленную исторію и просилъ защиты и помощи. Тогда коронный оберъ-каммергеръ далъ знакъ ему и всѣмъ присутствующимъ выйти въ другую комнату. Король оставался наединѣ съ нунціемъ для совѣщанія о томъ какъ отвѣчать. Потомъ снова призвали Лжедмитрія. Онъ вошелъ съ смиреннымъ видомъ и, положивъ руку на сердце, болѣе вздохами чѣмъ словами старался списать королевскую милость. Сигизмундъ съ веселымъ видомъ приподнял шляпу и сказалъ: «Да спасетъ васъ Богъ, Дмитрій князь Московскій! Мы признаемъ васъ въ этомъ высокомъ званіи, убѣждаясь (всѣмъ слышаннымъ нами и представленными намъ письменными доводами, и въ знакъ нашего доброжелательства назначаемъ вамъ (ва ваши потребности ежегодно 40,000 злотыхъ (нынѣшнихъ серебряныхъ рублей); кромѣ-того, какъ пріятелю, принятому подъ наше покровительство, позволяемъ вамъ сношаться съ папами нашими и получать отъ нихъ все вспоможеніе и заступленіе, какое только можете желать». Смущенный радостію, Отрепьевъ не нашелъ словъ чтобы выразить свою признательность. Нунцій за него благодарилъ короля, и отвезъ Лжедмитрія обратно въ домъ сандомирскаго воеводы, гдѣ, обнимая, совѣтовалъ приняться за дѣло какъ-можно скорѣе, и въ особенности напоминалъ, что изъ благодарности за оказанныя милости онъ долженъ посвятить принятіемъ римской вѣры и водвореніемъ ея и іезуитовъ не только въ своемъ государствѣ, но даже сколько возможно будетъ, и въ дальнѣйшихъ странахъ востока. Такимъ образомъ совершилось публичное признаніе Самозванца, за истиннаго царевича при дворѣ польскомъ, событіе важное для нашего бродяги: оно подавало ему неожиданныя средства къ достиже-

нію своихъ дотолъ несбыточныхъ предположеній. Въ пылу признательности къ іезуитамъ, онъ рѣшился безъ дальнѣйшаго отлагательства принять ихъ вѣру, но условились не оглашать этого, до удобнѣйшаго случая, чтобы преждевременно не вооружить противъ себя русскаго народа, крѣпко привязаннаго къ старинному исповѣданію своему. Отрепьевъ, переодѣвшись въ нищенское платье, и закрывая лицо, въ сопровожденіи одного польскаго вельможи, вступилъ въ домъ краковскихъ іезуитовъ. Тамъ онъ отречься отъ восточной церкви, исповѣдывался іезуиту и принялъ причастіе изъ рукъ папскаго нунція, который также совершалъ надъ нимъ миропомазаніе. Потомъ Самозванецъ, по совѣту того же нунція, собственноручнымъ письмомъ просилъ покровительства папы Климента VIII, который не замедлил отвѣчать ему весьма милостиво.

Король Сигизмундъ хотя на публичной аудіенціи и не обещалъ помогать Самозванцу сружіемъ, однако жъ, подстрекаемый іезуитами, питалъ тайное желаніе принять дѣятельное участіе въ замышляемомъ Отрепьевымъ походѣ противъ Бориса. Но къ исполненію этого представлялись большія препятствія. Государь польскій, не будучи самодержавнымъ, не могъ безъ одобренія народнаго сейма открыть войны съ сосѣдомъ, не подававшимъ къ тому важнаго повода. Съ другой стороны Сигизмундъ опасался, что сеймъ не согласится на разорваніе недавно заключеннаго двадцати-лѣтняго перемирія съ Россіею, и не захочетъ возстановить противъ Польши новаго сильнаго врага, когда она не могла еще управиться съ Шведами, которые силлись отнять у нея Лифляндію. Въ этихъ обстоятельствахъ, король вознамѣрился убѣдить главнѣйшихъ вельможъ своихъ въ томъ, что важныя государственныя причины не дозволяютъ предложить на разрѣшеніе сейма вопросъ о войнѣ съ Россіею, и что несомнѣнныя выгоды республики польской, требуютъ немедленнаго выступленія въ походъ противъ Бориса. Знаменитѣйшимъ вельможею въ Польшѣ былъ тогда старикъ Замоискій, канцлеръ, и великій гетманъ коронный. Король написалъ ему, что если республика доставитъ царскій вѣнецъ Дмитрію, то найдетъ въ немъ надежнаго союзника, на случай войны съ Турками; что съ другой стороны представится возможность не только очистить Лифляндію, но даже возстановить власть королевскую въ Швеціи, потому что тѣ же войска, которыя будутъ употреблены для препровожденія Дмитрія до Москвы, могутъ быть оттуда устремлены на Шведовъ; что кромѣ того для Польши откроется обширный торгъ съ Россіею, и черезъ нее съ Грузіею и Персіею, и что во всякомъ случаѣ нельзя было доставить безпокойной, пылкой молодежи польской лучшей рыцарской забавы. Впрочемъ, Сигизмундъ изъявлялъ желаніе, чтобы совѣщанія объ этомъ великомъ дѣлѣ производились въ тайнѣ между Замоискимъ и гнѣзпнскимъ архіепископомъ Тарновскимъ, безъ доклада сейму, потому что на этихъ народныхъ съѣздахъ выгоднѣйшія для рѣчи посполитой предложенія бывали отвергнуты по недоброжелательству частныхъ лицъ, и что такъ какъ пренія на сеймѣ не могутъ происходить безъ огласки, то царь Борисъ будетъ предупрежденъ о замышляемомъ противъ него дѣлѣ и получитъ возможность сильно приготовиться къ борьбѣ. Сигизмундъ худо зналъ Замоискаго, если на-

дѣлся этою довѣренностію выманить у него одобреніе своихъ замысловъ. Старый поборникъ шляхетскихъ вольностей не измѣнилъ своимъ правиламъ. Онъ отвѣчалъ королю, что не совѣтуетъ вступать въ ненадежный бой, и что во всякомъ случаѣ нельзя ничего предпринять безъ соизволенія сейма. Другіе вельможи польскіе, и между прочимъ напольный коронный гетманъ Жолкѣвскій и князь Василій Константиновичъ Острожскій были одного мнѣнія съ Замойскимъ. Іезуиты, видя неудачу съ этой стороны, стали тогда внушать Сигизмунду, что если вельможи не хотятъ открыто воевать противъ Бориса, то можно будетъ изъ-подъ руки вредить ему, и что король имѣлъ право на это, потому что самъ Борисъ дѣйствовалъ не иначе. И Сигизмундъ рѣшился, не оглашая дѣйствій правительства, воспользоваться охотою къ войнѣ нѣкоторыхъ пановъ литовскихъ и многихъ жолнеровъ, остававшихся на Украинѣ безъ службы, для составленія рати изъ вольницы, которую сначала намѣревался подчинить князю Збаражскому. Но какъ Збаражскій не скрывалъ своего убѣжденія что мнимый Димитрій былъ самозванецъ, то король поручилъ все дѣло Мнишку, позволивъ ему употребить на это доходы сендомирскаго воеводства. Тогда Мнишекъ отвезъ разстригу обратно въ Самборъ, гдѣ, какъ и въ окрестностяхъ Львова, начинались уже наборы войска для похода въ Россію.

Мнишекъ дѣйствовалъ усердно, потому что Самозванецъ, предлагая свою руку дочери его Маринѣ, съ щедростію челоуѣка, располагающаго чужимъ добромъ, обѣщалъ и далъ записи честолюбивому и корыстолюбивому старику заплатить тотчасъ по воцареніи своемъ, милліонъ золотыхъ, и отдать во владѣніе княжество Сѣверское и половину Смоленскаго, съ городомъ; и нѣсколько прилегающихъ городовъ и земель. Однако жъ собиравшаяся шляхта не составила еще довольно значительнаго войска, для того чтобы поколебать престолъ Бориса. Главнѣйшія надежды свои основывалъ Самозванецъ на сподвижникахъ, которыхъ надѣялся найти въ нѣдрахъ самой Россіи. Пограничные польскіе начальники всемирно старались распространять по сѣверской землѣ подметныя письма разстриги, въ которыхъ онъ, объявляя себя царевичемъ Димитріемъ, призывалъ народъ къ возстанію противъ Бориса. Такимъ образомъ въ особенности содѣйствовалъ ему острожскій староста, Михайло Ратомскій, который не только мучилъ жителей Чернигова и окрестностей, но еще послалъ шляхтича Щастнаго-Свирскаго къ донскимъ казакамъ, которыхъ склонность къ Самозванцу была уже извѣстна. Казаки приговорили отправить тотчасъ въ Польшу къ Лжедимитрію атамановъ своихъ, Андрея Корелу и Михайлу Нѣжакожа. Посланные еще застали Самозванца въ Краковѣ, и видя, что при самомъ королевскомъ дворѣ онъ принимается за истиннаго царевича, не усомнились признать его за своего законнаго государя. Возвратившись на Донъ, они и товарищей своихъ убѣдили готовиться къ походу за Димитрія.

Пятнадцатаго августа 1604 года, Самозванецъ выѣхалъ изъ Самбора; тридцатаго былъ смотръ войску его въ Глинныхъ, а третьяго сентября оно двинулось къ Кіеву. Пламя бунта быстро распространялось по всей полуденной Россіи. Самозванцевы лазутчики, кото-

рымъ способствовала очевидная склонность къ нему простаго народа, проникали всюду и разсѣвали его манифесты. Чернь съ умиленіемъ слушала ихъ и съ радостію отказывалась отъ ненавистнаго Бориса. Война загорѣлась. Несмотря на претерпѣнные пораженія и неудачи, Самозванецъ былъ силея приверженностію народа къ его имени, и Борисъ не могъ сломить его, ни хитростію ни силой. Казалось, междоусобію суждено было длиться, какъ вдругъ нечаянное событіе произвело внезапный переломъ. Тринадцатаго апрѣля 1605, Борисъ умеръ скорострѣжно, едва успѣвъ причаститься и постричься подъ именемъ Боголѣпа. Эта смерть породила разные толки. Многіе полагали, что царя отравили Самозванцевы приверженцы; другіе думали, что самъ Борисъ, отчаяваясь осилить Лжедимитрія, принялъ яду. Но можно ли допустить, чтобы Борисъ, нѣжно любившій дѣтей своихъ, рѣшился прекратить свою жизнь не принявъ ни какихъ мѣръ къ ихъ спасенію? Нельзя также не замѣтить, что, когда по низверженіи разстриги, всенародно обвиняли его не только въ дѣйствительныхъ, но и въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, никогда однако жъ не упрекали въ смерти Бориса, что не преминули бы сдѣлать, если бы существовало хотя малѣйшее подозрѣніе насчетъ участія его въ отравленіи царя. Поэтому долгъ безпристрастнаго историка велитъ держаться разсказу Маржерета, который приписываетъ смерть Бориса апоплексію. Память царя Годунова сохранилась въ народѣ какъ злостнаго и коварнаго хищника престола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, намѣкал, что лѣтописцы несправедливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ партіи. Но не одни наши лѣтописцы описываютъ злодѣянія Борисовы. Самые любимые имъ иноземцы, какъ на примѣръ Беръ, Маржеретъ, и другіе, говорятъ объ немъ то же, что и Русскіе. Послѣ такого единогласнаго свидѣтельства современниковъ, противорѣчить двѣсти лѣтъ спустя, было бы неловко и трудно. Впрочемъ, каковъ ни былъ Борисъ, смерть его была бѣдою для Россіи: она предвѣщала торжество гнуснаго самозванства. Если Борису, при всей государственной мудрости его, не удалось сокрушить Лжедимитрія, то можно ли было ожидать лучшаго успѣха отъ юношеской руки шестнадцати-лѣтняго сына и преемника его, Феодора Борисовича? Разстрига Отрепьевъ восторжествовалъ.

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.



I.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.



**Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка. Сочиненіе сенатора Бутурлина. Санктпетербургъ, 1839—1841. — Два тома.**

*Статья третья и послѣдняя.*



Съ перваго взгляду казалось бы, что человекъ, изъ низкаго званія, достигнувшій верховнаго сана, уже долженъ почитаться преодолѣвшимъ главнѣйшія препятствія, сопряженныя съ такимъ многотруднымъ предпріятіемъ, и что ему остается только спокойно наслаждаться тяжко добытымъ величіемъ. Но исторія, древнихъ и новѣйшихъ временъ, почти всегда показываетъ намъ противное. Она многими примѣрами удостовѣряетъ, что скорѣе можно похитить власть чѣмъ удержать похищенное. Впрочемъ, это довольно объясняется и тѣмъ, что никто безъ особенной отважности и слѣпой дерзости не можетъ безмѣрно возвыситься, а самыя свойства эти исключаютъ благоразуміе, необходимое для упроченія верховной власти и, напротивъ того, внушая чудному счастливцу опасную самонадѣянность, ведутъ его къ опрометчивости и своеправію, всегда пагубнымъ для правителей. Одинакія причины должны имѣть и одинакія слѣдствія: участь Лжедмитрія предугадывается.



Первыя дѣйствія Самозванцева правленія тѣмъ болѣе ознаменованы были милостями, излитыми почти на все сословія, что онъ самъ говаривалъ, будто, по его понятіямъ, державцамъ представляются только два способа для укрѣпленія своей власти: удерживать всехъ въ повиновеніи чрезмѣрною суровостію, или милостями и щедротами привязывать къ себѣ людей, не жалѣя для этого ни какихъ сокровищъ, и что онъ, по побужденію сердца своего, избралъ послѣднее. Не только мнимые родственники царя, Нагіе и Романовы, но и все прочія жертвы мстительнаго и подозрительнаго Бориса, были возвращены изъ ссылки. Невольно постриженнаго въ монахи Филарета Никитича Романова, посвятили въ митрополиты ростовскіе и ярославскіе. Слепой царь Симеонъ Бекбулатовичъ вызванъ въ столицу и принятъ съ великою честью. Самые родственники Годунова испытали важное облегченіе своей участи: ихъ не только освободили изъ заключенія, но имъ даже дали воеводскія мѣста въ Сибири и другихъ отдаленныхъ городахъ. Басмановъ, который, измѣнивъ Годунову, такъ-сказать, своими руками возложилъ вѣнецъ Мономаховъ на голову Самозванца, естественно, первый получилъ боярство. Потомъ многія знатныя особы были пожалованы въ бояре, другіе въ окольничіе. Всѣмъ служивымъ людямъ удвоили денежное жалованье. Торговля была объявлена совершенно свободою, какъ для Русскихъ такъ и для иноземцевъ. Приказамъ вѣльно вершить дѣла безъ всякихъ посулъ. Объявлено, что самъ царь каждую среду и субботу, у себя на крыльцѣ, будетъ принимать челобитныя отъ всехъ людей. Лжедмитрій хотѣлъ не только самъ похвалиться справедливостію, но даже оказывалъ готовность исправлять ошибки своихъ предшественниковъ. Такъ, напримѣръ, мнимый отецъ его, Иванъ Васильевичъ Грозный, мало заботившійся о священной неприкосновенности частной собственности, забиралъ у многихъ лицъ деньги, которыя никогда возвращаемы не были не только самимъ Грознымъ, но и въ правленіе Бориса. Самозванецъ приказалъ выдать все эти суммы, кому онъ принадлежали. Слѣдуя принятому намѣренію по-возможности задобривать всехъ, онъ хотѣлъ было угодить и духовенству, призвавъ епископовъ въ государственную думу, которую предполагалъ преобразить на-подобіе польскаго сената. Но это предположеніе не состоялось, вѣроятно потому что онъ еще опасался на первыхъ порахъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, огорчить Русскихъ оскорбительнымъ для ихъ народной гордости подражаніемъ польскому учрежденію. Одни низкаго состоянія люди не видали отъ Самозванца облегченія своей участи. Лжедмитрій, имѣя въ особенности въ виду привязать къ себѣ военныхъ людей, не хотѣлъ лишить ихъ выгодъ, предоставляемыхъ имъ законами Годунова о крестьянахъ и холопахъ. Только нѣсколько мѣсяцовъ спустя объявленъ былъ боярскій приговоръ, который хотя утверждалъ крѣпостное право владѣльцевъ, однако жъ по-крайней-мѣрѣ обуздывалъ ихъ склонность къ несправедливымъ притязаніямъ.

За отрѣшеніемъ Іова, первосвятительское мѣсто оставалось празднымъ. Самозванцу нужно было видѣть на этомъ мѣстѣ человека сговорчиваго, который согласился бы сдѣлаться соучастникомъ его тайныхъ замысловъ противъ православія. Выборъ палъ на Игна-

тія, архіепископа рязанскаго. Этотъ пастырь, льстивый и двуязычный Грекъ, былъ прежде архіепископомъ кипрскимъ, но, изгнанный Турками, онъ нашелъ убѣжище сперва въ Римѣ, а потомъ прѣвхалъ въ Россію, гдѣ, по особенному благоволенію Бориса, ему поручили рязанскую епархію. Въ возмездіе дому Годуновыхъ за это благодѣяніе, онъ первый изъ святителей выѣхалъ въ Тулу, навстрѣчу Самозванцу. Возведенный на патриаршій престолъ, онъ съ робкимъ молчаніемъ царедворца смотрѣлъ на все соблазны, которыми Самозванцу суждено было огорчать правовѣрныхъ.

Но ни посвященіе надежнаго патриарха, ни какое-либо государственное дѣло, не были тогда для Лжедмитрія предметомъ главнѣйшихъ заботъ. Все вниманіе его было устремлено на успѣхъ начатыхъ тайныхъ сношеній съ царицею инокинею, Марѳою Теодоровною, матерью настоящаго царевича Дмитрія. Для прочности воцаренія Самозванца необходимо было, чтобы она признала его за своего сына. Подосланнымъ людямъ вѣльно было напомнить царицѣ почести, какія ожидаютъ ея, а съ другой стороны напомнить, что если она отважится изобличить его во лжи, то неминуемо обречетъ на вѣрную гибель не только себя, но и весь свой родъ. Прельщеніями и угрозами увлеченная царица наконецъ согласилась способствовать обману. Обрадованный Самозванецъ послалъ къ ней въ Выксинскій Монастырь великаго мечника князя Михайлу Васильевича Скопина Шуйскаго, съ блестящею свитою, звать ее въ столицу. Минута перваго свиданія обманщика съ мнимою матерью для обѣихъ сторонъ была труднымъ испытаніемъ. Осторожность требовала не допускать свидѣтелей, но также не благовидно было бы Самозванцу не встрѣчать царицы. Для соглашенія этихъ противоположностей онъ выѣхалъ, 18 іюля, въ село Тайнинское, гдѣ по приказанію его былъ разбитъ шатеръ близъ большой дороги. Царица, одна, введенная въ шатеръ, уже ожидала царя, который вошелъ къ ней также одинъ. Тутъ, повторяя обѣщанія и угрозы, онъ уговорилъ ее выказывать ибжность къ мнимоу сыну. Оба вышли изъ шатра обнимая другъ друга, къ изумленію легковѣрныхъ зрителей, которыхъ собралось великое множество. Царица сѣла въ карету, а Самозванецъ, съ обнаженною головою, шелъ возлѣ нея около трехъ верстъ, опираясь на подножку экипажа. Потомъ онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ впередъ, чтобы встрѣтить ее на порогъ царскихъ палатъ. Впослѣдствіи царица перешла въ приготовленные для нея покои въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ Монастырѣ, гдѣ получила царское содержаніе и была ежедневно навѣщаемъ мнимымъ сыномъ своимъ. Черезъ три дня послѣ ея прѣзда Самозванецъ ввѣчался на царство въ Успенскомъ Соборѣ, съ обыкновенными обрядами.

Хотя, по видимому, все благопріятствовало Лжедмитрію, однако же ему предстояло еще много заботъ для сокрытія истины. Настоящая мать его Варвара Огренѣева, родной братъ и дядя Смирной Огренѣевъ, не обинуясь, всему Галичу объявили о гнусномъ обманѣ. Смирной за эти рѣчи былъ сосланъ въ Сибирь, но голосъ природы еще не заглушенъ въ сердцѣ Самозванца; онъ не отважился мстить

родительницѣ и брату, и безнаказанность этихъ лицъ придавала ихъ уликамъ еще болѣе вѣсу.

Не въ одномъ семействѣ Отрепьева нашлись смѣлые поборники правды. Среди самой Москвы явился монахъ, который всенародно утверждалъ, что знаетъ Отрепьева, своего ученика и одноклассника, овладѣвшаго престоломъ подъ именемъ Дмитрія. Монахъ былъ схваченъ и тайно умерщвленъ въ тюрьмѣ.

Какъ ни важны были эти свидѣтельства, носившія на себѣ несомнѣнный отпечатокъ самоотверженія, недоступнаго клеветникамъ, однако жъ, совсѣмъ тѣмъ, происходя отъ людей незнатныхъ, они мало беспокоили Лжедмитрія. Его гораздо больше тревожили толки, распушенные въ столицѣ по наущенію князя Василія Ивановича Шуйскаго. Этотъ вельможа, болѣе всѣхъ прочихъ убѣжденный въ самозванствѣ новаго царя, могъ согласиться признать его за своего государя единственно по необходимости покориться первому порыву всенароднаго увлеченія. Но въ душѣ онъ не переставалъ питать надежды, что сила истины скоро разсѣетъ чадъ непонятнаго заблужденія. Удрученный стыдомъ и горестью, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность способствовать ожидаемому спасительному противодѣйствію, въ чемъ могъ успѣть болѣе всякаго другаго, потому что имѣлъ вліяніе на московскихъ гражданъ, которые вообще любили его за привѣтливость и уважали въ немъ высокій умъ, соединенный съ великимъ богатствомъ и знатностью рода. Многочисленные приверженцы Шуйскаго стали разглашать въ народъ настоящее происхожденіе и преступленія новаго царя. Внушенія эти были сдѣланы даже безъ надлежащей осмотрительности, такъ, что объ нихъ дошли свѣдѣнія до Басманова, который поспѣшилъ предостеречь Лжедмитрія. Разгласителей схватили и пытали; многихъ разослали по темницамъ; двоихъ, болѣе прочихъ изобличенныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ противъ обладателя престола, — именно дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Федора Калачникова, — казнили смертію. Оставалось наказать главнаго виновника опасной молвы, князя Шуйскаго. Но онъ стоялъ на такой высокой степени въ общемъ мнѣніи, что Самозванецъ, для безпрепятственнаго совершенія казни, почелъ необходимымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, какъ при постановленіи приговора, такъ и при исполненіи его. Шуйскій предсталъ передъ соборомъ, составленнымъ, какъ тогда водилось только при рѣшеніи великихъ земскихъ дѣлъ, изъ духовенства, бояръ и выборныхъ людей всѣхъ сословій. Всѣ единогласно признали Шуйскаго виновнымъ въ оскорбленіи царскаго величества дерзкою клеветою, и приговорили его къ отсѣченію головы. Въ назначенный для казни день, осужденнаго вывели на лобное мѣсто, окруженное вооруженными стрѣльцами и Поляками. Палачъ уже готовилъ сѣкуру и плаху. На кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ также были выставлены вооруженные. Народъ ройся на площади. Бояре, Самтыковъ и Басмановъ, разъѣзжая между толпами, читали прокламацію, въ которой было объяснено преступленіе казнамаго. Слушатели, удерживаемые въ повиновеніи присутствіемъ войскъ, выражали свое негодованіе однимъ унылымъ молчаніемъ. Шуйскій не робѣлъ. Когда палачъ сталъ раздѣвать его, онъ громко воскликнулъ: «Братья! уми-

раю за вѣру христіанскую и за васъ!» Уже онъ клалъ голову на плаху, какъ вдругъ въ Спасскихъ Воротахъ раздается крикъ: «Стой! стой!» Выбѣжавшій изъ Кремля Нѣмецъ, съ царскою грамотою въ рукахъ, объявляетъ, что царь, по ходатайству Поляковъ, даруетъ жизнь преступнику. Радость была всеобщая.

Въ самомъ дѣлѣ Шуйскій своимъ спасеніемъ былъ обязанъ не Полякамъ. Напротивъ, многие изъ нихъ, изъ самыхъ приближенныхъ къ Лжедмитрію, предусматривали большую опасность въ помилованіи такого сильнаго врага. Но за князя Василія Ивановича явился ходатай, котораго представительства не могъ отвергнуть и самъ Самозванецъ. Царица инокиня Марѳа, вынужденная своимъ потворствомъ упрочивать богопрогивный обманъ, томилась душевною тоскою; для уменьшенія грѣха, тяготившаго ея совѣсть, она рѣшилась по-крайней-мѣрѣ не допускать до казни знатнѣйшаго свидѣтеля истины, и требовала у мнимаго сына смягченія жребія несчастнаго Шуйскаго. Лжедмитрій не смѣлъ противиться ея желанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разгласилъ, что умиловился по просьбѣ Поляковъ, вѣроятно для того, чтобы участіе царицы въ этомъ дѣлѣ скрыть отъ народа, которому дѣйствительно могло бы показаться страннымъ, когда мать заботится объ избавленіи злѣйшаго и опаснѣйшаго врага своего сына. Князь Василій Ивановичъ, съ двумя братьями, Дмитріемъ и Иваномъ, были сосланы въ пригороды Галицкіе, а имѣніе ихъ отобрано въ казну.

Представился еще случай, гдѣ царица также вмѣнила себѣ въ обязанность воспротивиться волѣ Самозванца. Тѣло настоящаго царевича Дмитрія было похоронено въ Угличѣ, въ соборной церкви. Эта почесть была несовмѣстна съ воцареніемъ мнимаго Дмитрія, который призналъ необходимымъ вырыть тѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ, какъ простаго поповскаго сына. Но не дерзая исполнить этого безъ согласія царицы, онъ просилъ ее не противиться дѣйствию, такому нужному для его спокойствія. Царица ужаснулась, и рѣшительно отказалась предать на поруганіе останки милаго ея сердцу отрока. Всѣ Самозванцевы усилія поколебать упорство матери остались безуспѣшны: онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Впрочемъ одно это намѣреніе такъ ожесточило Марѳу, что она стала искать тайнаго средства важнымъ свидѣтельствомъ своимъ изобличить искуснаго обманщика. При ней находилась молодая воспитанница ея, Лифляндка Розенъ, въ дѣтствѣ взятъ, въ плѣнъ во время лифляндской поины. Эта дѣвушка вступила въ связь съ жившимъ въ Москвѣ Шведомъ, который, по ея убѣжденію, повхалъ въ Польшу, съ порученіемъ отъ царицы, извѣстить короля, что похититель московскаго престола не сынъ ея, хотя она, для своей безопасности, явно и признала его.

Около того же времени случилось большое смятеніе въ столицѣ. Прибывшіе съ Самозванцемъ Поляки много безчинствовали, полагаясь на потворство царя. Одинъ изъ нихъ, шляхтичъ Липскій, уличенный въ преступленіи, былъ схваченъ и приговоренъ къ наказанію кнудомъ. Но когда, по тогдашнему русскому обыкновенію, осужденнаго водили по улицамъ, Поляки бросились отбивать его. Завязалась сильная драка, въ которой съ обѣихъ сторонъ было много убито и

ранено. Какъ число Русскихъ постепенно увеличивалось, то Поляки укрылись на своемъ посольскомъ дворѣ, который немедленно былъ окруженъ нѣсколькими десятками тысячъ разъяренныхъ московскихъ обывателей. Все предвѣщало кровопролитіе, еще ужаснѣе прежняго. Для отвращенія этой бѣды, царь послалъ объявить гнѣвъ свой Полякамъ и требовать отъ нихъ выдачи зачинщиковъ своевольства, угрожая, вслучаѣ дальнѣйшаго упорства, приказать подвезти пушки, для разгромленія ихъ убѣжища. Поляки отвѣчали, что ожидали болѣе благодарности отъ того, кого вывели на плечахъ своихъ, и что лучше желаютъ все погибнуть чѣмъ выдать на смерть кого-либо изъ своихъ соотечественниковъ. Тогда Лжедмитрій вторично послалъ склонять ихъ къ необходимой податливости, представляя, что только выдачею зачинщиковъ можно надѣяться усмирить мятежную чернь, и что впрочемъ онъ общается въ скоромъ времени возвратитъ имъ виновныхъ безвредно. Тогда Поляки выдали трехъ товарищей, Держбицкаго, Щигельскаго и Шелиборскаго, которые были посажены въ тѣсную темницу. Москвичи, получивъ удовлетвореніе, разошлись по домамъ, а на другой день трехъ арестантовъ отправили обратно къ Полякамъ. Это происшествіе достаточно ясно показывало Лжедмитрію, что его подданнымъ не легко будетъ ужиться съ этими иноземными гостями. Увлекаясь свойственнымъ себѣ самонадѣяніемъ, онъ возмечталъ, что можетъ обойтись и безъ иностранной стражи и ввѣрить охраненіе своей особы однимъ Русскимъ, которыхъ надѣялся совершенно привлечь къ себѣ щедротами и кроткимъ правленіемъ. Вслѣдствіе этого онъ оставилъ у себя на службѣ только роту полка Доморацкаго, прежде бывшую свою собственную, и распустилъ все прочія польскія хоругви, заимавъ на каждого коня гусарамъ по сороку, а пятигорцамъ по тридцати семи золотыхъ (нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Но немногіе Поляки сохранили эти деньги. Бѣльшая часть изъ нихъ еще на Москвѣ все промотали, и воротились въ свое отечество ни съ чѣмъ, жалуясь на скупость царя, хотя сами были виною своей нищеты.

Самозванецъ, имѣя въ виду задобрить Русскихъ милосердіемъ необычайнымъ, рѣшился прекратить ссылку Шуйскихъ. Имъ возвратили имѣніе и все прежніе чины и почести. Послабленіе опасное для Самозванца, который не разсудилъ, что миловать преступниковъ безвредно для себя могутъ только одни законные государи, обладающіе исключительнымъ преимуществомъ на это священное право. По-крайней-мѣрѣ, если Лжедмитрій полагалъ утвердить престолъ свой на любви народной, ему должно было тщательно остерегаться своего легкомыслія, и въ особенности стараться не выказывать ни отвращенія къ обычаямъ русскимъ, ни склонности къ польскимъ. Напротивъ, онъ вездѣ и всегда пренебрегалъ отечественными обрядами, и упражненія и потѣхи свои устраивалъ на иноземный ладъ. Русскіе съ омерзѣніемъ слыхивали, что у него во время стола гремѣла музыка, что онъ почти всегда одѣвался по-польски, ѣлъ телятину, не молился иконамъ садясь за столъ, и не умывалъ рукъ по окончаніи обѣда. Удивлялись также, что онъ не ходилъ въ баню по субботамъ и не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто того выходилъ изъ

дворца, самъ-другъ, для посѣщенія антекарей, серебряниковъ или другихъ ремесленниковъ. Самое удалство его мало нравилось. Онъ упражнялся въ пляскѣ, живо вскакивалъ на бѣшеныхъ лошадей, самъ билъ медвѣдей. Все это было неприлично въ глазахъ людей, привыкшихъ къ степенной величавости прежнихъ царей, которые не иначе переходили изъ одного покоя въ другой, какъ будучи поддерживаемы подъ руки кѣмъ-нибудь изъ множества окружающихъ царедворцевъ: а когда садились на коня, то всегда два боярина подносили скамью, чтобы облегчить трудъ государя. Не мудрено, что слѣдствіемъ такой рѣзкой переменъ было общее охлажденіе къ Лжедмитрію, и что не усматривая въ немъ ничего, означающаго царское происхожденіе, многіе стали называть его польскимъ свистуномъ.

Впрочемъ, не одна наружность была позорна въ Самозванцѣ. Онъ и въ поступкахъ и дѣйствіяхъ болѣе важности оказывался безразсуднымъ и развратнымъ до безконечности. Къ величайшему соблазну своихъ подданныхъ, онъ приказалъ отвезти іезуитамъ, для свободнаго священнодѣйствія по римскому обряду, обширный дворъ по близости дворца. Въ боярской думѣ, гдѣ засѣдалъ почти ежедневно, онъ, хотя отличался нѣкоторымъ остроуміемъ, однако жъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ бояръ въ сильное негодованіе безпрестанными упреками за ихъ невѣжество и совѣтами учиться у иноземцевъ. Вообще съ вельможами онъ обходился неосмотрительно: иногда дружилъ съ ними безъ надлежащаго приличія, зато часто ругалъ ихъ и бивалъ палкою, къ явному нарушенію царскаго достоинства. Любоострастіе его также не знало никакихъ границъ: онъ безчестилъ даже юныхъ монахинь, и къ довершенію своихъ неистовствъ, взялъ къ себѣ въ наложницы несчастную жертву своего властолюбія, царевну Ксенію. Еще справедливо обвиняли его въ чрезмѣрной расточительности. Издержавъ въ первые три мѣсяца своего правленія до семи съ половиною миліоновъ рублей (25.000.000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), онъ не переставалъ сыпать деньгами, и не для государственныхъ нуждъ, а для удовлетворенія собственныхъ прихотей; тратился на музыкантовъ и другихъ тунеядцевъ, и самъ любилъ роскошь необычайную. Какъ-будто пренебрегая прежнимъ жилищемъ царей, онъ выстроилъ въ Кремлѣ на берегу Москвы-рѣки великолѣпно убранный деревянный дворецъ, на супротивъ котораго выставилъ огромнаго мѣднаго Цербера, съ бряцающими челюстями. Это изображеніе адскаго чудовища ужасало набожныхъ Русскихъ, и усилило уже начинавшее распространяться въ низшихъ сословіяхъ мнѣніе, будто престоломъ овладѣлъ чародѣй. Къ довершенію безразсудныхъ своихъ дѣйствій, Самозванецъ готовился исполнить данное Мнишку обѣщаніе вступить въ бракъ съ дочерью его Мариною, хотя легко могъ предвидѣть, что выборомъ невѣсты иновѣрной крайне возстановитъ противъ себя подданныхъ. Но не переставая пренебрегать мнѣніемъ Русскихъ, онъ назначилъ посланникомъ въ Польшу надворнаго казначея Аѳанасія Власьева, для торжественнаго испрошенія королевскаго согласія на обрученіе его съ Мариною, и для немедленнаго совершенія этого обрученія, по силѣ даннаго ему полномочія.

Власевъ прибылъ въ Краковъ 30 октября, и остановился въ домъ Сендомирскаго воеводы. Четвертаго ноября онъ имѣлъ торжественную аудіенцію у короля. Но въ то же время прибылъ къ польскому двору Шведъ, посланный отъ царицы Марѣи, и Сигизмундъ, у котораго уже возникли несогласія съ Лжедмитріемъ по поводу царскаго титула, давъ свое согласіе на бракъ Марины, не утаилъ отъ Мнишка полученное извѣстіе объ отреченіи царицы отъ мнимаго ея сына. Несмотря на важность этого обстоятельства, честолюбивый воевода посвѣшилъ обрученіемъ своей дочери, которое и совершилось, 12 ноября, съ большою пышностью, въ присутствіи самого короля. Лжедмитрій, извѣстившись объ обрученіи Марины, послалъ съ благодарственными письмами къ королю и къ Мнишку гонца, Ивана Безобразова, которому тайно было ввѣрено еще важнѣйшее дѣло. Безобразовъ пользовался полною довѣренностью князя Шуйскаго, по совѣту котораго Самозванецъ отправилъ его въ Польшу. Шуйскій, полагаясь на благоразуміе и приверженность къ себѣ этого человѣка, приказалъ ему довести до свѣдѣнія короля о неудовольствіи бояръ на Самозванца. Вслѣдствіе этого Безобразовъ, съ согласіемъ короля, открылся Гонсевскому, и объявилъ ему, что Шуйскіе и Голицыны негодуютъ на Сигизмунда, давшаго имъ въ государя человѣка нраву легкомысленнаго и низкаго, который, предаваясь суровости, распутству и расточительности, какъ-будто самъ старается оказать себя недостойнымъ царскаго вѣнца; что они рѣшились изыскать средства избавиться отъ него, и что, наконецъ, онъ такъ несенъ имъ, что лучше бы хотѣли вмѣсто него видѣть на московскомъ престолѣ Сигизмундова сына, королевича Владислава. Это неожиданное предложеніе, на пагубу Россіи, породило въ умъ Сигизмунда мысль современемъ воспользоваться имъ для удовлетворенія своего врожденнаго тщеславія. Однако онъ не посмѣлъ еще, по первому вызову, войти въ дальнѣйшія сношенія по этому предмету съ русскими вельможами, и потому приказалъ отвѣчать только, что ему прискорбно слышать, какъ неистово ведетъ себя тотъ, котораго онъ доселѣ почиталъ настоящимъ Дмитріемъ, что онъ ни сколько не намѣренъ препятствовать имъ дѣйствовать противъ Самозванца какъ заблагоразсудятъ, и что, наконецъ, касательно сына своего, такъ какъ онъ самъ постановилъ себѣ за правило не увлекаться властолюбіемъ, то желаетъ, чтобы такую же умѣренностью руководствовался и Владиславъ, предавая впрочемъ будущность волю Божіей. Изъ этого двухъ-смысленнаго отзыва Безобразову должно было заключить, что по-крайней-мѣрѣ Сигизмундъ не будетъ стоять за Лжедмитрія, — обстоятельство важное для успѣха въ замышляемомъ заговорѣ.

Пока все это происходило въ Польшѣ, безразсудность Лжедмитрія болѣе и болѣе умножала негодованіе Русскихъ и подозрѣнія ихъ насчетъ его самозванства. Съ безпокойствомъ замѣчали, что онъ, посѣщая другія церкви и обители, никогда не бывалъ въ Чудовомъ Монастырѣ, къ которому мнимые предки его имѣли всегда особенное благоговѣніе. Также шептали между собою, что Пафнуцій, митрополитъ крутицкій, бывшій архимандритомъ въ Чудовѣ, когда монашествовалъ тамъ Отрепьевъ, хорошо узналъ подъ царскимъ вѣнцомъ своего молодаго инока, но молчалъ единственно отъ страха. Лжеди-

митрій, извѣщенный о неблагопріятномъ народномъ говорѣ и соображая его съ предостереженіями, полученными изъ Польши, отъ Мнишка и Бучинскаго, призналъ необходимымъ отложить прежнюю довѣрчивость свою. Не смѣя уже полагаться на любовь подданныхъ, онъ вздумалъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи, усилить власть свою особенною преданностью къ себѣ военныхъ людей. Съ этимъ намѣреніемъ онъ сталъ отменно ласкать и награждать стрѣльцовъ. Но и этого не почиталъ еще достаточнымъ для личной своей безопасности. Стрѣльцы были Русскіе, и потому, несмотря на всю милости, могли быть увлечены общимъ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ. Еще надежнѣе казалось ему окружить себя иноземными тѣлохранителями. Въ январь 1606 года онъ набралъ триста Нѣмцевъ и раздѣлилъ ихъ на три сотни, изъ которыхъ одна, стрѣльковая, была подъ начальствомъ Француза Маржерета. Другія двѣ состояли изъ алебардчиковъ и имѣли начальниками Лифляндца Кнутсена и Шотландца Вондемана. Всѣ они получали большое жалованье, были богато одѣты и смѣнялись черезъ сутки, такъ, что ежедневно половина ихъ находилась безотлучно при Лжедмитріи. Даже когда Самозванецъ ѣздилъ по улицамъ, то всегда былъ окруженъ этою стражею, которая не допускала къ нему и бояръ русскихъ, вынужденныхъ слѣдовать позади.

Разстрига, полагая, что совершенно обезопасилъ свою особу, почти ни о чемъ болѣе не помышлялъ какъ о весельи и забавахъ. Во дворцѣ не переставали пляски, музыка и игра въ зернь. Всякой день долженъ былъ казаться праздничнымъ. Въ угожденіе ему, не только вельможи, но даже и простолудины принуждены были не по состоянію тратиться на наряды. Никто въ скромной одеждѣ къ нему доступу не имѣлъ; даже и на улицахъ онъ не любилъ встрѣчать людей въ бѣдной одеждѣ. Самозванецъ думалъ, что наружное великолѣпіе означаетъ народное благоденствіе. Однако жъ легкомысліе его по-крайней-мѣрѣ не всегда оказывалось злонравнымъ. Годуновъ, во все время своего могущества, не позволялъ жениться князьямъ Феодору Ивановичу Мстиславскому и Василью Ивановичу Шуйскому, чтобы не умножать уваженія, которымъ они пользовались въ народѣ, и которое безъ того уже казалось ему нѣсколько опаснымъ. Князья эти, хотя въ преклонныхъ лѣтахъ, скучали своимъ одиночествомъ. Они просили Самозванца не препятствовать имъ вступить въ бракъ. Лжедмитрій тѣмъ охотнѣе согласился удовлетворить ихъ желаніе, что при этомъ открывался ему новый случай попиловать.

Но, утопая въ забавахъ, Самозванецъ не менѣе того помышлялъ и о военной славѣ. Успѣхъ борьбы его съ Борисомъ, хотя основанной единственно на пѣвнѣ, такъ усилить врожденную его самонадѣянность, что онъ дѣйствительно почиталъ себя непобѣдимымъ и хотѣлъ всему свѣту выказать свое богатство. Онъ, изъ одного самохвальства готовился объявить войну Оттоманской Портѣ, не жалея важныхъ пожертвованій, которымъ безъ нужды подвергалъ свое государство. На приготовленія къ задуманному походу требовались издержки, для которыхъ уже не стало истощенной самозванцевъ царской казны. Для пополненія ея онъ сперва занималъ безвозвратно деньги въ богатыхъ монастыряхъ, а наконецъ рѣшился и совсѣмъ захватить

монастырскія имѣнія. Эти мѣры, совершенно, противныя духу времени, умножали раздраженіе умовъ и придавали новый вѣсъ худой молвѣ о Самозванцѣ. Лжедмитрій, уже отложившій прежнее милосердіе, тайно, но жестоко, наказывалъ тѣхъ, которые называли его разстригою. Многихъ заключали въ темницы, другихъ по ночамъ топили. Но безпрестанно являлись новые обличители, которые безстрашно повторяли рѣчи прежнихъ, волновали народъ и въ особенности указывали на склонность Самозванца къ пренебреженію церковныхъ обрядовъ и правъ духовенства. Даже среди ласкаемыхъ стрѣльцовъ нашлись люди, которые укоряли его въ разореніи православной церкви. Несмотря однако жъ на тревожное состояніе умовъ, столица и большая часть государства, по наружности, оставались спокойными, кромѣ восточныхъ областей, гдѣ открывались новыя важныя неурядица. Терскіе казаки, возбужденные примѣромъ товарищей своихъ, Донцовъ, получившихъ много добычи во время возстанія за Лжедмитрія, вздумали также искать счастья въ грабительствѣ въ большомъ размѣрѣ. Для этого новое самозванство казалось имъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ, и потому они стали разглашать, будто въ 1592 году царица Ирина родила сына Петра, по Годуновъ, котораго властолюбивые замыслы разстроивались появленіемъ законнаго наследника престола, подмѣнилъ царевича дѣвочкою Феодосіею, вскорѣ послѣ того скончавшеюся. Мятежники нѣсколько времени колебались въ выборѣ лица, долженствующаго представлять мнимаго царевича. Двое молодыхъ казаковъ, Астраханецъ Дмитрій и Муромецъ Илья, были признаны способными. Но Дмитрій отстранилъ отъ себя опасную почесть, отзываясь тѣмъ, что онъ никогда не бывалъ въ Москвѣ, и потому не имѣетъ ни какого понятія ни о тамошнихъ дѣлахъ, ни о царскихъ обычаяхъ. Уважая эти причины, общимъ приговоромъ положили Илья быть царевичемъ.

Въ это же время столица ожидала пріѣзду царской невѣсты. Осьмого апрѣля, Марина, съ двухъ-тысячною свитой, вступила въ предѣлы Россіи, а втораго мая, она, съ необыкновенною пышностью и торжествомъ вѣхала въ Москву. Разстрига, какъ-бы во всѣхъ случаяхъ изыскивая вѣрнѣйшій способъ раздражить Русскихъ, назначилъ для свадьбы и вѣнчанія на царство Марины четвертъ, 8 мая. Уставъ православной церкви не дозволяетъ совершать обряда бракосочетанія ни подъ пятницу ни подъ праздникъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ нарушалось правило: девятое число было не только въ пятницу но и Николинъ день. Для избѣжанія давки на царской площади, Марина, въ среду, поздно вечеромъ, переѣхала во дворецъ, при свѣтѣ множества факеловъ. Дѣти боярскіе и нѣмецкіе алебардщики шли передъ ея карею. Тогда же было жаркое преніе у Самозванца съ боярами. Поляки хотѣли, чтобы Марина вѣнчалась въ польскомъ платьѣ, подъ предлогомъ, что она не привыкла къ иному. Лжедмитрій и въ этомъ желалъ угодить имъ, но русскіе сановники требовали непременно, чтобы она одѣлась по-русски. Непреклонность ихъ убѣдила наконецъ Разстригу, что отступленіе въ этомъ предметѣ отъ старинныхъ обычаевъ сочтено было бы за оскорбленіе народной чести. Несмотря на обыкновенную вѣтренность свою, онъ сказалъ: «Хорошо! я согласенъ исполнить желаніе бояръ и обычай народный,

чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. «Одинъ день ничего не значить!» Свадебные обряды того времени были соблюдены въ точности, за исключеніемъ порядка самаго вѣнчанія, нарушеннаго къ изумленію и негодованію всѣхъ Русскихъ: Марину вѣнчали на царство, не только прежде отреченія ея отъ папства, но и прежде брачнаго обряда. Уклончивый патріархъ не усомнился возложить животворящій крестъ, бармы и царскій вѣнецъ на иновѣрную польскую дѣвицу. Послѣ коронованія патріархъ служилъ объдню, помазалъ и причастилъ Марину, потомъ уже, по удаленіи всѣхъ незнатныхъ людей изъ церкви, приступили къ брачному обряду. На другой день начался рядъ торжественныхъ пировъ.

Но посреди этихъ празднествъ составлялся опасный заговоръ, въ которомъ участвовала уже почти вся Москва. Всѣмъ Русскимъ, безъ различія сословій, казались нестерпимыми безнужество Самозванца и наглость Поляковъ. Если бы гости эти силою оружія овладѣли столицей, то и тогда не могли бы хуже обходиться съ ея жителями. Въ особенности во время свадебныхъ веселій безчинство ихъ доходило до высочайшей степени. На пирахъ, во дворцѣ, они ругали Русскихъ, и даже самыхъ знатнѣйшихъ; смѣялись надъ всѣми ихъ обрядами и поступками, и въ хвастливѣйшихъ выраженіяхъ превозносили собственную свою храбрость, страшась которой, Русскіе будто бы приняли царя изъ рукъ Поляковъ. Многіе изъ нихъ, разгоряченные виномъ, возвращаясь изъ дворца, рубили встрѣчныхъ саблями, вытаскивали изъ каретъ и безчестили знатныхъ боярынь. Они не уважали даже святыни, ходили по церквамъ съ собаками, а во время коронованія, въ соборѣ, именитѣйшіе изъ нихъ, иные сидѣли, другіе громко издѣвались надъ иконами или дремали прислонясь къ нимъ. Эти непристойности такъ озлобили русскія сердца, что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали удобнаго часу для мести, и что противъ пріятеля Поляковъ, Разстриги, возставали даже и тѣ, которые были главнѣйшими зачинщиками измѣны въ его пользу. Изъ самыхъ приближенныхъ остался ему преданнымъ только одинъ Басмановъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за безпрестанно возрастающею народною ненавистью къ Самозванцу, и съ радостію убѣдился, что насталъ часъ избавленія отечества отъ поноснаго ига дерзкаго пришельца. Согласно съ нимъ мыслили и дѣйствовали знатнѣйшіе люди въ государствѣ. Увѣрившись въ синглитѣ, Шуйскій обратился къ низшимъ сословіямъ, которыми, какъ уже сказано, былъ весьма уважаемъ. Всѣ жаждали видѣть конецъ нелѣпаго властвованія Лжедмитрія. Уже двѣнадцатаго мая громко говорили на рынкахъ, что Самозванецъ измѣнилъ Православію, что онъ рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, вводитъ чужіе обычаи, ѣстъ скверную пищу, не выпарившись ходитъ къ объднѣ, не кладетъ поклоновъ передъ иконами и послѣ свадьбы ни-разу съ поганою женою своей, не мылся въ банѣ. Хотя множество людей уже вступили въ заговоръ, однако жъ чувство отвращенія къ Самозванцу было такое единодушное и глубокое, что не нашлось ни одного доносителя. Но невозможно было, чтобы, при этомъ многочисленности, тайна не разгласилась. Въ особенности провѣдали объ ней Нѣмцы, которыхъ менѣе остерегались чѣмъ Поляковъ. Ротные на-

чальники нѣмецкихъ тѣлохранителей три дня сряду,—13, 14 и 15 мая,—письменно доносили Самозванцу о замышляемомъ возстаніи, но получили въ отвѣтъ, что все это ничего не значитъ. Разстрига, или действительно избалованный счастьемъ, не предусматривалъ опасности, или же малъ выказалъ безстрашіе для обузданія злонамѣренныхъ. Онъ приказалъ готовиться къ новымъ забавамъ. Въ пятницу, 16 числа, въ русскихъ лавкахъ уже отказывались продавать Полякамъ порохъ и оружіе. Такая явная неприязнь встревожила польскихъ жолнеровъ. Они объявили о предстоящей опасности воеводѣ сеподмирскому, который донесъ Самозванцу. Но Разстрига смѣялся надъ этими рассказами и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ, для успокоенія ихъ, велѣлъ на слѣдующую ночь разставить по улицамъ караулы изъ стрѣльцовъ. Кажется, что онъ весьма полагался на приверженность къ себѣ этого войска, и что на этой увѣренности преимущественно основывалась его безопасность. Онъ рассчитывалъ, что 10,000 стрѣльцовъ, 5,000 Поляковъ и 300 Нѣмцевъ достаточно для обузданія мятежной московской черни.

Въ субботу, около четырехъ часовъ утра, ударили въ колоколъ, сперва у Ильи Пророка, близъ гостиннаго двора, и тотчасъ же набатъ раздавался по всему городу. Со всѣхъ концовъ, тысячи людей, съ ружьями, саблями, топорами, рогатинами, стекались на Красную Площадь, гдѣ сидѣли уже на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ, въ полномъ вооруженіи. На тревогу выбѣжали изъ домовъ и тѣ изъ Москвитянъ, которые не знали о заговорѣ; имъ говорили, что Литва бьетъ русскихъ вельможъ, и они спѣшили за прочими на помощь знатымъ своимъ соотчичамъ. Начальникъ заговора, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя, что Москва дружно востанетъ за Русь, не дождавшись собранія всей черни, предложилъ дворянамъ немедленно напасть на дворецъ, чтобы не дать Самозванцу времени опомниться и, можетъ-быть, скрыться. Онъ, первый, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой, вѣхалъ въ Кремль, черезъ Спасскія ворота, въ сопровожденіи заговорщиковъ. Подѣхавъ къ Успенскому Собору, онъ сошелъ съ коня, приложился къ иконѣ Владимірской Богоматери, и, обращаясь къ народу, воскликнулъ: «Во имя Божіе, идите на еретика!» Все хлынуло ко дворцу.

Лжедмитрій, нимало не предвидя бѣды, всю ночь провелъ въ пиру, и съ разсвѣтомъ вышелъ на крыльцо, освѣжиться. Услышавъ набатъ, онъ спросилъ для чего звонятъ. «Пожаръ», отвѣчали ему, и онъ, не подозрѣвая ничего, спокойно воротился въ свои чертоги. Но вскорѣ грозный вопль приближающихся бунтовщиковъ снова встревожилъ его. Онъ выслалъ Басманова, узнать, что происходитъ. Басмановъ уже нашелъ весь дворъ наполненнымъ вооруженными людьми, и на спросъ получилъ въ отвѣтъ ругательства и требованія выдачи Самозванца. Басмановъ кинулся назадъ, и приказавъ алебарщикамъ не впускать ни кого во дворецъ, поспѣшилъ къ Разстригѣ и сказалъ ему: «Мятежъ! я умру, а ты спасайся!» Въ самомъ дѣлѣ, Лжедмитрій однимъ бѣгствомъ могъ избавиться отъ угрожающей опасности. При немъ находилось только тридцать алебарщиковъ и нѣсколько польскихъ слугъ и музыкантовъ. Алебарщики, видя свое малолѣтство, оробѣли. Одинъ дворянинъ изъ числа заговорщиковъ

пробрался между ними и вѣхалъ въ покой, гдѣ находился Лжедмитрій съ Басмановымъ. «Ну, безвременный царь! вскричалъ онъ, проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Озлобленный Басмановъ схватилъ висѣвшую на стѣнѣ саблю и разсѣкъ голову дерзновенному. Самъ Лжедмитрій, на отложившіи еще своего самонадѣянія, не терялъ надежды своимъ присутствіемъ укротить мятежъ. Вѣхавъ въ переднюю, гдѣ стояли алебарщики, онъ выхватилъ мечъ у Курляндца Шварцгофа, вышелъ въ стѣну и, грозя мечомъ народу, кричалъ: «Я вамъ не Борисъ!» Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться во внутренніе покои. Мужественный Басмановъ сдержалъ данное Самозванцу слово,—жертвовать собою для его спасенія. Оставшись въ стѣнѣхъ, онъ сталъ уговаривать бояръ, чтобы помнили свою присягу и удержали народъ отъ своевольства. Въ отвѣтъ, избавленный имъ отъ ссылки думный дворянинъ Татищевъ зарѣзалъ его пожомъ, а бояре сбросили трупъ съ крыльца. Такимъ образомъ этотъ необыкновенный мужъ, прежде уже измѣнившій одному государю не отказался запечатлѣть собственною кровью вѣрность къ тому, кого самъ въ дружескихъ бесѣдахъ признавалъ за Самозванца. Это объясняется только тѣмъ, что главнѣйшею страстію его было честолюбіе, къ удовлетворенію котораго гибель Годуновыхъ открывала ему путь, какъ напротивъ того съ паденіемъ Лжедмитрія исчезала для него всякая надежда сохранить свое могущество.

По смерти Басманова ни что уже не удерживало буйной толпы. Нѣмцы—алебарщики, нимало не расположенные слѣдовать его великодушному примѣру, положили оружіе, и народъ не только разломалъ двери, но даже вырубилъ нѣсколько бревенъ въ стѣнѣ и наводнилъ дворецъ. Лжедмитрій, съ досады, рвалъ на себѣ волосы и побѣжалъ объявить Маринѣ о бунтѣ, а потомъ поспѣшилъ черезъ ея покои пробраться въ каменный дворецъ, но и тутъ не надѣясь укрыться, онъ выскочилъ изъ окна на подмости, устроенные для свадебнаго празднества. Съ однихъ подмостковъ онъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но ступился, упалъ съ пятнадцати-саженной вышины на житный дворъ и вывихнулъ себѣ ногу.

Марина, едва пробудившаяся отъ сна, была не одѣта; на-скоро надѣвъ юпку, она въ безпамятствѣ сбѣжала внизъ подъ своды, но не находя тамъ безопасности, воротилась наверхъ. Среди общаго замѣшательства и благодаря простому наряду, ея не узнали и столкнули съ лѣстницы. Однако она добралась до своего покоя и тамъ осталась со своею женскою свитою. Вскорѣ люди, преслѣдовавшіе Разстригу изъ комнаты въ комнату, стали ломиться въ покой, гдѣ находилась Марина. Каммердинеръ ея, Осмульскій, упорно защищалъ входъ; многія раны не поколебали его рѣшимости: онъ продолжалъ отстаивать свою госпожу, пока ружейный выстрѣлъ не положилъ его на мѣсть. Москвичи бросились грабить Марину и бывшихъ при ней женщинъ, и оставили ихъ въ однихъ сорочкахъ. Можетъ-быть ихъ ожидала еще и горьшая участь, но геройская преданность Осмульскаго не совсѣмъ осталась бесполезною: она дала боярамъ время приспѣть на выручку. Бояре разогнали буйныхъ людей, отвели Марину и женщинъ въ особую комнату, къ которой

приставили стражу, а вещи ихъ, опечатанныя, приказали положить въ кладовую.

Между-тѣмъ нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, стоявшихъ на стражѣ близъ того двора, на который уналъ Лжедимитрій, нашли его лежащаго безъ чувствъ, отлили водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго, по его приказанію, деревяннаго дворца царя Бориса. Пришедши въ себя, Самозванецъ сталъ умолять стрѣльцовъ, чтобы обороняли его; обѣщаль въ награду женъ и помѣстья бояръ. Обольщенные стрѣльцы рѣшились стоять за него, и ружейными выстрѣлами отогнали первыя толпы сбѣжавшагося народу. Но князь Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ своихъ докончить начатое, «залушить свирѣпое чудовище пока оно въ ямѣ». Стрѣльцы, утраченные угрозами, бросили ружья и не препятствовали боярамъ схватить Самозванца и внести въ дотолъ занимаемые имъ покои деревяннаго дворца, которые вмѣсто прежняго великолѣпія представляли уже отвратительныя слѣды грабительства и разоренія. Въ передней Самозванецъ прослезился увидѣвъ алебарщиковъ своихъ, стоявшихъ безъ оружія, съ поникшими головами. Заговорщики обступили Самозванца, надѣли на него, вмѣсто сорваннаго платья, кафтанъ широжняка. Озлобленные безжалостно вымѣщали нанесенныя обиды, ругали и колотили его. Вообще домогались, чтобы онъ самъ сказалъ откуда онъ родомъ. Но несчастный зналъ, что только упорствуя въ Самозванствѣ, можетъ оставить нѣкоторыхъ въ сомнѣніи и тѣмъ сохранить слабую надежду на спасеніе своей жизни. Въ этомъ убѣжденіи Разстрига не переставалъ увѣрять, что онъ дѣйствительно сынъ царя Іоанна Васильевича, и ссылался на свидѣтельство матери, которую предлагалъ допросить. Въ этомъ ему не отказали. Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, съ четырьмя другими сановниками, отправился въ Вознесенскій Монастырь, и именемъ отечества требовалъ отъ царицы чистосердечнаго признанія. Царица, съ раскаяніемъ, объявила, что сынъ ея, пораженный въ Угличѣ, по повелѣнію Бориса, точно умеръ у нея на рукахъ, а что этого, невѣдомо откуда пришедшаго, злодѣя она согласилась принять за своего сына только по женской слабости, страха ради. Нагіе также подтвердили ея слова. Князь Голицынъ, воротившись во дворецъ, сказалъ Разстригѣ, что мнимая мать отрекается отъ него. Сраженный этою вѣстію, Самозванецъ сталъ просить, чтобы его вывели на лобное мѣсто, обѣщая тамъ всенародно объявить истину. Слова эти были приняты въ видъ кесвеннаго признанія. Народу, который толпился подъ окнами на дворъ и прилежно осведомлялся о всѣхъ рѣчахъ Лжедимитрія, объявили, что онъ виновится. Тысячи голосовъ завопили: «Бей его! руби его!» Тогда между наполнявшими дворцовыя покои протѣснился боярскій сынъ Григорій Валуевъ, и сказавъ: «Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю польскаго свистуна!» Ружейнымъ выстрѣломъ изъ-подъ армяка убилъ Разстригу. Окружающіе, въ ожесточеніи, саблями събили бездушный трупъ и сбросили его съ крыльца на трупъ Басманова, говоря: «Ты любилъ его живаго, не разставайся жъ и съ мертвымъ!» Нѣсколько времени спустя, чернь, обнаживъ оба трупа, повлекла ихъ черезъ Спасскія Ворота на Красную Площадь. Тѣло

Лжедимитрія тамъ положили на столъ, длиною въ аршинъ, такъ, что свѣсившіяся ноги касались груди Басманова, положеннаго на скамью, подъ столомъ. Прискакавшій верхомъ, изъ Кремля, дворянинъ съ вольничкою и маскою, всунулъ вольнику Разстригѣ въ ротъ, а маску положилъ на брюхо и сказалъ: «Ты негодяй, часто насъ заставлялъ дудить; теперь самъ дуди въ нашу забаву.»

Для мести народной мало было смерти Лжедимитрія. Оставалось раздѣлаться съ Поляками, не менѣе ненавидимыми. Изъ найденныхъ во дворцѣ польскихъ музыкантовъ семнадцать человекъ убито, а остальные осемь оставлены за мертво. Чернь, упоенная буйствомъ, бросилась къ домамъ, занимаемымъ Поляками. Вездѣ, гдѣ эти иноземцы, по малолюдству своему, или вовсе не оборонялись или оборонялись слабо, ихъ безпощадно убивали и грабили, а женъ и дочерей уводили. Въ особенности кровопролитіе было ужасно на Никитской Улицѣ, гдѣ жили служители Маринны. Ожесточенные Москвитяне не оказывали должнаго праводушія даже и въ отношеніи къ тѣмъ, которые отдавались имъ на вѣрное слово. Болре съ сокрушеніемъ видѣли, что торжество дѣла отечественнаго запятывается бесполезнымъ кровопролитіемъ, и прилагали всевозможныя мѣры къ прекращенію буйства. Они скакали изъ улицы въ улицу, унимая народъ. Наконецъ, въ часъ по полудни, прекратилась рѣзня продолжавшаяся семь часовъ. Современники не согласуются въ исчисленіи жертвъ этого кроваваго утра. По словамъ Маржерета, Поляковъ пало 1,200, а Русскихъ 400; но нѣмецкій пасторъ Беръ увѣряетъ, что однихъ Поляковъ убито 2,135.

Казалось, что посредствомъ мятежа торжествующая чернь не скоро возвратится къ законному порядку, и что должно было еще опасаться новыхъ своевольствъ и насилій. Но Москва отличилась явленіемъ необыкновеннымъ. Жители ея, наказавъ справедливо, но свирѣпо и самоуправно, обидчиковъ отечества, мирно предались отдыху и своимъ домашнимъ занятіямъ. Въ слѣдующую ночь весь городъ былъ погруженъ въ глубокое молчаніе и спокойствіе; также и на другой день не было ни малѣйшей тревоги.

Но важныя заботы ожидали еще Русскихъ. Царскій престолъ, очищенный отъ вора, оставался пражднымъ. Церковь также не имѣла главы: потворникъ папѣжства, Игнатій, не могъ оставаться патріархомъ; его отослали подъ начало, въ Чудовъ Монастырь. Превжній патріархъ, во время ссылки своей, ослѣпъ, и потому нельзя было снова поручить ему управленіе Церковью. Предстояло избрать и новаго царя и новаго патріарха. Начальникъ народнаго возстанія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, стоялъ уже на такой высокой степени могущества и знаменитости, что и безъ имени царскаго казался настоящимъ государемъ, и что внѣцъ прародителя его Мономаха какъ-бы самъ собою ложился на его голову. Но это самое отвращало отъ него бояръ, желавшихъ, чтобы избранный ими имѣлъ же, а не самому себѣ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Ктому жъ должно замѣтить, что въ самомъ дѣлѣ воцареніе Шуйскаго, несмотря на знатность его рода и обширность ума, не обѣщало Россіи той прочности, въ которой она особенно нуждалась послѣ претерпѣнныхъ бѣдствій. Пре-

клонный лѣтами онъ былъ бездѣтенъ, и, слѣдственно, должно было опасаться или новыхъ смуть, сопряженныхъ съ такимъ упраздненіемъ престола, или что наследуетъ по немъ братъ его, князь Дмитрій, котораго за неспособность и злоправіе вообще презирали и ненавидѣли. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что многіе обнаруживали готовность принять государя изъ дома Голицыныхъ, которые, послѣ Шуйскихъ и Мстиславскаго, рѣшительно не желавшаго престола, считались первыми людьми въ государствѣ. Совершенно-лѣтнихъ князей Голицыныхъ было тогда четверо,—три брата родныхъ, Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи и двоюродный ихъ братъ Иванъ Ивановичъ Шпакъ. Послѣдній, хотя старшій въ родѣ, былъ отстраненъ по своей ничтожности. Также полагали, что неприлично было бы вручить державу князю Василю, обезславившему себя злодѣйскими дѣйствіями противъ царя Феодора Борисовича. Потому всѣ помышленія друзей Голицыныхъ устремились къ избранію князя Ивана Васильевича. Но въ первомъ пылу народной признательности къ Шуйскому, не легко было бы убѣдить московскихъ гражданъ предпочесть кого бы то ни было этому князю, который раздѣлялъ съ ними труды и опасности мятежа, и котораго всѣ признавали первымъ виновникомъ избавленія отечества. Для того противники его почли необходимымъ медлить избраніемъ. Ими направляемая дума боярская разсудила, что въ такомъ великомъ дѣлѣ нужно сослаться со всѣмъ государствомъ и предоставить великой земской думѣ возвестъ на престолъ, кого цѣлая Россія признаетъ достойнѣйшимъ.

Но и Шуйскій съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи. Понимая, что мнѣніе бояръ, по-видимому основанное на сущей справедливости, внушено было однимъ недоброжелательствомъ къ его лицу, онъ нисколько не расположенъ былъ спокойно дожидаться, чтобы, охладилась признательность народа къ нему, и потому рѣшился немедленно обратиться къ суду Москвитянъ. Страніемъ его приверженцевъ, 19 числа, въ 6 часовъ утра, купцы, разношники и ремесленники сошлись на Красную Площадь. Бояре, встревоженные этимъ скопищемъ, вышли также на площадь въ сопровожденіи знатнаго духовенства. Намѣреніемъ ихъ было отвлечь народъ отъ избранія царя, предложивъ ему заняться выборомъ патріарха, а между тѣмъ разослать грамоты во всѣ города государства, чтобы выборные люди съѣзжались въ Москву, для назначенія царя общимъ совѣтомъ. Но народъ возопилъ, что для исцѣленія язвъ отечества царь нуженъ патріарха, и что по этому слѣдуетъ сперва избрать царя, который уже самъ назначитъ первосвященителя. Тогда клеветы Шуйскаго стали разглашать, что никто не можетъ имѣть столько права на престолъ какъ «мужественный, благородный обличитель и посрамитель нечестиваго Отрепьева», присовокупляя, что самъ князь Василій Ивановичъ происходитъ отъ ближайшей отрасли древняго царственнаго дома. Въ отвѣтъ имъ, со всѣхъ сторонъ площади закричали: «Да будетъ надъ нами надо всѣми князь Василій Ивановичъ!» Вельможи не посмѣли противиться общему голосу, и сами провозгласили Шуйскаго царемъ и великимъ княземъ всея Россіи.

Первымъ стараніемъ новаго правительства было очищеніе московскихъ улицъ отъ польскихъ труповъ, обезображенныхъ псами и площадными лекарями, вырѣзывавшими изъ нихъ жиръ для составленія мнимо-цѣлебныхъ мазей. Тѣла эти были вывезены за городъ и похоронены на убогомъ домѣ. Басмановъ былъ уже схороненъ у церкви Николы Мокраго, стараніемъ его своднаго брата, князя Ивана Васильевича Голицына. Но трупъ Отрепьева оставался еще на площади, предметомъ поруганія черни. Въ ночи съ 19 на 20 число, стерегшимъ его людямъ показалось, что на немъ и около стола появлялся свѣтъ, который исчезалъ, когда къ нему подходили и опять сіялъ, когда удалялись. Была ли то мечта ихъ суевѣрнаго предубѣжденія или дѣйствительно являлся фосфорическій свѣтъ, часто сопровождающій гніеніе органическихъ тѣлъ, но естественное истолкованіе явленія не было бы сообразно духу тогдашняго времени. Всѣмъ казалось несомнѣннымъ, что этотъ свѣтъ означалъ чародѣйство покойника, въ чемъ еще болѣе убѣдились на слѣдующее утро, когда по приказанію начальства повезли тѣло въ убогій домъ, за Серпуховскія Ворота. Лишь-только миновали эти ворота, поднялась жестокая буря, которая сорвала крышу съ одной изъ трехъ башенъ и повалила деревянную городскую стѣну до Калужскихъ Воротъ. Къ довершенію убѣжденія народа въ чернокнижествѣ Отрепьева, съ 18 по 25 мая, настали сильные морозы, повредившіе не только деревья и хлѣбъ, но даже луговую траву. Для прекращенія дальнѣйшихъ зловредныхъ дѣйствій умершаго колдуна, почли необходимымъ развѣять самый прахъ его. Двадцать осьмага мая, тѣло его было вырыто и сожжено на котлахъ. Пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили по смоленской дорогѣ, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву.

По этимъ извлеченіямъ читатели лучше всего могутъ сами судить о достоинствахъ прекрасной книги нашего извѣстнаго и уважаемаго во всей Европѣ историка. Мы представили здѣсь содержаніе перваго тома заключающаго въ себя исторію 1584—1606 годовъ, отъ начала владычества Бориса Годунова до паденія перваго Димитрія и воцаренія Шуйскаго. Второй томъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе событій отъ 1606 до 1609. Послѣдующіе томы еще не вышли.

три повѣсти госпожи Ребб. Переводъ, съ французскаго *Александры Зражевской*. С. Петербургъ, 1841.

Первая изъ этихъ повѣстей — была, подъ заглавіемъ «Амелія», и была такая нехитрая, такая простенькая, какая только возможна въ мірѣ обыкновенныхъ былей. Все дѣло въ томъ, что графиня Амелія, прелестная, чувствительная молодая дѣвушка, — невѣста и притомъ въ чахоткѣ. По неосторожности матери и доктора она узнаетъ



ожидающую ея участь, — скорую смерть, — и рѣшается благовременно отказаться отъ брака съ милымъ сердцу, чтобы не сдѣлать его несчастнымъ мужемъ больной жены. Она пишетъ къ жениху письмо, къ которомъ говорить, что бракъ ихъ невозможенъ, не объясняя однако жъ почему, и ссылаясь на время, долженствующее вскорѣ открыть тайну. Въ сердце Эдуарда, жениха, «забушевала» ревность: онъ думаетъ, что Амелія измѣнила ему для другаго, сердится и, не говоря ни слова въ отвѣтъ на письмо, не простясь, уѣзжаетъ въ армию, и тѣмъ еще ускоряетъ неизбежную смерть невинной дѣвушки. Черезъ пятнадцать дней она умираетъ. Черезъ три года Эдуарда начала терзать тоска по родинѣ. Онъ возвращается; мимоходомъ хочетъ заглянуть въ «чащу липъ», на «прелестную бесѣдку», гдѣ некогда былъ такъ счастливъ, — и находитъ мраморный надгробный памятникъ.

Другая повѣсть, подъ заглавіемъ Сальвадоръ, — настоящая повѣсть, не быль. И будь она написана не дамою, мы, изъ вѣжливости къ прекрасному полу, никакъ не повѣрили бы, что на свѣтъ, исключая повѣстей, возможны такія ужасныя, страшныя женщины какова героиня этой повѣсти. Невѣроятно!... однако жъ авторитетъ двухъ дамъ, сочинительницы и переводчицы, не допускаетъ никакого сомнѣнія, и мы, волей-не-волей, должны вѣрить, что портретъ госпожи де-Неаль списанъ съ природы. Послушайте только, что говорятъ объ ней madame Ребб.

«Госпожа де-Неаль, двадцати-лѣтняя вдова, имѣла хорошее состояніе; но при ней не было родни, которая была бы въ правѣ дать ей хорошій совѣтъ или надсматривать за ея поведеніемъ. Она наслаждалась независимостію, и въ полномъ смыслѣ всеми выгодами своего положенія; жила совершенно по своему вкусу, привычкамъ, страстямъ, и въ-тихомолку дѣлала такія непростительныя проступки, которые бы лишили добраго имени всякую другую честную женщину. По милости ея умѣнья жить въ свѣтѣ, ея прелестей, и въ-особенности непостоянства, ея доброе имя оставалось неприкосновеннымъ. Быть-можетъ госпожа де-Неаль была единственнымъ типомъ въ своемъ родѣ: любовь была ея стихія. Къ-счастію, не все женщины сумѣютъ подражать ей: это чувство, исключительно было цѣлью, и единственнымъ упражненіемъ въ жизни госпожи де-Неаль; для нее это не игра была; она отъ-души предавалась любви, испытывала все ея восторги, горести, радости; проливая искреннія слѣзы; и при всемъ томъ ея страсть продолжалась столько времени, сколько удобно, чтобы человѣка свести съ ума. Овладевъ сердцемъ, она приводила его въ упоеніе, сжигала, терзала, разрывала его, и бросала безъ расчета, безъ злости, по инстинкту, какъ лисица удушившая цыпленка. Сердце ея было переполнено всеми сокровищами любви и пламени, которыя она расточала безо всякихъ условій, и отнимала безъ жалости. Многіе любили ее; никто — не покидалъ, и, — веселыхъ чудомъ, всею обожатели оставались ея преданными друзьями по жизни и смерти, потому что она превосходно вникла въ развязку своихъ драмъ, которыя разыгрывала съ поэтическимъ жаромъ во всехъ явленіяхъ. Когда же ея сердце истощалось отъ порыву страстей, и когда смертельная истома замѣняла восторги, когда уже другъ сердца не въ-силахъ былъ раздуть погасшее пламя, — то его горестъ и негодованіе начинали пугать ее: тогда она вдругъ приступала къ мастерскимъ средствамъ. Развязка происходила безъ шума, безъ огласки; не разрывомъ а разлукой. Она всегда находила такія важныя причины, — побужденіе гордости, чести, разборчивости, — столь убѣдительныя для этой жертвы, что отчаянный поклонникъ, всег-

да удалялся отъ нея съ искреннею клятвою любить ее до гроба, и съ твердымъ убѣжденіемъ что у него не будетъ больше преемниковъ. Эта ужасная женщина оставляла по себѣ неизгладимое впечатлѣніе; тѣ которые разъ любили ея, не могли уже никого любить и не могли видѣть ея безъ смущенія, сожалѣнія, и возврата къ тѣмъ неописаннымъ упоеніямъ, которыя они считали блаженствомъ. Госпожа де-Неаль вовсе не походила на то, что она была въ самомъ дѣлѣ: посторонніе, считали ее женщиною холодною, безпечною, даже немножко степенною. Всегда скромная и кроткая въ разговорѣ, небрежная, протосердечная и тонкая; обладавшая нѣжною и томною красотою ни сколько не поражавшею съ перваго взгляду, въ которой мало-по-малу открывали даже неказанное совершенство: короче, ктѣ разъ уже имѣлъ несчастіе полюбить ее, тому никакая женщина не могла больше нравиться.»

Госпожа де-Неаль четыре года вдовѣла, и уже начинала чувствовать истому, безсиліе души, неизбежныя слѣдствія безпрестанныхъ беспорядочныхъ внутреннихъ движеній, какъ-вдругъ она встрѣтила человѣка, при видѣ котораго въ сердцѣ ея проснулись все восторги и мечты поворожденной любви. Этотъ человѣкъ былъ Испанецъ донъ Сальвадоръ де-Вега. Начало новой связи вовсе не походило на то, что госпожа де-Неаль испытывала прежде: Испанецъ любилъ ее со всеми восторгами огненной страсти, со всеми судорогами ревности, гнѣву, раскаянія и нѣжности, которыя не давали ей ни покою ни отдыху. Ея пресыщенная душа искала сильныхъ ощущеній и нашла ихъ въ безпрерывной борьбѣ съ бышеною, необузданною страстью Сальвадора. Все это продолжалось шесть мѣсяцовъ. Любовь Испанца была постоянна, но госпожа де-Неаль уже почувствовала прежніе припадки истомы, которая тотчасъ овладевала ею, лишь-только она переставала любить. Сначала она почитала за счастье приносить всевозможныя жертвы, которыхъ требовала жестокая ревность любезнаго: она безъ сожалѣнія удалилась отъ свѣта, съ радостію и покорностію отказалась отъ сношеній съ друзьями, согласилась жить для одной любви. Но роковой часъ ударилъ, и она, со скуки, рѣшилась отнять все, что дала. Чтобы отдѣлаться отъ посылаго, и притомъ избежать его мщенія, ей нуженъ былъ благовидный предлогъ, и она нашла его въ самомъ положеніи Сальвадора. Онъ былъ впускъ испанскаго гранда, но жилъ въ изгнаніи, вслѣдствіе политическихъ смуть своего отечества; имѣніе его было конфисковано, титулы уничтожены. Все это онъ могъ возвратитъ себѣ посредствомъ женитьбы на двоюродной сестрѣ, герцогинѣ Инессѣ де-Вега, наследницѣ большаго майоратства. Но донна Инесса была кривошея, горбунья, кривобокая, безобразная, а госпожа де-Неаль красавица; при мысли о той его дрожь беретъ, а эту онъ любить, обожаетъ, и эту любовь Сальвадоръ предпочитаетъ всемъ богатствамъ на свѣтѣ. Госпожа де-Неаль искусно воспользовалась страстною любовью своего обожателя для достиженія своей цѣли, — разорвать съ нимъ связь. Она принялась уговаривать, умолять его, чтобы подумалъ о своемъ собственномъ благѣ, выставила все неудобства и лишенія, какимъ онъ подверженъ въ настоящемъ, и все преимущества, весь блескъ и счастье, которые его ожидаютъ, притомъ съ самымъ безсовѣстнымъ хвастовствомъ выказывала свою мнимую горестъ и борьбу съ собственными чувствами, которыя противятся такому самопожертвованію. Испа-

нецъ, въ восторгѣ любви и признательности, отказывался отъ всего, кромѣ своей Флавіи. Но она упорно стояла на томъ, что должна принести жертву. Прикрытая такимъ блестящимъ и благороднымъ предлогомъ, она нимало не боялась отчаянія Сальвадора, и лишь-только почувствовала себя ускользнувшей отъ его подозрѣній и мщечія, приняла рѣшительныя мѣры. Уславъ Сальвадора на охоту, она приказала горничной собираться въ дорогу, и уѣхала, оставивъ любовнику предлинное письмо. Она не пожалѣла трехъ страницъ на сожалѣнія, увѣренія, искренніе обѣты, трогательныя прощанія, усыпанныя всѣми изношенными фразами и знаками восклицаній.

«Моя жертва будетъ совершенная, говорила она въ-заключеніе: я даже не увожу съ собою надежды когда-либо встрѣтить тебя. Я вѣду, погребу себя въ какомъ-нибудь уединеніи, куда никогда не проникнетъ твое имя. Сальвадоръ! умоляю тебя не колебаться, пособи мнѣ выполнить это жестокое намѣреніе! я приношу себя на жертву твоему будущему благополучію. Не огорчай меня, не затрудняй моего благороднаго усилія своею непреклонностью: она будетъ только вредить намъ обоимъ, но не переменить моего рѣшенія. Другъ мой, забудь меня, не пиши ко мнѣ и не любопытствуй знать, что со мною. Черезъ нѣсколько лѣтъ, быть-можетъ, мы увидимся. Отправляйся сейчасъ же въ Монпелье; доверши свою судьбу, такъ какъ я исполняю свою обязанность, — съ твердостью; прощай, мой Сальвадоръ!»

Сальвадоръ, получивъ прощальное письмо, чуть не сошелъ съ ума. Двое сутокъ онъ не имѣлъ покою, вездѣ искалъ своей Флавіи, а на третью, съ легкою почтой отправился въ Монпелье. Черезъ шесть мѣсяцевъ госпожа де-Неаль возвратилась въ Парижъ изъ путешествія по Англіи, откуда привезла самую блѣдную, безцвѣтную впечатлѣнія и скучнаго обожателя, лорда Вильсона, который преслѣдовалъ ее до твердой земли въ доказательство своей вовсе неинтересной любви. Объ Испанцѣ Флавіи ничего не знала и даже не беспокоилась. Наконецъ однако жъ она, со скуки, вздумала поѣхать въ тотъ домъ, гдѣ въ первый разъ его встрѣтила. Послѣ взаимныхъ привѣтствій въ дружеской бесѣдѣ съ старою пріятельницей, она узнаетъ, что Сальвадоръ уже два мѣсяца какъ воротился изъ путешествія и часто бываетъ въ этомъ домѣ.

«... А, такъ онъ еще не женатъ?» спросила госпожа де-Неаль; а говорили, что онъ женится на одной изъ своихъ двоюродныхъ сестеръ.

— Ты это знала? А я полагала что объ этомъ не было и рѣчи до твоего отъѣзда: казалось, что эта спекуляція протянется долго, но теперь рѣшено; ты именно пріѣхала къ его свадьбѣ; де-ла-Вега женится послѣ Пасхи.

— Тѣмъ лучше, вскричала изъ глубины души госпожа де-Неаль.

— Великолѣпное супружество! Онъ долженъ быть на верху блаженства.

— Но, мнѣ кажется, что тутъ все основано на системѣ удовлетворенія; знатность, несмѣтное богатство и женщина...

— Прекрасная какъ ангель!

— Какъ! прервала съ изумленіемъ госпожа де-Неаль; она горбата!

— Нѣтъ, онъ не на горбатой женится, возразила госпожа Д... Ты еще не знаешь этой исторіи; настоящій романъ! Я расскажу тебѣ. Герцогъ де-ла-Вега имѣлъ двухъ дочерей: старшая, которая наследовала майоратство,

говорятъ, дурна и кривобока; но сестра ея Донна Тереза, та, которая имѣла едва столько приданаго чтобъ вступить въ монастырь, напротивъ, прелестная, молодая дѣвушка. Дѣвица де-ла-Вега жила въ Испаніи, и только недавно прибыла въ Монпелье, для поправленія своего здоровья; донъ Сальвадоръ, возобновилъ свое предложеніе. Все уже было рѣшено, какъ вотъ герцогиня де-ла-Вега переменяла свою рѣшительность. Она обратила вниманіе на свое безобразіе, взвѣсила свой проигрышъ въ свѣтъ, и маленькій уголокъ который будетъ занимать въ сердцѣ своего мужа; со страху или изъ великодушія, отрекалась отъ всего, и твердо это объявила сестрѣ, которой, законнымъ актомъ, она уступила свой титулъ и имѣніе. Надлежало только испросить у короля испанскаго согласія на эту уступку. Потомъ обѣ сестры съѣхались на границѣ. Ихъ свиданіе тронуло всѣхъ; онѣ провели нѣсколько дней вмѣстѣ; потомъ одна заперлась въ монастырь, а другая, сопровождаемая старою родственницей, пріѣхала въ Парижъ, куда господинъ де-ла-Вега прибылъ за нѣсколько дней до ея пріѣзда. Я была у нее; она не говоритъ по-французски; и очень похожа на Испанку; но у нея глаза чудесные. Ктому же шестнадцать лѣтъ; я увѣрена, что женихъ влюбленъ въ нее....

— Ты думаешь? спросила госпожа де-Неаль съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Мать кажется, онъ будетъ очень счастливъ женись на такой знатной, богатой, красивой и молодой дѣвушкѣ, которая, сама по себѣ, еще дороже своего приданаго.

— Онъ заслуживаетъ свое счастье, и я очень желаю скорѣй увидѣть его и поздравить.

— Хочешь? можно сегодня же вечеромъ, онъ всегда бываетъ у меня по субботамъ; останься обѣдать.....

«Много уже собралось гостей когда доложили о Сальвадорѣ. Госпожа де-Неаль отошла къ камину и стала за игорный столикъ; сперва Испанецъ не замѣтилъ ея; это онъ, тотъ же самый, какимъ она любила его, попрежнему-важный и гордый, тотъ же обворожительный взглядъ, та же благородная физиономія; только, по-видимому, несравненно любезнѣе; короче, настоящій свѣтскій герой. Госпожа де-Неаль затрепетала, когда онъ подошелъ; при звукѣ его голоса сердце у нея забилось. Онъ прошелъ мимо, не узнавъ ея; она оставила свое мѣсто и внезапно ему показала. Испанецъ остановился, никакой жестъ не обнаружилъ ни удивленія, ни смущенія его, — только поблѣднѣлъ и пасилу проговорилъ нѣсколько словъ. Госпожа де-Неаль приняла равнодушный видъ.

— Я никакъ не ожидала имѣть удовольствіе сегодня васъ встрѣтить здѣсь, сказала она: вы путешествовали?

Онъ отвѣчалъ нѣмымъ поклономъ.

— Я тоже только-что пріѣхала, продолжала она, нѣсколько мѣсяцевъ провела въ Англіи, думала пробыть тамъ цѣлый годъ, но чуть не умерла отъ сухотки, и по-скорѣй воротилась. А вы, напротивъ, очень счастливо путешествовали.

— Я исполнилъ вашу волю, отвѣчалъ Сальвадоръ по-испански.

Госпожа де-Неаль облокотилась на уголь камина; и быстро окинувъ взглядомъ кругомъ себя, не наблюдаетъ ли кто за нею, сказала печально:

— Какъ я рада поговорить на этомъ прекрасномъ языкѣ, которому вы меня научили. Приятно для меня его нарѣчіе! и какъ давно уже я не слышала его! о, расскажите мнѣ все что съ вами случилось во время такого долгаго отсутствія. Вы, счастливы, Сальвадоръ, больше счастливы чѣмъ я ожидала....

— Да, очень счастливъ, — живо перервалъ онъ, дѣвица де-ла-Вега ангель красоты и невинности. Чѣе отчаянное, увядшее, растерзанное сердце, не бьется, при видѣ этого чистѣйшаго, прекраснаго созданія! Надо быть совершеннымъ отверженцемъ, чтобъ не полюбить ея. О, да, я счастливъ!

При этихъ словахъ госпожа де-Неаль остановила выразительный взглядъ свой на Испанца и со вздохомъ отвѣчала:

— Какъ я рада!... Вы посетите меня, Сальвадоръ?

Онъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, и тотчасъ удалился, какъ-бы боясь продлить это положеніе. Госпожа де-Неаль больше не подходила къ нему, и остатокъ вечера ни слова не говорили они другъ съ другомъ.»

Сердце госпожи де-Неаль было такого устройства, что ему необходимы были волненія, слезы, горькія радости вскормленные страстями. Давно уже не была она такъ счастлива какъ въ эту ночь, послѣ свиданія съ Сальвадоромъ, проведенную въ безсонницѣ и слезахъ. Прошедшее воскресло передъ нею со всемъ своимъ отчаяніемъ и блаженствомъ. Въ настоящемъ ей нестерпимо надоѣдалъ скучный Англичанинъ, отъ котораго ей, послѣ встрѣчи съ Испанцемъ, непременно нужно было отдѣлаться. Но это было не такъ легко какъ она воображала: лордъ Вильсонъ не спорилъ, не возражалъ; все въ немъ было учтиво, одинаково. Флавія, съ отчаянія, рѣшилась сдѣлать его повѣреннымъ своей любви къ Сальвадору. Добрякъ согласился и на это, великодушно променявъ роль обожателя на обязанности преданнаго друга.

На другой день Сальвадоръ явился къ госпожѣ де-Неаль. Она была увѣрена, что Испанецъ придетъ, осталась одна и окружила себя всемъ прошедшимъ. Она приняла его въ своемъ будоарѣ, гдѣ все было по-прежнему, какъ бывало когда она ожидала его каждый вечеръ. Сальвадоръ затрепеталъ. Самые сладкіе часы, лучшіе въ его жизни, въ одно мгновеніе воскресли передъ нимъ во всей своей прелести. Смущенный, встревоженный, онъ на все смотрѣлъ со слезами, потомъ, простирая объятія къ госпожѣ де-Неаль, съ восторгомъ прижалъ ее къ сердцу и вскричалъ: «Флавія! сколько зла намъ сдѣлало твое самопожертвованіе!... Ахъ! ты погубила меня.» Она плакала, наклоняясь на плечо Испанца, и называла его своимъ Сальвадоромъ. «Слово дано!» сказалъ онъ съ отчаяніемъ. — «Ты его удержишь! вскричала она съ энтузіазмомъ! ты женишься на дѣвицѣ де-ла-Вега, но вѣчно будешь любить меня.»

На вечеръ у госпожи Д\*\*\* госпожа де-Неаль въ первый разъ увидѣла, невѣсту Сальвадора, донну Терезу де-ла-Вега, и горькое, тяжелое чувство закралось въ ея сердце, — чувство униженія, въ которомъ она не могла не сознаться самой себѣ. Въ эту минуту Флавія усомнилась въ своей власти надъ Сальвадоромъ, и поняла, что дѣвицѣ де-ла-Вега не трудно внушить ему любовь. «О, нѣтъ! подумала она, нѣтъ, я согласна, пусть онъ на ней женится, но его сердце ни за что не уступлю ей!...» Съ той минуты госпожа де-Неаль не пропускала ни одного случая гдѣ бы можно было стать между Сальвадоромъ и его невѣстой, и безъ всякой жалости распалая въ немъ и въ себѣ необузданную страсть. Несчастный скры-

валъ ее отъ всѣхъ, но внутренно былъ пожиремъ печалью и угрызениями совѣсти. Тысячу разъ онъ покушался броситься на колѣни передъ Терезой, и признаться, что онъ не въ состояніи любить ея, но данное слово его связывало. Тереза не подозрѣвала этой печальной борьбы: она любила его со всею довѣренностію чистой и пламенной души.

Наступалъ апрѣль; вечера сокращались и вели за собой безотрадную пустоту. По субботамъ скучали у госпожи Д\*\*\*, куда собиравось нѣсколько искреннихъ друзей и нѣсколько постороннихъ. Весна такъ весело улыбалась, что рѣшились провести недѣлю въ деревнѣ госпожи Д\*\*\*, въ окрестностяхъ Фонтенблѣ. Госпожа де-Неаль, Сальвадоръ и донна Тереза въ числѣ первыхъ гостей. Тереза только потому приняла приглашеніе, что тамъ будетъ ея женихъ: ей было очень не по-сердцу это общество, совершенно чуждое, и несмотря на деревенскую свободу, она оставалась осторожною и застенчивою со всеми. Она тамъ, какъ и вездѣ, видѣла только Сальвадора, и ко всему, что не касалось его, была равнодушна и разсѣянна. Ея увѣренность была такъ велика, безпечность такъ совершенна, что даже не подозрѣвала присутствія соперницы. А Сальвадоръ изнемогалъ въ ужасной борьбѣ со своими страстями. Госпожа де-Неаль употребляла жестокое средство сближенія съ нимъ: онъ безпрестанно находилъ ее возлѣ Терезы, — онъ по-видимому были неразлучны. Эта короткость и дружба всемъ казались обыкновенными; одинъ только лордъ Вильсонъ удивлялся и находилъ такой построй любви очень страннымъ. Однажды, на прогулкѣ по лѣсу, госпожа де-Неаль, Тереза и Сальвадоръ незамѣтно отстали отъ другихъ.

«Мѣсто, гдѣ они остановились, было совсемъ уединенное; съ одной стороны возвышалась дубрава, которой молодые листья только-что начинали распускаться; солнечные лучи играли между вѣтвями чуть зазеленѣвшими и образовали на деревь стѣнку нѣжныхъ тѣней; небольшой прудъ лѣниво рябился свѣжими волнами, сгоняя ихъ къ лѣсу; берега пруда гдѣ порхали птички, порасли ивами и высокимъ тростникомъ, который качался надъ поверхностью воды. Въ окрестностяхъ не было слѣда человеческого; казалось, то были мѣста необитаемая; только лодочка, привязанная веревкою къ большой ивѣ, обличала, что тутъ иногда катались по этимъ спящимъ водамъ.

Тереза, свѣвъ на пень опрокинутаго тополя, и пристально посматрѣвъ вокругъ себя, остановила взглядъ свой на Сальвадоръ и сказала:

— Какое прекрасное и веселое уединеніе! я постигаю, почему святые жили въ пустынѣ!

— Неужели! прервала госпожа де-Неаль, вы полагаете, что можно быть счастливымъ въ одиночествѣ?

— Человѣкъ не уклонившійся отъ Бога и природы не бываетъ въ одиночествѣ, отвѣчала она; но и говоря въ вашемъ смыслѣ, если бѣ двое въ этомъ пустырь, среди лѣсовъ!... Тутъ, больше чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, можно быть счастливымъ, не правда ли?

Выговоривъ эти слова она обернулась къ Сальвадору, и опустила глаза; онъ не слышалъ ея рѣчей; его мысли стремились въ госпожѣ де-Неаль, которая въ задумчивости, съ поникшей головой, по-видимому, терялась въ воспоминаніяхъ. Дѣвушка не догадывалась; она была счастлива въ эту минуту? Видъ свѣжей и обновленной природы, сдѣлавъ на нее живое впечат-

лѣніе. Она съ упоеніемъ дышала воздухомъ полей; и очарованный взглядъ ея носился по безграничному горизонту; въ цѣлую жизнь свою, это прекрасное созданіе, съ вышины стѣнъ монастырскихъ, видѣло только маленькую частичку неба. Она положила свою маленькую ручку на руку Сальвадора, и застѣнчиво сказала:

— Это лѣто мы будемъ жить въ деревнѣ, не правда ли, ты согласенъ?

Онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ. Госпожа де-Неаль быстро встала, ей необходимо было движеніе, дѣйствіе; въ эту минуту она готова была отважиться на какую-нибудь ужасную опасность, готова была пожертвовать всѣмъ — броситься въ пропасть. Два или три раза она отважно повѣсилась на сучьяхъ ивы и сорвала въ тростникъ вѣсколку блѣдвыхъ цвѣточковъ безъ аромату. Сальвадоръ содрогался видя ея забаву; а страхъ его, казалось, забавлялъ ее.

— Прекрасное время для прогулки водою, сказала она вдругъ, легко вскочивъ въ лодку привязанную къ ивѣ; поведемъ!

— Ахъ! вскричала испуганная дѣвушка, тутъ глубоко; можно...

— Можно поручиться за эту орѣховую скорлупу! замѣтилъ Сальвадоръ.

— Вы боитесь! сказала съ значительной улыбкой госпожа де-Неаль.

— Не за себя! вскричалъ онъ съ жаромъ, я умѣю плавать. И тотчасъ вскочилъ въ лодку, куда и Тереза послѣдовала за нимъ, говоря:

— Теперь, я тоже не боюсь.

Сальвадоръ взялъ весло и они плыли до середины пруда, чуть чуть качаясь на тихихъ волнахъ. Тереза закрыла глаза и дрожала:

— Боже мой! вамъ дурно! вскричалъ Испанецъ, примѣтя, что она поблѣднѣла.

— Голова кружится, отвѣчала она стараясь улыбнуться; я никогда не вѣдила водою.

— Ну, право, нечего бояться, сказала госпожа де-Неаль, которая съ смертельною досадою смотрѣла на безпокойство Сальвадора.

Едва она выговорила эти слова, какъ человекъ, по наружности лѣсничій, показался на опушкѣ лѣса:

— Ай, ай! лодка! кричалъ онъ со страхомъ, ай! приставай въ берегу, потонешь!

Не понимая въ-точности какая опасность угрожала имъ, Сальвадоръ ухватился за весло. Въ это мгновеніе лодка навхала на колы, который торчалъ въ водѣ, и гнилая кора треснула и стала тонуть подъ тяжестью тѣхъ, которые сидѣли въ ней. Они ужасно вскрикнули и погрузились вмѣстѣ...

— Флавія! кричалъ Сальвадоръ, хватая ее, не бойся! я спасу тебя! Плыви!

Онъ поддерживалъ ее одной рукою, а другою плылъ съ отчаяннымъ усиліемъ сквозь камышъ и высокую траву, гдѣ чуть и самъ не погнѣбъ. Эта переправа продолжалась десять минутъ, — цѣлый вѣкъ ужаса, отчаянія и издыханія; наконецъ они пристали.

Госпожа де-Неаль упала безъ чувствъ на берегу. Сальвадоръ не переводя духу, съ блуждающими глазами, дыбомъ волосы, съ ужасомъ озирался назадъ, ни души, ни знака на неподвижной водѣ. Только длинный тростникъ печально кивалъ подъ вѣтромъ.

— Тереза! кричалъ Сальвадоръ, Тереза!... и тотчасъ бросился въ воду.

— Господи! какая бѣда! все кончено! вскричалъ лѣсничій съ другаго берегу; не подвергайте, сударь, жизнь свою опасности для пустяковъ!... Она на двѣ; она уже утонула!...

Сальвадоръ прямо плылъ къ тому мѣсту гдѣ стояла затопленная лодка. Онъ нѣсколько разъ погружался, и каждый разъ исчезалъ на двѣ или

на три минуты. Напоследокъ, послѣ долгихъ усилій, онъ вытащилъ за волосы трупъ. Четверти часа достаточно было неумолимой судьбѣ — разомъ скосить столько красоты, невинности, молодости, и навсегда уничтожить это блестящее будущее, которое обѣщало, по-видимому, столько надежды и блаженства. Несчастная, въ послѣдній часъ своей можетъ-быть разгадала сердце Сальвадора. Она умирала, слыша голосъ: Флавія, я спасу тебя!...

Послѣ такого бѣдственнаго случая, одна только любовь къ покойной де-Неаль могла искупить жизнь Сальвадора; онъ только въ ея присутствіи забывался; съ того несчастнаго дня смерти, совесть вездѣ его преслѣдовала. Страсть его воспламенялась по мѣрѣ страданій на которые обрѣкла его эта женщина. Точно какъ и въ первое время ихъ связи, онъ не давалъ ей покоя своею ревностью, своею пѣжностью, онъ стерегъ ее съ безпокойною и гнусною заботливостію скряги сидящаго и день и ночь у дверей своего сокровища. Но съ давняго времени онъ любилъ уже слить и не наслаждался счастьемъ, потому что его обманывали. Госпожа де-Неаль умирала отъ тоски и пресыщенія; только одна ревность еще пробуждала любовь въ ея сердцѣ: лишь-только алчная смерть отняла у нея соперницу, едва она очутилась одна въ присутствіи Сальвадора, тотчасъ впадала въ непреодолимую антипатію которой была подвержена. Напрасно она истощала все средства сбросить съ себя эту тяжелую цѣпь. Испанецъ преслѣдовалъ ее съ тою неумолимою страстію, изъ когтей которой не вырываются два раза.

Между-тѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, политическіе перевороты явились на помощь госпожѣ де-Неаль. Возмущеніе на полуостровѣ и смерть Фердинанда передали власть въ руки людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ. Донъ Сальвадоръ де-ла-Вега изъ первыхъ былъ призванъ въ Испанію. Онъ не хотѣлъ ѣхать, но госпожа де-Неаль настаивала. Она заклинала его именемъ отечества, долгу, чести; торжественными клятвами обязалось не принадлежать никому кромѣ его, и успѣла удалить его безъ разрыву и опасности. Наконецъ она опять отдохнула на просторѣ, и съ неописаннымъ наслажденіемъ воспользовалась своею свободой, явилась въ свѣтъ, отъ котораго Сальвадоръ отвлекъ ее, и не заботясь о прошедшемъ, пошла на-встрѣчу новымъ узамъ. Многіе мужнины окружали ее, но сердце ея утомилось, износилось, она не любила уже ни кого и осталась безъ обожателей. Испанецъ часто присылалъ ей длинные страстные письма; онъ жилъ въ надеждѣ видѣть ее, вѣрилъ безгранично въ ея вѣрность, въ ея обѣщанія. Она все это читала и не спѣшила отвѣчать.

Среди такого страннаго существованія, на госпожу де-Неаль навѣшала новая тяжкая забота. Все свое имѣніе она получила отъ мужа, по завѣщанію, и спокойно наслаждалась имъ во все продолженіе своего вдовства, какъ-вдругъ явился племянникъ покойнаго, мосьё Шарльванъ, пріѣхавшій изъ Мексики, съ довольно справедливыми претензіями, но безъ явнаго законнаго доказательства на право. Онъ грозилъ процессомъ и уже началъ дѣйствовать. Госпожа де-Неаль, во избѣжаніе хлопотъ и судебныхъ дразговъ, послала къ страшному родственнику своего повѣреннаго съ предложеніемъ мировой сдѣлки. Назначили свиданіе. Госпожа де-Неаль, какъ женщина смѣтливая и опытная, мигомъ сообразила, что ей легче будетъ одержать побѣду надъ своимъ противникомъ въ булоарѣ нежели посредствомъ судей и стряпчихъ. Она ждала мосьё Шарльвана вооруженная съ головы до ногъ, и пустила въ ходъ все свое всесильное кокетство, помощію котораго уже столько разъ торжествовала. Никогда еще она

не бывала такъ одушевлена, такъ естественно умна и прелестна. Противники едва вспомнили о ничтожномъ процессѣ: они говорили обо всемъ выключая спорнаго предмета.

«Съ самаго перваго свиданія госпожа де-Неаль предалась всемъ волненіямъ, уже столько разъ потрясанннмъ ея сердце. Ея временная омертвѣлость миновалась: она чувствовала, что все милые призраки возвратились; сердце опять ожило отъ доверенія новой любви, какъ почва земли, которой вѣчная юность возобновляется съ каждою весною. Вскорѣ она прогнала все воспоминанія о прошедшемъ; забыла Сальвадора и то чѣмъ онъ былъ для нея, точно такъ же, какъ она всегда забывала и прежнія радости, и прежнія мученія, и прежнія связи. Все ея желаніе, вся надежда, ограпичивалась желаніемъ быть любимой Альфредомъ де-Шарльванъ. Съ нимъ опять она затѣяла эти хитрые маневры, которыми никто въ свѣтъ не могъ противиться; она пустила въ ходъ самую сильную приманку — пламенную и притягательную страсть. Но на этотъ разъ нашла себя властелина; де-Шарльванъ, былъ милъ, непоколебимъ, скрытенъ: владалъ собою въ совершенствѣ, и всегда былъ такимъ какъ и въ первое свиданіе.

Любовь госпожи де-Неаль лишь пуще расла отъ этого равнодушія. Она въ самомъ дѣлѣ сдѣлалась несчастлива. Она покорилась, ждала; почти безнадежно любила, обрекла себя на совершенную скрытность, потому что гордость ея хотѣла по-крайней-мѣрѣ утаить свои унизительныя огорченія. Несмотря на гнусныя привычки своего сердца, она сохранила нѣкоторое достоинство характера; скорѣй бы она умерла, чѣмъ созналась въ своей слабости передъ равнодушіемъ или жалостью человека, который ея не любилъ. Она всю жизнь свою провожала въ ожиданіи рѣдкихъ посѣщеній мосьё де-Шарльвана, писала длинныя письма, которыхъ онъ никогда не читалъ, всегда въ слезахъ, въ воспоминаніяхъ объ немъ. Терпѣливо выносила все страданія подобнаго положенія, даже удовольствовалась цѣломудренными чувствованіями этой несчастной страсти, будто вовсе никогда не знала другаго наслажденія. Между прочимъ иногда она писала Сальвадору письма, въ которыхъ безъ пощады лгала.

«Однажды вечеромъ она была съ своей комнатѣ въ печальномъ обществѣ лорда Вильсона, который въ продолженіи двухъ часовъ истощался въ преподаваніи ей косвенныхъ совѣтовъ; она слушала все эти пошлости, изнывая отъ боли которой ни что не могло пособить, потому что уже болѣе десяти дней де-Шарльванъ не посѣщалъ ее, не отвѣчалъ на послѣднюю записку, и она почти уже не ждала его. Жоржъ Вильсонъ началъ было одинъ изъ тѣхъ періодовъ, которые онъ произносилъ монотоннымъ и глухимъ голосомъ точно самопрѣлка, — какъ вдругъ внезапный шумъ въ передней пресѣкъ его рывъ, госпожа де-Неаль вздрогнула. Это просто былъ человекъ съ письмомъ.

Молодая вдова затрепетала узнавъ почеркъ; робко сломала печать. Вѣроятно, она взглядомъ прочла письмо, потому что только-лишь взглянула на него, какъ схватила себя рукою, за сердце, біеніе котораго чуть не задушило ее, и вскричала:

— Боже милосердый! возможно ли?

— Что такое? спросилъ Жоржъ Вильсонъ вставая, письмо отъ Сальвадора?

Она ничего не отвѣчала, со вниманіемъ прочла, потомъ положивъ на геридонъ письмо, прикрыла его обѣими руками и углубилась въ самое себя. Видно было что сердце ея сильно билось; отъ радости ли то, или отъ огорченія? Она перемѣнилась въ лицѣ, слезы блеснули въ глазахъ ея; но на устахъ ея порхала улыбка гордости и восхищенія.

— Боже мой! что это такое? повторилъ Жоржъ Вильсонъ съ любопытнымъ безпокойствомъ.

— Предложеніе — просить руки моей, отвѣчала она холодно; ты знаешь этотъ процессъ отъ котораго зависитъ все мое состояніе? и мосьё де-Шарльванъ предлагаетъ мнѣ кончить его супружествомъ.

— Чортъ возьми! что за мысль! вскричалъ лордъ Вильсонъ.

— Мой процессъ плохъ, возразила госпожа де-Неаль; я почти увѣрена, что проиграю; и щцета угрожаетъ мнѣ. Супружество же все возвращаетъ; нѣтъ другаго средства выйти изъ такого опаснаго положенія; конечно, это большая жертва, я чувствую, но надобно покориться необходимости....

— Боже праведный! кто же объ этомъ увѣдомитъ Сальвадора?

— Ты, мой другъ.

— Я? Какимъ образомъ?

— Ты ему напишешь истину, что крайность обрекла меня на эту жертву, и если бъ я была богата, то за него, именно за него бы, я вышла; но теперь, разоренная, бѣдная; честь, долгъ, побуждаютъ.... Ты понимаешь меня, другъ мой: только одному мосьё де-Шарльвану я могу принести въ приданое такой несчастный процессъ.

— Да, я понимаю, очень понимаю, сказалъ Жоржъ Вильсонъ; то было любимое его слово когда онъ ясно не понималъ чего.

Это случилось среди поста. Свадьбу назначили на другой день Пасхи. Госпожа де-Неаль, не мѣшкая, дала свое согласіе. Она сама шла на-встрѣчу этому вѣчному союзу, который прежде столько разъ отвергала. Она любила со всемъ разгаромъ страсти которую ни что не насыщало. Мосьё де-Шарльванъ былъ обходителенъ, любезенъ какъ женихъ, и ничего большаго; онъ позволялъ себя любить, но самъ не былъ влюбленъ; женился по расчету, изъ приличія, потому что его повѣренный ему сказалъ, что процессъ трулень, и онъ можетъ выиграть его только этимъ средствомъ.

Въ одно утро, за три или четыре дня до свадьбы, Жоржъ Вильсонъ испуганный вошелъ къ госпожѣ де-Неаль.

— Милая, сказалъ онъ ей, я пришелъ васъ предупредить: Сальвадоръ здѣсь; ночью пріѣхалъ, я видѣлъ его... Онъ не говорилъ со мною, самъ будетъ къ тебѣ....

— Ахъ! Боже мой! вскричала блѣдная госпожа де-Неаль, я не хочу его видѣть.

— Придетъ, непременно придетъ сейчасъ же, — какъ остановить его? можетъ онъ здѣсь....

— Такъ онъ же не найдетъ меня! возразила она поспѣшно звоня въ колокольчикъ; милый, любезный Жоржъ, будь съ нимъ, не покидай его; въ особенности скрой отъ него гдѣ я... Я ѣду въ С... мосьё де-Шарльванъ туда же пріѣдетъ и тамъ обвиняемъ.... Успокой Сальвадора, увѣрь его, что я опять пожертвовала собою; пусть онъ забудетъ меня: Богъ съ нимъ.

Черезъ часъ она уѣхала; увѣдомивъ объ этомъ Шарльвана въ тотъ же вечеръ, чтобъ онъ тоже прибылъ въ С...

Вечеромъ луна ясно взошла надъ лѣсомъ; было такъ тихо подъ липами на террасѣ; фіалки и бѣлая буковица начинали расцвѣтать и напитокывали теплый воздухъ легкими ароматами. Ни малѣйшій шорохъ не нарушалъ тишины прекрасной ночи; вѣтры и воды дремали. Госпожа де-Неаль облокотилась на балконъ; тревога ея кончилась, мосьё де-Шарльванъ пріѣдетъ. Никогда, даже въ самые лучшіе дни своей жизни, въ пылу первой страсти своей, она не ощущала

такой живой надежды, такого сладкаго трелету, такого совершеннаго блаженства. Все вокругъ нея носило на себѣ отпечатокъ праздника: будоарь освѣщенъ томною лампой, вездѣ цвѣты и кокетство въ самомъ пльнительномъ безпорядкѣ, на столѣ великолѣпная корзина съ свадебными подарками отъ жениха, возлѣ молитвенникъ съ вензелемъ будущей ея фамилии. Вдругъ послышался лошадиный топотъ. Сердце Флавія затренило. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась . . . . . Флавія съ глухимъ крикомъ бросилась въ уголъ. Вошелъ Сальвадоръ. Онъ пришелъ разсчитаться, и разсчитался по-испански.

«Будучи не въ силахъ жить одинъ для другаго, мы умираемъ вмѣстѣ. Наше последнее завѣщаніе состоитъ въ томъ, чтобъ насъ похоронили въ одной могилѣ, въ этихъ мѣстахъ, свидѣляхъ нашего благополучія. Мы поручаемъ нашему другу, Жоржу Вильсону, исполнить нашу последнюю волю.»

Мосье де-Шарльванъ отступилъ отъ ужаса и удивленія; онъ взглянулъ послѣдній разъ на госпожу де-Неаль, и смѣяши молитвенникъ на которомъ было имя Флавія съ его фамиліей, онъ прошепталъ: «Кто разгадаетъ сердце женщины!»

Когда мосье де-Шарльванъ и Англичанинъ пріѣхали, они нашли въ будоарѣ на полу, два окровавленныхъ трупа, кинжалъ и записку, подписанную Сальвадоромъ де-ла-Вега и Флавіей де-Неаль.

Третья повѣсть, подъ заглавіемъ «Мщеніе», заключаетъ въ себѣ исторію двухъ ужасныхъ женщинъ. Прочитавъ эти повѣсти, мы на шесть недѣль запираемся въ кабинетъ, на-глухо, тремя замками, и не будемъ подходить къ окну, чтобы не встрѣтить и не видѣть никого изъ принадлежащихъ къ прекрасному полу. Страшно! . . . .

=

**Человѣкъ, женщина и демонъ. Романъ, взятый изъ древняго сказанія о панѣ Твардовскомъ. Сочиненіе А. С. Изданіе Ф. Исаева. Москва, 1841. Двѣ части.**

=

Первая глава этого романа совершенно пьяная, грязная, въ которой описывается нисшій слой Польши и садовая жизнь, то есть, жизнь людей, которые проводятъ ее на гульбищѣ, въ саду, жизнь «самая жалкая, ничтожная, безиравственная». Вторая глава, по словамъ самого автора, принадлежитъ къ маркёровской (трактирной) литературѣ. Мы не понимаемъ только, какъ господинъ А. С. могъ покуситься вставить, именно въ эту главу, длинную выписку изъ Пушкина, для охарактеризованія своего героя, пана Якова Твардовскаго, который долженъ походить на Онѣгина? Въ третьей главѣ, стихами изъ водевиля господина Кони, описывается тридцати-пяти-лѣтняя панна Доктрина, жена пана Николая Желбинскаго, которая,

«Вздитъ каждый день къ обѣднѣ,  
Бьетъ людей своихъ въ передней,  
Любитъ мужа муштроватъ  
И оброги собирать.»

и прочая. Согласитесь, что это для романиста очень удобный способъ описывать характеры! Далѣе, изъ этой же главы явствуетъ, что панъ Твардовскій любилъ панну Доктрину за деньги и за чины, которые она ему доставляла. Въ четвертой опять попойка, кутежъ, цыганки и цыганскія пѣсни.

«Знаете ли вы, что такое молодая Цыганка? восклицаетъ авторъ: бывали ли вы знакомы съ Цыганкою? Испытали ль любовь Цыганки? Нѣтъ женщины въ цѣломъ мірѣ, которая умѣла бы такъ пламенно любить, какъ Цыганка. Я говорю не о тѣхъ Цыганкахъ, которыхъ вы видали и видите въ рощахъ и на другихъ гуляньяхъ: эти живутъ только обманомъ... онѣ уже давно потеряли кочевую нравственность, ими не управляютъ законы природы, онѣ забыли свое происхожденіе и вмѣстѣ съ нимъ растеряли чувство первообраза, утопая изъ интереса въ объятіяхъ молодыхъ и старыхъ; но Цыганка, не уклонившаяся отъ назначеній кочевья, увидѣвшая свѣтъ въ лѣсу, заброшенная въ столицу случайно, по желанію судьбы, и не оставившая впечатлѣній природныхъ, о! эта Цыганка хранитъ въ себѣ многое: она въ состояніи доставить вамъ удовольствія эстетическія!...»

Вслѣдъ за тѣмъ поется цыганская пѣсня, которая можетъ-быть и въ состояніи доставить «эстетическое удовольствіе» какому-нибудь нисшему слою. Въ пятой главѣ — маскарадъ, устроенный для того чтобы объяснить, что какъ панъ Твардовскій любитъ также панну Марію Жатомирскую, даму почти тридцати-лѣтнюю, — за что, не извѣстно. Въ шестой главѣ, Твардовскій зная потягивается на пуховикъ, и получаетъ два письма, одно отъ жены, панны Надежды, другое отъ тридцати-осми-лѣтней панночки, то есть, дѣвицы Юліи Дуплицкой. Тутъ же включается и исторія пана Твардовскаго и его женитьбы, обѣ недлиныя.

«Яковъ Твардовскій родился въ Варшавѣ; отецъ его, пасторъ, далъ ему образованіе въ университетѣ. По окончаніи курса Яковъ поступилъ въ канцелярію одного вельможи, который полюбилъ его, и черезъ нѣсколько времени Твардовскій занялъ мѣсто домашняго секретаря у Желбинскаго. Доктрина, жена его, какъ вы уже видѣли, пльвилась Твардовскимъ. А чего не въ силахъ сдѣлать влюбленная женщина!»

Твардовскому случилось однажды провѣзжать по сандомирской дорогѣ: онъ былъ посланъ въ Сандомиръ министромъ по какому-то дѣлу.

Во время этого провѣзда онъ встрѣтилъ, верстахъ въ десяти отъ Сандомира, на постояломъ дворѣ, прекрасную дѣвушку, лѣтъ семнадцати. Молодецкое сердце вспыхнуло, закипѣло, разгорѣлось, и Яковъ, по врожденной привычкѣ, вздумалъ приволокнуться за дѣвушкою. Начались разговоры. Твардовскій замѣтилъ, что дѣвушка, съ прелестною наружностью, не лишена и воспитанія; онъ также узналъ, что ея имя—Надежда и что она дочь свѣвера, заброшенная случайно въ объятія Польши; словомъ, Твардовскій узналъ всю жизнь ея, и я готовъ бы былъ передать вамъ жизнь этой дѣвушки, но одно удержало меня: это лѣнь, — да, я жестокой лѣнтяй, а жизнь дѣвушки, избави Богъ, какъ длинна! Впрочемъ, если захотите читать жизнь дѣвушки, уведомьте черезъ вѣдомости, и я напишу, отдамъ въ цензуру и напечатаю вамъ жизнь Надежды, которая, уверяю васъ, весьма любопытна.

Слово-за-слово, говорили да говорили наши панъ и панночка, да и познакомились. Дѣвушка согласилась вѣхать съ Твардовскимъ въ одномъ экипажѣ,

въ Сандомиръ, а оттуда въ Варшаву, и наконецъ послѣ многихъ переговоровъ о томъ, о семъ, послѣ пересыпки изъ пустаго въ порожнее, началось слово о любви, и Якобъ, несмотря на то, что былъ искусный, опытный волокита, попалъ въ сѣти къ дѣвушкѣ. Да-съ, попалъ-съ! Очарованный ея наружностью, восхищенный обращеніемъ, узнавъ, что она не имѣетъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, онъ предложилъ ей себя, предложилъ ей свое сердце и руку. Дѣвушка согласилась и дѣло было слажено.

По окончаніи дѣлъ въ Сандомирѣ, Твардовскій оставилъ на некоторое время Надежду въ этомъ городѣ на квартирѣ, возвратился въ Варшаву, отдалъ министру отчетъ въ дѣлахъ, и на другой день отправился опять въ Сандомиръ, ужь конечно выхлопотаеъ позволеніе у министра.

Верстахъ въ 30 отъ Сандомира было некогда бѣдное село К. Тамъ панъ Якобъ и Надежда обмѣнились кольцами и поклялись вѣчно принадлежать другъ другу.

Въ Варшавѣ, въ отдаленномъ и глухомъ мѣстѣ, Твардовскій навѣлъ домъ для своей Надины и устроилъ дѣла такъ, чтобъ объ его бракѣ никто не зналъ до тѣхъ поръ... по дѣлѣ увидите»

Панъ Твардовскій, пообедавъ, отправляется къ панночкѣ Юліи Дуплицкой.

— Дома ли Юлія? спросилъ Твардовскій молодую дѣвушку, вошедъ въ огромную залу огромнаго дома.

— Дома, и давно васъ ждетъ.

— Гдѣ она?

— Въ постель.

— Развѣ она нездорова?

И Твардовскій прошелъ гостиную, каминную, малую диванную и пришелъ въ спальню; тамъ на роскошной постели покоилась Дуплицкая; на небольшомъ столикѣ, возлѣ кровати, наставлено было множество пузырьковъ со спиртами, духами и проч.

— Ахъ, Твардовскій! вскричала Юлія обрадовавшись. Кому я одолжена за то, что тебя вижу? О, ты не можешь представить, какъ я довольна твоимъ прѣздомъ!.. Садись сюда, возлѣ меня!

Якобъ съелъ возлѣ Юліи, и руки ихъ поздоровались между собою.

— Милый Якобъ! позволь мнѣ обрадовать тебя новостью, слишкомъ пріятною для меня. О, если бы ты прицѣлъ участіе въ моемъ восторгѣ, какъ бы я была счастлива!

— Вы знаете, сколько я люблю васъ и можете надѣяться...

— Якобъ! Якобъ! я имѣю отъ тебя дитя,—сказала Дуплицкая, и румянецъ пробѣжалъ по ея лицу.

— Что вы говорите, Юлія? вы испытываете меня? О, скажите, увѣрите мѣня, правда ли это?

Въ это время послышалось въ другомъ отвлеченіи взыгливое, милое, несносное, дѣтское увѣ!

— Слышишь, Якобъ? Вотъ тебѣ увѣреніе; малютка услышала голосъ отца и привѣтствуетъ тебя крикомъ!»

Дитя приносятъ. Начинаются нѣжности, родительскія и супружескія, и прочія; въ заключеніе Твардовскій проситъ у Юліи денегъ, получаетъ десять тысячъ злотыхъ и уѣзжаетъ. Дорѣгой пріятель зазываетъ его къ себѣ. Попойка, глава оканчивается такъ:

«Винные пары такъ жестоко ошеломили Твардовскаго, что онъ упалъ бормоча что-то, на диванъ, и вскорѣ уснулъ.»

Въ седьмой главѣ повѣствуется о томъ какъ Твардовскій пришелъ домой поздно, пьяный, *бултыхнулся* на порогъ и обронилъ свой денежникъ съ семидесятью злотыми, которые остались отъ десяти тысячъ, и о томъ какъ Доктрина перехватила письмо Надежды къ Твардовскому. Тутъ собственно начинается дѣйствіе. «Вотъ чѣмъ нынче платятъ за добро!... Твардовскій!... о, Твардовскій!...» восклицаетъ Доктрина и, въ восьмой главѣ, отправляется на свиданіе съ Надеждою, которой доказываетъ, что мужъ ея, Твардовскій, измѣняетъ и женѣ и любовницамъ. Потомъ она идетъ къ своему мужу, пану Желбинскому, съ жалобою на Твардовскаго, который будто бы хотѣлъ обезчестить ее, положить на нее клеймо безчестія, и требуетъ наказанія, лишенія, хочетъ, чтобы панъ Желбинскій прогналъ своего любимца-секретаря. Тотъ совѣтъ не понимаетъ, въ чемъ заключается эта обида, и не соглашается; но наконецъ, утраченный книжаломъ, обѣщаетъ исполнить требованіе жены. Въ девятой главѣ Твардовскій получаетъ «приказъ отъ полицейской канцеляріи» и «свидѣтельство», отставку съ дурнымъ аттестатомъ, при письмѣ отъ пана Желбинскаго.

«Твардовскій!

Я тебѣ благодѣтельствовалъ, ты это знаешь: получая хорошее жалованье, ты получала и хорошіе чины собственно черезъ меня... и за все это, вмѣсто благодарности, я увидѣлъ что же?... Ты конечно понимаешь меня.... Обидѣть жену мою такъ жестоко! Нѣтъ, это несносно: за это должно заплатить тебѣ, и я не хочу оставаться въ долгу. Со времени получения этого письма, ты лишаешься секретарскаго мѣста и долженъ выйти изъ моего дому; твоѣ имѣніе, по оказавшимся за тобою казеннымъ недоимкамъ, конфисковано и поступаетъ въ пользу казны, и тебѣ позволено выйти изъ моего дому въ одномъ верхнемъ платьѣ. Я увѣренъ, что мой глазъ не встрѣтитъ тебя больше въ моемъ домѣ. Судись со мной!

Н. Желбинскій.»

«Благодарю, Доктрина! восклицаетъ Твардовскій: но это благодарю облито твоею кровью!... Ты не слышишь? О, будетъ время, когда Якобъ покажетъ себя больше чѣмъ мстителемъ! Благодарю, Доктрина! Но будетъ, будетъ время, и это адское благодарю напишется огненными буквами на твоѣмъ сердцѣ, въ твоихъ жилахъ, въ тебѣ!...» Затѣмъ слѣдуетъ сцена, гдѣ панна Жатомирская разговариваетъ съ какимъ-то старымъ мотылькомъ о томъ, что игрушками пана Твардовскаго были пять женщинъ, что онъ всѣхъ успѣлъ любить, увѣрять, обирать и обманывать, и что теперь, когда измѣна коварнаго открылась, всѣ уведомили его письмами, чтобы нога его не переступала ихъ пороговъ. Первой части конецъ.

Часть вторая. Твардовскій со своей женою, Надеждою, въ крайней нищетѣ, живетъ въ Остроленкѣ, въ избушкѣ жида Симона, который приступаетъ къ нему съ требованіемъ уплаты долга за квартиру и за прочее. Описаніе жидовъ вообще и Симона въ-особенности. Симонъ, членъ почтеннаго сословія, которое подрѣзываетъ карманы, снимаетъ часы, вынимаетъ кошельки, открываетъ сундуки, и прочая. Твардовскій не можетъ заплатить долга, напротивъ, ему еще нужны

деньги и онъ проситъ ихъ у Симона. Жидъ беретъ доставить ему все нужное, и доставляетъ, на условіяхъ. Онъ вводитъ пана Твардовскаго въ свое общество воровъ и мошенниковъ, которые съ удовольствіемъ даютъ новому члену двѣ тысячи золотыхъ для уплаты долговъ. Описаніе жилища и жизни этого общества. Въ-знакъ благодарности за одолженіе, панъ Твардовскій крадетъ у жида Симона лошадь, деньги, кажется, еще убиваетъ его, и поспѣшно увѣзжаетъ въ Вышгородъ. Описаніе Вышгорода. Твардовскій поселился тамъ съ женою и трех-мѣсячнымъ сыномъ, панялъ двѣ изрядныя комнаты, толстую кухарку, и живетъ пол-года.

«У Твардовскаго было намѣреніе вступить въ какую-нибудь частную должность въ Вышгородѣ, и между-тѣмъ прискипать средства къ мщенію. Съ минуты своего несчастія, Якобъ возмущался нерѣдко противу себя и свѣта; онъ молчалъ, трепеталъ, и это молчаніе и этотъ трепеть пробуждали въ душѣ его множество воспоминаній. При томъ же, страсти, которыми онъ пылалъ цѣлую жизнь, нужна была пища. Человѣкъ, пораженный глубокою горестью, всегда ищетъ разсѣянія; и потому одинъ прибѣгаетъ къ распутству, другой къ вину; но Твардовскій избралъ съ нимъ девизомъ *мщеніе*.

Состояніе души Твардовскаго было ужасно; умъ его, сорванный вихремъ думъ, или носился высоко, въ пустомъ пространствѣ, гдѣ прежде жили его мечты и надежды, или падалъ и разражался о таинственную будущность, низвергаясь изъ одной пропасти въ другую, не вида выхода изъ этого безконечнаго ряда жерлъ страданія, смуты, опасности.

Заклучивъ себя съ женою въ двухъ комнатахъ, Твардовскій обдумывалъ планы мщенія: онъ былъ суровъ, задумчивъ, и только любовь къ женѣ ставляла его иногда улыбаться, говорить, забывать несчастія.

Надежда, бѣдная, убитая горемъ, Надежда, жила только для мужа. О, какъ часто, подавляя собственную тоску, она ласками и поцѣлуями прогнала тоску Якоба! Чѣмъ была она для Твардовскаго? великою, божественною мыслью природы, Промысломъ, изумленіемъ, удивленіемъ, сознаніемъ прекраснаго, сознаніемъ гордымъ и независимымъ!..»

Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе, что такое женщина: потомъ два опредѣленія ума, одно философическое, другое поэтическое; потомъ опять Вышгородъ. Деревянный домъ. Смеркается. На дворѣ маленькій вѣтеръ. Комната. Въ комнатѣ огонь, столъ; софа, на софѣ сидитъ мужчина и женщина, Твардовскій и его жена. Описаніе женщины. Потомъ нѣчто о женщинахъ вообще и о любви.

«Сравниваютъ полъ парке съ прекраснымъ, то есть, съ женщинами; между ними нѣтъ, говорятъ, различія, и тотъ и другой *прекрасный полъ*. Я, съ своей стороны, торжественно объявилъ бы себя поклонникомъ послѣдняго; конечно и тотъ другой полезенъ: парке — по немъ можно ходить и иногда, не въ примѣръ прочимъ, сломить голову или вывихнуть руку, или ногу; *прекрасный полъ* полезенъ тѣмъ, что въ немъ можно, не бывъ натуралистомъ, открыть что-нибудь новенькое!.. Въ прекрасный полъ даже можно влюбиться и сдѣлаться безумнымъ — замѣчаете вы? О, напротивъ, любовь есть... кетати о любви.

Знаете ли, я думаю что любовь, несмотря на всѣ блаженства, наслажденія которыми она преизобилуетъ, имѣетъ много и невыгодъ: при ней всѣ прочія наслажденія становятся пошлыми, игра перестаетъ быть упонительною, вино теряетъ свою силу, друзья надоедаютъ, въ клубъ съ ума сойдешь отъ скуки... надобно любви имѣть свои прелести, чтобы вознаграждать всѣ тѣ удовольствія, которыхъ она лишаетъ.»

Но оставимъ эти опредѣленія и послушаемъ, что говорятъ между собою супруги.

«Да перестань, мой другъ, тосковать!.. Ахъ, какъ это несносно!» говорила Надежда, цѣлуя Якоба.

— Я такъ что-то задумался, моя милая! — отвѣчалъ Твардовскій, поцѣловавъ холодно руку жены.

«Вотъ ужъ ночь, а я еще ничего не слыхала отъ тебя о мѣстѣ; скажи мнѣ, можно ли надѣяться?»

— Да, можно надѣяться, что никогда не получу никакого мѣста: я бѣднякъ, Надежда, а бѣдныхъ не допускаютъ къ должностямъ — ихъ презираютъ... Что-то скажетъ будущее! Ахъ, знать скоро придется итти съ сумою... притомъ же мой аттестатъ...»

И Твардовскій, заскрипѣвъ зубами, ударилъ себя по лбу рукою.

«Не безпокойся, мой ангелъ, ты убьешь себя! Пощади себя хоть для малютки...»

Въ эту минуту раздался крикъ дитяти; няня затушила тонкимъ голосомъ ублаживательную пѣсню, и дитя, какъ-бы послушное словамъ няни, замолчало.

«Слышишь? онъ плачетъ, онъ проситъ тебя успокоиться!» продолжала Твардовская.

— Онъ проклинаетъ меня своимъ крикомъ, онъ чувствуетъ свою гибельную будущность. Да, въ этомъ крикѣ отклеено мое проклетіе и его позоръ... Нѣ я забылъ себя: я высказалъ будущее; не принимай же моего пророчества, иначе и ты потернешься!.. О, если бы ты знала, какой пожаръ во мнѣ! если бы ты знала... и я, и Доктрина погибнемъ вмѣстѣ!

Послѣднія слова Твардовскій произнесъ тихо, но дико.»

Вслѣдствіе этого Твардовскій рѣшается... но вотъ, лучше, подлинное изложеніе дѣла.

«Кто идетъ? зѣвая прокричалъ часовой у заставы.

— Человѣкъ! — отвѣчалъ какой-то мужчина, завернутый въ плащъ.

«Чго поздно?»

— Такъ надобно!

«Куда?»

— Къ чорту!

«Счастливый путь! Однако вамъ далеконько итти, пане!»

— Не такъ далеко, какъ думаешь.

«Ха, ха, ха! вѣрно безумные есть и въ Вышгородѣ, не только въ Варшавѣ!» сказалъ служивый, провожая взорами мужчину. А, да это вѣрно изъ числа любовниковъ луны!»

Луна всё-таки не сходила съ гауптвахты небесной и сторожила спокойствіе земли. Мужчина вышелъ за заставу, своротилъ влѣво, и скоро очутился въ мрачномъ лѣсу близъ Вышгорода.

Онъ прислонился къ большому дубу и осмотрѣлся кругомъ. Все было тихо. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; но ему показался этотъ потъ смолою, кипяткомъ, который обваривалъ все его тѣло.

«Глупецъ, чего же я робѣю! Должно ли мнѣ робѣть, когда я рѣшился...»

Мужчина обтеръ потъ, катившійся съ лица, отошелъ отъ дуба и вскричалъ:

«Сатана! силы ада! я здѣсь, я зову васъ! мнѣ нужна ваша помощь! слышите ли мой голосъ? О, услышите хоть вы голосъ человѣка, забытаго людьми



гонимаго судьбою—услышите, помогите мнѣ, и я затопчу для васъ все, что затоптало меня!...»

Молчаніе и тишина.

«А! и вы не внимаете мнѣ, и вы презираете мои мольбы, и вы отвергаете меня!... Нѣтъ, вы не судьба, не люди,—о, вы имѣете состраданіе!..»

Сатана! услышь меня, тебя зоветъ несчастный! помоги мнѣ!...»

Молнія, казалось, разорвала небо. Страшный громовый ударъ разразился, земля простонала и, спустя минуту, среди вихрей и дыма, сатана, съ своею свитою, явился передъ несчастнымъ.

Что увидѣлъ тогда Твардовскій? Ужасное *черное ничто* во всей гнусности, которая, по низверженіи его съ неба, была удѣломъ его: обожженные члены его носили отпечатокъ грома Всевышняго, тѣлесная смуглость отклеймена была на всѣхъ чертахъ его; длинные ногти тихо шевелились на рукахъ и ногахъ его; глаза сверкали какимъ-то мрачнымъ огнемъ, который наполнилъ бы ужасомъ сердце самое твердое; у могучихъ широкихъ плечъ его прикованы были два черныхъ крыла, которыми изрѣдка махая, сатана производилъ сильный вѣтеръ; на головѣ его, вмѣсто волосъ, ворочались змѣи и, извиваясь вокругъ шеи, наполняли воздухъ пронзительнымъ свистомъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ свертокъ кожи, а въ другой желѣзное перо. Молнія блистала вокругъ его; громъ, казалось, напоминалъ Твардовскому о разрушеніи свѣта и о будущей жизни.

Вслѣдъ за сатаной тянулся длинный рядъ чертей, и какихъ—Господи Боже мой! что за фигуры: журавлиныя шеи съ собачьими мордами, туловища быковъ съ воробьиными головами, пѣтухи съ козлиными ногами; козлы съ человѣчьими руками; словомъ, никакое безпутное воображеніе, никакая сумасшедшая *фантазія не только не создастъ, но даже не представитъ себѣ* по описанію такихъ гнусныхъ и безобразныхъ чудовищъ.

Твардовскій молча устремилъ взоръ на сатану. Громъ утихъ; молчаніе воцарилось въ лѣсу.

— Что тебѣ нужно, человѣкъ?—спросилъ сатана глухимъ голосомъ.

Но при этомъ голосѣ все опять затрепетало, земля застонала, громъ загрохоталъ, и Твардовскій превратился, какъ казалось, въ камень: онъ цѣпнѣлъ и молчалъ.

«Зачѣмъ я призванъ сюда?» продолжало *ничто*.

— Я несчастенъ!—сказалъ наконецъ слабымъ голосомъ Якобъ, — помоги мнѣ, прогони отъ меня несчастье и дай мнѣ способъ мстить.

«Хорошо, я подарю тебя и счастливою жизнью и способами ко мщенію; но равнымъ образомъ получу ли и я отъ тебя подарокъ? рѣшишься ли ты принять мое предложеніе?»

— Согласенъ!

«Ты долженъ отказаться отъ Бога.»

— Стой—никогда!—прошепталъ дико Твардовскій.

«Дай кончить и тогда говори!» возразилъ сатана. «Ты долженъ забыть и разорвать узы родства, затоптать названіе отца, матери, смѣяться надъ всѣмъ священнымъ и быть гонителемъ людей...»

— Нѣтъ!

«Далѣе—долженъ вручить мнѣ свою душу.»

— Проклятый!—вскричалъ Твардовскій голосомъ, выражавшимъ борьбу души съ гнѣвомъ.

«Угадаешь!» отвѣчалъ хладнокровно сатана.

— Чортъ!

«Твоя правда.»

— Знаешь ли ты, чего требуешь? знаешь ли, какъ все это дорого?

«Безъ-сомнѣнія больше тебя: ты просишь моей помощи, значить, для тебя нѣтъ ничего священнаго.»

— Но выбери другой подарокъ, возьми все, кромѣ вѣчной моей гибели; не заставляй меня отвергать свѣтое — о, купи меня иначе, на другихъ условіяхъ: возьми, мое тѣло и сердце; но...»

«Сердце! да что такъ е сердце? Развѣ оно бессмертно какъ душа?» замѣтилъ сатана. «Развѣ оно не истлѣетъ когда-нибудь въ могилѣ? Прекрасная плата: горсть пыли! Нѣтъ, ты долженъ отказаться отъ души твоей, вотъ что мнѣ нужно; ты долженъ отдать мнѣ всю твою безконечную вѣчность, которую нельзя закопать въ могилу...»

— Ужасный! чего ты хочешь? О, пощади меня! Нѣтъ, я не могу подвергнуть себя вѣчному наказанію, я не отрекусь отъ надежды получить некогда прощеніе! Возьми меня на сто лѣтъ, терзай меня въ это время, испытай на мнѣ все муки ада; но послѣ, о, послѣ дай мнѣ возвратиться опять къ Вѣчному!

«И ты думаешь, что тогда приметь тебя вѣчность? На какой химерѣ лежать твои надежды? Безумный! неужели ты не считаешь еще себя преступникомъ? Могутъ ли быть прощены твои преступленія? И ты надвѣешься ускользнуть отъ моихъ рукъ? Участь твоя рѣшена: Великій забываетъ тебя, и перо вѣчности давно уже вычеркнуло тебя изъ книги животныхъ... Да, ты долженъ быть моимъ!»

— Вздоръ. Благодать Бога безконечна! Пусть преступленія мои велики, но покаяніе... можетъ-быть некогда забудутся мои преступленія.

«Забудутся? Не думаешь ли, что для такихъ преступниковъ, какъ ты, есть очищеніе? И ты ласкаешь себя надеждою, что грѣхи твои будутъ прощены? Обдумайся, Твардовскій! ты осужденъ быть жертвой вѣчнаго огня! Впрочемъ, тебѣ еще можно отдалить минуту вѣчной гибели: подпишись на этой кожѣ быть моимъ вѣчно, и ты получишь все, и жена твоя и сынъ будутъ счастливы.»

— Жена! сынъ!... Дьяволъ, я подписываю!—вскричалъ Твардовскій голосомъ отчаянія, и на кожѣ изобразились слова: *я продаю себя сатанѣ навсегда. Якобъ Твардовскій.*

— Ну, теперь ты нашъ, и мы друзья съ тобой!—вскричалъ сатана съ ужаснымъ хохотомъ. Вотъ тебѣ двѣ досечки, въ которыхъ заключены два желанія. Что тебѣ будетъ нужно, переломи одну досечку и духъ явится предъ тобой въ такомъ видѣ, въ какомъ ты захочешь, и исполнитъ твои желанія; но знай, какъ-скоро другая досечка будетъ переломлена, то черезъ недѣлю тебя уже не будетъ ни въ Вышгородѣ, ни гдѣ... Прощай!

Громъ, молнія, стонъ земли возобновились, и сатана исчезъ.

— Га! все конечно: я другъ сатаны! Жизнь, жизнь! люди!»—вскричалъ въ изступленіи Твардовскій и опрометью побѣжалъ изъ лѣсу.»

Спустя недѣлю послѣ полученія отъ вражьей силы досечекъ, панъ Якобъ Твардовскій переломилъ одну изъ нихъ, и въ ту же минуту передъ нимъ явился одинъ изъ демонскихъ прислужниковъ. Твар-

довскій потребовалъ огромную сумму денегъ, и на другой день пришло извѣстіе изъ Варшавы, что неизвѣстный, умирая, отказалъ ему въ наслѣдство десять милліоновъ злотыхъ; также, что ему выхлопотано позволеніе поселиться въ Варшавѣ. Твардовскій немедленно переѣхалъ туда со всемъ семействомъ, занялъ огромный, великолѣпный домъ, началъ жить роскошно, познакомился со старыми любовницами и старинными друзьями, былъ принятъ какъ человѣкъ богатый и полезный, но всё-еще скучалъ. «Счастіе жены и сына устроено, чего жъ еще? сказалъ онъ однажды самъ себѣ. Пора заплатить долгъ сатанѣ. Онъ, я думаю, скучаетъ безъ меня. Доктрина! Доктрина! ночь.... и ты въ моихъ рукахъ!»

«Аріэль! Аріэль!» вскричалъ онъ переломивъ квадратную небольшую досочку и хлопнувъ три раза руками: «явись ко мнѣ въ видѣ человѣка!»

И передъ Твардовскимъ предсталъ небольшой карло съ кислую, желто-черною рожею, на которой отклеимены были позоръ, обольщеніе, ложь, коварство и другія адскія достоинства.

— Последнюю службу: я назначаю нынѣшнюю ночь для мщенія! Приготовь ядъ, который бы имѣлъ губительное дѣйствіе змѣй — адскихъ змѣй! Приготовь все адское! Я — другъ сатаны, и хочу явиться передъ жертвою моего мщенія въ полной сатанинской славѣ: свита изъ чертей, громъ, трескъ, молнія, — ты понимаешь меня?

Аріэль страшно захохоталъ.

— Ты понимаешь меня? — вскричалъ Твардовскій дико, блѣднѣя и ломая руки.

Аріэль въ знакъ согласія кивнулъ головою.

— Исчезни!

И Твардовскій остался одинъ.

«Мщеніе! мщеніе! ядъ! кровь! — и черезъ недѣлю меня не будетъ!» вскричалъ Якобъ, бросившись въ безпамятствѣ въ кресло!»

Потомъ описывается Варшавская ночь, и тутъ же, неизвѣстно съ какой стати, вставляется опредѣленіе (чужими стихами) того, что называютъ свѣтомъ. Но главное дѣло въ томъ, что была ночь. Доктрина отсылаетъ горничную и ложится спать.

«Нина, пожелавъ пріятной ночи Доктринѣ, вышла. Свѣча горѣла на столѣ. Пробило двѣнадцать.

«Ахъ, уже двѣнадцать часовъ! Какъ летитъ время!» сказала Доктрина, тяжело вздохнувши.

— Для тебя оно улетѣло! — отвѣчалъ невидимый голосъ.

Сильный громъ разразился надъ домомъ Желбинскаго, ослѣпительная молнія блеснула, спальня Доктрины наполнилась дымомъ, запахъ сѣры разлился въ комнату и Доктрина увидѣла — Боже мой! нѣтъ словъ, — предъ ней предстали, говоря словами Поэта:

Фигуры, тѣни, лица, маски,  
Темны, прозрачны и безъ краски,  
Густою цѣпью по стѣнѣ  
Онъ мелькали въ видѣ пляски....

Возлѣ кровати стоялъ Твардовскій. «Узнала ли ты меня, Доктрина?» спросилъ онъ гробовымъ голосомъ, держа въ рукахъ стеклянку съ змѣями, стаканъ и что-то завернутое въ бумагу.

Доктрина хотѣла кричать, но языкъ отказался служить ей.

«Гсъ! прошепталъ Якобъ: тебя ни что не спасетъ! Видишь ли мою стражу? Га! ужасная!... Ты думала, что я не воскресну для мщенія, не разорву цѣней несчастія? Смотри, я тотъ Твардовскій, котораго ты погубила и который теперь пришелъ заплатить тебѣ за свою гибель...»

Доктрина обмерла.

«Смотри, это змѣи!» продолжалъ Якобъ, открывъ стеклянку: «змѣи какъ ты ... имъ суждено сосать грудь твою!»

Одѣяло было сдернуто съ Доктрины, и двѣ змѣи, какъ два голодныхъ младенца, впились въ грудь Доктрины. Твардовскій дико захохоталъ.

«Это пилюли!» продолжалъ онъ, развернувъ бумажку и насыпавъ въ стаканъ съ водою нѣсколько черныхъ шариковъ. «Пей!»

Доктрина махнула головою, какъ-бы прося пощады; но Твардовскій открылъ ей нѣсколько ротъ, и бѣдная женщина проглотила все, что было въ стаканѣ.

«О, мнѣ душно! кровь клокочетъ... огонь... жжетъ... горитъ... ахъ, сердце, сердце!... больно, больно...» простонала Доктрина, и судороги заставили ее умолкнуть.

Твардовскій также молчалъ, смотрѣлъ и нѣсколько страшно улыбался.

«Довольно! вскричалъ онъ наконецъ махнувъ рукой; силы ада схватили его и въ спальнѣ все стало по-прежнему: свѣча горѣла на столѣ, дымъ пропалъ, сѣрный запахъ исчезъ, все скрылось. Но духъ Доктрины былъ уже далеко, въ невѣдомой сторонѣ: мертвое, черное тѣло ея лежало на постелѣ; змѣи досасывали последнюю кровь несчастной.

На столѣ лежалъ ключекъ бумаги, на которомъ было написано: *такъ мститъ Твардовскій!*

Теперь, господа и госпожи, развертываю лѣтопись, чтобы прочесть вамъ отрывокъ о смерти Твардовскаго.

«По прошествіи недѣли послѣ смерти панны Доктрины Желбинской, во вторникъ второй недѣли, рано утромъ, Надежда Твардовская вошла въ комнату Якоба и нашла его мертвымъ въ постелѣ. Не зная что онъ умеръ, она хотѣла разбудить его, но лишь-только дотронулась до него рукою, какъ все тѣло его обратилось въ пенель и смрадъ разнесся по комнатѣ. На столѣ она нашла записку, въ которой Твардовскій писалъ къ ней еще за-живо, что онъ, для счастья сына и ея, продался демону, и что демонъ придетъ къ нему въ эту ночь за его душою. Онъ просилъ ее не печалиться, а надѣяться на Бога и жить для сына ихъ, Якоба. Надежда, прочитавъ это, безъ чувствъ упала на полъ.

Въ «заключеніи» авторъ показываетъ намъ домъ ума лишенныхъ и съумасшедшую жену Твардовскаго. Роману конецъ. И все это разведено, разболтано, кой-какими разсужденіями, опредѣленіями въ родѣ сравненія прекраснаго пола съ паркетомъ, украшено множествомъ эпитафій, растянута, съ надлежащими пробѣлами на двѣ части по полтора-два страничекъ, на каждой страничкѣ круглымъ счетомъ по пятнадцати строчекъ, и за все это назначена весьма умѣренная, скромная цѣна, пятнадцать рублей! Всего лучше въ этомъ романѣ намъ понравились эпитафійы. Кончивъ чтеніе, мы невольно вспомнили одинъ изъ нихъ и воскликнули вмѣстѣ съ Шекспиромъ: «Какъ дорого обходится блаженство!» Мы воображаемъ, какъ какой-нибудь отдаленный отъ столицъ любитель изящной словесности, предъстаетъ затѣйливый

заглавіемъ новаго романа, выпишетъ себѣ «Человѣка, женщину и демона», прочтетъ, снова раскроетъ книгу, увидитъ эпитафію и, вмѣстѣ съ Дантомъ, съ ственнымъ сердцемъ воскликнетъ: «Addio, mia perduta speranza!»

Руководство къ познанію средней исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное С. Смарагдовымъ, учителемъ исторіи и географіи при сиротскомъ институтѣ императорскаго гатчинскаго воспитательнаго дома. С. Петербургъ. 1841.

Вотъ новый учебникъ.

Хорошее образованіе юношества — одна изъ важнѣйшихъ заботъ родителей и правительствъ. На этотъ-то предметъ должны бы наиболѣе обращать вниманія друзья челоѣчества: большая часть нашей жизни зависитъ отъ того, какъ мы жили или какъ насъ вели въ молодости. Это отличіе поняли глубокомысленные китайскіе философы; къ-сожалѣнію, всякое дѣло челоѣческое старѣется, и по прошествіи извѣстнаго срока требуетъ обновленія, а Китайцы хотѣли остановить свой вѣкъ, и у нихъ вышелъ «покой», который, по толкованію пресловутаго Конфуція, есть отсутствіе истины.

Намъ чрезвычайно хочется поговорить объ этомъ предметѣ обстоятельно, и въ-особенности касательно учебниковъ исторіи; именно, о достоинствѣ ихъ методъ, системъ, плановъ. Но мы боимся, что наше мнѣніе не весьма будетъ для нихъ выгодно, а господа составители учебниковъ рѣдко уважаютъ критику того, кто не доказалъ на дѣлѣ удобства осуществленія своего взгляда на вещь. Такъ, чтобы не потратить напрасно словъ, мы, при разборѣ сочиненія господина Смарагова, ограничимся показаніемъ отъицъ, какія мы встрѣчаемъ въ его книгѣ противъ руководства господина Кайданова, общепринятаго доселѣ въ нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для преподаванія всемірной исторіи. Тогда читатель увидитъ, улучшаетъ ли она, и въ чемъ, эту часть воспитанія, къ чему долженъ стремиться каждый новый учебникъ.

Прежде всего мы находимъ въ руководствѣ господина Смарагова важную статью, которая почти вовсе упущена изъ виду у Кайданова. Это гражданское устройство политическихъ обществъ и государствъ въ средніе вѣка. Займемся ближе этимъ интереснымъ предметомъ, который до-сихъ-поръ не былъ достаточно объясненъ въ нашихъ учебныхъ книгѣхъ, въ-особенности касательно ленной, аллодіальной и феодальной системъ.

Германцы, главнѣйшіе виновники паденія древняго міра и образованія новаго порядка вещей, хотя не жили еще вначалѣ въ государ-

ствахъ, устроенныхъ по нашимъ понятіямъ, однако не были и такъ дики, какъ обыкновенно объ нихъ думаютъ. Владѣтели однихъ и тѣхъ же полей, одного и того же лѣса, озера или рѣки, чувствовали нужду, для удовлетворенія своимъ потребностямъ, для внешней и внутренней безопасности, соединиться тѣсно другъ съ другомъ. Изъ этого соединенія владѣльцевъ произошла община, Gemeinde, служившая основаніемъ общественнаго устройства Германцевъ, котораго главною идеею была свобода и совершенное равенство членовъ, какъ отличительная черта германскаго міра. Только принадлежащій къ общинѣ, или владѣющій землею, былъ свободный челоѣкъ, wer, waso. Всѣ прочіе члены народа, какъ то, жены, даже братья и совершенно-лѣтніе сыновья, до оставленія ими родительскаго крова, находились подъ опекою свободнаго, а рабы, то есть, военно-плѣнные потомки ихъ, считались совершенною собственностью владѣльца. Во время мира община имѣла начальника, который носилъ титулъ графа, и избирался изъ знатнѣйшихъ фамилій. Обязанностью его было производить, вмѣстѣ съ другими свободными, судъ и расправу. Надъ жизнью и смертію свободнаго имѣла право только одна община, и то въ весьма немногихъ случаяхъ; нарушеніе же общественнаго спокойствія наказывалось денежною пеней, wehrgeld, которую взыскивали съ обидчика самъ обиженный или его родственники. Вообще, отецъ отвѣчалъ за своихъ дѣтей и домочадцевъ, господинъ за своего раба. Вслучаѣ войны цѣлаго народа, общины избирали изъ свободныхъ и знатнѣйшихъ людей герцога, то есть, воеводу, пользовавшагося во время войны неограниченною властью полководца; съ окончаніемъ войны оканчивалась и власть его.

«Нѣтъ сомнѣнія, что общество германское не могло оставаться всегда при такомъ равенствѣ своихъ членовъ. Худое хозяйство, несчастіе въ стадахъ, несчастія въ игрѣ, которую Германцы страстно любили, многочисленное семейство и тому подобное повергали иногда свободнаго челоѣка въ бѣдность. Въ такомъ случаѣ братьямъ и взрослымъ сыновьямъ его, не знавшимъ, кромѣ войны, охоты и пиршества, никакого занятія, не оставалось другаго честнаго средства къ пропитанію, какъ идти въ службу, въ gasindi, geleit, богатаго владѣльца. Члены газинди или гелейта, дегены, thegn, — отъ thegnian, dienen, служить, — были обязаны вѣрно и честно служить своему покровителю. Оттого богатые владѣльцы, превосходившіе другихъ могуществомъ гелейта и привязанностью къ себѣ бѣдныхъ, приобрѣли княжеское уваженіе въ глазахъ своихъ земляковъ. Потомки ихъ назывались преимущественно родовыми, chuning, koenig — король, или edeling, благородный, и были всегда въ главѣ народа. Таковъ былъ Арминій у Херусковъ.

«Если богатые кунинги или аделинги не уважали спокойствія народнаго или взаимными войнами нарушали права свободныхъ, то были примѣры что община возставала противъ нихъ и даже изгоняла ихъ за предѣлы своихъ владѣній. Но бывало и то, что эделинги одерживали верхъ надъ общиною: тогда равенство терялось, и возникали княжества, гдѣ воля побѣдителя дѣлалась закономъ. Борьба общины

съ эделингами производила множество недовольныхъ людей, которые по необходимости оставляли отечество и искали приключеній вѣнъ его. Ихъ называли первоначально реками, геске, или варагами, waga, wearg, впоследствии, когда реки составили основу войскъ при переселеніяхъ народовъ, это имя сдѣлалось почетнымъ и означало вообще война. Если и сильный эделингъ изгонялся общиною, то какъ онъ самъ, такъ и дегены его, были также реками. Они, какъ естественно, искали убѣжища въ службѣ другихъ земель, преимущественно въ Византіи. Такимъ образомъ имя рековъ и вараговъ сдѣлалось общимъ для всѣхъ, которые нанимались въ службу вѣнъ отечества: по-лангобардски wargangi, въ Византіи *Βαράγγοι*, у Славянъ варяги.

«Предводители гелейтовъ или дружинъ, недовольные своимъ положеніемъ, собирали подъ свои знамена рековъ, носившихъ также названіе гостей, gaeste, kesti, hospites. Это сборище людей разнаго роду и племени необходимо нуждалось въ строгой военной дисциплинѣ и военномъ устройствѣ. Предводитель тысячи или тысячи двухъ-сотъ воиновъ, arimannen, назывался вообще графомъ, tiufaths sciregerefa, (произноси ширгрефа, откуда, въ Англии, шерифъ); начальникъ ста гунтерграфомъ, huntaris, sculdahis (произноси шуддайсь, а не скультайсь, какъ читаетъ господинъ Смарагдовъ: это больше ничего какъ schuldheis; прежде звукъ ш, sch Нѣмцы выражали двугласною sc); начальникъ десяти—центграфомъ. Глава цѣлаго гелейта назывался королемъ. Предводимые отважнымъ королемъ и его дегенами, реки вторгались въ чужія владѣнія или въ самой Германіи или, когда началась борьба съ Римлянами, въ границы сильной имперіи, дѣлали завоеванія и приобрѣтали добычу, которая и была главнымъ двигателемъ ихъ предпріятій. Завоеванная земля или вся обращалась въ собственность побѣдителей, такъ что покоренные жители теряли свою свободу и дѣлались лассами, lasse, late, lete, leute, люди,—или только часть ея присвоивалась завоевателями, а другою пользовались туземцы; платя въ такомъ случаѣ дань побѣдителямъ. Такими гелейтами были всѣ народы и войска, покорившіе Западную Римскую Имперію: Готы, Вандалы, Лангобарды и другіе.»

Позвольте теперь сдѣлать маленькое отступленье. Вы замѣтили, какъ назывались у Германцевъ покоренные народы? Они назывались людьми, именемъ славянскимъ, по-крайней-мѣрѣ общимъ и славянскому языку. Покоренный, или рабъ, въ единственномъ числѣ именовался славомъ, шлавомъ, шклавомъ, какъ назывался у нихъ и Славянинъ, имя котораго также отыскиваютъ въ словѣ: человекъ; значитъ Германцы звали его человекомъ, какъ и у насъ называютъ крѣпостнаго и слугу, во множественномъ числѣ людьми. На этомъ основаніи я дерзаю, мимоходомъ, такъ, для занятія ума, настроить маленькую гипотезу. Я изъ этого заключаю,—что первыя побѣды одержаны Германцами надъ Славянами и что покоренныя племена вѣроятно не составляли еще обществъ похожихъ на гражданскія, которыя почти тотчасъ по своемъ образованіи принимаютъ особенное, а не родовое названіе, каково имя: Славянинъ. Это обстоятельство, которое, хотя

оно не очень лестно для славянскихъ племенъ, не должно защищать изъ мелочнаго самолюбія ради успѣховъ исторіи, подтверждаетъ еще, что первыя формы общественной жизни наши предки заимствовали отъ Германцевъ. И дѣйствительно, наши старинныя гражданское устройство, учрежденія, законы, какъ показалъ и Карамзинъ, имѣютъ очень большое сходство вообще въ Россіи, и въ Новгородѣ и Псковѣ въ-особенности; тѣ же отношенія народа къ князю, тѣ же дружины, то же денежное наказаніе за весьма важныя вины, вира wehtgeld тотъ же духъ общинъ, тѣ же посадники графы; тѣ же тысяцкіе, tiufaths sciregerefa; тѣ же воеводы, герцоги; тѣ же посадскіе биргеры; та же вольница, реки, гелейты, которые отличаются отъ дружинъ тѣмъ, что дружины шли на подвиги по волѣ князя, а гелейты первоначально по своей, избирая сами себѣ вожда. Можетъ-быть и самое имя боярина, барина, больше ничего, какъ Германское wago wagon, произноси, какъ въ Испаніи, баронъ. Они и были вначалѣ freiherrn, свободные бары, господа, и только съ успѣхами княжеской власти, вслѣдствіе направленія, которое она приняла отъ призванія на Русь изъ Нормандіи одной владѣтельной фамиліи, сдѣлались мало-по-малу уже дегенами, слугами князя и вошли въ составъ его дружины, слово и предметъ, которымъ мы также находимъ соответствующіе у Германцевъ, именно у Лангобардовъ: у нихъ такіе слуги королевскіе назывались друзьями, вѣрными, freun. Выводы эти, конечно не могли войти въ руководство господина Смарагдова, потому что касаются до объясненія гражданского быта Славянъ, изъ которыхъ составилась Русь, то послѣдняя вовсе исключена изъ его плана, какъ не имѣвшая, по его мнѣнію, въ средніе вѣка «ничего общаго съ западною Европою»; а дополненіе первой исторіи Германцевъ въ-отношеніи къ Славянамъ посредствомъ объясненія происхожденія словъ leute и slave и люди и человекъ, значило бы дополнять ее гипотезами, неумѣстными въ краткомъ учебникѣ: однако сходство стариннаго сѣверо-западнаго славянскаго быта съ древнимъ немецкимъ такъ очевидно, что можно бы имъ воспользоваться для болѣе понятнаго намъ опредѣленія условій гражданской жизни въ Германіи, чѣмъ прибѣгать безпрестанно къ подлиннымъ иностраннымъ названіямъ такихъ предметовъ, которые были намъ извѣстны и по идѣ и по дѣлу; они ставятъ эти предметы совершенно въ чуждомъ для насъ свѣтѣ. У насъ, какъ видите, на все почти есть свое имя.

Затрудняетъ только съ перваго разу слово дегенъ: какъ оно было по-русски? Но на это нѣтъ ничего легче отвѣтить: тунъ. «Какъ, вы скажете; да это судья, какъ мы привыкли понимать.»—Слуга вообще. Кромѣ этимологіи есть доводъ и логическій. Въ Русской Правдѣ говорится о тунѣ конюшемъ и тунѣ боярскомъ: судья надъ конюшней не могло быть; судей, принадлежащихъ боярамъ—тоже, потому что иначе надобно бы допустить у насъ встарину феодальную систему, которой у насъ, какъ увѣряютъ, не бывало. А понимать подъ именемъ тюна боярскаго судью надъ боярами нельзя, потому что тамъ этотъ тунъ поставленъ ниже боярина: за голову послѣдняго положено взъискывать осемьдесятъ гривенъ пени; а за голову боярскаго тюна сорокъ; судья же не могъ стоять ниже того, кого онъ могъ

судить; да и надъ боярами былъ одинъ князь. Опредѣленіе прочихъ чиновъ должно также поискать въ древне-нѣмецкомъ языкѣ и быть.

Будемъ ждать этого отъ немногихъ занимающихся этимъ языкомъ, котораго неосновательно пугаются: значительныя литературныя богатства вознаграждаютъ трудъ: одна «Нибелунги» чего стоятъ, поэма, чрезвычайно хорошо живописующая германскую старину. Насъ, Русскихъ, скоро съ нею познакомитъ искусное перо съ самаго подлинника. Довольно мы, какъ ученики, слушали, насчетъ того и сего лекціи Нѣмцевъ и, больше всего, Французовъ: пора и самимъ пересмотрѣть, какъ хорошимъ студентамъ, источники, откуда они черпали, и пользоваться ими для своихъ взглядовъ и выводовъ. Признаться, мы не очень похвально употребляемъ прославленную нашу способность къ языкамъ: мы учимся только въ совершенствѣ французскому языку, много нѣмецкому и англійскому, и то съ нѣкотораго времени; тогда какъ знаніе всякаго, нѣскольکو образованнаго, языка представляетъ большія клады ученому и поэту, которыхъ у насъ такая пропасть; только, къ нашей бѣдѣ, все почти оригинальныхъ—безъ предмета, потому что писать «разочарованіе», господствующее у насъ уже десятки лѣтъ, какую бы оно форму ни принимало, значить выразить именно это прекрасное качество, отсутствіе великаго, возвышеннаго стремленія, отличающаго людей съ призваніемъ. Есть даже,—удивительно,—люди, которые не стыдятся говорить вамъ въ стихахъ, что у нихъ нѣтъ цѣли. Конечно, и нашъ покойный Пушкинъ сказалъ однажды, что передъ нимъ нѣтъ цѣли; но вѣдь развѣ онъ одно это твердилъ? Это было только минутное утомленіе дѣятельной души. Учитесь, учитесь, господа молодые поэты, и найдете предметъ: Гомеръ былъ ученѣйшій человекъ своего вѣка, Дантъ — тоже; примѣровъ тьма. Ученость — родная сестра поэзіи; надобно только уметь различать ученость страдательную, отъ учености, такъ-сказать, дѣйствительной, которая всему приобретаемому находитъ, какъ-будто заранѣе предназначенное, мѣсто въ головѣ и сердцѣ.

Однако мы,—простите,—значительно отступили отъ своего предмета. Возвращаемся къ нему.

Устройство государствъ, основанныхъ Германцами на развалинахъ западной римской имперіи. «Прежде всего мы должны вспомнить, что эти государства были основаны силою оружія и большею частью предводителями геллейтовъ. Какъ составились и произошли геллейты, намъ извѣстно. Когда Германцы увидѣли, что при слабости Римлянъ служба въ геллейтѣ доставляетъ добычу и почести, эту приманку для дикаря и образованнаго, то за геллейтомъ последовали все охотники до войны, вольные мужи не только того племени, къ которому принадлежалъ предводитель, но и другихъ племенъ, и повинивались ему во время похода какъ общему герцогу; даже цѣлыя народы, какъ Остѣ-Готы, Бургунды и другіе, вступали въ подобныя отношенія къ знаменитымъ предводителямъ. По окончаніи

завоеванія вольные люди оставались независимыми между дегенами герцога и покоренными жителями. Покоренные не истреблялись, не дѣлались и рабами, но удерживали свои законы, собственность и свободу и только уступали побѣдителямъ столько земли, сколько казалось нужнымъ. Остѣ-Готы взяли въ Италіи одну третью земли, Вестѣ-Готы двѣ трети; только Вандалы, въ Африкѣ, завладѣли всеми землями покоренныхъ. Уступленная земля дѣлилась между вольными людьми и давалась имъ въ наследственную собственность, *allod.* Сами же герцогы, предводители геллейтовъ, назвавшіеся, по завоеваніи римскихъ провинцій, королями, получили бывшія имѣнія императора. Такимъ образомъ отношеніе короля было тройкое: къ геллейту, къ вольнымъ людямъ и къ провинциаламъ, то есть, побѣжденнымъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ онъ былъ неограниченный государь въ смыслѣ римскихъ императоровъ. Вольные люди, получили, какъ мы сказали, поземельныя владѣнія, оставались независимыми: не обязывались служить королю въ войнѣ, если не сами ее опредѣлили, не платили ему подати и не признавали надъ собою его судебной власти: право судить вольнаго человека принадлежало по-прежнему общинѣ вольныхъ. Отношеніе короля къ геллейту осталось прежнее.

Но въ завоеванныхъ земляхъ германскій геллейтъ скоро расширился или, лучше сказать, замѣнился другимъ учрежденіемъ, сльдствіа котораго имѣли чрезвычайное вліяніе на весь средній вѣкъ, а въ нѣкоторыхъ земляхъ Европы и теперь еще ощутительны. Это ленная и феодальная системы. Казалось, сначала геллейтъ необходимо долженъ былъ ослабѣть выступленіемъ изъ него вольныхъ людей, которые, получивъ владѣнія въ покоренныхъ земляхъ, достигли своей цѣли; но короли вскорѣ нашли средство привести этихъ вольныхъ людей въ зависимость отъ своей особы и умножить ими свою военную силу: владѣя обширными землями, которыя увеличивались при каждомъ новомъ завоеваніи, и не будучи въ состояніи извлекать изъ нихъ непосредственной пользы, они стали раздавать участки вольнымъ людямъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдніе шли на войну по призыву короля или отправляли извѣстныхъ службы при его дворѣ. Участокъ земли, ввѣренный вольному человеку на упомянутыхъ условіяхъ, назывался *beneficium*, феоде, слово, составленное изъ *fee*, вѣрность, и *od*, поземельное владѣніе, — или *lenъ*, *lehen*, отъ слова *lechen*, вѣрять, ссужать. Оттого феодальная или ленная система. Владѣтель феода назывался въ отношеніи къ королю вассаломъ, то есть, крѣпкимъ, вѣрнымъ, отъ слова *vass*, *vest* или *fest*. Такъ какъ феоде давались на условіяхъ, то они первоначально не могли быть наследственными, и потому по смерти вассала обращались снова въ королевскую собственность, *fiscus*, *dominium*, *domain*,—отъ *dominus*, государь. Такимъ образомъ съ одной стороны власть короля значительно увеличилась: отъ него стали зависѣть не только дегены его геллейта, но и вольные люди, увлеченные корыстлюбіемъ и почестями; дворъ его наполнился множествомъ сановниковъ и дегеновъ, которые были его совѣтниками и помощниками въ управленіи государствомъ; съ другой стороны число вольныхъ людей уменьшилось, и собранія ихъ, *mahl*, *gautag*,

мало-по-малу стали терять свою значительность, несмотря на то, что оставшіеся независимыми всё-еще гордились названіемъ вольнаго war, wehr, bago, — баронъ, Freiherr. Эта ленная система, получившая начало въ государствѣ Франковъ, вскорѣ измѣнила весь видъ германскаго міра.

«Судопроизводство, до совершеннаго соединенія побѣдителей съ побѣжденными въ одинъ народъ, было различное. Германецъ судился, какъ выше сказано, себѣ подобными мужами, выбранными общиною, шёфами, Schöffen, по правиламъ освященнымъ древностью и обычаемъ.» Писанные уставы Германцевъ, появляющіеся у Франковъ Салическихъ, Бургундовъ и Вестъ-Готовъ съ пятого вѣка и содержащіе преимущественно законы уголовные, опредѣляютъ денежное наказаніе за каждый проступокъ. Дѣла рѣшались по числу и важности свидѣтелей и по клятвамъ. Но если нельзя было рѣшить дѣла такимъ образомъ, то прибѣгали къ «суду Божию», ордалямъ, которые состояли въ поединкахъ, жеребьи, доказательствахъ посредствомъ добровольной пытки. Такое судопроизводство существовало до пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ. Провинціалы же или вальхи судились между собою по римскому праву. Но по мѣрѣ слиянія туземцевъ съ пришельцами, германское судопроизводство выводилось болѣе и болѣе, и наконецъ совершенно уступило мѣсто римскому. Этому соединенію двухъ народовъ болѣе всего содѣйствовало христіанство.

Германцы, пришедши въ соприкосновеніе съ Римлянами, немедленно приняли христіанскую вѣру; но нѣсколько времени были чужды папской паствѣ, потому что вначалѣ исповѣдывали эту вѣру по догматамъ Арія. Къ римскому католицизму они обратились въ шестомъ вѣкѣ.

Между-тѣмъ папа усиливался и внутри Церкви: по раздѣленіи Римской имперіи на Западную и Восточную, онъ сдѣлался единственнымъ главою духовенства на западѣ, тогда какъ на востокѣ было много равносильныхъ патріарховъ, и наконецъ, по низверженіи Западной имперіи, не сталъ имѣть надъ собою и законной свѣтской власти.

«Уваженіе, пріобрѣтенное папою, перешло и на все духовенство и было благотельно для тогдашняго міра. По завоеваніи римскихъ провинцій Германцами, духовные являются съ великодушнымъ самоотверженіемъ посредниками между Германцами и вальхами: защищаютъ послѣднихъ и служатъ первымъ. Короли германскіе, убѣжденные въ ихъ познаніяхъ и вліяніи на народъ, такъ какъ въ то время лучшіе люди вступали въ духовное званіе, — употребляли ихъ при всѣхъ переговорахъ и дѣлахъ политическихъ. Такимъ-то образомъ духовные получили важное политическое вліяніе на тогдашній міръ: епископы принадлежали къ первымъ людямъ въ государствѣ и принимали участіе въ собраніяхъ вельможъ и вассаловъ. Право отлученія отъ церкви было распространено епископами и на дѣла

свѣтскія, и короли не могли тому противиться. Церковь, владѣнія которой умножились набожнымъ приношеніями и тѣмъ, что по тогдашнему вѣрованію всякой грѣхъ можно было очистить денежною пенею, сдѣлалась независимою отъ свѣтской власти: духовный подлежалъ только духовному суду и не зналъ ни какихъ государственныхъ повинностей. Эта независимость возрастала по мѣрѣ слиянія Германцевъ съ Римлянами въ одинъ народъ.

Вотъ общій взглядъ, по воззрѣнію господина Смараглова, на первоначальное состояніе гражданскаго быта германскихъ народовъ и государствъ, основанныхъ ими на мѣстѣ древняго міра. Мы не будемъ слѣдовать за дальнѣйшими, частными, измѣненіями этого быта. Посмотримъ теперь, какъ авторъ подлежащаго руководства изображаетъ политическій бытъ Восточной Римской Имперіи.

«Государственное устройство Римской Имперіи, преобразованное Константиномъ Великимъ, совершенно уцѣлело въ Византійской Имперіи. Главою государства былъ императоръ, неограниченный въ своихъ дѣйствіяхъ. Отношеніе его не измѣнилось и по введеніи христіанства. Конечно, его не принимали болѣе за бога, но, коронованный патріархомъ, онъ былъ «священною особою», одаренною свыше верховною властью. Сенатъ, составленный по образцу римскаго сената, не имѣлъ особенной важности; болѣе значилъ совѣтъ государя. Управленіе государственное дѣлалось, какъ въ новыхъ государствахъ, по различнымъ родамъ высшей власти: гражданское управленіе, войско, духовныя дѣла строго отдѣлялись другъ отъ друга.

«Духовенство составляло независимое сословіе. Хотя никто не сомнѣвался въ верховной власти государя, хотя сами епископы не могли отвергать законовъ его даже въ дѣлахъ церковныхъ, но вліяніе его на догматы Церкви измѣнялось его богословскими познаніями: только богословскія познанія давали ему средства управлять общественнымъ мнѣніемъ. Потому отношеніе государя къ духовенству и къ догматамъ вѣры составляетъ главный интересъ византійской исторіи, гдѣ всякое политическое предпріятіе принимало на себя личину вѣроисповѣданія: если кто хотѣлъ возстать противъ императора, старался или возбудить въ народѣ сомнѣніе насчетъ его православія или сдѣлать свою ересь господствующею.

«Другой важный предметъ византійской исторіи представляютъ законы, развитые и доведенные въ Византіи до органической системы въ наукѣ правовѣдѣнія. Хотя императоръ былъ источникомъ законодательства, но несмотря на то онъ не могъ, какъ и въ богословіи, ниспровергнуть основныхъ началъ права общественнаго. Во время жизни своей онъ былъ властенъ дѣйствовать противъ коренной системы законовъ, но со смертію его всегда разрушалось новое зданіе.

«Кромѣ богословскаго и юридическаго интересу въ византійской исторіи заслуживаютъ еще особеннаго вниманія: а) дворъ, со всѣми своими мелочами и церемоніями, служившій образцомъ этикета и западнымъ дворамъ. б) Главный городъ, твердость, красота и велико-

лѣпіе коего очаровывали западныхъ варваровъ. Онъ былъ долгое время единственнымъ средоточіемъ учености, торговли, промышленности и утонченной жизни, и имѣлъ важное вліяніе на существованіе имперіи. с) Война на границахъ, важная, потому что она сдѣлалась пагубною для имперіи, когда, по недостатку средствъ къ защитѣ, императоры уступили цѣлыя провинціи въ полное распоряженіе своимъ намѣстникамъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они защищали ихъ и платили опредѣленную подать. Такіе намѣстники, экзархи, катапаны, соединивъ въ своей особѣ, какъ естественно, всѣ роды власти, сдѣлались настоящими сатрапами. Тогда деспотизмъ, чувствуемый сначала только въ столицѣ, распространился и по провинціямъ. Главные вѣншіе враги были, въ Европѣ Славяне, въ Азіи Персы. Первые вторгались съ половины шестаго вѣка непрерывно въ ея провинціи и истребили почти все греческое народонаселеніе въ западной Эладѣ и Пелопонезѣ. Наконецъ, д) партія цирка. Партія цирка возникла еще въ Римѣ, но развилась преимущественно въ Константинополѣ, гдѣ они получили важное политическое значеніе: если одна партія придерживалась догматовъ православія, то другая предавалась аrianизму или другой какой-нибудь сектѣ; побѣда какой-нибудь партіи въ циркѣ означала побѣду и ея религіозныхъ догматовъ. Вѣншія отличія партій состояли въ цвѣтахъ: голубые, красные, бѣлые и зеленые. Сами государи должны были, по своему отношенію къ Церкви, принимать участіе въ раздорахъ партій. Партія, которой политическія и религіозныя понятія соответствовали видамъ правительства, дѣлалась господствующею и позволяла себѣ несправедливости. Слѣдствіемъ того были бунты и кровопролитныя возстанія не только въ столицѣ, но и въ другихъ большихъ городахъ.»

Мы взглянули на міръ германскій отдѣльно и въ соприкосновеніи съ древнимъ западнымъ міромъ; пробѣжали міръ византійскій: теперь приступимъ къ обозрѣнію міра арабійскаго. Эти три главныя области міра начального періода среднихъ вѣковъ самыми яркими красками рисуются одинъ подле другаго. Въ первой мы видимъ съ одной стороны, слѣпую, физическую жажду дѣятельности; съ другой стороны, можно-сказать, старческую немощность передъ напоромъ молодыхъ, свѣжихъ, почти еще отроческихъ силъ. Во второй практическое, пріобрѣтенное долгимъ механическимъ навыкомъ, умѣнье держаться въ довольно шаткомъ положеніи. Тутъ тоже старость, потерявшая уже всякое внутреннее стремленіе, но еще не совсемъ утратившая тѣлесную бодрость, какъ-будто ее поддерживалъ еще умѣренный приливъ новыхъ силъ, пріобрѣтаемый регулярно, діететическою жизнью. Можетъ-быть этому причиною смѣшеніе Римлянъ въ Византіи съ народами, почти отжившими свой вѣкъ, но не разстроившими своихъ силъ бурными страстями и душевными потрясеніями. Въ третьей области, арабійской, уже видимъ, внезапное воспламененіе, кипучаго отъ природы, ума, попятія и вѣрованія котораго съ трескомъ разражаются въ фактахъ, — и свѣтлый, орлиный полетъ определенной теплой идеи, — если такъ позволено назвать живое, стремящееся распространить себя, убѣжденіе ума и сердца. — Въ западной Европѣ первую, мгновенную вспышку та-

кой, самобытной идеи мы находимъ только въ одиннадцатомъ вѣкѣ, именно въ головѣ папы Григорія Седьмого, Гильдебранда, если не говорить о Саксонцахъ, которые *отшивали* только, противъ Карла Великаго, свою древнюю, языческую вѣру. Вѣра же зажгла умы и въ тѣхъ двухъ случаяхъ. Выишемъ вначалѣ статистическое описаніе арабійскаго народа изъ руководства господина Смарагда.

«Почти въ то же самое время, какъ въ западной Европѣ возникло царство Фраковъ, достигшее при Карлѣ Великомъ высшаго развитія, образовались въ западной Азіи царство магометанскихъ Аравитянъ, потрясшее тогдашній міръ и достигшее зенита своего блеска и могущества при Гарунѣ-Аль-Решидѣ, современникъ возобновителя Западной Римской Имперіи. Земля, бывшая колыбелью этого царства, Аравія, до того времени мало обращала на себя вниманіе исторіи. Защищенная своими горячими степями и голыми горами, она никогда не носила на себѣ ярма чужеземнаго завоевателя; только уголокъ ея, царство Гассанидовъ, на сирійской границѣ, повиновался Византіи, и другой, царство Гира, пограничный Евфрату, признавалъ надъ собою власть Персовъ. Она была обитаема народомъ добрымъ, котораго страсти и воображеніе были столь же пламенны, какъ окружающая его природа. Этотъ народъ дѣлился, согласно качествамъ своей земли, на жителей городовъ, Гаддези, въ Іеменѣ, въ юго-западныхъ плодородныхъ равнинахъ, и на жителей пустынь, Бедуиновъ, во внутренности и сѣверо-восточной части полуострова. Бедуины, кочевые сыны природы, признававшіе своимъ родоначальникомъ Измаила, сына Авраамова, подраздѣлялись на многія независимыя племена, управляемыя своими шенками, и отличались восторженной храбростью, страстью къ поэзіи и чистотою нравовъ. Больше образованія обрѣталось у городскихъ жителей Іемена, знакомыхъ уже съ византійскою, еврейскою и персидскою мудростью. Торговля и упомянутыя двѣ области, царства Гассанидовъ и Гира, какъ колоніи изъ Іемена, служили для нихъ проводниками познаній. Жители городовъ не придерживались одной религіи: одни исповѣдовали уже христіанскую, другіе древнюю Моисееву, третьи Ормуздову.»

Одинъ изъ Аравитянъ, Магометъ, одаренный глубокимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, захотѣлъ дать всемъ своимъ соотечественникамъ одну вѣру, и удалившись въ уединеніе, съ которымъ онъ сдружился въ своемъ раннемъ спротствѣ, составилъ религіозную систему, рассчитанную по повѣрьямъ и склонностямъ соотчичей и украшенную богатыми, величественными формами языка поэтическаго.

Введеніе этой религіи между Аравитянами произвело въ ихъ умахъ неистовый ураганъ, который, покруживши своимъ, до небесъ хватающимъ, столбомъ въ юго-западной Азіи, понесся черезъ Африку на Пиренейскій полуостровъ, и если бы не искусство Франкскаго полководца Мартелля, можетъ быть далеко бы зашелъ въ Европу. Горяч-

ность, съ которою приняли Магометову вѣру одни, и ожесточенный отпоръ, сдѣланный ей другими, изъ партіи нѣкоторыхъ родственниковъ Магомета, которые не хотѣли признать въ немъ боговдохновеннаго пророка, — воспламенило страсти, потому что приверженцы ея, по завѣту Магометову, должны были, хотя бы огнемъ и мечомъ ввѣдрять ея догматы въ сердца невѣрныхъ, и ниспровергнутая сторона должна была искать спасенія и свободнаго поля дѣйствія своему фанатизму въ странахъ дальнихъ отъ отечества. Такимъ путемъ аравійскія племена зашли въ Испанію. Между тѣмъ жаръ идеи согрѣлъ и эстетическое чувство, и въ аравійскихъ областяхъ вошло свѣтлое солнце образованности; явились науки, искусство, торговля и промышленность, удобства жизни, утонченность нравовъ, роскошь.

Столкновеніе арабско-магометанскаго міра съ европейско-христіанскимъ, позволяемъ себѣ сказать, имѣло такія послѣдствія для послѣдняя, которыхъ Европейцы до-сихъ-поръ не хотѣли видѣть, по-крайней-мѣрѣ явно: оно породило рыцарство, а съ нимъ постепенное утонченіе нравовъ, и — крестовые походы, имѣвшіе такое сильное вліяніе на судьбу нашей части свѣта. Чтобы успѣшно бороться съ Маврами, юго-западные Европейцы должны были завести у себя конницу, которой прежде у нихъ не было. Сильное стремленіе нападающихъ произвело сильный отпоръ: тѣ хотѣли ниспровергнуть христіанство, — утѣшенныя укрѣпились въ ней и послѣ сами стали стараться наложить свой законъ на невѣрныхъ. Такимъ образомъ къ Европейцамъ переходитъ родъ, и духъ войны ихъ враговъ. Имящныя нравы Аравитянъ принимаются, по юношеской склонности къ подражанію, въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ столкновеніе двухъ стихій кончилось къ гордому самодовольствію христіанъ. Такъ рождаются въ южной Франціи и разливаются по сѣверу и юго-востоку Европы, сначала довольно блѣдныя, рыцарская поэзія и рыцарскіе нравы, отголоски которыхъ мы чувствовали, и мѣстами еще чувствуемъ, до нашихъ дней. Все, что было въ европейскомъ рыцарствѣ идеаломъ, къ которому болѣе или менѣе приближались, отдѣльныя лица, но не цѣлыя массы, существовало на дѣлѣ, само-бытно, въ полномъ развитіи и цвѣтѣ, въ арабскомъ мірѣ: тамъ мы находимъ рыцаря въ каждомъ Бедуинѣ въ смыслѣ лихаго наѣздника жаждущаго подрагаться по одной страсти къ воинскимъ подвигамъ, странствующаго для защиты слабого, для завоеванія любовницы, для отмщенія за обиду или для низложенія чьей-либо гордости; видимъ тамъ рыцарство съ его любовными пѣснями и даже турнирами, которые еще и понынѣ существуютъ у африканскихъ Бедуиновъ. Знаменитое собраніе древнихъ бедуинскихъ стихотвореній, которое извѣстно у ориенталистовъ подъ именемъ «Хамаса», и въ которомъ слава, самые удивительные, невѣроятные подвиги и любовь воспѣваются съ восточной восторженностью, представляютъ разительное сходство съ рыцарскою литературою провансальскихъ трубадуровъ и испанскихъ романсеровъ.» Вотъ что говоритъ французскій писатель Амперъ. Онъ прибавляетъ, что «даже имя рыцарь, cavaliero, кавалеръ, конный, кажется буквальный переводомъ арабскаго слова фарисъ, всадникъ, техническаго названія героевъ пустыни, которые

странствуютъ, ищутъ приключеній и влюбляются.» Кромѣ того, религіозное направленіе, данное восторженности Аравитянъ Магометомъ, имѣетъ совершенное сходство съ тѣмъ, которое силлись дать Европейцы своему рыцарству. Но какъ же, возразятъ намъ, развѣ въ Европѣ не было дѣйствительнаго религіознаго фанатизма? До крестовыхъ походовъ вообще никакого: вѣчные раздоры свѣтской власти съ духовною, которые насильственными средствами, страшными проклятіями должны были подавлять римскіе первосвященники, заслуженное папами неуваженіе къ себѣ самыхъ массъ народныхъ, — никогда не могутъ говорить въ пользу дружной религіозности среднихъ вѣковъ. Причины этого печальнаго состоянія религіозной нравственности въ Западной Европѣ надобно искать въ особенномъ отношеніи папствы къ духовенству, какъ простодушныхъ, но свѣжихъ, крѣпкихъ силами, побѣдителей къ слабымъ, хитрымъ, опытнымъ познаніями своихъ, до высшей утонченности образованныхъ, предковъ. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это тогда же кончилось, если бы папы не устремили своей, болѣе испорченной чѣмъ развратившейся, папствы подъ огонь и смертоносный мечъ Сарациновъ. Тогда дѣйствительно, многія сердца пылали истинною, фанатической вѣрой. Но на долго ли? Вы знаете, какъ худо крестоносцы поддерживали высокій подвигъ. Истинная религіозность, можетъ-быть, запылала уже при реформаціи, бывшей почти необходимою на Западѣ, для того чтобы она теплилась тихо, спокойно, не омрачаемая соблазномъ видѣть у алтарей ея жрецовъ, съ которымъ рушились всѣ средства возстановить должное почтеніе.

Въ правилахъ рыцарства было защищать слабыхъ и угнетенныхъ, — а въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ, гдѣ предполагаютъ процвѣтаніе его, мы видимъ величайшее, неумолимое господство насилія, и это все отъ рыцарей, которые наиболѣе состояли изъ ничѣмъ необузданныхъ вассаловъ, обиравшихъ, грабившихъ и рѣзавшихъ кого только могли. Конечно, были исключенія; бывали изъ вассаловъ и рыцарей такіе, которые мечтали о совершенномъ рыцарствѣ отъ чистаго сердца. Но вѣдь исключенія исключеніями и останутся. Притомъ какъ защищать равную людей противъ челоука, которому они принадлежатъ по праву? Можно было только ходить войной на такъ-называемыхъ Raubgrafen, графовъ-хищниковъ, сіятельныхъ разбойниковъ, которые открыто грабили окрестныхъ жителей, и проѣзжихъ, предводительствуя всѣми своими подчиненными, изъ своихъ крѣпкихъ замковъ. Мы скажемъ давеча «мечтали о совершенномъ рыцарствѣ». Да, только мечтали: *рыцари* совершенные были, — *рыцарства* такого не было, по-крайней-мѣрѣ свѣтскаго. Пробѣгите сочиненія трубадуровъ и труверовъ. Они все сѣтуютъ объ упадкѣ рыцарства съ самаго послѣдняго времени до того, когда рыцарство въ Европѣ еще не существовало. Это тоже говоритъ Амперъ, который рыцарство защищаетъ. Какъ же, вы спросите, онъ такъ явно противорѣчитъ себѣ? — Люди заблуждаются, особенно тогда, когда мы вступаемъ въ преніе съ убѣжденіемъ, укоренившимся въ насъ съ-дѣтства; однимъ словомъ, съ *предразсудкомъ*. И мы, Русскіе, которымъ дѣло рыцарства совершенно чуждо, и мы не охотно откажемся отъ вѣры въ его поз-



тическій вѣкъ, о которомъ мы съ такимъ наслажденіемъ читали въ ребячествѣ ужасные романы. Что же послѣ этого западному Европейцу, особенно Французу, въ отечествѣ котораго, говорятъ, процвѣтало рыцарство? Нѣтъ, нѣтъ; давайте лучше вѣрить въ совершенное рыцарство и снова читать рыцарскіе романы.

Однако надобно кончить обозрѣніе. Вывидѣли важное преимущество руководства господина Смарагова передъ руководствомъ господина Кайданова въ томъ, что первое основательно знакомитъ насъ съ гражданскимъ устройствомъ дѣйствовавшихъ на поприщѣ средней исторіи, государствъ. Впрочемъ — наибольшая разниа только въ подробности и пріятности изложенія: подробность, можетъ-быть, уже слишкомъ мелкая, на сторонѣ руководства господина Смарагова; пріятность — несомнѣнно на сторонѣ руководства Кайданова: вы помните, какъ плавно, цвѣтисто, красиво рассказываетъ дѣла великихъ минувшихъ вѣковъ почтенный профессоръ царскосельскаго лицея? У него только частенько прескакиваютъ «общія мѣста», которыхъ мы вообще не замѣтили у господина Смарагова. Неимнующеся у господина Кайданова показаніе источниковъ, гдѣ можно изучать фактъ въ болѣе подробной подробности, — дѣло хорошее; зато мы не можемъ одобрить повсюду разбросанныхъ у господина Смарагова, никуда не приклеенныхъ, то въ скобкахъ, то между точекъ, именъ, и полу-фразъ нигдѣ необъясненныхъ; на примѣръ: «*Монофизиты. — Генетиконъ. — Варварское происхожденіе Юстиніана (Управда).*» По предисловію автора къ его руководству для изученія древней исторіи, эти слова и полу-фразы долженъ изустно объяснить преподаватель. Но всякой ли имѣетъ преподавателя? Между-тѣмъ онѣ возбуждаютъ и не удовлетворяютъ любопытство внимательнаго читателя. Онъ ни какъ не можетъ повѣрить предисловію, будто это предметы неважные, когда онъ находитъ: «*Сношенія Гаруна-Аль-Рашида съ Карломъ Великимъ*» и тому подобныя вещи.

Въ-заключеніе мы должны сказать, что замѣтили нѣсколько небольшихъ ошибокъ историческихъ, очень много нелѣпостей и пропасть ошибокъ типографскихъ въ собственныхъ именахъ, до того что они иногда почти на одной и той же страницѣ напечатаны тройко и ученикъ остается въ неизвѣстности, какъ ихъ читать. Приведемъ, для своего оправданія, по двѣ, по три такія ошибки и неясности: всѣхъ исчислить невозможно, тѣмъ болѣе что многія завлекли бы насъ въ подробныя доказательства, — трудъ слишкомъ обширный для критики краткаго руководства.

Господинъ Смараговъ говоритъ, что прославленная испанская королева Изабелла, съ мужемъ своимъ, Фердинандомъ, подрыла въ своемъ государствѣ могущество духовенства посредствомъ учрежденія инквизиціи. А всѣмъ извѣстно, что Изабелла еще увеличила вліяніе духовенства на дѣла государственныхъ, не дѣлая ни шагу безъ совѣту своихъ духовниковъ и поставивъ главу испанской церкви въ своемъ государственномъ совѣтѣ первымъ послѣ себя и мужа; инквизиція же введена въ Испанію ея любимцемъ, кардиналомъ Химе-

несомъ для усиленія своей власти. Господинъ Смараговъ говоритъ, что въ Аравіи не успѣла образоваться собственная, національная литература; между-тѣмъ всѣмъ извѣстно, какъ она богата и самобытна. О слѣдующемъ мѣстѣ мы уже не знаемъ что и думать: невѣрность ли тутъ знанія или ошибка типографская. Господинъ Смараговъ говоритъ, что «*провансальскіе поэты именовали себя трубадурами, troubadours, trobatores, ибо сопровождали свои веселые сонеты и канцоны арфою и другими музыкальными инструментами.*» Если это напечатано такъ, какъ хотѣлъ сказать почтенный авторъ, то мы изъ его объясненія рѣшительно не понимаемъ, отчего провансальскіе поэты назывались трубадурами, развѣ осмѣлился сдѣлать предположеніе, что подъ словомъ музыкальные инструменты разумѣется труба. Но это было бы нелѣпо. Хорошо, что мы знаемъ, что испанское названіе трубадура, trovador, произносится тробадоръ, происходитъ отъ слова trovar, находить, и значитъ то же самое, что французское trouver.

Происхожденіе партій гвельфовъ и гибеллиновъ, въ Италіи, не объяснено удовлетворительнымъ образомъ: мы нашли только словопроизводство ихъ названій, — что они происходятъ отъ имени саксонскаго и франконскаго императорскихъ домовъ, вельфовъ и вейблингеновъ; а какъ эти партіи — одна стала держать сторону германскаго императора, а другая папы, этого ни откуда не видно. Въ описаніи государственнаго устройства Германіи, въ третьемъ періодѣ среднихъ вѣковъ, господинъ авторъ говоритъ, что тогда «*война стала зависѣть отъ государственнаго сейма, особливо съ-тѣхъ-поръ, какъ огнестрѣльное оружіе вытѣснило изъ употребленія рыцарское вооруженіе и мѣсто рыцарей заступила пѣхота, состоявшая изъ наемниковъ; ибо съ того времени чины не сами шли на войну, а давали деньги для найма войскъ: имъ было легче ходить самимъ на войну, чѣмъ жертвовать на то деньгами.*» Откровенно признаемся, что не понимаемъ этого мѣста: какъ такъ люди не стали сами ходить на войну потому, — это «потому» должно предполагать въ двосточіи — что имъ легче было самимъ ходить на войну? — «Съ-тѣхъ-поръ какъ Карлъ, графъ Шаролъ, названный Смѣлымъ, наследовалъ престолъ бургундскій, главною цѣлію бургундской политики стало . . . . фантастическое преобразование придворной жизни и, наконецъ, тотъ своеобразный героизмъ, который составляетъ главный характеръ германскаго рыцарства.» Хороша политика! Между-тѣмъ господинъ Смараговъ увѣряетъ насъ, что планы Карла-Смѣлаго не уступали, обширностью, планамъ Александра Великаго, — если не ошибаемся, потому что въ книгѣ стоитъ Александръ «В.» — Вотъ, кромѣ двухъ вышепоказанныхъ, всѣ остальные планы Карла: пріобрѣтеніе совершенной независимости отъ Франціи и соединеніи бургундскихъ земель завоеваніемъ Лотарингіи, которая ихъ раздѣляла. Судите же, какъ много сходства между планами герцога бургундскаго и героя македонскаго. — Вотъ какъ господинъ авторъ объясняетъ и оправдываетъ политику греческаго императора Алексія противъ крестоносцевъ, составлявшихъ первое правильное ополченіе. «Что, если эти страшныя войны, которые не походили на сподвижниковъ Петра и Вальтера,

вздумають обратить свое оружіе противъ византійской имперіи, какъ то и предлагалъ другимъ вождямъ неукротимый Боэмундъ? Что будетъ съ освобожденнымъ Иерусалимомъ и съ землями, которыя крестоносцы, можетъ-быть, завоюютъ въ Азіи? Эти вопросы, (оба) касавшіеся самаго существованія Восточной Имперіи, необходимо должны были обратить на себя вниманіе Грековъ, и будемъ ли мы обвинять въ низкой политикѣ Алексія, если онъ желалъ принять предохранительныя мѣры противъ крестоносцевъ? Конечно, онъ самъ требовалъ у Запада помощи противъ Сельджуковъ; но могъ ли онъ предвидѣть подобныя ополченія? Чтобы отвратить опасность, безсильный Алексій долженъ былъ хитрить съ Латинцами и самъ средствомъ онъ достигнулъ своей цѣли: дѣйствуя скрытно, *лестя набожному восторгу однихъ, честолюбію другихъ, поспѣвая раздоры и вражду между пришельцами, онъ заставилъ крестоносцевъ присягнуть ему въ вѣрности и заранее признать себя его васалами въ завоеванныхъ земляхъ*; только благодушный Танкредъ, опытный Раймундъ, душа котораго гнушалась всякихъ козней, ничего не хотѣлъ знать о клятвахъ императору. *Такимъ образомъ опасность миновала Византію.* Какое же это объясненіе, какое оправданіе? Почтенный авторъ показалъ намъ только паружность дѣйствій Алексія, не показавши, чѣмъ онъ подчинилъ себя, слабому владыкѣ, сильныхъ крестоносцевъ; чистота же дѣйствій императора видна изъ самыхъ словъ господина Смарагова: онъ хотѣлъ не обезопасить себя со стороны Франковъ, а усилиться на ихъ счетъ. Изложеніе другихъ неясностей заняло бы слишкомъ много мѣста; мы укажемъ только на соперничество Фредегонды и Брунегильды, на краткое нежеланіе папы вѣнчать Карла Великаго императорской короною; на раздоръ Филиппа IV, короля французскаго, съ папами въ отношеніи къ графу Фландрскому; на миръ, заключенный между Англичанами и Французами въ 1347 году; на войну французскаго короля Карла V съ королемъ наваррскимъ Бертраномъ; заведенную англійскимъ королемъ Генрихомъ VII постоянную лейбъ-гвардію, причисленную авторомъ къ его мѣрамъ строгости; на «чану», которую Пій II воспретилъ Богемцамъ. Кромѣ того во многихъ мѣстахъ господинъ Смараговъ говоритъ о лицахъ и событіяхъ раньше времени, не ознакомивъ съ ними читателя.

Наконецъ насчетъ ошибокъ типографскихъ. Хотя въ нихъ извиняется почтенный авторъ въ предисловіи къ своему руководству для изученія древней исторіи, однако эта статья весьма важна: ученикъ совершенно сбивается, встрѣчая одно и то же имя каждый разъ въ различныхъ видахъ, напримѣръ Корвиль и Корванъ; Фридригеръ, Фридригеръ и Фриттигеръ; Скандербергъ, Сканденбергъ и Скандербергъ; Азы и Аисы, и прочая. Притомъ не худо бы исправить и правописаніе итальянскихъ именъ Brunelleschi, Michelozzo произносится не Брунеллески и Михеллоццо, а Микеллоццо, Брунеллески; Brescia — не Бресція, а Брешия; оттуда—Брешскій, а не Бресчанскій.

Съ этими замѣчаніями мы оставляемъ книгу господина Смарагова. Болѣе положительнымъ судомъ объ ней будетъ продолжительность ея существованія.

Буря. Драма Шекспира. Съ англійскаго, Н. Сатинъ. Москва, 1840.

Что Шекспиръ былъ гений самый универсальный, всеобъемлющій, какой когда-либо существовалъ, это доказывается каждою его пьесой. Онъ равно могучъ, оригиналенъ и естественъ въ трагедіи и въ комедіи, въ исторической драмѣ и въ фантастической сказкѣ; онъ столько же неограниченно властенъ надъ нашимъ смѣхомъ сколько и надъ нашими слезами; обладаетъ всеми источниками страсти и остроумія, глубокомыслія и тонкой наблюдательности; одинаково неистощимъ въ изобрѣтеніи ужаснаго и смѣшнаго; одинаково проникателенъ въ представленіи міра воображаемаго и дѣйствительнаго, и на всемъ этомъ напечатлѣна у него истина характеровъ, правдоподобіе природы и естественность чувствъ. Его идеальныя существа также правдоподобны и естественны какъ и дѣйствительныя характеры, потому что, если принять, что эти существа есть, то они могутъ быть только таковы какими изобразилъ ихъ Шекспиръ, могутъ чувствовать, говорить и дѣйствовать только такъ, какъ онъ заставляетъ ихъ дѣйствовать, говорить и чувствовать. Онъ изобрѣлъ для нихъ особый языкъ, особые свойства имѣ обычаи, привычки и чувства, отъ страшныхъ проклятій трехъ вѣдьмъ въ Макбетъ до воздушнаго, игриваго, гениа Аріеля, отъ проказъ и болтовни Пука до странныхъ рѣчей и движеній урода Калибана.

«Буря»—одно изъ самыхъ оригинальныхъ и совершеннѣйшихъ произведеній Шекспира: онъ выказалъ тутъ свои разнообразныя способности во всей ихъ силѣ. Человѣческіе и воображаемые характеры, драматическіе и смѣшные, здѣсь сложены, соединены, съ величайшимъ искусствомъ. Могучій волшебникъ Просперо, изгнанный изъ своего герцогства, но окруженный множествомъ духовъ, всегда готовыхъ исполнять волю своего повелителя; дочь его Миранда, для которой онъ занимается тайною наукой, и которая является богиней его уединеннаго острова; Фердинандъ, случаемо заброшенный въ гавань своего счастья; духъ Аріель; дикій Калибанъ, — полу-звѣрь, полу-демонъ, — пьяные матросы..... все находится въ тѣсной, непрерывной связи одно съ другимъ, и никакъ не можетъ быть выпущено безъ нарушенія гармоніи цѣлаго. Даже мѣсто дѣйствія, такъ-сказать, вымыто изъ одного куска съ сюжетомъ. Просперовъ очарованный островъ, воздушная музыка, крутимый бурей корабль, бушующія волны, составляютъ необходимые аксессуары, ландшафтъ, въ глубинѣ прекрасной картины

Превосходнѣйшими мѣстами въ пьесѣ, — кромѣ мастерскаго изображенія чистой, истинной любви Фердинанда и Миранды, — по справедливости почитаются два монолога Просперо, первый, который слѣдуетъ за исчезновеніемъ вызванныхъ имъ воздушныхъ видѣній;

второй, когда онъ стрекается отъ своего чародѣйства. Но мы вкратцѣ покажемъ содержаніе всей пѣссы, и тогда эти мѣста, въ прекрасномъ переводѣ господина Сатина, сами собой войдутъ въ составъ нашего обозрѣнія.

Дѣйствіе первое. Сцена первая. Море. Корабль. Буря съ громомъ и молніею. Капитанъ и боцманъ командуютъ матросами, подстрекаютъ ихъ въ работѣ и отдѣлываются отъ пассажировъ, которые, какъ и всѣ пассажиры въ свѣтъ, при видѣ опасности, вмѣшиваются не въ свое дѣло, надобѣдаютъ разспросами, совѣтами и только увеличиваютъ безпорядокъ. Смятеніе становится общимъ, слышны крики, корабль тонетъ, и всѣ спѣшатъ къ молитвѣ, единственному спасенію въ-минуту гибели. Вторая сцена на островѣ, близъ Просперовой пещеры. Нѣжное, доброе сердце, Миранды не можетъ вынести страшнаго зрѣлища бѣдствія; она проситъ отца, чтобы спасъ утопающихъ.

«Родитель мой, когда своимъ искусствомъ  
Заставилъ ты такъ волны бунтовать,  
То утиши ихъ. — Кажется, что небо  
Дождило бы на землю съ высоты  
Пылающей и смрадною смолою,  
Когда бъ валы, вздымаясь до небесъ,  
Огонь небесъ собой не утушали!  
Страдала я, взирая на страданія  
Несчастныхъ. Какъ! прекраснѣйшій корабль,  
Наполненный твореній благородныхъ,  
Весь въ дребезгахъ! Ихъ вопль отозвался  
Въ моей душѣ. Бѣдняжки! всѣ погибли!  
О, если бъ я была могучимъ богомъ,  
Низринула бъ я въ бездну это море  
И не дала бъ ему я поглотить  
Несчастныхъ жертвъ и ихъ корабль прелестный!»

Просперо. Покойна будь, оставь напрасный страхъ,  
И своему чувствительному сердцу  
Скажи, что всѣ остались невредимы.

Миранда. О, горькой день!

Просперо. Вреда нѣтъ ни кому.

Я сдѣлалъ все, влекомый попеченьемъ  
Къ тебѣ, моя единственная дочь!  
Не знаешь ты, кто ты, откуда самъ я.  
Ты думаешь, что бѣдный твой отецъ  
Властитель лишь пещеры этой бѣдной!

Миранда. Мнѣ никогда желанье больше знать  
Не кралось въ мысль.

Просперо. Теперь настало время

И ты должна знать болѣе. Дай руку,  
И помоги мнѣ снять волшебный плащъ.

(Снимаетъ плащъ.)

Такъ, хорошо! Покойся здѣсь искусство!  
Утѣшься дочь, утри остатокъ слезъ.  
Го зрѣлище, которымъ состраданье  
Въ твоей душѣ такъ сильно потряслось,  
Я произвелъ могуществомъ искусства,

Съ намѣреньемъ; но такъ, что ни одинъ  
Изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ живыхъ твореній,  
Которыхъ вопль ты слышала вдали,  
Которыхъ ты погибшими считала,  
Ни волоса съ главы не потерял!  
Свѣдь, ты теперь узнаешь еще много.

Миранда. Ты начиналъ мнѣ часто говорить  
О томъ, кто я; но всякой разъ въ началѣ  
Ты свой рассказъ внезапно прерывалъ,  
И оставлялъ меня соображеньямъ.  
Кончая такъ: «не время, подождемъ!»

Просперо. Такъ, но теперь настало это время.  
Насталъ тотъ часъ, въ который ты должна  
Услышать все. Внимаше, повинуйся!  
Припомнишь ли о времени ты томъ,  
Когда еще мы здѣсь не поселились?  
Не думаю. Не болѣе трехъ лѣтъ  
Имѣла ты.

Миранда. Нѣтъ, помню, мой родитель,  
Не многое.

Просперо. Скажи жъ, что помнишь ты?  
Другой ли домъ, или лицо другое?...  
Скажи мнѣ все, что память сохранила.

Миранда. Все такъ темно; теперь припоминаю  
Объ этомъ я, какъ будто обо снѣ.  
Мнѣ помнится, что я всегда имѣла  
Вокругъ себя не меньше питерыхъ  
Служительницъ.

Просперо. Ты болѣе имѣла.  
Но какъ живешь еще въ твоей душѣ  
О прошломъ такъ давно — воспоминанье?  
Ну, что еще ты видишь въ темнотѣ  
И въ глубинѣ время давно минувшихъ?  
Ты, можетъ-быть, припомнишь и о томъ,  
Какъ мы съ тобой сюда переселились?

Миранда. Однако нѣтъ, того не помню я.

Просперо. Двѣнадцать лѣтъ тому, моя Миранда,  
Двѣнадцать лѣтъ тому, какъ твой отецъ  
Былъ герцогомъ Милана и могучимъ  
Властителемъ.

Миранда. Такъ ты мнѣ не отецъ?

Просперо. Нѣтъ, мать твоя, живая добродѣтель,  
Сказала мнѣ что я былъ твой отецъ;  
А твой отецъ былъ герцогомъ Милана,  
А ты, его единственная дочь,  
Наслѣдница...

Миранда. Какое же несчастье,  
Надъ нами такъ жестоко подшутивъ,  
Насъ бросило на этотъ голый островъ?  
Иль счастье насъ перенесло сюда?

ПРОСПЕРО. Несчастіе и вмѣстѣ счастье было.  
Дитя мое, ты права! Надо мной  
Несчастіе жестоко подпудило;  
Но къ счастью мы прибыли сюда.

МИРАНДА. Какъ кровь моя мнѣ сердце обливаешь  
При мысли той, что пробудила я  
Тяжелыя въ тебѣ воспоминанья  
О горестяхъ, которыхъ даже слѣды  
Во мнѣ исчезъ! Но продолжай, родитель.

ПРОСПЕРО. Антоніо, твой дядя, а мой братъ....  
Но слушай же, прошу, со всею вниманьемъ.  
Бываетъ ли когда коварный братъ!...  
Я по тебѣ всего сильнѣе въ мірѣ  
Его любилъ. Ему я поручилъ  
Все герцогство во власть и управленье...  
Тогда оно сильнѣе было всѣхъ  
Другихъ герцогствъ, и первымъ былъ Просперо;  
Онъ не имѣлъ соперниковъ нигдѣ  
Въ своей любви къ свободному искусству!  
Всего себя наукамъ посвятилъ,  
Я передалъ занятія престоломъ  
Антоніо; а самъ остался чуждъ  
Его дѣламъ. Въ таинственность науки  
Я былъ вполне, всею сердцемъ погруженъ...  
Коварный братъ. — Но слушай же, Миранда!

МИРАНДА. Внимательно я слушаю тебя.

ПРОСПЕРО. Извѣдавъ все пружины управленья,  
Сталъ милости съ расчетомъ раздавать,  
И понялъ онъ, кого возвысить должно,  
Или кого низвергнуть съ высоты  
За то, что онъ возвысился; и, словомъ,  
Пересоздалъ онъ всѣхъ созданныхъ мной,  
Хочу сказать, что всѣхъ моихъ придворныхъ,  
Онъ измѣнилъ, или вновь образовалъ.  
Такъ овладѣвъ вполне ключомъ державнымъ  
Отъ высшихъ мѣстъ и отъ сердецъ людей,  
Онъ все сердца настроилъ по желанью;  
И скоро самъ все кричи, все сильнѣй,  
Обвилъ какъ плоть властительное древо,  
И высосалъ сокъ зелени моей...  
Прошу тебя, вниманье; ты не слышишь.

МИРАНДА. О, мой отецъ, я слушаю тебя!

ПРОСПЕРО. А я, забывъ все выгоды мірскія,  
Я въ тишинѣ хотѣлъ обогатить  
Мой жадный умъ таинственной наукой,  
Которая, когда бы такъ не была  
Таинственна, въ народномъ уваженіи  
Конечно бы стояла выше всѣхъ!  
И быстро росъ въ моемъ коварномъ братѣ  
Враждебный духъ; доверчивость моя,  
Врожденная хорошему родному,  
Коварство въ немъ столь сильно развило,

Сколь сильную имѣлъ въ него я вѣру.  
Дѣйствительно, безъ мѣры, безъ границъ  
Къ нему питалъ я и любовь и вѣру.  
Онъ овладѣлъ доходами и всею,  
Что въ правѣ былъ я требовать какъ герцогъ,  
И до того онъ правду затемнилъ  
Въ своемъ умѣ, что наконецъ повѣрилъ,  
Какъ истинъ, безстыдной лжѣ;  
Увѣрился, что пользуясь правами  
Властителя и исполняя все  
Наружные обряды управленья,  
Онъ герцогъ самъ: — и властолюбья духъ  
Питался въ немъ безумнымъ убѣжденьемъ...  
Ты слышишь ли?

МИРАНДА. Расскажь твой, мой отецъ,  
Отъ глухоты излечить по-неволѣ.

ПРОСПЕРО. Чтобы вполне съ желаніемъ своимъ  
Согласовать характеръ своей роли,  
Къ престолу онъ послѣдній сдѣлалъ шагъ;  
Мнѣ, бѣдняку, моя библіотека  
Была престоль; и онъ, предположивъ,  
Что царствовать я вовсе не способенъ,  
Условился съ враждебнымъ королемъ  
Неаполя (такъ жаденъ былъ онъ власти!)  
Платить ему съ покорностію дань  
И подчинить коронѣ королевской  
Герцогскую; и герцогство мое  
Могучее — безстыдно въ униженіе  
Повергнуто! О, бѣдный мой Милань!

МИРАНДА. О, Небеса!

ПРОСПЕРО. Замѣть его условия  
И дѣйствія, и мнѣ скажи потомъ,  
Родной ли братъ способенъ это сдѣлать?

МИРАНДА. О бабушкѣ дурное мнѣ грѣшно  
Предположить; но добрая утроба  
Не-разъ дурныхъ раждала сыновей!

ПРОСПЕРО. Но слушай, вотъ въ чемъ были ихъ условия:  
Мой старый врагъ, Неаполя король,  
Склоняется на убѣжденья брата,  
Чтобы взаменъ покорности его  
И дани — я не знаю сколь великой,  
На-вѣкъ меня со всею моимъ семействомъ  
Отъ герцогства немедля отрѣшивъ,  
Все почести и мой Миланъ прелестный  
Отдать ему. Чтобы это совершить,  
Измѣнниковъ они толпу набрали,  
И вотъ, въ одну условленную ночь  
Антоніо имъ отворилъ ворота,  
И въ самую глухую темноту  
Изгнали насъ съ тобою изъ Милана.  
Ты плакала...

Мираида. Какъ грустно, Боже мой!  
Не помню я, какъ плакала тогда я,  
Но хочется заплакать мнѣ опять!  
Въ моихъ глазахъ ужъ чувствую я слезы!

Просперо. Но слушай же, я объясню тебѣ  
Съ подробностію, зачѣмъ я вызвалъ бурю:  
Безъ этого не кстати бѣ мой разговоръ.

Мираида. Но отъ чего жѣ они насъ не убили?

Просперо. Да, дочь моя, вопросъ твой справедливъ,  
Онъ вызванъ былъ въ тебѣ моимъ разговоромъ.  
Они убить тогда не смѣли насъ:  
Я былъ всегда любимъ моимъ народомъ;  
Не смѣли знакъ кровавый положить  
Они на свой безсовѣстный поступокъ;  
Они его старались облачить  
Наружностію сколь можно благородной.  
Поспѣшно насъ до барки довели  
И отвезли на ней далеко въ море,  
Гдѣ былъ готовъ, давно изгнившій ботъ  
Безъ парусовъ, безъ мачтъ и не снащенный;  
Предчувствуя опасность, изъ него  
Перебрались давно уже всѣ крысы!  
Въ немъ бросили насъ вопли посылая  
Къ волнамъ морскимъ, бушующимъ подъ нами,  
А вздохами звать въ тоскѣ къ вѣтрамъ,  
Которые какъ-бы изъ состраданья  
Сильнѣе насъ вздыхали намъ въ отвѣтъ;  
Но намъ своимъ участіемъ лишь вредили.

Мираида. Я бременемъ тогда тебѣ была?

Просперо. О нѣтъ, мой другъ, была ты херувимомъ —  
Спасителемъ! Какъ улыбалась ты,  
Небесною исполненная силой,  
Тогда какъ я въ печали кроплялъ  
Морскую хлѣбъ горючими слезами!  
Я надъ тобой съ отчаяньемъ стоналъ,  
А ты во мнѣ улыбкой пробуждала  
Могучую рѣшимость перенести  
Все то, что насъ въ грядущемъ ожидало!

Мираида. Но какъ-же мы до берега достигли?

Просперо. Намъ помогло святое Провидѣнье  
И Гонзало, совѣтникъ короля,  
Назначенный изгнать насъ изъ Милана.  
Онъ сжалился, и намъ немного далъ  
Рѣчной воды, необходимой пищи,  
Потомъ еще прибавилъ онъ бѣлье,  
Матеріи, богатая одежда,  
Все нужное, которое потомъ  
На островъ намъ очень пригодилось.  
Онъ былъ такъ добръ, что даже не забылъ,

Какъ я любилъ занятія наукой,  
И нѣсколько доставилъ онъ мнѣ книгъ,  
Которыя дороже мнѣ престола!  
Мираида. Какъ я его желала бѣ увидеть!

Просперо. Но я встаю, а ты сиди и слушай,  
Какъ на морѣ окончился нашъ путь.  
Мы прибыли сюда, на этотъ островъ;  
Я началъ самъ воспитывать тебя,  
И сдѣлала ты бѣлае успѣховъ,  
Чѣмъ многія изъ царственныхъ дѣвицъ,  
Которыя въ ничтожныхъ развлеченьяхъ  
Проводятъ дни и у которыхъ нѣтъ  
Наставниковъ столь ревностно прилежныхъ,  
Каковъ отецъ для дочери своей.

Мираида. Зато тебя самъ Богъ вознаградитъ!  
Теперь прошу тебя, о мой родитель,  
Я всё-еще встревожена, скажи,  
Зачѣмъ же ты на море вызвалъ бурю?

Просперо. Узнай, мой другъ: не понимаю какъ,  
Но счастье на островъ нашъ приводитъ  
Моихъ враговъ; предвѣдѣньемъ моимъ  
Я усмотрѣлъ звезду въ моемъ зенитѣ:  
Она блеститъ благоприятно мнѣ!  
Но если я теперь ея влияньемъ  
Пренебрегу, то всѣ мои дѣла,  
Всѣ, съ каждымъ днемъ все будутъ хуже, хуже,  
И наконецъ разстроятся совсѣмъ.  
Но прекрати теперь свои вопросы,  
Ты хочешь спать; скорѣй, предайся сну;  
Онъ принесетъ тебѣ успокоенье;

Не въ силахъ ты противиться ему!  
(Мираида засыпаетъ.)  
Явись сюда, явись, слуга мой вѣрный,  
Мой Аріель, приближься, я готовъ!  
(Является Аріель.)

Аріель. Я предъ тобой, могучій повелитель,  
Ученый мужъ, привѣтствую тебя!  
Готовъ всегда свершать твои желанья,  
Велишь ли ты летѣть мнѣ, или плыть,  
Велишь ли ты мнѣ погрузиться въ пламя  
Или нестись верхомъ на облакахъ,  
Во всемъ тебѣ послушенъ Аріель,  
А съ нимъ и всѣ товарищи его!

Просперо. Духъ, точно ль такъ ты произвелъ ту бурю,  
Которую тебѣ я заказалъ?

Аріель. Все сдѣлано какъ повелѣлъ Просперо!  
Я на корабль Алонзо вдругъ попалъ,  
И съ всѣхъ сторонъ, на палубѣ, въ каютахъ,  
Я зажигалъ отчаянье и страхъ!  
По-временамъ дѣлился самъ на части  
И падалъ вдругъ на многія мѣста;

На стѣнгу и на бугшприть и на рен  
Нежданое бросаль я пламя врознь,  
Потомъ его въ одно соединяль я!  
И молнія, предвѣстница громовъ,  
Не такъ быстра, какъ я былъ въ это время.  
Казалось, Нептунъ былъ осажденъ  
На этотъ часъ огнемъ ревущей свры;  
И самъ его трезубецъ трепеталь  
И въ ужасѣ вздымались его волны!

ПРОСПЕРО. Мой храбрый духъ, спасибо! Былъ ли тамъ  
Хотя одинъ довольно твердый духомъ,  
Чтобъ бѣдный свой разсудокъ уберечь?

АРИЕЛЬ. Нѣтъ, ни души: трясла всѣхъ лихорадка  
Безумія. Всѣхъ ужасъ оковаль!  
На корабль остались лишь матросы,  
А прочіе, отъ моего огня,  
Изъ корабля всѣ бросились въ море.  
Сынъ короля Алонзо,—Фердинандъ,  
Съ торчащими отъ ужаса власами,  
(Похожими скорѣе на камышъ)  
Былъ первый тамъ, и закричалъ бросаясь:  
«Адь опустѣль, его всѣ черти здѣсь!»

ПРОСПЕРО. Ну, хорошо! Но близокъ ли былъ берегъ?

АРИЕЛЬ. Близехонько.

ПРОСПЕРО. А всѣ ли спасены?

АРИЕЛЬ. На головахъ не стибъ единый волосъ!  
Ручаюсь я, что даже на одеждахъ,  
Которыя несли ихъ по водѣ,  
Нѣтъ пятнышка; онъ свѣжѣй чѣмъ прежде.  
И помни все, что ты мнѣ приказалъ.  
По острову я всѣхъ ихъ разбросалъ.  
Сынъ короля, вотъ такъ скрестивши руки,  
Сидитъ одинъ въ пустынномъ уголкѣ  
И вздохами тамъ освѣжаетъ воздухъ!

ПРОСПЕРО. Но гдѣ теперь матросы и корабль?  
Что сдѣлалъ ты съ остатками ихъ флота?

АРИЕЛЬ. Я къ пристани корабль ихъ подогналъ;  
Ты помнишь тотъ глубокой закоулокъ,  
Куда меня призвалъ ты разъ въ полночь,  
Чтобъ я тебѣ собралъ росу въ Бермудахъ?  
Тамъ скрытъ корабль, онъ безопасенъ тамъ.  
Матросы въ немъ забились подъ люки,  
И крѣпкимъ сномъ почиютъ отъ трудовъ,  
Покорные моимъ могучимъ чарамъ.  
А главный флотъ я въ морѣ разметалъ;  
Но онъ теперь соединился снова,  
И невредимъ стремится по волнамъ,  
Печально путь въ Неаполь направляя,  
Увѣренный, что самъ король погибъ!

ПРОСПЕРО. Ты совершилъ прекрасно порученье;  
Но много дѣлъ намъ предстоитъ еще.  
Который часъ?

АРИЕЛЬ. Ужъ перешло за полдень.

ПРОСПЕРО. Такъ, сткляпки двѣ. Духъ! до шести часовъ  
Осталось намъ съ тобой пустое время;  
Съ расчетомъ мы употребимъ его.

АРИЕЛЬ. Какъ! мнѣ еще работа предстоитъ?....»

Ариэлю наскучила служба, онъ просится на волю, напоминаетъ свои труды, оказанныя услуги, и тѣмъ старается убѣдить своего повелителя. Но тотъ говоритъ, что время еще не пришло и, въ свою очередь, напоминаетъ какъ спасъ его отъ злой колдуньи Сикораксы, у которой Ариэль прежде былъ въ услуженіи и которая, за провинность, защемила непокорнаго духа въ сосновый пенъ; наконецъ Просперо грозитъ, что опять защемитъ его, туда же, и Ариэль, со страху, винится, проситъ прощенія и готовъ безпрекословно исполнять всѣ желанія могучаго чародѣя. Просперо велитъ Ариэлю преобразиться въ морскую нимфу и когда тотъ возвращается въ этомъ видѣ, онъ даетъ ему еще приказаніе, тайно, потому что Миранда между-тѣмъ проснуплась. Ариэль опять исчезаетъ. На зовъ Просперо, приходитъ Калибанъ дикій, строптивый, покорный только тогда, когда Просперо нашьлетъ на него своихъ духовъ, чтобы кололи, мучили, кусали его; это — звѣрь, имѣющій только внѣшнее, физическое, подобіе чловѣка, существо одаренное только грубыми инстинктами и лишенное всякой нравственной силы, всякаго чувства, отличающаго разумную природу отъ животной; это — крайняя противоположность идеи добра, нравственнаго могущества и силы ума, олицетворенныхъ въ Просперо. При первомъ появленіи своемъ, Калибанъ изрыгаетъ одни проклятія на того, кого считаетъ своимъ притѣснителемъ, ктѣ ограничиваетъ его дикую волю.

«Я самъ себя былъ королемъ сначала.  
Вы прибыли . . . . я сдѣлался рабомъ;»

говоритъ онъ. Просперо возражаетъ угрозой и напоминаетъ о добрѣ, которое сдѣлалъ ему и котораго неблагодарный не понимаетъ;

«Да, я ласкаль тебя какъ чловѣка,  
Я раздѣляль съ тобой одно жилье,  
Но ты, презрѣнный рабъ принять не можешь  
Ни одного блага впечатлѣнья.  
Твореніе способное лишь къ злу!  
Прибывъ сюда, я бралъ въ тебѣ участие,  
Училъ тебя работать, говорить,  
Чтобъ высказать ты могъ свои понятія:  
Ты лишь мычалъ тогда какъ дикій звѣрь;  
Я одарилъ твое мышленье словомъ!  
Но доброе съ твоею злою природой  
Я никогда не могъ соединить,  
Я вынужденъ былъ бросить трудъ напрасный . . .

Калибанъ. Да, говорить меня вы научили,  
И я могу теперь васъ проклинать!  
Пусть поразить васъ красная болѣзнь,  
За то, что я умью говорить!»

Но уstraшенный новыми угрозами, онъ снова смиряется, сознается самъ себѣ, что Просперо «такъ могучъ, и такъ силенъ искусствомъ, что самъ Сетевосъ, духъ зла, не въ силахъ съ нимъ успѣшно побороться,» и идетъ исполнить данное себѣ приказаніе — нанести дровъ. Онъ уходитъ. Является Аріель, который будучи невидимъ никому кромѣ Просперо, поетъ, играетъ на инструментъ и тѣмъ привлекаетъ за собой Фердинанда, сына неаполитанскаго короля Алонзо. Первая встрѣча его съ Мирандой. Онъ думаетъ что одинъ только онъ спасся изъ разбитаго бурею корабля, и предлагаетъ свою руку и тронъ прекрасной дѣвушкѣ, которая съ перваго взгляду очаровала его, и которую онъ считаетъ богиней, царицею пустыннаго острова. Просперо, устроившій эту встрѣчу, чтобы испытать твердость принца, представляется строгимъ, грозитъ, и обращается съ нимъ какъ съ плѣнникомъ. Миранда, умоляетъ отца быть снисходительнѣе къ прекрасному юношѣ, но тщетно. Просперо приказываетъ ему слѣдовать за собой, и между-тѣмъ даетъ Аріелю новое приказаніе.

Первая сцена втораго дѣйствія представляетъ другую часть острова. Гонзало, старый честный неаполитанскій совѣтникъ, утѣшаетъ своего короля Алонзо, и старается убѣдить его разсужденіями, что потеря ихъ еще уравнивается счастливому спасенію, подаетъ надежду, что и сынъ могъ спастись. Алонзо не поддается на утѣшенія, а прочіе, братъ его Себастьянъ, Антонио, братъ Просперовъ, и другіе придворные подшучиваютъ надъ этими утѣшеніями. Всего содержанія этого живаго, игриваго разговору пересказать вкратцѣ невозможно: надобно читать его въ цѣломъ. Наконецъ является Аріель. Всѣ засыпаютъ, кромѣ Себастьяна и Антонио. Антонио, изгнавшій своего брата, Просперо, изъ Милана и овладѣвшій его престоломъ, старается подстрекнуть честолюбіе Себастьяна, чтобъ также послѣдовалъ его примѣру. Удобный случай породилъ въ немъ эту мысль, и онъ тотчасъ же сообщаетъ ее своему товарищу, осторожно, тонко, намѣками.

«Въ какое странное забытѣе они впали!» говоритъ онъ, глядя на спящихъ. «Они какъ-будто сговорились все вмѣстѣ заснуть; какъ-будто громъ ихъ зашибъ.

«О, другъ Себастьянъ!  
Какую власть имѣемъ мы въ рукахъ!  
Но я молчу. . . Я, кажется, читаю  
Въ твоемъ лицѣ то, чѣмъ ты долженъ быть.  
Тебѣ совѣтъ самъ случай подаетъ,  
А пылокое мое воображеніе  
Рисуетъ мнѣ, какъ на твою главу  
Неаполя корона упадетъ!»

Себастьянъ. Ты спишь или нѣтъ?

Антонио. Да развѣ ты не слышишь?

Себастьянъ. Я слышу; но конечно  
Ты говоришь, Антонио, во снѣ.  
Ты точно спишь! ну, что сказалъ ты мнѣ?  
Какъ можно спать съ открытыми глазами!  
Вотъ страшный сонъ! стоять и говорить,  
И двигаться и вмѣстѣ спать глубоко!

Антонио. Себастьянъ, ты позволяешь спать  
Пль умирать неслыханному счастью!  
Не сжавши ты глаза свои закрыть.

Себастьянъ. Однако ты храпишь довольно ясно;  
Я нахожу въ твоемъ храпѣннѣ смыслъ.

Антонио. Серіознѣе теперь я чѣмъ бываю,  
И ты, какъ я теперь, серіозенъ будь.  
Пойми меня, ты вырастишь въ три краты!

Себастьянъ. Ну, хорошо, теперь я какъ вода  
Стоячая.

Антонио. Я дамъ тебѣ теченье.

Себастьянъ. Попробуй; а наслѣдственная лѣнь  
Меня, увѣ, отливу только учить!

Антонио. Когда бъ ты зналъ, какъ любишь ты мечту,  
Которую ты на-смѣхъ поднимаешь!  
Стараніе твое ее прогнать  
Еще сильнѣй тебя связуетъ съ нею.  
Какъ часто ты, въ которыхъ капли нѣтъ  
Рѣшимости, боязнью или лѣнью  
Доводятся безъ ведома до цѣли!

Себастьянъ. Прошу тебя скорѣе объясниться.  
Твое лицо и выраженіе глазъ  
Мнѣ говорятъ о чемъ-то очень важномъ,  
И, кажется, не даромъ мысль твоя  
На блѣдой свѣтъ такъ медленно родится.

Антонио. Увидишь самъ.—Хотя синьоръ болтливой  
И съ памятью короткою, какъ та,  
Которую оставитъ онъ по смерти,  
Успѣлъ почти увѣрить короля,  
(Имѣетъ умъ онъ лишь для увѣреній!)  
Что сынъ его не потонулъ и живъ,  
Однако же, ему все также трудно  
Не потонуть, какъ трудно плавать тѣмъ,  
Которые здѣсь спятъ.

Себастьянъ. Конечно!  
Надѣяться не смѣю я, чтобъ онъ  
Не потонулъ.

Антоніо. О, чудныя надежды  
Ты оснуешь на безнадежности!  
Повѣрь, когда надеждъ ты не имѣешь  
Съ той стороны, зато онъ съ другой  
Обширны такъ, что честолюбыя взоръ,  
Хотя бъ жемаль, не можетъ дальше видѣть.  
Не хочешь ли со мной предположить,  
Что Фердинандъ погибъ во время бури?

Себастьянъ. Да, онъ погибъ.

Антоніо. А если такъ, скажи,  
Неаполя наследникомъ кто будетъ?

Себастьянъ. Кларибела.

Антоніо. Которая теперь,  
Любезный другъ, въ Тунисъ королевой,  
Живетъ отъ насъ за тридѣять земель!  
Чтобъ въ-время доставить ей извѣстья,  
Намъ солнышко придется попросить  
Курьеромъ быть; жилищу луны едва ли  
Туда поспѣть. Она такъ далеко,  
Что до нее пока дойдутъ извѣстья,  
То вырасти успѣетъ борода  
У мальчиковъ, на этихъ дняхъ рожденныхъ!  
Мы за нее чуть не погибли всѣ;  
Но я и ты, мы двое спасены  
Лишь ддятого, чтобъ дѣло совершить.  
Которому прошедшее прологомъ  
Должно служить, а все грядущее  
Наполнится должно тобой и мною!

Себастьянъ. Богъ знаетъ, что ты хочешь мнѣ сказать!  
Алонзо дочь въ Тунисъ королевой,  
Я знаю самъ, и знаю, что она  
Наследница Неаполя; хоть, правда,  
Она отъ насъ немножко далеко  
Теперь живетъ.

Антоніо. Мнѣ кажется, я слышу,  
Что каждый футъ пространства ей кричитьъ:  
*«Въ Неаполь какъ пробраться Кларибелъ,  
«Попробуй-ка она насъ перейти!»*  
Нѣтъ, пусть она останется въ Тунисъ;  
А ты проснись, проснись Себастьянъ!  
Предположи, что истинною смертью  
Здѣсь вмѣсто сна они поражены.  
Навѣрное имъ было бы не хуже!  
Нашелся бы конечно и король,  
Чтобъ управлять Неаполемъ; синьоры  
Болтливые Гонзало можетъ-быть!  
Я самъ бы могъ болтать, ей-ей, не хуже!  
О, если бы ты думалъ такъ какъ я,  
Ты въ этомъ снѣ увидѣлъ бы возможность  
Возвыситься.—Что, понялъ ли меня?

Себастьянъ. Да, кажется.

Антоніо. Ну, какъ же ты встрѣчаешь  
Нежданную фортуна?

Себастьянъ. Помню я,  
Какъ ты ссадилъ съ миланскаго престола  
Просперо.

Антоніо. Да, и самъ съѣлъ на престолъ.  
Зато, смотри, не больше ль мнѣ къ-лицу,  
Чѣмъ нѣкогда, теперь мои одежды?  
Я подданнымъ Просперо равенъ былъ,  
Въ нихъ подданныхъ теперь я самъ имѣю!

Себастьянъ. А совѣсть?

Антоніо. Э! что совѣсть? Гдѣ она?  
Когда бъ она была въ ногѣ ознобой,  
Такъ въ туфли бы припряталъ я ее!  
Въ груди же я, признаться откровенно,  
Не чувствую такого божества!  
А если бъ въ ней нашлось, чтобъ путь къ престолу  
Мнѣ заградить, хоть двадцать совѣстей,  
То все онъ замерзнуть и растаятъ  
Скорѣе, чѣмъ мнѣ загородятъ путь!  
Здѣсь спитъ твой братъ, и былъ бы онъ землею  
Не лучше той, которая подъ нимъ,  
Когда бъ былъ тѣмъ, на что походить сонный!  
На вѣчную постель его тотчасъ  
Я уложу послушной этой сталью  
А ты межъ-тѣмъ на-вѣкъ заставь молчать  
Ходячее благоразумье это,  
Чтобъ онъ не могъ противорѣчить намъ.  
А остальныхъ намъ нечего бояться:  
Покорные всегда и всѣмъ, они  
На нашу мысль вѣ бросятся, какъ кошки  
На молоко, и будутъ исполнять  
Все, что мы съ тобой присудимъ нужнымъ.

Себастьянъ. Поступокъ твой, да будетъ мой примѣръ,  
Любезный другъ; я получу Неаполь,  
Какъ нѣкогда ты получилъ Миланъ.  
Винъ мечъ, одинъ ударъ—и ты свободенъ  
Отъ подати, а я всегда готовъ  
Тебя любить.

Антоніо. Мечи мы вмѣстѣ вынемъ,  
И только-что я руку подниму,  
И ты за мной, и поражай Гонзало.

Себастьянъ. Постой, еще дай слово мнѣ сказать!  
*(Они разговариваютъ тихо. Слышна музыка.  
Ариэль является невидимкою.)*

Ариэль. Наукою своей мой повелитель  
Узналъ, что здѣсь въ опасности друзья,



И ихъ спасти прислалъ онъ Аріеля;  
Нето прощай все, что задумалъ онъ.

*(Поетъ надъ ухомъ Гонзало.)*  
Пока вы спите, заговоръ  
Не спитъ и скоро совершится;  
Теперь-лишь сномъ закрыть вашъ вѣръ,  
Тогда же смертью онъ затьмится!  
Кто хочетъ жить, тотъ берегись,  
Стряхни свой сонъ, проснись, проснись!

Антоніо. Ударимъ же скорѣй и оба, вмѣстѣ!  
*(Антоніо и Себастьянъ обнажаютъ мечи.)*

Гонзало *(просыпаясь)*.  
О, Ангелы! спасите короля!  
*(Всѣ просыпаются.)*

Алонзо. Что сдѣлалось? Скорѣе всѣ вставайте!  
Зачѣмъ у васъ мечи обнажены,  
И отъ чего такъ страшны ваши взоры?

Гонзало. Что сдѣлалось?

Себастьянъ. Не понимаю я!  
Пока мы здѣсь вашъ сонъ оберегали,  
Вдругъ раздался какой-то глухой ревъ,  
Какъ-будто бы быки, или львы рыкали.  
Васъ этотъ шумъ конечно разбудилъ?  
Мой бѣдный слухъ онъ поразилъ ужасно.

Алонзо. Я не слыхалъ.

Антоніо. О, шумъ такъ силенъ былъ,  
Что испугать онъ могъ бы и чудовище,  
И землю онъ поколебать бы могъ!  
На-вѣрное тутъ цѣлыми стадами  
Рыкали львы.

Алонзо. Ты не слыхалъ, Гонзало?

Гонзало. Мой государь, я вамъ клянусь честью,  
Мнѣ страшное какое-то жужжанье  
Послышалось, и пробужденный имъ,  
Я закричалъ и бросился будить васъ;  
Когда же я открылъ мои глаза,  
Я увидалъ ихъ съ голыми мечами.  
Да, точно такъ, здѣсь былъ какой-то шумъ,  
И хорошо намъ взять предосторожность,  
Или совсѣмъ отсюда намъ уйти.  
Хоть обнажимъ мечи, по-крайней-мѣрѣ.

Алонзо. Пойдемте же, попробуемъ еще,  
Поищемте потеряннаго сына.»

Во второй сценѣ, въ другой части острова, встрѣчаются Калибанъ  
шутъ Тринкуло и пьяный ключникъ Стефано. Первый является  
Калибанъ; онъ, по обыкновенію, сыщлетъ проклятія на Просперо, но

увидавъ Тринкуло и принявъ его за духа, который посланъ для  
наказанія его, въ страхъ, ложится ничкомъ на землю. Тринкуло  
говоритъ:

«Здѣсь нѣтъ ни кусточка, ни деревца, гдѣ бы можно было спрятаться  
отъ дурной погоды; а другая буря приближается. Я слышу, какъ она по-  
пѣваетъ! Это огромное, черное облако, которое прогуливается тамъ, похо-  
же на худую бочку, которая, того и жди, выпуститъ изъ себя всю жид-  
кость. Ну, если громъ разгремится по-прежнему, куда я спрячу свою го-  
лову? А облако непременно сейчасъ лопнетъ и выльетъ воду цѣлыми  
ведрами.—*(Увидавъ Калибана)*. Что это такое? Человѣкъ или рыба? Мерт-  
вый или живой!... Рыба!... И пахнетъ точно рыба; такъ и несетъ отъ нее  
старой, тухлой рыбой, какъ-будто отъ не-совсѣмъ свѣжей трески! Стран-  
ная рыба! Еслибъ я былъ теперь въ Англии—я былъ тамъ когда-то—и если  
бы я имѣлъ хотя рисунокъ этой рыбы, я увѣренъ, что не осталось бы ни  
одного р. тозья, который бы не отдалъ мнѣ часть своихъ денегъ! Вотъ  
тамъ-то это чудовище обогатило бы своего владѣльца! Тамъ обогащаетъ  
всякое странное животное. Они не дадутъ мѣдной монеты, чтобы помочь  
безногому нищему и заплатятъ десять, чтобы взглянуть на мертваго Индій-  
ца!... У него ноги, какъ у человѣка, и его плавательныя перья похожи на  
руки; кланусь честью; онъ еще тепелъ! О, теперь не остается никакого  
сомнѣнія, это не рыба, это житель острова, котораго только-что убило  
громомъ! *(Слышенъ громъ)*. Ай, ай! буря опять начинается; мнѣ ничего  
не остается дѣлать, какъ спрятаться подъ его балахонъ;—другаго убѣжища  
я здѣсь не вижу. Несчастіе даетъ иногда человѣку странныхъ постельныхъ  
товарищей! Спрячусь здѣсь, пока угомонится буря.

*(Ложится подъ одежду Калибана. Входитъ Стефано распѣвая, и съ  
бутылкою въ рукѣ.)*

Стефано. *(Поетъ.)*

Въ море, въ море не хочу я,  
Здѣсь, на сушѣ и умру я!...

Дурной напитокъ для похоронной пѣсни!  
Но въ горѣ вотъ утѣха въ чемъ моя!

*(Пѣетъ и потомъ поетъ.)*

Нашъ шкиперъ, юнга, боцманъ, я,  
Пушкарь, помощникъ пушкаря,  
Мы всѣ имѣемъ по милашкѣ;  
Мы всѣ привязаны, друзья,  
Кто къ Маргаритѣ, кто къ Малашкѣ!...  
Одной лишь Кати удалой  
Морякъ любовью не тревожитъ....  
Вишь, будто запахъ смоленой  
Переносить она не можетъ!  
Подлѣзь-ка къ ней изъ насъ какой,  
Такъ съ бранью прочь она отскочитъ,  
А всѣмъ извѣстно, что портной  
Ее щекочетъ тамъ, гдѣ хочетъ!...  
Для насъ лишь со злостью языкъ у нее,  
Такъ въ море жь, ребята, и къ чорту ее!

Опять напитокъ ужасно не хорошъ!  
Но вотъ моя утѣха въ огорченіи!

Калибанъ. Прошу, не мучь меня, о, о!

*(Пѣетъ.)*

Стефано.

Что это такое! Нѣтъ ли здѣсь чертей? Не вздумали ли они для потѣхи наряжаться дикими или индійскими людьми? Вздоръ! Я не длятого спасся отъ потопленія, чтобы испугаться вашихъ четырехъ ногъ! Обо мнѣ не даромъ говорили: «Самый твердый человекъ, который когда-либо ходилъ на четверенькахъ, не спшибень его съ ногъ!» И это будетъ говорить, пока Стефано будетъ вдыхать воздухъ своими поздринами!

Калибанъ. Духъ, духъ, не мучь меня, о, о!

Стефано. Это какое-нибудь чудовище здѣшняго острова; чудовище съ четырьмя ногами и, какъ мнѣ кажется, у него должна быть лихорадка. Чортъ возьми! Гдѣ бы оно могло выучиться говорить по нашему? За это одно я готовъ помогать ему. Ежели мнѣ удастся вылечить его, сдѣлать ручнымъ и увезти въ Неаполь, это будетъ подарокъ, достойный любого императора, который когда-либо топталъ бычачью кожу!

Калибанъ. Прошу тебя, не мучь меня!  
Я понесу дрова скорѣе!

Стефано. Оно теперь въ припадкѣ, и оттого говорить не совсемъ складно. Дать ему отвѣдать изъ моей бутылки, ежели оно никогда не пило вина, то вино сейчасъ уничтожитъ его припадокъ. Ежели я его вылечу и успѣю сдѣлать ручнымъ, то за сколько бы я его ни продалъ, а все будетъ слишкомъ дешево. Оно вознаградитъ своего владѣльца за все убытки, и вознаградитъ порядкомъ!

Калибанъ. Пока ты мнѣ не сдѣлалъ много зла;  
Но ты меня сейчасъ же начнешь мучить;  
Да, вижу я, какъ ты трясешься весь.  
Знать на тебя ужъ действуетъ Просперо.

Стефано. Ну, ну, поворачивайся! Разинь ротъ! Вотъ это развяжетъ твой языкъ, котѣнокъ! Разинь ротъ, это уничтожитъ твою дрожь; уничтожитъ совершенно, повѣрь мнѣ. Ты и не знаешь кто тебѣ другъ! Ну, разинь свою пасть еще.

Тринкуло. Мнѣ знакомъ этотъ голосъ: это.... Да нѣтъ, онъ утонулъ; это черти!... О, Господи помилуй!...

Стефано. Четыре ноги и два голоса! О, какое прелестное чудовище! Его передній голосъ служитъ ему длятого, чтобы хорошо относиться о своемъ другѣ, а его задній голосъ длятого, чтобы произносить безумныя слова и поносить друга. Хотя бы я долженъ былъ употребить все вино изъ моей бутылки, я вылечу его отъ лихорадки. Ну, аминь, любезный! Постой же, я волью немного въ твой другой ротъ.

Тринкуло. Стефано!

Стефано. Твой другой ротъ зоветъ меня! Ай, ай, ай! это чортъ, а не чудовище. — Уйти отъ него по-скорѣе, у меня нѣтъ длинной ложки!

Тринкуло. Стефано! Ежели ты Стефано, дотронуся до меня, заговори со мной. Я Тринкуло, не бойся, твой добрый пріятель Тринкуло.

Стефано. Ежели ты Тринкуло, такъ вылезай оттуда. — Подожди, я попробую вытащить тебя за самыя маленькія ноги; ежели тутъ есть ноги Тринкуло, такъ это вѣрно онъ. Въ самомъ дѣлѣ ты Тринкуло, самъ Трин-

куло! Какъ это тебѣ привелось сдѣлаться пометомъ этого мяснаго клуба? Неужели онъ можетъ разрѣшаться Тринкулами?

Тринкуло. Я думалъ, что онъ убить громомъ. — Ты не утонулъ Стефано? Надѣюсь теперь, что ты не утонулъ! Прошла ли буря? Я отъ нее спрятался подъ балахонъ этого мертваго мяснаго клуба. — Такъ ты живъ, Стефано! О, Стефано! Два Неаполитанца спаслися!

Стефано. Пожалуйста не верти меня такъ, желудокъ мой не слишкомъ крѣпокъ.

Калибанъ. Вотъ славныя творенья или духи!  
Вотъ славный богъ съ напиткомъ неземнымъ!  
Я преклоню предъ нимъ мои колѣни.

Стефано. Ну, какъ же ты спасся? Какъ же ты попалъ сюда? Клянись этой бутылкой рассказать мнѣ, какъ ты попалъ сюда! Я спасся на бочкѣ вина, которую матросы бросили съ борта. Клянусь этой бутылкой, которую я состригаль собственными руками изъ древесной коры, какъ-скоро вышель на твердую землю.

Калибанъ. И я клянусь бутылкою твоею  
Тебѣ всегда послушнымъ быть рабомъ!  
Напитокъ твой, клянусь, неземной!...

И дикій уродъ въ восторгъ спрашиваетъ «не съ неба ли ты сошелъ?» простодушно вѣрить словамъ Стефано, который отвѣчаетъ что сошелъ съ луны, и клянется вѣкъ служить ему какъ своему владыкѣ.

Стефано. Пожалуйста безъ дальнихъ разговоровъ показывай дорогу. — Тринкуло, король и все наши потонули, а потому слѣдуетъ намъ войти во владѣніе этого острова. Возьми, носи мою бутылку, товарищъ Тринкуло; скоро мы опять наполнимъ ее по горло.

Калибанъ. (Пьяный, начинаетъ пѣть.)

Прощай, мой хозяинъ, прощай навсегда!

Тринкуло. Горластое чудовище! Пьяное чудовище!

Калибанъ. (Поетъ.)

Не довить мнѣ рыбы сътью,  
Не рубить ему дрова;  
Не терпѣть ударовъ плетью,  
Не сносить его слова!

Банъ, Банъ, Ка-Калибанъ,  
Для тебя хозяйничай повой,  
Не сердитой, не суровой  
Прилетѣлъ изъ лунныхъ странъ!

Свобода! У, у! Свобода, свобода! У, у! Свобода!

Стефано. Ну, храброе чудовище, показывай дорогу!  
(Всѣ уходятъ.)

Третье дѣйствіе открывается чудною, очаровательною картиною любви Фердинанда и Миранды.

«Фердинандъ. Въ горести бываютъ наслажденья;  
И самое страданье придаетъ

Какую-то особую имъ прелесть!  
 Есть случаи, въ которыхъ можемъ мы  
 Унизиться себя не унижая;  
 Какъ часто мы до чуднаго конца  
 Доходимъ вдругъ изъ грустнаго начала!  
 Такъ низкій трудъ, которымъ занятъ я,  
 Былъ для меня конечно бѣ нестерпимымъ,  
 Когда бѣ она, которой я служу,  
 Все мертвое собой не оживляла  
 И радостью, не сдѣлала бѣ мой трудъ!  
 О, столько разъ добра она душею,  
 Во сколько разъ отецъ ее суровъ;  
 А право, онъ изъ грубости весь сдѣланъ!  
 Онъ приказалъ мнѣ тысячи полнѣнъ  
 Переносить, и здѣсь сложить ихъ въ кучу;  
 А дочь его тихонько слезы льетъ,  
 Когда меня работающимъ видитъ,  
 И говорить, что никогда еще  
 Столь низкое занятѣе не имѣло  
 Работника такого, каковъ я!  
 И мнѣ светло отъ этой сладкой мысли,  
 И легко мнѣ мой непривычный трудъ!

(Входятъ Миранда и Просперо. Просперо остается въ некоторомъ разстояніи.)

Миранда. Опять! Прошу не будьте такъ прилежны  
 О, если бы хоть молнія сожгла  
 Всѣ гадкія, уродливыя бревна,  
 Которыя вы складывать должны!  
 Ну, бросьте же полно, отдохните.  
 Оно въ огнѣ заплачетъ оттого,  
 Что васъ теперь собою утруждаетъ!  
 Родитель мой въ науки погруженъ,  
 Я васъ прошу, присядьте, отдохните;  
 Свободныхъ намъ конечно три часа.

Фердинандъ. Благодарю! Но солнце съестъ успѣтъ,  
 А я еще не кончу мой урокъ.

Миранда. Садитесь здѣсь, а я за васъ полнѣнъ  
 Начну носить; вотъ дайте это мнѣ,  
 Его сейчасъ я положу на мѣсто.

Фердинандъ. Нѣтъ, милое созданье, я готовъ  
 Переломить скорѣе себѣ спину  
 И мускулы порвать, чѣмъ видѣть васъ  
 Униженной до этого занятя,  
 А самому спокойно здѣсь сидѣть.

Миранда. Но это мнѣ занятіе прилично  
 Равно какъ вамъ; и вѣрьте, мнѣ вашъ трудъ  
 Сноснѣй чѣмъ вамъ; во мнѣ его исполнить  
 Желанье есть, котораго въ васъ нѣтъ.

Просперо (въ сторону).

Бѣдняжка Ты заразилась ядомъ!  
 И твой приходъ не трудно объяснить.

Миранда. Устали вы?

Фердинандъ. Нѣтъ, чудное созданье.  
 Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, когда со мною вы,  
 Я чувствую прохладу утра—ночью!  
 Скажите мнѣ, прошу, какъ васъ зовутъ,  
 Чтобы я могъ въ молитвахъ ваше имя  
 Упомянуть.

Миранда. Мирандой. (Въ сторону.) Мой отецъ!  
 Нарушила твое я запрещенье!

Фердинандъ. Чудесная Миранда! Вы вполне  
 Достоянная любви и уваженья,  
 Вы, лучшее что въ мірѣ этомъ есть.  
 Да, нравилось мнѣ много женщинъ въ свѣтъ,  
 Не-разъ мой слухъ ихъ голосъ обольщала....  
 Я многія достоинства во многихъ  
 Тогда любилъ, но никогда одной  
 Моя душа вполне не предавалась!  
 Въ ихъ качествахъ я открывалъ всегда  
 Какой-нибудь ужасный недостатокъ!...  
 Но вы.... О, вамъ подобной нѣтъ!  
 Достоинства вы все въ себѣ храните,  
 Вы созданы изъ дивныхъ совершенствъ!

Миранда. Я женщины ни-разу не видала,  
 И женскія черты знакомы мнѣ  
 Лишь по моимъ, которыя случалось  
 Мнѣ въ зеркалѣ моемъ порой видать.  
 И изъ мужчинъ лишь-только двухъ я знаю:  
 Васъ, добрый другъ, и моего отца,  
 Не знаю я, какъ созданы другіе,  
 Но я клянусь вамъ скромностью моею —  
 Сокровище она въ моемъ приданомъ —  
 Что кромѣ васъ я въ жизни никого  
 Товарищемъ имѣть бы не желала;  
 Что лучше васъ представить ничего  
 Не въ силахъ мнѣ мое воображенье!  
 Но, кажется, что заболталась я:  
 Родителя забыла я уроки!

Фердинандъ. Прекрасная! Я по рожденью принцъ,  
 (А можетъ-быть теперь уже король я,  
 Хоть всей душой желалъ бы имъ не быть!)  
 Я никогда не снесъ бы униженья,  
 Какъ не снесу того, чтобъ надъ губой  
 Вертѣлася докучливая муха....  
 Но слушайте, что скажетъ вамъ душа:  
 Лишь-только васъ я увидала, Миранда,  
 Невольно я вамъ предался вполне,  
 Душа моя рванулась къ вамъ на встрѣчу,  
 Я сдѣлался покорнымъ вамъ рабомъ,  
 Я сдѣлался послушнымъ дровосѣкомъ  
 Для васъ, для васъ!

Миранда. Вы любите меня?

Фердинандъ. Клянуся въ томъ землей и небесами!  
 О, ежели я правду говорю,  
 То пусть мои желанья увѣнчаютъ  
 Вполнѣ успѣхъ; но ежели я лгу,  
 Тогда пускай во зло преобразится  
 Все доброе, назначенное мнѣ!  
 Я васъ люблю любовью безпредѣльной,  
 И выше всѣхъ я въ мѣрѣ васъ цѣню!

Миранда. Какъ глупо, что отъ радости я плачу!

Просперо (*въ сторону*).

Вотъ рѣдкое сочувствіе сердець!  
 Да низойдетъ же съ неба благодать  
 На ихъ союзъ, и пусть она растеть  
 У нихъ въ душѣ!

Фердинандъ. За чѣмъ же эти слезы?

Миранда. Надъ слабостью моею плачу я,  
 Которая вамъ предложить не смѣетъ  
 То, что душа желала бъ вамъ отдать!  
 Которая принять отъ васъ не смѣетъ  
 То, безъ чего бъ я вѣрно умерла!  
 Ребячество! Чѣмъ больше я стараюсь,  
 Что чувствую, въ душѣ моей сокрытъ,  
 Тѣмъ болѣе я душу открываю.  
 Прочь ложный стыдъ! Чтобъ душу всю излать,  
 Пусть чистая невинность дастъ мнѣ силы.  
 Хотите ли, я буду вамъ женой?  
 А если нѣтъ, то дѣвою умру я!  
 Когда меня вы не хотите взять  
 Подругою, готова въ услуженье  
 Я къ вамъ итти; нельзя жъ вамъ отказать!

Фердинандъ. Нѣтъ, должно вамъ прекрасное созданье,  
 Повелѣвать! Я буду какъ теперь  
 Васъ обожать и вамъ повиноваться!

Миранда. И будете супругомъ вы моимъ?

Фердинандъ. О, съ радостью, какую ощущаетъ  
 Несчастный рабъ свободу получивъ!  
 Моя рука!

Миранда. А вотъ моя, и съ нею  
 Моя любовь. Прощайте же пока,  
 На полчаса.

Фердинандъ. Разъ тысячу прощайте!

(*Фердинандъ и Миранда уходятъ.*)

Просперо. Хотѣю не могу я такъ же, какъ они,  
 Быть восхищенъ (для нихъ все это ново)!  
 Но, признаюсь, вполнѣ доволенъ я!  
 Занятъ мнѣ еще осталось много  
 До ужина. За книгу сяду вновь.

(*Уходитъ.*)

Затѣмъ опять являются полу-пьяные шутъ, ключникъ и Калибанъ,  
 потомъ невидимка Аріель, который подслушиваетъ, сбиваетъ ихъ  
 разговоръ своими вставками, и чрезъ это заставляетъ ихъ драться.  
 Тутъ опять пропасть каламбуровъ и острогъ, которыхъ у Шекспира  
 цѣлое море, и которыхъ въ переводѣ болѣею частью теряютъ свой  
 цвѣтъ. Калибанъ рассказываетъ пьяному Стефано про богатства и  
 могущество Просперо, про его дочь Миранду и подаетъ совѣтъ,  
 какимъ образомъ можно убить его, и завладѣть всѣмъ этимъ.

«Чудовище, я убью этого челвѣка! восклицаетъ Стефано: его дочь и я,  
 мы будемъ здѣсь королемъ и королевой. Да здравствуютъ наши величества!  
 Тринкуло и ты, вы будете вице-королями. Какъ тебѣ это правится, Трин-  
 куло?»

«Прелосходно!» отвѣчаетъ Тринкуло, который однако жъ не очень  
 интересуется новымъ титуломъ: онъ все пошвааетъ и подшучиваетъ.  
 Еще до этого онъ сказалъ:

«Слуга-чудовище! безобразіе здѣшняго острова! говорятъ, что насъ только  
 пятеро на этомъ островѣ. Изъ пятерыхъ здѣсь трое; ежели у остальныхъ  
 двухъ головъ въ такомъ же порядкѣ какъ у насъ, государство шатается.»

На-радостяхъ будущіе короли и вице-короли начинаютъ пѣть.  
 Аріель наигрываетъ имъ на свирѣли и бьетъ въ барабанъ. Тринку-  
 ло и Стефано въ страхѣ. Калибанъ ихъ утѣшаетъ. «Ничего, гово-  
 ритъ онъ, не бойся,

..... весь островъ голосами  
 И звуками наполенъ здѣсь всегда;  
 И слухъ они собою восхищаютъ,  
 Но никогда не причиняютъ зла.  
 То тысячи звучать здѣсь инструментъ въ,  
 То голоса, отъ сна вдругъ пробудивъ,  
 Опять меня ввергаютъ въ усыпленье!  
 И въ снахъ моихъ я вижу облака  
 Открытымъ; и тамъ, за облаками,  
 Богатый мѣръ, готовый на меня  
 Какъ будто бы съ высотъ съ нихъ излиться!  
 И хочется проснувшись мнѣ тогда  
 Заснуть опять!

Стефано. Да это превосходное королевство! Музыку я буду имѣть даромъ.

Калибанъ. Когда убьешь Просперо.

Стефано. За этимъ дѣломъ не станеть! Я помню твой рассказъ.

Тринкуло. Звуки удалятся; пойдемъ-те за ними и кончимъ наше дѣло.

Стефано. Ступай, чудовище, показывай дорогу. Я хочу непременно видѣть  
 этого барабанщика. Онъ славно барабанитъ.

Тринкуло. Идешь ли ты? — Я за тобой, Стефано. (*Всѣ уходятъ.*)

Сцена третья. Другая часть острова. Алонзо, безнадежный, возвра-  
 щается съ напрасныхъ поисковъ за сыномъ, и утомленный садится  
 отдыхать со своимъ совѣтникомъ Гонзало. Антонио опять напомина-

еть Себастьяну, чтобы онъ не пугался первой неудачи и указываетъ новый удобный случай. «Сегодняшнюю ночь!...» говорить онъ:

«Они теперь утомлены ходьбою,  
И имъ нельзя такъ осторожнымъ быть,  
Какъ были бы они въ другое время.

СЕБАСТІАНЪ. Тсъ!... хорошо!... Сегодняшнюю ночь!»

Между-тѣмъ слышится торжественная музыка, входятъ разныя маски и приносятъ столъ съ кушаньями; танцуютъ, кланяются и движеніями приглашаютъ короля со свитой кушать. Просперо въ продолженіи всей сцены находится въ высотѣ невидимкой, Алонзо и его свита изумлены чудомъ, однако жъ наконецъ рѣшаются послѣдовать приглашенію. Вдругъ громъ и молнія. Является Ариель въ видѣ гарпій. Онъ машетъ крыльями надъ столомъ, отчего всѣ блюда исчезаютъ, и говорить:

АРИЕЛЬ. «Я вижу трехъ преступниковъ! Судьба,  
Которая всѣмъ въ мірѣ управляетъ,  
Заставила насытую волну  
Васъ изрыгнуть на островъ сей безлюдный;  
Среди людей вы недостойны жить!  
Я всѣхъ троихъ васъ предаю безумью!

(Алонзо, Себастьянъ и прочіе обнажаютъ мечи)

О, вы теперь храбритесь; но напрасно,  
И храбростью похожи вы на тѣхъ,  
Которые въ безуміи своемъ  
Повѣситься хотятъ или утопиться!  
Безумные! Товарищи и я  
Судьбы святой мы исполняемъ волю,  
И ваша сталь не такъ закалена,  
Чтобъ нанести ударъ ревущей бурѣ,  
Чтобъ умертвить уругую волну,  
Или повредить одно изъ этихъ перьевъ!  
Равно какъ мнѣ, товарищамъ моимъ  
Сталь не страшна! Но если бы имѣла  
Могущество она насъ одолѣть.  
То въ васъ самихъ достаточно нѣтъ силы,  
Чтобъ тяжестью меча теперь владѣть!  
Но вспомните, — я вамъ пришелъ напомнить,  
Какъ Просперо изгнали вы втроемъ,  
Лишивъ его миланскаго престола!  
Какъ съ дочерью невинной вы его  
Оставили на волю океана,  
Который вамъ теперь лишь отомстилъ.  
Чтобъ наказать за ваше преступленіе,  
Могущество превѣчнаго суда  
Хоть медлило, но мщенія не забыло:  
Противу васъ моря и берега,  
Всѣ существа оно возстановило!  
Алонзо, ты, ты сына имъ лишенъ...  
И сверхъ-того, я всѣмъ вамъ предвѣщаю:  
Несчастія, ужаснѣе чѣмъ смерть,

Привяжутся ко всѣмъ дѣвьямъ вашимъ,  
И будутъ васъ преслѣдовать всегда.  
Да, гнѣвъ его на островъ безлюдномъ  
Отыщеть васъ, и умолитъ его  
Вы можете лишь чистотою жизни,  
И истиннымъ раскаяньемъ души!»

Ариель исчезаетъ при ударахъ грома. Потомъ, при звукахъ тихой музыки, являются прежнія маски, кривляются, танцуютъ и уносятъ столъ. Алонзо, Себастьянъ и Антонио, помѣшанные, убѣгаютъ въ разныя стороны.

Въ началѣ четвертаго дѣйствія, Просперо освобождаетъ Фердинанда отъ испытанія и отдаетъ ему свою дочь. Потомъ снова призываетъ Ариеля и приказываетъ привести толпу духовъ, чтобъ показать молодой четѣ образчикъ своего искусства. Являются Ириса, Церера и Юнона, которые, по-очередно, восхваляютъ хвалу молодымъ супругамъ и предрекаютъ имъ счастье. Превосходная лирическая сцена, которая заключается балетомъ, пляскою жнецовъ. Но вдругъ Просперо вспоминаетъ, что пора готовится отразить злодѣйство Калибана, и спрашиваетъ Ариеля, гдѣ дикій уродъ и его достойные товарищи. Ариель рассказываетъ, какъ очаровалъ ихъ музыкой и завелъ въ вонючее болото. Просперо приказываетъ принести свои одежды изъ пещеры и развѣсить ихъ на веревкѣ для приманки воровъ. Вслѣдъ затѣмъ приходятъ Тринкуло и Стефано, и увидавъ богатые платья, завладеваютъ ими, наряжаются, несмотря на досаду и увѣщанія Калибана, который на этотъ разъ умнѣе своихъ новыхъ господъ. Онъ, въ досадѣ, ругаетъ ихъ и говорить:

«Ну стоить ли такъ медлить за тряпьемъ?  
Оставь его, и кончи прежде дѣло.  
Ну, ежели проснется вдругъ Просперо:  
Изщиплетъ онъ насъ съ головы до ногъ  
И сдѣлаетъ изъ насъ чортъ знаетъ что.»

— «Молчи, чудовище!» говоритъ Стефано, и продолжаетъ болтать и заниматься своимъ новымъ кафтаномъ. Между-тѣмъ является Ариель и выпускаетъ на воровъ стаю собакъ, которыя кусаютъ ихъ и заставляютъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Дѣйствіе пятое. Сцена первая. Передъ пещерою, Просперо, въ волшебномъ плащѣ, и Ариель.

ПРОСПЕРО. Мои дѣла приходятъ къ окончанью.  
Послушенъ мнѣ могучій сонмъ духовъ  
И дѣйствуютъ прекрасно мои чары,  
И время все по-прежнему идетъ  
Подъ ношею своею не спотыкаясь!  
Который часъ?

АРИЕЛЬ. Шестой, мой господинъ,  
Назначилъ ты его для окончанья  
Своихъ трудовъ.

ПРОСПЕРО. Я это говорилъ

Когда еще я начинать лишь бурю.  
Скажи, мой духъ, съ своими гдѣ король?

АРИЕЛЬ. Они теперь все въ томъ же положеньи,  
Въ которомъ ты ихъ отдалъ мнѣ во власть.  
Они въ пѣну, тамъ, въ линовомъ лѣсточкѣ,  
Который близъ жилища твоего,  
И лишь тогда они его оставятъ,  
Когда ты ихъ отъ чаръ освободишь  
Король, твой братъ, братъ короля Алонзо,  
Въ безуміи все трое до-сихъ-поръ;  
А прочіе, все въ ужасѣ и горѣ  
Съ глубокою тоской глядятъ на нихъ.  
Жалчѣй всехъ тотъ, кого ты называешь  
*Гонзало и добрыйшиимъ старикомъ*;  
Но борода его катится слезы  
Какъ зимній дождь по крышѣ камышевой!  
Такъ дѣйствуютъ надъ ними твои чары,  
Что если ты теперь увидишь ихъ,  
То сжалишься надъ ними непременно!

ПРОСПЕРО. Ты думаешь, я точно сжалюсь, духъ?

АРИЕЛЬ. Я бѣ сжалился, когда бѣ былъ человекомъ.

ПРОСПЕРО. И мнѣ ихъ жаль. Когда безплотный духъ  
Ихъ горести сочувствуетъ и тронуть,  
То какъ же мнѣ, природою своею  
Принадлежа вполне тому же роду,  
Мнѣ, у кого, равно какъ и у нихъ,  
Раждаются и страсти и страданья,  
Мнѣ ль тронутымъ не быть сильнѣй тебя?  
Хоть оскорбленъ я ими былъ жестоко,  
Но я мой гнѣвъ разсудку покорилъ.  
Прощеніе всегда отраднѣй мщенья!  
Раскаялись они, и я достигъ  
Въ стремленіи моемъ желанной цѣли;  
Я болѣе на нихъ ужъ не сердитъ!  
Мой Ариель, лети, освободи ихъ.  
Хочу сейчасъ, разрушивъ мои чары,  
Возстановить въ нихъ тронутый разсудокъ,  
И ихъ самимъ себя вновь возвратитъ!

АРИЕЛЬ. За ними я лечу, мой повелитель! *(Исчезаетъ.)*

ПРОСПЕРО. Васъ, эльфы горъ, источниковъ, лѣсовъ  
И тихихъ вѣдъ, и васъ выше эльфы,  
Которые привыкли безъ слѣда  
Преслѣдовать бѣгущаго Нептуна,  
И отъ него безслѣдно убѣгать,  
Когда свой бѣгъ назадъ онъ обращаетъ;  
Васъ любящихъ при мѣсяцѣ чертитъ  
Кружки изъ травъ, столь кислыхъ и противныхъ,  
Что даже ихъ и овцы не ѣдятъ.  
И васъ, кому пріятно заниматься  
Въ полночный часъ рожденіемъ грибовъ;  
Васъ, для кого начало наслажденьямъ,

Когда пробьетъ успокоенья часъ —  
Благодарю! Да, съ помощію вашей,  
Хоть слабые помощники вы все,  
Я затемнилъ полуденное солнце,  
И вѣтры я заставилъ бушевать;  
Межъ небомъ и зеленоватымъ моремъ  
Я пробудилъ режущую войну,  
Я слилъ огонь въ ужасный рокотъ громъ,  
И раздробилъ могучій Зевса дубъ  
Его жъ стрѣлы; я въ твердомъ основаніи  
Заставилъ мысль въ испугѣ трепетать;  
Сосну и кедръ я вырвалъ вопъ изъ корня;  
Я повелѣлъ — проснулись мертвецы,  
Чтобъ выпустить ихъ, отворилъ я гробы  
Могуществомъ искусства моего...  
Отъ этихъ силъ теперь я отрекаюсь!  
Лишь одного осталось мнѣ желать:  
Мнѣ музыки небесной пужны звуки,  
Чтобъ дѣйствовать на чувства тѣхъ людей,  
Которые находятся въ страданьи!  
Когда жъ они подѣйствуютъ на нихъ,  
Я раздроблю тогда мой жезлъ волшебный  
И въ глубь земли зарою я его,  
А книгу такъ глубоко потоплю,  
Что до нее никто не достигнетъ!

*(Слышна торжественная музыка. Возвращается Ариель. За нимъ елф-дуютъ: Алонзо, дѣлалъ неистовыя движенія, сопровождаемый Гонзало; потомъ Себастьянъ и Антонио, въ такомъ же положеніи, какъ Алонзо, сопровождаемые Адрианомъ и Францискомъ. Все они входятъ въ кругъ очерченный Просперо, и остаются охарованными. Просперо наблюдаетъ ихъ и потомъ говоритъ обращаясь къ Алонзо.)*

Твой мозгъ кипитъ безъ пользы въ головѣ.  
Пусть дивный звукъ какъ лучшій утѣшитель  
Для тѣхъ, въ комъ умъ разстроены чѣмъ-нибудь,  
Его собою таинственно излечитъ!  
Останься здѣсь, ты очарованъ мной!

*(Гонзало.)* А ты, старикъ, почтенный мой Гонзало!  
Мои глаза сочувствуютъ твоимъ,  
И братскія ихъ слезы наполняютъ!

*(Въ сторону.)* А! чары ужъ мои ослабѣваютъ.  
Какъ утра лучъ, прорвавшись сквозь ночь,  
Собою мракъ ночной далеко гонитъ,  
Такъ чувства ихъ, проснувшись ото сна,  
Хотятъ прогнать пары неразумья,  
Которые въ нихъ омрачали умъ!

*(Гонзало.)* О, Гонзало, мой истинный спаситель,  
И подданный вѣрнѣйшій короля,  
Въ Миланѣ я словами и дѣлами  
За доброту тебя вознагражу.

*(Алонзо.)* А ты, король, ты поступилъ жестоко  
Съ Мирандою моею и со мной!

(Себастьяну.) Ты вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ проступкѣ,  
Себастьянъ! Теперь наказанъ ты!

(Антоніо.) И ты, мой братъ, ты, кровь моя и тѣло,  
Антоніо! въ которомъ гордый духъ  
Такъ заглушилъ и жалость и природу,  
Который такъ недавно умертвить  
Здѣсь короля хотѣлъ съ Себастьяномъ,  
(За то теперь, смотри, какъ страдаетъ онъ!)  
Я и тебѣ твои вины прощаю,  
Хотя того и не достоинъ ты!

(Въ сторону.) Въ нихъ прибывать понятія начинаютъ!  
Разсудокъ ихъ ужъ близокъ береговъ,  
Пока еще заволоченныхъ грязью.  
Но на меня никто еще не смотритъ,  
Еще никто меня не узнаетъ!...  
Мой Аріель, мой мечъ и мою шляпу,  
Ступай скорѣй и принеси сюда!

(Аріель исчезаетъ.) Я имъ хочу предстать какъ былъ въ Миланѣ.  
Скорѣй, мой духъ! Свободенъ будешь ты.  
(Аріель возвращается, поетъ и помогаетъ Просперу  
одпаваться.)

Аріель (поетъ).

Одною я пищей съ пчелами питаюсь,  
Я въ буквицѣ бѣлой люблю отдыхать;  
Я въ чашечкѣ дивной свернувшись качаюсь,  
Въ тотъ часъ, когда совы начнутъ завывать,  
Порой же съ весельемъ надъ сонной природой  
Люблю я летать на летучихъ мышахъ!...  
Мнѣ весело, весело, будетъ съ свободой  
Порхать или качаясь сидѣть на цветахъ!

Просперо. Благодарю, мой милый Аріель!  
Мнѣ жаль тебя, но будешь ты свободенъ.  
Ну, хорошо! Будь невидимкой ты  
И на корабль Алонзо отправляйся,  
Подъ люками матросы всѣ въ немъ спятъ;  
Тамъ боцмана разбудишь съ капитаномъ  
И ихъ сюда ты приведешь скорѣй.

Аріель. Передъ собой летя я выпью воздухъ,  
И ворочусь я прежде, чѣмъ твой пульсъ  
Не болѣе двухъ разъ успѣетъ стукнуть! (Исчезаетъ.)

Алонзо, Себастьяно и Антоніо, мало-по-малу отъ безумія переходятъ вмѣстѣ съ другими къ изумленію. Начинаются объясненія. Просперо утѣшаетъ его, говоря, что въ послѣднюю бурю самъ лишился дочери, но сковалъ свою грусть терпѣньемъ. Онъ этимъ намѣкаетъ что Миранда теперь принадлежитъ уже не ему, а мужу своему, Фердинанду. Алонзо, и другіе не могутъ понимать этого намѣку и вѣрятъ, что Миранда дѣйствительно утонула. Тутъ Просперо проситъ ихъ заглянуть въ пещеру, которая открывается и въ ней видны Фердинандъ и Миранда, играющіе въ шашки.

Миранда. Вы, кажется, плутуете немножко,  
Мой милый другъ.

Фердинандъ. О, цѣль, моя любовь!  
Нѣтъ, цѣлый свѣтъ я не возьму, повѣрьте,  
Чтобъ сплутовать.

Миранда. Не только цѣлый свѣтъ,  
Вы взяли бы и двадцать королевствъ!  
Но и тогда сказать бы было можно,  
Что сдѣлали вы счастливый ударъ!

Алонзо. О, если вновь обмануть я виднѣемъ,  
То моего единственного сына  
Придется мнѣ два раза потерять!

Себастьянъ. Изъ всѣхъ чудесъ, чудеснѣе это всѣхъ!

Фердинандъ. Хотѣ и грозятъ несчастьями моря,  
Но милостей исполнены онѣ,  
И проклиналъ я безъ причины ихъ!

(Бросается на погамъ отца.)

Алонзо. О, счастливъ я! Дай на твою главу  
Излить скорѣй мои благословенья!  
Встань, и скажи, какъ ты попалъ сюда?

Миранда. О чудеса! Какое здѣсь собранье  
Прелестнѣйшихъ, божественныхъ существъ!  
Какъ міръ хорошъ, съ такими существами!  
О, Боже мой! какъ люди хороши!

Просперо. Да, дочь моя! Тебѣ все это ново!»

Наконецъ Просперо велитъ Аріелю разорвать послѣднія чары, освободить Калибана и двухъ его товарищей. Всѣхъ прощаютъ, и Калибанъ сознается, что ему лучше служить Просперу чѣмъ пьяному шуту и ключнику.

«... Теперь умнѣй я буду.

Все сдѣлаю, чтобъ угодить тебѣ.  
Да, былъ тройнымъ ослomъ я, признаюсь,  
Что въ пьяницѣ я видѣлъ божество  
И уважалъ безумнаго болвана.»

Въ посвященіи господинъ Сатинъ говоритъ, —

«Я отлученъ судьбою былъ отъ міра,  
И тамъ, въ тиши, открылся предо мной  
Волшебный міръ волшебника Шекспира,  
Съ его живой, великой, простотой!  
Тамъ началъ я, средь скорби и страданья,  
Мой переводъ. Нерѣдко въ чудномъ снѣ  
Такъ надо мной Шекспировы созданья  
Носились въ туманной вышинѣ.»

Живыми мнѣ казались эти лица;  
 Я ихъ любилъ, вель съ ними разговоръ...  
 ..... Исчезло свидѣніе!  
 Мой бѣдный трудъ съ-тѣхъ-поръ я довершилъ.  
 Друзья, друзья! отъ горя и разлуки  
 Съ-тѣхъ-поръ и я освобожденъ.....»

Но мы питаемъ пріятную надежду, что это освобожденіе отъ горя не помышаетъ ему продолжать свои, — не бѣдные, но богатые наслажденіями, прекрасные и достойные всякаго уваженія, — труды. Нето, — мы ужасные эгоисты, — мы не задумавшись пожелаемъ ему еще какого-нибудь горя, если это можетъ доставить намъ еще, нѣсколько такихъ переходовъ Шекспира. Мы увѣрены также, что при слѣдующей пьесѣ господинъ Сатинъ постарается придать своему звучному, плавному стиху еще болѣе силы, скатости, крѣпости, и тѣмъ еще ближе поровняется со своимъ высокимъ педантикомъ. Давайте, давайте намъ по-больше такихъ переводовъ, и, увидите, литература русская получитъ совѣтъ иной цвѣтъ! Какъ бы это было хорошо, если бы всѣ тѣ, которые пишутъ романы, подобныя «Упырю» и «Человѣкъ, женщина и дѣмонъ» и стишки въ *Ней* и къ *Лунь*, выучились хорошо переводить на русскій языкъ гениальныя созданія ума и поэзіи другихъ народовъ! А какой огромный запасъ еще не тронуть! Какая масса труда благороднаго и полезнаго еще ждетъ дѣятельныхъ и искусныхъ рукъ!

=

Записки объ Островахъ Уналашкинскаго Отдѣла, составленныя *И. Веніаминовымъ*. Изданныя иждивеніемъ Россійско-Американской Компаніи. Санктпетербургъ, 1840. Двѣ части.

Записки объ атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ. *И. Веніаминова*, составляющія третью часть Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла. Санктпетербургъ, 1840.

=

Сѣверо-западная часть Америки, отъ Берингова Пролива до меридіана Горы Святаго Иліи, или отъ 141° западной долготы отъ Гринича и всѣ острова, лежащіе возлѣ этого берега, принадлежатъ Россіи. Эта обширная страна, граничащая къ востоку съ англійскими владѣніями, населена разноязычными народами. Число ея жителей обыкновенно полагаютъ въ четыреста тысячъ душъ, но это предположеніе произвольное: даже самыя названія народовъ, населяющихъ русскую Америку, не всѣ намъ извѣстны. Главнѣйшіе между ними суть *Колоши* (5,000 душъ), обитающіе на островахъ и отчасти на материкѣ Америки; *Кускоквимцы* (7,000 душъ), живущіе по рѣкѣ

Кускоквиму, впадающей въ Берингово Море; *Алеуты*, или Уналашкинцы (1,500), на Лисьихъ Островахъ и отчасти на Аляксѣ; *Кенайцы* (1,600); *Кадьякцы* или Копяги (1,500); *Атхинцы* (750), и *Аглегмюты* (400 душъ). Между этими поколѣніями обитаетъ около 700 человекъ Русскихъ и до 1,300 человекъ креоловъ, или дѣтей Русскихъ, рожденныхъ отъ Американокъ. Все извѣстное народонаселеніе нашей Америки отецъ Веніаминовъ полагаетъ не болѣе какъ въ сорокъ тысячъ душъ.

Русская Америка раздѣлена на пять главныхъ *отдѣловъ*, — ситхинскій, кадьякскій, уналашкинскій, атхинскій и сѣверный. Всѣ они состоятъ въ вѣдѣніи Россійско-Американской Компаніи, подъ главнымъ управленіемъ начальника колоній, котораго Компанія избираетъ обыкновенно изъ флотскихъ офицеровъ. Въ четырехъ отдѣлахъ Компанія имѣетъ свои конторы, которыми завѣдуютъ правители. Прочіе, меньшіе отдѣлы, состоящіе подъ начальствомъ байдарщиковъ или управляющихъ, причислены каждый къ одному изъ главныхъ отдѣловъ. Отецъ Веніаминовъ, прожившій десять лѣтъ въ томъ краю, и изучившій его основательно, съ любовью, описываетъ только одинъ уналашкинскій отдѣлъ, или ту часть Америки, которая находится между 53° и 56° сѣверной долготы и между 158° и 170° западной долготы отъ Гринича, то есть, отъ острова Амукты до половины Аляксы.

Этотъ край чрезвычайно гористъ: нѣтъ ни одного острова, который бы не имѣлъ горъ, или самъ не составлялъ горы. Всѣ эти горы оканчиваются кверху или кратеромъ или конусомъ или гребнемъ. Вершины всегда покрыты снѣгомъ. Равнинъ вовсе нѣтъ. Съ перваго взгляду можно подумать, говоритъ отецъ Веніаминовъ, что острова русской Америки образовались отъ дѣйствія подземнаго огня: повсюду встрѣчаются обгорѣлыя мѣста и камни; почти на всѣхъ береговыхъ горахъ нѣтъ камней первобытной породы, и на всѣхъ островахъ пластъ земли, состоящій изъ сгнившихъ растений, не толстъ: во многихъ мѣстахъ онъ только-что начинаетъ создаваться. Недавно даже явился изъ водъ новый островъ. Но на нѣкоторыхъ островахъ есть горы изъ чистаго граниту. Это заставляетъ предпологать, что всѣ здѣшніе острова суть остатокъ прежняго материка и первоначально составляли одно цѣлое съ Камчаткою, Чукотскимъ Носомъ и Америкою. Острова эти открыты въ 1741 году, во второе пугешествіе капитана Беринга, который, направляя путь отъ Камчатки къ востоку, увидѣлъ гряду Алеутскихъ Острововъ, подошелъ къ Шумагнскимъ, и стоялъ здѣсь на якорѣ. Но ближайшее знакомство съ этимъ краемъ сдѣлано Готовымъ, начальникомъ судна, принадлежавшаго московскому купцу Никифорову. Въ 1759 году Готовъ присталъ къ Умнаку и пробылъ на этомъ островѣ болѣе двухъ лѣтъ. Онъ первый началъ крестить жителей, и Алеуты очень хорошо помнятъ его какъ перваго посятителя.

Всѣхъ острововъ въ Уналашкинскомъ Отдѣлѣ считается до шестидесяти. Главнѣйшіе изъ нихъ—Унимакъ, Уналашка и Умнакъ.



Унимакъ—самый большой островъ изъ всего архипелага: въ длину онъ простирается до ста семидесяти, въ ширину до шестидесяти верстъ; горы его—самыя высокія и очень замѣчательны волканическими явленіями. На сѣверо-восточной сторонѣ острова лежитъ гребнистый горный хребетъ, начавшій дымиться съ 1825 года. Къ западу отъ него, находятся двѣ очень высокія сопки конической фигуры: одна изъ нихъ, называемая Шишалдинскою, по измѣренію господина Литке, имѣетъ высоты восемь тысячъ девять сотъ пятьдесятъ три англійскихъ фута; съ незапамятныхъ временъ выбрасываетъ изъ своего жерла или пламя или дымъ. Видъ ея совершенно измѣнился въ концѣ 1850 года: въ ноябрь и декабрь на сѣверной ея сторонѣ образовались три довольно большія щели, похожія на раскаленное желѣзо; изъ жерла выходило ужасное пламя и по-временамъ слышенъ былъ подземный громъ, сопровождаемый слабымъ землетрясеніемъ; снѣга и льды, покрывавшіе вершину, стояли совсѣмъ, и въ такомъ видѣ она пребыла до марта. Потомъ обѣ щели закрылись, осенью опять выпалъ снѣгъ, и съ тѣхъ поръ жерло издаетъ только дымъ. Унимакъ въ древности былъ многолюднѣйшій изъ всѣхъ острововъ архипелага. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія считалось здѣсь до двѣнадцати селеній; въ нѣкоторыхъ, какъ напримеръ, въ Погромскомъ, было столько жителей, что цѣлаго кита недоставало на всѣхъ по кусочку. Нынѣ на Унимакъ только одно селеніе, Шишалдинское, и жителей въ немъ всего семьдесятъ душъ, мужескихъ и женскихъ: они живутъ въ величайшей бѣдности отъ скудости и малочисленности промысловъ.

Островъ Уналашка имѣетъ въ длину полтора, въ ширину около пятидесяти верстъ. Горъ довольно и здѣсь, но оконечность острова совершенно плоская и ровная. Во время прибытія Русскихъ на Уналашку, считалось двадцать четыре многолюдныя селенія; но теперь на этомъ островѣ только десять селеній и четыреста семьдесятъ человекъ жителей. Главное селеніе, Гаванское, по преданію, основано промышленникомъ Соловьевымъ, или, позднѣйшему, Соловьевымъ: въ немъ—деревянная церковь съ колокольнею, пять домовъ, и три магазина. Церковь построенная въ 1825, украшена довольно хорошимъ иконостасомъ съ колоннами и рѣзными золочеными рамами работы самихъ Алеутовъ. Компанія имѣетъ здѣсь контору, состоящую подъ вѣдомствомъ правителя, при которомъ находятся конторщикъ, три прикащика и двадцать семь юртъ, принадлежащихъ креоламъ и Алеутамъ. Всѣхъ вообще жителей, Русскихъ и креоловъ, въ 1834 году, было до двухъ-сотъ-семидесяти-пяти душъ. Въ селеніи есть первоначальное училище, открытое 1825, больница на восемь человекъ, воспитательный домъ для сиротъ-дѣвушекъ. Тутъ же находится и главное скотоводство Компаніи. У служителей ея водятся коровы, свиньи, куры, утки, и почти у каждаго есть огородъ, засѣваемый рѣпкою и картофелемъ.

Островъ Унамакъ простирается въ длину на сто двадцать, въ ширину на тридцать верстъ. Онъ открытъ Русскими въ 1759 году.

Тогда было здѣсь двадцать селеній, но нынче осталось только два, Рѣчное и Туглянское; въ обоихъ—жителей сто девять душъ.

Полуостровъ Алякса есть часть сѣверо-западной Америки, простирающаяся къ юго-востоку по направленію главныхъ Уналашкинскихъ Острововъ. Въ длину Алякса имѣетъ семьсотъ пятьдесятъ верстъ, въ ширину отъ пяти до полутора. Селеній здѣсь въ прежнее время было около десяти: нынче только три, Моржевское, Бѣльковское и Павловское, и жителей въ нихъ съ небольшимъ двѣсти душъ. Аляксинскіе Алеуты особенно мастера выдѣлывать вещи изъ кости, а женщины славятся шитьемъ камлей.

На южной сторонѣ Аляксы лежитъ группа Шумагинскихъ Острововъ, которыхъ считается двадцать два. Названіе Шумагинскихъ получили они оттого, что на одномъ изъ нихъ похороненъ матросъ Шумагинъ, изъ экипажа капитана Беринга. Всѣ эти острова покрыты травою, утесисты и особенно изобильны нерпами и птицами различныхъ породъ. Прежде считалось на нихъ до двадцати селеній, расположенныхъ на шести островахъ, но мало-по-малу эти селенія уничтожились.

Островами Прибылова называются два небольшіе острова въ Беринговомъ Морѣ, между 57° и 56° сѣверной широты. Первый изъ Русскихъ нашелъ ихъ штурманъ Гаврило Прибыловъ. Онъ былъ въ службѣ компаніи Лебедева-Ласточкина. По цѣнности котовыхъ и бобровыхъ шкуръ, говоритъ авторъ, Острова Прибылова можно назвать *золотыми*. Не считая песцовъ и морскихъ бобровъ, въ первые тридцать лѣтъ, то есть, до 1817 года, вывезено отсюда больше двухъ съ половиною милліоновъ котовыхъ шкуръ; съ 1817 по 1838 годъ получено до пяти сотъ-осмидесяти-тысячъ шкуръ, то есть, больше нежели на семнадцать милліоновъ рублей.

Обитателями російско-американскихъ острововъ, по мнѣнію отца Вениаминова, всегда были Алеуты, и они поселились на нихъ не слишкомъ давно. Преданія ихъ о мѣстныхъ переворотахъ касаются весьма немногихъ точекъ, между-тѣмъ какъ на каждомъ шагу видны признаки общихъ и довольно свѣжихъ измѣненій почвы. Слѣды ихъ древнихъ селеній еще не изглажены временемъ: вездѣ можно отыскать ямы или мѣста первоначальныхъ юртовъ, которыя едва начинаютъ зарастать травою. Но откуда же пришли сюда эти люди? По ихъ преданію, они первоначально жили гдѣ-то на *большой землѣ*, и авторъ думаетъ, что эта земля была Камчатка, Азія, откуда пробрались они черезъ Курильскіе Острова. Однако жъ между Алеутами и прибрежными обитателями Азіи нѣтъ ни какого сходства ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ образѣ жизни. Напротивъ, Алеуты Лисьихъ Острововъ, наружностію и образомъ жизни, ближе подходятъ къ сѣвернымъ Американцамъ, особенно къ Кадьякцамъ, такъ, что языкъ алеутскій совершенно одного образованія съ кадьякскимъ, которымъ говорятъ почти всѣ племена, населяющія берега сѣверной Америки.

Ростъ Алеутовъ вообще средній, отъ пяти до девяти вершковъ; волосы черные и жестковатые; глаза не большіе и не широкіе, но быстрые и зоркіе; носъ сплюснутый, не короткій и не высокій; зубы бѣлые, чистые, и всегда здоровые; ноги кривые отъ привычки сидѣть на-корточкахъ. Лицомъ они сухощавы; толсто-брюхихъ между ними нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ между мужчинами. Въ работѣ Алеуты не знаютъ усталости. Широкоплечіе и сильные, они особенно удивляютъ своею неутомимостію въ байдарочной ѣздѣ. Автору случалось съ ними разъезжать часовъ двадцать сряду, не приставая къ берегу, и во все это время они отдыхали не болѣе четверти часу. Зрѣніе у нихъ превосходно. Часто Русскій едва различаетъ предметъ на морѣ, а Алеутъ уже видитъ его очень хорошо, и ежели это байдарка, онъ скажетъ, кто на сей сидитъ. Причину этой зоркости, авторъ объясняетъ тѣмъ, что Алеуты не употребляютъ соли въ пищу. Но зато слухъ алеутскій хуже русскаго; отецъ Веніаминовъ испыталъ это на себѣ: онъ часто слышалъ шумъ бурновъ и ревъ звѣрей, между-тѣмъ какъ бывшіе съ нимъ Алеуты ничего не слышали. Впрочемъ, для пѣнія и музыки ихъ слухъ очень годится: дѣти ихъ находятся въ пѣвчихъ, и сами они играютъ на скрипкѣ и балабайкѣ.

Въ движеніяхъ своихъ Алеуты неповоротливы, тяжелы и мѣшковаты. Но ежели принудить Алеута дѣйствовать живѣе, то онъ будетъ совершенно на своемъ мѣстѣ и ни въ какомъ случаѣ не потеряется: это доказываетъ, что живость и расторопность ему не чужды, и только привычка дѣлаетъ его медленнымъ.

Алеуты очень понятливы. Отъ Русскихъ они въ самое короткое время переняли весь рукодѣлія, какія только видѣли. Между ними есть хорошіе столяры, плотники, купоры, слесари, кузнецы, сапожники. Нѣкоторые изъ нихъ отлично знаютъ мореходство. Устюговъ, природный Алеутъ, составилъ карту рѣки Нушегака, очень вѣрную, и лучше которой нѣтъ въ географіи. Есть причины думать, что они могутъ быть и хорошими художниками. Нѣкоторые мальчики самоучкой выучились рисовать, а одинъ креоль, Василій Крюковъ, самъ собою выучился писать образа, и впоследствии началъ дѣлать превосходные портреты водяными красками: два или три раза посмотрѣвъ на человека, онъ съ величайшею вѣрностью переносилъ на бумагу все выраженіе его лица. Въ зрѣломъ возрастѣ Алеуты имѣютъ большую охоту учиться грамотѣ: это особенно показали они впоследствии времени, когда имъ дали книги на природномъ языкѣ. На островѣ Навма почти нѣтъ ни одного Алеута, который бы не умѣлъ читать, и всѣ вообще перенимаютъ грамоту очень скоро.

Въ характерѣ Алеутовъ нельзя не замѣтить той особенности, что всѣ они похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды, всѣ какъ будто отлиты въ одну форму. Самая рѣзкая и сильная черта ихъ нрава—терпѣливость, совершенно стойческая, доходящая почти до безчувствія: нѣтъ трудности, способной поколебать Алеута или заста-

вить его роптать. Вслучаѣ надобности, онъ пробудетъ три четыре дня безъ всякой пищи, и ничѣмъ не дастъ знать, что проголодался,—даже умереть съ голоду, ежели не догадаетесь его попотчивать. Въ болѣзни, при самыхъ жестокихъ страданіяхъ, не услышите отъ него ни стону, ни крику, ни малѣйшей жалобы. Случается, что Алеутъ, невзначай, попадаетъ на клещу, ловушку для лисицъ: въ этой бѣдѣ онъ спокойно и хладнокровно даетъ себѣ сдѣлать операцію, то есть, вынуть желѣзные зубья изъ своей ноги, а надобно знать, что этихъ зубьевъ нельзя вынуть тѣмъ же путемъ: при операціи обыкновенно раскалываютъ палку, въ которой утверждены зубья, и потомъ продвигаютъ ихъ сквозь ногу. Порой, несчастный самъ дѣлаетъ себѣ всю эту операцію. Алеутъ, когда его заставляютъ, готовъ работать, безъ ропоту, до тѣхъ поръ пока совершенно не выбьется изъ силъ; готовъ, послѣ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, ночевать голодный подъ открытымъ небомъ, на мокромъ мѣстѣ. Отецъ Веніаминовъ неоднократно былъ свидѣтелемъ ихъ спокойнаго терпѣнія въ такихъ случаяхъ.

Эта необыкновенная терпѣливость объясняется воспитаніемъ Алеута: онъ родится и вырастаетъ въ холодной юртѣ; въ дѣтствѣ онъ всегда полу-нагой, полу-сытый.

Алеуты не обнаруживаютъ ни какой склонности къ воровству. У нихъ нѣтъ ни замковъ ни затворовъ; все лежитъ открыто, и только въ самой ужасной крайности Алеутъ возьметъ что-нибудь тайно изъ свѣтлыхъ припасовъ, но другихъ вещей онъ никогда не тронетъ. Радость и печаль онъ очень умѣетъ чувствовать, но встрѣчаетъ и переноситъ ихъ самымъ хладнокровнымъ образомъ. Потеря близкаго родственника или милаго, поразитъ его сильно, но ни что на свѣтѣ не приведетъ его въ отчаяніе. Плакать, стонать и рыдать—дѣло несмысленное, даже между алеутскими женщинами и дѣтьми. Точно также Алеутъ никогда не обрадуется чрезмерно, и ни отчего не придетъ въ восторгъ. Даже дитя, послѣ продолжительнаго голоду, не съхватитъ съ жадностью лакомаго куска, не покажетъ на лицѣ радости, свойственной этому возрасту. Зависти также Алеутъ не знаетъ, и превосходство собрата не отниметъ у него сна. Лучшее доказательство—ловля бобровъ: онъ очень доволенъ, если ему удастся попасть стрѣлкою уже въ подстрѣленнаго бобра, и готовъ гоняться за нимъ цѣлый день, хотя знаетъ, что добыча достанется не ему. Поймавъ нѣсколько бобровъ, онъ безъ всякаго возмездія отдаетъ ихъ больному старику или родственнику.

Прежняя военная тактика Алеутовъ, нападать на непріятеля тайкомъ, изподтишка, показываетъ что они никогда не были героями; но нельзя сказать, чтобы они были трусы: при опасности на морѣ, даже величайшей, Алеутъ не оробѣетъ никогда, и до изнеможенія силъ станетъ отважно и расчетливо бороться съ стихіями. Онъ не щедръ на обѣщанія; но, разъ обѣщавъ, непременно сдержитъ слово. Ежели ему вздумается сдѣлать подарокъ, то онъ даритъ безъ всякихъ расчетовъ: отдарятъ ему, скажетъ спасибо; не отдарятъ, онъ

доволенъ и тѣмъ, что взяли его подарокъ, и нимало не сгорчитъ, если даже не скажутъ спасибо. Приветливымъ онъ быть не умѣетъ, и отъ него никогда не дождетесь лестнаго слова: беселый взглядъ, усердныя, живыя услуги, вотъ чѣмъ онъ свидѣтельствуетъ свое расположеніе къ другимъ. Онъ вообще неразговорчивъ: если нѣтъ ничего особеннаго, онъ просидитъ съ вами хоть двадцать сутокъ и не скажетъ ни одного слова. Тѣмъ менѣе онъ охотникъ до споровъ, особенно съ Русскими, хотя бы Русскій несъ чепуху, а онъ говорилъ неоспоримую истину. На всѣ вопросы у него одинъ отвѣтъ: «Не знаю; ты больше знаешь: ты Русской». Лгать и распускать ложныя слухи—также не въ характеръ Алеутовъ. Ввѣренной тайнѣ они не измѣняютъ никогда и не станутъ болтать о томъ, что считаютъ тайнымъ. Оттого чрезвычайно трудно узнать отъ Алеута прежніе обряды и суевѣрія его народа. Теперь они не мстительны, тогда какъ прежде, за сдѣланное оскорбленіе, мстили изъ роду въ родъ. Легко угадать причину такой перемѣны: законъ евангельскій и страхъ наказанія сковываетъ ихъ руки.

Эти люди, по описанію отца Веніамина, были бы образцами нравственнаго совершенства, если бы лѣность и неопрятность нѣсколько не затмѣвали блистательныхъ качествъ ихъ сердца. Не пошлите Алеута за водой, онъ не тронется съ мѣста, хоть бы умиралъ отъ жажды. Всякій соръ, всякая нечистота, выбрасывается подлѣ самаго входу въ юрту. Пищу готовятъ они очень небрежно, и домашней посуды почти не моютъ. Дѣти ихъ грязны, запачканы, съ включенными волосами; матери почти не лучше дѣтей. Тѣ, которые живутъ между Русскими, большіе притомъ охотники до вина, и всѣ безъ исключенія чрезвычайно любятъ табакъ: безъ табаку Алеутъ унылъ, скученъ и вовсе недѣятеленъ.

Отецъ Веніаминъ прожилъ на Уналашкѣ десять лѣтъ, и во все это время не случалось, не только убійства, но даже ни драки ни значительной ссоры: явленіе неслыханное въ нравственно-гражданскомъ быту людей, знающихъ уже грамоту. Европейцы въ этомъ отношеніи—дикари въ сравненіи съ Алеутами. Въ цѣлый рядъ годовъ ни одного уголовнаго преступленія между шестью-десятью-тысячами человекъ! Самыя дѣти, поссорившись, только укоряютъ другъ друга недостатками своихъ родителей:—твоя мать не умѣетъ шить,—а твоя кривая, — отецъ твой непроворный, — а твой отецъ хромой, и такъ далѣе. Въ алеутскомъ языкѣ нѣтъ даже и ругательныхъ словъ, которыми такъ богаты нѣкоторые другіе. Гостепріимство въ большой чести у этого народа. Гости встрѣчаютъ Алеуты на пристани и наперерывъ угощаютъ, чѣмъ Богъ послалъ. Живи онъ сколько хочеть, его будутъ угощать безъ платы: и на дорогу снабдятъ всѣмъ нужнымъ.

Алеуты склонны къ сластолюбію. До введенія христіанства, страсть эта была у нихъ во всей силѣ, и только ближайшее кровное родство нѣсколько ее обуздывало. У богатыхъ было по нѣскольку женъ и наложницъ, которыхъ они часто перемѣняли подлѣ разными пред-

логами. Пріѣзжій гость могъ, по словамъ старожилловъ, участвовать въ бракъ хозяина. Но по принятіи Алеутами христіанства, многоженство и анакреонтическія угощенія прекратились, хотя самая склонность осталась почти въ прежней же силѣ.

«Нельзя не отдать, говоритъ авторъ, должной справедливости добрымъ свойствамъ Алеутовъ; но съ другой стороны нельзя не пожалѣть, что, отъ обращенія съ европейскою образованностью, нѣкоторыя черты ихъ характера дѣлаются чертѣ; на примѣръ: примѣтно отступленіе отъ прежнихъ обычаевъ, какъ то, дѣлиться вслучаѣ нужды, быть довольнымъ своимъ состояніемъ, и прочая; видно, что и въ ихъ сердце, закрытое толстою корою характера, прокрадывается личная притязательность и какое-то чувство несправедливости; ктому же и природная неопредѣленная лѣность, отъ обращенія съ лѣнтями изъ Русскихъ, усиливается и дѣлается опредѣленною, чистою лѣнью, сопряженною съ нераченіемъ, небрежностью, лукавствомъ и обманомъ, видимыми въ отравленіи компанейскихъ обязанностей. Но впрочемъ это отступленіе замѣтно еще только въ главномъ селеніи и, болѣе, не въ природныхъ Алеутахъ, а въ креолахъ или полу-креолахъ.»

Обычаи Алеутовъ—смѣсь старыхъ обыкновеній съ новыми, перенятыми отъ Русскихъ. Роженица до сорока дней считается нечистою: она должна избѣгать встрѣчи съ мужчинами и не касаться до съѣстнаго. Если она долго не разрѣшается отъ бремени, это ясный признакъ ея невѣрности, и бѣда, когда, въ такомъ случаѣ, новорожденный не похожъ на отца. Давать младенцу имя, всегда по отцу или матери, предоставлялось дѣдушкѣ съ отцовской или материной стороны; а ежели дѣдушка умеръ, то мѣсто его занималъ дядя или кто-нибудь изъ родственниковъ. Обрядъ нареченія младенца совершался черезъ сорокъ дней послѣ его рожденія. Дѣдушка выходилъ на середину юрты и садился на полъ, — знакъ, что онъ хочетъ говорить публично,—и, послѣ небольшого предисловія, начиналъ рассказывать исторію своего роду, потомъ собственные подвиги, наконецъ объявлялъ, что новорожденный, въ память такого-то подвига, нарѣчется тако, на примѣръ, *обезсилитъ зѣвря, побѣдилъ врага*, и прочая.

Воспитаніе дѣтей было обязанностью дяди съ материной стороны. Мальчиковъ пріучалъ онъ къ терпѣнію во всемъ, и обращалъ особенное вниманіе, чтобы они были искусны въ байдарочной вѣдѣ. Прежде купали дѣтей въ холодной водѣ, во всякое время года. Дѣвочекъ учили вышивать узоры шерстью и волосомъ, плести ковры и корзинки, чистить рыбу и стряпать. Заподлинное не извѣстно, какихъ лѣтъ вступали въ бракъ: говорятъ, однако жъ, что мужчина долженъ былъ дожидаться бороды, а дѣвухѣ надлежало сперва выучиться хозяйству. Для совершенія брака необходимо было согласіе родителей и дидей: кто нарушалъ это условіе, тотъ подвергался ненависти родственниковъ. Случалось, что родители сватали молодыхъ людей безъ ихъ вѣдома, и только въ день брака объявляли

имъ свою волю: женихъ не смѣлъ противорѣчить, но желаніе невѣсты очень часто перемѣняло рѣшеніе родителей; выборъ жениха почти всегда предоставлялся дѣвушкѣ, но ей внушали, чтобъ она не посрамила своего рода выборомъ дурнаго мужа. Какъ-скоро всѣ изъявили согласіе на бракъ, женихъ долженъ былъ, годъ или два, промышлять звѣрей для невѣстныхъ родственниковъ, а если не хотѣлъ или не могъ, то замѣнялъ ловлю богатыми подарками возлюбленной и ея родственникамъ. Только на родной сестрѣ нельзя было жениться. Многоженство господствовало повсюду, но рѣдкій бралъ больше шести женъ, потому что дѣвушки обходились дорого. За разные проступки мужъ могъ прогнать свою супругу. Женщины, однако жъ, какъ и въ Тибетѣ, позволялось имѣть двухъ мужей: одинъ былъ главнымъ, другой только помѣщикомъ, или, какъ говорятъ Русскіе-Американцы, его *половинщикомъ*. Этотъ половинщикъ, пользуясь правами и преимуществами мужа, долженъ былъ, за-одно съ начальникомъ супружеской компаніи, стараться о содержаніи жены и семейства. Половинщикъ могъ отдѣлиться когда хотѣлъ, и въ такомъ случаѣ бралъ часть всего, что было въ домѣ, но дѣти оставались благопріобрѣтеннымъ капиталомъ матери или вручались дядѣ.

Умершаго Алеуты оплакивали тоже сорокъ дней, и трупъ его выносили изъ дому не раньше какъ черезъ двѣ недѣли; тогда они бальзамировали тѣло, то есть, вынимали внутренности, клали вмѣсто ихъ сухую траву и зашивали брюхо. Послѣ бальзамировки, одѣвали покойника въ лучшее его платье, пеленали какъ ребенка или, скорѣе, какъ египетскую мумію, клали въ зыбку, раму, обтянутую кожей, и держали въ домѣ еще пятнадцать дней. Впродолженіи этого времени, родственники, поутру и вечеромъ, собирались оплакивать умершаго: они исчисляли его подвиги, хвалили образъ жизни. На шестнадцатый день, выносили покойника на кладбище, и ежели онъ былъ *тоэнъ*, то есть, старѣйшина, всѣ жители селенія провожали его. Тѣло вѣшали въ той же зыбкѣ среди гроба, или *памятника*: у богатыхъ этотъ гробъ имѣлъ фигуру четырехугольнаго ящика, покрытаго сверху досками и разрисованнаго разными красками; бѣдныхъ клали въ простую бараборку, или юрту, обставленную досками и заваленную землею. Гробы строились всегда на возвышенномъ мѣстѣ, указанномъ въ завѣщаніи умершаго. Вмѣстѣ съ трупомъ хоронили разныя его вещи, смотря по состоянію покойника и по любви къ нему наследниковъ. Потомъ на нѣсколько времени налагали трауръ, то есть, не веселились и не дѣлали того, чего не любилъ покойникъ. Трауръ жены сопровождался большими причудами. Черезъ недѣлю по смерти мужа, женѣ перевязывали суставы рукъ и ногъ, и запирали ее въ особую бараборку и не выпускали ея оттуда ни на шагъ. Во все это время бѣдная вдова считалась нечистою: она ни къ чему не могла прикоснуться и самой пици не смѣла брать голыми руками. Обрядъ оканчивался омовеніемъ. Такой же трауръ соблюдалъ и мужъ по своей женѣ. Рѣдко на могилѣ покойника зарывали *калгъ*, или рабовъ. Этотъ кровавый обрядъ распространявшійся нѣкогда на всю сѣверную Европу,

Азію и Америку, общій древнимъ Скиѣамъ, Гетамъ и нашимъ Руссамъ, совершался у Алеутовъ опять черезъ сорокъ дней. Случалось, что вдругъ закалывали цѣлую семью рабовъ, мужа, жену и дѣтей, но большею частью только одного калгу, или, чаще, мужа и жену. Обрядъ закланія или былъ предварительно назначенъ самимъ покойникомъ, или родственники, изъ любви къ нему, кололи и душили калгъ сколько хотѣли. Но случалось также, что умирающіе завѣщали отпускать своихъ рабовъ на волю, снабдивъ ихъ байдарками и всѣмъ нужнымъ для разживы.

Праздники или игры Алеутовъ, состояли въ сценическихъ представленіяхъ, какъ у древнихъ Грековъ, и происходили зимою, какъ у Скандинавовъ. Эти представленія называли *укимакъ*: шаманства на нихъ не было, а дѣйствительно представлялось въ лицахъ какое-нибудь историческое событіе, напимѣръ, сраженіе съ неприятелями, борьба со звѣрми, мировая сдѣлка между поколѣніями, и прочая. Рѣдко алеутскіе поэты сочиняли эти сцены. Во всякомъ представленіи выступали два лица или, правильнѣе, два огромные чучела изъ травы, одѣтые въ лучшее платье: по-серединѣ ихъ дѣйствовалъ человекъ. Одно изъ этихъ лицъ, называемое *игдагакъ*, «страшилище», представляло великана съ лицомъ и длинною бородою; другое, *куглаиталикъ*, было что-то въ родѣ дьявольщины: оно тоже имѣло страшную харю и было еще огромнѣе перваго чучела. Актеры, дѣйствующіе на сценѣ, всегда оказывали почтеніе и повиновеніе этимъ болванамъ: но ни отъ кого нельзя добиться, что именно выражалось ими. Въ день представленія, тоэнъ посылалъ своего сына или племянника просить гостей въ общественную барабору, или юрту, куда они должны были входить по затѣйливой лѣстницѣ изъ надутыхъ пузырей и звѣриныхъ чучелъ, съ опасностію сломить шею. Гостей сажали на приготовленные мѣста и начинали угощать. Потомъ начинались игры. Среди представленія, тоэнъ и нѣсколько почетныхъ Алеутовъ выходили на сцену безъ маски въ нарядномъ платьѣ, увѣшанномъ трофеями предковъ, — волосами, зубами, оружіями, отнятыми у неприятелей, или звѣриными костями и лоскутьями шкуръ, — выходили не плясать, а засвидѣтельствовать передъ публикой свои подвиги. Но актеры, подобно греческимъ, всегда были въ маскахъ, и представляли какой-нибудь сюжетъ, — извѣстное сраженіе, знаменитую побѣду, миръ, достопамятную охоту за звѣрями, и такъ далѣе. Во все время бубны и пѣсни не умолкали. Представленія продолжались по нѣскольку дней сряду, пока не разыграютъ всѣхъ приготовленныхъ пѣсней. За каждымъ спектаклемъ слѣдовали угощенія, а въ-заключеніе, гостей дарили своими произведеніями.

Войны или, справедливѣе, грабежи, въ прежнее время были очень часты у Алеутовъ. Они обыкновенно воевали съ Атлегмютами и Кадьякцами: случались и междоусобныя брани. Были также примѣры морскихъ сраженій, почти всегда при нечаянной встрѣчѣ съ враждебнымъ поколѣніемъ. Но, не отличаясь воинскою храбростію, Алеуты, при малѣйшей опасности быть побежденными, заключали

мирные договоры или перемирія. Предводителями ихъ всегда были тоэны, имѣвшіе власть почти неограниченную.

«Оружіе Алеутовъ состояло изъ двухъ родовъ стрѣлъ, кидаемыхъ съ досечки, известнаго лука со стрѣлами, и двухъ родовъ ножей, или кинжаловъ; для защищенія же себя Алеуты употребляли щитъ и латы.

«Однѣ стрѣлы, изъ кидаемыхъ съ досечки, были тѣ же самыя, которыя употребляются нынѣ для промысла сивучей, называемыя игіканъ (дротики), съ однимъ наконечникомъ изъ кости; другія были по-длиннѣе, съ нѣсколькими наконечниками, которые дѣлались изъ крѣпкаго дерева, и въ каждый изъ нихъ вставлялись каменные носки, изъ обсидіана, иногда налитанные ядомъ, который былъ известенъ весьма немногимъ. Стрѣла, брошенная въ челоуэка, не входила въ него вся, но одинъ только наконечникъ съ носкомъ; наконечникъ при усилии могъ быть вынуть изъ челоуэка, но носокъ всегда оставался въ немъ, и, слѣдовательно, всегда наносилъ хотя не скорую, но вѣрную смерть. Употребленіе лука и стрѣлъ известно; стрѣлы также были налитываемы ядомъ. Воинскіе ножи, или кинжалы, были обыкновенно каменные; одинъ съ обѣихъ сторонъ имѣлъ острія, длина его около шести вершковъ; а другой, называемый камитукъ, былъ почти такой же величины, какъ и первый; только остріе у него было съ одной стороны и на обухъ нѣсколько изогнуто. Латы дѣлались изъ кругло выстроганныхъ палочекъ, длиною около пяти четвертей, которыми плотно одна съ другой были переплетены жилковыми нитками; ихъ носили подъ верхнимъ платьемъ навязывая вокругъ туловища, кромѣ рукъ и ногъ, и говорятъ, что такія латы, по-видимому не очень надежныя, весьма рѣдко пробивала стрѣла. Щитъ ихъ дѣлался просто изъ двухъ складныхъ досокъ, длиною въ пять четвертей, а шириною каждая по двѣ четверти; имъ обороняли свою голову отъ стрѣлъ, держа лѣвою рукою за сдѣланную по-серединѣ скобку. Щитъ употребляли только при открытомъ сраженіи или при взятіи укрѣпленнаго мѣста приступомъ.»

Въ торговлѣ у Алеутовъ весьма замѣчательна та особенность, что они никогда не торгуются лично, съ глазу на глазъ. Желающій продать вещь посылаетъ ее, черезъ прикащика, въ какую-нибудь ба-рабору, съ порученіемъ просить за нее табаку или что дадутъ. Пришедши къ покущику, прикащикъ говоритъ — «Вотъ эта вещь продается», — но никогда не сказываетъ, кѣмъ именно. Купецъ осматриваетъ товаръ, спрашиваетъ о цѣнѣ, потомъ, оставя вещь у себя, посылаетъ хозяину съ тѣмъ же прикащикомъ столько табаку или чего-нибудь другаго, сколько полагаетъ нужнымъ дать на первый запросъ. Ежели продающій не доволенъ этою платой, онъ ее возвращаетъ. Сколько бы времени ни продолжалась мѣновая переторжка, владѣлецъ товару и покупатель его не видятся никогда. Этотъ образъ торговли нисколько не измѣнился донынѣ. Онъ весьма древній между Алеутами.

Алеуты никогда не раскрашивали себѣ лица; но у нихъ были украшенія другаго рода: мужчины пронизывали нижнюю губу, носовой хрящъ и уши, и вставляли въ губу двѣ косточки съ загнутыми концами. Такія же косточки, или «сукли», вдѣвались въ ноговой хрящъ. Въ ушахъ носили они серьги, то есть, кусочки горнаго хрустало, подвѣшенные на жильныхъ ниточкахъ. Женщины также пронизывали ноздри, уши и нижнюю губу. Въ ноздри онѣ вдѣвали разныя подвѣски на-подобіе серегъ; въ ушахъ носили серьги, такія же какъ у мужчинъ; къ нижней губѣ привѣшивали пару суклей изъ горнаго хрустало; на шеѣ, на рукахъ и даже на ногахъ, носили разныя ожерелья изъ разноцвѣтныхъ камней и косточекъ. Вся эти наряды, особенно шейные, у нѣкоторыхъ были очень высоко цѣны. Русскіе весьма удачно воспользовались алеутскою модой: за нѣсколько штукъ корольковъ или нитокъ бусъ, они получали десятки драгоценныхъ шкуръ. Нерѣдко молодые удалцы, изъ угожденія своимъ возлюбленнымъ, предпринимали далекія путешествія, единственно для того чтобы достать сукли. Изъ военной добычи такія украшенія ставились у Алеутовъ выше всего и раздавались храбрѣйшимъ.

Вѣра этого племени была отраслью шаманской, господствующей донынѣ въ нашей Азіи, и нѣкогда общей на всемъ европейскомъ сѣверѣ, до введенія многобожія, новой религіозной системы, пришедшей съ юга. Алеуты вѣрили въ бытіе Творца, создавшаго все видимое и невидимое. Властителями и управителями природы они признавали двухъ духовъ, которые имѣли вліяніе на всѣ дѣйствія челоуэчскія. Но никто изъ Алеутовъ не могъ сказать автору, какъ далеко простиралась власть этихъ невидимыхъ управителей, и въ какомъ отношеніи находятся они къ Богу. Есть признаки почитанія небесныхъ свѣтилъ и даже стихій. Старики учили, что солнце не даетъ видѣть свѣту тому, кто осмѣлится говорить худо объ этомъ свѣтилѣ. Луна, по словамъ ихъ, убиваетъ камнемъ своихъ хулителей; кто худо толкуетъ про звѣзды, того онъ принудятъ сосчитать себя и, считая, онъ непременно сойдетъ съ ума.

Идоловъ и храмовъ Алеуты не имѣли; но у нихъ были священныя или заповѣдныя мѣста; были также жертвоприношенія невидимымъ духамъ. Священныя мѣста находились при каждомъ селеніи. Это былъ бугоръ, утесъ. Ходить сюда строго запрещалось всемъ женщинамъ и молодымъ мужчинамъ. Кто нарушалъ этотъ законъ, того неминуемо постигала страшная болѣзнь или скорая смерть: и хорошо еще, если такой богохульникъ сходилъ только съ ума. Но старики и взрослые мужчины безпрепятственно могли посѣщать священныя мѣста. шаманы, предводители жертвоприношеній, рассказывали о себѣ чудесныя вещи: когда будущему шаману исполнялось пятнадцать лѣтъ, дьяволъ начиналъ его испытывать мечтами и привидѣніями: побѣдетъ юноша на море, передъ нимъ вдругъ является неприступный островъ, ужасная скала, или изъ моря выходятъ страшныя чудовища; поидетъ ли онъ пѣшкомъ, разныя привидѣнія не даютъ ему покою. Не видя конца этимъ наважденіямъ, молодой че-

ловѣкъ принужденъ просить помощи и пощады у невидимаго существа, которое такъ немилосердо его морочитъ. Злой духъ только этого и ждалъ: онъ вступаетъ въ переговоры, предлагаетъ условія, посвящаетъ въ свои жрецы, и требуетъ страшной клятвы. Въ чемъ именно состояла эта клятва, шаманы не сказывали никому.

Алеуты вѣрили въ будущую жизнь и безсмертіе души. Изъ этого источника проистекала ихъ обычай рѣзать калгъ: они думали, что калга на томъ свѣтѣ будетъ прислуживать своему господину. Суевѣрія ихъ очень грубы, но паразительны по своей затѣливости. Замѣчательно, что, при употребленіи талисмановъ, наговороевъ и призывовъ, Алеуты особымъ правиломъ поставляютъ не прикасаться къ женщинамъ: нарушители его должны ожидать величайшаго и внезапнаго несчастія. Нынче Алеуты—примѣрные христіане. Какъ-скоро озарилъ ихъ свѣтъ евангельскаго ученія, они оставили все причуды шаманства, даже пѣсни, напоминавшія о прежней религіи. Все это слѣдали они безъ всякаго принужденія. Первый миссіонеръ Алеутовъ, монахъ Макарій, пріѣхавшій къ нимъ въ 1795 году, не думалъ употреблять насильственныхъ мѣръ для обращенія ихъ въ христіанство: они крестились добровольно, по собственному убѣжденію, и стали отъ-души преданными новой вѣрѣ. Теперь уже имѣютъ они на своемъ языкѣ краткій катихизисъ, напечатанный въ 1831; кромѣ того перевели для нихъ Евангеліе отъ Матѳея, дозволенное синодомъ къ употребленію въ рукописи, и составили алеутское поученіе о сущности христіанской религіи, подъ заглавіемъ: «Краткое показаніе пути къ царствію небесному.»

Въ политическомъ отношеніи, Алеуты пользуются нынче покровительствомъ законовъ наравнѣ съ крестьянскимъ сословіемъ: они освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей, но зато обязаны служить Компаніи отъ пятнадцати до пятидесяти лѣтъ возрасту. Всѣ свои промыслы должны они продавать Компаніи за плату, утвержденную правительствомъ. Народонаселеніе ихъ уменьшилось особенно отъ тѣхъ насилій и притѣсненій, какія первоначально они терпѣли. Соловьевъ, прибывшій на Уналашку изъ Камчатки, поступалъ съ жителями безчеловѣчно. Берхъ, въ исторіи открытія Лисьевскихъ Острововъ, старается уменьшить число Алеутовъ, истребленныхъ этимъ жестокосердымъ человѣкомъ, но и онъ сознается, что Соловьевъ разъ убилъ сто человѣкъ Алеутовъ, нападавшихъ на жилища Русскихъ, другой разъ поднялъ на воздухъ до двухъ сотъ. Прошло почти столѣтіе съ этого несчастнаго времени, говоритъ почтенный отецъ Веніаминовъ, и теперь никому нѣтъ надобности скрывать того, какъ Русскіе первоначально поступали съ бѣдными жителями неизвѣстныхъ острововъ; говорятъ даже, и къ-несчастію говорятъ правду, что многихъ Алеутовъ перестрѣляли они единственно такъ, для потѣхи. Эта звѣрская мысль пришла однажды въ голову Соловьеву: ему вздумалось испытать, сколько человѣкъ къ-ряду можетъ пройти пуля и въ которомъ она остановится. Для этого Соловьевъ велѣлъ связать двѣнадцать Алеутовъ вмѣстѣ и выстрѣлить въ перваго изъ нихъ изъ винтовки: оказалось, что пуля остановилась въ девятомъ. Натру-

бинъ, товарищъ и достойный клеветъ Соловьева, губилъ Алеутовъ на Аватанакѣ, безоружныхъ и совершенно невинныхъ. Также очень много, и почти въ одно время, истребили островитянъ какія-то два русскія судна, одно въ Иссанахъ, другое у Макушъ.

«Русскіе бывшіе на первомъ суднѣ, или изъ подозрѣнія, или также изъ отмщенія за кровь убитыхъ въ Иссанахъ Русскихъ, истребили четыре большія селенія на Унимакѣ, оставляя изъ каждаго только молодыхъ женщинъ и по нѣскольку молодыхъ мужчинъ для прислуги. Русскіе, подъ предводительствомъ передовщика своего, имѣвшаго при себѣ какую-то дѣвку, оставя на своемъ суднѣ нѣсколько человѣкъ, отправились на Унимакъ именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ истребить Унимакцевъ, какъ самыхъ безпокойныхъ. Подойдя къ первому селенію тайкомъ, они прежде всего обобрали стрѣлки съ байдарокъ и изломали; а потомъ вдругъ напали на беззащитныхъ Алеутовъ, въ ихъ жилищахъ, и били безъ пощады тѣхъ, которые успѣвали выскакивать, а остальныхъ губили—или зажигая юрту со всѣхъ сторонъ, или обрушивая. Такимъ образомъ имъ удалось истребить три первыхъ селенія отъ иссанахскаго пролива. Подходя къ четвертому селенію, находившемуся на подножій Шишалдинской сопки, они встрѣтили сильный вѣтръ съ дождемъ, и, не имѣя камлей, перемокли до костей и озляби чрезвычайно. Жители, увидя ихъ издалека, узнали что это Русскіе, но не знали, что предпринять. Закащикъ, или старшій по тоѣнѣ, предлагалъ не допускать ихъ до селенія и убить, говоря: «Они недаромъ идутъ къ намъ.» Но добрый тоѣнъ отвергнулъ его предложеніе: островитяне приняли Русскихъ ласково, отогрѣли, и чѣмъ могли угостили. И надобно замѣтить, что Русскіе, дотога перезаблѣли, что не имѣли силъ сами собою спускаться въ юрту по лѣстницѣ: Алеуты спускали ихъ по-одиначкѣ, и потомъ отогрѣвали ихъ на жирникахъ. Бѣдные Алеуты не знали, кого отогрѣвали! Русскіе, лишь-только отогрѣлись и подкрѣпили свои силы, тотчасъ начали свое дѣло: всѣхъ Алеутовъ, но ихъ приказанію собравшихся въ юрту, они начали стрѣлять, а прочихъ задавили юртою. Кончивъ это, они отправились далѣе съ тѣмъ же намѣреніемъ; но жители слѣдующаго селенія, вѣроятно, узнавъ отъ спасшихся Алеутовъ, что эти гости идутъ къ нимъ совсѣмъ не въ гости, не допустили ихъ до своего селенія, и, сдѣлавъ печальное нападеніе, убили ихъ передовщика съ дѣвкой, нѣсколькихъ ранили, а остальныхъ обратили въ бѣгство и заставили воротиться на судно. Селеніе это называлось *Погромскимъ*, или *Погромнымъ*, вѣроятно по тому случаю, что жители его задали *погромъ* Русскимъ. Не извѣстно точно, на какомъ суднѣ были эти Русскіе. Унимакскіе Алеуты говорятъ, что они были съ Протасовскаго судна; но едва ли эти удалыцы были не изъ числа экипажа Бечевинскаго судна.»

Давыдовъ, въ своемъ путешествіи полагаетъ число Алеутовъ, истребленныхъ однимъ Соловьевымъ, до трехъ тысячъ. Но по словамъ Сарычева, этотъ извергъ отправилъ на тотъ свѣтъ до пяти тысячъ, и отецъ Веніаминовъ не думаетъ, чтобы извѣстіе Сарычева было преувеличено. Переселенія были второю причиною уменьшенія числа

коренныхъ жителей. Меркульевъ увезъ за одинъ разъ на Острова Прибылова до осьмнадцати семействъ. Барановъ, нуждавшійся въ людяхъ при занятіи Ситхи, вдругъ вывелъ туда сто байдарочныхъ ѣздоковъ съ семействами, которыхъ и третьей доли не возвратилось. Наконецъ голодъ, моровья повѣтрія и сифилитическая болѣзнь довершили онустоженіе острововъ.

Для пріобрѣтенія денегъ, у Алеутовъ два средства, — работа для Компаніи и звѣриная ловля. Работники получаютъ отъ Компаніи пищу и отъ сотни до двухъ сотъ рублей жалованья въ годъ. За все, что работникъ упрямываетъ во время службы для Компаніи, особенной платы ему не даютъ, кромѣ временныхъ наградъ по усмотрѣнію начальства. Прочіе, не состоящіе въ службѣ Компаніи, продаютъ звѣрей по таксъ, утверждаемой правительствомъ. Сверхъ-того за каждый день случайной работы получаютъ они по пятидесяти копѣекъ. Богатѣйшіе между Алеутами тѣ, которые живутъ на Островахъ Прибылова. Они также исполняютъ требованія Компаніи, но не считаются ея работниками. Компанія платитъ имъ за всякаго звѣря по таксъ, и общую сумму, вырученную за промыслы, раздаетъ промышленникамъ, смотря по ихъ способности и усердію: лучшіе промышленники получаютъ до двухъ-сотъ-пятидесяти рублей въ годъ. Сверхъ-того жители Острововъ Прибылова могутъ запасаться кишками, горлами и лафтакими: все эти вещи нужны для байдарокъ, и Алеуты прочихъ острововъ ихъ не имѣютъ. Богачи на Островахъ Прибылова скопляютъ денегъ до тысячи рублей.

Все алеутскія издѣлія доведены, въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства. Промысловыя орудія, байдарки, національный костюмъ, — все показываетъ, что каждая вещь на своемъ мѣстѣ, обдуманна и совершенно приспособлена къ употребленію. Терпѣніе работающихъ изумительно до высочайшей степени: часто Алеутъ мѣсядъ или два выдѣлываетъ простымъ пожомъ коробочку изъ кости или другую какую-нибудь бездѣлку и потомъ промѣниваетъ ее за папушу табаку; въ другой разъ онъ цѣлые полгода вышиваетъ что-нибудь, и отдаетъ свою работу за платокъ или, много, за рубашку.

Алеутскіе врачи, въ прежнее время, очень славились своимъ искусствомъ. Главное леченіе болѣзней было совершенно иппократическое и состояло въ спокойствіи, терпѣніи и строжайшей діетѣ. Но въ опасныхъ случаяхъ, кромѣ лекарствъ и полосканья рта, больному давали не болѣе двухъ ложекъ воды въ цѣлыя сутки. Раненыхъ лечили совершеннымъ постомъ, то есть, отъ двухъ до четырехъ сутокъ сряду не давали имъ ничего, даже капли воды: алеутскіе докторъ медицины и хирургіи думали, что, какъ-скоро раненый напьется воды, въ ранѣ тотчасъ появляется жидкость, дѣлается воспаление, и больной умираетъ. Такой способъ леченія и нынче многихъ спасаетъ отъ смерти. Больнаго горячкой пользовали отварами горькихъ травъ, оберегая отъ вѣшняго воздуха. Противъ чахотки употребляли разныя травы: если кровохарканіе усиливалось, пациента

кололи съ обоихъ боковъ каменными ланцетами, чтобы выпустить изъ него дурную кровь. Та же метода служила и въ обыкновенной коликѣ, и притомъ, говоритъ авторъ, съ величайшимъ успѣхомъ случалось, что поутру больной умиралъ, а къ-вечеру, послѣ операціи, дѣлался здоровымъ. Впрочемъ, этотъ способъ леченія, совершенно динамическій, употребляется почти во всехъ болѣзняхъ, при отчаянномъ положеніи пациента, и нѣтъ на тѣлѣ ни одного мѣста, кромѣ глазнаго зрачка, которое бы алеутскіе иппократы отважно не брались колоть въ случаѣ надобности. Отецъ Веніаминовъ зналъ одного Алеута, котораго мѣстные операторы кололи динамико-симметрически болѣе сорока разъ въ различныхъ мѣстахъ, но на этотъ разъ онъ не присовокупляетъ — *съ величайшимъ успѣхомъ*. Есть еще способъ леченія, присвоенный исключительно старухамъ, и который называется *держатъ брюхо*. Это средство, весьма употребительное и у Чухонъ, Алеуты прописываютъ противъ внутреннихъ болѣзней. Какъ-скоро больной чувствуетъ грызеніе или щемленіе въ животѣ, его кладутъ на спину, и лекарка обѣими руками держитъ его брюхо, перебирая пальцами внутреннія части, чтобы, какъ говоритъ она, уложить все по мѣстамъ. Многіе одобряютъ и этотъ способъ.

Далѣе, авторъ подробно рассматриваетъ преданія, пѣсни и сказки Алеутовъ. Во всемъ этомъ, особенно въ сказкахъ, довольно много поэзіи, и поэзіи очень оригинальной. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ преданія.

«Алеуты, говорятъ, что предки ихъ произошли и первоначально жили въ западной сторонѣ, на какой-то большой землѣ, называвшейся также Аляхсха, то есть, материкъ; и гдѣ не было ни бурь, ни зимы, но всегдашнее благораствореніе воздуха, и жили мирно и спокойно; но вражды и потомъ междоусобія заставили ихъ подвигаться далѣе и далѣе къ востоку: и наконецъ они придвинулись къ самому морю. Но и здѣсь не могли оставаться они долго въ мирѣ, ихъ тѣснили другіе народы, и потому они должны были искать убѣжища на островахъ, и потомъ, перебираясь съ острова на островъ, они заселились на здѣшнихъ островахъ. Прежде, нежели начались у нихъ здѣсь вражды и междоусобія, они имѣли обыкновенія, побуждаясь славою, странствовать на востокъ и западъ, для *узнанія другихъ народовъ и ихъ обычаевъ, и показать себя*. Однимъ изъ такихъ странствователей удалось достигнуть до сѣвернѣйшаго мыса Америки, который они назвали Кигадитиганъ кѣмга, то есть, сѣверная голова, и которые, по возвращеніи своемъ на родину, рассказывали, что тамъ все ледяное: и произведенія земли, и жилища людей и самые люди, которые боятся тепла столько же, какъ мы полюсныхъ морозовъ; и въ солнцестояніи они не выходятъ изъ жилищъ своихъ, боясь растаять. Потомъ цѣль таковыхъ путешествій мало-по-малу измѣнилась и, вмѣсто *узнанія обычаевъ*, они начали ѣздить для торговли, а потомъ—для грабежа и разбою, то есть, *воевать*ся.

«Алеуты считаютъ своими *родниками* Кенайцовъ, Чугачъ, Якутатцовъ и Колошъ. Въ подтвержденіе того они рассказываютъ, что какой-то знаменитый Алеутъ, отецъ многочисленнаго семейства, по-необходимости долженъ былъ удалиться изъ своего селенія, бывшаго на Уналашкѣ. Въ одно лѣто, онъ, собравши всехъ своихъ домочадцевъ и сродниковъ, отправился въ нѣсколькихъ байдарахъ, на сѣверную сторону Аляксы, съ намѣреніемъ путешествовать и поискать лучшихъ и богатыхъ мѣстъ. Онъ, съ своими ро-

довичами, въ то же лѣто достигъ одного селенія Аглегмютовъ и остановился тутъ; но Аглегмюты приняли ихъ не какъ гостей, а какъ непріятелей, и сдѣлавъ на нихъ нападеніе, прогнали отъ себя. Алеуты, не находя удобнымъ, или возможнымъ, поселиться близъ моря, пошли вверхъ по какой-то большой рѣкѣ и, выбравъ тамъ удобное мѣсто, поселились навсегда. Происшедшее отъ нихъ потомство, смѣшиваясь съ туземцами, размножилось; но съ умноженіемъ его въ немъ мало-по-малу измѣнились прежніе ихъ обычаи и особенно отъ того, что они занимались болѣе войною, чѣмъ промысломъ звѣрей. По прошествіи многого времени, между потомствомъ коренныхъ Уналашкинцевъ и происшедшими отъ нихъ креолами или мулатами, по одному случаю, произошла вражда, а потомъ и междоусобіе. Селеніе ихъ было расположено по обѣ стороны рѣки, одна половина противъ другой. Они имѣли обычай, вмѣсто забавы и для набыку, дѣлать другъ на друга примѣрныя нападенія и сраженія, стрѣляя другъ въ друга стрѣлками, безъ конченничковъ; но въ одно изъ таковыхъ примѣрныхъ сраженій кто-то пустилъ стрѣлку съ конченничкомъ и попалъ своему непріятелю въ глазъ; и сраженіе тотчасъ изъ примѣрнаго сдѣлалось настоящимъ; но такъ какъ число креоловъ было гораздо болѣе, то потому Уналашкинцы принуждены были оставить это мѣсто и идти далѣе къ востоку, и, наконецъ, также по какой-то рѣкѣ вышли въ Кенайской Заливъ, гдѣ и поселились навсегда; и нынѣшніе Кенайцы суть потомки ихъ. Оставшіеся же отъ нихъ креолы во времени умножились еще болѣе, и также по причинѣ вражды и несогласій начали раздвигаться къ сѣверо-востоку, и впоследствии были родоначальниками *Чугачъ*, *Акутатцовъ* и *Колошъ*.

Алеуты говорятъ, что въ прежнее время предки ихъ, дѣлая глубокія ямы для убжищъ отъ нечаянныхъ нападеній непріятеля, иногда находили кости и даже остовы великановъ людей, которыхъ они называли шугананъ или итанихъ тайягунъ, то есть, первые люди и которые, по ихъ мнѣнію, жили до потопа. Такіе кости, или скелеты, находились, по большей части, подъ третьимъ слоемъ земли и почти всегда еще не потерявшіе природныхъ соковъ; и оттого лишь-только отрывали хотя одну изъ таковыхъ костей, то тотчасъ воздухъ заражался ужаснымъ зловоніемъ; и потому ихъ невозможно было держать на открытомъ воздухѣ. Этимъ они доказывали, что былъ когда-то великій потопъ, и что до потопа все люди были такой величины; а философы ихъ утвѣряли, что подъ всею землею живутъ полу-мертвые люди.

Говорятъ, что въ ихъ сторонѣ (о прочихъ не знаютъ) было также большое наводненіе въ наказаніе за преступленіе праотеческихъ обычаевъ и преданій.

Вразсужденіи огнедышущихъ горъ, Алеуты, рассказываютъ въ своей сказкѣ: что будто бы когда-то все огнедышущія горы, какія только находились на Уналашкѣ и Умнакѣ, между собою заспорили о первенствѣ въ количествѣ внутренняго ихъ огня; и послѣ продолжительнаго спора, гдѣ, никто изъ нихъ не хотѣлъ уступить своимъ противникамъ, вздумали рѣшить его на дѣлѣ; и тотчасъ между ими открылось общее ужаснѣйшее сраженіе, продолжавшееся непрерывно нѣсколько дней, гдѣ онѣ, вмѣсто стрѣль, кидали другъ въ друга огнемъ и камнями; но меньшія сопки не могли устоять противу большихъ, и, видя свое безсиліе, онѣ, съ-досады, лошнули и погасли навсегда. И наконецъ остались только двѣ сопки: одна на Уналашкѣ, *Макушинская*, а другая на Умнакѣ, *Рѣчешная*. Онѣ, одержавъ побѣду надъ всеми своими соперницами, вступили между собою въ единоборство, ужаснѣйшее и весьма гибельное для всего ихъ окружающаго. Огонь, камень, пепель, были ими бросаемы въ такомъ количествѣ, что отъ нихъ истребились все животныя, обитавшія близъ ихъ и воздухъ сдѣлался *тяжелъ*. Но Рѣчешная сопка наконецъ не могла устоять противъ своей со-

перницы и, видя свою неминуемую гибель, собрала все свои силы, надулась, лошнула и совсѣмъ погасла; Макушинская же сопка, оставшись побѣдительницею и ни сколько не поврежденною, и, не видя никакихъ непріятелей вблизи себя, успокоилась и понинѣ почиваетъ, дымясь немного.»

Вотъ сказка:

«Нѣкто изъ могущественныхъ и славныхъ родоначальниковъ Алеутскихъ, житель селенія Адусъ (что послѣ называлось *Егорковскимъ*), находившагося на сѣверо-восточной сторонѣ острова Умнака — тоэнь, по имени Агиталигакъ, наскучивъ своими обыкновенными дѣлами, какія онъ могъ производить около своего мѣста и въ кругу своихъ собратій, вздумалъ прославить себя и родъ свой какимъ-нибудь славнымъ и достопамятнымъ дѣломъ въ чужихъ краяхъ. Поставивъ для себя это непремѣнную цѣлю, онъ, впрочемъ не открывая никому самаго намѣренія, заблаговременно, то есть, еще во время зимы, началъ вызывать охотниковъ быть участниками въ его предпріятіи, и такъ какъ онъ былъ славенъ и могущественъ, то къ нему собралось великое *воинство*, которое состояло единственно изъ его *родниковъ*, то есть, родственниковъ, какъ съ его стороны, такъ и женъ его. И когда наступило время удобнѣйшее для предпріятія похода, то тотчасъ они, взявъ съ собою женъ своихъ и дѣтей, отправились въ путь на востокъ, въ байдарахъ. Во время проѣзду ихъ мимо Уналашки, къ нимъ присоединилось еще множество людей, тоже дальнихъ родственниковъ предводителя, такъ, что наконецъ, тоэнь Агиталигакъ, имѣлъ удовольствіе видѣть себя предводителемъ и главою великаго воинства и огромнѣйшаго *флота*, съ которымъ онъ двинулся далѣе на востокъ отъ Уналашки, направляя путь свой по южную сторону полуострова Аляскы.

Не доѣхавъ нѣсколько до острова *Кадьяла*, Агиталигакъ нашелъ двѣ большія бухты, которыя, по своему расположенію и мѣстнымъ удобствамъ къ жизни, по его мнѣнію, оказались весьма соответствующими его предположеніямъ, и онъ рѣшился остаться здѣсь навсегда; и потому, раздѣливъ свое воинство на двѣ половины, приказалъ каждой изъ нихъ селиться въ означенныхъ бухтахъ.

Такимъ образомъ пришлецы эти поселились здѣсь, составивъ два большія селенія (одно изъ нихъ, западное, было резиденціею тоэна), и находя тутъ достаточныя средства къ своему пропитанію, они начали жить мирно и размножаться. Между ними былъ положенъ клятвенный уговоръ, подъ угрозою смерти: ни зачѣмъ не перевзжать на сторону другъ друга, кромѣ какъ въ гости, безъ особеннаго позволенія тоэна. Занятіе ихъ состояло только въ промыслахъ морскихъ и земляныхъ звѣрей. Въ такомъ состояніи они прожили три года, не отлучаясь никуда далеко отъ своихъ мѣстъ и не видя ни откуда со стороны ни какихъ нападеній, ни непріятностей.

Черезъ три года ихъ пришествія случилось, что жители восточнаго селенія вздумали послать двѣ байдары, съ полнымъ числомъ гребцовъ, для собиранія лѣса и именно въ западную бухту, составляющую непосредственное владѣніе ихъ тоэна, и гдѣ у него было собрано много лѣсу. Посланные уже однимъ прѣздомъ своимъ нарушили клятвенный уговоръ ихъ съ соседями: *не переплывать на чужую сторону*. Но они, кромѣ-того, вопреки особенному приказанію и заперту тоэна, взяли готовый лѣсъ, искололи его какъ имъ было удобнѣе для погрузки и только за темнотою ночи не успѣли отправиться обратно, и остались ночевать. Не опасаясь какого-либо нападенія ни откуда, потому что вѣншихъ враговъ они не имѣли, а отъ соседей своихъ, какъ родственниковъ и своихъ, они не ожидали ни малѣйшихъ непріятностей, и потому на ночь не приняли никакихъ предосторожностей.



Агиталигакъ, какъ-то узнавъ, что въ его владѣніяхъ находятся чужіе люди, послалъ осведомиться, что они тамъ дѣлаютъ. Посланные возвратились и сказали, что лѣсъ, который, по его приказанію, былъ собранъ и изготовленъ, весь исколотъ и приготовленъ къ погрузкѣ въ чужія байдары. Тою же тотчасъ же послалъ часть своей команды и приказалъ смертію наказать нарушителей уговора и хищниковъ. Посланные въ точности исполнили приказаніе своего повелителя, и не оставили ни одного въ живыхъ изъ прѣхавшихъ въ байдарахъ.

Тою же Агиталигакъ имѣлъ у себя сына, по имени: Тайягухъ Каюлинахъ, который уже былъ женатъ, и (по древнему обычаю Алеутовъ) на дочери одного изъ жителей соседственнаго селенія. И такъ какъ молодая жена его, послѣ замужства своего, должна была жить нѣсколько времени у отца своего, и ей еще не пришло время переселиться въ домъ мужа; то Каюлинахъ могъ посѣщать и посѣщалъ жену свою когда хотѣлъ и часто проживалъ у ней нѣсколько дней.

Вскорѣ послѣ описаннаго происшествія въ западной бухтѣ, Каюлинахъ сталъ проситься у отца своего, по-прежнему съѣздить посѣтить жену свою, которая была уже беременна и скоро должна была сдѣлать его отцомъ (и тѣмъ исполнить утвердить ихъ бракъ и дать ему право увезти ее къ себѣ домой). Но отецъ его, зная, что поступокъ его съ сосѣдями не можетъ остаться безъ отмщенія, долго не хотѣлъ отпустить сына, опасаясь чтобы мщеніе ихъ не вымѣстилось на немъ, единственномъ его наследникѣ. Наконецъ, уступивъ убѣдительнымъ просьбамъ любимаго, отпустилъ его, по съ такимъ условіемъ, чтобы онъ черезъ 10 дней непременно возвратился домой; а если же онъ къ этому времени не прѣдетъ, то онъ будетъ считать его уже убитымъ въ отмщеніе за его поступокъ.

Каюлинахъ тотчасъ отправился къ своей женѣ, одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ. По прѣздѣ своемъ въ селеніе, гдѣ жила его жена, онъ былъ встрѣченъ уже не по-прежнему: вмѣсто того, чтобы выйти на пристань всѣмъ или по-крайней-мѣрѣ многимъ, къ нему вышли только три брата жены его, которые тотже часъ сказали ему, что въ ихъ селеніи уже извѣстна безсовѣстный поступокъ отца его съ людьми ихъ селенія; и что уже дѣлается совѣтъ: какъ и чѣмъ отмстить ему; и совѣтовали ему, что если его сегодня или завтра подъ какимъ-либо видомъ будутъ звать въ общее собраніе, то, чтобы онъ отнюдь не ходилъ туда; иначе не избѣжать ему смерти. Каюлинахъ не совсѣмъ внималъ ихъ словамъ и совѣтамъ; ему было не до того: онъ спѣшилъ къ своей возлюбленной, которая родила ему сына-наследника. Жена его также рассказала ему о составляющихся совѣтахъ, и упрашивала не ходить къ нимъ; но онъ пренебрегъ также и ея совѣтами и предостереженіями, думая, что никто не посмѣетъ тронуть его, какъ сына могущественнѣйшаго и славнаго тоэна; и притомъ онъ думалъ, что такъ какъ все селеніе ему въ близкомъ родствѣ, или по его матери или по его женѣ, то и нѣкого ему опасаться; но вышло совсѣмъ не по его расчету.

На другой день прѣзда Каюлинаха въ селеніе, его, въ самомъ дѣлѣ, приглашаютъ на совѣтъ, собравшіяся въ полѣ, за селеніемъ. Онъ, получивъ такое приглашеніе, тотчасъ одѣлся въ лучшее свое парадное платье, то есть, надѣлъ на себя парку, шапку и проч. и, несмотря на слезныя убѣжденія милой жены своей, пошелъ куда его звали. Вышедши изъ дому, гдѣ онъ былъ, онъ остановился на улицѣ и обращая глаза свои во всѣ стороны, сказалъ: «Сей свѣтъ никогда не помрачится, и ему не будетъ конца; сей вѣтръ никогда не перестанетъ совсѣмъ дуть и съ свирѣпостію дѣйствовать на людей и животныхъ; (потомъ глядя на горы и холмы) и также сіи *высокія красы* *земли* никогда не измѣнятся; но всѣмъ людямъ и всѣмъ прочимъ живот-

«нымъ прѣдетъ конецъ и всѣ умрутъ; и я тоже когда-нибудь долженъ буду умереть; и что же мнѣ теперь бояться смерти славной?» Сказавши это, онъ тотчасъ пошелъ въ собраніе, и пришедши туда вошелъ прямо въ кругъ собравшихся и сѣлъ по срединѣ. Помолчавъ не много и не видя никакого ни вопроса, ни привѣта со стороны присутствующихъ, онъ сказалъ имъ: «вотъ я пришелъ къ вамъ; зачѣмъ вы меня звали?» Ему отвѣчаютъ: что мы знали что ты, по родству своему, прѣдешь къ намъ, и ждали тебя; и призвали тебя сюда ни зачѣмъ другимъ, какъ только узнать отъ тебя о побѣхавшихъ отсюда въ вашу сторону нашихъ двухъ байдарахъ; не слыхалъ ли ты что объ нихъ? и не видалъ ли кто-нибудь изъ вашихъ, куда онъ побѣхалъ? И ежели они живы, то имъ давно уже время воротиться, потому что имъ ни откуда и ни отъ кого нельзя встрѣтить опасности въ этой сторонѣ, обитаемой только однимъ нашимъ племенемъ. И такъ ты скажи намъ правду, все, что ты знаешь объ нихъ.» Тогда онъ сказалъ: «Да! я видѣлъ ваши байдары съ людьми, и знаю, что съ ними сдѣлалось; — но вамъ будетъ стыдно за столько *воиновъ* мстить на мнѣ, на одномъ худенькомъ мальчикѣ.» Ему говорятъ: «Мы не думаемъ мстить тебѣ за нихъ, и не думаемъ тебѣ дѣлать худое; ты только скажи намъ прямо, если ты видѣлъ ихъ убитыми, скажи намъ правду.» Онъ имъ на это отвѣчалъ то же что и прежде. Тогда всѣ бывшіе въ собраніи разсердились на него и озлобились; и одинъ изъ нихъ, бывший прежде невольникомъ отца Каюлинахова, сказалъ: что же вамъ толковать съ нимъ и щадить его къ своей досадѣ? видите, онъ только насмѣхается надъ вами: лучше надобно съ нимъ *кто-нибудь сдѣлать*. На слова этого невольника одинъ изъ родныхъ дядей Каюлинаха, сказалъ собранію: «Дѣлайте вы съ нимъ, что хотите.» Тогда всѣ дали рѣшительное согласіе убить его.

Исполнить же приговоръ хотѣлось всякому изъ нихъ лично, одному и безъ помощи другихъ, потому что Каюлинахъ (какъ показываетъ и самое имя его) былъ одинъ изъ сильныхъ мужчинъ; и потому убить такого героя всякой считалъ славнымъ дѣломъ. Но дорого заплатили тѣ, которые думали единоборствомъ одолѣть его; Каюлинахъ перваго, который бросился на него, не допустилъ до себя, схватилъ его, поднялъ на воздухъ и свернулъ ему голову руками и бросилъ отъ себя; такимъ образомъ онъ лишилъ жизни семерыхъ своихъ непріятелей и поединщиковъ, которые были одинъ другаго сильнѣе. Тогда Алеуты, видя, что если оставить его единоборствовать, то онъ поодначкѣ всѣмъ отвертитъ головы, — бросились на него всѣ со стрѣлами; и невольникъ, первый подавшій голосъ убить Каюлинаха, первый вонзилъ ему стрѣлу въ сердце; и тотъ палъ мертвъ.

Тогда ближайшіе родственники убитаго, то есть, дяди и двоюродные братья, съ плачемъ взяли его тѣло, сдѣлали богатую зыбку, украсивъ ее разными нарядами и вещами, положили въ нее и повѣсили его въ ней подъ байдарою. Жена Каюлинаха неутѣшно плакала объ немъ.

По прошествіи десяти-дневнаго условленнаго срока, отецъ Каюлинаха, видя, что сынъ его не возвращается, тотчасъ пустился въ путь, одинъ, въ то селеніе, куда онъ уѣхалъ; и прѣхавъ туда ночью вошелъ въ юрту, гдѣ жила его невѣстка, которая, въ темнотѣ ночи, сидя, горько плакала о своемъ мужѣ. Тою же Агиталигакъ тотчасъ узналъ, что плачущая женщина есть именно его невѣстка, и подойдя къ ней, тихонько сталъ спрашивать: что твой мужъ Тайягухъ Каюлинахъ живъ ли? Она, услышавъ такой вопросъ и отъ незнакомаго ей мужчины, съ горестію и досадою говоритъ ему: что ты еще насмѣхаешься надо мною, и къ печали моей прибавляешь еще печаль; развѣ ты не видалъ, что нынѣ случилось съ моимъ мужемъ; и не съ ними ли же и ты былъ? Тогда свекоръ ея говоритъ ей: молчи, тише; я отецъ твоего мужа, Агиталигакъ; я прѣхалъ провѣдать сына моего, живъ ли онъ; види, покажи мнѣ тѣло сына моего. Невѣстка повела его туда, гдѣ висѣло тѣло ея

мужа. И они оба долго плакали тутъ. Наконецъ свекоръ говоритъ своей невѣсткѣ: «Ты никому не сказывай, что я былъ здѣсь у тебя; я скоро прїѣду «сюда опять и отомщу за смерть сына моего кровію моихъ родственниковъ.» Сказавъ это, онъ тотчасъ уѣхалъ. Прїѣхавъ домой на слѣдующее утро, онъ призвалъ къ себѣ своего племянника (сына сестры своей), и всѣхъ своихъ посадя людей и, его прямо предъ собою лицомъ къ лицу, такъ близко, что когда онъ сталъ говорить, то слюна брызгами летѣла ему въ лицо; и, дыша злобою и мщеніемъ ужаснымъ, сталъ говорить ему: «Алгихтайхъ! (такъ назывался его племянникъ) ты охотникъ и жаденъ до войны и до крови челоувѣческой; и я тебя до-сихъ-поръ удерживалъ; но теперь даю тебѣ полную волю; отмсти смерть своего двоюроднаго брата; братъ твой и мой «сынъ убитъ въ томъ селеніи родственниками; готовься на войну воевать съ своимъ племенемъ.» Сказавъ это тотчасъ же далъ приказаніе вооружаться и какъ можно скорѣе быть готовыми къ походу.

Приказаніе его было исполнено, и раздраженный отецъ немедленно отправился съ своимъ полкомъ. И подѣхавъ къ селенію своихъ враговъ и родственникововъ, началъ печально и весьма удачно атаковать всѣхъ жителей въ ихъ юртахъ; и истребилъ ихъ всѣхъ безъ исключенія; и изъ цѣлаго огромнаго селенія не осталось ни одной души въ живыхъ, кромѣ невѣстан его и внука, которыхъ онъ взялъ съ собою также и тѣло своего сына и отправился домой.

Прїѣхавъ домой онъ сдѣлалъ большіе поминки по своему сынѣ, то есть, приказалъ выставить для жителей всѣ жизненные припасы, какіе у него только находились въ селеніи, не возбранно приходили и тѣи сколько угодно; а отецъ плакалъ надъ своимъ сыномъ. Угощеніе это продолжалось три дня; и по окончаніи его, то-есть, приказалъ тѣло сына своего повѣсить въ его юртѣ въ той же самой зыбкѣ, въ которой онъ былъ положенъ сначала; и объявилъ всѣмъ, чтобы съ тѣхъ поръ никогда и никто не билъ въ бубны и не веселился въ знакъ его безутѣшной печали. Ни время, ни охота, ни слѣзы ни что не могло уменьшить и облегчить его горькой печали. Онъ думалъ найти облегченіе въ убійствѣ невольниковъ; и потому приказалъ развести большой огонь, и когда онъ разгорѣлся, то онъ началъ бросать въ него невольниковъ. Но это средство было также безсильно. Наконецъ онъ рѣшился оставить мѣсто новаго селенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ свои планы и намѣренія, прославить себя въ чужихъ странахъ, и возвратиться на мѣсто своей родины; и въ наступившее лѣто онъ собралъ всѣхъ своихъ родственникововъ, составлявшихъ его подчиненныхъ, оставшихся въ живыхъ и повѣхалъ обратно туда, откуда пошелъ, въ свой знаменитый походъ, оставя всѣ свои заведенія и юрты.

Прїѣхавъ домой, онъ еще болѣе сталъ горевать и плакать о своемъ горѣ и своемъ безславіи. И такъ, вмѣсто того чтобы совершить какое-либо достопамятное и славное дѣло и прославить себя и родъ свой, онъ только обезсилить себя, почти истребивъ весь родъ свой, и вмѣсто славы и радости привезъ домой, безславіе, печаль, горестъ и слѣзы, которыя не оставляли его до самой кончины.»

Вотъ другая сказка.

«Нѣкто изъ бойкихъ Алеутовъ былъ чрезвычайный охотникъ до *игрушекъ*, то есть, до вечеринокъ (ихъ обыкновенныхъ увеселеній). И во время ихъ любилъ наряжаться въ разныя личины и плясать. Въ одно время онъ вздумалъ сдѣлать игрушку, знаменитѣйшую и на удивленіе всѣмъ. И для того приготовленія его къ тому были особенно хлопотливы и продолжительны. Когда было все готово, то онъ повѣхалъ приглашать гостей изъ другихъ се-

леній; прїѣхали гости и, по обыкновенію, помѣстившись на берегу, въ сдѣланныхъ ими походныхъ шалашахъ (исхунъ). Петерпѣливый хозяинъ въ тотъ же вечеръ хотѣлъ начать игрушку; и когда наступило время для игрушки, онъ послалъ жену свою принести личины, а самъ началъ пѣть сочиненныя имъ для этого пѣсни, играя, то есть, ударяя въ бубень. Уже проходило довольно вечера, а гости его къ нему не собираются и жена его не несетъ ему личины. Онъ пождетъ-пождетъ ихъ, и опять начнетъ пѣть и играть на своихъ бубнахъ. Такимъ образомъ онъ въ жару и упоеніи своей страсти къ удовольствіямъ, всю ночь пропѣлъ и проигралъ, и совершенно одинъ, и подѣ-конецъ совсѣмъ забылъ все, и потому ему не пришло и въ голову узнать о причинѣ, почему нейдутъ къ нему гости, и жена его не несетъ ему личины. Но наступившее утро вывело его изъ самозабвенія и открыло ему всю истину. Когда уже совсѣмъ сдѣлалось свѣтло, онъ выходитъ на улицу и что же онъ видитъ? Гости его всѣ уѣхали домой; и къ ужасному его посрамленію сдѣлали еще другое: они увезли съ собою и его молодую жену. Несчастный вечеринщикъ тотчасъ сорвалъ съ себя всѣ наряды и украшенія, которыя были на немъ, и одѣлся въ самое худое платье; и три дни не ѣлъ ни крошки и не пилъ ни капли воды. На третій день сказали ему, что прїѣхали двѣ байдарики изъ того селенія изъ котораго у него были гости; онъ велѣлъ позвать къ себѣ прїѣзжихъ, посадилъ ихъ и приказалъ угощать чѣмъ могъ; и когда они начали ѣсть, то, и самъ хозяинъ началъ съ ними ѣсть и пить. Во время стола, онъ рассказалъ гостямъ своимъ о случившемся съ нимъ несчастіи и горѣ; и потомъ спросилъ ихъ: не знаютъ ли они, или не слыхали ли отъ кого, на которое селеніе, и куда увезли его жену? Гости сказали ему, что жена его находится въ ихъ селеніи и уже замужемъ, живетъ въ самой большой юртѣ, расположившись на самой срединѣ, всегда одѣта въ самую нарядную парку и всегда убрана, то есть, съ раскрашеннымъ лицомъ; и среди дня сидитъ при огнѣ и шьетъ своему новому мужу камлейку, изъ сивучьихъ кишочекъ. Несчастный хозяинъ, поблагодаривъ своихъ гостей за такую вѣсть, отпустилъ ихъ. На завтрашній день онъ повѣхалъ туда, гдѣ была его жена, и нашелъ ее точно въ томъ самомъ мѣстѣ и положеніи, какъ ему описывали прїѣзжіе. Въ это время всѣ мужчины того селенія разѣхались за промысломъ звѣрей. Онъ тотчасъ, не говоря ни слова, взялъ свою жену за большую ея косу, вытащилъ на улицу, снялъ съ нее нарядное платье, оставя ее въ природномъ костюмѣ, и тѣмъ же способомъ препроводилъ ее до своей байдарики. Привезя жену свою домой, онъ привязалъ ее на улицѣ у входа въ свой домъ, оставя ее въ послѣднемъ костюмѣ. Въ такомъ ея полженіи онъ, продержавъ ее трои сутки, втащилъ ее въ свою юрту и снова заключилъ ее въ кладовую конурку на 7 дней, и также въ природномъ костюмѣ; а самъ съѣлъ у входа въ кладовую. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ семь дней безъ всякой пищи и питья, не давая ничего для утоленія голода и жажды и своей половинѣ. По прошествіи этого времени, онъ повѣхалъ въ море за промысломъ звѣрей, и узжая сказалъ своей матери, чтобы она, въ отсутствіи его обмыла жену его, одѣла и накормила. Возвратившись вечеромъ съ промысла, онъ вошелъ домой и къ женѣ своей съ такимъ лицомъ и видомъ какъ-бы ничего между ними не бывало; и сталъ жить съ нею въ мирѣ и согласіи какъ и прежде; но только страсть свою къ игрушкамъ возненавидѣлъ совершенно и сдѣлался осторожнѣе насчетъ жены своей.»

Пѣсенъ у Алеутовъ еще гораздо болѣе чѣмъ сказокъ, говоритъ авторъ: всякой островъ и всякое селеніе непременно имѣло всегда, и имѣетъ нынче, свои собственныя пѣсни, и по нѣскольку десятковъ, такъ, что если собрать ихъ всѣ какія были и есть нынче, то наберется нѣсколько томовъ. Почти всякой сколько-нибудь смышленный Алеутъ можетъ составить новую пѣсню, если не оригинальную, то по образцу прежнихъ. Содержаніе алеутскихъ пѣсенъ очень разнооб-

разно: въ нихъ они воспѣваютъ старину, подвиги предковъ, удаливость на промыслѣ, искусства въ ѣздѣ по морю и въ управленіи байдарою; въ нихъ они выражаютъ свои неудачи въ промыслѣ, горе, радости и удовольствія жизни. Голосовъ или напѣвовъ въ ихъ пѣсняхъ очень немного: кажется, не болѣе трехъ. Главныхъ музыкальных тоновъ пять, прочіе все полутоны, которые однако жъ разнообразятся до безконечности. Такту или размѣру въ пѣсняхъ собственно нѣтъ, такъ же какъ и рѣзмы, даже число слоговъ неопредѣленно, — цѣлый стихъ или нѣсколько словъ стиха, смотря по смыслу, произносятся скороговоркою, потомъ конечныя слова вытягиваются до извѣстнаго предѣла въ музыкальномъ тактѣ, который всегда и вездѣ одинаковъ, именно, три осьмыхъ или три четверти. Единственный музыкальный инструментъ у нихъ — бубенъ. Пѣсни на игрушкахъ или вечеринкахъ поются одними мужчинами.

Первыя двѣ части этой чрезвычайно любопытной книги оканчиваются множествомъ таблицъ метеорологическихъ наблюденій, статистическихъ данныхъ, извлеченіями изъ метрическихъ книгъ, и прочая. Въ третьей части находятся изслѣдованія почтеннаго автора объ атхинскихъ Амеутахъ или Колошахъ (Коложахъ), то есть, жителяхъ сѣверо-западнаго берега Америки, отъ рѣки Колумбіи до Горы Святаго Іліи, и архипелага Принца Валлійскаго и короля Георга III.

Исторія Семилѣтней войны въ Германіи, съ 1756 по 1763 годъ, сочиненіе *И. В. Архенгольца*, служившаго капитаномъ въ арміи Фридриха Великаго. Перевелъ *Алексій Мартосъ*. Москва, 1841.

Семилѣтняя война — предметъ, достойный самаго искуснаго пера. Весь интересъ ему даетъ безсмертный Фридрихъ Второй, король прусскій. Этой истиной такъ увлекся капитанъ Архенголецъ, что въ его описаніи Семилѣтней войны мы видимъ почти одну исторію подвиговъ его славнаго государя въ эту эпоху. Если прибавить, что господинъ Архенголецъ, прямой волкъ, не охотникъ доискиваться сокровенныхъ пружинъ дѣйствій участвовавшихъ державъ, то мы будемъ имѣть достаточное, общее понятіе о характерѣ подлежащаго сочиненія: изложеніе военныхъ операцій въ частности довольно отчетливо; описаніе сраженій очень хорошо. Кромѣ того, между, не рѣдко до крайности простодушными, разсужденіями и поясненіями въ книгѣ Архенгольца встрѣчаются черты, весьма оживляющія картину знаменитой борьбы прусскаго короля съ полъ-Европой. Странностямъ этой книги чрезвычайно помогаетъ переводъ ея: мы послѣ выпишемъ что-нибудь для примѣру, а теперь познакомимъ читателей съ положительными достоинствами Архенгольцовой «Исторіи». Для

этого надобно пробѣжать въ памяти нѣсколько событій, особенно начало войны.

Причины Семилѣтней войны въ Германіи заключаются, въ основномъ сожалѣніи Австріи о потерѣ въ предыдущую войну Силезіи, перешедшей по бреславскому и дрезденскому мирнымъ договорамъ во владѣніе Пруссіи, и въ непріязненномъ расположеніи къ Фридриху саксонскаго курфюрста, и польскаго короля, Августа III, вслѣдствіе потерянныхъ имъ надеждъ и испытанныхъ превратностей счастья въ войну за наслѣдство австрійскаго престола. Провозглашенный, въ царствованіе Маріи-Терезіи, австрійскимъ императоромъ, курфюрстъ баварскій Карлъ-Альбрехтъ отдалъ-было верхнюю Силезію, съ Моравіей, Августу; потомъ Фридрихъ чуть не отнялъ у саксонскаго курфюрста, союзника австрійской императрицы, все государство. Австрія и Саксонія заключили между собою союзъ противъ Фридриха и склонили къ тому же Императрицу Елисавету Петровну, воспользовавшись личнымъ неудовольствіемъ ея на коронованнаго философа осьмнадцатаго вѣка; а затѣмъ Францію, которая въ этомъ союзѣ находила благовидный предлогъ ввести войска свои въ Германію для отнятія у Англіи Ганновера: тогда эти двѣ державы воевали между собой за границы въ Сѣверной Америкѣ. На послѣдокъ, къ союзу противъ Фридриха присоединилась Швеція, увлеченная обещаніемъ отдать ей, по окончаніи войны, Померанію. Саксонія брала себѣ Магдебургъ, Австрія Силезію; Фридрихъ оставляли въ Германіи при одномъ Бранденбургѣ.

Тотъ, провѣдавъ объ этомъ страшномъ союзѣ, рѣшился начать борьбу прежде, чѣмъ враги его соберутся съ силами, и ударилъ, съ шестидесятью-тысячною, отлично обученною, арміею на Саксонію. Четырнадцати-тысячное саксонское войско, не чая успѣху отъ битвы съ Фридрихомъ безъ союзниковъ, заперлось въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Пирны, у границы Богеміи, и ждало помощи со стороны Австріи. Фридрихъ безпрепятственно вступилъ въ Дрезденъ, 10 сентября 1756 года.

Въ архивахъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ онъ нашелъ подтвержденія, но еще не прямыя, слуховъ о враждебныхъ намѣреніяхъ противъ него европейскихъ державъ: надобно было овладѣть кабинетнымъ архивомъ дрезденскаго двора. А это было не легко: его успѣли перемѣстить на половину королевы. Фридрихъ послалъ къ ней генерала Винтерфельда съ просьбою отдать архивъ въ его распоряженіе. Тотъ на колѣняхъ умолялъ ее исполнить требованіе государя: королева была непреклонна.

«Тогда явились другіе депутаты, которые дѣйствовали уже болѣе по военному, и хотѣли помощію инструментовъ отворить шкафъ. Но королева льстилась, что особа ея будетъ достаточнымъ оберегателемъ сего хранилища: она стала впереди шкафа и протянула свои руки. Упорство ея въ семъ случаѣ навлекло ей только новыя оскорбленія. Ее оттащили, несмотря на крики и сопротивленіе, и Фридрихъ получилъ бумаги, имъ желаемыя.»

Изъ этихъ бумагъ онъ почерпнулъ неоспоримыя доказательства несправедливаго союза и обнародовалъ ихъ, въ оправданіе своего нашествія, которое называлъ только занятіемъ «для охраненія». Съ этого цѣлью Фридрихъ принялъ дѣятельныя мѣры, чтобы удержаться въ Саксоніи: укрѣпилъ городъ Торгау, куда доставили артиллерію изъ разныхъ мѣстъ занятой страны; учредилъ тамъ крѣпостной комиссаріатъ и главное казначейство, въ которое должна была поступать и конгрибуція арміи, вытребовалъ большіе запасы хлѣба, множество скота и фуражу. Между-тѣмъ въ Дрезденѣ онъ печаталъ всѣ канцеляріи, закрылъ коллегии и департаменты, уволилъ отъ должностей нѣкоторыхъ гражданскихъ чиновниковъ, вывезъ изъ городского арсенала въ Магдебургъ всю артиллерію и снаряды, и всюду осеквестровалъ курфиршескую казну. Впрочемъ, съ жителями онъ обходился весьма милостиво и привѣтливо: ему представлялись почти всѣ оставшіеся въ Дрезденѣ значительные люди; королевской фамиліи оказывали всевозможныя учтивости: Фридрихъ посылалъ къ ней съ привѣтствіемъ, приглашалъ ее къ своему столу, предлагалъ въ услуги своихъ придворныхъ.

Посредничество англійскаго и голландскаго министровъ къ примиренію прусскаго и польскаго королей осталось безуспѣшнымъ: Фридрихъ требовалъ отъ Августа строгаго нейтралитета; а тотъ, хотя и общалъ его, не хотѣлъ однако дать ни какого ручательства. И такъ прусскій король приступилъ къ блокадѣ Пирны.

Саксонцы, день-отъ-дня приходя въ болѣе стѣсненное положеніе отъ недостатку въ провіантѣ, не сдавались однако жъ на представленія Фридриха, въ надеждѣ получить скорое подкрѣпленіе отъ австрійскаго генерала Броуна, которому дворъ предписалъ, во что бы то ни стало, освободить Саксонцевъ. Фридрихъ послалъ въ Богемію съ одной стороны, съ значительнымъ корпусомъ, Фельдмаршала Кейта, съ другой, изъ Силезіи, съ тридцатью тысячами человекъ, графа Шверина, занимать Броуна, такъ, чтобы ему некогда было помышлять о Саксонцахъ. Наконецъ, видя непреклонность пирнскаго лагеря и опасаясь, въ случаѣ неуспѣха Кейта и Шверина, попасть между двухъ силъ, онъ самъ пошелъ навстрѣчу Броуну.

Тотъ дѣйствительно былъ уже близко къ Саксоніи. Обѣ арміи сошлись, 31 сентября, неподалеку отъ села Ловозицъ, у Эльбы, пониже Лейтмерица. Австрійское войско состояло изъ пятидесяти-двухъ батальоновъ и семидесяти двухъ эскадроновъ, и имѣло девяносто осемь орудій; Пруссаки были въ числѣ двадцати-шести батальоновъ и пятидесяти-шести эскадроновъ, и имѣли сто двѣ пушки. Изъ-за густаго туману не видя главныхъ австрійскихъ силъ, Фридрихъ подумалъ-было сначала, что Броунъ перешелъ за Эльбу; потому что тотъ не занялъ близлежащія высоты; однако, на всякой случай, не упустилъ утвердиться на этихъ высотахъ. Броунъ, между-тѣмъ, счелъ выгоднѣйшимъ стать у села, которое прикрывало его правое крыло и гдѣ его центръ и лѣвый флангъ были прикрыты болотами и другими недоступными мѣстами. Въ селѣ онъ поставилъ отбор-

ную пѣхоту и большое число пушекъ, а передъ нимъ выдвинулъ сильную батарею и устроилъ редуты.

Въ полдень туманъ разсѣялся, и дѣло началось. Прусская кавалерія произвела правильную атаку и опрокинула австрійскую конницу. Но, преслѣдуя ее, подсакала подъ ловозицкія батареи, была удержана сильнымъ огнемъ и потерпѣла большой уронъ. Послѣ этого Пруссаки бросились на Кроатовъ,—австрійское легкое войско, которое, засѣвъ въ виноградникахъ, какъ изъ ретраншаментовъ, стрѣляло изъ-за плетней и заборовъ,—и, хотя съ великимъ трудомъ, однако выгнали ихъ оттуда. Между-тѣмъ Броунъ атаковалъ высоты своею отборной пѣхотой. Пруссаки, разстрѣлявъ, въ оборонѣ, почти всѣ заряды, бросились въ штыки и били нападающихъ прикладами. Австрійцы спустились внизъ горы и были прогнаны къ селу. Воспользовавшись безпорядкомъ непріятеля, Пруссаки зажгли село, и вытѣснили его оттуда. Тогда Броунъ произвелъ отступленіе, достойное великаго полководца. Тѣмъ не менѣе побѣда несомнѣнно осталась на сторонѣ Пруссаковъ, хотя они, какъ и противники ихъ, понесли большой уронъ убитыми и плѣнными.

Таково было первое сраженіе, данное въ Семилѣтнюю войну. Оно удержало Броуна въ Богеміи. Для освобожденія саксонской арміи, онъ предложилъ Августу самому идти въ эту страну, въ надеждѣ атаковать Фридриха съ двухъ сторонъ. Но это легко было сказать. Лишь только Саксонцы, изнуренные голодомъ, выступили изъ лагеря подъ Пирной и пошли вверхъ по Эльбѣ, Пруссаки заняли лагерь и, напавъ на саксонскій арріергардъ, взяли его въ плѣнъ и захватили большую часть обоза и артиллеріи. Главное войско три дня оставалось безъ пищи, не имѣя даже пороху, когда его отовсюду окружалъ непріятель. Августъ сдался на капитуляцію. Вся армія его должна была положить оружіе; офицеровъ распустили; рядовыхъ заставили присягнуть на вѣрность службѣ королю прусскому, и большую частію разбили по прусскимъ полкамъ. На просьбу Августа объ оставленіи при немъ его гвардіи, сформированной изъ самыхъ отборныхъ воиновъ, Фридрихъ отвѣчалъ: она должна имѣть одинаковую участь съ прочими войсками, потому что Пруссаки не хотятъ трудиться брать ее въ другой разъ. Августъ уѣхалъ въ Польшу.

Этимъ заключилась кампанія 1756 года. Фридрихъ провелъ въ Дрезденѣ всю зиму среди общественныхъ удовольствій, въ которыхъ Саксонцы не отставали отъ Пруссаковъ. Господинъ Архенгольцъ, купно съ господиномъ Мартосомъ, рассказываетъ, что «въ Дрезденѣ давали спектакли, балы, маскарады и концерты, въ коихъ монархъ, отовсюду угрожаемый *только* сильными непріятелями, *аккомпанировалъ музыкантамъ на флейтѣ.*» — «*Сіе* душевное спокойствіе,» продолжаетъ авторъ съ переводчикомъ, «было послѣдствіе *философическихъ чувствованій*» Фридриха.

Между-тѣмъ онъ не плошалъ: ожидая страшной грозы съ запада и востока, онъ увеличилъ свою армію, немного выигравшую отъ

присоединенія саксонской, которая почти вся разбѣжалась; пополнялъ свою, и безъ того исправную, казну продажею огромныхъ призовъ, взятыхъ въ Дрезденъ и Мейсенъ, и сильнымъ уменьшеніемъ, въ свою пользу, курфиршескихъ государственныхъ расходовъ; тогда какъ противники его были при совершенномъ безденежьи, что и замедляло ихъ дѣйствія. Однако жъ, къ веснѣ, они изготовились: теперь Фридриху приходилось имѣть дѣло съ Австрійцами, Русскими, Шведами и, косвенно, съ Французами, къ которымъ присоединились войска другихъ, мелкихъ, нѣмецкихъ союзниковъ Австріи. Германскій сеймъ до конца прогнѣвался на прусскаго героя: онъ торжественно осудилъ его на изгнаніе изъ имперіи и объявилъ лишеннымъ всѣхъ своихъ провинцій и сана. Вотъ какъ господа Архенгольцъ и Мартосъ описываютъ нѣмецкія войска.

«Имперская армія, представительница германской конфедерации, впрочемъ *только властная*, собралась въ видѣ смѣху достойномъ. Сія войска чуть ли не походила на древнихъ крестоносцевъ. Исключая участковъ Баваріи, Палатината, Виртемберга и еще нѣкоторыхъ нѣмецкихъ владѣній, все прочее войско сіе было скопище неустроенныхъ ордъ, раздѣленныхъ на корпуса, которое, въ цѣломъ составляло презабавную пестроту. Въ Швабіи и Франконіи многіе округа выставили только по одному солдату. Нѣкоторые обязаны были дать офицера безъ солдатъ и офицеръ сей, нерѣдко, былъ крестьянинъ, взятый отъ сохи; иные ставили барабанщика, которому давали ящикъ, отысканный отъ сохи; иные ставили старинномъ арсеналѣ. *Свинари* повышались въ флейтчики, а старыя упряжныя лошади были отдаваемы подъ драгунъ. Прелаты имперіи, тщеславясь видѣть себя союзниками толь великихъ монарховъ, посылали въ армію монастырскихъ служекъ, снявши съ нихъ парусинники; не было единообразія ни въ оружіи, ни въ одеждѣ, ни въ обозахъ, словомъ, ни въ чемъ, въ войскѣ, собранномъ изъ людей со всѣхъ сторонъ, которыхъ называли солдатами и отъ коихъ ожидали величайшихъ подвиговъ.»

Съ другой стороны въ сѣверной Германіи тоже образовалась, обсервационная армія изъ Ганноверцевъ, Гессенцевъ, Брауншвейгцевъ, разныхъ баталіоновъ войскъ саксенъ-готскихъ и бюкенбургскихъ. Съ присоединеніемъ нѣсколькихъ баталіоновъ Пруссаковъ, эта армія составляла близъ пятидесяти тысячъ человекъ. Французы занимались сначала одною этою арміею; Русскіе же и Шведы вступили въ Пруссію поздно, и потому Фридрихъ опять долженъ былъ обратиться на Австрійцевъ.

Тѣ желали оставаться въ Богеміи въ оборонительномъ положеніи до прибытія союзниковъ. Но Фридрихъ заставилъ ихъ вступить съ нимъ въ генеральное сраженіе послѣ частной, счастливой для Пруссаковъ, битвы одного изъ его корпусовъ съ корпусомъ австрійскимъ.

По несогласію главныхъ своихъ генераловъ, давъ Фридриху перейти черезъ Молдаву, въ виду у себя, Австрійцы подпустили его къ Прагѣ. Пруссаки вступили въ дѣло съ шестидесятью осемью тысячами, оставивъ тысячу тридцать за Молдавою, въ корпусахъ Кейта и Морица, и, несмотря на выгодную позицію непріятелей на горахъ, укрѣпленныхъ ретраншаментами и огражденныхъ отъ нападе-

нія болотистыми лугами и несовѣтъ высохшими прудами съ вязкимъ дномъ, и на самый отчаянный отпоръ, послѣ непродолжительнаго переменнаго счастья, опрокинули Австрійцевъ. Одна часть ихъ побѣжала полями, другая бросилась въ Прагу. Вскорѣ послѣдніе увидѣли всю опасность своего положенія и покушались выйти изъ города; но Пруссаки заняли уже все выходы изъ него и принудили ихъ воротиться. Ускользнувшіе Австрійцы пошли на соединеніе съ арміею Дауна, который во время Прагской баталии былъ только въ четырехъ миляхъ отъ мѣста сраженія. Морицъ видѣлъ ихъ, но изъ-за рѣки могъ только производить по нимъ канонаду: ему не доставало понтоновъ, а то бы пораженіе Австрійцевъ было конечное.

Фридрихъ совершенно заперъ въ Прагѣ оставшуюся австрійскую армію, состоящую изъ пятидесяти тысячъ человекъ, не считая гарнизону: она ни какъ не могла оттуда выйти и пришла отъ недостатку въ припасахъ въ отчаянное положеніе. «Городъ» бомбардировали калеными ядрами, метали въ него бомбы, которыя сожгли множество строеній и причиняли непрерывные пожары. По ночамъ стонъ и вопль жителей былъ слышенъ въ лагерь Пруссаковъ.

Двѣнадцать тысячъ жителей были выгнаны изъ города на тотъ конецъ, чтобы уменьшить въ немъ голодъ; но ядры осаждающихъ опять вогнали ихъ въ прежнее мѣсто. По трех-недѣльной осадѣ весь новый городъ и Жидовскій Кварталь, были превращены въ пепель: нѣкоторые магазины съ жизненными припасами были равномѣрно сожжены. Множество жителей, стариковъ, женъ, дѣтей, были убиты бомбами или задавлены въ развалинахъ домовъ. Всѣ улицы были загромождены лошадьми и повозками, церкви наполнены ранеными и больными, и смерть здѣсь похищала людей и животныхъ, какъ въ дни самой лютой моровой язвы. Духовенство, градоначальники, граждане, умоляли принца Карла, главнокомандующаго, о состраданіи, къ которому его сердце было не нечувствительнаго. Но онъ не могъ явить имъ испрашиваемаго благоволенія: онъ предложилъ капитуляцію, требуя свободнаго выхода своимъ войскамъ; но Фридрихъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, предлагая, съ своей стороны, условія, которыя не могли быть приняты. Австрійцы не сдавались. Фридрихъ, опасаясь близости союзныхъ армій, вздумалъ дѣйствовать предприимчивѣе: оставивъ для продолженія осады Праги тридцать двѣ тысячи войска, онъ пошелъ на Дауна, и..... потерялъ все, что приобрѣлъ въ эту войну. Конечно, такъ устроимъ случай; тѣмъ не менѣе, это привело его на край гибели; тогда какъ до того самая Вѣна дрожала за себя: господа Архенгольцъ и Мартосъ говорятъ, что и въ сей столицѣ *толькихъ* императоровъ царствовалъ неизъяснимый ужасъ; уже полагали за вѣрное видѣть побѣдителя у воротъ Вѣны и были въ готовности предложить ему большія пожертвованія».

Вотъ какъ счастье отвернулось отъ Фридриха.

«Даунъ стоялъ на горахъ колинскихъ.» Одну свою линію онъ поставилъ на скатъ высотъ горъ, прочія на вершинахъ ихъ. Фронтъ арміи его былъ закрытъ деревьями, рывинами и пригорками обрывистыми, на которые по большей части не было возможности достигнуть. Многочисленная артиллерія, производящая страшный огонь, казалось, должна была заставить отложить всякое нападеніе. Но послѣ того, какъ король обозрѣлъ сію позицію, атака учинена была съ неустрашимостію, которая удивила непріятелей и въ каковой не превзошелъ никто изъ народовъ.

«Сей великій день, по всемъ отношеніямъ, долженъ именоваться *Прусскимъ*. Можетъ-быть отъ Арбельской битвы, когда тактика Грековъ, на поляхъ Персіи, рѣшила участь толикихъ царствъ, никогда героизмъ не былъ столь тѣсно связанъ съ учеными маневрами. Пруссаки атаковали семь разъ непріятеля, въ чрезвычайно выгодной позиціи расположеннаго, и когда страшный градъ картечь ниспровергалъ цѣлые баталіоны, вынуждая ихъ удаляться, Пруссаки не удалялись, но производили отступательныя движенія, чтобы устроиться и возобновить нападеніе. Одушевленные величайшею неустрашимостію, они шли по грудамъ тѣлъ, все-равно какъ по холмамъ.

«Не храбрость, не тактика, но случайныя происшествія, рѣшили участь сего достопамятнаго дня. Пруссаки получили важныя выгоды: непріятельскій правый флангъ былъ побитъ; его кавалерія, тамъ же помѣщенная, опрокинута, и уже Даунъ помышлялъ объ отступленіи. Его адъютанты летали съ одного крыла на другое съ приказаніями ретироваться, какъ счастье, властелинъ людей и государствъ, неожиданно склонилось на сторону непріятелей Фридриха. Мудрыя распоряженія короля не были выполнены: одинъ изъ его генераловъ, воспламененный воинскимъ жаромъ, разорвалъ линію и съ своими полками, нетерпѣливо желавшими сразиться, остановился въ то самое время, когда ему слѣдовало продолжать своєю движеніе, сообразуясь съ прочимъ войскомъ; отъ этого явился интервалъ въ прусской арміи, которая получила фальшивую дирекцію; въ эти минуты нѣкоторые полки саксонской конницы, подступившіе къ Дауну и горѣвшіе нетерпѣніемъ схватиться съ Пруссаками, двинулись безъ приказа и напали на непріятеля.

«Если конница успѣетъ врубиться въ пѣхоту, то сей послѣдней не остается инаго средства какъ броситься въ бѣгство; иначе она не избежитъ смерти или плѣну. *Cie* было аксіомою у всѣхъ воюющихъ народовъ до Колинской битвы, въ которой, превосходная дисциплина Пруссаковъ не уступала ихъ мужеству. Они пропустили цѣлые эскадроны саксонской кавалеріи и среди сей подавляющей массы конныхъ, несущихъ смерть, прусскіе баталіоны, съ рѣдкимъ присутствіемъ духа, смыкались въ карѣ и въ правильномъ устройствѣ, подобно какъ на угень, плутонгами стрѣляли по непріятелямъ. Люди и лошади, заключенные между сими живыми стѣнами, изрыгающими смерть, падали другъ на друга, навалились громады труповъ среди этой ограды. *Siu rьшительные кавалеристы*, заключивши сами себя въ эту черту, неминуемо должны были погибнуть. Но примчалась на помощь имъ другая кавалерія; она атаковала Пруссаковъ вдругъ съ фронта и въ тылъ столь сильно, что послѣднимъ слѣдовало изнечохъ въ бою только неравномъ. Саксонскіе драгуны дышали однимъ мщеніемъ.

«Пораженіе ихъ, обще съ Австрійцами, за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ въ Силезіи, было у нихъ въ свѣжей памяти. Почему при всякомъ сабельномъ ударѣ, наносимомъ ими, кричали они несчастнымъ жертвамъ *«это за Штригау!»* Все, что только сія кавалерія могла настигнуть, было или изрублено или взято въ плѣнъ. Гвардія Фридриха, состоявшая изъ тысячи самыхъ видныхъ людей, болѣею частию иностранцевъ въ военной потсдамской школѣ и исполненныхъ духомъ мужества, первая подверглась сей участи. Честь заступила у нихъ мѣсто патріотизма, они сражались до послѣдняго дыханія и

поле битвы, наводненное кровію, было устлано мертвыми тѣлами; каждый лежалъ на томъ мѣстѣ, которое занималъ въ рѣдахъ по своему чину. Подобно Пирру, въ первый разъ побѣдившему римскіе легіоны и съ удивленіемъ взиравшему на убитыхъ Римлянъ, генералы Маріи Терезіи, смотрѣли на гвардію короля Прусскаго. Весьма не многіе изъ оной пережили день сей.

«Пруссаки уступили Австрійцамъ поле битвы. Вечеромъ та часть арміи, которая побѣдила непріятеля, готовилась стать лагеремъ и торжествовать побѣду, а нѣкоторые конные полки разсѣдывали лошадей, какъ получили страшную новость, что сраженіе съ ихъ стороны потеряно, и что слѣдовало ретироваться. Фридрихъ съ тѣгостями и артиллеріею совершилъ отступленіе съ толикою осторожностію и въ такомъ порядкѣ, которое увѣнчало великіе подвиги онаго дня. Непріятели, для коихъ ретирада Пруссаковъ съ поля сраженія представляла зрѣлище совершенно новое, оставались мирными зрителями сего неожиданнаго случая; поему собственно король и могъ ретироваться въ порядокъ и не быть обезпоееннымъ.

Вотъ какъ оригинально господинъ Архенгольцъ объясняетъ бездѣйствіе Австрійцевъ при отступленіи Фридриха! Нужно ли доказывать неосновательность убѣжденія почтеннаго автора, довольно впрочемъ страннаго въ воинѣ, служившемъ подъ знаменами прусскаго героя? Всякой видитъ, что Даунъ, обязанный своимъ успѣхомъ одному случаю, не посмѣлъ довериться своему искусству. Колинская битва, которая такъ дорого стоила обѣимъ сторонамъ, заставила Фридриха отложить попеченіе о Богеміи и подумать о собственныхъ владѣніяхъ: въ это время вступали въ Пруссію Русскіе и Шведы, и приближались Французы; Австрійцы по отступленіи Фридриха въ свое отечество, заняли Саксонію и проникли, легкими отрядами, до самаго Берлина.

Сто-тысячную русскую армію встрѣтилъ въ Восточной Пруссіи фельдмаршалъ Левальдъ, и былъ разбитъ. Къ-счастію Пруссаковъ, Русскіе не только не стали продолжать своихъ успѣховъ, но еще внезапно воротились въ Россію. Это обстоятельство, темное для господина Архенгольца, ясно для знающихъ русскую исторію. Нашу армію отозвалъ кабинетный министръ Бестужевъ-Рюминъ, желая угодить будущему императору Петру III, который уважалъ прусскаго героя и любилъ его какъ друга: Елисавета Петровна въ ту пору такъ опасно занемогла, что при дворѣ уже отчаявались въ ея жизни.

Шведы, которыхъ было двадцать четыре тысячи, во всю войну ничего не могли сдѣлать: прусскіе отряды не выпускали ихъ изъ Помераніи соединиться съ которою-нибудь изъ союзныхъ армій. Причина неуспѣховъ шведскаго корпуса заключается не въ недостаткѣ мужества, не въ неумѣнн: у нихъ не было ни комиссаріата, ни магазиновъ, ни понтоновъ, ни легкихъ войскъ, ни субординаціи; къ этому слѣдуетъ присовокупить и то, что опытные въ военномъ дѣлѣ начальники, получали отъ шведскаго сената всякой разъ и для всякаго движенія, повелѣнія, одно другому противорѣчащія, и что они, рѣшившись на какое предпріятіе, подвергали себя за успѣхъ его полной отвѣтственности.

Фридрихъ пошелъ на Французовъ, которые соединились съ имперскими войсками. Положеніе его было опасное: у него было

только двадцать двѣ тысячи, тогда какъ непріятель имѣлъ въ строю шестьдесятъ тысячъ. «Но, прибавляютъ господа Архенгольцъ и Мартосъ, онъ имѣлъ столько присутствія духа, что написалъ французскими стихами свое завѣщаніе».

«Близъ Готы Французы въ первый разъ испытали отважность Пруссаковъ. Французскіе генералы, состоящіе подъ начальствомъ Субиза, ввели осемитысячный отрядъ въ сей городъ, назначивъ его мѣстомъ увеселеній, которыя могли бы улаживать ихъ въ трудностяхъ войны. При дворѣ герцога производились весьма значительныя приготовления къ тому чтобъ наилучшимъ образомъ принять сихъ почетныхъ военныхъ гостей. Въ самое обѣденное время, когда уже собирались итти къ столу и генералы французскіе показывали, что имѣютъ апетитъ весьма хорошій, вдругъ является у городскихъ воротъ прусскій генералъ Зейдлицъ съ полутора тысячью конницы. Осемь тысячъ Французовъ не думали ни сколько сопротивляться, отказались отъ праздника и поспѣшали выйти изъ города. Здѣсь было взято въ плѣнъ мало солдатъ, во напротивъ того много камердинеровъ, лакеевъ, поваровъ, парикмахеровъ, любовницъ, полковыхъ священниковъ и комедіантовъ, людей необходимѣйшихъ въ каждомъ французскомъ войскѣ. Пруссаки отбили экипажи многихъ генераловъ, въ которыхъ были найдены цѣлыя ящики съ эссенціею и благовонными помадами, множество пудреницъ, накладныхъ кошелевковъ, парасолей, шляфроковъ и париковъ. Зейдлицъ отдалъ своимъ гусарамъ всю пріобрѣтенную туалетную добычу, а щеголеватыхъ воинновъ отпустилъ безъ выкупу.

«Французы, получивъ нѣкоторыя вещи, безъ коихъ они почти не могли жить и которыя они считали вовсе утраченными, столь были тому обрадованы, какъ-бы выиграли сраженіе. Горячность ихъ сразиться возростала болѣе и болѣе; они собственно только и тревожились тѣмъ, что король можетъ ускользнуть отъ нихъ. Нѣкоторые изъ маршей Фридриха и разныя позиціи, которыя, одну послѣ другой, занималъ онъ, подтвердили эту догадку. Они знали о быстротѣ его движеній, о его маневрахъ и его общей тактикѣ по простымъ рапортамъ, но и сіи донесенія дѣлали надъ ними столь мало впечатлѣнія, что они рѣшились атаковать его въ одной изъ тѣхъ позицій, на коихъ онъ могъ развить всю свою тактику. Они надѣялись не токмо побить короля, но и захватить всю его армію. Въ лагерь французскомъ родился вопросъ: принесетъ ли честь и самое пораженіе войска столь малочисленнаго? Никогда надмѣнность храбрецовъ не сопровождалась болѣешими насмѣшками какъ нынѣ и никогда она не была лучше наказана.

«Пятаго ноября въ Саксоніи, близъ деревни Росбахъ, въ одной милѣ отъ Люцена, гдѣ палъ великій Густавъ-Адольфъ, защищая свободу Германіи, произошло сраженіе самое чрезвычайное въ своемъ родѣ. Король отступательнымъ движеніемъ выманилъ Французовъ изъ ихъ выгодной позиціи. Думая, что онъ старается уйти отъ нихъ, они старались ударить ему въ тылъ. Фридрихъ, расположившись на новомъ мѣстѣ, надѣясь на ту быстроту, съ которою его войска строятся въ боевой порядокъ, пребывалъ спокойнымъ зрителемъ непріятельскихъ движеній, даже не подвигая впередъ своихъ линій. Лагерь Пруссаковъ такимъ образомъ оставался неподвиженъ и какъ наступилъ полдень, то большая часть солдатъ стали обѣдать. Французы изъ-дали, примѣтивъ сіе, съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ: они полагали это знакомъ совершенной безнадежности, когда уже и не думаютъ о какой-либо защитѣ. Ожиданіе сіе, достигшее до высочайшей степени, не мало способствовало къ слабому сопротивленію и паническому страху, которые ознаменовали сей день. Генералъ Зейдлицъ съ прусскою кавалеріею неожиданно вдругъ явился изъ одной долины и, искусно маневрируя, устремился съ быстротою молніи на непріятелей, упоенныхъ безразсудными надеждами. Чего не бывало ни

въ одномъ полевоомъ сраженіи, то теперь произошло здѣсь: легкая конница атаквала и смяла тяжелую кавалерію, гусары отважно устремились на французскихъ жандармовъ. Ни мужество, ознаменовывающее сей благородный корпусъ, ни его большія лошади, *подобныя великанамъ*, не могли ничего сдѣлать. Все было опрокинуто. Субизъ подвинулъ свой резервъ, но не успѣлъ тотъ явиться, какъ тотчасъ былъ опрокинутъ. Въ самое это время прусская пѣхота, недавно спокойная, въ боевомъ порядкѣ пошла впередъ и привѣтствовала Французовъ страшнымъ залпомъ изъ пушекъ. За нимъ открылся правильный ружейный огонь, подобно какъ на ученьи. Тогда французская пѣхота была оставлена своею кавалеріею и взята во флангъ непріятелемъ. Напрасно Субизъ употреблялъ французскую тактику: его фолардовы колонны скоро были разбиты и оставалось только предаться всеобщему бѣгству. Французы и имперскія войска бросали оружіе, чтобы убѣгать поспѣшише. Только нѣкоторыя швейцарскіе полки еще сражались нѣсколько времени, которые и оставались послѣдними на полѣ битвы. Сія побѣда была рѣшена такъ скоро, что побѣжденные не присвоили себѣ чести долгаго сопротивленія. Они извиняли себя паническимъ страхомъ, который разлился между ними. Однако же Французы не упустили сложить всю вину пораженія ихъ на имперскія войска.»

— Извините, что мы не поправляли оригинальный слогъ господина Мартоса: мы хотѣли дать вамъ образчикъ.

«Одного французскаго гренадера, который съ бѣшенствомъ защищался противъ трехъ прусскихъ кавалеристовъ, не желая имъ сдаться, Фридрихъ, приказавъ имъ остановиться, спросилъ у гренадера: Развѣ онъ считаетъ себя непобѣдимымъ? Былъ бы непобѣдимъ, государь, отвѣчалъ гренадеръ, подъ вашимъ предводительствомъ. Объѣзжая поле битвы, король утѣшалъ тѣхъ французскихъ офицеровъ, которые были ранены; тронутые его великодушіемъ, они привѣтствовали его какъ полнаго побѣдителя не токмо ихъ самихъ, но и ихъ сердца. Пруссаки получили большую добычу: семьдесятъ двѣ пушки, двадцать два знамя и слишкомъ шесть тысячъ челоувѣкъ плѣнныхъ, было взято побѣдителями. Соединенная армія имѣла убитыми и ранеными три тысячи пятьсотъ челоувѣкъ. Уронъ Пруссаковъ не превышалъ трехъ сотъ челоувѣкъ.

«Въ народы нѣмецкой земли, не взирая на свои собственныя выгоды, узнали съ удовольствіемъ о Росбахской побѣдѣ, считая оную своимъ національнымъ торжествомъ. Чувствованія сіи обнаруживались всюду на самомъ полѣ сраженія. Одинъ прусскій кавалеристъ, въ ту минуту какъ хотѣлъ полонить Француза, примѣтивъ позади себя австрійскаго кирасира, который ужъ занесъ надъ нимъ саблю. «Братъ, Немецъ, вскричалъ ему Пруссакъ: позволь мнѣ этого Француза.» — Ну, бери, отвѣчалъ Австріецъ, удалился отъ него во весь опоръ.»

Плѣнные Французы были отведены въ Берлинь, гдѣ имъ дозволено было являться ко двору. Но они, не умѣя оцѣнить великодушнаго вниманія къ нимъ Фридриха, вскорѣ забылись, и ихъ переезжали въ Магдебургъ. Въ смѣшной надмѣнности они говорили, что они дѣлали честь «бранденбургскому маркизу»,—какъ называли Фридриха въ Парижѣ,—что «немножко съ нимъ подрались.»—Вотъ образчикъ ихъ невѣжливости. Одна статсъ-дама прусскаго двора, разговаривая въ комнатахъ королевы съ плѣннымъ французскимъ полковникомъ, спросила у него, какъ онъ находитъ прусскую столицу.—Она походитъ на большую деревню, отвѣчалъ тотъ. «Да, подхватила дама: Берлинь точно сталъ походить на деревню съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ появились французскіе мужики».

Росбахское пораженіе такъ сильно подѣйствовало на большую польскую королеву, что она умерла на другой день по полученіи объ немъ извѣстія.

Французско-имперская армія бросилась изъ саксонскихъ странъ, и остановилась уже на Рейнѣ.

Дѣла Фридриха опять приняли выгодный оборотъ: въ сѣверо-западной Германіи снова начала формироваться армія, которая должна была служить ему оградой съ запада. Обсервационная армія была разсыяна Французами въ предъидущемъ году. Заключенная при этомъ, кlostеръ-зеуенская, конвенція была нарушена Французами: на основаніи ея Ганноверъ долженъ былъ остаться нейтральнымъ, а тѣ стали распоряжаться въ немъ, какъ въ завоеванной странѣ. Великобританскій король Георгъ II, любя это курфиршество болѣе всѣхъ своихъ областей, велѣлъ собрать распущенныя ганноверскія войска, къ которымъ ландграфъ гессенскій, имѣвшій множество причинъ жаловаться на самоуправство Французовъ, присоединилъ свои. Этому грозили, что дворецъ его въ Кассель будетъ взорванъ на воздухъ, весь городъ преданъ пламени и всѣ области огню — и мечу, такъ что нѣсколько вѣковъ онъ будутъ пустынею. Ландграфъ не обратилъ на это вниманія, и удался. Кассель былъ ограбленъ. Частію контрибуціи не упустили воспользоваться и Австрійцы. Озлобленіе Французовъ было такъ велико, что они сожгли хранившіеся въ арсеналѣ трофеи, добытые Гессенцами въ прежнія войны.

Къ ганноверскимъ и гессенскимъ пристали брауншвейгскія войска, и главнокомандующимъ надъ всею соединенною арміею поставленъ герцогъ брауншвейгскій Фердинандъ. Французскій главнокомандующій, герцогъ Ришліе, думалъ было удержать союзниковъ варварскими угрозами: Фердинандъ пренебрегъ ими; начались непріятельскія дѣйствія, и два французскіе корпуса были обращены въ бѣгство. Ришліе, получивъ о томъ донесеніе, въ бышенствѣ приказалъ разграбить городъ Целль и сжечь его предмѣстія. Напрасно его просили пощадить домъ призрѣнія сиротъ: и тотъ былъ преданъ пламени.

Наступившее суровое время, напоследокъ, заставило объ арміи разойтись на зимнія квартиры.

Фридрихъ, спокойный уже со стороны Французовъ, устремился въ Силезію, которую не могъ прикрыть фельдмаршалъ его, принцъ Бевернскій, съ двадцати-пяти-тысячнымъ корпусомъ. Прусскій корпусъ генерала Винтерфельда, содержащій сообщеніе между Силезіею и Саксоніею, былъ разбитъ и оставилъ свой постъ. Австрійскій генералъ Надасти, взявъ въ Силезіи, приступомъ, крѣпость Швейдницъ, соединился съ большою австрійскою арміею, стоявшею подъ Бреславлемъ, и Австрійцы овладѣли и этимъ городомъ. Тутъ и тамъ они пріобрѣли огромные запасы продовольствія, множество артиллеріи, военныхъ снарядовъ и значительную сумму денегъ. Побѣдители уже сдѣлали распоряженія для управленія Силезіею, и приводя большую

часть обитателей ея къ присягѣ на подданство Маріи-Терезіи. Фридрихъ все поправилъ.

Приближаясь къ Бреславию, онъ остановилъ бѣгущіе отъ этого города остатки корпуса принца Бевернскаго; постановилъ ихъ лагеремъ нѣсколько отдѣльно отъ своей арміи, чтобы не ослабить мужества въ своихъ побѣдоносныхъ когортахъ; между-тѣмъ послалъ ихъ первыхъ на непріятеля, который окопался подъ Бреславлемъ. Сраженіе было дано пятого декабря, близъ деревни Лейтенъ. Силы Пруссаковъ состояли изъ тридцати тысячъ человекъ, австрійскія — изъ осьмидесяти. Въ австрійской арміи царствовало изобиліе; прусская нуждалась во многомъ необходимомъ; та наслаждалась долгимъ спокойствіемъ, эта была утомлена продолжительнымъ форсированнымъ маршемъ. Однако Фридрихъ крѣпко уповалъ; воспламенилъ своихъ воиновъ прекрасною рѣчью, и вступилъ въ дѣло.

Онъ избралъ «косвенный» боевой порядокъ, съ помощью котораго Эпаминондъ одержалъ столько побѣдъ надъ Спартанцами. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить на главный пунктъ атаки болѣе войскъ, чѣмъ тамъ у непріятеля. Для этого онъ прибѣгнулъ къ подражанію славной македонской фалангѣ, или густой колоннѣ изъ шестнадцати рядовъ; и онъ одинъ могъ дотолъ успешно дѣйствовать такимъ образомъ, со своими, превосходно обученными, воинами исполнявшими всѣ эволюціи съ необыкновенною быстротой: надобно было мгновенно свернуть эту колонну въ такомъ мѣстѣ, съ котораго непріятель не ждалъ нападенія. — Фридрихъ ударилъ въ лѣвое крыло Австрійцевъ, опрокинулъ его, разорвалъ всю линію и произвелъ въ ней такое замѣшательство, что нѣсколько тысячъ имперскихъ войскъ не могли сдѣлать ни одного ружейнаго выстрѣла. Австрійцы, несмотря на отчаянное сопротивленіе, были сломлены и разсыяны съ потерей двадцати двухъ тысячъ плѣнными и пяти тысячъ убитыми и ранеными. Вслѣдъ за пораженіемъ къ побѣдителямъ перебѣжало шесть тысячъ дезертеровъ. Пруссаки считаютъ свой уронъ убитыми и ранеными въ пять тысячъ человекъ.

Послѣ этого сдался на капитуляцію и Бреславль. вмѣстѣ съ бреславльскимъ гарнизономъ и плѣнными, отнятыми у бѣгущаго непріятеля, Австрійцы въ нѣсколько недѣль лишились до шестидесяти тысячъ человекъ, и остатки ихъ арміи бѣжали въ свое отечество безъ пушекъ, безъ знаменъ, безъ обозовъ, изнуренные голодомъ, коченѣющіе отъ стужи.

Этимъ заключилась вторая кампанія Семилѣтней войны, опять въ пользу Фридриха.

На другой годъ онъ перенесъ театръ военныхъ дѣйствій въ Моравію. Взявъ въ Силезіи Швейдницъ, онъ показалъ видъ, будто хочетъ итти въ Богемію, а очутился въ моравскихъ предѣлахъ, опрокинулъ одинъ австрійскій корпусъ, который думалъ загородить ему дорогу, и приступилъ къ осадѣ Ольмюца. Съ самаго начала она пошла медленно, отъ неискусства главнаго прусскаго инженера: каж-



дый день выходило пропасть пороху и ядеръ. Небольшіе постоянныя подвозы военныхъ потребностей всё болѣе и болѣе оказывались недостаточными; вся надежда была на главный транспортъ, слишкомъ въ три тысячн возовъ. Его прикрывалъ отрядъ въ девять тысячъ чело-вѣкъ. Австрійцы устремили все свое вниманіе на уничтоженіе этого транс-порта. По причинѣ дурныхъ дорогъ онъ тащился медленно и растя-нулся на огромное пространство. Лаудонъ ударилъ на него изъ за-сады. Хотя Пруссаки отразили его съ большимъ для него урономъ, однако обозъ пришелъ въ это время въ величайшее разстройство. На-ходившіеся при возахъ поселяне перепугались первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ и кто бросился въ лѣсъ, кто отпрягъ лошадь и уска-калъ верхомъ, а кто поверотилъ и съ возомъ во-своисн. Осталось не больше половины обоза. Король послалъ къ нему навстрѣчу но-вый отрядъ. Тотъ и соединился съ нимъ благополучно. Но транс-портъ, по дурному своему состоянію послѣ сшибки, не скоро могъ тронуться въ дальнѣйшій путь. Въ это время Австрійцы успѣли при-готовить ему новую засаду, изъ двадцати пяти тысячъ отборныхъ воиновъ; напали, ужаснѣйшимъ образомъ его разстроили, разрѣзали Пруссаковъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна была отброшена въ Силезію, и въ прусскій лагерь достигло только 950 повозокъ. Фри-дрихъ долженъ былъ оставить Ольмюцъ, и пошелъ въ Бранденбургъ, навстрѣчу Русскимъ.

Русскіе еще въ началѣ года вступили въ собственную Пруссію и заня-ли ее, какъ покорители, именемъ Императрицы Елисаветы Петровны, почти безъ бою. Приняты были двѣятельныя мѣры для прочнаго сое-диненія ея съ російскими владѣніями: жители приведены къ присягѣ, изданы были постановленія для управленія страной; и коренные Пруссаки оказали такое расположеніе къ новой власти, котораго Фри-дрихъ до самой смерти своей не могъ имъ простить: въ день рожденія великаго князя Петра Феодоровича, Кенигсбергъ былъ иллюминаванъ, ежегъ фейерверкъ, и тамошній университетъ испросилъ позволеніе произнести въ своемъ публичномъ собраніи похвальное слово въ честь наследника російской имперіи. За то, надобно сказать, покорители дѣй-ствовали въ этой Фридриховой области какъ нельзя лучше: порядокъ правленія оставленъ тотъ же, русскія войска вели себя такъ смиренно, какъ своемъ отечествѣ; господинъ Архенгольцъ отдаетъ полную справед-ливость кротости нашего военнаго начальства. Онъ не говоритъ того о поступкахъ нашихъ въ прочихъ владѣніяхъ короля прусскаго; при-писывая эту разницу тому, что тутъ они не были ограничены высочайшею волей; здѣсь ихъ путь ознаменованъ былъ кровью и опустошеніемъ. Овладевъ Эльбингомъ и Торномъ, они взяли главный городъ, такъ называемой, великой Польши, Познань. Они хотѣли-было также занять Данцигъ, чтобы основать въ немъ свое главное воен-ное депо, но увидавъ рѣшимость гражданъ на упорное сопротивле-ніе, не разсудили за благо мѣшкать надъ осадой его, и устремились къ центру владѣній короля прусскаго, подступали къ городу Кистри-ну. Самый городъ съ перваго дня былъ превращенъ нашими въ кучу пепла; но крѣпость устояла противъ бомбъ: небольшой прусскій отрядъ, не могшій остановить осмидесяти-тысячной русской арміи

передъ Кистриномъ, успѣлъ провести къ нему мостъ изъ судовъ съ той стороны Одера, и безпрестанно подкрѣплялъ гарнизонъ свѣжимъ войскомъ.

Въ это время явился подъ Кистриномъ Фридрихъ; присоединилъ къ себѣ тамошній отрядъ генерала Доны, и перешелъ черезъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его не ожидали. Ферморъ, главнокомандующій русскій, снялъ осаду Кистрина, и обѣ арміи стали сближаться. На-ша состояла изъ пятидесяти, прусская изъ тридцати тысячъ.

Никогда еще Пруссаки, въ эту войну, не были такъ ожесточены противъ непріятеля, какъ тутъ: они пылали отмстить Русскимъ за мнимыя свирѣпства ихъ за Вислой; притомъ для нихъ наступала са-мая рѣшительная минута, — быть или не быть: Даунъ вступилъ въ Саксонію съ главною арміею; къ той же сторонѣ шли Французы съ имперскими войсками; Шведы, не встрѣчая передъ собой враговъ, подходили къ неукрѣпленному Берлину. Фридрихъ пошелъ на то, и такъ разсчитывалъ, чтобы совершенно истребить непріятеля, и принялъ мѣры, чтобы пресѣчь Русскимъ всякій путь къ отступленію: подвелъ его съ тылу къ одерскимъ болотамъ, велѣлъ сжечь за ними все мосты, и приказалъ не щадить ни одной русской души. Прусса-ки ожесточились: передъ самой битвой вся ихъ ливія застонала отъ яростнаго вопля «ни кому не будетъ пардону.» «И вамъ так-же», отгрянулъ русскій строй, и обѣ стороны сшиблись. Это было близъ мѣстечка Цорндорфъ.

Ферморъ, по неопытности въ европейской войнѣ, съ самаго нача-ла повредилъ нашему дѣлу: онъ, какъ противъ Турокъ, выстроилъ пѣхоту въ большое каре, въ середину котораго заключилъ конницу, тягости и резервный корпусъ. Прусскія ядра производили въ этой массѣ страшное опустошеніе и сумятицу: господинъ Архенгольцъ говоритъ, что въ одномъ русскомъ гренадерскомъ полку ядро выхва-тило сорокъ два челоуѣка: обозныя лошади, шарахнувшись, прорыва-ли со своими повозками наши ряды, такъ что принуждены были по-скорѣе выдвинуть изъ каре всея тяжести. Однако Пруссаки не могли сдвинуть нашихъ съ мѣста. Напротивъ, Ферморъ, замѣтивъ что лѣвое непріятельское крыло въ слишкомъ стремительномъ нападеніи, открылъ у себя флангъ, пустилъ на него свою конницу, которая проникла въ прусскую пѣхоту и опрокинула нѣсколько батальоновъ. Зато преждевременная мечта Фермора о томъ, что онъ одержалъ верхъ, испортила наше дѣло: развернувъ каре для преслѣдованія Пруссаковъ, онъ потерялъ порядокъ. Къ бѣгущимъ подоспѣлъ съ свѣжею кавалеріею генералъ Зейдлицъ; разстроенная русская кон-ница бросилась на свою пѣхоту, и ту съ неистовствомъ началъ ру-бить другой, подкакавшій, прусскій кавалерійскій корпусъ. Русская пѣхота была атакована съ фронта, во флангъ и съ тылу. Тутъ Пруссаки увидали, что съ Русскими не такъ легко было совладать, какъ думалъ Фридрихъ: господинъ Архенгольцъ говоритъ, что они «явили своимъ непріятелямъ зрѣлище, какого доселѣ не видыва-ли примѣровъ: разстрѣлявши свои патроны, они стояли твердо какъ истуканы, свѣжіе полки заступали ряды убитыхъ, и, казалось, же-

лали имѣть одинаковую участь съ своими товарищами. Легче было ихъ убивать, нежели принуждать къ бѣгству.

И такъ Пруссакамъ не оставалось иного средства, какъ предавать смерти всѣхъ сопротивляющихся. Все правое крыло Русскихъ было или положено на мѣсть или вотнано въ болота. Часть бѣжавшихъ достигла своихъ обозовъ, гдѣ они бросились на грабежъ своихъ маркитантскихъ фуръ и перепились водкою. Напрасно Русскіе офицеры приказывали разбивать эти бочки: солдаты падали на землю и глотали въ себя съ пылью напитки, «только имъ пріятный» многіе опились до-смерти, другіе умерщвляли своихъ начальниковъ, и цѣлыми толпами, какъ бышныя, бѣгали по полю тамъ и сямъ, не слушая ни чьихъ приказаній. Между-тѣмъ на лѣвомъ крылѣ русскомъ еще ничего не произошло рѣшительнаго. Теперь оно также было атаковано Пруссаками. Но полки, здѣсь посланные въ дѣло, которые бы могли довершить величайшую изъ побѣдъ, какая когда-либо одерживалась, не явили здѣсь своего обыкновеннаго мужества, они забыли славу имени прусскаго: въ минуту самую рѣшительную, какъ-бы чуждаясь своего мужества предъ непріателемъ усталымъ и полу-побѣжденнымъ, въ глазахъ короля, обратились въ бѣгство. Разстройство произошло большое, и плоды всѣхъ героическихъ подвиговъ лѣваго прусскаго крыла казались утраченными. Но Зейдлицъ, съ кавалеріею, прилетѣлъ съ своего побѣдоноснаго крыла: онъ вошелъ въ интервалы, образовавшіеся въ отступающей пѣхотѣ, выдержалъ ужасный ружейный и пушечный огонь и тѣснилъ не только конницу русскую, но даже и часть пѣхоты, досель стоявшую твердо: наконецъ онъ оттѣснилъ къ болотамъ непріателя, который уже овладѣлъ нѣкоторыми баттареями. По недостатку боевыхъ патроновъ съ обѣихъ сторонъ былъ прекращенъ огонь, бились прикладами, кололись штыками, рубились саблями. Невозможно описать острвененія сражающихся: тяжело раненые грызли другъ друга, вгляясь на землю. Предъ тѣмъ кровопролитію положили ночь и совершенное изнеможеніе обѣихъ армій. Ферморъ, чтобы дать, по обычаю русскихъ кулачныхъ бойцовъ, оправиться, для продолженія драки, какъ своимъ, такъ и непріателямъ, предлагалъ двухъ или трехдневное перемиріе. Пруссаки, почтя это признаніемъ слабости передъ ними Русскихъ, возгордились, отвергнувъ Ферморово предложеніе, и обѣ изнуренныя арміи только напрасно принуждены были простоять ночь подъ ружьемъ: на другой день Фридрихъ увидѣлъ, что его войска такъ же слабы, какъ и наши, и противники ограничились одною канонадой. Уронъ людьми съ обѣихъ сторонъ былъ соразмѣрный съ числительной ихъ силой; пушекъ отбито у Русскихъ, по словамъ Архенгольца, сто три; по нашимъ реляціямъ, девяносто, безъ лошадей и лафетовъ; у Пруссаковъ, по извѣстію автора, двадцать шесть. Послѣ этого Русскіе отошли къ Ландсбергу, на Вартѣ, разрушивъ, какъ бы то ни было, мечты великаго полководца о совершенномъ истребленіи Русскихъ, несмотря на его дѣятельныя распоряженія для этой цѣли и на дикое ожесточеніе его храбрыхъ и испытанныхъ воиновъ. За всѣмъ тѣмъ Фридрихъ сдѣлалъ не бездѣлиду: онъ отразилъ опаснѣйшаго врага. Теперь, оставивъ для

наблюденія за Ферморомъ генерала Дону, онъ пошелъ въ Саксонію на Австрійцевъ, которые въ его отсутствіе пробрались туда и стали снова осаждать нѣкоторые силезскіе города, взявъ съ прочихъ контрибуціи.

Въ Саксоніи Даунъ соединился съ командовавшимъ имперскою арміею герцогомъ Цвейбриккенскимъ; взявъ осадой лежащую подлѣ Пирны крѣпостцу Зонненштейнъ и подступилъ къ Дрездену. Страну эту охранялъ слабый корпусъ принца Гейнриха, не могшій противостоятъ натиску многочисленнаго непріателя: Дрезденъ преданъ былъ самому себѣ. Его спасла рѣшительность начальника тамошняго гарнизона, графа Шметтау. Тотъ объявилъ, что будетъ защищаться, и для этого долженъ предать пламени великолѣпныя предмѣстья саксонской столицы. Кромѣ того, онъ предложилъ наполнить королевскій дворецъ, назначенный послѣднею точкою обороны, порохомъ, и привести туда, волей или неволей, главные придворные и государственныя чины, чтобы на половинѣ наследнаго принца, среди трепещущей королевской фамиліи они были свидѣтелями послѣдствій непріательскаго покушенія. Даунъ грозилъ жестоко отмстить пожаръ форштатовъ; но ужаснулся послѣдней, свирѣпой мысли коменданта, и отступилъ отъ Дрездена. Тутъ рѣшено было уничтожить корпусъ принца Гейнриха, окруживъ его со всѣхъ сторонъ. Но медленность военнаго совѣта о планѣ нападенія дала Фридриху время соединиться съ принцемъ, и предположеніе осталось безъ дѣйствія. Фридриху хотѣлось, выгнавъ Австрійцевъ изъ Саксоніи, итти очистить отъ нихъ Силезію. Даунъ все занималъ самыя выгодныя позиціи. Послѣдній разъ арміи стали неподалеку отъ деревни Гохкирхенъ, на востокъ отъ Бауцена. Положеніе Пруссаковъ было дурно противъ Австрійцевъ: одинъ прусскій генералъ прозвалъ занять прилежащую гору; тѣмъ-точасъ вошли на нее и укрѣпились. Фридрихъ видѣлъ невыгодность своей позиціи, но по самонадѣянности замѣшкалъ перемѣной ея. Ктому жъ его утвердилъ въ заблужденіи переметчикъ. Тотъ былъ открытъ и принужденъ былъ, обещаніемъ Дауна даровать ему жизнь, обманывать прусскаго короля насчетъ намѣреній австрійскаго главнокомандующаго: онъ обнадеживалъ Фридриха, что Даунъ думаетъ ретироваться въ Богемію, тогда какъ тотъ, несмотря на свою нерѣшительность, уговоренъ былъ напасть на прусскій станъ. Онъ избралъ для этого ночь. Австрійцы прокрались въ самый непріятельскій лагерь, и не прежде встрѣтили сколько-нибудь правильный отпоръ, какъ уже изрубили и похватали множество Пруссаковъ. Нѣкоторые генералы Фридриха рано замѣтили движеніе въ австрійскомъ станѣ; но онъ отложилъ пригатиемъ противъ этого мѣръ до утра. Умъ его будто утомился отъ безпрестанной усиленной дѣятельности. Онъ самъ обнаружилъ въ одномъ письмѣ, какъ сильно желалъ отдохновенія. Однако черезъ нѣсколько времени Пруссаки уже дрались чудесно; много разъ опрокидывали непріателя. Но свѣжая австрійская дивизія, зашедшая въ чрезвычайно густомъ туманѣ во флангъ королю, рѣшила битву: послѣ самаго упорнаго пяти часоваго боя, Фридрихъ началъ ретироваться. Австрійцы были такъ разстроены, что не посмѣли тревожить его. Онъ отошелъ только на полмили

и сталъ на горахъ. Тутъ Даунъ подавно не рѣшился на него напасть, и тѣмъ кончилось дѣло. Фридрихъ чувствовалъ себя еще столь сильнымъ, что черезъ нѣсколько дней пошелъ въ Силезію, и освободилъ осажденные города. Даунъ остался въ Саксоніи, откомандировавши только, для затрудненія Фридриху марша, многочисленный корпусъ. Онъ надѣялся овладѣть вполнѣ Саксоніею, охраняемою слабымъ прусскимъ корпусомъ, и снова приступилъ къ Дрездену. Но графъ Шметтау, противъ ожиданія австрійскаго полководца и самыхъ дрезденскихъ жителей, исполнилъ свою прежнюю угрозу, — сжегъ предместья. Даунъ не рѣшился осадить крѣпость, защищаемую такимъ отчаяннымъ комендантомъ, и отступилъ. Предпріятія австрійцевъ и противъ Лейпцига и Торгау не имѣли успѣха: два прусскіе генерала почти въ одно время выручили эти города, на которые, вмѣстѣ съ Дрезденомъ, Австрійцы больше всего мѣтили. Даунъ ушелъ на богемскую границу. Такимъ образомъ гохкирхенское дѣло не принесло имъ ни какой пользы, а Фридрихъ, напротивъ, покрыло славою дивнаго присутствія духа въ самомъ гибельномъ положеніи.

Между-тѣмъ Русскіе, по удаленіи короля изъ-подъ Цорндорфа, пошли взять приморскій городъ Кольбергъ, представлявшій всѣ удобства для подвоза запасовъ продовольствія; но не могли окончить дѣла по искусству коменданта и необыкновенной храбрости гарнизона. Русскіе расположились на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и частию въ Пруссіи. Это-то отступленіе дало Пруссакамъ возможность освободить Лейпцигъ: его выручилъ Дона. Шведовъ, вслѣдъ за цорндорфской битвой, прогнали къ Балтійскому Морю, въ Стральзундъ.

Кампанія противъ Французовъ шла вначалѣ превосходно, но кончилась ничѣмъ. Ришліе сдалъ главное начальство надъ арміею графу Клермону, который былъ духовнаго чина и, говорятъ, даже не видывалъ развода: онъ былъ любимецъ Людовиковой любимицы, маркизы Помпадуръ. Та произвела его въ генералы и, желая доставить ему случай отличиться, послала его въ Германію поддержать честь французскаго оружія. Французская армія была въ самомъ дурномъ состояніи: ни порядку, ни довольства, ни подчиненности. Новый главнокомандующій, донося королю, что нашелъ его армію раздѣленною на три части: одну на землѣ, изъ грабителей и мародеровъ; другую въ землѣ; третью въ больницахъ, спрашивалъ, «слѣдуетъ ли ему отступить съ первымъ войскомъ или дожидаться, чтобы и оно соединилось съ двумя прочими.»

Принцъ Фердинандъ не далъ Клермону времени оправиться, и пошелъ на Ганноверъ. Непрiятель почти всюду обращался передъ нимъ въ бѣгство, оставляя множество артиллеріи и тягостей. Ганноверская область была очищена въ осемь дней, и Французы ретировались за Рейнъ. Великобританія отправила къ Фердинанду подкрѣпленіе, которое сдѣлало высадку въ Эмбденъ, отнятомъ у Французовъ. Перезимовавъ въ Вестфаліи, принцъ Брауншвейгскій переправился за Рейнъ и разбилъ Клермона при Крефельдѣ, 23 іюля. Причины упадка французской воинской славы заключались въ неимовѣрныхъ воле-

ностяхъ, позволенныхъ французскимъ офицерамъ и солдатамъ, и въ совершенномъ отсутствіи дисциплины. Избалованные Французы шли на войну какъ въ гости: въ ихъ обозѣ можно было найти всѣ предметы утонченной роскоши, за ними тащились цѣлыя модныя лавки и магазины, цѣлые полки любовницъ, съ которыми офицеры проводили большую часть времени, покидая службу. Непомѣрное число тягостей затрудняло и движеніе и продовольствіе арміи. «Въ самыхъ лагеряхъ давались балы, и нерѣдко караульный офицеръ отлучался съ своего поста, чтобы протанцовать въ сосѣдней палаткѣ менуэтъ. Неуваженіе къ начальству было такъ велико, что приказанія исполнялись только тогда, когда ихъ подчиненные одобряли по предварительномъ разсужденіи. Высшіе давали низшимъ примѣръ въ своевольствѣ: одинъ изъ старшихъ французскихъ генераловъ, графъ Сенъ-Жерменъ, не хотя быть въ зависимости отъ маршала Бролю, съ которымъ онъ поссорился, безъ позволенія сложилъ съ себя начальство надъ ввѣреннымъ ему корпусомъ, не принявъ ни какихъ мѣръ для его безопасности; только письменно объяснилъ маршалу, гдѣ онъ оставилъ корпусъ. Зато Французы прибѣжали на Рейнъ въ самомъ горестномъ положеніи, — голодные, изнуренные, въ лохмотьяхъ. Но веселость ихъ не покидала: они и въ бѣдѣ распѣвали разгульныя пѣсни, бѣсились, рядились на походъ въ шутовскія платья; за недостаткомъ другихъ зрѣлищъ, раздѣвали по-поясъ развратныхъ женщинъ и гоняли сквозь строй. Наконецъ версальскій дворъ образумился: пополнивъ армію новыми войсками и доставивъ имъ всѣ потребности, назначилъ главнокомандующимъ на Рейнъ генерала опытнаго, маршала Контада, а Субизу велѣлъ непременно взять гессенскія владѣнія, отъ которыхъ Фердинандъ ушелъ далеко. Это распоряженіе принесло желаемые плоды: Фердинандъ, занятый Контадомъ, не раньше могъ настичъ Субиза, какъ тогда, когда этотъ уже овладѣлъ Гессеномъ. Онъ далъ ему сраженіе, но неудачное, — и только успѣлъ воспрепятствовать соединенію двухъ французскихъ фельдмаршаловъ. Дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ прекратила зима. Мѣры обезпеченія французской арміи со стороны непріятеля предписаны были самыя варварскія: министерство писало къ маршалу, чтобы онъ превратилъ въ пустыню всю Вестфалію, съ землями, прилежащими къ ганноверскимъ владѣніямъ, съ той цѣлью, чтобы помѣшать приближенію соединенной арміи къ французской; велѣно было истребить съ корнемъ всѣ растенія.

Кампанію 1759 года Фридрихъ началъ управою съ частными людьми, своими врагами, которые вмѣшались въ эту войну, — одинъ дѣломъ, другой словомъ. Русскимъ началъ содѣйствовать польскій магнатъ, князь Сулковскій; вербовалъ для нихъ войска, приготавливалъ магазины. Фридрихъ послалъ противъ него корпусъ въ городъ Ризенъ, гдѣ онъ жилъ, имѣя собственныя войска и артиллерію. Его взяли въ плѣнъ, забрали у него все, что нужно было Пруссакамъ въ войнѣ, разорили приготовленные имъ магазины, и заключили въ крѣпость Глогау, гдѣ онъ и содержался до окончанія войны. Въ баварскомъ городѣ Эрлангенѣ съ прусскимъ королемъ сталъ воевать въ газетахъ одинъ журналистъ: противъ него послали офицера, который и побилъ

его, буквально, — палками, — и тотъ еще долженъ былъ дать формальную квитанцію въ количествѣ полученныхъ ударовъ.

Зимою прусскіе отряды ходили тревожить Австрійцевъ, гонять во Франконіи имперскія войска, въ Мекленбургъ-Шверинъ грабить: воспользовавшись личною враждою къ Фридриху тамошняго герцога, который первый подалъ на германскомъ сеймѣ голосъ объ изгнаніи прусскаго короля изъ имперіи, — Пруссаки обдирали мекленбургскихъ жителей: брали ужасныя контрибуціи, хватили въ свою службу молодыхъ людей по деревнямъ и городамъ; освирѣпли и предавали истребленію все, чего не могли взять съ собой. Прекрасное оправданіе передъ Русскими, противъ которыхъ они такъ вошіали. Въ Польшѣ, невзирая на ея нейтралитетъ, безъ платы забирали, вооруженною рукой, разныя потребности и силою хватили въ солдаты.

Наконецъ стали двигаться и главныя арміи. Русскіе должны были дѣйствовать уже по общему плану съ Австрійцами. Къ нимъ посланъ, для совокупныхъ операций, австрійскій генералъ Лаудонъ съ тридцатитысячнымъ корпусомъ. Еще до соединенія его съ нами, князь Солтыковъ получившій главное начальство надъ русскою арміей, разбилъ при Цюмлихау прусскаго генерала Веделя, заступившаго мѣсто Дона, на котораго Фридрихъ прогнѣвался за упущеніе благоприятнаго случая атаковать Русскихъ. По соединеніи Лаудона съ Солтыковымъ, эти генералы стали и укрѣпились при Кунерсдорфѣ, близъ Франкфурта на Одерѣ, съ семидесятью тысячами войска. Король пошелъ на нихъ изъ Силезіи. Присоединивъ къ себѣ нѣсколько корпусовъ изъ Саксоніи и армію Веделя, онъ ринулся на союзниковъ съ сорока-тысячною силою. Самъ онъ устремился на лѣвое крыло, и выбилъ непріятеля изъ окоповъ, несмотря на мужественный отпоръ его и затрудненія мѣстности, которыя дали тому возможность перевести на этотъ пунктъ сто пушекъ изъ другихъ мѣстъ. Генералы же его были отражены отъ праваго крыла. Однако и тутъ русская армія была до того разстроена, что ожидали отъ нея отступленія. Побѣда зависѣла отъ овладѣнія возвышеніемъ Шницбергъ, занятымъ лучшими войсками австрійскими и русскими. Но надъ нимъ истощились все силы Пруссаковъ: самая отчаянная храбрость падала подъ тучей пуль и ядеръ, сыпавшихся съ Шницберга, не высокаго, — отъ полуторы до двухъ сажень, — но крутаго. Фридрихъ велѣлъ отступать; но уже было поздно: на него ударили конницею Румянцевъ и Лаудонъ, и онъ былъ разбитъ совершенно: на другой день у него едва набралось въ строю пять тысячъ человекъ.

Тутъ великій Фридрихъ растерялся: въ сраженіи онъ искалъ смерти; послѣ него самъ хотѣлъ-было лишиться себя жизни. И долго послѣ того обнаруживалъ онъ упадокъ духа: давалъ несообразныя приказанія, пылимъ при возраженіяхъ генераловъ и сурово наказывалъ ихъ за неудачи; тратилъ силы своей арміи совершенно напрасно, какъ на примѣръ въ Саксоніи на дурныхъ, тѣсныхъ бивуакахъ, гдѣ перемерло у него множество народа отъ стужи и болѣзней. Его спасли первые его враги, Австрійцы: они хотѣли выѣхать на русской шевъ: Русскіе это замѣтили, и отошли въ Польшу. Дѣло въ томъ

что Даунъ, вопреки условіямъ, не трогался съ мѣста; когда же русская армія стала нуждаться въ продовольствіи, онъ поберегъ свои запасы про себя, а предложилъ Русскимъ деньги, на которыя ничего нельзя было достать: Солтыковъ отвѣчалъ, что его солдаты денегъ не ѣдятъ. Австрійцы набрали-было много важныхъ городовъ въ Саксоніи; но подъ-конецъ кампаніи въ ихъ власти остался Дрезденъ: Фридрихъ боялся только Русскихъ. Послѣ кунерсдорфской битвы онъ сознавался въ письмѣ къ одному своему генералу, что не въ силахъ долге бороться съ Русскими. Австрійцевъ же однихъ и тогда надѣлся одолѣть.

Принцъ Брауншвейгскій, исключая неудачнаго покушенія отнять у Французовъ Франкфуртъ на Майнѣ, дѣйствовалъ, по-прежнему, такъ хорошо, что ежели бы не зависть къ нему начальствовавшего англійскою и нѣмецкою конницею, лорда Саквила, то война была бы кончена гораздо ранѣе. Сначала онъ очистилъ отъ непріятеля гессенскія владѣнія; но, проигравъ дѣло подъ Франкфуртомъ, долженъ былъ отступить къ ганноверскимъ областямъ. Тамъ онъ, при Минденѣ, далъ сраженіе. Тутъ-то Саквилъ долженъ былъ довершить пораженіе Французовъ: Фердинандъ отдалъ ему приказаніе, но тотъ не сошелъ съ мѣста, притворясь не понимающимъ распоряженій главнокомандующаго, и лучшее время было упущено. Послѣ того Фридрихъ потребовалъ принца къ себѣ на помощь, въ Саксонію, съ большею частью его арміи и онъ не успѣлъ сдѣлать ничего рѣшительнаго: наступила зима. Французы расположились около Франкфурта; Фердинандъ въ Касселѣ и по Вестфалии.

Европа начала уставать отъ опустошительной, но малоуспѣшной почти для всехъ, войны; открылись переговоры. Короли великобританскій и прусскій изъявили свое расположеніе къ заключенію мира. Но первый казался слишкомъ много выигравшимъ, а второй — не довольно потерявшимъ, и прочія воюющія державы затянули дѣло. Саксонія была для Фридриха рудникомъ, изъ котораго онъ извлекалъ войско, запасы, деньги. Для увеличенія доходовъ прусскій король порубилъ самыя лучшія тамошнія лѣса. Свои войска онъ пополнялъ еще вербованьемъ солдатъ по всей Германіи, не разбирая, союзная ли сторона или непріятельская. Охотникамъ давали патенты на поручичьи и капитанскіе чины, а по прибытіи ихъ въ Магдебургъ ихъ записывали просто въ рядовые. Эти патенты свели съума въ Швабіи множество студентовъ, которые покидали своихъ родителей, не кончивъ курсъ наукъ, и приказчиковъ, которые бѣжали отъ своихъ хозяевъ и господъ, выпороживъ ввѣренныя имъ сундуки.

Кампанія 1760 года началась для Фридриха несчастливо: Лаудонъ, съ пятидесяти-тысячнымъ корпусомъ, разбилъ въ Силезіи, подъ Ландсгуттомъ, тридцатитысячный корпусъ генерала Фукѣ и взяли въ плѣнъ большую часть солдатъ вмѣстѣ съ начальникомъ; у Пруссаковъ отняли величайшую по Магдебургѣ, крѣпость Глацъ, которой гарнизонъ былъ наполненъ бѣглыми иностранцами; самъ Фридрихъ неудачно осадилъ Дрезденъ. Отведя отъ него Дауна къ сто-

ронъ Силезіи, въ которую онъ показывалъ видъ, будто хочетъ итти, онъ беспощадно началъ стрѣлять по городу гранатами и калеными ядрами, но не успѣлъ одолѣть его до прибытія главной австрійской арміи. Городъ былъ превращенъ въ развалины, но крѣпость не сдавалась; когда же Даунъ открылъ съ нею сообщеніе, черезъ Эльбу, то осада продолжалась изъ одной чести, и была снята съ полученіемъ извѣстія о взятіи Глаца: Фридрихъ пошелъ освободить Бреславль, къ которому подступилъ уже Лаудонъ. Господинъ Архенгольцъ или, лучше, господинъ Мартосъ, описывая бѣдственное положеніе, въ какое привела Дрезденъ жестокая осада, говоритъ между прочимъ, что «молодые особы прекраснаго пола, воспитанныя въ богатствѣ, которымъ прислуживало столько рукъ, лишились всякой надежды *воротить свое*, и сами должны были служить другимъ изъ куска хлѣба.» Бреславль успѣлъ устоять до приближенія корпуса принца Генриха, который наблюдалъ за Русскими: Лаудонъ отошелъ отъ него. Между-тѣмъ подходилъ къ этимъ мѣстамъ самъ король; рядомъ съ нимъ шелъ Даунъ. Туда же шелъ Солтыковъ. Чтобы не допустить Фридриха соединиться съ Генрихомъ, русскій главнокомандующій заставилъ австрійскаго вступить въ битву съ прусскимъ королемъ; погрозивъ ему, что если онъ этого не сдѣлаетъ, то русская армія отступитъ въ Польшу. Арміи были подъ Лигницею. Пруссаки, не ожидали нападенія, были расположены невыгодно. Австрійцы намѣревались атаковать ихъ на-разсвѣтъ, и Лаудонъ повелъ на нихъ свою дивизию съ первыми пѣтухами. Но Фридрихъ случайно узналъ ихъ намѣреніе, и построился на ближайшихъ къ Австрійцамъ возвышеніяхъ. Лаудонъ, будучи увѣренъ, что непріятель еще далеко, вдругъ, съ первыми лучами солнца, увидалъ его передъ самымъ носомъ. Тотъ мигомъ бросился на него. Онъ не отказался отъ сраженія въ надеждѣ быть подкрѣпленнымъ. Но Даунъ не рѣшился атаковать посланную наблюдать за нимъ вторую прусскую дивизию, и Лаудонъ долженъ былъ отступить, съ потерей осьмидесяти-двухъ пушекъ, шести тысячъ плѣнными и двухъ тысячъ съ половиной убитыми и ранеными. Уронъ Пруссаковъ простирался не далѣе тысячи двухъ сотъ человекъ убитыми и ранеными. Счастіе, послѣ долгой немилости, улыбнулось Фридриху: никогда не видывали его такимъ довольнымъ, какъ послѣ этой побѣды. Въ то же время Пруссаки торжествовали и въ Саксоніи: генералъ Гильзенъ, уступивъ сначала, подъ Мейссеномъ, напору австрійскаго союзника, герцога виртембергскаго, соединившагося съ нѣмецкою арміею, отразилъ превосходныя силы при Шуреленѣ и укрѣпился въ Торгау для прикрытія тамошнихъ магазиновъ. Даунъ отступилъ въ горы для сохраненія сообщенія съ Богеміей; Солтыковъ отказался отъ всякаго соединенія съ Австрійцами. Непріятели дѣйствовали только въ Помераніи. У тамошнихъ береговъ явился русскій и шведскій флотъ, и обложилъ съ моря Кольбергъ. Въ то же время эту крѣпость атаковалъ съ сухаго пути пятнадцатитысячный корпусъ. Но на помощь къ ней пришелъ черезъ нѣсколько времени прусскій отрядъ, и осада была снята. Тогда этотъ отрядъ пугнулъ и Шведовъ.

Наступила осень, врагамъ Фридриха стало стыдно, что они ничего не сдѣлали; и рѣшились взять Берлинъ: въ Бранденбургію трону-

лись двадцатитысячный русскій корпусъ подъ начальствомъ Чернышева и четырнадцатитысячный австрійскій подъ начальствомъ Ласси. Два прусскіе отряда не могли защитить прусскую столицу, охраняемую малочисленнымъ гарнизономъ, и она сдалась на капитуляцію русскому генералу, графу Тотлебену. Кротость правленія Русскихъ удивила Пруссаковъ: они столько насмотрѣлись жестокостей, вѣроломствъ, нарушеній народнаго права со стороны самихъ единоплеменныхъ себя непріятелей, Австрійцевъ: тѣ нерѣдко предавали грабежу не только города, взятые силой, но и занятые безъ бою; даже пользовались случаями грабить жителей городовъ, давно уже находящихся въ ихъ власти. Такъ они поступали въ Силезіи и Бранденбургѣ; во время осады Дрездена Фридрихомъ австрійскіе солдаты отнимали у несчастныхъ обывателей послѣднее имущество, спрятанное ими въ погребахъ и подвалахъ; по разбитіи Фукѣ, Лаудонъ отдалъ на разграбленіе богатый торговлею Ландегутъ. При капитуляціи саксонской столицы, Австрійцы, обѣщавъ свободно выпустить гарнизонъ, надѣлали Пруссакамъ бездну всплывшихъ оскорбленій, били ихъ, стрѣляли какъ собакъ. Вошедши въ Берлинъ, Австрійцы и Саксонцы и тамъ повели себя какъ разбойники. Вопреки волѣ Русскихъ, Ласси, въ противность договора, расположилъ тамъ часть войскъ своихъ постояемъ. Тогда началось насиліе, грабежъ, убійства. Разбивъ Русскій караулъ изъ девяноста человекъ, Австрійцы ворвались на королевскій конюшенный дворъ, расхитили лошадей и ободравъ экипажи, пзрубали ихъ. Не щадили ни госпиталей, ни богадѣленъ, ни самыхъ церквей, обдирали покойниковъ въ склепахъ. Хотѣли подорвать арсеналъ, но на это не стало въ городѣ довольно пороху, по случаю несчастнаго взрыва магазина, откуда его пошли взять. Можетъ-быть это случилось по тайному распоряженію Тотлебена, который съ жаромъ возставалъ противъ злодѣйскаго замысла и иначе не могъ бы предупредить его: взрывъ арсенала причинилъ бы ужасное опустошеніе по положенію своему среди города, а взрывъ магазина сокрушилъ только разбойниковъ зажигателей. Саксонцы въ-конецъ разорили загородный королевскій дворецъ въ Шарлоттенбургѣ: чего не могли унести, то били, рвали, рубили. Ту же участь испыталъ загородный дворецъ королевы въ Шенгаузенѣ. Когда же къ Берлину сталъ приближаться Фридрихъ изъ Силезіи, то союзники, покинувъ его столицу, съ которой взяли контрибуціи пятнадцать милліоновъ имперскихъ червонцевъ, продолжали свои неистовства по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и увеселительнымъ замкамъ, которые встрѣчались имъ на пути. Только Sans-Souci и Потсдамъ уцѣлѣли: этимъ Фридрихъ обязанъ благородному венгерскому вельможѣ, князю Эстергази, который, умѣя цѣнить произведенія искусства, держалъ своихъ солдатъ въ уздѣ.

Фридрихъ, однако, не пошелъ къ Берлину, а устремился на Саксонію, гдѣ расположился Даунъ. Король положилъ вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Тотъ не хотѣлъ, и занялъ при Торгау такую позицію, которая казалась ему неприступною. Но Фридрихъ пошелъ на него въ атаку. При самомъ началѣ случай ввелъ его въ ошибку: одна часть его войскъ, подходя къ Торгау лѣсомъ, встрѣ-

тила тамъ, отдѣльно шедшій, австрійскій полкъ. Фридрихъ слышавъ стрѣльбу, подумалъ, что тамъ уже вступили въ настоящее дѣло, и поторопился открыть нападеніе. Его встрѣтили такой канонадой, какой Фридрихъ не слыхивалъ: гренадеры его, съ которыми онъ началъ атаку, валились какъ снопы; подведенныя пушки были подбиты. Австрійцы выступили изъ-за своихъ батарей. Пришли-было въ разстройство; но, усиливаясь свѣжими войсками, опрокинули Пруссаковъ. Король не давалъ успѣховъ даромъ; но наступила ночь, силы его были истощены: съ той и съ другой стороны считали побѣду за Австрійцами. Однако онъ остался на полѣ сраженія. На другой день хотѣлъ снова вести войска свои въ битву; но вдругъ видѣть австрійскій станъ очищенъ. Австрійцевъ выгналъ изъ окоповъ тотъ отрядъ, что ввелъ Фридриха въ заблужденіе своей стрѣльбой, они въ ночномъ мракѣ, убралась за Эльбу.

Торгауская побѣда предала Фридриху во власть всю Саксонію, кромѣ разореннаго Дрездена, около котораго остановилась австрійскаго армія. Король, утвердивъ свою главную квартиру въ Лейпцигѣ, съ котораго содрали ужасную контрибуцію подъ предлогомъ наказанія за то, что тамошніе обыватели радъли болѣе имперскимъ чѣмъ прусскимъ войскамъ. Съ тѣхъ поръ Лейпцигъ утратилъ свое прежнее, высокое значеніе въ торговлѣ.

Тутъ господинъ Архенгольцъ сравниваетъ финансовыя мѣры австрійскаго и прусскаго правительствъ для веденія этой разорительной войны и хозяйственный распорядокъ въ обихѣ арміяхъ; Фридрихъ отдавалъ на откупъ жиду прусскую и саксонскую монету, и она ужасно упала въ цѣнѣ, потому что жидъ пускалъ за золото чуть не голую мѣдь. Этой монетой Фридрихъ платилъ, а бралъ чистую золотую. А Марія Терезія всемъ офицерамъ генеральнаго штаба, начиная отъ майора до фельдмаршала, выдавала жалованье государственными облигаціями, которыя не назначались для оборота, но, по довѣренности къ нимъ, стали быстро расходиться. Ктѣ не хотѣлъ ждать по нимъ уплаты до окончанія войны, тотъ предъявлялъ ихъ въ банкъ, учрежденный императоромъ Францомъ изъ его собственныхъ капиталовъ. Правительству помогали частные, богатые, люди: одинъ помѣщикъ, князь Венцеславъ Лихтенштейнъ содержалъ на свой счетъ часть артиллеріи, которою онъ командовалъ. У Австрійцевъ мастеровые при арміи были люди посторонніе: у Фридриха всѣ они были строевые солдаты. Кромѣ того, у него уменьшалась величина обоза тѣмъ, что часть продовольствія его арміи состояла въ живой скотинѣ, которую пасли и охраняли солдаты же. Мясная порція, хотя небольшая, получаемая его солдатами, привлекала къ нему множество дезертеровъ. И вообще, содержаніе его солдата было всегда хорошее: солдатъ его всегда былъ сытъ по горло, чему способствовало то, что провіантскою частію завѣдывали сами солдаты, тогда какъ у Австрійцевъ для этого были люди посторонніе, которые заботились болѣе о своемъ карманѣ.

Ганноверская соединенная армія и нынче дѣйствовала хорошо, получивъ большое подкрѣпленіе отъ Англичанъ. Она нѣсколько разъ

била и обращала въ бѣгство Французовъ, которыхъ набралось въ тѣхъ странахъ до ста сорока тысячъ человекъ. Болѣе рѣшительныя предпріятія Фердинандъ отложилъ до зимы.

Но, два раза одержавъ надъ Французами верхъ, при нападеніи на ихъ зимнія квартиры, и у Лангезальца, Фердинандъ самъ послѣ потерпѣлъ много неудачъ: снялъ блокады гессенскихъ городовъ и осаду самаго Касселя, оставилъ всѣ посты, которымъ передъ тѣмъ удалось ему овладѣть, и возвратился въ Падерборнъ. Французы снова владѣли всею гессенской землей и имѣли открытый путь въ Ганноверъ. Только недостатокъ продовольствія, послѣ утраты магазиновъ, затрудняли дальнѣйшіе ихъ успѣхи. Такимъ образомъ обѣ воюющія стороны удовольствовались возвратиться на свои зимнія квартиры.

Переговоры о мирѣ продолжались. Но взаимныя требованія противниковъ были еще слишкомъ велики. Между-тѣмъ Фридрихъ потерялъ усерднаго союзника въ великобританскомъ король Георгъ Второмъ, который умеръ въ октябрь. Какъ ни любили Англичане прусскаго героя, однако новое правительство стало къ нему охлаждать. Въмѣсто знаменитаго Питта сталъ управлять министерствомъ лордъ Бутъ. Тотъ, видя, въ какую бездну долговъ увлекла Англію семи-лѣтняя война, сталъ отклонять отъ нея короля и парламентъ, и Фридриху перестали посылать субсидіи. Прусскій король долженъ былъ черезъ это ограничиваться войною оборонительною. Австрійцы, привыкшіе видѣть Фридриха предпримчивымъ, думали, что въ его бездѣйствіи скрывается какая-нибудь хитрость, и съ своей стороны только наблюдали за нимъ, въ самой близи.

Весною, 1761 года, Фридрихъ отправился въ Силезію, на которую постоянно мѣтили Австрійцы и Русскіе, оставивъ въ Саксоніи, принца Генриха. Даунъ остался въ Саксоніи, предоставивъ испытать счастье противъ короля Лаудону. Тотъ, нѣсколько разъ согласно и успѣшно дѣйствовавшій съ Русскими, и теперь, для начатія операціи противъ Фридриха, дождался ихъ. Король не могъ воспрепятствовать соединенію двухъ армій, которое послѣдовало въ началѣ августа. Русскихъ явилось противъ него, подъ начальствомъ фельдмаршала Бутурлина, семьдесятъ тысячъ; Австрійцевъ шестьдесятъ. У него было пятьдесятъ тысячъ. Онъ занялъ позицію при Бунцельвицѣ, близъ Швейдница. Непріятели окружили его съ трехъ сторонъ, — съ-переду и съ-боковъ, оставивъ ему только тылъ свободнымъ. Фридрихъ въ первый разъ почувствовалъ необходимость всеми мѣрами избѣгать сраженія. Отступленіе было невозможно, и онъ окопался самымъ надежнымъ образомъ. Противъ внезапнаго нападенія онъ распорядился такъ, что войска его днемъ, когда былъ виднѣнъ непріятель, спали, а съ наступленіемъ вечера всѣ стояли подъ ружьемъ. Тогда вывозили изъ лагеря всѣ тяжести подъ пушки Швейдница. Страшную свою ограду Фридрихъ вывелъ въ трое сутокъ, пока враги его толковали о планѣ нападенія на него. Когда же планъ у нихъ былъ конченъ, тогда увидали, что съ укрѣпленіемъ прусскаго лагеря надобно его передумать. Потомъ, у нихъ сталъ показываться недостатокъ въ про-

довольствіи отъ стеченія такого множества народа въ небольшомъ горномъ округѣ, по которому уже нѣсколько разъ проходила опустошительная коса войны. Прусскій генералъ Платенъ перехватилъ у Русскихъ огромный вагенбургъ, слишкомъ изъ пяти тысячъ повозокъ; истребилъ у нихъ три огромныхъ магазина и угрожалъ главному провіантскому депо, въ воеводствѣ Познаньскомъ. Бутурлинъ отступилъ, черезъ мѣсяць, за Одеръ, оставивъ при австрійской арміи Чернышева съ двадцати-тысячнымъ корпусомъ. Пруссаки радовались отступленію Бутурлина какъ славной побѣдѣ. Фридрихъ далъ своимъ людямъ въ лагерь болѣе свободы: они хорошо спали, ѣли и не проводили ночь подъ ружьемъ. Простоявъ въ своемъ укрѣпленномъ станѣ еще двѣ недѣли, Фридрихъ выступилъ изъ него и отошелъ на два перехода отъ Швейдница, надѣясь оттянуть Лаудона съ отличной его позиціи, и прогнать въ Богемію или съ выгодой дать ему сраженіе. Но Лаудонъ не пошелъ за нимъ, а взялъ штурмомъ Швейдницъ, крѣпость первой степени.

Это пріобрѣтеніе было самое драгоцѣнное для Австрійцевъ: они твердою ногою стали въ Силезіи, и могли занять въ ней, въ первой разъ, зимнія квартиры послѣ шести кровопролитныхъ кампаній. Но Лаудонъ чуть не попалъ за него подъ судъ: его обвиняли за то, что онъ не испросилъ согласія двора на задуманное предпріятіе. Главная же вина его была въ томъ, что онъ ни кому не кланялся, достигши высокой степени силы изъ людей маленькихъ. Передъ началомъ войны онъ былъ маіоромъ въ кроатскомъ войскѣ. Тогда онъ хотѣлъ было вступить въ службу къ Фридриху; но тотъ не принялъ его, не открывъ ничего замѣчательнаго въ его физиономіи. А прійми онъ его, война имѣла бы совсѣмъ другой видъ. За Лаудона заступились императоръ Францъ и князь Лихтенштейнъ, и онъ устоялъ.

Потеря Швейдница поселила большое уныніе въ прусской арміи; къ тому прибавились непріятныя извѣстія изъ Помераніи, гдѣ стали дѣйствовать Русскіе. Король представилъ генераламъ и старшимъ офицерамъ о своемъ затруднительномъ положеніи, и, изложивъ имъ свои надежды, предоставилъ всякому, кто больше не уповаешь, полную свободу оставить его службу. Но никто не воспользовался этимъ правомъ; напротивъ, всѣ выразили пылкое желаніе сразиться съ Австрійцами. Однако Лаудонъ, довольный своими настоящими выгодами, не былъ расположенъ принять сраженіе. Онъ занималъ позицію у Фрейбурга, имѣя надежныя сообщенія съ Саксоніей, Богеміей и Моравіей. Король поставилъ свои войска на кантониръ квартиры и избралъ себѣ мѣстопребываніемъ Стреленъ, на рѣкѣ Олау.

Тамъ Фридрихъ жилъ такъ неосторожно, что искусилъ стреленскаго помѣщика Варкоча, который былъ допущенъ въ его общество, предать своего государя. Австрійцы обѣщали ему за это сто тысячъ гульденовъ, но егеръ его, съ которымъ онъ посылалъ письма, распечаталъ одно изъ нихъ, и открылъ Фридриху умыселъ своего господина. Варкочъ бѣжалъ, и его казнили заочно, прибывъ къ вѣстлицѣ портретъ; также пастора Шмита служившаго посредникомъ между имъ и Лаудонемъ.

Въ Помераніи вотъ что происходило. Противъ Кольберга послали Румянцева. Эта крѣпость снова была обложена съ моря. Буря разсыпала въ октябрѣ соединенный русско-шведскій флотъ; на помощь Кольбергу пришло три прусскихъ отряда. Но Румянцевъ оттѣснилъ ихъ; отрѣзалъ у города продовольствіе, и Кольбергъ наконецъ сдался Русскимъ, въ началѣ декабря. Тогда наши расположились на зимнія квартиры въ Помераніи, имѣя чудесный пунктъ сообщенія съ отечествомъ для полученія запасовъ.

За Швейдницемъ и Кольбергомъ Фридрихъ былъ близокъ потерять первѣйшую свою твердыню, Магдебургъ, въ которомъ хранились его важнѣйшія сокровища и государственныя архивы. Эту крѣпость задумалъ предать своимъ соотечественникамъ австрійскій ротмистръ Тренъ, который въ ней содержался. Его замыселъ легко было довершить по необыкновенному множеству находившихся въ Магдебургѣ въ плѣну иностранцевъ. Но онъ былъ открытъ во-время.

Ганноверская соединенная армія опять дѣйствовала довольно хорошо: сильно безпокоила Французозъ, одержала значительныя побѣды. Но тѣ снова остались на зиму въ Гессенѣ. Сверхъ-того взяли обратно Эмбоенъ, защищаемый двумя ротами англійскихъ инвалидовъ и наложили контрибуцію на всю Остъ-Фрисландію. Безчеловѣчіе ихъ заставило крестьянъ поднять оружіе: притѣснители были выгнаны. Но пришелъ новый французскій отрядъ, — усмиривъ защитниковъ своихъ домовъ и собственности и превѣшалъ отважнѣйшихъ изъ нихъ. Французы чуть-было не взяли Бременъ, городъ имперскій, следовательно союзный, который ихъ прельщалъ удобствами по безостановочному подвозу запасовъ. Но Бременцы одушевились праведнымъ гнѣвомъ и отразили добрыхъ пріятелей. Гарнизонъ Бремена усилили.

Когда Фридрихъ видѣлъ уже близкую свою гибель, и носилъ съ собою ядъ для избѣжанія позора конечнаго паденія, счастье неожиданно улынулось ему: Русскіе изъ враговъ сдѣлались его друзьями. Въ концѣ декабря Императрица Елисавета Петровна скончалась, и на престолъ всероссійскій взошелъ пламенный почитатель генія прусскаго героя, Императоръ Петръ Третій. Въ одну минуту дано русской арміи повелѣніе очистить прусское королевство, Померанію и Новую Мархію; Кольбергъ отданъ Фридриху обратно, всѣ военноплѣнные получили свободу; Чернышевъ отозванъ отъ австрійской арміи, и, когда Марія-Терезія не склонилась на увѣщанія Русскаго Государя, заключить съ прусскимъ королемъ миръ, присоединенъ къ Фридриху съ повелѣніемъ во всемъ ему повиноваться. Вслѣдъ за Россіею, съ Пруссіею и Швеціею заключила миръ, боясь возстановить противъ себя Петра III.

Австрійцы, даже самые Пруссаки, долго не могли увѣриться въ дѣйствительности соединенія двухъ народовъ, которые дрались другъ съ другомъ шесть лѣтъ съ такимъ ожесточеніемъ: плѣнные австрійскіе генералы, когда наши явились представиться Фридриху, стояли на томъ, что это были переодѣтые Пруссаки.

Фридрихъ положилъ отнять у Австрійцевъ Швейдницъ. Предпріятіе было трудное: для обезпеченія въ немъ успѣха надобно было отвлечь Даунъ съ высотъ букеридорфскихъ. Отправленная имъ съ этой цѣлью экспедиція въ Богемію не принесла пользы: Даунъ оставался неподвиженъ. Фридрихъ рѣшился напасть на Австрійцевъ въ настоящемъ ихъ положеніи. Вдругъ, во время приготовленія къ этому отважному подвигу, получено имъ извѣстіе о кончинѣ его друга, Императора Петра Третьяго и что къ Чернышеву послано повелѣніе немедленно оставить прусскую армію. Это было великимъ для него ударомъ, тѣмъ болѣе, что Императрица Екатерина Вторая готовила съ нимъ рѣшительный разрывъ. Тогда онъ явилъ себя великимъ политикомъ. покуда повелѣніе Чернышеву было въ дорогѣ, онъ воспользовался послѣднимъ присутствіемъ Русскихъ въ его станъ, и немедленно атаковалъ Австрійцевъ. Построилъ въ ночь сильную батарею, поставилъ нашихъ въ сторонѣ въ боевой порядокъ; но, къ удовольствію своему, не утрудилъ ихъ, кончивши дѣло одинъ: въ четыре часа взяты были всѣ высоты, заняты Австрійцами. На другой день Чернышевъ долженъ былъ съ нимъ проститься. Русскіе и Пруссаки разставались съ взаимной грустью: такъ они успѣли полюбить другъ друга во время короткой ихъ пріязни послѣ столь долгихъ враждебныхъ отношеній. Фридрихъ, несмотря на перемѣну къ нему русскаго кабинета, проводилъ ихъ черезъ свои владѣнія съ честью, снабжая ихъ до границы всѣмъ нужнымъ.

Тутъ прусскій король приступилъ къ осадѣ Швейдница. Онъ долго съ нимъ бился: въ крѣпости былъ первый въ Европѣ инженеръ, Грибоваль; Дауну, остававшемуся въ горахъ, немного не удалось разбить большой прусскій корпусъ, принца Бевернскаго, стоявшій отдѣльно отъ короля, между Швейдницемъ и австрійскою арміею, при Рейхенбахѣ. Но къ принцу Бевернскому прискакалъ на помощь съ конницею принцъ Виртембергскій, опрокинулъ одинъ изъ четырехъ непріятельскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ О'Доннеля. Прочіе корпуса, хотя они тоже назначены были для атаки, не пошли на выручку О'Доннелева, когда явился на поле битвы самъ король. Даунъ ушелъ къ Глацу. Швейдницъ былъ взятъ, и Фридрихъ пошелъ въ Саксонію.

Тамъ Пруссаки вездѣ поражали Австрійцевъ; вытѣснили ихъ въ Богемію, и Фридрихъ, заключивъ съ Маріею-Терезію перемиріе, которое утомленной имперіи было очень кстати, расположилъ войска свои кордономъ отъ Силезіи до Тюрингіи. Во власти Австріи остались только небольшой округъ близъ Дрездена и графство Глацъ.

Соединенная ганноверская армія дѣйствовала съ перемѣннымъ счастьемъ, но заключила кампанію освобожденіемъ Касселя. Этотъ подвигъ Фердинанда былъ послѣднимъ въ Семилѣтнюю войну: Англія заключила съ Франціею миръ, и соединенная армія была распушена. Фердинандъ получилъ отъ Англіи пожизненный пенсіонъ въ 3000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно.

Мирнымъ договоромъ Англія отдавала Франціи Ганноверъ, Гессенъ и Брауншвейгъ съ прочими землями союзниковъ; прусскія же владѣнія въ Вестфаліи положено было очистить. Напрасно прусскій посланникъ при лондонскомъ дворѣ протестовалъ противъ этого договора, находящагося въ противорѣчій съ договоромъ Англіи съ Пруссіею, которымъ было постановлено не заключать ни той ни другой державѣ мира или перемирія съ ихъ врагами безъ взаимнаго согласія, миръ былъ ратификованъ 10 Февраля 1763 года. Фридрихъ не понималъ уступчивости англійскаго правительства: Великобританія такую пріобрѣла поверхность надъ Франціею въ продолженіи этой войны, истощившей всѣ силы послѣдней: она поражала ее во всѣхъ частяхъ свѣта, отнимала у нея сильныхъ союзниковъ, — и удовлетворялась одной Канадой!

По прекращеніи дѣйствій во всѣхъ прусскихъ и австрійскихъ владѣніяхъ и пріобрѣтеніяхъ, Фридрихъ ударилъ на мелкихъ, враждебныхъ себѣ членовъ германскаго союза: прусскій генералъ Клейстъ овладѣлъ Бамбергомъ и другими важными городами; взялъ съ перваго милліонъ ефимковъ, а съ Нюрнберга полтора; съ прочихъ по-возможности. Потомъ подступилъ къ Ратисбону, въ которомъ собирался сеймъ союза. Устрашенные жители стали просить у прусскаго короля пощады.

Хотя Австрійцы, бывъ долго праздными зрителями успѣховъ прусскихъ въ дружественныхъ имъ областяхъ союза, пошевелились; и соединясь съ имперскими войсками, тогда какъ, во Франконію шель изъ Саксоніи другой, значительный австрійскій корпусъ, а Французы дошли до Вардбруга и побудили Клейста обратиться въ Саксонію; однако его экспедиція принесла Фридриху чрезвычайную пользу: онъ освободилъ въ пройденныхъ областяхъ прусскихъ плѣнныхъ, вывезъ оттуда огромныя суммы денегъ, взялъ заложниковъ. Баварскія и палатинатскія войска отдѣлились отъ австрійскихъ и ушли домой. Мекленбургъ заключилъ въ декабрь отдѣльный миръ съ Пруссіею.

Австрія искренно стала желать мира. Хотѣла только схитрить. Она было задумала, отчаявшись въ пріобрѣтеніи Силезіи, отхватить у Фридриха вестфальскія области посредствомъ политической увертки, выпросивши ихъ у Французовъ, которые не имѣли права занять ихъ, но которымъ Англичане въ мирномъ договорѣ обѣщали очистить эти земли, занимаемыя ими. Но у Фридриха уже слишкомъ много было войска: кромѣ своихъ онъ могъ еще располагать гессенскими и брауншвейгскими, которые были безъ дѣла; онъ началъ угрожающія движенія, послалъ въ Вестфалію дивизию, — и Австрійцы остались ни при чемъ.

Ратисбонскій сеймъ наконецъ объявилъ себя нейтральнымъ, и черезъ два дня и Марія-Терезія заключила съ Фридрихомъ миръ, 15 февраля 1763 года.

Вотъ краткое содержаніе сочиненія капитана Архенгольца, бывшаго очевидцемъ многихъ событій Семилѣтней Войны, хотя онъ былъ



тогда еще почти мальчикомъ. Множество подробностей дѣлаютъ занимательною его книгу. Къ несчастію, онъ многого не знаетъ въ тогдашней политикѣ; мы видимъ у него почти одни военные дѣйствія, часто безъ общей связи и нерѣдко разсказанныя весьма нестройно, неискусно, мѣстами очень неясно, чему чрезвычайно помогаетъ образцовый, въ своемъ родѣ, переводъ господина Мартоса, который на каждомъ шагу заставляетъ читателя улыбаться или хохотать. Вы видѣли нѣсколько образчиковъ его слога. Потѣшите ли васъ еще, на прощаньи? Вотъ маленькая картина Дрездена во время бѣдственной его осады.

«Въ семь несчастномъ положеніи жителя единственно заботились о спасеніи себя. Извѣстія о погибшихъ цѣлыхъ семействахъ влѣсть съ ихъ разрушенными домами, и начинающійся голодъ, привели ихъ всѣхъ въ движеніе. Большая часть сихъ несчастныхъ изъ города укрывались въ *Новомъ городѣ*, послѣ того какъ Австрійцы открыли съ нимъ сообщенія, и гдѣ было безопасно отъ болѣзней. Тогда весь Новый городъ наполнился людьми, гдѣ тѣснились мужчины и женщины даже на гердакахъ. Большія дороги были покрыты убогающими. Погтенные старцы, престарѣлыя дамы, ослабленныя уже преклонностію лѣтъ, шли шагами медленными, опираясь о посохъ или поддерживаемыя руками своихъ сыновей или дочерей, которыя сами едва могли нести ноши, коими были обременены. Здѣсь видѣли матерей, съ молодыхъ лѣтъ привыкшихъ къ жизни избыточной и пріятной, которыя теперь съ трудомъ влачили по дорогамъ: онѣ тащили за плечами своихъ младенцевъ и жалобные вопли, непрерывно повторяемые, возносили къ небу. Множество этихъ страдалцевъ искали успокоенія сердца въ молитвѣ сей утѣшительницѣ скорбѣщаго; всюду слышны были ихъ громогласныя моленія къ Всевышнему. Ободряли, утѣшали другъ друга, но при видѣ зареза пылающаго города, воспоминаніе бѣдности и голода, на которые они видѣли себя осужденными, содѣлывало мало действительными тѣ утѣшенія. За неимѣніемъ лошадей, многіе люди, привыкшувшіе къ ягѣ и изобилію были принуждены нести за плечами немало своихъ цѣпльшихъ пожитковъ. Особы прекраснаго пола, коихъ находится такъ много въ сей столицѣ, нѣжныя, слабого сложенія, тащили на себѣ ноши, подобно выгнаннымъ животнымъ. Родственники и друзья везли въ тѣлѣжкахъ больныхъ. Въ сіи минуты ужаса были позабыты всѣ идеи о приличіи, коими обладалъ своему званію: все уваженія, введенныя въ быту гражданскомъ относительно гинамъ каждаго, потеряли свою силу, или совсѣмъ перестали существовать.»

Вотъ какъ въ тысяча осемь сотъ сорокъ первомъ году переводили „исторію“! Мы надѣемся, что въ нынѣшнемъ, тысяча осемь сотъ сорокъ второмъ, не будутъ такъ переводить.

K W 40

## II.

## ОБОЗРѢНІЕ

## СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

## СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

## НАГРАДЫ И НАЗНАЧЕНІЯ.

Высочайшими приказами производятся:

За отличіе по службѣ: (сентября осьмнадцатаго) старшій адъютантъ штаба корпуса жандармовъ, штабсъ-капитанъ *Политковскій*, въ капитаны, со старшинствомъ съ третьяго апрѣля 1840 года и съ оставленіемъ въ настоящей должности; (сентября девятнадцатаго) гевальдигеръ двадцатой дивизіи, кабардинскаго егерскаго полка капитанъ *фонъ-Дистерло*, въ майоры, съ соеюніемъ по арміи и съ назначеніемъ оберъ-гевальдигеромъ въ штабъ войскъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи; (сентября двадцать-четвертаго) конно-артиллерійской легкой нумера двадцать-четвертаго баттарей поручикъ *Сухотинъ 1*, въ штабсъ-капитаны; (сентября двадцать-пятого) драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики: *Аксамитинъ*, *Эристъ 1*, *Эристъ 2*, — всѣ трое въ тотъ же полкъ, и *Шафоростовъ*, въ Каргопольскій драгунскій.

За выслуженіемъ узаконенныхъ лѣтъ: (сентября двадцать-пятого) драгунскаго его королевскаго высочества принца Александра Нидерландскаго полка, изъ юнкеровъ въ корнеты *Панаевъ*, въ оренбургскій уланскій полкъ, въ прапорщики: драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, изъ юнкеровъ *Салибикинъ* и *Казначевъ*; каргопольскаго драгунскаго полка, изъ юнкеровъ *Вышеславцовъ*; кинбурнскаго драгунскаго полка, изъ юнкеровъ *Юрасовскій*; драгунскаго его королевскаго высочества принца Александра Нидерландскаго полка, изъ юнкеровъ: *Анисимовъ*, *Поповъ* и *Стасиковъ*; драгунскаго его высочества принца Эмиля Гессенскаго полка, изъ юнкеровъ: *Ешинъ*, *фонъ-Беренсъ 1*, и князь *Шаховской 1*, — всѣ трое въ тотъ же полкъ, изъ фаненъ-юнкеровъ *Масовдовъ*, въ рижскій драгунскій, изъ юнкеровъ *Монвижъ-Монтвидъ*, *Акуловъ* и *Баранцовъ*, въ драгунскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, и изъ унтеръ-офицеровъ *Хитрово*, въ каргопольскій драгунскій; рижскаго драгунскаго полка: изъ фаненъ-юнкеровъ *Пле-*

хановъ и Пунтъ, изъ юнкеровъ: *Узницкій, Решетовъ и Фрейманъ*, изъ унтеръ-офицеровъ *Черняховскій*, — всѣ шестеро въ тотъ же полкъ, и изъ юнкеровъ: *Масловъ, Мучиенуловъ, фонъ-Дрентельнъ, Шидловскій и Василенко*, — всѣ пятеро въ каргопольскій драгунскій; финляндскаго драгунскаго полка, изъ юнкеровъ: *Шатокинъ, Овсляничковъ, Волжинъ, Саблуковъ, Бухаринъ, Петриковскій*, — всѣ шестеро въ тотъ же полкъ, и *Горчаковъ*, въ кибурнскій драгунскій; драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка: изъ фаненъ-юнкеровъ: *Соловъ, Зацрылинъ и Грачевъ*, и изъ юнкеровъ: *Забѣлло, Скалонъ, Жилонковъ и Черныгинъ*; — всѣ семеро въ тотъ же полкъ, *Жуковскій и Лутниковъ* въ каргопольскій, *Макаровъ, Дубровинъ и Денисовъ 1*, — всѣ трое въ кибурнскій драгунскіе; (сентября семнадцатаго) сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ: нумера одиннадцатаго изъ подпрапорщиковъ въ прапорщики *Гутниковъ*; нумера двѣнадцатаго, въ прапорщики, изъ подпрапорщиковъ *Урядовъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Хрущалева*; нумера четырнадцатаго изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Кожевинъ*, съ переводомъ въ сибирскіе линейные баталіоны; нумера четвертаго, изъ подпрапорщиковъ въ прапорщики *Ракинъ*, въ одиннадцатый нумера пятого; изъ подпрапорщиковъ въ прапорщики *Клугинъ*, въ девятый; нумера шестаго, въ прапорщики, изъ портупей-прапорщиковъ *Коркинъ*, и изъ подпрапорщиковъ *Бартошевъ*, — оба въ одиннадцатый; нумера девятого, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Рудоветовъ*; нумера одиннадцатаго изъ фельдфебелей въ подпоручики *Кузминъ*, — оба въ двѣнадцатый; (сентября двадцать-третьяго) елисаветградскаго гусарскаго полка: изъ юнкеровъ *Кремешной 2*, изъ унтеръ-офицеровъ *Венгрияевскій*, — оба въ тотъ же полкъ, и изъ юнкеровъ *Рожимскій*, въ александрійскій гусарскій; гусарскаго его величества короля Ганноверскаго полка, изъ юнкеровъ *Рейнгадъ 1*; въ прапорщики: того же полка, изъ юнкеровъ *Змиевъ 1*, въ ладожскій егерскій полкъ; бѣлозерскаго пѣхотнаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Калашниковъ, Лисбучениновъ и Желябужскій 2*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Санцевичъ, Сипко и Шубертъ*; олонцакаго пѣхотнаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Крижановскій*, въ тотъ же полкъ, *Старостинъ, Добровольскій 1, Добровольскій 2, и Животкевичъ*, всѣ четверо въ бѣлозерскій пѣхотный; шлиссельбургскаго егерскаго полка: изъ портупей-юнкеровъ *Лисовскій*, и изъ юнкеровъ: *Никитинъ, Михалевскій, Юденковъ, Подпалой*, — всѣ пятеро въ симбирскій, и *Колтовскій*, въ ладожскій, егерскіе полки; ладожскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ: *Чернявскій, Полухинъ и Гончуковъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Трусевичъ*; архангелогородскаго пѣхотнаго полка: изъ портупей-прапорщиковъ *Маркляновичъ*, изъ подпрапорщиковъ *Соколовскій*, изъ унтеръ-офицеровъ *Воеводскій*, — всѣ трое въ тотъ же полкъ, и изъ подпрапорщиковъ: *Филатовъ, Долженковъ и Ковальскій*, въ костромскій егерскій; вологодскаго пѣхотнаго полка: изъ подпрапорщиковъ *Володимировъ 3, Ясевичъ*, — оба въ тотъ же полкъ, и *Ринейскій*, въ костромскій егерскій; костромскаго егерскаго полка: изъ портупей-юнкеровъ *Шайтаровъ и Кретковскій*, изъ юнкеровъ *Гриневъ* и изъ унтеръ-офицеровъ *Григорьевъ*; галицкаго егерскаго полка: изъ портупей-юнкеровъ *Тихановскій и Полетика*, изъ юнкеровъ *Витузскій*, изъ унтеръ-офицеровъ *Чечельницкій и Кретковскій*, — всѣ пятеро въ тотъ же полкъ, изъ портупей-юнкеровъ *Русановъ 2*, изъ юнкеровъ *Русановъ 1*, — оба въ костромскій, *Замайскій*, въ симбирскій, и *Цишковскій*, въ литовскій, и изъ унтеръ-офицеровъ *Горачко*, въ виленскій, егерскіе; муромскаго пѣхотнаго полка: изъ портупей-прапорщиковъ: *Краевичъ, Сокологорскій, Рязановъ и Ярмаковскій*, и изъ подпрапорщиковъ *Магировскій и Сулима*, нижегородскаго пѣхотнаго полка: изъ портупей-прапорщиковъ *Голови 1 и Голови 2*, и изъ подпрапорщиковъ *Жолондъ*, — всѣ трое въ симбирскій егерскій полкъ; низовскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ *Новосельскій*, въ тотъ же полкъ, и *Хельмицкій*, въ литовскій егерскій; симбирскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ *Баркаловъ и Пригаровскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Федоровскій*.

Производится на вакансію: (сентября двадцатаго) петровскаго-полтавскаго кадетскаго корпуса штабсъ-капитанъ *Филиповъ*, въ капитаны.

Въ сравненіе съ сверстниками: (сентября осемнадцатаго) адъютантъ виленскаго военнаго, гродненскаго, бѣлостокскаго и минскаго генераль-губернатора; генераль-лейтенанта Мирковича, новомиргородскаго уланскаго полка ротмистръ *фонъ-Мевесъ*, въ майоры, со старшинствомъ съ пятого іюля настоящаго года, съ состояніемъ по кавалеріи и съ назначеніемъ къ нему же генераль-лейтенанту Мирковичу, для особыхъ порученій; замойскаго егерскаго полка подпоручикъ *Кіяницынъ 1*, въ поручики, со старшинствомъ съ пятнадцатаго іюня нынѣшняго года; (сентября двадцать-перваго) черноморскаго линейнаго баталіона нумера четвертаго подпоручикъ *Левицкій*, въ поручики; (сентября двадцать-третьяго) уланскаго его королевскаго высочества принца Фридриха Виртембергскаго полка корнетъ *Портенъ*, въ поручики, со старшинствомъ съ пятнадцатаго марта нынѣшняго года.

По экзамену: (сентября двадцать четвертаго) въ корнеты: перваго московскаго кадетскаго корпуса изъ кадетъ *Проташинскій*, въ волынскій уланскій полкъ; по дворянскому полку: дворянскаго полка изъ дворянъ *Богомолецъ 1*, въ уланскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ, — оба со старшинствомъ съ двадцать-втораго іюля 1840 года.

Увольняются: (сентября двадцать-втораго) начальникъ первой гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-адъютантъ *Исленевъ*, согласно прошенію его, отъ командованія дивизіею, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта; (сентября двадцать-третьяго) управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ графъ *Строгоновъ 2*, согласно прошенію его, отъ управленія этимъ министерствомъ, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и съ отпускомъ за границу, на одинъ годъ.

Увольняются отъ службы: за болѣзнію: (сентября пятнадцатаго) сорокъ-третьяго флотскаго экипажа мичманъ *Шубинскій*, лейтенантомъ; (сентября осемнадцатаго) перваго казанскаго гарнизоннаго баталіона подпоручикъ *Абросимовъ*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; (сентября двадцатаго) одиннадцатой артиллерійской бригады поручикъ *Лукоиковъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

По домашнимъ обстоятельствамъ: (сентября пятнадцатаго) морской арестантской, нумера пятнадцатаго, роты капитанъ *Соинъ*, майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (сентября двадцать-втораго) казанскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ состоящій по арміи прапорщикъ *Тихановъ* подпоручикомъ; учебныхъ карабинерныхъ полковъ: третьяго, подпоручикъ *Юрьевъ*, поручикомъ, и четвертаго, подполковникъ *Мамаевъ*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья.

Назначаются: (сентября семнадцатаго) тифлискаго егерскаго полка подпоручикъ *Канановъ*, въ должность адъютанта къ начальнику лезгинской кордонной линіи, съ состояніемъ по арміи; (сентября осемнадцатаго) казенецъ-подольскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона майоръ *Хоботовъ*, полицмейстеромъ въ городъ Балту, съ состояніемъ по арміи; (сентября девятнадцатаго) командиръ гусарскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка генераль-майоръ *Данилевскій 1*, командиромъ второй бригады пятой легкой кавалерійской дивизіи; полицмейстеръ двинскаго судоходства, капитанъ *Богомолецъ*, состоять по арміи, съ оставленіемъ въ настоящей должности; (сентября двадцатаго) под-

поручикъ строительнаго отряда путей сообщения *Голиковъ*, въ должность адъютанта къ управляющему IV округомъ путей сообщения; (сентября двадцать-перваго) состоящій по инженерному корпусу генераль-маіоръ *Нильсенъ*, комендантомъ въ крѣпость Эривань, съ оставленіемъ по инженерному корпусу; командиръ конно-артиллерійской легкой, нумера семнадцатиаго, баттарей, полковникъ *Шмитъ 1*, командиромъ пятой конно-артиллерійской бригады и легкой, нумера девятого, баттарей, на мѣсто полковника *Большана*; конно-артиллерійской легкой, нумера четырнадцатиаго, баттарей капитанъ *Саврасовъ*, командиромъ конно-артиллерійской легкой, нумера семнадцатиаго, баттарей; (сентября двадцать втораго) начальникъ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ *Арбузовъ*, начальникомъ первой гвардейской пѣхотной дивизіи; командиръ второй гвардейской пѣхотной бригады и лейбъ-гвардіи егерскаго полка, свиты Его Величества генераль-маіоръ *фонъ-Моллеръ 1*, командующій третьею гвардейскою пѣхотною дивизіею, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества; командиръ пятой гвардейской пѣхотной бригады и лейбъ-гвардіи литовскаго полка, генераль-маіоръ *Девитте*, командующій третьею пѣхотною дивизіею; состоящій при первой гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ баронъ *Соловьевъ*, командующій лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ; состоящій при третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *фонъ-Аммонъ*, командующій лейбъ-гвардіи литовскимъ полкомъ.

Высочайшими указами всеимостивѣйше пожалованы:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: (сентября шестаго) членъ государственнаго совета царства польскаго статскій совѣтникъ *Коссаковский*; бывшіе судьи высшей палаты суда царства польскаго; *Яловецкій*, *Аржевецкій*, *Могилницкій*, *Расцисневскій*, *Квятковскій*, *Дембовскій*, *Токарскій*, *Пасхальскій*, *Суходольскій*, *Калинскій*, *Лысинскій*, *Вьсіоловскій*, *Цихорскій* и *Дзидзицкій*; (сентября дванадцатаго) прокуроръ московскаго святѣйшаго синода конторы статскій совѣтникъ *Махайловъ*; управляющій ставропольскою комиссаріатскою комиссіею статскій совѣтникъ *Мартосъ*.

Въ статскіе совѣтники: (сентября дванадцатаго) управляющій новгородскимъ провіантскимъ комиссіонерствомъ коллежскій совѣтникъ *Шульгинъ*; (сентября дванадцатаго) старшій лекаръ царскосельскаго военнаго госпиталя, медико-хирургъ, коллежскій совѣтникъ *Ведринскій*; (сентября осьмаго) служащій въ провіантскомъ штатѣ чиновникъ особыхъ порученій коллежскій совѣтникъ *Сергѣй Вессели*, съ увольненіемъ отъ службы.

Въ коллежскіе совѣтники: (сентября девятого) надворные совѣтники: помощникъ главнаго доктора перваго санктпетербургскаго военнаго-сухопутнаго госпиталя доктора медицины *Вальбиани*; полковой штабъ-лекаръ лейбъ-гвардіи павловскаго полка медико-хирургъ *Штретеръ*; начальникъ отдѣленія комиссаріатскаго департамента 7-го класса *Стратоновичъ*.

Въ титулярные совѣтники: (сентября одиннадцатаго) Романово-Борисоглебскій уездный предводитель дворянства штабсъ-капитанъ *Волковъ*.

Въ четырнадцатый классъ: (сентября дванадцатаго) курьеръ морскаго министерства Арефій *Вишневыскій*.

Въ коллежскіе регистраторы: (сентября седьмаго) находящійся на испытаніи при комиссаріатскомъ департаментѣ баталіонный писарь пятаго баталіона невскаго морскаго полка Евстафій *Черепановъ*.

Въ унтеръ-цейхвартеры тринадцатиаго класса: (сентября третьяго) подвижнаго запаснаго парка шестой артиллерійской бригады Иванъ *Орловъ*, и Григорій *Поповъ*, съ назначеніемъ въ тотъ же паркъ; артиллерій-

скихъ гарнизоновъ: ахалцыхскаго, Кольма *Рыбкинъ*, Эриванскаго, Андрей *Симоновъ*, въ тѣ же гарнизоны; арсеналовъ: санктпетербургскаго Луга *Панафридинъ*, брянскаго Василій *Тарасевъ*, въ тѣ же арсеналы.

Увольняются: (сентября тринадцатиаго) генераль-маіоръ князь Константинъ *Любомирскій* отъ должности волынскаго губернскаго предводителя дворянства.

Назначаются: (сентября шестаго) присутствовать въ варшавскихъ правительствующаго сената департаментахъ: оберъ-гофмейстеръ Его Императорскаго Величества князь *Яблоновскій*, варшавскій военный генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ *Писаревъ*, бывшіе члены государственнаго совета царства польскаго: генераль отъ кавалеріи графъ *Ожаровскій*, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ *Валевскій*, генераль-адъютантъ генераль-лейтенантъ *Влодекъ* и отставный генераль-лейтенантъ *Курятковский 1*; бывшіе члены государственнаго совета царства польскаго *Выгеховскій 1*, *Моравскій*, *Фалыцъ*, графъ *Потоцкій*, *Войда*, *Ростворовскій*, *Любовицкій*, *Быгеховскій 2*, и бывшіе председательствующіе въ высшей палатѣ суда, *Волицкій* и *Лубинскій*; послѣдніе пятеро со всеимостивѣйшимъ пожалованіемъ въ тайные совѣтники; (сентября осьмаго) коллежскій совѣтникъ *Десимонъ* директоромъ канцеляріи главноуправляющаго Закавказскимъ Краемъ, и изъ числа избранныхъ таганрогскимъ купечествомъ кандидатовъ коллежскій ассессоръ *Гевлевъ* старшимъ членомъ таганрогскаго коммерческаго суда.

Высочайшими указами всеимостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ:

Святой анны первой степени: (третьяго сентября) минскій губернский предводитель дворянства дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ошторпъ*; причислены къ тому же ордену и степени епископъ римско-католической куявско-кашинской епархіи валентинъ *Томашевскій*, и епископъ римско-католической августовской епархіи Павелъ *Страшинскій*.

Святой анны второй степени императорскою короною украшеннаго: (сентября третьяго) рыбинскій полиціймейстеръ полковникъ *Дневъ*.

Сопричислены къ ордену святой анны второй степени: (сентября шестаго) прелать кустость августовской римско-католической каѳедры, Бонавентуръ *Бушкевичъ* и калишскій каноникъ Юсифъ *Скворцъ*.

Святаго владимира четвертой степени: (сентября третьяго) предводители дворянства: исправляющій должность гродненскаго губернскаго, отставный гвардіи поручикъ Романъ *Лажницкій* и белостокскій областной Войтхъ *Олдаковскій*.

Святаго станицлава третьей степени: (августа тринадцатиаго) подвижнаго запаснаго парка семнадцатой артиллерійской бригады поручикъ *Разметьевъ*.

Медалями: (августа двадцать-осьмаго) золотою медалью на владимірской лентѣ, енотаевскій первой гильдіи купецъ и почетный гражданинъ Василій *Сережниковъ*; (сентября девятого) на анненской лентѣ: сотрудникъ комитета для разбора и призрѣнія нищихъ санктпетербургскій первой гильдіи купецъ Павелъ *Кудрашовъ*; санктпетербургскій третьей гильдіи купцы Петръ *Соколовъ*, на владимірской лентѣ и Григорій *Ветошкинъ*, на анненской лентѣ.

## ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Въ 1832 году, въ государственномъ совѣтѣ учрежденъ особый департаментъ дѣлъ царства Польскаго, въ который поступаютъ все важнѣйшія дѣла до царства относящіяся; поэтому дальнѣйшее существованіе отдѣльнаго государственнаго совѣта въ царствѣ признано не соответствующимъ настоящему положенію края, а какъ вмѣстѣ съ тѣмъ настоятъ необходимость дать высшей палатѣ суда прочтѣннѣе основаніе, то высочайшимъ указомъ отъ шестаго сентября упразднены какъ нынѣшній государственный совѣтъ царства, такъ и высшая палата и замѣнены въ Варшавѣ, для всего царства Польскаго двумя департаментами правительствующаго сената, которые примутъ послѣдовательные номера девятаго и десятаго, и общимъ правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собраніемъ.

Общему правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собранію, предоставленъ разборъ въ тѣхъ дѣлахъ, которые поступали донинѣ въ государственный совѣтъ царства, за исключеніемъ разсмотрѣнія годовой росписи доходовъ и расходовъ царства, которую повелѣно вносить отнынѣ на высочайшее утвержденіе прямо чрезъ департаментъ дѣлъ царства Польскаго государственнаго совѣта, и разсмотрѣнія отчетовъ главноначальствующихъ разными частями управленія — которое ввѣрено совѣту управленія царства. Порядокъ засѣданій въ общемъ собраніи и сношенія его съ другими мѣстами и лицами, равно производство дѣлъ въ немъ, оставлены на точномъ основаніи правилъ, которыя предписаны были по этимъ предметамъ, для государственнаго совѣта царства. Герольдія царства, сохраняющая внутреннее свое образованіе, оставлена въ видѣ особаго учрежденія при общемъ правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собраніи въ тѣхъ самыхъ съ нимъ отношеніяхъ, въ какихъ она находилась съ государственнымъ совѣтомъ царства. Девятому департаменту правительствующаго сената предоставлена власть, принадлежавшая до нынѣ высшей палатѣ суда царства; почему все дѣла, которыя поступали туда, будутъ отнынѣ окончательно рѣшаемы въ департаментѣ на основаніи существовавшихъ для высшей палаты суда узаконеній. Десятому департаменту правительствующаго сената повелѣно вѣдать дѣла уголовныя. Предметы вѣдомства и предѣлы власти по этимъ дѣламъ департамента, будутъ опредѣлены новыми уголовными законами; а до обнародованія ихъ все существующія по этому предмету узаконенія сохраняютъ силу свою и дѣйствіе. Общему правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собранію повелѣно состоять подъ предсѣдательствомъ намѣстника Его Императорскаго Величества въ царствѣ, изъ особъ первыхъ трехъ классовъ, всемилощивѣйше пожалованныхъ въ сенаторы. Въ общемъ правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собраніи, по званію своему присутствовать также, членамъ совѣта управленія царства и варшавскому военному губернатору. Варшавскимъ правительствующаго сената департаментамъ состоятъ изъ сенаторовъ и другихъ высочайше призванныхъ на этотъ разъ къ исправленію этой должности особъ, которыя будутъ назначены присутствовать въ нихъ. Варшавскіе правительствующаго сената департаменты могутъ, по мѣрѣ нужды, быть раздѣлены на два или болѣе отдѣленій. Отдѣленія имѣютъ тотъ же составъ и тотъ же образъ дѣйствія какъ и департаменты. Въ каждомъ изъ варшавскихъ правительствующаго сената департаментовъ и отдѣленій быть первоприсутствующему, высочайше назначаемому ежегодно, по представленію намѣстника Его Императорскаго Величества въ царствѣ. Въ отсутствіе намѣстника, по болѣзни или по дѣламъ службы, должность предсѣдателя въ общемъ правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собраніи, по назначенію его исправлять одному изъ первоприсутствующихъ въ департаментахъ либо отдѣленіяхъ, или же предсѣдателю герольдіи. Сенаторамъ общаго правительствующаго сената варшавскихъ департаментовъ собранія пользоваться всеми правами и преимуществами принадлежащими прочимъ сенаторамъ Имперіи. Исправляющимъ же должность

сенаторовъ, повелѣно имѣть при сужденіи дѣлъ въ варшавскихъ правительствующаго сената департаментахъ, равный съ сенаторами голосъ. Министру юстиціи, какъ генераль-прокурору, по истеченіи каждаго года сообщать для свѣдѣнія, краткія статистическія вѣдомости относительно судебной части въ царствѣ Польскомъ и формулярные списки о служащихъ въ варшавскихъ правительствующаго сената департаментахъ и въ общемъ ихъ собраніи. Проекты указовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго развитія этихъ главныхъ основаній, повелѣно намѣстнику изготовить, и поднести на Высочайшее утвержденіе.

— Государь Императоръ, по положенію комитета господъ министровъ, въслѣдствіе представленія господина министра народнаго просвѣщенія, двадцать шестаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: учредить при содержимой виленскимъ евангелическо-реформатскимъ синодомъ Слуцкой Гимназій званіе почетнаго попечителя, съ предоставленіемъ синоду избранія его, на основаніи общихъ правилъ о дворянскихъ выборахъ, каждый разъ на три года, а утвержденіе избраннаго лица въ этомъ званіи министерству народнаго просвѣщенія. Должность почетнаго попечителя Слуцкой Гимназій причислить заурядъ къ VI классу, а по мундиру къ VI разряду; во всехъ же прочихъ правахъ и обязанностяхъ этого званія сравнить его съ таковымъ же въ гимназіяхъ содержимыхъ отъ правительства.

## Разныя извѣстія.

Изъ Бердянска пишутъ отъ четвертаго сентября: «Съ 15 августа начали повозить къ намъ значительное количество разнаго зерноваго хлѣба. — Привозъ постоянно умножается; теперь каждый день бываетъ на нашемъ рынкѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ четвертей, и къ вечеру, а иногда къ полудню, все это количество переходитъ въ амбары бердянскихъ купцовъ. — Цѣны на лучшій сортъ пшеницы доходили до 22 рублей ассигнаціями; на дняхъ оны понизились до 17 рублей 50 копѣекъ ассигнаціями. Несмотря на такой невыгодный оборотъ, привозъ ни сколько не уменьшается. Это даетъ намъ право сказать, что Бердянскъ сдѣлался теперь настоящимъ торговымъ городомъ, то есть, что его торговая дѣятельность совершается въ немъ самомъ, на собственномъ его рынкѣ, между тѣмъ какъ прежде бердянскіе купцы закупали хлѣбъ въ селеніяхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ; ихъ прикащики доходили даже до Кременчуга. — Закупленный хлѣбъ не всегда доставлялся вовремя, въ цѣнѣ и въ сортѣ хлѣба происходили разныя недоразумѣнія, отъ чего покупщики и продавцы много теряли. Неоглядѣвъ не смогъ навѣрное разсчитать, что тогда-то оны нагружатъ и отправятъ за границу такое-то количество пшеницы или льна. Когда судно его стояло у пристани, грузъ спокойно лежалъ въ деревняхъ, или медленно и изъ далекихъ мѣстъ тянулся къ порту. Понятно, что все это происходило оттого, что Бердянскъ, какъ новый торговый городъ, еще не приобрѣлъ извѣстности. Земледѣльцы только теперь начинаютъ вѣрить въ его финансовыя силы. Многие вовсе не знаютъ, что на юго-западъ отъ Петровска — памятника политики безсмертнаго преобразователя Россіи — есть двѣ косы: Берда и Обыточная, которыя, далеко вдаваясь въ море, образуютъ берега залива долго никѣмъ неугаданнаго; не знаютъ, что заливъ этотъ, защищенный отъ вѣтровъ восточнаго, сѣвернаго и западнаго, по глубинѣ и спокойному состоянію своихъ водъ, есть первый портъ въ Азовскомъ Морѣ. На берегу залива стоитъ теперь городъ, которому вы, съ перваго взгляду, насчитаете съ пол-вѣка, а онъ очень недавно явился на свѣтъ. Бердянскъ быстро идетъ по пути развитія. Одинъ иностранецъ, производящій въ бердянскомъ портѣ заграничную торговлю, отправившись нынѣшнею весною на свою родину, гдѣ пробылъ до конца августа; возвратившись сюда, онъ не узналъ Бердянска: въ тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ оставилъ пустыми, возвышаются теперь прекрасныя дома или огромныя магазины.»

— Московскаго уѣзда, вотчины помѣщика Руднева, сельца Никольскаго, крестьянскія дѣти, братья: Иванъ Осиповъ одиннадцати и Семень Осиповъ семи лѣтъ, собирали, въ августъ минувшаго года, грибы въ сосѣднемъ лѣсу. Въ это время на младшаго изъ нихъ напали внезапно два волка, и поваливъ его, стали терзать. Старшій Осиповъ схватилъ попавшуюся ему подъ руку палку, и сталъ отбивать волковъ, нанося имъ удары по головамъ. Онъ успѣлъ уже такимъ образомъ отогнать ихъ, и повелѣ-было израненнаго брата въ деревню, но волки вторично на него напали. Собравъ остатокъ силъ, старшій Осиповъ снова бросился съ палкою на волковъ, и крича изо всей мочи, успѣлъ отбить ихъ и во второй разъ. Между-тѣмъ на крикъ его прибѣжала крестьянка, которая, взявъ на руки израненаго мальчика, отнесла его въ деревню въ безчувственномъ состояніи. Горло у него было повреждено: на тѣлѣ сказались много синихъ пятенъ, большая опухоль и шесть ранъ. Онъ остался однако жъ въ живыхъ.

— Холмскаго уѣзда близъ деревни Монастырской, на разстояніи четверти версты отъ нея, на полѣ, девятнадцатаго августа, передъ закатомъ солнца, прибѣжавшій изъ лѣсу волкъ схватилъ одиннадцати мѣсячнаго крестьянскаго младенца Юму и скрылся съ нимъ изъ виду, въ то время, когда мать этого младенца занималась жатвою хлѣба и была въ двѣнадцати саженьяхъ отъ несчастной жертвы.

— Саратовской губерніи царевскаго уѣзда, въ казенномъ селѣ Пришибѣ, государственная крестьянка Христинья Денисова родила женскаго пола младенца, у котораго на рукахъ было по осьми, на ногахъ же: на правой девять, а на лѣвой семь пальцевъ. Ребенокъ, вскричавъ, по рожденіи, не болѣе трехъ разъ, умеръ. Мать осталась жива.

— Смоленской губерніи, порѣчскаго уѣзда, деревни Лужковъ, вѣдомства бородинскаго волостнаго правленія, крестьянка Авдотья Васильева, четвертаго мая съ-вечера начала мучиться родами, и страдая до слѣдующаго дня, родила двухъ сыновей живыхъ: перваго въ семь часовъ утра, а втораго въ часъ по полудни; оба младенца жили не болѣе, какъ по два часа. Въ осьмомъ часу вечера родила еще дочь, которая была жива часа три; послѣ того мучилась родами четвертымъ младенцемъ, и на третій день вечеромъ, не разрѣшившись отъ бремени, умерла. Крестьянка Васильева имѣла уже нѣсколькихъ дѣтей; отроду ей было сорокъ лѣтъ.

(Ж. М. В. Д.)

— По постановленію совета управленія царства Польскаго, двѣнадцатаго (двадцать-четвертаго) августа, выдана оставшему инженеръ-маіору Андрею Вешнякову привилегія на изобрѣтенное имъ топливо, названное «карболенинъ», согласно описанію, представленному имъ въ правительственную комиссію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Привилегія эта распространяется на все царство Польское и будетъ имѣть силу втеченіи десяти лѣтъ, со дня состоянія постановленія.

— Порховскаго уѣзда въ погостѣ Бѣлой, девятнадцатаго августа, по полудни въ третьемъ часу, неизвѣстно отъ чего произошелъ пожаръ, которымъ истреблено десять домовъ священно-и-церковно-служителей того погоста и осемь крестьянскихъ, старая, каменная, упраздненная церковь; замѣчательно, что висѣвшіе на колокольнѣ этой церкви осемь колоколовъ отъ сильнаго жару совершенно расплавились.

— Въ числѣ выброшенныхъ изъ моря 18 и 20 числѣ прошлаго мѣсяца въ окрестностяхъ Орренгофа и Пюгенорма, обломковъ корабля, (о чемъ мы уже говорили въ предъидущей книжкѣ) оказалась также часть кормы длиною футовъ одиннадцать. Она черна, съ двойными бѣлыми каймами. Между верх-

ними находится двуглавый красный орелъ съ желтыми отбѣнками, и синимъ шитомъ, по обѣимъ сторонамъ гирлянды. Между нижними каймами изображено желтою краскою: F n Christinestad (вѣроятно Fran; недостающія буквы, а также и имя корабля выломаны). На многихъ корабельныхъ желѣзныхъ болтахъ изображено: Victoria.

— Тринадцатаго сентября при сильной бурѣ потонула въ открытомъ морѣ, шедшая въ Перновъ изъ Риги, нагруженная разными товарами безпалубная лодка лодочника Крумина. Лодочникъ съ сыномъ своимъ и однимъ матросомъ спасены кинскими крестьянами: Пергомъ Пуллема, Томасомъ Вахтелема и Ивомъ Кетемъ, которые доставили ихъ на постъ Кирбишъ.

— Тридцать-перваго августа спущено съ перновской верфи построенное корабельнымъ мастеромъ Гейнрихомъ Оле-Юргенсеномъ судно изъ дубоваго лѣсу, величиною около 55 ластовъ, принадлежащее тамошнему первой гильдіи торговому дому Генслъ-Дидрихъ-Шмидтъ. Это судно названо: Надворный Советникъ Шубертъ. (К Г.)

— Каботажное судно «Марія Терезія», принадлежащее таганрогскому третьей гильдіи купцу Ивану Педемонте, шедшее изъ Ростова въ Керчь, адресованное Антону Галебардъ, съ грузомъ льнянаго сѣмени и состоявшее подъ управленіемъ шкипера, англійскаго подданнаго, Винченцо Коломбо, показало течь, и, погодою, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, принесено поутру перваго сентября къ берегу поселеній азовскаго войска, не вдалекѣ отъ крѣпости Петровской, и тамъ разбито водою. Люди бывшіе на этомъ суднѣ, съ вещами и бумагами, по распоряженію атамана, всѣ пять человекъ съ шкиперомъ, спасены, а грузъ погибъ. (О. В.)

— Втеченіи прошлаго сентября мѣсяца проѣхало по желѣзной дорогѣ 59,516 пассажировъ и сборъ простирался до 23,310 рублей, 49 копѣекъ серебромъ.

## СОБЫТІЯ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

### ФРАНЦІЯ.

Въ одной газетѣ пишутъ: «Наконецъ министръ финансовъ рѣшился осуществить часть займа, на заключеніе котораго палата уполномочила его закономъ двадцать-пятого іюля нынѣшняго года. Это событіе произвело нѣкоторое впечатлѣніе въ финансовомъ мѣрѣ. Судя по сопротивленію, которое господинъ Гуманъ оказывалъ доселѣ, полагали, что операція отсрочена до рѣшенія вопроса о распушеніи части войскъ, который, однако, представляеть, какъ кажется, затрудненія. Это обстоятельство, а также могущественное вліяніе банкировъ, употреблявшихъ всѣ возможные усилія, чтобы предположенную финансовую операцію привести въ исполненіе, не дозволили господину Гуману отлагать ее далѣе. Такъ какъ заемъ произведенъ будетъ по три процента, то меньшій капиталъ, какъ увѣряють, будетъ 80 франковъ. Ниже этой суммы никакія предложенія не будутъ приняты. Этотъ курсъ находится, по-видимому, въ противурѣчій съ настоящимъ курсомъ трехъ-процентныхъ облигацій, которыя не доходили выше 78 франковъ 90 сантимовъ. Но какъ проценты со всей суммы рассчитываемы будутъ съ двадцать-втораго іюня, а предприниматели займа начнутъ свои взносы не прежде какъ съ осьмнадцатаго октября, то отъ одной этой разности они выигрываютъ уже 1,150,000 франковъ. Далѣе, такъ какъ взносы разсрочены по-мѣсячно до седьмаго октября 1842 года, то это распоряженіе доставитъ имъ другую еще выгоду, которая перевѣшиваетъ первую: такимъ образомъ чрезъ проценты, составившіеся до платежей, осьмидесяти франковъ облигаціи обой-

дуга банкирамъ въ 76 франковъ 40 сантимовъ или въ 76 франковъ 45 сантимовъ. Если бы подождали еще шесть недель, то трех-процентная облигация поднялась бы, вѣроятно, еще болѣе въ курсъ, и банкиры принуждены бы были предложить выгоднѣйшія условія. Говоря: банкиры, мы разумемъ домъ *Ротшильдовъ*, которому навѣрное достанется этотъ заемъ. Запечатанныя предложенія суть только простая форма, требуемая закономъ. Переговоры между господиномъ *Гуманомъ* и домомъ *Ротшильда* длились столько времени, что невозможно предположить какія-либо перемѣны въ этомъ отношеніи. Все, по обыкновению, было навѣреде рѣшено, и совѣтники будутъ имѣть основательныя причины удалиться. Заемъ находится въ столь тѣсной связи съ разоруженіемъ, что нельзя коснуться одного, не упомянувъ о другомъ. Последнее, если оно должно состояться вполнѣ, будетъ также относиться до нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Флотъ до іюля 1840-го года оставался въ величайшемъ небреженіи, и только ожиданіе войны могло возбудить дѣятельность въ нашихъ корабельныхъ верфяхъ и при наборахъ матросовъ. Но какъ сформированіе морскихъ силъ дѣло не минутное, то несмотря на мирное положеніе, которое Европа принимаетъ со дня подписанія трактата тринадцатаго іюля, опасно было бы разснастить корабли. Притомъ корабельная снасть портится скорѣе въ магазинахъ нежели отъ употребленія, и экипажи, однажды распущенные, разсыиваются по гаванямъ и купеческимъ кораблямъ. Таковы соображенія, которые дѣлаютъ понятною нерѣшительность правительства. Что касается до сухопутныхъ войскъ, то другія причины требуютъ оставить ихъ еще на нѣкоторое время въ настоящемъ ихъ видѣ. Для нашихъ владѣній въ Сѣверной Африкѣ необходимы ежедневно новыя подкрѣпленія. Мы имѣемъ нынѣ тамъ 60,000 человекъ, и должны умножать это число, если хотимъ расширить наши владѣнія, и особенно, если желаемъ поддержать вновь опредѣленныхъ Беевъ, а постройку укрѣпленій Парижа удерживаетъ близь столицы многіе полки, которыхъ солдаты обращаются на работы. Последнее же препятствіе, противопоставляемое обезоруженію, заключается въ неудобствѣ уволить нѣсколько тысячъ офицеровъ. Внѣшнія отношенія дозволяютъ, конечно, предпринять разоруженіе сухопутныхъ и морскихъ силъ, но если бросимъ взглядъ на нравственное состояніе Франціи, то задача затрудняется, и тѣ самыя, которые наиболѣе расположены облегчить бремя государства, тѣ, которые съ величайшею радостію видятъ отсрочку большаго займа на неопредѣленное время, принуждены покориться необходимости, проистекающей изъ того состоянія.»

— Вотъ исчисленіе всѣхъ займовъ, которые французское правительство сдѣлало съ 1815 года:

годы.	количество процен.	по курсу.	колич. капитала.
1815.	3.500,000 фр. 5-ти пр.	51 фр 23 с.	35.863,200 фр.
1816.	6.000,000 — —	57 — 26 —	69.763,000 —
1817.	669,735 — —	59 — 16 —	7.924,035 —
1817.	30.000,000 — —	57 — 51 —	345.085,000 —
1818.	14.925,500 — —	66 — 50 —	197.909,400 —
1818.	12.313,453 — —	67 — — —	165.000,000 —
1821.	401,942 — —	87 — 7 —	7.000,000 —
1821.	12.514,220 — —	85 — 55 —	214.118,304 —
1823.	23.114,516 — —	89 — 55 —	413.980,981 —
1830.	3.134,950 — 4-хъ пр.	102 — 7 —	40.000,000 —
1831.	7.142,858 — 5-хъ пр.	84 — — —	120.000,014 —
1832.	7.614,215 — 4-хъ пр.	98 — 50 —	150.000,000 —

— Записки госпожи *Лафаржъ* появились въ свѣтъ и, по-видимому, юстиція не находитъ въ содержаніи ихъ никакого повода къ судебному преслѣдованію, какъ сначала полагали. Въ первые дни послѣ ихъ выхода въ свѣтъ одинъ *Жюль Жаненъ* сдѣлалъ отзывъ о книгѣ, посвятивъ разбору ея девять дней.

ныхъ столбцовъ своего фельетона. Легко понять, что эта статья клонится къ тому, чтобы уронить совершенно и записки и ихъ сочинительницу. Здѣсь не мѣсто распространяться о критикѣ умнаго и искуснаго фельетониста *Journal des Débats*; но что бы ни думали о самой госпожѣ *Лафаржъ*, ей, какъ писательницѣ, при всемъ нравственномъ упадкѣ, нельзя отказать въ умѣ, остроуміи, въ искусствѣ излагать свои мысли живо и пламенно.

— Министръ юстиціи разослалъ ко всемъ генераль-прокурорамъ циркуляры, въ которыхъ вѣнзаетъ имъ въ обязанности не выпускать въ необходимыхъ случаяхъ изъ виду строгаго исполненія сентябрьскихъ законовъ. Въ другихъ циркулярахъ онъ предписываетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ всѣ департаментскіе комитеты, которые ведутъ съ центральнымъ парижскимъ комитетомъ переписку касательно необходимости преобразования выборовъ. Эти циркуляры помѣщены уже въ *Монитеръ*. Журналамъ нельзя уже будетъ говорить, что министерство тайно дѣйствуетъ противъ книгопечатанія, потому что въ этотъ разъ открыто предостерегаютъ журналистовъ и писателей отъ того что можетъ ихъ ожидать. Сообщаемъ здѣсь одинъ изъ этихъ циркуляровъ:

«Господинъ генераль-прокуроръ! Во многихъ мѣстахъ королевства составились комитеты, которыхъ открытая цель состоитъ въ томъ, чтобы добиться реформы закона о выборахъ. Эти комитеты переписываются съ центральнымъ комитетомъ учрежденнымъ въ Парижѣ, подъ влияніемъ котораго они дѣйствуютъ. Это настоящій союзъ, котораго существованіе правительство допустить не можетъ. Оно не можетъ терпѣть, чтобы какое-либо общество, подъ предлогомъ произвести реформу въ выборахъ, посредствомъ прошеній, образовалось въ учрежденіе, могущее во время безпокойствъ служить для партій точкою опоры. Для общественнаго спокойствія это представляетъ важную опасность, къ отвращенію которой издавъ законъ десятаго апрѣля 1834. Спасительныя постановленія его признаны кассационнымъ судомъ, отвергнувшимъ еще недавно апелляционную просьбу членовъ, такъ-называемаго комитета выборовъ. Обязанности каждаго нынѣ ясно обозначены. Граждане, которые приняли участіе въ подобномъ комитетѣ, не зная въ точности цѣли и предмета его, не будутъ заслуживать никакого извиненія, если долѣе въ немъ останутся. Вы, господинъ генераль-прокуроръ, должны не колеблясь подвергнуть ихъ суду. Важность вашихъ обязанностей возрастаетъ въ соразмѣрности съ важностію обстоятельствъ. Все показываетъ, что безпорядки, нарушающіе спокойствіе страны, устраиваются недозволенными обществами, въ которыхъ порокичѣйшіе люди, воспламеняя умы и овладевая слабыми характерами, приготавливаютъ орудія для большихъ преступленій. Имѣя въ виду столь пагубные результаты, вы не должны допустить существованіе ни одного нелегальнаго комитета, подъ какимъ бы предлогомъ онъ ни составлялся, и вы должны склонять гражданъ къ строжайшему соблюденію законовъ. Я не могу довольно сильно выразить, какъ велика должна быть ваша бдительность, въ этомъ отношеніи.»

— Переговоры, начатыя между Франціею и Бельгіею касательно коммерческаго трактата, остановились. Съ французской стороны объявлено, какъ слышно, что условія бельгійскихъ комиссаровъ не могутъ быть приняты; надѣются, что господинъ *Мюленеръ*, отправленный въ Бельгію, возвратится въ Парижъ съ предложеніями болѣе умѣренными.

— Въ числѣ разныхъ протестовъ, сдѣланныхъ нынѣ отъ имени французской промышленности противъ французско-бельгійскаго торговаго трактата, заслуживаетъ особенное вниманіе письмо одного желѣзнаго заводчика, въ которомъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказана невозможность какого-

либо совместительства французскихъ желѣзныхъ издѣлій съ бельгійскими. До 1835 года, сказано въ этомъ письмѣ, были въ Бельгii только одинъ или два чугунныхъ завода, какъ вдругъ спекулянты устремились на эту вѣтвь промышленности, и въ четыре года явилось 47 такихъ заводовъ, вырабатывающихъ 200 милліоновъ килограммовъ желѣза, то есть, вдвое болѣе противъ Франціи и втрое противъ Англiи. Естественно, что бельгійскій рынокъ, при недостаткѣ потребленія, былъ заваленъ ими до такой степени, что невозможно помышлять о сбытѣ, соразмѣрномъ съ производительностью, и заводчики, болѣею частію, вынужденными нашлись продолжать свою фабрикацію съ помощью чужихъ капиталовъ. Они нашли ихъ въ двухъ огромныхъ кредитныхъ установленіяхъ Бельгii, въ Société générale, и въ бельгійскомъ банкѣ, которые мало-по-малу посредствомъ ссудъ приобрѣли тридцать пять чугунныхъ заводовъ. Если при такомъ положеніи дѣлъ французскія границы открываются для евоза бельгійскаго желѣза, то гибель всѣхъ желѣзныхъ заводовъ Франціи будетъ неизбежна, потому что оба акціонерныя общества, владѣющія тремя четвертями всего числа бельгійскихъ желѣзныхъ заводовъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи капиталъ въ двѣсти милліоновъ, съ помощью котораго имъ легко будетъ съединеніемъ своимъ подавить французскихъ заводчиковъ. Къ этому надобно присовокупить еще, что французскіе желѣзные заводы почти всѣ находятся на югѣ Франціи, въ большомъ отдаленіи отъ Парижа, средоточія потребленія, такъ что доставка бельгійскаго желѣза въ столицу Франціи обходится втрое или вчетверо дешевле, нежели съ отечественныхъ заводовъ. Но что будетъ съ Франціею, если она погубитъ свою собственную желѣзную промышленность, и отношенія къ приобретенію важнѣйшаго матеріала для войны поставитъ себя въ зависимость отъ иностранцевъ? Подобные доводы должны по необходимости сдѣлать впечатлѣніе, и они произведутъ тѣмъ болѣе дѣйствіе, что доставляютъ новую пищу людямъ пишущимъ въ томъ же смыслѣ.

— Въ компъенскомъ лагерѣ производятся замѣчательные опыты съ новымъ оружіемъ господина *Дельвина*. Извѣстно, что въ послѣдніе годы ружья подверглись здѣсь значительнымъ усовершенствованіямъ. Стоитъ только вспомнить имена *Роберта*, *Лѣфоше* и другихъ. Ружья *Дельвина* известны также съ выгодной стороны. Этотъ самый *Дельвинъ* представилъ образчикъ мушкетона (родъ кавалерійскаго карабина) и пистолетовъ, практическая польза которыхъ была уже испытываема въ Версали. Нынѣ эти опыты повторяются въ Компъенѣ въ большомъ размѣрѣ, и военный министръ нарядилъ комиссію, долженствующую опредѣлить достоинство новаго оружія и составить о томъ докладъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ командующій кавалеріею компъенскаго лагеря генералъ-лейтенантъ *Латуръ-Мобуръ*, а старшій, заслуженный генералъ-лейтенантъ *Бойе* принадлежатъ къ числу ея членовъ. Новые мушкетоны и пистолеты распределены между двумя нарочно составленными отрядами. Оба отряда состоятъ изъ старыхъ солдатъ; конные егеря получили мушкетоны, гусары пистолеты. Теперь было бы преждевременно распространяться о новомъ оружіи. Комиссіа представитъ докладъ свой военному министру, не прежде какъ по возвращеніи войскъ изъ лагеря.

— Увѣряютъ, что въ нынѣшнемъ году офицеры и солдаты не получаютъ отпусковъ, и развѣ только по самымъ крайнимъ семейнымъ обстоятельствамъ дѣлаемы будутъ исключенія изъ этого правила.

— По словамъ Constitutionel, вновь идетъ рѣчь о назначеніи новыхъ перовъ. Въ числѣ лицъ, долженствующихъ получить это званіе, находятся, какъ сказано въ означенной газетѣ, господа *Бюсеръ*, французскій посланникъ въ Дрезденъ, и *Сень-При* французскій посланникъ въ Копенгагенъ.

— Въ газетахъ уже говорили о томъ, что алжирскій епископъ, господинъ *Дюлюкъ*, вмѣшивался въ политическія дѣла и отозванъ, по представленію генерала *Бюждо*, изъ Алжира; теперь это извѣстіе подтверждается. Епископъ отправился въ отпускъ въ южную Францію на воды, и теперь по-видимому рѣшено, что онъ получитъ мѣсто епископа въ Камбрѣ. О назначеніи новаго епископа въ Алжиръ еще ничего не извѣстно.

— На дняхъ на биржѣ произвела сильное впечатлѣніе несостоятельность маклера *Жубера*. Долги его простираются, какъ слышно, до четырехъ милліоновъ франковъ. Онъ бѣжалъ и за день до своего бѣгства покушался лишить себя жизни: во время поѣздки по желѣзной дорогѣ изъ Версали въ Парижъ онъ выскочилъ изъ вагона въ надеждѣ попасть подъ колеса экипажей; но эта попытка не удалась.

— Изъ Алжира пишутъ, отъ тринадцатаго сентября, слѣдующее о планѣ новаго похода. «Операціонный планъ рассмотрѣнъ въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ арміи и принятъ въ слѣдующемъ видѣ: «Войска, находящіяся въ провинціи Оранъ, подкрѣпленные 25-мъ линейнымъ полкомъ, баталіономъ зуавовъ и 64-мъ линейнымъ полкомъ, который ожидается изъ Франціи, раздѣлятся на двѣ дивизіи. Первою будетъ командовать генералъ-губернаторъ, второю генералъ *Ламорисьеръ*. Назначеніе первой дивизіи состоитъ въ томъ, чтобы пройти провинцію Оранъ и заставить племена признать бѣя *Османа*; въ то же время она будетъ наблюдать за неприятелемъ, изыскивая случаи съ нимъ встрѣтиться и принудить его къ рѣшительнымъ сраженіямъ. Виродолженіи похода вторая дивизія должна будетъ снабдить Маскару провіантомъ на всю зиму. — Расположеніе племенъ, обитающихъ между Маскарою, Мостаганемомъ и Ораномъ, дозволяетъ надеяться, что этотъ второй походъ, для утвержденія нашего владычества въ той части провинціи Орана, будетъ рѣшителенъ. Уже почти все племя *Меджеровъ* покорилося нашему бѣю. Борджасы колеблются еще, однако партія, являющаяся подчиниться бѣю, съ каждымъ днемъ усиливается. Арабы стекаются со всѣхъ сторонъ на рынокъ Мостаганема, не только для того, чтобы продавать намъ свой скотъ, но и еще болѣе для того, чтобы собственными глазами видѣть, какую участь мы готовимъ *Меджерамъ*. Положеніе нашихъ дѣлъ удовлетворительно, но мы не должны ослѣпиться успѣхомъ; все-еще нужна величайшая осмотрительность. Дѣла *Абдель-Кадера* плохи, но еще онъ не проигралъ игры. Мѣсяць бездѣйствія сънашей стороны, и онъ явится сильнѣе, могущественнѣе, нежели когда-либо. И такъ мы не должны заранѣе предаваться надеждѣ, что этотъ осенній походъ положитъ конецъ всему. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность генерала *Бюждо*, столь хорошо подкрѣпляемая генераломъ *Ламорисьеромъ*, подастъ полную надежду на успѣхъ; но если, по окончаніи похода, погоропятся отозвать войска, если африканскую армію лишатъ средствъ содержать эмира въ уздѣ, наблюдать за Арабами и развивать возрастающую власть бѣя *Османа*, то весною, можетъ-быть, надобно будетъ все начинать сначала. Если же напротивъ, усилія наши будутъ постоянно поддерживаться, то владычество *Абдель-Кадера* будетъ постепенно ослабѣвать и наконецъ мало-по-малу совершенно угаснетъ. Французскіе обитатели Алжиріи не безъ опасенія ожидаютъ окончанія осенней экспедиціи: они увѣрены, что эта экспедиція будетъ имѣть величайшее вліяніе на судьбу колоніи. Въ одномъ письмѣ изъ Алжира увѣряютъ, будто бы генералъ *Бюждо* сказалъ: «Если весенняя экспедиція будущаго года не приведетъ къ рѣшительному, окончательному результату, то колоніи нечего болѣе надеяться». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что національній кабинетъ ожидаетъ удобнаго случая, чтобы избавиться отъ національнаго предразсудка, который хочетъ во что бы то ни стало завоевать Африку. Если чрезвычайныя усилія нынѣшняго года не приведутъ къ удовлетворительному результату и если окажется, что будущей весною надобно

начать тот же труд Данаидъ, то легко можетъ случиться, что Франція покинеть предпріятіе свое покорить туземцевъ.

— Въ *Messenger* напечатано слѣдующее: «Некоторые журналы распространили слухъ, будто бы между племенами въ соседствѣ Боны господствуетъ сильное броженіе, и какъ въ Бонѣ такъ и въ Филиппвилѣ готовятся экспедиціи, чтобы подавить возмущенія туземныхъ жителей. Эти слухи несомнѣтельны. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константины отъ 5-го и изъ Боны отъ 5 числа, спокойствіе нигдѣ не было нарушено и сборъ налоговъ производился безъ всякаго затрудненія. Генераль *Негріе* намѣревался отправиться изъ Константины въ Филиппвилѣ, чтобы разобрать распри разныхъ племенъ между собою.

— Въ газетѣ *le Toulonnais* отъ двадцатаго сентября сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Африки: «Генераль-губернаторъ отплылъ въ Мостаганемъ въ сопровожденіи генерала *Бертуа*, начальника инженеровъ, генерала *Лютэ* (*Liatay*) командира артиллеріи, и всего своего генеральнаго штаба. Экспедиція изъ Алжира въ Медеею выступитъ непременно 24 числа. Солдаты, вынѣшній разъ будутъ лучше защищены противъ вредныхъ вліяній климата. Два иностранные офицера (господинъ *Колль*, поручикъ голландской арміи и графъ *Люттихау*, прусскій майоръ), получившіе позволеніе участвовать въ осеннемъ походѣ, отиравились изъ Алжира въ Оранъ.»

— Въ одномъ письмѣ изъ Мостаганема, отъ пятнадцатаго сентября, сообщаютъ: «Нашъ небольшой городъ въ необыкновенномъ волненіи; никогда еще не видали здѣсь такого движенія. Двадцать-четвертый линейный полкъ и баталіонъ зуавовъ прибыли вчера для подкрѣпленія дивизіи, подлежащей водворити бей *Османа* въ Маскаръ. *Абдель-Кадера* нѣтъ уже въ Текедемѣ. По весьма вѣрнымъ извѣстіямъ онъ находится въ окрестностяхъ Тремезена, и употребляетъ всевозможныя старанія, чтобы склонить Кабилонъ на свою сторону; утверждаютъ, что онъ вскорѣ будетъ имѣть свиданіе съ однимъ изъ сыновей императора мароккского. Погода превосходна; по морю можно ожидать быстрыхъ и удачныхъ перевозовъ; духъ войскъ превосходенъ; все заставляетъ надѣяться, что предстоящій походъ будетъ успешенъ.

— Въ *Moniteur algérien*, отъ двадцатаго сентября, напечатано слѣдующее: «По извѣстіямъ, полученнымъ изъ западныхъ провинцій, генераль-губернаторъ семнадцатаго числа осматривалъ Шершель, а девятнадцатаго утромъ прибылъ въ Мостаганемъ. Колонна, выступившая изъ Орана четырнадцатаго числа достигла этого города за день предъ тѣмъ; она не встрѣтила ни одного непріятеля. Извѣстія съ запада по прежнему благоприятны; 75 человекъ регулярной кавалеріи *Абдель-Кадера* бѣжали отъ него съ лошадьми, оружіемъ и багажемъ, и будутъ сопровождать наши войска на походѣ. Многія племена, съ которыхъ *Абдель-Кадеръ* хотѣлъ собрать налоги, возмущились; и все заставляетъ полагать, что предстоящая экспедиція принесетъ очень важные результаты.

— Въ *Toulonnais* сообщаютъ отъ двадцать-перваго числа: «Мы не знаемъ ничего новаго изъ Туниса, кромѣ-того, что извѣстіе о появленіи передъ этимъ городомъ пяти англійскихъ линейныхъ кораблей подтверждается. Вчера говорили, что некоторые корабли отправятся изъ тулонской гавани, чтобы подкрѣпить дивизію, находящуюся подъ начальствомъ корабельнаго капитана *Лерэ*.

— Въ Парижскомъ Монитерѣ напечатано: «Намъ сообщаютъ изъ Кирхберга некоторыя подробности о леченіи герцога Бордосского, за достовѣр-

ность которыхъ мы можемъ поручиться. Чтобы выправить переломленную безренную кость, сначала употребили аппаратъ горизонтальнаго вытягиванія. Но онъ иногда причинялъ герцогу боль и потсму былъ оставленъ. Послѣ того изъ Парижа были получены два различные аппарата, одинъ представленный только на рисунокъ господина *Рескамье*, а другой въ видѣ небольшой модели доктора *Бодена*. По этимъ образцамъ былъ сдѣланъ новый аппаратъ и приложенъ больному. Недавно изъ Кирхберга потребовали мнѣнія некоторыхъ парижскихъ докторовъ насчетъ болѣзни герцога Бордосского, изъ чего надобно заключить, что слѣдствія перелома были не столь маловажны, какъ сначала говорили.

## АНГЛІЯ.

Такъ какъ новый кабинетъ, и все высшее управленіе, придворный штатъ королевы и принца Альберта окончательно устроены, то, можетъ-быть, для нашихъ читателей любопытно будетъ имѣть алфавитный списокъ всѣхъ министровъ и высшихъ сановниковъ. При изложеніи парламентскихъ преній не возможно всякій разъ вмѣстѣ съ именами лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, означать и должности, которыя они исправляютъ. Въ такихъ случаяхъ этотъ списокъ доставитъ средство къ оцѣнкѣ рѣчей и отзывовъ члена парламента и дастъ ясное понятіе о его положеніи. Число высшихъ должностныхъ лицъ, ноименованныхъ въ министерскихъ газетахъ простирается до семидесяти одного. Мы сообщаемъ здѣсь ихъ имена въ алфавитномъ порядкѣ:

*Абердинъ*, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.  
*Абоинъ*, графъ, камергеръ.  
*Байронъ*, баронъ, камергеръ.  
*Блакбурнъ*, лордъ, генераль-прокуроръ Ирландіи.  
*Болдеро*, капитанъ, секретарь по фельдцейхмейстерской части.  
*Бонэмъ*, Франсисъ, магазинъ-вахтеръ по фельдцейхмейстерской части.  
*Брюсъ*, лордъ, вице-оберъ-камергеръ.  
*Буклингэмъ*, герцогъ, министръ и хранитель печати.  
*Бэринъ*, Бингамъ, лордъ казначейства.  
*Бэрингъ*, Франсисъ, первый секретарь остъ-индскаго контроля.  
*Барвикъ*, графъ, камергеръ.  
*Барклиффъ*, графъ, министръ и президентъ тайнаго совѣта.  
*Веллеслей*, лордъ, клеркъ-маршалъ въ придворномъ штатѣ принца Альберта.  
*Веллингтонъ*, герцогъ, министръ безъ портфѣля.  
*Гаддингтонъ*, графъ, (морской министръ) первый лордъ адмиралтейства.  
*Гардвикъ*, графъ, камергеръ.  
*Гардингъ*, сэръ Генри, министръ и военный секретарь.  
*Герберъ*, Сидней, секретарь адмиралтейства.  
*Гладстонъ*, Эвартъ, вице-президентъ коммерческой палаты и минцмейстеръ.  
*Гонъ*, Генри Томасъ, помощникъ статсъ-секретаря колоній.  
*Гордонъ*, капитанъ, лордъ адмиралтейства.  
*Горъ*, Александръ, помощникъ комиссара львовъ и строеній.  
*Грагамъ*, сэръ Джемсъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.  
*Грей*, графъ, лордъ-наместникъ Ирландіи.  
*Гуллбурнъ*, Генри, министръ и канцлеръ коммерческой палаты.  
*Гаджъ*, сэръ Вилліамъ, лордъ адмиралтейства.  
*Гэскель*, джонъ Мильнсъ, лордъ казначейства.  
*Дилмеръ*, Г. Л. Даусонъ, контролеръ королевскаго придворнаго штата.  
*Делаваръ*, серджентъ, генераль-фискаль Ирландіи.  
*Джерминъ*, графъ, казначей придворнаго штата.  
*Джерсей*, графъ, оберъ-штальмейстеръ.  
*Каннингъ*, лордъ, помощникъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ.  
*Клеркъ*, сэръ Джоржъ, первый секретарь казначейства.



*Кокбурнъ*, сэръ Джоржъ, лордъ адмиралтейства.  
*Корри*, Генри Т. Л., лордъ-адмиралтейства.  
*Ливерпуль*, графъ, оберъ-гофмейстеръ.  
*Линдгустъ*, баронъ, министр и лордъ-канцлеръ.  
*Линкольнъ*, графъ, оберъ-коммиссаръ льсовъ и строений.  
*Лотманъ*, маркизъ, капитанъ Геометръ-гвардіи.  
*Лоутеръ*, баронъ, генераль-почтмейстеръ.  
*Мейнелъ*, капитанъ, камергеръ-юнкеръ.  
*Мильтъ*, Александръ, помощникъ коммиссара льсовъ и строений.  
*Мортонъ*, графъ, камергеръ.  
*Муррей*, сэръ Джоржъ, генераль-фельдцейхмейстеръ.  
*Неттбуль*, сэръ Эдвардъ, министр и генераль-казначей арміи и флота.  
*Николь*, докторъ, генераль-аудиторъ.  
*Ормондъ*, маркизъ, камергеръ.  
*Персеваль*, полковникъ, сержантъ действительной службы въ придворномъ штатъ принца Альберта.  
*Пиль*, сэръ Робертъ, первый министр (первый лордъ казначейства).  
*Поллокъ*, сэръ Фредерикъ, генераль-прокуроръ Англии.  
*Прингль*, Александръ, лордъ казначейства.  
*Ре*, сэръ Вилліамъ, лордъ-адвокатъ Шотландіи.  
*Рейпонъ*, графъ, министр и президентъ коммерческой палаты.  
*Риверсъ*, баронъ, камергеръ.  
*Рослинъ*, графъ, оберъ-егермейстеръ.  
*Сеймуръ*, сэръ Джоржъ, лордъ адмиралтейства.  
*Сидней*, Виконтъ, камергеръ.  
*Сомерсетъ*, лордъ Гранвиль, канцлеръ ланкастерскаго герцогства.  
*Станлей*, лордъ, министр колоній.  
*Сугденъ*, сэръ Эдвардъ, лордъ-канцлеръ Ирландіи.  
*Суттонъ*, Маннерсъ, помощникъ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ.  
*Теннетъ*, Эмерсонъ, второй секретарь остъ-индскаго контроля.  
*Фоллетъ*, сэръ Вилліамъ, генераль-фискаль Англии.  
*Форестеръ*, баронъ, начальникъ пенсіонеровъ.  
*Фремонтъ*, сэръ Оома, второй секретарь казначейства.  
*Эксетеръ*, маркизъ, оберъ-камергеръ принца Альберта.  
*Элліотъ*, лордъ, секретарь Ирландіи.  
*Элленборо*, баронъ, министр и президентъ остъ-индскаго контроля.  
*Юнгъ*, Джонъ, лордъ казначейства.

Верхняя палата. Засѣданіе двадцать-третьяго сентября было преимущественно посвящено принатию просьбъ, касающихся болѣею частью до предметовъ, которые въ настоящее время занимаютъ общественное вниманіе; въ числѣ этихъ просьбъ находилось опять множество протестовъ противъ законовъ о хлѣбѣ. Маркизъ *Ландсдоунъ*, пользуясь этимъ случаемъ, изъявилъ крайнее сожалѣніе, что важный вопросъ о торговлѣ хлѣбомъ не будетъ рассмотрѣнъ до закрытія парламента. Герцогъ *Веллингтонъ* замѣтилъ, что это невозможно, потому что нѣтъ никакой надежды привести въ нынѣшнемъ году дѣло къ окончанію. Лордъ *Дюси* представилъ просьбу противъ законовъ о хлѣбѣ отъ духовенства, совѣщавшагося объ этомъ предметѣ въ Манчестерѣ. Лордъ *Брумъ* представилъ просьбу Ирландца сэра Гаркура *Ли* о вредныхъ послѣдствіяхъ пребыванія іезуитовъ въ Ирландіи. Сэръ *Г. Ли* изображаетъ опасность, которой подвергается страна отъ происковъ іезуитовъ и проситъ представить ея величеству о необходимости изгнать ихъ изъ британскихъ владѣній. Лордъ Клиффордъ *Шудлейгъ* потребовалъ представленія въ палату нѣкоторыхъ документовъ, касающихся до отправленія разныхъ духовныхъ должностей католическими миссіонерами въ Индостанъ. Лордъ *Элленборо*, президентъ остъ-индскаго контроля, изъявилъ готовность предъявить означенныя бумаги.

— Въ засѣданіи двадцать-седьмаго сентября лордъ *Брумъ* старался обратить вниманіе палаты на тюремную дисциплину и въ особенности на неодинаковое обращеніе съ заключенными въ разныхъ тюрьмахъ. Очень часто, сказалъ онъ, инспекторы жалуются на слишкомъ дурную пищу, которую получаютъ приговоренные къ каторжной работѣ, отчего въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ свирѣпствуетъ цынготная болѣзнь и число больныхъ къ здоровымъ, относится какъ 1 къ 5. Главная причина дурнаго продовольствія заключается, по мнѣнію лорда *Брума*, въ томъ, что закупка болѣею частью съѣстныхъ припасовъ предоставлена тюремщикамъ. Далѣе, онъ замѣтилъ, что въ наказаніяхъ, назначаемыхъ въ различныхъ тюрьмахъ за проступки противъ дисциплины, существуетъ большое различіе; наконецъ, онъ жаловался на то, что нерѣдко, людей еще не признанныхъ виновными, помещаютъ вмѣстѣ съ приговоренными уже къ наказаніямъ и даютъ имъ одинаковую одежду. Взаключеніе онъ предложилъ составить адрессъ на имя королевы и просить ея величество о приказаніи доставлять каждый разъ при открытіи парламента обѣимъ палатамъ отчеты о мѣрахъ и распоряженіяхъ, какія будутъ предлагаемы на предстоящей годъ инспекторами тюремныхъ заведеній. Герцогъ *Веллингтонъ* согласился, что все изложенное лордомъ *Брумомъ* заслуживаетъ полного вниманія, и предложеніе его насчетъ адреса было принято единогласно.

Нижняя палата. Въ засѣданіи двадцать-перваго сентября палата занималась вопросами, не заключающими въ себѣ особенной важности. Сэръ Чарльзъ *Нэпиръ* объявилъ, что въ слѣдующемъ собраніи онъ внесетъ предложеніе, состоящее въ томъ, чтобы на будущее время начальникомъ адмиралтействъ-коллегіи всегда назначался морякъ. Докторъ *Годринъ* предложилъ поднести королевѣ адрессъ о доставленіи парламенту, чрезъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ, свѣдѣній объ отношеніи поземельныхъ податей къ поземельнымъ доходамъ въ Европѣ. По утвержденіи палатою этого адреса приступлено было къ сужденію о вопросѣ: слѣдуетъ ли назначить новый выборъ въ Рейпонъ, нынѣшній представитель котораго, сэръ Э. *Сугденъ*, наименованъ канцлеромъ Ирландіи. (Послѣдній не вступилъ еще въ свою должность.) Послѣ довольно продолжительныхъ преній, въ которыхъ особенное участіе принимали сэръ Р. *Пиль*, сэръ Томасъ *Вилде*, господинъ *Вудъ* и лордъ Джонъ *Росселъ*, рѣшено было назначить новый выборъ въ Рейпонъ. Потомъ господинъ *Ренни* (Rennie) предложилъ поднести королевѣ адрессъ о приказаніи засыпать пруды въ Лондонскомъ Паркѣ и оставить въ нихъ только небольшое количество воды, потому что при катаньи на конькахъ и при купаньи въ этихъ прудахъ множество людей погибаетъ. Втеченіи послѣднихъ пяти лѣтъ въ нихъ потонуло 34 человека и 335 человекъ потому только не лишились жизни, что имъ была подана скорая помощь людьми, которые содержатся для этой цѣли у прудовъ королевскимъ человеколюбивымъ обществомъ. Канцлеръ казначейства воспротивился предложенію господина *Ренни*; онъ замѣтилъ, что вслучаѣ зарытія прудовъ, отъ воды, по немнѣю надлежащаго стока, будутъ происходить вредныя испаренія и что, съ другой стороны, купающіеся, по мелкости прудовъ, обратятся къ Темзѣ, гдѣ встрѣтятъ еще болѣе опасностей. Убѣдясь этими причинами господинъ *Ренни* взялъ предложеніе свое обратно. — Вслѣдъ за тѣмъ сэру Роберту *Пилю* дозволено было внести билль о продолженіи существующихъ нынѣ законовъ о бѣдныхъ до 31 поля 1842 года. Въ концѣ засѣданія происходило первое чтеніе этого билля и начались совѣщанія о биллѣ касательно хожденія за умалишенными.

— Въ засѣданіи двадцать-втораго сентября происходило вторичное чтеніе билля о возобновленіи коммисіи, завѣдывающей призрѣніемъ бѣдныхъ. Сужденія объ этомъ вопросѣ въ комитетъ назначены на слѣдующій вечеръ. Замѣчанія нѣкоторыхъ радикаловъ противъ предложенной сэромъ Робер-

томъ *Пилемъ* мѣры насчетъ продолженія законовъ о бѣдныхъ, подали поводъ къ довольно продолжительному спору, не имѣвшему, однако жъ, никакого результата. Въ концѣ засѣданія сэръ Дж. *Грагамъ* получилъ позволеніе внести билль о выдачѣ денежнаго награжденія лицамъ, производившимъ народную перепись въ Англіи. Для производства ея въ Англіи и Южномъ Валлисѣ было употреблено 58,000 человекъ, а требуемая для выдачи имъ сумма простирается до 50,000 фунтовъ стерлинговъ (12,500,000 рублей).

— Въ засѣданіи двадцать-четвертаго сентября палата обратилась въ комитетъ субсидій и это подало вновь поводъ противникамъ министерства къ нападенію на принятую имъ систему отсрочиванія всѣхъ мѣръ, требуемыхъ настоящимъ положеніемъ страны. Господинъ *Стевартъ* обратилъ вниманіе палаты на внесенное имъ недавно прошеніе изъ фабричнаго мѣстечка *Песлей*, въ которомъ начальства этого городка распространяются о нищетѣ, возрастающей болѣе и болѣе между низшими классами народа во всемъ графствѣ. Вместе съ тѣмъ онъ исчислялъ всѣ неудобства, проистекающія отъ дальнѣйшаго замедленія въ разрѣшеніи столь важныхъ вопросовъ. Въ томъ же смыслѣ говорилъ господинъ *Джиссонъ*. Сэръ Робертъ *Пиль* въ длинной рѣчи исчисливъ причины, заставляющія его не касаться нынѣ законовъ о хлѣбѣ, повторилъ вновь свое мнѣніе, что всякая поспѣшность въ этомъ отношеніи была бы пагубна, въ чемъ на выборахъ согласилось съ нимъ большинство націи. Многие еще члены, особенно радикальной стороны, принимали участіе въ преніяхъ. Господинъ Маркъ *Филитсъ* ссылаясь особенно на наступающую зиму, которая дѣлаетъ крайне необходимымъ предотвратить какъ-можно скорѣе бѣдствія, тяготящія надъ низшими классами; онъ полагалъ даже, что было бы уже весьма полезно, если бы министерство откровенно и опредѣлительно объявило, что оно не въ законахъ о хлѣбѣ поставляетъ главную причину бѣдствій. — Господинъ *Эвартъ* сказалъ, что двухъ мѣсяцовъ будетъ достаточно, чтобы обсудить мѣры, которыя должно принять, но что дальнѣйшая отсрочка обратится въ пагубу для министерства. Послѣ нѣсколькихъ другихъ рѣчей о томъ же предметѣ, палата обратилась въ комитетъ и назначила суммы на покрытіе издержекъ по артиллерійскому департаменту. Сэръ Чарльзъ *Нэпиръ* замѣтилъ при этомъ случаѣ, что было бы полезно опредѣлить морскаго офицера по фельдцейхмейстерскому вѣдомству, снабжающему также и флотъ орудіями и ружьями, потому что опытъ показываетъ, съ какимъ малымъ знаніемъ морской службы это дѣлается, въ чемъ онъ имѣлъ случай удостовѣриться въ продолженіи послѣдняго похода. Онъ совѣтовалъ первому министру освѣдомиться о томъ у своего сына, морскаго кадета, бывшаго также въ походѣ. (*Грохотъ смѣхъ*.) Сэръ Р. *Пиль* поблагодарилъ за совѣтъ, но утверждалъ, что сухопутные офицеры могутъ столь же хорошо судить о достоинствѣ оружія, какъ и моряки. Возникли продолжительныя пренія объ этомъ предметѣ, результатомъ которыхъ было сознаніе, что жалобы на плохое качество оружія, какъ въ войскѣ, такъ и во флотѣ, совершенно основательны. Включеніе одинъ членъ упомянулъ объ эдской машинѣ капитана *Вернера*, и порицалъ прежнее министерство за то, что оно оставило это открытіе въ небреженіи. Изъ оправданія, представленнаго полковникомъ *Фоксомъ* и бывшимъ секретаремъ адмиралтейства господиномъ *Вудсомъ*, открылось, что секретъ *Вернера* не былъ купленъ потому только, что изобрѣтатель не хотѣлъ допустить никакихъ опытовъ. — Въ продолженіи этого же засѣданія, билль объ измѣненіи состава канцлерскаго суда подалъ поводъ къ продолжительнымъ совѣщаніямъ, втеченіи которыхъ приступлено было къ баллотировкѣ насчетъ пансіона, назначаемаго вице-канцлеру, который господинъ *Эвартъ* предлагалъ опредѣлить, вмѣсто 3,500 въ 3,000 фунтовъ стерлинговъ. Это предложеніе было, однако жъ, отвергнуто большинствомъ 150 гол. противъ 36.

— Въ послѣднемъ номерѣ Придворной Газеты сообщаютъ о назначеніи сэра Чарльза *Вагата* генераль-капитаномъ и генераль-губернаторомъ всѣхъ британскихъ провинцій на материкѣ Сѣверной Америки (Канады, Новаго Брауншвейга и Новой Шотландіи) и Острова Принца Эдуарда; герцога *Арджайлля* хранителемъ печати Шотландіи; морскаго капитана *Дунколба* камеръ-юнкеромъ и виконтессы *Джоселинъ* статсъ-дамою королевы.

— Лордъ *Станлей* избранъ, въ Ланкастерѣ, почти единогласно въ парламентскіе члены со стороны Нордъ-Ланкастершира. Только весьма немногіе голоса были поданы въ пользу господина *Дукланда*, того самаго кандидата общества противъ законовъ о хлѣбѣ, который такъ же безуспѣшно являлся на выборы въ Тамвортъ.

— Адмиралъ *Стопфордъ* и коммодоръ *Нэпиръ* получили патенты на званіе почетныхъ гражданъ Лондона, назначенные имъ за услуги оказанныя въ Сиріи.

— Вторичныя выборы членовъ новаго управленія въ парламентъ, продолжаются. Докторъ *Николь*, генераль-аудиторъ арміи и графъ *Линкольнъ*, оберъ-коммиссаръ львовъ и строеій, избраны вновь: первый въ Кардифъ, а послѣдній въ Суть-Нотсъ.

— Графъ *Линкольнъ*, оберъ-коммиссаръ львовъ и строеій, и сэръ Эдуардъ *Нэмбуль*, генераль-казначей арміи и флота, на вторичныхъ своихъ выборахъ въ члены парламента, говорили насчетъ законовъ о хлѣбѣ. Послѣдній выразился очень осторожно. «Этотъ вопросъ, сказалъ онъ, кажется мнѣ, какъ и каждому другому члену управленія, чрезвычайно важнымъ, и министерство желаетъ его разрѣшить такъ, чтобы согласны были выгоды и земледѣльческаго и всѣхъ другихъ классовъ народа. Оно надѣется успѣть въ томъ къ общему удовольствію. По моему мнѣнію настоящая система есть лучшая, наиболее полезная для государства. Но при всемъ тѣмъ, всякое другое предложеніе, имѣющее цѣлю еще лучше обезпечить выгоды страны, обратили на себя мое полное вниманіе. Я надѣюсь, въ продолженіе совѣщаній объ этомъ предметѣ, нередко вступать въ переговоры съ тѣми изъ моихъ избирателей, которые принимаютъ наибольшее участіе въ дѣлѣ, и такимъ образомъ воспользоваться ихъ практическою опытностію.» Графъ *Линкольнъ* говорилъ нѣсколько опредѣлительнѣе; онъ сознался, что законы о хлѣбѣ требуютъ улучшеній, но что министерство, какъ онъ полагаетъ, будетъ стараться о поддержаніи настоящей системы.

— Въ министерскомъ совѣтѣ, недавно разсужданіи о томъ, слѣдуетъ ли правительству согласиться на высылку подкрѣпленій, требуемыхъ для дальнѣйшихъ операций противъ Китая. Говорятъ, что рѣшено отправить въ Китай еще 6,000 человекъ изъ индѣйскаго войска. Въ нынѣшнемъ году однако жъ едва ли можно думать о какъ-нибудь рѣшительномъ предпріятіи, потому что предстоящая осенняя бури, вѣроятно, воспрепятствуютъ всѣмъ движеніямъ англійскаго флота. Говорятъ, будто бы изъ Китая получены новѣйшія извѣстія, болѣе благопріятныя чѣмъ прежнія. По этимъ извѣстіямъ англійское войско два или три раза находилось въ дѣлѣ противъ Китайцевъ, которые разбѣжались; но Англичане не рѣшились проникнуть далѣе во внутренность страны, потому что десантное войско было слишкомъ слабо. Такъ какъ однако жъ источникъ этихъ извѣстій не показанъ, то легко можетъ статься, что они вымышлены подобно извѣстію объ истребленіи чайной жатвы.

— Между-тѣмъ какъ въ Standard упоминаютъ о предстоящемъ уменьшеніи британскаго флота, въ Globe сообщаютъ совершенно противное. Въ

этой газетѣ пишутъ между прочимъ слѣдующее: «На верфяхъ Портсмута, Плимута, Вульвича, Ширнеса, Чатама господствуетъ величайшая дѣятельность: тамъ снаряжаютъ пятнадцать военныхъ кораблей, въ числѣ которыхъ находятся два линейныхъ и нѣсколько фрегативъ. Главнѣйшее затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы набрать довольное число способныхъ матросовъ, потому что потребность въ нихъ очень велика и для торговаго мореплаванія и для службы въ Америкѣ.

— Изъ Нью-Йорка получены извѣстія, доходящія до втораго сентября. Судя по этимъ извѣстіямъ должно ожидать въ Соединенныхъ Штатахъ скорого преобразованія министерства, потому что президентъ не утвердилъ и новаго билля о банкѣ, принятаго въ палатѣ представителей большинствомъ 125 голосовъ противъ 94. Билль насчетъ общественныхъ земель былъ утвержденъ обѣими палатами конгресса. Насчетъ назначенія господина *Эверетта* посланникомъ въ Англійю, возникъ прежній споръ между южными и сѣверными штатами Союза. Господинъ *Клей* старается примирить ихъ.

### ИСПАНІЯ.

Правительство сдѣлало попытку силою побудить къ молчанію оппозиціонныхъ журналистовъ. По существующимъ законамъ, какъ-скоро журналистъ отданъ подъ судъ за какую-либо статью, присяжные рѣшаютъ сначала, должно ли ответственнаго редактора газеты признать обвиненнымъ или нѣтъ. Если такой приговоръ состоитъ въ утвердительномъ смыслѣ, то отвѣтственный редакторъ содержится подъ стражею, пока вторичный судъ присяжныхъ не рѣшитъ, виновенъ ли онъ или нѣтъ. До тѣхъ поръ онъ, несмотря на то, что находится въ заключеніи, можетъ по прежнему подписываться отвѣтственнымъ редакторомъ, потому что виновность его еще не доказана. Но теперь министръ внутреннихъ дѣлъ самопроизвольно отдалъ приказъ, что отвѣтственный редакторъ, съ той самой минуты, когда онъ поступитъ въ число подсудимыхъ, не долженъ уже подписывать листковъ журнала. А какъ въ одно и то же время почти всѣ газеты умѣренной и республиканской партій подвергнуты судебному аресту, и легко можетъ быть, что многіе отвѣтственные редакторы преданы будутъ суду, хотя впоследствии и оправдаются, то владельцы журналовъ, въ настоящее время, принуждены обращаться ко множеству лицъ съ просьбою принять на себя отвѣтственность; а это влечетъ за собою такія издержки и представляетъ столько затрудненій, что владельцы журналовъ должны или разориться или отказаться отъ оппозиціи.

### ТУРЦІЯ.

По извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ седьмаго сентября, трактатъ подписанный тринадцатаго іюля въ Лондонѣ, ратификованъ Портою и ратификацію предполагали немедленно отправить въ Англійю для размѣна. Султанъ произвелъ *Саидъ-Бей*, сына египетскаго паши въ дивизионные генералы (ферики). Англійскій пароходъ «Ахеронъ» прибылъ въ Константинополь и былъ отданъ въ распоряженіе лорда *Понсонби*, который готовился къ отъезду.

— Великій-адмиралъ *Тагиръ-Паша* прибылъ въ Константинополь; ему оказываютъ большое уваженіе. Онъ будетъ назначенъ или великимъ-визиремъ или сераскиромъ, потому что нынѣшній военный министръ отказывается отъ управленія этою частію. Предстоящее назначеніе *Тагира-Паши* внушаетъ

многимъ живѣйшія опасенія, потому что его почитаютъ врагомъ христіанъ; другіе утверждаютъ однако же, что это мнѣніе не справедливо.

### ЕГИПЕТЪ.

Наконецъ приняты дѣятельныя мѣры къ выдачѣ состоящихъ въ службѣ паши Сирійцевъ. Число ихъ простирается до 10,000 человекъ. Передъ отъездомъ своимъ они получаютъ недоимочное свое жалованье. Полковникъ *Натиръ* заботливо наблюдаетъ за дѣйствіями паши въ этомъ отношеніи.

— *Мехмедъ-Али* снова получилъ повелѣніе предпринять предписанную экспедицію въ Аравію (къ которой впрочемъ не сдѣлано никакихъ приготовленій).

— Французскій военный бригъ «Бугенвиль» привезъ въ Александрію извѣстія изъ Бейрута по двадцать-пять-е августа. Друзы и Марониты все-еще находятся въ большомъ несогласіи: первые желаютъ имѣть княземъ эмира *Сулеймана*, а вторые, эмира *Бешира-вм-Кассима*, который управляетъ ими нынѣ и защищаетъ выгоды Маронитовъ. Горные жители противятся сбору наложенныхъ на нихъ повинностей; грабежи случаются безпрестанно: такъ въ недавнемъ времени Арабы Анези ограбили караванъ, шедшій изъ Алеппо съ грузомъ денегъ и шелку. Предъ Бейрутомъ постоянно находятся четыре англійскихъ линейныхъ корабля и пароходъ. Австрійскій контръ-адмиралъ *Бандіера* недавно тоже прибылъ туда. Онъ привезъ патриарху Маронитовъ 9,000 рейхсталеровъ для раздачи въ пособіе бѣднымъ горцамъ. Полагали, что онъ употребитъ свое посредничество къ прекращенію несогласій; но нѣтъ, кажется, надежды, чтобы они кончились безъ кровопролитія. По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Бейрута, Англичане совершенно очистили крепость Акру

## ОГЛАВЛЕНИЕ.

### I. Литературное обозрѣніе.

Ратиборъ Холмоградскій, Сочиненіе Александра Вельмана. Москва, 1841.

### II. Обозрѣніе современной Исторіи и Политики.

Отечественныя и иностранныя извѣстія.

Печатанъ позволено въ Санктпетербургѣ 1841 г. 5 октября. С. Каторга и А. Фрейманъ.

к. в. ч.

## II.

# ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

## СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

### Награды и назначенія:

Высочайшими приказами производятся:

За отличіе по службѣ: (сентября двадцать-седьмого) севастопольскіе плацъ-адъютанты, штабсъ-капитаны *фонъ-Левизъ* и *Палевичъ*, въ капитаны, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; копорскаго егерскаго полка капитанъ баронъ *Клотъ-фонъ-Юргенбургъ*, въ майоры, съ переводомъ въ литовскій егерскій полкъ и съ назначеніемъ командиромъ пятаго стрѣлковаго баталіона; (сентября двадцать-девятаго) грузинскаго линейнаго баталіона номера двѣнадцатаго поручикъ *Аглинцовъ*, въ штабсъ-капитаны; (сентября тридцатаго) ковенскій полиціймейстеръ, состоящій по кавалеріи подполковникъ *Магнушевскій*, въ полковники; военно-узвднй начальникъ росіенскаго и тельшевскаго уздовъ виленской губерніи состоящій по арміи майоръ *Малиновскій 2*, въ подполковники; старшій адъютантъ штаба своднаго кавалерійскаго корпуса, конн-артиллерійской легкой, номера седьмаго, батареи штабсъ-капитанъ *Кутневичъ*, въ капитаны, — всѣ трое съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; (октября втораго) въ корнеты: ордена кирасирскаго полка изъ эскадртъ-юнкеровъ *Небольсинъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Кириченко*; кирасирскаго его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго полка, изъ юнкеровъ: *Буйницкій*, въ тотъ же полкъ, *Шмаковъ*, въ елисаветградскій уланскій, *Ташининъ*, въ гусарскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича; кирасирскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны полка, изъ эскадртъ-юнкеровъ *Даниловичъ*, изъ юнкеровъ *Сергеевъ*, — оба въ кирасирскій принца Алберта Прусскаго и изъ унтеръ-офицеровъ *Брашкевичъ* и *Фильковичъ* въ елисаветградскій уланскій полки; украинскаго уланскаго полка: изъ юнкеровъ *Ильинъ* и изъ унтеръ-офицеровъ *Лазаревскій*, оба въ новомиргородскій уланскій полкъ; новоархангельскаго уланскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Канишинъ*; елисаветградскаго уланскаго полка, изъ эскадртъ-юнкеровъ *Шупинскій*; (октября третьяго) жандармскаго полка, изъ капитановъ въ майоры *Толкуновъ*; изъ майоровъ

въ подполковники: бѣлостокскаго пѣхотнаго полка *Тепловъ*; карабинернаго фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полка *Козловскій 3*; виленскаго егерскаго полка *Фрейтагъ 3*; (октября четвертаго) находящійся при ставропольскомъ казачьемъ полку, состоящій по кавалеріи поручикъ *Погоулевъ*, въ штабсъ-ротмистры, съ оставленіемъ по кавалеріи и при томъ же полку; (октября шестаго) тенгинскаго пѣхотнаго полка, изъ капитановъ въ маіоры *Масловичъ*, съ назначеніемъ командиромъ черноморскаго линейнаго баталіона нумера тринадцатаго.

За выслуженіемъ узаконенныхъ лѣтъ: (сентября двадцать-шестаго) четвертаго учебнаго карабинернаго полка изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Арефьевъ*, въ брестскій; *Крымскій*, въ бѣлостокскій пѣхотные; *Заваровъ*, въ литовскій, и *Націевскій*, въ виленскій, егерскіе полки; (сентября двадцать-осьмаго) ярославскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Кондратьевъ*; (октября перваго) гренадерскихъ полковъ, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики: его величества короля Прусскаго *Увановскій*; принца Фридриха Нидерландскаго *Коптевъ*; эрцъ-герцога Франца Карла *Буратовъ*; принца оранскаго *Вагнеръ* и *Крыловъ*; екатеринославскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича *фонъ-Гильхинъ*, и фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго *Янчуковскій*, — всѣ со старшинствомъ съ перваго августа 1840 года; (октября четвертаго) егерскаго фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка фельдфебель *Косаржевскій*, въ подпоручики, въ нестроевую роту того же полка; (октября шестаго) въ прапорщики: брестскаго пѣхотнаго полка, изъ портупей-прапорщиковъ *Ривидъ-Мицкевичъ*, и изъ подпрапорщиковъ *Тальвинскій*; бѣлостокскаго пѣхотнаго полка: изъ портупей-прапорщиковъ *Скаповскій*, изъ подпрапорщиковъ *Волянскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Терлецкій* и *Непорожскій*; литовскаго егерскаго полка: изъ портупей-юнкеровъ *Гуриинскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Глоба*, *Гоствицкій 1* и *Гоствицкій 2*; виленскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ: *Семько-Поповскій*, *Манчевскій* и *Сенчиковскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Горинъ*, *Въляевъ*, *Якимовскій*, *Грилицъ* и *Радкевичъ*; модлинскаго пѣхотнаго полка: изъ подпрапорщиковъ *Непѣжмаковъ 3*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Долбровскій*, — оба въ тотъ же полкъ, и *Калига 1*, въ брестскій пѣхотный; прагскаго пѣхотнаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Супруненко* и *Звоновъ*; замойскаго егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Нарбутъ*.

Въ сравненіе съ сверстниками: (октября третьяго) лейбъ-гвардіи уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка, изъ ротмистровъ въ полковники *Фрицъ*, со старшинствомъ съ шестаго декабря 1840 и съ переводомъ въ бѣлгородскій уланскій полкъ; кавказскаго линейнаго баталіона нумера одиннадцатаго поручикъ *Илшенецкій*, въ штабсъ-капитаны, со старшинствомъ съ девятаго марта 1840 года.

Увольняются отъ службы: за болѣзнію: (сентября двадцать-шестаго) одесскаго уланскаго полка поручики: *Хрущовъ* и *Зиминскій*, — оба штабсъ-ротмистрами; александрійскаго гусарскаго полка поручики: *Ханьковъ* и *Кельчевскій*, — оба штабсъ-ротмистрами; савктпетербургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, состоящій по арміи подполковникъ *Черниковъ*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ *Черкавскій*, маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (сентября двадцать-седьмаго) александрійскаго гусарскаго полка поручикъ *Ивановъ* штабсъ-ротмистромъ; (сентября тринадцатаго) лейтенанты: гвардейскаго экипажа *Левшинъ* и состоящій по флоту *Пассекъ*, — оба капитанъ-лейтенантами; строительнаго отряда путей сообщенія подпоручикъ *Дершау 2*, слѣдующимъ чиномъ; (октября четвертаго) девятнадцатой артиллерійской бригады поручикъ *Азачевскій* штабсъ-капитаномъ; (октября пятаго) казанскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ,

состоящій по арміи штабсъ-капитанъ *Чашикинъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; (октября седьмаго) командиръ второй учебной бригады военныхъ кантонистовъ, генераль-маіоръ *Вохинъ 1*, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада, опредѣленнаго уставомъ шестаго декабря 1827 года; нижегородскаго драгунскаго полка маіоръ *Ершовъ*, подполковникомъ.

По домашнимъ обстоятельствамъ: (сентября двадцать-седьмаго) суздальскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Кулешиъ*, капитаномъ; (сентября тринадцатаго) корпуса инженеровъ путей сообщенія капитанъ *Биркинъ*, маіоромъ и съ мундиромъ; поручикъ *Черновъ*, капитаномъ; строительнаго отряда путей сообщенія штабсъ-капитанъ *Чуповъ*, капитаномъ и съ мундиромъ; (октября седьмаго) по корпусу топографовъ: штабсъ-капитанъ *Тимофьевъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья.

Назначаются: (сентября двадцать-седьмаго) орденскаго кирасирскаго полка поручикъ *Давыдовъ*, адъютантъмъ къ командиру своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ, генераль-лейтенанту Герштенцвейгу, съ переводомъ въ ахтырскій гусарскій полкъ; (сентября тринадцатаго) гвардейскаго экипажа капитанъ перваго ранга *Купреляновъ*, по особымъ порученіямъ къ начальнику главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества; флотскихъ экипажей: лейтенанты: сорокъ-четвертаго, *Ограновичъ 2*, состоятъ по флоту; (октября перваго) генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ *Исленьевъ*, инспекторомъ гвардейскихъ запасныхъ полубаталіоновъ, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта; кавказскаго сапернаго баталіона капитанъ *Штутцеръ*, командиромъ грузинскаго линейнаго баталіона нумера перваго, съ состояніемъ по арміи, маіоромъ; (октября втораго) корпуса инженеровъ военныхъ поселеній капитанъ *Михайловъ*, бау-адъютантомъ Императорскаго Зимняго Его Императорскаго Величества дворца, съ оставленіемъ въ томъ же корпусѣ, на мѣсто капитана Якубовскаго; (октября пятаго) находящійся при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, состоящій по арміи полковникъ *Витковскій 1*, комендантомъ въ александропольскую крѣпость, на мѣсто полеваго инженеръ-полковника Рудникова; черноморскаго линейнаго баталіона, нумера четвертаго, подполковникъ *Новгородцовъ*, комендантомъ въ укрѣпленіе Новороссійскъ, съ состояніемъ по арміи; (октября шестаго) попечитель башкирскихъ и мецерьякскихъ кантоновъ, числящійся по кавалеріи полковникъ *Бабствъ*, состоятъ при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ; находящійся при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ, числящійся по арміи подполковникъ *Риманъ*, попечителемъ башкирскихъ и мецерьякскихъ кантоновъ съ оставленіемъ по арміи; (октября седьмаго) бѣлгородскаго уланскаго полка ротмистръ *Олховскій*, полиціймейстеромъ въ мѣстечко Меджибожь, четвертаго округа военного поселенія кievской и подольской губерній, съ состояніемъ по кавалеріи.

Высочайшими указами всемилостивѣйше пожалованы:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: (сентября двадцать-шестаго) статскіе совѣтники: председатели палатъ: бѣлостокской уголовнаго суда *Горткевичъ*, таврической гражданскаго суда *Сокологорскій*, ярославской уголовнаго суда *Мясодовъ* и состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ отдѣленіи третьяго департамента правительствующаго сената баронъ *Иксуль*.

Въ статскіе совѣтники: (сентября двадцать-втораго) коллежскіе совѣтники: состоящій при кievскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторъ *Писаревъ*; (сентября двадцать-шестаго) состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ отдѣленіи пятаго департамента

правительствующаго сената *Быковъ* и *Рюминъ* и товарищъ председателя казанской палаты уголовного суда *Быковъ*.

Въ коллежскіе совѣтники: (сентября двадцать шестаго) надворные совѣтники: судья пензенскаго уезднаго суда *Трубниковъ*, дворянскій застѣдатель втораго департамента московской палаты гражданскаго суда *Чекмаревъ* и состоящій въ должности оберъ-секретаря седьмаго департамента правительствующаго сената *Иенатъевъ*.

Въ коллежскіе ассессоры: (сентября тринадцатаго) оберъ-аудиторъ штаба двадцать-второй пѣхотной дивизіи девятаго класса Григорій *Сергеевъ*.

Въ коллежскіе регистраторы: (сентября десятаго) московской комиссаріатской комиссіи вахтеръ Андрей *Кочетковъ*; (сентября двѣнадцатаго) вахтеръ санктпетербургской комиссаріатской комиссіи Илья *Федоровъ*; (сентября шестнадцатаго) находящійся на испытаніи при балтской комиссаріатской комиссіи писарь конторы хотинскаго военнаго полугоспиталя Николай *Ивановъ*.

Въ аудиторы: (сентября пятнадцатаго) находящійся на усовершенствованіи въ аудиторской должности въ полевомъ аудиторіатѣ дѣйствующей арміи аудиторскій писарь каменецъ-подольскаго ординансъ-гауза Степанъ *Левченко*.

Увольняются: (сентября девятнадцатаго) начальникъ либавскаго таможеннаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ *Игнатъевъ*; (сентября двадцать-перваго) новгородскій и оренбургскій вице-губернаторы: статскій совѣтникъ *Араповъ* и коллежскій совѣтникъ *Григорьевъ*.

Назначаются: (сентября девятнадцатаго) председателемъ саратовской палаты уголовного суда штабъ-капитанъ *Лупиндинъ*; (сентября двадцать-перваго) вице-губернаторами: новгородскимъ, отставной коллежскій совѣтникъ *Бушковъ*; оренбургскимъ состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ *Македонскій*; астраханскимъ, чиновникъ особыхъ порученій по государственному контролю надворный совѣтникъ *Большанъ*; (сентября двадцать-перваго) членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ *Ханыковъ*, съ оставленіемъ при настоящихъ его должностяхъ.

Высочайшими указами всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ:

Святаго владимира третьей степени: (сентября двадцатаго) начальникъ отдѣленія духовно-учебнаго управления при святѣйшемъ синодѣ, статскій совѣтникъ *Розановъ*, оберъ-секретарь святѣйшаго синода, коллежскій совѣтникъ *Бейеръ*, инженеръ-полковникъ *Постельсъ*; (сентября девятнадцатаго) председатель кievской палаты уголовного суда коллежскій совѣтникъ *Подолинскій*.

Святой анны второй степени императорскою короною украшеннаго: (сентября двѣнадцатаго) состоящій при аудиторіатскомъ департаментѣ военнаго министерства коллежскій совѣтникъ *Бьллевъ*; (сентября пятнадцатаго) старшій членъ строительной комиссіи, при кавказскихъ мисеральныхъ водахъ учрежденной, состоящій по арміи полковникъ *Чайковскій*.

Святаго станислава второй степени императорскою короною украшеннаго: (сентября двѣнадцатаго) прикомандированный къ кубанскому казачьему полку, состоящій по кавалеріи капитанъ *Ларионовъ*; (сентября двѣнадцатаго) статскіе совѣтники: старшій лекаръ втораго военно-сухопутнаго санктпетербургскаго госпиталя докторъ медицины *Брунъ*, ординаторъ того же госпиталя штабъ-лекаръ *Аллеръ*, старшій лекаръ бобруйскаго военнаго госпиталя штабъ-лекаръ коллежскій совѣтникъ *Заровный*, начальникъ отдѣленія провіантскаго департамента шестаго класса *Никольскій*; коллежскіе совѣтники: членъ санктпетербургской комиссаріатской комиссіи *Абрамовъ*, управляющій тамбовскою комиссаріатскою комиссіею *Евсюковъ*, надворные совѣтники: начальникъ отдѣленія провіантскаго департамента *Звѣздкинъ*, дистанціонные смотрители провіантскихъ магазиновъ по харьковской губерніи *Сергеевъ*, по санктпетербургской губерніи баронъ *Фонъ-Врангелъ*, старшій контролеръ артиллерійскаго департамента *Силко* и начальникъ отдѣленія комиссаріатскаго департамента *Шишкинъ*.

Святаго станислава второй степени: (сентября третьяго) судья ярославскаго совѣтнаго суда подполковникъ *Карповицъ*; (сентября двадцатаго) помощникъ главнаго доктора перваго военно-сухопутнаго санктпетербургскаго госпиталя, докторъ медицины и хирургіи надворный совѣтникъ *Нариловицъ*; пятаго класса: состоящій при комиссаріатскомъ департаментѣ *Бутенко*, члены московской комиссаріатской комиссіи *Волковъ* и рыбинскій провіантской комиссіи *Кисель*; правитель канцеляріи аудиторіатскаго департамента статскій совѣтникъ *Дыздаревъ*; состоящій при комиссаріатскомъ департаментѣ медико-хирургъ коллежскій совѣтникъ *Семперовицъ*; членъ санктпетербургской комиссаріатской комиссіи седьмаго класса *Кармалтевъ*; надворные совѣтники: экзекуторъ и казначей инженернаго департамента *Созоновъ*; начальникъ отдѣленія инженернаго департамента *Марсеевъ* и контролеръ артиллерійскаго департамента коллежскій ассессоръ *Кургановъ*; (сентября тринадцатаго) московской градской больницы старшій врачъ, докторъ медицины и хирургіи, коллежскій ассессоръ Александръ *Оверъ*; (сентября двадцатаго) прикомандированный къ артиллерійскому училищу, числящійся по артиллеріи полковникъ баронъ *Клотъ-Фонъ Юреисбургъ*; смотритель санктпетербургской синодальной типографіи, коллежскій совѣтникъ *Бургардтъ* и секретарь владимірской духовной консисторіи коллежскій ассессоръ *Александровскій*.

Святаго станислава третьей степени: (сентября третьяго) коллежскіе ассессоры: непремѣнный членъ ярославскаго приказа общественаго призрѣнія *Жуковъ*; даилонскій земскій исправникъ *Перегородскій*; правитель канцеляріи ярославскаго военнаго губернатора *Ухтомскій* и романово-борисоглебскій городничій, отставной капитанъ-лейтенантъ *Денисьевъ*; (сентября двѣнадцатаго) черниговскаго линейнаго, нумера седьмаго, баталіона капитанъ *Гласко*; штабъ-капитанъ *Долбневъ*; состоящіе при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, числящіеся по кавалеріи корнеты: Хозари *Алибеговъ* и Имамъ Мурза *Эбрагимовъ* и кумыкскаго владѣнія прапорщики: князь Темиръ *Капаловъ*, Минатулло *Тавлуевъ* и Умаръ *Азнауровъ*; (сентября осьмнадцатаго) состоящій при повивальномъ институтѣ репетиторомъ штабъ-лекаръ коллежскій ассессоръ *Вейденбаумъ*; смотритель маринскаго института, титулярный совѣтникъ *Межаковъ*; московской градской больницы штабъ-лекаръ надворный совѣтникъ *Скабъевъ*; (сентября двѣнадцатаго) титулярные совѣтники: московскаго святѣйшаго синода конторы столоначальникъ *Щученковъ* и архивариусъ *Тороповъ*.

Святаго владимира четвертой степени съ бантомъ: (сентября двадцатаго) командиръ черноморскаго линейнаго, нумера седьмаго, баталіона подполковникъ *Посыпкинъ*.

СВЯТАГО ВЛАДИМИРА ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ: (сентября двадцатаго) командующій баттареею артиллерійскаго училища, лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ *Кузьминъ* и прикомандированный къ этому училищу, числящійся по артиллеріи капитанъ *Тихановъ*.

СВЯТОЙ АННЫ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ СЪ ВАНТОМЪ: (сентября двадцатаго) состоящій при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, числящійся по кавалеріи капитанъ *Июль Гебековъ* и аксаевскій приставъ, кизмерскаго казачьяго полка сотникъ *Назоровъ*.

СВЯТОЙ АННЫ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ: (сентября двадцатаго) черноморскаго линейнаго, нумера седьмаго, баталіона штабъ-лекаръ титулярный совѣтникъ *Потоцкій*.

СВЯТОЙ АННЫ ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ, СЪ НАДПИСЬЮ ЗА ХРАБРОСТЬ: (сентября двѣнадцатаго) черноморскаго линейнаго, нумера седьмаго, баталіона прапорщикъ *Бенковичъ*.

#### ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Въ высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату отъ четвертаго октября, изображено:

«Въ 4-й день сего мѣсяца Любезнѣйшая Дочь Наша Великая Княгиня *Марія Николаевна* благополучно разрѣшилась отъ бремени Дочерью, «которая по обрядамъ Православной Церкви Нашей наречена *Марією*».

«Воздавъ благодареніе Всевышнему Промыслу за сіе счастливое Императорскаго дома Нашега приращеніе, Мы признали за благо, въ новое изъявленіе Нашей родительской нежности къ Любезнѣйшей Дочери Нашей «Великой Княгини *Маріи Николаевны* и къ Супругу Ея, пожаловать «сей Внуку Нашей, титулъ Императорскаго Высочества. Повелѣваемъ «правительствующему сенату сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія, дабы сія «поворожденная Внучка Наша была во всѣхъ, гдѣ приличествуетъ, случаяхъ «именуема Ея Императорскимъ Высочествомъ».

— Господинъ генералъ-адъютантъ графъ *Строгоновъ 2*, удостоился получить при увольненіи своемъ отъ должности, слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Впродолженіи управленія вами министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ новые опыты того ревностнаго стремленія, которое отличало всегда васъ въ исполненіи важныхъ обязанностей, на васъ возложенныхъ. Нынѣ, согласно прошенію вашему, уволивъ васъ отъ управленія симъ министерствомъ, Я справедливымъ нахожу изъяснить вамъ полную Мою признательность за неутомимые труды, коими сопровождалась отлично-дѣятельная и полезная ваша служба.»

— Высочайшимъ указомъ даннымъ на имя намѣстника Его Императорскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ отъ шестаго (осмнадцатаго) сентября, для разсмотрѣнія прошеній на Высочайшее имя подаваемыхъ учреждается въ Варшавѣ особая коммиссія, подъ наименованіемъ коммиссія прошеній Царства Польскаго. Предсѣдателемъ этой коммиссія назначается сенаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ *Влодекъ*, а членами: свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ графъ *Толстой* и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хоссаковский*. Членами этой коммиссія повелѣно быть также: статсъ-секретарю совѣта управленія, статсъ-совѣтнику

*Тимовскому*, директору канцеляріи намѣстника, статскому совѣтнику *Елиашевичу* и чиновнику для особыхъ порученій при намѣстникѣ коллежскому совѣтнику *Очкину*. Дѣйствія коммиссія открыты будутъ въ то время когда утверждено будетъ ея образованіе.

— Государь Императоръ, по представленію господина министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше изволилъ пожаловать *И. П. Сахарову*, за полезные труды на поприщѣ отечественной исторіи, драгоценный перстень, и высочайше повелѣть соизволилъ производить ему по тысячѣ рублей ассигнаціями прибавочнаго къ получаемому имъ окладу жалованья, на все время, пока господинъ *Сахаровъ* будетъ находиться въ государственной службѣ.

— Государь Императоръ, по положенію комитета господъ министровъ двѣнадцатаго августа высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить кievской центральной и мѣстнымъ ревизіоннымъ коммиссіямъ западныхъ губерній выдачу дѣтямъ уроженцевъ этихъ губерній отыскивающихъ дворянство, свидѣтельствъ на право вступленія въ учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы начальства тѣхъ заведеній уведомляли коммиссіи по принадлежности о принятіи лицъ, въ дворянствѣ не утвержденныхъ; а коммиссіи, если откажутъ имъ, или родителямъ ихъ, въ дворянствѣ, уведомляли объ этомъ начальства учебнаго заведенія, для свѣдѣнія и надлежащаго соображенія съ существующими постановленіями и чтобы по означеннымъ свидѣтельствамъ эти лица не были принимаемы въ заведенія, въ которыхъ воспитываются исключительно потомственные дворяне; но чтобы не преградить имъ всякой возможности поступленія и въ эти заведенія, по утвержденіи ихъ въ дворянствѣ, то дѣла ихъ разсматривать въ ревизіонныхъ коммиссіяхъ и въ герольдіи безъ очереди.

— Иркутской губерніи заштатный городъ *Селенгинскъ*, расположенный на правомъ берегу протока рѣки *Селенги*, при подошвѣ *Песчаной Горы*, нерѣдко подмывался водою отъ разлитія этой рѣки, къ крайнему разоренію жителей его. По просьбѣ послѣднихъ и по ходатайству начальства, Государь Императоръ, шестаго сентября прошлаго 1840 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: городъ этотъ перенести на новое избранное для него удобнѣйшее мѣсто въ урочище *Таенское*, находящееся на противоположной сторонѣ рѣки *Селенги*.

— Министръ финансовъ, возвратясь изъ всемилостивѣйше дозволеннаго ему заграничнаго отпуска, вступилъ съ высочайшаго разрѣшенія, перваго октября, въ управленіе министерствомъ финансовъ. (С. В.)

#### ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПРОИСШЕСТВІЯ.

Въ Казанскомъ Соборѣ, полиціею взята дѣвочка четырнадцати лѣтъ, которая, во время стеченія публики для прикладыванія ко кресту, отрѣзывала ножницами ридикюли.

— Седьмаго октября въ екатерингофской роцѣ въ павильонѣ, на самомъ верху, у дверей, найденъ застрѣлившійся неизвѣстный человекъ высокаго роста, лицо продолговатое, сухощавое, щеки впалыя; носъ длинный, подбородокъ острый, около 40 лѣтъ, одѣтъ въ синемъ суконномъ плащѣ съ бархатными отворотами на шелковой подкладкѣ, въ суконномъ сюртукѣ съ бархатными на лацканахъ отворотами, черными костяными пуговицами, въ гарусномъ жилетѣ съ мушками, въ суконныхъ брюкахъ и въ сапогахъ, на шеѣ повязанъ черный шелковый платокъ, и въ круглой черной шляпѣ. При немъ найденъ старой формы и большаго калибра пистолетъ.

— Въ Кронштадтѣ получены слѣдующія извѣстія о гибели разныхъ судовъ.—Рыбаки съ острова Готланда, изъ Визби встрѣтили, двадцать-третьяго сентября, въ открытомъ морѣ оставленное матросами судно «Клерепсъ» изъ Гула, утопающимъ и привели его въ Калтгаммерсвикъ, близъ Экстергамскаго маяка. Они надѣялись ввести его на другой день въ гавань. Корабль «Брейтонъ», шкиперъ *Хисменъ*, совсѣмъ разбился у острова Готланда; полагаютъ, что грузъ можно будетъ спасти, но большую часть въ поврежденномъ состояніи. — Одинъ бригъ, котораго имя неизвѣстно, попалъ на мель двадцатаго числа у острова Фаро, но снялся безъ посторонней помощи. Къ берегу прибило двадцать двѣ бочки сала, вѣроятно, выброшенныя изъ этого судна. — Сардинскій корабль «Нордштернъ», шкиперъ *Трастуръ*, шедшій къ кронштадтскому порту изъ Ниццы съ фруктами, третьяго октября ударился на Рустъ-Грунтъ къ югу отъ Лавенскара, при туманной погодѣ и такъ скоро наполнился водою, что экипажъ едва успѣлъ спастись; но изъ груза ничего не спасено. Шкиперъ и матросы прибыли Кронштадтъ на голландскомъ кораблѣ «Фрисландъ» шкиперъ *Фрисъ*.

#### Разныя извѣстія.

— Тридцатаго августа, во всерадостнѣйшій день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, происходило въ городѣ Харьковѣ торжественное открытіе второй гимназіи. Въ одиннадцать часовъ утра въ церкви Благовѣщенія, находящейся противъ дома гимназіи, начала Божественная литургія, которую совершалъ соборнъ высокопреосвященный *Смарагдъ*, архіепископъ харьковскій и ахтырскій. По окончаніи литургіи, его высокопреосвященство произнесъ, приличное случаю назидательное слово; за тѣмъ совершено было обычное молебствіе того дня, послѣ котораго высокопреосвященный, въ сопровожденіи духовенства, а также господъ гражданскій губернаторъ, губернской предводитель дворянства, помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, все ученое сословіе университета и обѣихъ гимназій, многіе военные и гражданскіе чиновники и почетнѣйшее купечество отпразднели въ домѣ гимназіи, гдѣ, по освященіи зданія, провозглашено было многолѣтне Государю Императору и всему Августѣйшему Дому; потомъ учащіе и учащіяся въ гимназіи подошли ко кресту и окропленію Святою водою; за тѣмъ его высокопреосвященство благословилъ окружившихъ его воспитанниковъ иконою Пресвятыя Богородицы, нарицаемой Ахтырскою, которую воспитанники, съ благоговѣніемъ принявъ, цѣловали, передавая другъ другу при пѣніи пѣвчими тропаря: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!» Архидьяконъ сопровождалъ благословеніе свое слѣдующими словами: «Благословляю васъ, дѣти, образомъ Пресвятыя Богородицы, которая и сама воспитывалась нѣкогда при Храмѣ Господнемъ. Спаситель съ сего креста всѣхъ насъ поручилъ Ей, яко общей матери, въ лицѣ Св. Іоанна, сказавъ ему: *Се Мати твоя*. И такъ, прибѣгайте къ Ней съ молитвою во всѣхъ нуждахъ вашихъ, и несомненно получите просимое. При томъ, взирая на Святыишии ликъ Ея, подражайте дѣвственной чистотѣ, смиренію, преданности Ея въ волю Божию и благ. дупному перенесенію креста, каждому изъ насъ назначаемого по волѣ Св. Провидѣнія. Эти одні добродѣтели могутъ облагодѣтельствовать васъ въ сей и въ будущей жизни!»

Посѣтители перешли потомъ въ другую залу, гдѣ инспекторъ новооткрытой гимназіи прочелъ краткій отчетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя были поводомъ къ учрежденію въ Харьковѣ этого учебнаго заведенія и о мѣрахъ, какія были приняты къ открытію его. Пѣвчіе заключили торжество пѣніемъ народнаго гимна: *Боже Царя Храни!*

Послѣ того господинъ почетный попечитель харьковскихъ гимназій, гвардіи полковникъ *Шретеръ*, угощалъ посѣтителей завтракомъ, при окончаніи

котораго провозглашены были тосты за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, Его Высочества Государа Цесаревича Наслѣдника и всего Августѣйшаго Императорскаго Дома.

— Четырнадцатаго сентября въ Одессѣ на базарѣ происходила раздача наградъ, установленныхъ Императорскимъ обществомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи для поощренія поселянъ къ улучшенію качества воздѣлываемой ими пшеницы. Дѣйствительные члены господа *Райко*, *Генно* и *Иснаръ*, вмѣстѣ съ приглашеннымъ въ качествѣ свѣдущаго оцѣнщика Одесскимъ первой гильдіи купцомъ *Родоканакъ*, рассмотрѣвъ всю пшеницу находившуюся на состязаніи, заключили приговоръ о назначеніи наградъ, который того же числа былъ приведенъ въ исполненіе; этимъ приговоромъ опредѣлено выдать: 1) серебряные кубки въ пятьдесятъ рублей ассигнаціями: Очаковскому мѣщанину *Кротову* за арнаутку, и крестьянину помѣщика Бернацкаго Акиму *Матрученку* за гирку; 2) серебряный кубокъ въ двадцать пять рублей ассигнаціями одесскому мѣщанину Иву *Шохову*.

— Изъ Одессы пишутъ отъ двадцать-третьяго сентября: «Движеніе нашей заграничной торговли весьма замѣтно оживилось въ сентябрѣ: съ перваго по двадцатое число прибыло изъ за границы болѣе ста-двадцати судовъ, которыхъ нагрузка производится очень живо. Улицы заняты подвозами пшеницы изъ внутреннихъ губерній, которые увеличатъ наши запасы, кажется, не совсѣмъ дослѣточные для заграничныхъ требованій. Цѣны поддерживаются довольно высоко.

— Слѣдовавшее изъ Ростова російское каботажное судно «Св. Николай», состоящее подъ управленіемъ шкипера, самого хозяина, донскаго войска казака Ивана Ермилова, съ казеннымъ провіантомъ назначеннымъ для отвоза въ Севастополь, подойдя къ Бѣлосарайскому Маяку, сильною бурей разбито. Шкиперъ, экипажъ этого судна и болѣшая часть груза спасены.

— Въ лѣсной дачѣ, принадлежащей Козинской и Чернорѣцкой Волостямъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, произошелъ, третьяго января нынѣшняго года, большой провалъ земли, замѣченный при образованіи его, однимъ проезжавшимъ вблизи крестьяниномъ, и освидѣтельствованный потомъ по распоряженію губернскаго начальства. Мѣсто гдѣ обрушилась земля, находится въ разстояніи отъ казенной деревни Гавриловки въ семи, и отъ рѣки Оки въ тринадцать верстахъ, среди мелкаго сосноваго лѣсу, растущаго на глинисто-песчаномъ грунтѣ, перемежающемся пластами чернаго илу. Длина провала, имѣющаго эллиптическую форму, простирается на пятнадцать, а ширина на двѣнадцать саженей; глубина, считая отъ поверхности льда до тинистаго дна, заключаетъ въ себя десять съ половиною футовъ. На днѣ провала, чрезвычайно иловатомъ, замѣчено много источниковъ ключевой воды; при свидѣтельствovanіи дѣлами въ нѣсколькихъ мѣстахъ проруби, изъ которыхъ вода выступала съ большою силою. Такіе провалы, хотя гораздо въ меньшемъ объемѣ, есть и въ другихъ мѣстахъ, на протяженіи того же лѣса; ихъ называютъ тамъ *котлами*, и нѣкоторые изъ старожилонъ помнятъ, какъ они происходили. Явленіе это объясняютъ большимъ стеченіемъ въ этомъ мѣстѣ подземныхъ родниковъ, которые, подымая мало-по-малу корни деревъ, довели грунтъ земли до такой рыхлости, что онъ не въ состояніи былъ долѣе поддерживать растущихъ на немъ деревъ. Этому могла содѣйствовать своею тяжестію и масса снѣгу, выпавшаго въ прошедшую зиму въ чрезвычайно большомъ количествѣ.

— Изъ *Архангельска*, отъ двадцать-четвертаго сентября пишутъ: «Англійскій корабль *Джонсъ*», шкиперъ *Хиль*, отшедшій изъ здѣшняго порта пят-



надцатаго сентября съ грузомъ овса и льна въ Дунди, семнадцатаго числа потерпѣлъ крушеніе на барѣ и потонулъ; экипажъ спасенъ.»

— Владимірскій полиціймейстеръ, коллежскій совѣтникъ *Лихачевъ*, остановился, проѣздомъ черезъ Москву, у чиновника тамошняго почтамта *Рудина*, и собравшись въ скоромъ времени вѣхать, приказалъ почталіону *Трусову* укладывать въ повозку свои вещи. *Трусовъ*, исполняя это, положилъ на окно бывшій при немъ пистолетъ, заряженный пулею. — Въ это время малолѣтній сынъ господина *Рудина*, Константинъ, 9 лѣтъ, взявъ пистолетъ, играя имъ и не зная что онъ заряженъ, выстрѣлилъ въ няньку свою, дворовую дѣвку *Марью Захарову*, и ранилъ ея въ грудь. По заключенію врача рана не смертельная.

— Поселянинъ *Картокъ*, изъ деревни Зещинка, Родзынскаго Обвода (въ Царствѣ Польскомъ), узнавъ о самовольномъ возвращеніи домой сына своего, поступившаго по набору нынѣшняго года въ рекруты, довелъ о томъ до свѣдѣнія гминнаго войта, вслѣдствіе чего онъ обращенъ на службу по назначенію. По доведеніи до свѣдѣнія Государя Императора объ этомъ похвальномъ поступкѣ поселянина *Картока*, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему двѣсти золотыхъ.

— Въ іюль прошлаго года, денщикъ двѣнадцатаго рабочаго экипажа штабсъ-капитана *Аванасьева*, *Степанъ Говоровъ*, купаясь въ рѣкѣ Ингуль, попалъ въ глубокое мѣсто, и не умѣя плавать, началъ тонуть. Для спасенія его поплылъ къ нему мѣщанинъ *Волобуевъ*; но будучи безсиленъ, началъ самъ погружаться на дно. Въ то время бросился съ судна квартирмейстеръ тридцать-четвертаго флотскаго экипажа *Василій Родіоновъ*, находившійся на казенномъ транспортѣ «Слонъ», доплылъ до утопавшихъ, и успѣлъ спасти обоихъ. Его Императорское Величество соизволилъ повелѣть: дать *Родіонову* медаль, установленную за человѣколюбивые подвиги.

— Тридцатаго октября минувшаго года, тамбовскаго уззда деревни *Абакумовки* десяти-лѣтній сынъ казеннаго крестьянина *Николай Борисовъ*, зашелъ на средину рѣки Битюги, и провалился сквозь ледъ, на глубинѣ не менѣе трехъ аршинъ. На крикъ его сбѣжалось нѣсколько крестьянъ, но никто не отважился подвергнуться опасности для спасенія погибавшаго. Въ числѣ этихъ крестьянъ былъ девятнадцати-лѣтній кантонистъ *Исай Суздальцевъ*, находящійся у родственниковъ на воспитаніи; не теряя времени, онъ сбросилъ съ себя платье, кинулся въ рѣку, и благополучно вытащилъ на берегъ утопавшаго мальчика. По докладу военнаго министра, Его Императорское Величество соизволилъ наградить *Суздальцева* серебряною медалью, съ надписью: за спасеніе погибавшихъ, для пошенія въ петлицѣ на владимірской лентѣ.

#### Некрологъ.

Пятаго сентября, скончался въ великолудскомъ узздѣ, въ имѣніи своемъ, сельцѣ *Иванковѣ*, состоящій по арміи генераль-лейтенантъ *Александръ Павловичъ Алединскій*. — Третьяго октября скончался въ Санктпетербургѣ отставной дѣйствительный тайный совѣтникъ *Козенскъ*, на осемдесять-третьемъ году.

### СОБЫТІЯ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

#### ФРАНЦІЯ.

Въ *Moniteur Parisien* помѣщено слѣдующее объявленіе: «Нѣкоторые журналы говорятъ, будто переговоры съ Бельгіею о торговомъ трактатѣ

прерваны; это несправедливо; только съ обѣихъ сторонъ убѣдились въ томъ, что дѣло требуетъ обширнѣйшей повѣрки.» — Въ газетѣ *la Presse* замѣчаютъ притомъ: «Издатели *Moniteur* правы: между бельгійскими и французскими комиссарамъ не было разрыва, но разрѣшеніе вопросовъ подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, отсрочено. Требования Бельгіи касаются трехъ важнѣйшихъ статей нашего тарифа: желѣза, каменнаго угля и льняныхъ издѣлій. Недостаетъ точныхъ данныхъ къ опредѣленію положительнымъ образомъ настоящаго состоянія тѣхъ вѣтвей промышленности, которыя должны быть приняты въ соображеніе при разрѣшеніи означенныхъ тѣхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ цѣны, во что обходятся желѣзныя издѣлія на фабрикахъ, служить загадкою въ обѣихъ странахъ. Одни утверждаютъ, что Бельгія можетъ поставлять намъ свое желѣзо очень сходно, другіе опровергаютъ это мнѣніе и увѣряютъ, что французскіе владельцы желѣзныхъ заводовъ могутъ получать все-еще значительную выгоду, если даже цѣны и понизятся. Какимъ образомъ узнать истину при столь противурѣчающихъ показаніяхъ? Не остается ничего болѣе, какъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія. Сверхъ-того оба правительства, по-видимому, намѣрены предварительно призвать на совѣтъ знающихъ людей; откроются публичныя совѣщанія, документы будутъ собраны, и съ обѣихъ сторонъ постараются опредѣлить точнѣйшимъ образомъ взаимное положеніе противоборствующихъ выгодъ. Для этого именно переговаривавшіеся и согласившіеся отсрочить свои совѣщанія. Что касается до опасенія, будто Бельгія требуетъ отъ Германіи того, чего Франція заставляетъ ее ожидать, то мы почитаемъ его вовсе не основательнымъ. Мы имѣемъ на то свои причины. Во-первыхъ, Бельгія сама чрезъ своихъ комиссаровъ признала необходимость отсрочки; во-вторыхъ, сомнительно, чтобы Германія приняла предложенія Бельгіи, не взвѣсивъ предварительно своихъ собственныхъ выгодъ, которыя могутъ отъ того пострадать; въ-третьихъ, Бельгія очень хорошо понимаетъ, что если бы состоялось это предположеніе, то она болѣе бы проиграла нежели выиграла. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ торговля между Бельгіею и Франціею производится на сто двадцать или сто двадцать пять миліонъ въ, а между Бельгіею и Германіею только на пятьдесятъ миліонъ. Съ того самаго времени, какъ Бельгія отъ насъ отдалится и вступитъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Германіею, мы можемъ чрезъ возвышеніе нашего тарифа нанести ей вредъ, который самымъ чувствительнымъ образомъ падетъ на ея финансы. Бельгія лишится важнаго источника сбыта, не приобретя за то въ Германіи никакого существеннаго вознагражденія.»

— Въ *Moniteur Parisien* опровергаютъ сообщенное однимъ лондонскимъ корреспондентомъ извѣстіе, будто лордъ *Асертинъ* отзывался съ неудовольствіемъ о вмѣшательствѣ Франціи въ тунисскія дѣла.

— Насчетъ вопроса о разоруженіи, въ *Revue des deux Mondes*, напечатано: «Вопросъ этотъ все-еще занимаетъ умы, и министерскій совѣтъ. Въ англійскихъ газетахъ продолжаютъ доказывать, что Франція прежде всего должна разоружить свой флотъ. Если бы министры наши дѣйствительно имѣли намѣреніе уменьшить наши морскія силы, то такой настойчивости со стороны иностранныхъ газетъ, конечно, было бы достаточно для того, чтобы отсрочить всякой подобный проектъ. Министры во всякомъ случаѣ не захотѣли бы показать, будто они уступаютъ требованіямъ англійскихъ публицистовъ. Впрочемъ, мы никакъ не увѣряемъ, чтобы кабинетъ намѣренъ былъ разоружить весь флотъ нашъ или только часть его; мы, напротивъ того, думаемъ и, вѣро тно, всякой въ томъ согласится, что флотъ нашъ отнюдь не превышаетъ необходимыхъ потребностей нашихъ въ мирное время. Владѣя Алжиромъ, считая необходимымъ наблюдать за Тунисомъ и не выпускать изъ виду Востока, обязанности сверхъ-того защищать наши колоніи и торговлю нашу въ отдаленныхъ моряхъ — мы не можемъ уменьшить нашего морскаго бюджета, не подвергнувъ опасности выгоды и достоинства

государства. Мы уверены, что таково мнение храброго адмирала, управляющего морским департаментом. Франция, несмотря на большое протяжение своих морских берегов, имеет недостаток в матросах. Народонаселение берегов слишком мало проникает во внутренность страны и надобно признаться, что наша морская торговля, несмотря на важность своих экспедиций и на заманчивость выгод, не в состоянии образовывать большого числа моряков по недостатку охотников. Только посредством казенных кораблей и их экипажей можем мы распространить в нашем народонаселении привычки морской жизни, которые не приобретаются в короткое время. Мы искренно желаем наступления той эпохи, когда наша морская торговля получит развитие, сообразное с выгодами и потребностями Франции. Но столь важные успехи достигаются не одними безполезными желаниями. Все побуждает нас стремиться к успеху, о котором здесь идет речь; но пока наши таможенные законы останутся в настоящем своем виде, пока наши морские учреждения не получат основательного преобразования, торговый флот наш будет по-прежнему занимать третье или четвертое место между другими подобными флотами. Когда наша морская торговля получит свободное развитие, то гавани наши в короткое время наполнятся купеческими судами, и экипажи их будут состоять из французских моряков, так что в случае надобности военные корабли никогда не будут иметь недостатка в опытных матросах; тогда только можно будет уменьшить наличное число морского войска и уступить торговлю матросов, всегда готовых возвратиться на военный флот. В нынешнее время разоружение обратило бы множество людей к земледелию и мастерским; это было бы не только разоружение, но и ослабление. Повторяем, что если уменьшение сил необходимо, то оно может быть приведено в действие без особого вреда только в сухопутной армии и именно в пехоте.

— В Париж, четвертого октября, перепись произведена уже в 20,000 домах из 28,000, в которых она должна была совершиться.

— Королю Лудовику Филиппу исполнилось, шестого октября, 68 лет; он родился шестого октября 1775 года.

— В Парижском Монитере, а за ним и во всех министерских газетах извещают, что господин Буркеней, бывший первым секретарем посольства в Лондон, назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь.

— Ответственный редактор газеты National, господин Делашуз, являясь в суд присяжных по обвинению за статью, напечатанную двенадцатого сентября, в которой говорится о беспокойствах в Мокон и обнаруживается намерение внушить ненависть к правительству. Господин Делашуз был приговорен к четырехмесячному заключению в тюрьму и к денежному штрафу в 5,000 франков. Сверх-того положено было уничтожить задержанный номер газеты le National.

— В министерских газетах подтверждают известие, сообщенное в первый раз в Courrier français, о назначении лорда Коуля английским послом в Париж. «Лорд Коулей, сказано в газете la Presse, был уже в первое управление сэра Роберта Пилля, в 1835 году, английским послом в Париж. Он меньшой брат герцога Веллингтона, человек разсудительный, умренных правил и прямодушный. Его образ действия в течение шести недель, пока он был главою британского посольства в Париж, не мог быть лучше и достойнее этого сана.»

— Господину Серрюрье, перу Франции, пожалован титул графа.

— Господин Пискатори возвратился из Греции и прибыл уже в Париж.

— На здешней бирже опять какой-то значительный спекулянт, которого газеты называют бароном д'Е..., прекратил свои платежи и бѣжал. Он недавно еще протестовал в газетах против невыгодных слухов насчет состояния его дѣль. Долги его простираются до трех миллионов франков.

— В газете Toulonnaise, от двадцать-осьмого числа, уверяют, что тунисское дѣло с каждым днем все более и более запутывается. Пароход «Paris» отплыл двадцать-шестого сентября из Тулона в Тунис, куда скоро должны последовать за ним многие другие корабли. — В Sentinelle de la Marine в то же время напечатано, что линейный корабль «le Gêneraux» готовится к отплытию и что многие пароходы получили приказание застись углем и быть готовыми выйти в море при первом сигнале.

— В Монитер извещают о кончине Гримальди Онея V., князя Монако, герцога Валеттишца и Пера Франции.

— В Revue des deux Mondes помещены следующие замечания о предстоящем походе в Африку: «Мы ожидаем от нового похода счастливейших последствий. Дѣла в Алжир производились в этом году с такою осмотрительностью, дѣятельностью и благоразумием, которых мы не можем не признать, и за которые мы обязаны благодарностью как кабинету, доставившему средства к тому, так и генерал-губернатору, умевшему ими воспользоваться. Уважение к Франции начинает утверждаться между Арабами; мы с успехом сражаемся против Абдель-Кадера на собственной его землѣ. Новая пораженіе, может-быть, совершенно сокрушат его нравственное вліяніе и вмѣстѣ с тѣм его политическое и воинское могущество. Генерал Бюжэ приобрѣтет славный успѣхъ, который будет рѣшителенъ, если имъ воспользуются, если с неослабнымъ постоянствомъ будут дѣйствовать, пока останется что-либо сдѣлать къ утверждению нашего владычества в Африкѣ. Безъ-сомнѣнія, мы слѣдуемъ самой благоразумной, прекрасной политикѣ, противопоставляя Абдель-Кадеру арабскихъ начальниковъ, которыхъ мы склонили на нашу сторону, и туземныя войска, сражающіяся под знаменами Франціи. Впрочемъ сознаемъ, что это такая игра, в которой надобно быть очень осторожнымъ. После паденія эмира не должно допускать, чтобы возвысился другой какой-либо начальникъ племени, который будетъ тѣмъ страшнѣе, что онъ образуется в нашей школѣ и ознакомится съ преимуществами и недостатками нашей военной системы. Расположеніе къ независимости и сопротивленію до тѣхъ поръ будетъ продолжаться между тамошними жителями, пока они не приобретутъ твердаго убѣжденія, что мы окончательно рѣшились поселиться в Африкѣ, а это убѣжденіе можетъ имъ дать только колонизація. Ихъ должно опоясать крѣпкою цѣпью Европейцевъ. Арабъ становится вѣрнымъ другомъ тогда только, когда теряетъ надежду быть счастливымъ врагомъ. Пока жители Алжиріи будутъ видѣть в Африкѣ однихъ только солдатъ, до тѣхъ поръ они все-еще будутъ думать, что война в Европѣ или другой какой-либо политической переворотъ заставятъ насъ когда-нибудь удалиться изъ Алжира. Эта мысль исчезнетъ, когда дѣйствительное населеніе расположится на нашей африканской землѣ и когда Алжирія сдѣлается истинно французской провинціею. Если смотрѣть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то надобно согласиться, что французскихъ колонистовъ надлежитъ предпочесть иностраннымъ. Арабы тѣмъ болѣе убѣдятся тогда в нашемъ твердомъ намереніи удержать за собою наши африканскія владѣнія во что бы то ни стало.»

— В Монитер Algérien, от двадцать-седьмого сентября, сообщают, что

генераль *Пегріе* совершилъ удачную экспедицію противъ разбойничьихъ шаекъ, дѣлавшихъ дорогу изъ Константины въ Филиппвилль не безопасно. Генералы *Люте* и *Вертуа*, сопровождавшіе генераль-губернатора въ Мостаганемъ, воротились въ Алжиръ.

— Правительство обнародовало слѣдующую телеграфическую депешу изъ Тулона отъ седьмого октября: «Генераль *Ламоуисьеръ* воротился тридцатаго числа въ Мостаганемъ изъ Маскары, которую онъ благополучно снабдилъ провіантомъ. Генераль-губернаторъ третьяго числа прибылъ обратно въ Мостаганемъ. Онъ привелъ съ собою изъ Шелифа около трехъ сотъ пѣнныхъ и значительную добычу.

— Спускъ трубъ въ гренельскій артезіанскій колодезь встрѣчаетъ гораздо болѣе затрудненій чѣмъ полагали. На глубинѣ трехъсотъ метровъ встрѣтилось препятствіе, дѣлающее совершенно невозможнымъ дальнѣйшее пониженіе трубъ; осемь дней сряду стараются уже преодолѣть это препятствіе, — но безуспѣшно.

— Газета *la France* сообщаетъ бюлетень изъ Кирхберга отъ двадцать-четвертаго сентября: Въ тотъ день герцогъ Бордосскій всталъ съ постели и перевязки сняты.

## АНГЛІЯ.

Верхняя палата. Въ засѣданіи тридцатаго сентября, Лордъ *Брумъ* представилъ нѣсколько просьбъ насчетъ разсмотрѣнія законовъ о хлѣбѣ. Виконтъ *Странгфордъ* предъявилъ прошеніе, подписанное 9,000 жителей Квебека, противъ измѣненія пошлины па строевой лѣсъ. Въ этотъ же вечеръ лордъ *Брумъ* старался обратить вниманіе палаты на многія злоупотребленія, происшедшія при послѣднихъ выборахъ и предложилъ составить особый комитетъ для изслѣдованія этихъ злоупотребленій, чтобы можно было принять противъ нихъ законныя мѣры.

— Въ засѣданіи четвертаго октября, по поводу сдѣланнаго въ нижней палатѣ предложенія о предъявленіи свѣдѣній насчетъ всѣхъ производствъ по адмиралтейству, бывшихъ до четвертаго іюля, графъ *Минто*, бывший морской министръ, защищалъ систему, которой онъ слѣдовалъ при распредѣленіи мѣсть. Онъ старался оправдать около двадцати сдѣланныхъ назначеній и, по-видимому, къ полному удовольствію палаты, потому что ему никто не отвѣчалъ. (Между-тѣмъ въ газетахъ партіи тори возражаютъ, что графъ *Минто* своею рѣчью не оправдалъ множества другихъ сдѣланныхъ въ пять лѣтъ назначеній, которое въ двѣсти разъ превышаетъ число двадцать, и что рѣчь его напоминаетъ пословицу: qui s'excuse, s'accuse.) — Послѣ того предложено было чтеніе во второй разъ билля о выпускѣ билетовъ казначейства. Лордъ *Мельбурнъ* порицалъ финансовыя планы министерства, сказавъ, что если уже признали нужнымъ, для покрытія дефицита, прибѣгнуть къ займу, то надлежало бы устроить дѣло такъ, чтобы успѣхъ плана былъ обезпеченъ. Впрочемъ, онъ повторилъ почти все то же, что говорилъ лордъ *Джонъ Росселъ* въ нижней палатѣ, противъ предложенія министерства отсрочить объясненіе насчетъ замышляемыхъ имъ дѣйствительныхъ мѣръ къ устройству финансовъ. Графъ *Рейпонъ* возразилъ, что тѣ, которые думаютъ, будто планъ канцлера казначейства не удался, заблуждаются; Впрочемъ, присоветовалъ онъ, и прежнее министерство, если бы осталось у кормила, не могло бы выйти изъ затрудненія, иначе, какъ посредствомъ займа. — Лордъ *Мельбурнъ* сказалъ герцогу *Веллингтону*, что слѣдуетъ только герцогу объявить о желаніи представить предложеніе относящееся до законовъ о хлѣбѣ, и тогда со-

берется довольно членовъ для совѣщанія, несмотря на позднее время собранія. Герцогъ поблагодарилъ лорда *Мельбурна* за столь лестное мнѣніе о его вліяніи, но присоветовалъ, что онъ никогда не помышлялъ представить плана объ измѣненіи о хлѣбѣ. Послѣ нѣкоторыхъ еще преній билль о займахъ былъ прочтенъ во второй разъ, а билль о продолженіи полномочій комиссаровъ для бѣдныхъ былъ принятъ въ комитетъ.

— Въ прошедшій понедѣльникъ, вечеромъ, на Темзѣ пароходъ «Thunderer» столкнулся съ желѣзнымъ пароходомъ «Bridegroom», и такъ сильно, что первый немедленно пошелъ ко дну. Однако жъ, пассажиры на немъ находившіеся, спасены.

— Засѣданіе седьмого октября. По представленіи нѣсколькихъ просьбъ, явились королевскіе комиссары съ тропною рѣчью для закрытія парламентскихъ засѣданій; члены нижней палаты были приглашены къ периламъ и лордъ-канцлеръ прочелъ рѣчь, которая заключается въ слѣдующемъ:

«Милорды и Господа!

«Мы получили повелѣніе королевы объявить вамъ, что ея величество находитъ нужнымъ закрыть нынѣшнее собраніе парламента.»

«По совѣту ея парламента и вслѣдствіе объявленныхъ намѣреній королевы, ея величество приняла нужныя мѣры для образованія новаго управленія и всѣ распоряженія, касающіяся до этого предмета, приведены ея величествомъ къ совершенному окончанію.»

«Господа члены нижней палаты!

«Ея величество повелѣла намъ благодарить васъ за субсидіи, назначенныя вами для тѣхъ отраслей государственной службы, въ которыхъ отправленіе ея не было вполне обезпечено предшествовавшимъ парламентомъ.»

«Принятіе мѣръ къ уравненію государственныхъ доходовъ съ годовыми расходами и другіе важные предметы, касающіеся до торговли и промышленности государства должны будутъ обратить на себя ваше вниманіе вскорѣ по истеченіи срока отсрочки парламентскихъ засѣданій.»

«Ея величество повелѣла намъ повторить изъясненіе ея глубокаго сожалѣнія о нуждѣ, господствовавшей нѣкоторое время въ главныхъ фабричныхъ округахъ, и увѣрить васъ, что вы можете полагаться на полное содѣйствіе ея величества въ принятіи мѣръ, могущихъ воспрепятствовать возобновленію подобнаго бѣдствія и содѣйствовать благосостоянію и довольству народа, составляющихъ цѣль всѣхъ желаній ея величества.»

Нижняя палата. Когда въ засѣданіи двадцать-седьмого сентября палата образовалась въ комитетъ субсидій, канцлеръ казначейства, господинъ *Гульбурнъ*, объявилъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ необходима выдача билетовъ казначейства или продажа фондовъ, по усмотрѣнію правительства. Бюджетъ, предложенный канцлеромъ казначейства въ это засѣданіе, заключается въ себя только суммы, утвержденныя парламентомъ втеченіи настоящаго его собранія, при чемъ оказывается дефицитъ, который, со включеніемъ слѣдующихъ въ этомъ году къ платежу процентовъ за билеты казначейства, составляетъ 5.067,432 фунтовъ стерлинговъ. «Уже предѣстникъ мой, сказалъ между прочимъ господинъ *Гульбурнъ*, исчислилъ, что дефицитъ будетъ простирается до этой суммы, и расчетъ его оказался вѣрнымъ.» По этой причинѣ на прошлой недѣль онъ, господинъ *Гульбурнъ*, объявилъ о выпускѣ вновь билетовъ казначейства на 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ число которыхъ предварительно составленъ заемъ въ 2.500,000 фунтовъ. Количество этого займа само по себѣ незначительно, и операція совер-

нилась оч нь успѣшно: подписка превышала сумму цѣлымъ милліономъ, простиралась до 3.540,000 фунтовъ стерлинговъ, несмотря на то, что предложенны имъ, канцлеромъ казначейства, условія нисколько не выгоднѣе тѣхъ, какія опредѣлены были господиномъ *Спрингъ-Рейсомъ* въ 1838 году; премія составляетъ около 18 милліоновъ 10 пенсовъ на 100 фунтовъ стерлинговъ. Онъ очень сожалѣлъ, что невозможно было покрыть дефицитъ иначе, какъ увеличивъ массу государственнаго долга. — Послѣ господина *Гулльберна*, бывший канцлеръ казначейства, Ф. Т. *Барингъ*, потребовалъ слова, чтобы изложить свои возраженія противъ министерскаго финансоваго плана. Онъ порицалъ принятую мѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ свое неудовольствіе, что министерство не объявило о своихъ планахъ въ-отношеніи къ будущности страны. Потомъ господинъ *Вилліамсъ*, депутатъ Ковентри и радикалъ, замѣтилъ, что способъ, употребленный министерствомъ для покрытія дефицита, противенъ выгодамъ государства, что отъ безпрестанныхъ займовъ долгъ возрастаетъ болѣе и болѣе, и что единственное средство облегчить это тягостное бремя состоитъ въ томъ, чтобы ввести бережливость въ расходахъ. Онъ полагалъ возможнымъ сдѣлать это при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ. — Многіе другіе члены оппозиціи требовали вновь настоятельно отъ сэра Роберта *Пилля*, чтобы онъ изъяснилъ насчетъ плановъ правительства; особенно представители мануфактурныхъ округовъ, господина *Левсъ*, *Эвсртъ* и *Скоттъ* распространились о необходимости измѣнить законы о хлѣбѣ, и старались побудить перваго министра высказать что-либо о своихъ предположеніяхъ въ этомъ отношеніи. — Сэръ Робертъ *Пилль* объявилъ, что его ни что на свѣтѣ не отклонитъ отъ однажды принятаго намѣренія; впрочемъ относительно системы бережливости, которой советуется послѣдовать господинъ *Вилліамсъ*, онъ можетъ сказать, что о ней нельзя и думать, пока дѣла съ Китаемъ не будутъ кончены. Послѣ того лордъ *Пальмерстонъ* распространился о неудобствахъ отсрочки засѣданій парламента съ октября по февраль, безъ всякихъ объясненій министерства насчетъ его намѣреній въ-отношеніи къ финансовымъ и коммерческимъ вопросамъ, при-согласивъ, что это противно выгодамъ страны, томимой ожиданіемъ и несогласно съ обыкновеннымъ характеромъ сэра Роберта *Пилля*, который всегда соображался съ требованіями общественнаго мнѣнія. Онъ приписалъ нерѣшительность въ этомъ случаѣ перваго министра раздорамъ, существующимъ въ кабинетѣ по поводу законовъ о хлѣбѣ. — Господинъ *Вудъ*, зять графа *Грея*, говорилъ въ томъ же смыслѣ; но министры никакъ не согласились нарушить свое молчаніе. Вслѣдъ затѣмъ министерское предложеніе о выпускѣ билетовъ казначейства было принято безъ собиранія голосовъ. Послѣ того палата образовалась въ комитетъ для совѣщаній о возобновеніи коммисіи, завѣдывающей призрѣніемъ бѣдныхъ. Господинъ *Лорке*, торн, предложилъ измѣненіе, состоящее въ томъ, чтобы комиссарамъ бѣдныхъ запрещено было разлучать въ рабочихъ домахъ мужей отъ женъ. Но вслѣдствіе замѣчанія сэра Джемса *Грагама*, что всѣ измѣненія въ законахъ о бѣдныхъ слѣдуетъ отложить до будущаго собранія парламента, предложеніе господина *Лорке* было отвергнуто.

— Въ засѣданіи двадцать девятаго сентября господинъ *Вэкли* возобновилъ вопросъ о военной машинѣ изобрѣтенной господиномъ *Вернеромъ* и пожелалъ знать, сдѣлано ли распоряженіе для надлежащаго изслѣдованія этой машины. Капитанъ *Болджеро*, секретарь артиллерійскаго департамента, отвѣчалъ, что департаментъ не въ правѣ самъ собою назначить коммисію и ожидать министерскаго предпачанія. Господинъ *Бротертонъ* утверждалъ, что не слѣдовало бы представлять правительству о наградахъ людямъ, употребляющимъ свои дарованія на изобрѣтеніе адскихъ машинъ, служащихъ къ истребленію челоуѣческаго рода, и что только тотъ достоинъ награды, кто содѣйствуетъ благосостоянію общества. Господинъ *Вэкли* увѣрялъ, что эта машина, напротивъ того, изобрѣтена съ челоуѣколюбивою цѣлью и должна значительно сократить расходы.

— Перваго октября въ обѣихъ палатахъ были непродолжительныя засѣданія. Въ нижней палатѣ послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ рѣчей былъ прочтенъ въ третій разъ билль о продолженіи коммисіи, завѣдывающей призрѣніемъ бѣдныхъ; билль этотъ препровожденъ въ верхнюю палату, гдѣ и происходило первое его чтеніе.

— Втораго октября обѣ палаты опять собирались; но ни въ той ни въ другой не происходило ничего важнаго. Въ нижней палатѣ канцлеръ казначейства объявилъ, что до сихъ поръ продано билетовъ казначейства на 3.644,000 фунтовъ стерлинговъ. То же самое сообщилъ въ засѣданіи верхней палаты четвертаго октября графъ *Рейнонъ*, желавшій опровергнуть тѣмъ утвержденіе лорда *Мельберна*, будто бы финансовый планъ министерства не удался. Въ нижней палатѣ четвертаго числа вовсе не было засѣданія по причинѣ недостаточнаго числа собравшихся членовъ.

— На другой день прочтенъ былъ въ третій разъ билль о судопроизводствѣ, который послѣ непродолжительныхъ преній и принятъ. При этомъ случаѣ сэръ Чарльзъ *Нэпиръ* замѣтилъ, что пенсіонъ въ 3,500 фунтовъ стерлинговъ назначаемый вице-канцлеру, совершенно равняется пенсіону, опредѣляемому вице-адмиралу за пятидесяти-лѣтнюю дѣйствительную службу. Послѣ того разсматриваемъ былъ въ комитетѣ билль о продолженіи полномочій комиссаровъ для бѣдныхъ. Господинъ Чарманъ *Красфортъ* (радикалъ) предложилъ два измѣненія въ билль, но первое изъ нихъ было отвергнуто большинствомъ 131 голосовъ противъ 49, а второе большинствомъ 146 противъ 52, и билль принятъ въ комитетѣ.

— Засѣданія обѣихъ палатъ пятаго октября были весьма не продолжительны. Въ верхней палатѣ лордъ *Бруммъ* изложилъ нынѣшнее состояніе торга неграми-невольниками. Сверхъ-того, между лордомъ *Радноромъ*, герцогомъ *Веллингтономъ* и другими происходило совѣщаніе насчетъ отсрочки засѣданій парламента до рѣшенія вопроса о хлѣбѣ, при чемъ герцогъ старался доказать, какъ необходима, въ настоящемъ случаѣ, величайшая осторожность. Послѣ того происходило третье чтеніе билля о возобновеніи коммисіи, завѣдывающей призрѣніемъ бѣдныхъ.

— Въ засѣданіи нижней палаты шестаго октября сэръ Робертъ *Пилль* объявилъ рѣшительно, что министерство не согласится на многочисленныя просьбы, поданныя королевѣ о томъ, чтобы не закрывать парламента до измѣненія законовъ о хлѣбѣ или до прекращенія нужды, господствующей въ фабричныхъ округахъ. Въ то же время однако жъ министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Джемсъ *Грагамъ*, объявилъ съ своей стороны, что онъ всѣ означенныя просьбы безъ исключенія препроводилъ къ королевѣ. Одна изъ этихъ просьбъ, имѣвшая 2,000 подписей и присланная изъ Тамворта (представитель котораго есть, какъ извѣстно, сэръ Робертъ *Пилль*) послужила поводомъ къ непродолжительному спору. Господинъ *Вардъ* жаловался, что эта просьба, вопреки всѣхъ прежнихъ обыкновеній, была обратно отправлена въ Тамвортъ для повѣрки подписей. Сэръ Джемсъ *Грагамъ* оправдывалъ эту мѣру тѣмъ, что многія изъ тѣхъ подписей рѣшительно оказались фальшивыми. Въ концѣ засѣданія господинъ *Вэкли* объявилъ, что онъ представитъ въ слѣдующемъ собраніи совершенно новый билль о реформѣ, касающійся до преобразованія избирательной системы, до распространенія избирательнаго права, до тайной баллотировки и до отмены семи-лѣтняго срока парламента.

— Въ парламентъ вскорѣ внесенъ будетъ билль о проведеніи желѣзной дороги изъ Ярмута въ Норвичъ длиною въ 20½ англійскихъ миль. Издерж-

ки построения исчислены въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ за мило, и отъ этого предпріятія ожидаютъ двѣнадцати процентовъ прибыли.

— Въ *Courier* упрекаютъ виговъ, что они втеченіи десяти лѣтъ произвели не менѣе 89 новыхъ перовъ (38 во время управленія лорда *Грел*, и 51 при лордѣ *Мельбурнѣ*), тогда какъ изъ всего этого числа только двое, лордъ *Брумъ* и *Котенгамъ*, дѣйствительно заслуживали это отличіе.

— Графъ *Шрефсбурги* и нѣкоторые другіе члены католическаго дворянства Англіи объявили въ газетахъ партіи тори о намѣреніи своемъ поддерживать тористское управленіе.

— Въ *United Service Gazette* сообщаютъ теперь за достовѣрное, что вице-адмиралъ сэръ *Эдвардъ Овенъ* назначенъ главнымъ командиромъ флота въ Средиземномъ Морѣ и что контръ-адмиралъ сэръ *Фредерикъ Мессонъ*, посланный туда въ качествѣ временнаго начальника, вызванъ обратно.

## ИСПАНІЯ.

Въ парижскомъ журналѣ *Messenger* напечатано, шестаго октября, слѣдующее важное извѣстіе, которое предвѣщаетъ новую эпоху въ дѣлахъ Испаніи:

— «По извѣстіямъ изъ Санъ-Себастьяна, въ Наваррѣ вспыхнула инсurreкція. Генералъ *О'Доннелъ*, предводительствуя двумя баталіонами, овладѣлъ цитаделью Пампелуны. Генералъ *Риборо* держится еще въ городѣ съ тремястами человекъ войска и съ національною гвардіею. Часть отряда, высланнаго противъ *О'Доннелъ*, перешла, какъ слышно, на его сторону.» — Въ *Moniteur Parisien* о томъ же предметѣ напечатано слѣдующее: «Мы узнали чрезъ письма изъ Санъ-Себастьяна, что въ Пампелунѣ обнаружилось движеніе въ пользу королевы Изабеллы и ея матери, бывшей королевы-регентши. Генералъ *О'Доннелъ*, командуя двумя баталіонами, овладѣлъ цитаделью. Часть высланныхъ противъ него войскъ къ нему присоединилась. Присовокупляютъ еще, что корпусъ кавалеріи отправленъ изъ Пампелуны, чтобы обойти всѣ окрестныя мѣста. Генералъ *Риборо* находится еще въ городѣ съ тремястами человекъ и съ національною гвардіею, которая осталась ему вѣрною. Опасаются, что эта инсurreкція повлечетъ за собою всеобщій переворотъ. Въ Санъ-Себастьянѣ господствовало сильное волненіе.» Въ газетѣ *la Presse* присовокупляютъ къ тому еще слѣдующее: «Особы, получившія достовѣрныя извѣстія, утверждаютъ, что генералъ *Нарваесъ* пытался также произвести движеніе, которое ему и удалось.»

— Седьмаго октября, французское правительство обнародовало слѣдующую телеграфическую депешу изъ Байонны отъ пятаго числа: Генералъ-капитанъ *Риборо* находится еще въ Пампелунѣ. Национальная гвардія ему повинуется. *О'Доннелъ* въ цитадели; они наблюдаютъ другъ за другомъ. Генералъ *Ортигоса* присоединился къ *О'Доннелю*; поговариваютъ объ отпаденіи нѣсколькихъ полковъ. Часть гарнизона *Эстельи* и начальникъ его объявили себя въ пользу *О'Доннелъ*. Въ Аскитіи федеральная депутація созвана четвертаго числа для чрезвычайнаго засѣданія.

— Шестаго октября всѣ Испанцы высшаго круга, находящіеся въ Парижѣ и принадлежащіе къ партіи королевы Христіны, были приглашены собратъ-

ся въ домъ, занимаемый ея величествомъ. Однако послѣ разговора, который королева имѣла рано утромъ съ однимъ изъ министровъ, собраніе было отменено. Въ ночь передъ этимъ прибылъ къ королеву Христинѣ курьеръ съ депешами, какъ говоритъ, отъ генерала *О'Доннелъ*. Утромъ разнесся слухъ, что *О'Доннелъ* проситъ королеву прибыть въ Пампелуну, чтобы присутствіемъ своимъ оправдать его дѣйствія. Неизвѣстно, на что рѣшится Марія Христіна; но то вѣрно, что тотчасъ по прибытіи курьера она имѣла совѣщаніе съ *Мартинесомъ де ла Роза* и съ графомъ *Торено*.

## ТУРЦІЯ.

Въ Австрійскомъ Наблюдателѣ описываютъ слѣдующимъ образомъ случай бывшій въ Константинополѣ на одномъ австрійскомъ кораблѣ. «Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ изъ Константинополя заключается слѣдующее: девятаго сентября случилось непріятное происшествіе на стоящемъ на якорѣ близъ *Топханы* австрійскомъ купеческомъ суднѣ «Константинъ» шхиперъ *Джіованни Войновичъ*. Одинъ Турокъ изъ любопытства пошелъ на корабль по мосткамъ, устроеннымъ для перевозки кирпичу, которыми онъ былъ нагруженъ. Матросъ заградилъ ему дорогу, и при этомъ случаѣ возникъ споръ, привлеченный множество моряковъ, содержателей кофеенъ, разнощиковъ, а также нѣсколько кавасовъ и турецкихъ солдатъ, которые тотчасъ заступились за своего единосемца. Началась драка, во время которой нѣкоторые матросы австрійскаго судна были ранены. Императорско-королевскій интернунцій тотчасъ потребовалъ строгаго наказанія виновныхъ, удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное австрійскому флагу и полнаго вознагражденія за раненыхъ и за причиненные убытки. Желаніе его было исполнено удовлетворено Портою. Вчера утромъ, по повеленію Порты, ферики *Топханы*, *Мехметъ-Али-Паши*, въ округъ котораго произошли безпорядки, прибылъ къ интернунцію, изъявилъ ему свое сожалѣніе о происшедшемъ и неудовольствіе Порты по этому случаю, и увѣрилъ его, что виновные посажены въ тюрьму и будутъ подвергнуты заслуженному наказанію, а раненымъ доставлено будетъ полное вознагражденіе. Нынѣ предъ *Топханой*, въ присутствіи интернунція, его свиты, офицеровъ австрійскихъ военныхъ кораблей, находящихся въ *Буюкдере*, большаго числа пребывающихъ здѣсь Австрійцевъ и шхиперовъ, а также въ присутствіи *Мехмеда-Али-Паши*, многихъ турецкихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, собравшихся на большой площади, на которой устроена батарея, на кораблѣ «Константинъ» водруженъ императорско-королевскій флагъ при громѣ музыки и при троекратныхъ крикахъ ура! — Послѣ того оттоманское правительство оказало намъ исполненіе требуемое удовлетвореніе, и чрезъ то представило новое доказательство своего высокаго уваженія и дружескаго расположенія къ австрійскому двору.»

— Египетскій пароходъ «Ниль», прибывшій Константинополъ на прошедшей недѣлѣ, и привезшій 5.000,000 турецкихъ піастровъ, въ счетъ дани *Мехмеда-Али*, отправился, втораго октября, обратно въ Александрію, съ *Саидъ-Пашею* и *Сами-Пашею* которые возвращаются въ Египетъ осыпанные милостями султана; эти два сановника носятъ турецкіе мундиры, со времени пожалованія ихъ въ чинъ ферииковъ или двухъ-бунчужныхъ пашей.

— Лордъ *Понсонби*, задержанный здѣсь болѣзью своей супруги, готовится къ отъезду. Не думаютъ, чтобы онъ возвратился въ Константинополъ, гдѣ онъ провелъ осемь лѣтъ въ должности англійскаго посла. Господинъ *Бенкеидъ* будетъ завѣдывать на время дѣлами посольства.

— *Эмиръ-Беширъ*, бывшій князь ливанскій, прибылъ изъ Мальты, въ Константинополъ, на англійскомъ пароходѣ «Циклопъ»

— Изъ Асипъ увѣдомляютъ, что король *Оттонъ* отправился 16 (4) сентября, на пароходѣ «Оттонъ» для обозрѣнія архипелага. Въ тотъ же день, русскій министръ, господинъ *Катакази*, прибылъ изъ Одессы въ Пирей, гдѣ выдерживаетъ карантинъ.

— Изъ Александріи пишутъ, что *Мехмедъ-Али* согласился распустить всѣхъ находившихся еще у него на службѣ Сирійцевъ, и что большее число уже отправлено въ Сирію. Ниль разлился въ этомъ году на слишкомъ значительную вышину, по опустошенія отъ того не такъ велики, какъ можно было ожидать: надѣются на обильную жатву.

— Говорятъ, что бывшій капуданъ-паша *Ахметъ-Февзи*, измѣнически выдавшій оттоманскій флотъ *Мехмеду-Али*, просилъ великаго визиря, весьма уваженнымъ письмомъ, исходатайствовать ему у султана разрѣшеніе очистить свою вину покаяніемъ на гробъ пророка, что ему и дозволено, но съ приказаніемъ возвратиться отсюда въ Александрію.

## ЕГИПЕТЪ.

Паша занимается преобразованіемъ своихъ войскъ, плохое устройство которыхъ ясно обнаружилось во время послѣдняго сирійскаго похода. Одинъ корреспондентъ нѣмецкихъ газетъ пишетъ о томъ изъ Александріи слѣдующее: «Большія перемены предприняты въ арміи; почти всѣ низшіе и многіе высшіе офицеры или вовсе уволены отъ службы или получили другое назначеніе. То же произошло по гражданскому управленію. Въ мудиръ, маммуры, шехи-эль-белледъ удалены вдругъ отъ своихъ должностей, и на мѣста ихъ опредѣлены офицеры и унтеръ-офицеры арміи. Около трехсотъ офицеровъ распределены во всѣ провинціи Египта, чтобы въ разныхъ округахъ занять мѣста по гражданской части; въ малыхъ деревняхъ начальствуютъ нынѣ вмѣсто прежнихъ шейховъ-эль-белледъ унтеръ-офицеры, которымъ придано нѣсколько солдатъ, чтобы нужныя распоряженія приводить въ немедленное исполненіе. Сверхъ-того, за исключеніемъ нѣсколькихъ полковъ, занимающихъ гарнизоны въ Каирѣ, Александріи и другихъ мѣстахъ, вся прочая армія разсыяна по Египту и занимается земледѣльческими работами.» Увольненіе *Ахмета-Менкли-Паши*, лучшаго генерала въ арміи послѣ *Солimana-Паши*, возбуждаетъ большое изумленіе.

— *Ибрагимъ-Паша*, какъ слышно, приметъ на себя управленіе, а *Солиманъ-Паша* (полковникъ *Сельвъ*) будетъ назначенъ командиромъ войскъ. Продолжаютъ укрѣплять города и разные пункты. Осемьдесятъ пушекъ, въ томъ числѣ сорокъ пексановскихъ, и 18,000 ядеръ получены изъ Тулона и предназначаются для вновь устроиваемыхъ баттарей; такое же количество ожидается изъ Бреста для крѣпости Абукирь. Политическія дѣла не представляютъ большой занимательности, потому что вице-король, послѣ продолжительной верховой тзды, захворалъ. Въ первую минуту врачи опасались дурныхъ послѣдствій; но теперь опасенія ихъ разсыялись, и вице-король можетъ уже предпринять свое путешествіе. Англійскій консулъ, господинъ *Лэркинъ*, отозванъ отъ своего поста. Секретарь полковника *Годжа* заступитъ его мѣсто.

— Новый британскій генеральный консулъ, полковникъ *Барнеттъ*, сообщилъ вице-королю слѣдующее письмо: «Ваше высочество! Назначенный ея британскимъ величествомъ генеральнымъ консуломъ въ Египетъ для защиты живущихъ тамъ Британцевъ и для охраненія ихъ интересовъ, я надѣюсь,

что найду въ вашемъ высочествѣ готовность обращать вниманіе на справедливыя ихъ жалобы и оказывать имъ правосудіе. Ваше высочество должны быть увѣрены, что Великобританія желаетъ и находитъ собственныя выгоды въ томъ, чтобы Египетъ процвѣталъ и наслаждался миромъ, чтобы торговля сношенія, столь долго существовавшая между обѣими странами, продолжались на честныхъ и справедливыхъ началахъ, безъ предоставленія той или другой исключительныхъ монополій, то есть, чтобы каждая страна производила торговлю на точномъ основаніи законовъ и договоровъ, существующихъ между Высокою Портою и правительствомъ ея британскаго величества.»

Отвѣтъ *Мехмеда-Али* заключался въ слѣдующемъ:

«Милостивый государь! Охранять выгоды живущихъ въ Египтѣ, защищать какъ ихъ такъ и путешествующихъ по странѣ отъ всякихъ несправедливостей, было всегда цѣлю моихъ стараній и особенной моей попечительности. По крайней-мѣрѣ: я къ удовольствію своему замѣчаю, что общественное мнѣніе отдается мнѣ въ этомъ отношеніи справедливость; я по-прежнему буду стараться служить ея. Продолженіе доброго согласія между Великобританіею и Высокою Портою, сколько это до меня касается, будетъ предметомъ моихъ попеченій. Я признаю выгоды свободной торговли, обеспеченной существующими договорами. Польза ея несомнѣнна и я убѣдился въ томъ многими результатами. Только сила обстоятельствъ принудила меня принять и поддерживать систему монополій. Я могъ бы доказать необходимость подобной мѣры, но здѣсь не время и не мѣсто входить въ подробныя разсужденія объ этомъ предметѣ. Я ограничусь замѣчаніемъ, что систему, по которой страна долгое время управлялась, нельзя вдругъ перемѣнить, не причинивъ въ государствѣ потрясеній, и вы, конечно, согласитесь со мною, что въ подобныхъ случаяхъ должно дѣйствовать осторожно, чтобы перемѣна произошла постепенно. Единственное мое желаніе, единственная мысль моя заключаются теперь только въ улучшеніи внутренняго управленія Египта и я увѣренъ, что результатъ моихъ постоянныхъ усилій скоро вполнѣ оправдаетъ мои дѣйствія.»

— Девятнадцатаго сентября русскій генеральный консулъ представлялся пашѣ, и по окончаніи этой церемоніи пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили объ отъѣздѣ вице-короля.

## КИТАЙ.

Дальнѣйшія извѣстія изъ Макао, отъ девятнадцатаго іюня, о послѣднихъ событіяхъ, содержатъ въ себѣ слѣдующее: «Въ маѣ мѣяцѣ Китайцы, какъ уже извѣстно, вооружались съ величайшею дѣятельностію и множество брандеровъ были уже готовы, чтобы уничтожить англійскіе корабли. Двадцать-перваго мая эти мѣры доведены были такъ далеко, что капитанъ *Эллиотъ* нашелъ нужнымъ объявить всѣмъ иностранцамъ, находившимся въ факторіяхъ Кантона, чтобы они до солнечнаго заката удалились изъ города. Въ тотъ же день британскій военный корабль «Бленгеймъ», подъ командою капитана *Сенгоуза*, исправляющаго должность начальника флота во время бытности сэра *Джемса Бремера* въ Калькуттѣ, прибуксированный однимъ парсходомъ, остановился въ разстояніи шести англійскихъ миль отъ Кантона. Въ слѣдующую ночь Китайцы пытались сжечь эти суда посредствомъ брандеровъ, что, однако жъ, имъ не удалось. Двадцать-третьяго мая всѣ военные и транспортные корабли прибыли туда же. Генералъ-майоръ сэръ *Ю Гоу* (Hugh Gough) и сэръ *Ф. Сенгоузъ* отправились въ Кантонъ, чтобы развѣдать о положеніи Китайцевъ. Въ одиннадцать часовъ ночи отыскано было удобное для высадки мѣсто, и тотчасъ приступлено къ высаживанію съ кораблей войска, состоящаго изъ 1,000 морскихъ и 2,223 пѣ-

хотныхъ солдатъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, двадцать-седьмого мая всѣ вѣнныя укрѣпленія Кантона были взяты Англичанами, и татарскія войска отброшены въ Кантонъ. Въ этотъ день хотѣли штурмовать самый городъ; но вдругъ капитанъ *Эллиотъ*, получивъ отъ Китайцевъ мирныя предложенія, объявилъ, что заключено перемиріе. Слѣдствіемъ переговоровъ была конвенція, сообщаемая Англичанами въ слѣдующемъ видѣ: «Договорныя условія, дарованныя китайскимъ чиновникамъ въ Кантонъ, двадцать-седьмого мая: 1. Три императорскія комиссара должны со всеми войсками, не принадлежащими къ провинціи, удалиться изъ города втеченіи шести дней, и при томъ по крайней мѣрѣ на разстояніи шестидесяти англійскихъ миль. 2. Втеченіи семи дней должны быть выплачены шесть милліоновъ долларовъ, въ то число одинъ милліонъ двадцать-седьмого, до солнечнаго заката. 3. Между-тѣмъ англійскія войска останутся на своей позиціи. Съ обѣихъ сторонъ не должно быть дѣлаемо никакихъ приготовленій къ дальнѣйшимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Если требуемая сумма не будетъ выплачена втеченіи семи дней, то она возвысится до семи милліоновъ, если не послѣдуетъ того втеченіи четырнадцати дней, то до осьми милліоновъ, а послѣ двадцати дней до девяти. Когда все будетъ выплачено, то британскія войска отступятъ къ Бокка-Тигрису; Вангтонъ и прочія крѣпости по рѣкѣ имѣютъ быть сданы Китайцамъ и могутъ быть исправлены, но не должны быть вооружаемы до окончательнаго устройства дѣлъ между обѣими націями. 4. Втеченіи семи дней должны быть вознаграждены всѣ потери, причиненныя въ 1839 году разграбленіемъ факторій и разореніемъ одного испавскаго брига. 5. *Квангшуфу* долженъ быть снабженъ достаточнымъ полномочіемъ со стороны трехъ комиссаровъ, генерала татарскаго гарнизона, генераль-губернатора и фугуна *Квангтунга*.» — Требуемое полномочіе дано было въ слѣдующемъ видѣ: «*Тйшанъ*, генералиссимусъ; *Лунганъ* и *Янеганъ*, комиссары; *Атсинганъ*, командиръ гарнизона; *Кекунгъ*, губернаторъ обѣихъ провинцій Квангъ, и *Элиангъ*, вице-губернаторъ Квангтунга, дали вмѣстѣ съ симъ инструкціи *Квангшуфу*. Такъ какъ уполномоченный англійскаго народа расположенъ нынѣ соблюсти перемиріе и постановить условія мира, то *Квангшуфу* уговорится насчетъ подробностей мирной конвенціи. Онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ отъ того уклоняться. Въ этомъ заключаются его инструкціи.» Пятаго іюня, капитанъ *Эллиотъ* издалъ прокламацію, въ которой возвѣщаетъ, что татарскій гарнизонъ удалился изъ Кантона и онъ получилъ уже пять милліоновъ долларовъ наличными деньгами, а на остальной милліонъ долларовъ залоговъ. Такъ какъ Китайцы исполнили свое обязательство, то британскія войска воротились на островъ Хонгъ-Конгъ. Несмотря на эту потерю, понесенную Китайцами, совершенное окончаніе распри такъ же далеко, какъ и прежде. Уже десятаго іюня капитанъ *Эллиотъ* издалъ прокламацію, въ которой онъ объявилъ, что для британскихъ купеческихъ кораблей очень опасно входить въ рѣку Кантонъ. Впослѣдствіи Китайцы нарушили заключенный трактатъ, начавъ къ противности ему вновь вооружать разрушенныя крѣпости. Поэтому Англичане готовятся къ возобновленію непріязненныхъ дѣйствій. Двадцатаго іюня сэръ *Джонъ Бремеръ* воротился изъ Остъ-Индіи, и полагаютъ, что онъ тотчасъ отплыветъ на северъ и овладѣетъ островомъ Аммои. Потеря Англичанъ при нападеніи на Кантонъ простирается до пятнадцати убитыхъ и ста двадцати раненыхъ. Сверхъ-того четырнадцатаго іюня умеръ отъ лихорадки сэръ *Джонъ Сенгоузъ*, временно командовавшій флотомъ. Сэръ *Генри Поттинджеръ*, который, какъ извѣстно, назначенъ на мѣсто отзываемаго капитана *Эллиота*, уполномоченнымъ въ Китай, имѣетъ порученіе потребовать пятнадцать милліоновъ долларовъ въ вознагражденіе за опиумъ, за военныя издержки и за долги купцовъ Хонга. Цѣна опиуму должна быть выплачена тотчасъ, а остальная сумма втеченіи пяти лѣтъ съ пятью процентами. Сверхъ-того сэръ *Генри Поттинджеру* предписано не вступать въ переговоры ни съ однимъ мадаринномъ, который бы не былъ уполномоченъ императоромъ. Наконецъ, онъ долженъ настоять на томъ, чтобы въ Пекинъ допущено было англійское

посольство, чтобы всѣ гавани открыты были для торговли и уступлены были потребныя мѣста для постройки факторій, и наконецъ чтобы островъ Хонгъ-Конгъ остался во владѣніи Англичанъ.

#### СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Принятый обѣими палатами и утвержденный президентомъ билль о доходахъ, на основаніи котораго пошлины за ввозъ товаровъ въ Соединенные Штаты, возвышены двадцатью процентами, вступить въ полную свою силу съ тридцатаго сентября.

— Въ одной американской газетѣ *Salen Register*, говорятъ о процессѣ *Макъ-Лауда*, и увѣряютъ, будто въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія одинъ американскій гражданинъ, по имени *Макъ-Линъ*, въ Канадѣ, за мнимо-непріязненные намѣренія противъ британскихъ провинцій, былъ взятъ подъ стражу, судимъ въ Монреаль, приговоренъ къ казни и повѣшенъ, и американское правительство не ходатайствовало о его освобожденіи. «И этотъ образчикъ газетной мудрости, замѣчаютъ въ *New-York-Courrier and Enquirer*, подавъ журналистамъ поводъ къ безконечнымъ возгласамъ втеченіи двухъ недѣль, какъ-будто онъ имѣетъ какую-либо важность или находится въ дѣйствительной связи съ дѣломъ *Макъ-Лауда*.

— Въ половинѣ сентября въ Американскомъ Союзѣ произошли важныя перемѣны. Прежній банкъ Соединенныхъ Штатовъ совершенно прекратился. Президентъ *Тейлеръ* не утвердилъ и новаго билля о банкѣ, несмотря на сдѣланныя въ немъ перемѣны и на принятіе его обѣими палатами конгресса. Слѣдствіемъ того было преобразованіе кабинета. — Далѣе билль о введеніи новаго таможеннаго тарифа принятъ какъ обѣими палатами конгресса, такъ и президентомъ. Наконецъ *Макъ-Лаудъ* находится въ весьма сомнительномъ положеніи; если онъ, какъ ожидаютъ, и будетъ оправданъ ассизнымъ судомъ-то тѣмъ не менѣе со стороны партій угрожаетъ ему опасность; мѣстныя начальства, конечно, приняли мѣры для предупрежденія всякаго насилія, но при дурномъ расположеніи пограничныхъ жителей къ Англичанамъ въ Канадѣ, многіе всё-таки опасаются непріязненнаго столкновенія.

— Въ *Journal of Commerce*, который издается въ Нью-Йоркѣ, между прочими извѣстіями сообщено было, что британскій посланникъ въ Вашингтонѣ господинъ *Фоксъ*, снова получилъ предписаніе потребовать немедленнаго освобожденія *Макъ-Лауда* или своихъ паспортовъ; по этой причинѣ ожидали насильственныхъ мѣръ со стороны Англии. Опасенія эти однако жъ, были разсѣяны позднѣйшими извѣстіями, доказавшими неосновательность слуха сообщеннаго въ *Journal of Commerce*. Зато новыя опасенія внушены теперь состояніемъ умовъ въ округѣ Нью-Йоркскаго штата, гдѣ долженъ происходить процессъ *Макъ-Лауда*. Процессъ начнется, какъ извѣстно, двадцать-седьмого сентября въ Утикѣ лежащей въ графствѣ *Ниагары*, которое по положенію своему близъ границы, служитъ мѣстомъ сборища самыхъ безпокойныхъ людей. Впрочемъ вообще надѣются, что *Макъ-Лаудъ* будетъ оправданъ ассизнымъ судомъ.

— Тринадцатаго октября засѣданія конгресса были отсрочены. Президентъ объявилъ, что въ слѣдующемъ собраніи онъ предложитъ новую финансовую систему, болѣе сообразную съ положеніемъ страны и съ духомъ ея законовъ. Президентъ объяснилъ въ посланіи, отъ девятаго сентября, причины своего несогласія утвердить билль о банкѣ. Всѣ члены кабинета, одобрившіе преобразованный билль господина *Клейя*, вышли въ отставку, за исключеніемъ *Вебстера*, который, какъ видно изъ письма напечатаннаго имъ по этому случаю въ газетахъ, остается въ кабинетѣ, потому что не теряетъ надежды, что президентъ скоро согласится съ конгрессомъ насчетъ новой финансовой системы, а съ другой стороны исполнъ раздѣляетъ

его мнѣнія насчетъ иностранной политики. Уверяють, что президентъ самъ убедительно просилъ *Вебстера* не оставлять, хотя покуда, своего поста, потому что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ никто лучше его не можетъ содѣйствовать къ миролюбивому окончанію переговоровъ съ Англіею. Господинъ *Вебстеръ* считается самымъ искуснымъ и талантливымъ юристомъ Соединенныхъ Штатовъ. Новый кабинетъ состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: государственный секретарь, господинъ *Вебстеръ*, изъ Массачуссета; секретарь казначейства, господинъ *Форвардъ*, изъ Пенсильваніи; секретарь морскаго вѣдомства, господинъ *Уншуръ*, изъ Виргиніи; военный секретарь, господинъ *Макъ-Линъ*, изъ Огайо; генераль-прокуроръ, господинъ *Лагаръ*, изъ Южной Каролины; генераль-почтмейстеръ, господинъ *Виклифъ*, изъ Кентукки. Назначеніе какъ этихъ лицъ, такъ и Эдварда *Эверетта* посланникомъ въ Англію было утверждено сенатомъ тринадцатаго октября.

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

### I. Литературное обозрѣніе.

Досуги уединенія. В. А. Москва, 1841.

### II. Обозрѣніе современной Исторіи и Политики.

Отечественныя и иностранныя извѣстія.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, 1841 г. 10 октября. С. Куторга и Н. Корсаковъ.

к н 42/43

## II.

# ОБОЗРѢНІЕ

## СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

### СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

#### Награды и назначенія:

#### Высочайшими указами производятся:

За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ: (октября одиннадцатаго) тегинскаго пѣхотнаго полка, изъ капитановъ въ майоры *Масловъ*, со старшинствомъ съ тринадцатаго марта 1840 года; навагинскаго пѣхотнаго полка, изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Сальстетъ*, со старшинствомъ съ десятаго мая 1840 года; грузинскаго линейнаго баталіона нумера четвертаго изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Стишинскій*; черноморскаго линейнаго баталіона нумера тринадцатаго изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Антоновичъ*; состоящій для особыхъ порученій при исправляющемъ должность начальника черноморской береговой линіи, числящійся по артиллеріи капитанъ *Щербина*, въ подполковники, со старшинствомъ съ девятаго мая 1840 года и съ оставленіемъ въ настоящей должности; двадцатой артиллерійской бригады, изъ фейерверкеровъ въ прапорщики *Араневскій*, со старшинствомъ съ двадцать-осьмаго мая 1840 года; одиннадцатой гарнизонной артиллерійской бригады, изъ фейерверкеровъ въ прапорщики *Санденикій*, въ ту же бригаду, и *Требертъ*, съ переводомъ въ черноморскій линейный баталіонъ нумера втораго; тринадцатой гарнизонной артиллерійской бригады, изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Могильницкій*; (октября тринадцатаго) командиръ донскаго казачьяго, нумера сорокъ-перваго, полка, подполковникъ *Красновъ 2*, въ полковники; командиръ черноморскаго казачьяго, нумера одиннадцатаго, коннаго полка, подполковникъ *Мозукоровъ*, въ полковники; — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; навагинскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ *Долговъ 2*, въ поручики; состоящій по артиллеріи штабсъ-капитанъ *Александровъ*, въ капитаны.

За отличіе по службѣ: (октября девятаго) александропольскаго артиллерійскаго гарнизона, изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Федоровъ*; (октября десятаго) командующій третьимъ округомъ военнаго поселенія кіевской и подольской губерній, втораго округа этого поселенія, состоящій по кавалеріи ма-



іоръ *Барановскій* 2, въ подполковники, съ оставленіемъ въ настоящей должности; (октября одиннадцатаго) командиръ черноморскаго линейнаго баталіона нумера втораго, состоящій по арміи майоръ *Мироновъ* 1, въ подполковни, съ оставленіемъ по арміи и въ настоящей должности; черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ: нумера третьяго, изъ подпоручиковъ въ поручики *Несенцовъ*; нумера четвертаго, изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Кирпотенко* 1; тринадцатой гарнизонной артиллерійской бригады: изъ подпоручиковъ въ поручики *Трушниковъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Андріиловъ*; (октября тринадцатаго) свартгольмскаго артиллерійскаго гарнизона поручикъ *Науловъ*, въ штабсъ-капитаны; (октября четырнадцатаго) командующій осьмымъ кавалерійскимъ округомъ Новороссійскаго военнаго поселенія, состоящій по кавалеріи ротмистръ *Стецура-Богдановскій*, въ майоры, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

За выслуженіемъ узаконенныхъ лѣтъ: (октября осьмага) елецкаго пѣхотнаго полка, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Акуловъ*, въ пестроевую роту того же полка; (октября девятаго) въ корнеты: орденскаго кирасирскаго полка, изъ эстандартъ-юнкеровъ *Соколовскій*; кирасирскаго его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго полка, изъ юнкеровъ *Кузмицкій* 2, въ кирасирскій Принца Алберта Прусскаго полкъ; кирасирскаго Принца Алберта Прусскаго полка, изъ эстандартъ-юнкеровъ *Петровъ*; Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны полка: изъ эстандартъ-юнкеровъ *Капкаузенъ*, въ тотъ же полкъ, и *Шаповъ*, въ елисаветградскій уланскій, и изъ юнкеровъ *Крупенскій*, въ орденскій кирасирскій; украинскаго уланскаго полка, изъ юнкеровъ: *Декастро-Лаццердо*, въ тотъ же полкъ; *Козель*, въ новомиргородскій, и *Самойловъ*, въ новоархангельскій, уланскіе; новомиргородскаго уланскаго полка, изъ эстандартъ-юнкеровъ *Кукуранъ*, и изъ юнкеровъ *Катериницъ*; елисаветградскаго уланскаго полка, изъ эстандартъ-юнкеровъ *Ковальскій*, и изъ юнкеровъ *Верстель*; (октября десятаго) въ прапорщичество: финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ: нумера перваго, изъ портупей-прапорщиковъ *Алексеевъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Маторицъ*, — оба въ тотъ же баталіонъ, и *Лавцевичъ*, въ литовскій егерскій полкъ; нумера третьяго, изъ подпрапорщичество *Вадектіернъ*, въ софійскій морской полкъ; нумера четвертаго, изъ подпрапорщичество *Старкъ*; нумера шестаго, изъ портупей-прапорщичество *Быстрицкій*, въ финляндскій линейный баталіонъ нумера третьяго, и изъ подпрапорщичество *Гаврило*, въ люблинскій егерскій полкъ; нумера седьмаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Кирменъ*; нумера осьмага, изъ унтеръ-офицеровъ *Веберъ*, въ финляндскій линейный баталіонъ нумера втораго; нумера одиннадцатаго изъ подпрапорщичество баронъ *Вреде* 1 и баронъ *Вреде* 2, — оба въ финляндскій линейный баталіонъ нумера седьмаго; (октября двѣнадцатаго) изъ юнкеровъ въ корнеты: бугскаго уланскаго полка *Мисевичъ*, въ ахтырскій гусарскій полкъ; одесскаго уланскаго полка *фонъ-Биумгартенъ*; александрійскаго гусарскаго полка *Живковичъ*; (октября тринадцатаго) изъ фельдфебелей въ подпоручики: артиллерійской бригады *Албевъ*, въ тираспольскій артиллерійскій гарнизонъ; динаминдскаго артиллерійскаго гарнизона *Васильевъ*, въ динабургскій артиллерійскій гарнизонъ. Въ прапорщичество конно-артиллерійской легкой, нумера перваго, баттарей, изъ фейерверкеровъ *Шумахеръ*, въ динаминдскій артиллерійскій гарнизонъ; артиллерійскихъ бригадъ: первой, изъ юнкеровъ: *Фокинъ*, въ ревельскій, и *Струмило*, въ бендерскій; шестой, *Дорошенко*, въ виленскій, артиллерійскіе гарнизоны, и изъ фейерверкеровъ: *Сидоровъ*, седьмой, *Коссовскій*, — оба въ артиллерійскій гарнизонъ варшавской александровской цитадели; шестнадцатой *Гихменевъ*, въ выборгскій, и семнадцатой, *Кузнецовъ*, въ сеаборгскій, артиллерійскіе гарнизоны; чертежной артиллерійскаго департамента военнаго министерства, изъ кондукторовъ *Семеновъ*, въ кievскій арсеналь; (октября семнадцатаго) въ баталіоны внутренней стражи: перваго сапернаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщичество *Кашура*, въ тульскій; втораго сапернаго баталіона: изъ фельдфебелей въ подпоручики *Курбатовъ* и *Самсо-*

*ловъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщичество *Носковъ* и *Михайловъ*, — всѣ четверо въ виленскій; третьяго сапернаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщичество *Тищенко*, въ первый архангелогородскій; четвертаго сапернаго баталіона, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Комаровъ* и *Фетисовъ*, — оба въ витебскій; втораго резервнаго сапернаго баталіона: изъ фельдфебелей въ подпоручики *Григорьевъ*, въ тульскій, и *Репевъ*, въ пермскій, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщичество: *Андреевъ* и *Кулибановъ*, — оба въ витебскій, *Антоновъ*, въ тульскій, *Тимофьевъ* 1, въ минскій, *Акимовъ*, въ пермскій, *Тимофьевъ* 2, *Михайловъ*, *Романовъ* и *Арзамасовъ*, — всѣ четверо въ пензенскій, *Василовъ*, во второй, и *Тихановъ*, въ третій архангелогородскіе; третьяго резервнаго сапернаго баталіона: изъ фельдфебелей въ подпоручики *Титовъ*, во второй, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщичество: *Рядинъ*, въ третій архангелогородскіе, *Барышниковъ* и *Григорьевъ*, — оба въ симбирскій, и *Шиповаловъ*, во второй казанскій.

На вакансіи: (октября осьмага) въ полковники: лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона: изъ подполковниковъ *Деморъ*, въ тотъ же баталіонъ, и изъ капитановъ *Биковъ*, съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ егерскій полкъ; лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона, изъ капитановъ *Столаковъ*, съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ драгунскій полкъ.

Въ сравненіе съ сверстниками: (октября десятаго) грузинскаго линейнаго баталіона нумера осьмнадцатаго поручикъ *Бьялевъ* въ штабсъ-капитаны, со старшинствомъ съ седьмаго малъ пынѣшняго года; (октября двѣнадцатаго) вольнскаго уланскаго полка, изъ корнетовъ въ поручики *Петровскій*, со старшинствомъ съ двадцать-пятаго малъ настоящаго года; (октября осьмнадцатаго) со старшинствомъ съ шестнадцатаго іюня настоящаго года: артиллерійскихъ бригадъ: третьей гвардейской и гренадерской: изъ подпоручиковъ въ поручики *Аппенскій*; изъ прапорщичество въ подпоручики *Веллеръ*; первой гренадерской, изъ подпоручиковъ въ поручики *Ловшинъ*; третьей гренадерской, изъ подпоручиковъ въ поручики *Ивашенцовъ*; полевыхъ: первой, изъ подпоручиковъ въ поручики *Грамотичъ*; изъ прапорщичество въ подпоручики *Мателевъ*; осьмой, изъ подпоручиковъ въ поручики *Астафьевъ*; тринадцатой, изъ подпоручиковъ въ поручики *Комаръ*; изъ прапорщичество въ подпоручики *Саковичъ*; двадцатой, изъ подпоручиковъ въ поручики *Краузъ*.

Увольняются отъ службы: за ранами: (октября двѣнадцатаго) смотритель казармъ лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады, состоящій по арміи прапорщичество *Филиповичъ*, подпоручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; куринскаго егерскаго полка майоръ *Новицкій* 4-й, подполковникомъ и съ пенсіономъ двухъ третей жалованья.

За болѣзнію: (октября осьмага) адъютантъ Ея Императорскаго Высочества командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка ротмистръ *Поплятовскій*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (октября четырнадцатаго) полевой инженеръ-капитанъ *Чуриковъ*, подполковникомъ и съ мундиромъ; (октября шестнадцатаго) лейбъ-гвардіи драгунскаго полка капитанъ *Овцынъ*, полковникомъ и съ мундиромъ, полковъ лейбъ-гвардіи: московскаго поручикъ *Шелашниковъ* 1, штабсъ-капитаномъ и съ мундиромъ, и финляндскаго капитанъ *Угрюмовъ*, для опредѣленія къ статскимъ двѣмъ съ повышеніемъ чина; гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III-го полка прапорщичество *Лутковскій*, подпоручикомъ.

По домашнимъ обстоятельствомъ: (октября девятаго) кронштадтскаго артиллерійскаго гарнизона штабсъ-капитанъ *Глазатовъ*, капитаномъ и съ мундиромъ; (октября десятаго) пермскихъ баталіоновъ военныхъ кантони-

стовъ, состоящій по арміи прапорщикъ *Питерскій*, подпоручикомъ; учебнаго сапернаго баталіона поручикъ *Пиллингъ*, штабсъ-капитаномъ; полевой инженеръ штабсъ-капитанъ *Корсини*, капитаномъ и съ мундиромъ; (октября двѣнадцатаго) баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, состоящій по арміи подпоручикъ *Шишкинъ*, поручикомъ; перваго учебнаго карабинернаго полка подпоручикъ *Титковъ*, поручикомъ; (октября четырнадцатаго) финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ, нумера десятаго, поручикъ *Принцъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (октября шестнадцатаго) полковъ лейбъ-гвардіи: кирасирскаго Его Величества штабсъ-ротмистръ *Останковъ*, ротмистромъ, и гусарскаго ротмистръ *Масаловъ*, полковникомъ, — оба съ мундирами; полковъ лейбъ-гвардіи: прображенскаго поручикъ *Колоколыцовъ*, штабсъ-капитаномъ; егерскаго прапорщикъ *Костротъ-Дреколовичъ-Скандербекъ*, подпоручикомъ, и московскаго поручикъ *Эгершильдъ*, штабсъ-капитаномъ; гренадерскаго императора Франца I-го полка прапорщикъ *Сипягинъ*, подпоручикомъ, подвижной инвалидной, нумера двадцать-девятаго, роты прапорщикъ *Патраковъ*, подпоручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья.

Назначаются: (октября осьмага) нижегородскаго драгунскаго полка поручикъ *Сексарелидзе-Въжановъ*, состоятъ по кавалеріи; грузинскаго гренадерскаго полка подполковникъ *Демьяненко*, комендантомъ въ усть-лабинскую крѣпость, съ состояніемъ по арміи; (октября двѣнадцатаго) гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка подпоручикъ *Толбухинъ*, въ должность адъютанта къ начальнику первой и гренадерской дивизіи, генераль-лейтенанту Штегману 1; шлиссельбургскаго егерскаго полка штабсъ-капитанъ *Шкоттъ*, адъютантомъ къ окружному генералу перваго округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль-майору Кизмеру, съ переводомъ въ санктпетербургскій внутренний гарнизонный баталіонъ; (октября четырнадцатаго) помощникъ капитана надъ кронштадтскимъ портомъ, состоящій по флоту капитанъ перваго ранга *Барановъ*, исправляющимъ должность директора балтійскихъ маяковъ, съ переводомъ въ корпусъ флотскихъ штурмановъ полковникомъ; флотскихъ экипажей: командиръ сорокъ-третьяго экипажа капитанъ втораго ранга *Зигури*, командиромъ приписаннаго къ этому экипажу фрегата «Флора»; капитанъ-лейтенанты: сорокъ-перваго *Скрлингъ*; командиромъ фрегата «Браиловъ», съ переводомъ въ сорокъ-второй экипажъ; гвардейскаго экипажа, командующій бригамъ «Казарскій», флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества *Глазенапъ* 1, командующимъ корветомъ «Львица», съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи; дванадцатаго, командиръ брига «Несторъ», *Котельниковъ*, командующимъ корветомъ «Наваринъ», съ переводомъ въ двадцать-третій экипажъ; одиннадцатаго, *Осташевъ*, командующимъ бригамъ «Казарскій», съ переводомъ въ осьмой экипажъ; двадцать, седьмаго *Струковъ* 2, командующимъ бригамъ «Несторъ», съ переводомъ въ двадцатый экипажъ; лейтенанты: тридцать-седьмаго *Фроловъ*, командиромъ тендера «Легкій»; тридцать-девятаго *Леоновъ* 2-й, командиромъ тендера «Быстрый», съ переводомъ въ двадцать-осьмой экипажъ; (октября пятнадцатаго) командиръ фрегата «Александра», пятнадцатаго флотскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ *Желецкій* 1, смотрителемъ кронштадтской морской госпитали, съ переименованіемъ въ майоры и зачисленіемъ по мастовымъ экипажамъ; перваго учебнаго морскаго экипажа лейтенантъ *Ивановъ* 7, состоятъ по флоту; втораго архангелогородскаго гарнизоннаго баталіона капитанъ *Шалауцкій*, этапнымъ начальникомъ въ г. Минскъ, Царства Польскаго, съ отчисленіемъ по арміи, на мѣсто состоящаго по кавалеріи ротмистра *Скальковского*; (октября шестнадцатаго); адъютантъ начальника второй легкой кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенанта Муравьева 2, елисаветградскаго гусарскаго полка ротмистръ *Юховскій*, адъютантомъ же, къ виденскому военному, гродненскому, блостокскому и минскому генераль-губернатору, генераль-лейтенанту Мирковичу.

Высочайшими указами всемилостивѣйше пожалованы:

Въ тайные совѣтники: (октября третьяго) попечитель санктпетербургскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ камергеръ князь *Дондуковъ-Корсаковъ*.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: (сентября двадцать-шестяго) статскіе совѣтники: помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа князь Николай *Цертелевъ* и вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Павелъ *Гаевскій*.

Въ коллежскіе совѣтники: (октября третьяго) членъ археографической комиссіи надворный совѣтникъ *Строевъ*.

Въ надворные совѣтники: (сентября двадцать-четвертаго) коллежскіе ассессоры: оберъ-секретаръ святѣйшаго синода *Бульмовъ*; старшій секретаръ святѣйшаго синода *Рышковъ* и экзекуторъ и казначей канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода *Лисенко*; (сентября двадцатаго) ординаторъ перваго военно-сухопутнаго санктпетербургскаго госпиталя медико-хирургъ *Тарасовъ*; (сентября девятнадцатаго) чиновникъ по особымъ порученіямъ при министрѣ финансовъ баронъ Фелоръ *Корфъ*; (сентября двадцать-шестяго) старшій секретаръ перваго департамента правительствующаго сената *Кобылинъ*; харьковскій губернской казенныхъ дѣлъ стряпчій *Нъженицъ*; бессарабскій областной землемѣръ *Эйтнеръ* и контролеръ департамента министерства юстиціи *Шимкевичъ*; (октября перваго) 8 класса: столоначальникъ комиссаріатскаго департамента *Христичъ*, дистанціонный смотритель провіантскихъ магазіновъ по курской губерніи *Мамичъ*; коллежскіе ассессоры: старшій контролеръ комиссаріатскаго департамента *Джумлиани*, секретаръ аудиторіатскаго департамента *Поттарановъ*, и бухгалтеръ комиссаріатскаго департамента *Энгельгардтъ*.

Въ коллежскіе ассессоры: (сентября двадцатаго) титулярные совѣтники: полковой штабъ-лекаръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка *Гребскій*, состоящій при медицинскомъ департаментѣ военнаго министерства штабъ-лекаръ *Фаворскій* и ординаторъ втораго военно-сухопутнаго санктпетербургскаго госпиталя медико-хирургъ *Ярошевскій*; (сентября двадцать-шестяго) застѣдатель отъ дворянства вятской палаты уголовного суда *Ложкинъ*, судья перваго департамента московскаго надворнаго суда *Головкинъ*; правительствующаго сената: состоящіе въ должности секретарей: втораго департамента *Еврешиновъ* и *Тягуновъ*, перваго отдѣленія пятаго департамента *Чижовъ*, втораго отдѣленія пятаго департамента *Кельцинскій*, втораго отдѣленія шестяго департамента *Порцкій* и седьмаго департамента *Перегудовъ*; (сентября двадцать-седьмаго) прикомандированный ко второму отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи отъ министерства юстиціи *Можневскій*; (сентября двадцать-девятаго) докторъ медицины артиллерійскаго училища *Ивановскій*; (сентября тридцатаго) оберъ-форстмейстеръ округовъ новороссійскаго военнаго поселенія осьмага класса *фонъ-Бранке*; (октября перваго) столоначальникъ комиссаріатскаго департамента *Небольсинъ* и столоначальникъ инженернаго департамента *Павловскій*.

Въ титулярные совѣтники: (сентября двадцатаго) аптекаръ перваго отдѣленія Людвигъ *Штраухъ*; коллежскіе секретари: младшій контролеръ хозяйственнаго управленія при святѣйшемъ синодѣ *Долиагилскій* и помощникъ столоначальника тогоже управленія *Иваненко*; (сентября двадцатаго) провизоры десятаго класса военныхъ госпиталей: архангельскаго, *Шустеръ*, бобруйскаго *Бенингъ* и новомиргородскаго *Фохтъ*; (сентября двадцать-шестяго) департамента министерства юстиціи: старшіе помощники столона-

чальниковъ: *Буцковскій*, *Любимовъ* и журналистъ отдѣленія *Важечовъ*, младшій секретарь канцеляріи главнаго директора межеваго корпуса *Короваевъ*, правительствующаго сената: состоящій въ должности секретаря перваго отдѣленія пятаго департамента *Гилшеръ*, старшіе помощники секретарей: втораго отдѣленія третьяго департамента *Садовничій*, перваго департамента *Демитьевъ*; (октября перваго) помощникъ контролера провіантскаго департамента *Вобиницъ*, контролеръ комиссаріатскаго департамента *Карпинскій*, столоначальникъ комиссаріатскаго департамента *Губастовъ*, помощникъ столоначальника инженернаго департамента *Кастрицкиъ*; (октября четвертаго) младшій секретарь миссіи въ Гагъ, баронъ Николай *Николаи*.

Въ коллежскіе секретари: (сентября двадцать-шестаго) губерскіе секретари: перваго отдѣленія пятаго департамента правительствующаго сената *Крищенкоъ*, перваго департамента *Ивановъ*, младшій помощникъ секретаря *Шукинъ*; (октября перваго) помощникъ секретаря провіантскаго департамента *Короткевичъ*, помощникъ журналиста провіантскаго департамента *Вигилянскій*, помощникъ столоначальника артиллерійскаго департамента *Соколовъ*.

Въ губерскіе секретари: (сентября двадцать-перваго) алаудскаго артиллерійскаго гарнизона уштеръ-цейхвартеръ тринадцатаго класса *Рахмановъ*; (сентября двадцать-шестаго) сенатскіе регистраторы: *Тумишкинъ* и *Крыловъ*, перваго отдѣленія третьяго департамента *Пацкевичъ*, столоначальникъ при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ перваго департамента *Мышковъ* и младшій помощникъ контролера департамента министерства юстиціи *Меньшиковъ*; (октября перваго) чиновникъ для усиленія штата артиллерійскаго департамента коллежскій регистраторъ *Лашкевичъ*.

Въ коллежскіе регистраторы: (сентября семнадцатаго) старшій писарь штаба резервнаго кавалерійскаго корпуса Евстафій *Сапожниковъ*; (сентября двадцать-втораго) состоящій при главномъ смотрителѣ провіантскихъ магазиновъ могилевской губерніи старшій вахтеръ Петръ *Баклановъ*; (сентября двадцать-перваго) воспитанникъ дворянскаго полка Федоръ *Прокудинъ*; (сентября двадцать-третьяго) московской комиссаріатской комиссіи вахтеръ Афанасій *Васильевъ*.

Въ аудиторы: (сентября двадцатаго) писарь дежурства перваго округа корпуса жандармовъ Андрей *Низановскій*.

Въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства удостоены правительствующимъ сенатомъ: купцы первой гильдіи: верхотурскій (пермской губерніи), Павелъ *Бронниковъ*, жена его Прасковья Павлова и сыновья: Константинъ и Николай; вятскій Михайло *Рязанцовъ*; Иркутскій, Иванъ *Шизаевъ*; московскій, Федосей *Жокушкинъ*, жена его Елена Павлова, сыновья: Николай и Александръ, и дочери: Анна Марія, Вѣра и Екатерина; охонскій (пермской губерніи) Василий *Людинъ*, съ внукою Елисаветою Александровою; таганрогскій, Лука *Карамонъ*; члены семейства почетнаго гражданина Петра *Паресха*, сыновья: 1) Іоаннъ Карлъ съ сыновьями: Петромъ Карломъ, Іоанномъ, Бернгардомъ Августомъ, дочерьями: Аделандою, Елисаветою; 2) Бернгардъ, съ сыновьями: Петромъ Вильгельмомъ, Александромъ Адельбертомъ; 3) Андрей Рейнгольдъ, и 4) умершаго въ 1833 году сына Петра Рудольфа, сыновья: Рейнгольдъ Августъ, Фридрихъ Рудольфъ и Эдуардъ Георгъ; купцы второй гильдіи: московскій, Федоръ *Уваровъ* и дочь его Августа; московская же купеческая жена Анися *Кондрашева* и сынъ ея Александръ; гавриловскаго посада (владимірской губерніи) вдова Анна *Зилина* и дочь ея Любави; херсонской губерніи города Николаева первой гильдіи купецъ Степанъ *Матлаковъ* съ женою, Екатериною Игнатьевою, дѣтьми: сыномъ Кон-

стантиномъ и дочерьями: Ольгою, Софією, Екатериною, Александрою и Надеждою.

Увольняются: (сентября двадцать-четвертаго) прославскій вице-губернаторъ коллежскій совѣтникъ *Ковалевскій*; (сентября двадцать-шестаго) состоящій въ должности оберъ-секретаря втораго департамента правительствующаго сената надворный совѣтникъ *Кладо*; (октября третьяго) председатель енисейскаго губернскаго суда статскій совѣтникъ *Веригинъ*.

Назначаются: (августа двадцать-шестаго) статскій совѣтникъ *Мартосъ*, состоящій нынѣ председателемъ таганрогскаго коммерческаго суда, въ эту же должность.

Высочайшими грамотами всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ:

Святой анны первой степени: (октября перваго) генераль-лейтенантъ, начальникъ тринадцатой пѣхотной дивизіи, *Соболевскій* 1.

Святого станислава первой степени: (сентября двадцать-шестаго) оберъ-прокуроръ перваго отдѣленія шестаго департамента правительствующаго сената действительный статскій совѣтникъ *Дашковъ*; председатель пензенской палаты уголовнаго суда действительный статскій совѣтникъ *Рычицкій*.

Святого владимира третьей степени: (сентября двадцать-шестаго) председатель временнаго присутствія герольдіи действительный статскій совѣтникъ князь *Урусовъ*; председатель санктпетербургской палаты гражданскаго суда втораго департамента, статскій совѣтникъ *Татариновъ* и оберъ-секретарь втораго департамента правительствующаго сената коллежскій совѣтникъ *Чайковскій*.

Святой анны второй степени императорскою короною украшеннаго: (сентября шестаго) архитекторъ департамента народнаго просвѣщенія надворный совѣтникъ *Щедринъ*; (сентября двадцать-шестаго) председатель таганрогскаго коммерческаго суда, статскій совѣтникъ *Мартосъ* и оберъ-секретарь четвертаго департамента правительствующаго сената, коллежскій совѣтникъ *Сервиоровъ*; (октября перваго) командующій резервною бригадою тринадцатой пѣхотной дивизіи, состоящій по арміи полковникъ *Фохтъ* 2; — (октября третьяго) главный редакторъ и членъ археографической комиссіи, собственнаго Его Величества дворца, протоіерей Іоаннъ *Григоровичъ*.

Святой анны второй степени: (сентября девятнадцатаго) кievскій вице-губернаторъ, въ званіи камергера двора Его Величества, надворный совѣтникъ князь *Кудашевъ*; (сентября двадцатаго) генераль-адъютантъ при ренискомъ королевскомъ судѣ *Фуше*; (сентября двадцать-шестаго) состоящій въ должности оберъ-секретаря межеваго департамента правительствующаго сената надворный совѣтникъ *Игреньевъ* и архивариусъ департамента юстиціи, коллежскій ассессоръ *Александровъ*; (сентября двадцать-девятаго) дивизионный квартирмейстеръ второй гренадерской дивизіи, генеральнаго штаба подполковникъ *Чириковъ*.

Святого станислава второй степени, императорскою короною украшеннаго: (сентября двадцать-шестаго) ординарные профессора московскаго университета, статскіе совѣтники: Дмитрій *Первоушиковъ* и Александръ *Эвнисуъ*, бібліотекаръ императорской публичной бібліотеки коллеж-

скій совѣтникъ Михаилъ Лобановъ и почетный смотритель крелевецкаго уезднаго училища надворный совѣтникъ Гавріиль Забѣлло.

Святаго Станислава второй степени: (сентября двадцать-осмиго) прусскій консулъ въ Ригѣ и рижскій первой гильдіи купецъ Верманъ, съ тѣми по этому ордену правами, какія присвоены лицамъ купеческаго званія на основаніи продолженія свода статутовъ орденовъ дополненія къ 2232 статьѣ; (сентября двадцать-шестого) статскіе совѣтники: ординарный академикъ академіи наукъ Карлъ Фонъ-Беръ и директоръ училищъ вологодской губерніи Александръ Башинскій; коллежскіе совѣтники: директоръ рижскіевскаго лицея Николай Синицынъ, ординарный профессоръ московскаго университета Михаилъ Погодинъ и директоръ училищъ нижегородской губерніи Михаилъ Грацинскій.

Святой Анны третьей степени: (октября четвертаго) начальникъ третьяго округа военнаго поселенія кievской и подольской губерніи числящійся по кавалеріи ротмистръ Павловъ.

Сопричисленъ къ ордену святой Анны третьей степени: (сентября тринадцатаго) преподающій воспитанникамъ артиллерійскаго училища законъ Божій по евангелическо-лютеранскому исповѣданію пасторъ Безе.

Святаго Станислава третьей степени: (сентября двадцать-третьяго) секретаря канцеляріи кievскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора титулярный совѣтникъ Покровскій; (сентября двадцать-шестого) почетный смотритель шатскаго уезднаго училища, отставной подполковникъ Алексѣй Мосаловъ; надворные совѣтники: директоръ училищъ симбирской губерніи Николай Пикторовъ, старшій учитель второй санктпетербургской гимназіи Константинъ Баранцевъ и ординаторъ при клиникѣ казанскаго университета адъюнктъ Иванъ Дмитревскій; коллежскіе ассесоры: старшіе учителя: виленской гимназіи Сигизмундъ Бартошевичъ и свенцянскаго уезднаго для дворянъ училища Иванъ Носовичъ; титулярные совѣтники: архитекторъ казанскаго университета Михаилъ Коринскій, старшіе комнатные надзиратели при санктпетербургскихъ гимназіяхъ: первой, Казиміръ Фунъ и третьей, Федоръ Крулмиллеръ и помощникъ инспектора студентовъ московскаго университета Александръ Федоровъ.

Святой Анны четвертой степени, съ надписью за храбрость: (октября втораго) прапорщики изъ Азіятцевъ Зауръ-Хорабудановъ и Муса-Алабиевъ.

Наперснымъ крестомъ на георгиевской лентѣ: (октября десятаго) штатный іеромонахъ тегинскаго укрѣпленія Августинъ, который, при отраженіи горцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе на это укрѣпленіе и блокировавшихъ его съ двадцать-осмиго марта по шестое апрѣля 1840 г., во все время блокады, находился на валу съ крестомъ въ рукахъ, воодушевляя воинскихъ чиновъ и напоминая собственнымъ примѣромъ святость лежащаго на нихъ долга.

Медалями: (октября третьяго) золотою на владимірскаго лентѣ для ношенія на шеѣ: членъ отъ купечества таганрогскаго коммерческаго суда купецъ второй гильдіи Сори; золотыми на анненской лентѣ для ношенія на шеѣ: почетный гражданинъ и купецъ третьей гильдіи Захаровъ, купцы второй гильдіи: засѣдатель отъ купечества симбирскаго совѣстнаго суда Андреевъ, бывшіе бургомистры московскаго магистрата перваго департамента Манухинъ и Сорокоумовскій, бывшіе ратманы того же магистрата Прохоровъ; купцы первой гильдіи: Королевъ и Баклановъ, засѣдатели отъ купечества: симбирской палаты уголовнаго суда Загряцкій, калужской па-

латы гражданскаго суда Колцовъ, городскихъ магистратовъ; глуховскаго бургомистръ Шулицкій, шацкаго бывший бургомистръ Чубаровскій, холмскаго писмоводитель Красильниковъ; серебряными на анненской лентѣ для ношенія на шеѣ: бургомистры городскихъ магистратовъ: буинскаго купецъ третьей гильдіи Негаметуловъ, мѣщане: мстиславскаго Коллда и засѣдатель отъ купечества симбирскаго совѣстнаго суда Силинъ; серебряными на анненской лентѣ для ношенія въ петлицѣ: засѣдатели отъ поселянъ совѣстныхъ судовъ: государственные крестьяне: саратовскаго Карасевъ и курскаго Черниковъ; засѣдатели отъ поселянъ уездныхъ судовъ: корсунскій удѣльный крестьянинъ Калужинъ, и епифановскій однодворецъ Феофтистовъ.

— Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію господина министра народнаго просвѣщенія объ особенныхъ трудахъ члена археографической комиссіи статскаго совѣтника Рейхелл, и по удостоенію комитета господъ министровъ, все милостивѣйше изволилъ пожаловать ему брилліантовый перстень въ вензеловымъ изображеніемъ имени Его Величества.

Землями: (сентября двадцатаго) командиру конно-артиллерійскихъ казачьихъ баттарей, номеровъ десятаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго, состоящему по артиллеріи полковнику барону Гану, за отличіе, оказанное имъ двадцать шестого января 1841 года въ дѣль противу Абадзеховъ, все милостивѣйше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе тысячу пять сотъ десятинъ земли, которую повелѣно отвести въ новгородской губерніи на точномъ основаніи существующихъ правилъ, изъ назначенныхъ въ сей губерніи къ раздачѣ по все милостивѣйшему пожалованію участковъ земли, исключивъ ихъ изъ казеннаго вѣдомства и оклада съ того времени, когда во владѣніе его, барона Гана, отведены будутъ.

#### Постановленія.

Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: обязать находящихся въ Россіи оружейныхъ мастеровъ подписками, чтобы они отнюдь не выдѣлывали ружей и пистолетовъ, дѣйствующихъ безъ пороху.

— По положенію комитета Государь Императоръ, девятнадцатаго августа высочайше повелѣтъ соизволилъ: «1) врачей опредѣляемыхъ на службу по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ безъ жалованья, считать въ дѣйствительной службѣ въ томъ классѣ, какой соответствуетъ ученой ихъ степени; 2) сообразно этому классу дозволить имъ носить положеннаго разряда мундиръ и по производству ихъ въ чины и къ полученію знака отличія безпорочной службы пользоваться тѣми правами, какія вообще предоставлены медикамъ приложеніемъ къ продолженію свода законовъ III тома статьи 422; 3) врачамъ этимъ пенсій изъ государственнаго казначейства не назначать, и время, проведенное ими въ службѣ по министерству государственныхъ имуществъ къ числу лѣтъ для полученія права на пенсію не причитать; но во уваженіе безмезднаго служенія ихъ, сверхъ предоставленія имъ права на производство въ чины и на полученіе знаковъ отличія безпорочной службы, допустить и другія приличныя по усмотрѣнію начальства награды; 4) врачамъ, которые состоя уже при штатныхъ въ губерніяхъ должностяхъ, пожелають независимо отъ того служить по вѣдомству государственныхъ имуществъ, всѣ права по службѣ имѣть по штатнымъ ихъ должностямъ; въ вознагражденіе же трудовъ ихъ по вѣдомству этого управленія, если служба ихъ тамъ сопровождается будетъ постояннымъ усердіемъ и успѣхомъ, удостоивать ихъ преимущественно къ наградамъ по усмотрѣнію начальства; 5) число врачей назначить при падагахъ государственныхъ имуществъ по одному, и при окружныхъ управленіяхъ по два, одного

старшего, а другого младшего, съ присвоениемъ имъ званій по мѣстамъ служенія, то есть, состоящій при палатѣ долженъ именоваться врачомъ палаты государственныхъ имуществъ, а состоящій при окружныхъ управленияхъ врачами окружныхъ управленій, и соответственно этому раздѣленію, подчинять, врачей палатъ — управляющимъ палатами, а окружныхъ врачей — окружнымъ начальникамъ, которые и аттестуютъ ихъ по установленнымъ правиламъ, и съ тѣмъ, чтобы эти врачи не выходили изъ подчиненія врачевнымъ управламъ, какъ главнаго въ губерніяхъ медицинскаго управления, имѣющаго обязанность наблюдать за дѣйствіями всѣхъ вообще, какъ служащихъ, такъ и вольнопрактикующихъ врачей по дѣламъ медицинской полиціи и судебной медицины, и потому доставляли въ управу всѣ свѣдѣнія, къ медицинской статистики относящіяся и именно: вѣдомости о больныхъ, о привитой оспѣ, свѣдѣнія о повальныхъ болѣзняхъ, скотскихъ падежахъ и тому подобное, какъ предписано въ сводѣ учрежденій врачевныхъ для уѣздныхъ и городовыхъ врачей. Такъ какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ ведется герольдія всѣхъ вообще врачей гражданскаго вѣдомства и по высочайшему повелѣнію издается ежегодно къ 1 января руссійской медицинскій списокъ, то вмѣнять палатамъ государственныхъ имуществъ въ обязанность сообщать свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ съ врачами, служащими по вѣдомству государственныхъ имуществъ; 6) Врачи, не имѣющіе штатныхъ должностей, при опредѣленіи на службу по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ, должны исполнять всѣ обязанности, въ 52 статьѣ продолженія свода законовъ уставовъ врачевныхъ на нихъ возложенныя; состоящіе же независимо отъ того при штатныхъ должностяхъ, заниматься: а) леченіемъ чиновниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и приходящихъ изъ селеній государственныхъ крестьянъ; б) участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ имуществъ по предметамъ о повальныхъ болѣзняхъ, объ оспопрививаніи, надзоромъ за оспопрививателями, фельдшерами и проч. и в.) въ необходимыхъ случаяхъ и выѣздомъ на короткое время въ казенныя селенія, если стороны начальства не будутъ препятствіи и 7) опредѣленіе и увольненіе всѣхъ вообще врачей по вѣдомству министерства, какъ равно и удостоеніе ихъ къ производству въ чины и къ наградамъ знакомъ отличія и орденами, дѣлается, на основаніи установленнаго въ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ порядка, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ.

— Правленіе общества царскосельской желѣзной дороги довело до свѣдѣнія столичнаго начальства, что посторонніе люди продолжаютъ ходить по насыпи желѣзной дороги, несмотря на прибитыя на перекресткахъ объявленія; поэтому городское начальство сдѣлало въ вѣдомостяхъ санктпетербургской полиціи объявленіе, которымъ въ предупрежденіе могущихъ быть несчастныхъ случаевъ, строго воспрещается постороннимъ людямъ, не принадлежащимъ къ управленію желѣзной дороги, ходить по насыпи съ тѣмъ, что послѣ этого воспрещенія, люди взятые на насыпи, будутъ отправлены въ полицію для строгаго и примѣрнаго съ нихъ взысканія по законамъ, какъ сънарушителей порядка.

— Въ развитіе четвертой статьи высочайшаго указа отъ двадцать-перваго января (2 февраля) текущаго года, о превращеніи ассигнацій польскаго банка въ ассигнаціи на серебряные рубли, — по представленію совѣта управления царства польскаго 3 (15) сентября Высочайше повелѣно:

Начиная съ двадцатаго декабря 1841 (15 января 1842) гербовую бумагу въ царствѣ Польскомъ изготовлять съ изображеніемъ герба имперіи, какъ на водяныхъ знакахъ, такъ и въ наружномъ штемпелѣ; надписи же, опредѣляющія цѣну и надписи въ знакахъ водяныхъ, означать на русскомъ и польскомъ языкахъ. Цѣна гербовой бумаги означится на рубли и копѣйки. Совѣтъ управления утвердить подробное росписаніе цѣнъ всѣхъ видовъ гербовой бумаги. Игральные карты и календари клеймить штемпелемъ одинаковымъ

съ гербовою бумагою, переводя нынѣшніи цѣны на рубли и копѣйки. На гербовой бумагѣ и картахъ неизрасходованныхъ къ двадцатому декабря 1841 (перваго января 1842 года), переклеймить однѣ только цѣны; на бумагѣ не имѣющей еще штемпеля, но уже изготовленной, со стараго образца, водяными знаками, напечатать переложенныя цѣны и новый штемпель.

— Для окончательнаго уравниенія монетной системы царства Польскаго и имперіи, высочайшимъ указомъ отъ третьяго (пятнадцатаго) сентября, между прочимъ повелѣно:

1. Основною единицею монетнаго вѣсу въ царствѣ устанавливается руссійскій фунтъ; соответственно чему употреблять на варшавскомъ монетномъ дворѣ: для взвѣшиванія золота, серебра и мѣди, руссійскій пудовый вѣсъ, раздѣляющійся на 40 фунтовъ, фунтъ на 99 золотниковъ, золотникъ на 96 долей; а для пробы золота и серебра пробирный фунтовый разновѣсъ, котораго фунтъ, по принятому въ имперіи раздѣленію, дѣлится на 96 золотниковъ, золотникъ на  $\frac{5}{8}$ ,  $\frac{2}{3}$ ,  $\frac{1}{2}$ ,  $\frac{1}{3}$  и  $\frac{1}{6}$ . 2. Основною монетною единицею всѣхъ денегъ обращающихся въ царствѣ, устанавливается серебряный рубль. 3. Предоставляется варшавскому монетному двору выдѣлывать золотую монету, подъ названіемъ: полуимперіаль пяти рублеваго достоинства, и серебряную крупную и мелкую монету: въ рубль, 50-ть, 25-ть, 10-ть и 5-ть копѣекъ. 4. Изъ одного фунта чистаго золота, чеканится 68  $\frac{1}{2}$  полуимперіала цѣною въ 541  $\frac{1}{2}$  рубля; а изъ лигатурнаго фунта золота 88 пробы 62  $\frac{2}{3}$  полуимперіала цѣною въ 512  $\frac{3}{4}$  рубля. На этомъ основаніи, въ одномъ полуимперіалѣ заключается чистаго золота 1 золотникъ 51  $\frac{3}{11}$  доли. 5. Терпимость (ремедиумъ) въ всѣхъ золотой монеты допускается въ слѣдующемъ количествѣ: у кружка  $\frac{1}{6}$  доли золотника, у фунта  $\frac{5}{8}$  доли золотника, болѣе или меньше противъ узаконеннаго вѣсу. 6. Изъ одного фунта чистаго серебра чеканится 22  $\frac{5}{8}$  рубля, а изъ лигатурнаго фунта серебра 83  $\frac{1}{2}$  пробы, 19  $\frac{1}{2}$  рубля. На этомъ основаніи, во ста рубляхъ, заключается чистаго серебра 4 фунта 37 золотниковъ 84 доли, а лигатурнаго 5 фунтовъ 6 золотниковъ. Въсѣхъ серебряной монеты крупной и мелкой во всѣхъ ея видахъ и количество содержащагося въ ней чистаго серебра, опредѣляется нижеслѣдующимъ разчисленіемъ:

Всѣхъ серебра.

	лигатурнаго:		чистаго:	
	зол.	доли.	зол.	доли.
Въ рубль.....	4	82 $\frac{1}{2}$	4	21
„ полтинъ.....	2	41 $\frac{7}{8}$	2	10 $\frac{1}{2}$
„ 25 копѣйкахъ.....	1	20 $\frac{1}{2}$	1	5 $\frac{1}{4}$
„ 20 — — .....	„	95 $\frac{3}{4}$	„	82
„ 10 — — .....	„	46 $\frac{3}{4}$	„	40 $\frac{1}{2}$
„ 5 — — .....	„	23 $\frac{1}{2}$	„	20 $\frac{1}{4}$

7. Терпимость въ всѣхъ серебряной монеты допускается: у каждаго кружка въ рубль, 4 доли золотника; въ полтинъ 3 доли золотника; въ 25 и 20 копѣекъ 2 доли золотника; въ 10 и 5 коп. 1  $\frac{1}{2}$  доли золот.; у ста рублей каждаго сорта серебряной монеты, вмѣстѣ взвѣшиваемой, по 1  $\frac{1}{2}$  золотника, а у тысячи рублей по 7 золотниковъ, болѣе или меньше противъ узаконеннаго вѣсу. 8. Золотая монета принимается въ казначейства и изъ нихъ выдается 3  $\frac{1}{8}$  выше нарицательной ихъ цѣнности, именно: имперіаль въ 10 рублей 30 копѣекъ, полуимперіаль въ 5 рублей 15 копѣекъ. 9. Иностранныя монеты высокой пробы, употребляемыя въ царствѣ при внутреннихъ платежахъ между частными лицами, могутъ быть допускаемы къ приему въ казначейства; но по поступленіи, обращаются на варшавскій монетный дворъ, для перечековки въ монету подлежащаго достоинства. 10. Указъ девятнадцатаго ноября (перваго декабря) 1815 года, поколику этимъ указомъ

отмѣняется, и указъ перваго мая 1834 года прекращаютъ свое дѣйствіе. Этотъ указъ повелѣно привести въ исполненіе съ двадцатаго декабря 1841 (перваго января 1842) года.

— Въ развитіе высочайшаго указа отъ 21 января (2 февраля) нынѣшняго года, которымъ серебряный рубль установленъ монетою и числительною единицею въ царствѣ Польскомъ, по представленію совѣта управленія царства Польскаго, третьяго (пятнадцатаго) сентября высочайше повелѣно:

Съ двадцатаго декабря 1841 (перваго января 1842) года, всѣ счета казенные, равно какъ и счета управленій подъ опекою правительства состоящихъ, какъ то: городскихъ, почтовыхъ, страховыхъ отъ огня, квартирныхъ, транспортныхъ, фабричныхъ, ремесленничьихъ, госпитальныхъ, и другихъ какихъ бы то ни было институтовъ и заведеній, вести на серебряные рубли, копейки и полу-копейки. Во всѣхъ актахъ и сдѣлкахъ вообще, а именно: а) въ контрактахъ, договорахъ, обязательствахъ, векселяхъ, распискахъ, квитанціяхъ и другихъ актахъ, совершаемыхъ у актовыхъ пасарей и нотаріусовъ, или домашнимъ порядкомъ составляемыхъ; б) опредѣленіяхъ судебныхъ мѣстъ, по дѣламъ казны съ частными лицами или частныхъ людей между собою, которыми присуждаются денежные уплаты, взыскапія, судебныя издержки или штрафы; с) въ судебныхъ приговорахъ по дѣламъ уголовнымъ, которыми присуждаются денежные штрафы; д) въ счетахъ по дѣламъ торговли, промышленности или разныхъ заведеній, означать сумму не иначе какъ на серебряную русскую монету, то есть, на рубли, копейки и полукопейки. Счета кредитнаго земскаго общества по ссудамъ, произведеннымъ на основаніи устава перваго (тринадцатаго) іюня 1835 и дополнительнаго положенія девятаго (двадцать-перваго) апрѣля 1838 года; равно какъ и счета польскаго банка по займамъ царства Польскаго, до 1811 совершеннымъ, вести по прежнему на злотые, съ тѣмъ однако же, чтобы на всѣхъ новыхъ купонахъ, которые впоследствии будутъ выпущены по займамъ и ссудамъ на основаніи устава 1825 и положенія 1838 года, означены были свѣрхъ злотыхъ и серебряные рубли по сравнительному ихъ достоинству. Пока выдаваемы будутъ складные билеты польскаго кредитнаго общества въ настоящемъ ихъ видѣ, то есть, на польскіе злотые, то и въ подлежащихъ графахъ ипотечныхъ книгъ, всѣ суммы означать польскими злотыми; но въ графѣ ипотечныхъ книгъ, въ которой всѣ суммы означаются прописью, польскіе злотые слѣдуетъ переводить на серебряные рубли, копейки и полукопейки, и число ихъ означать тоже прописью. Вклады, внесенные до двадцатаго декабря 1841 (перваго января 1842) года, или послѣ этого срока на сохраненіе въ банкъ или частнымъ лицамъ, безъ уплаты съ нихъ процентовъ, должны быть возвращаемы въ той самой монетѣ, въ какой поступили для храненія. Всѣ отчеты казенныхъ мѣстъ и управленій подъ опекою правительства состоящихъ, а также счета кассъ городскихъ, почтовыхъ, страховыхъ отъ огня, квартирныхъ, транспортныхъ, фабричныхъ, госпитальныхъ и прочихъ какихъ бы то ни было заведеній, которые представлены будутъ въ 1832 и слѣдующихъ годахъ за время по 1841 годъ включительно, имѣютъ быть составлены на злотые; но числительные ихъ результаты, входящіе въ курсъ отчетности за 1842 и слѣдующіе годы, должны быть переложены на рубли. Копія съ крѣпостныхъ актовъ, а именно: выписи изъ ипотечныхъ книгъ, а также изъ судебныхъ приговоровъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, копія съ частныхъ векселей или расписокъ и вообще всѣхъ денежныхъ документовъ и актовъ, совершенныхъ до двадцатаго декабря 1841 (перваго января 1842) года, должны быть выдаваемы безъ всякаго измѣненія въ содержаніи подлинныхъ актовъ и отмѣтокъ о перемѣнѣ одной монеты на другую. Всѣ денежные условія, по обязательствамъ долге 1841 года простирающимся, какъ то: смѣты, счета, торги и протоколы до помянутыхъ условій относящіеся, казенными мѣстами и вѣдомствами

подъ опекою правительства состоящими, а также управленіями, которыя завѣдуютъ суммами городскими, страховыми отъ огня, квартирными, транспортными, фабричными, ремесленничьими, госпитальными и всеми другими какими бы то ни было, заключаемыми хотя и въ текущемъ году, но уже послѣ отъ народа ванія этого указа, должны быть писаны на рубли. Платежи по обязательствамъ происходящимъ изъ актовъ и приговоровъ состоявшихся до двадцатаго декабря 1841 (перваго января 1842) года будутъ производимы на русскіе серебряные рубли, копейки и полу-копейки, хотя бы обязательство было совершено на польскую или другую монету Судебные и актовые писари и нотаріусы будутъ подвергнуты ответственности по существующимъ законамъ за неисполненіе ими правилъ въ настоящемъ указѣ предположенныхъ. Старую монету царства Польскаго не русскаго чекана, какъ золотую такъ и серебряную, исключая монеты съ русскою и польскою надписями, перчеканить на счетъ казны царства Польскаго на монету русскую, золотую и серебряную, по новому штемпелю, съ тѣмъ однако же, чтобы эта операція производилась по мѣрѣ свободныхъ запасовъ казначейства и постепенно, для предупрежденія могущихъ, отъ недостатка монеты, встрѣтиться затрудненій.

— По Высочайше утвержденному двадцать-второго сентября мнѣнію государственнаго совѣта, послѣдовавшему по представленію товарища министра финансовъ, иркутскому второй гильдіи купеческому брату Ивану Герасимову, выдана по просьбѣ его, десяти-лѣтняя привиллегія на учрежденіе и содержаніе въ иркутской губерніи картофельно-паточнаго завода.

#### РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по министерству народнаго просвѣщенія за прошлый 1840 годъ, между прочимъ сказано: «Благодѣтельный опытъ, начатый по кievскому учебному округу учрежденіемъ квартиръ для вольныхъ безпріютныхъ учениковъ, воспріялъ благополучное начало. Существо сего дѣла принадлежитъ, можетъ-быть, къ важнѣйшимъ предпріятіямъ министерства въ прошломъ году.»

Мысль учрежденія при учебныхъ заведеніяхъ общихъ квартиръ для учащихся, заключаетъ въ себѣ столь важную государственную мѣру, что опытъ успешнаго исполненія этой мысли въ трехъ западныхъ губерніяхъ кievскаго учебнаго округа составитъ, быть можетъ, эпоху въ исторіи русскаго общеннаго воспитанія.

До-сихъ-поръ, правительство наше, въ постоянномъ своемъ попеченіи объ усовершенствованіи общеннаго воспитанія, всегда и вездѣ покровительствовало учрежденію благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. Дворянство во многихъ губерніяхъ оказало уже добровольными пожертвованіями свое содѣйствіе устройству этихъ общенныхъ воспитательныхъ заведеній. Польза такихъ заведеній признана повсюду. Но благородные пансіоны, предназначаясь исключительно для одного высшаго сословія, по высокой платѣ, соответственной ихъ назначенію, доступны только для семействъ богатыхъ; для дѣтей же среднихъ и недостаточныхъ состояній, при всѣхъ открытыхъ имъ способахъ умственнаго образованія, важнѣйшія блага образованія нравственнаго до нынѣ почти не существовали, по совершенной невозможности правильнаго и постояннаго надзора на частныхъ, разбросанныхъ по городамъ, квартирахъ, число которыхъ, до образованія общихъ квартиръ, простиралось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кievскаго учебнаго округа до двухъ сотъ. Здѣсь помѣщенія бывали въ жидовскихъ заѣзжихъ корчмахъ. Дѣти учились, но не воспитывались. Всѣ дурныя примѣры и привычки низшихъ классовъ

общества, между которыми большею частью гнѣздились эти безпріютные питомцы, были не только неизбежны, но находились постоянно передъ ихъ глазами.

Наконецъ, проявилась благотѣльная мысль соединить частныя квартиры въ общія, и, возложивъ устройство и содержаніе такихъ квартиръ на попечительность учебнаго начальства, замѣнить прежнихъ частныхъ содержателей пансіонеровъ, обращавшихъ священную обязанность въ личную спекуляцію, надзоромъ, отъ правительства устроеннымъ: Государю Императору благоугодно было, въ прошломъ 1840 году, указать введеніе этого опыта въ трехъ западныхъ губерніяхъ кievскаго учебнаго округа. Исполненіе этой Монаршей воли было, можно сказать, мгновенно. Успѣхъ предпріятія превзошелъ ожиданія.

Вотъ собственныя слова господина министра народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его за прошлый 1840 годъ.

«Мѣра сія (учрежденіе общихъ квартиръ), при дѣятельномъ участіи кievскаго военнаго губернатора, увѣнчалась успѣхомъ свыше всякаго чаянія, какъ я удостоившись личнымъ осмотромъ новыхъ пріютовъ обучающагося юношества, найдя ихъ въ отличномъ во всѣхъ частяхъ порядкѣ. Эти заведенія устроены по образцу благородныхъ пансіоновъ. При каждой гимназіи общія квартиры раздѣлены на нѣсколько разрядовъ, смотря по количеству взимаемой съ ученика платы, которая не простирается свыше 200 рублей серебромъ, а въ иныхъ случаяхъ измѣняется до 45 рублей. Въ каждой квартирѣ помѣщаются нѣсколько учениковъ бесплатно. Главный надзоръ за общими квартирами порученъ директорамъ гимназій, съ участіемъ почетныхъ попечителей, на которыхъ возложена и ревизія отчетности въ суммахъ.»

Въ прошломъ учебномъ 1840 — 1841 году, въ первый годъ существованія этихъ заведеній, изъ 1748 учениковъ второй кievской, житомирской, ровенской, винницкой и немировской гимназій, 981 человекъ помѣщались въ общихъ квартирахъ, а 767 жили у родителей и близкихъ родственниковъ своихъ, имѣвшихъ постоянное пребываніе въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ гимназіи. Въ числѣ жившихъ на общихъ квартирахъ, помѣщались 86 человекъ бесплатно, принятыхъ туда по убѣжденію въ совершенной ихъ бѣдности. Такимъ образомъ, на каждыхъ двѣнадцать человекъ получалъ доступъ въ общія квартиры одинъ неимущій.

Вотъ исторія образованія этихъ новыхъ благотѣльныхъ пріютовъ для учащагося юношества.

Попечитель кievскаго учебнаго округа, князь *Давыдовъ*, во время пребыванія котораго въ Санктпетербургѣ состоялось высочайшее соизволеніе на учрежденіе этихъ новыхъ пансіоновъ для всѣхъ вообще учащихся въ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, въ іюнь мѣсяцѣ прошлаго года, приступилъ къ собранію самыхъ вѣрныхъ свидѣній о состояніи частныхъ квартиръ и объ образѣ содержанія въ нихъ учениковъ, для чего были составлены на мѣстахъ, нарочно командированнымъ чиновникомъ, не только подробныя описанія всемъ частнымъ квартирамъ каждой гимназіи, но и именныя списки ученикамъ, съ показаніемъ платы, вносимой каждымъ изъ нихъ за свое годовое содержаніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ были тогда же отысканы и осмотрѣны во всѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ гимназіи, приличныя и удобныя дома для новыхъ помѣщеній. Получивъ такимъ образомъ главные данныя, попечитель округа немедленно раздѣлилъ учениковъ всѣхъ гимназій, соразмѣрно вносимой каждымъ платѣ, на нѣсколько разрядовъ, чтобы общія квартиры сдѣлать доступными для

всѣхъ учащихся за ту самую плату, какую издерживали они прежде, съ возможнымъ даже уменьшеніемъ ея. Для cadaго разряда было соображено приличное платъ содержаніе; составлены печатныя правила для порядка и надзора; опредѣлены постоянно живущіе въ самыхъ заведеніяхъ надзиратели, частію изъ учителей, частію же изъ пріисканныхъ для того благонадежныхъ чиновниковъ; построена однообразная мебель, по образцу существующей въ благородныхъ кievскихъ пансіонахъ; устроенъ особый лазаретъ; продовольствіе учениковъ, на извѣстныхъ основаніяхъ (не менѣе трехъ блюдъ за обѣдомъ и двухъ за ужиномъ, завтракъ и полдникъ, а въ высшихъ разрядахъ чай), ввѣрено надежнымъ порядчикамъ, и общія квартиры, идя которыхъ въ іюнь мѣсяцѣ существовала только въ головѣ начальства, въ августѣ, по возвращеніи учениковъ съ вакацій, приняли ихъ подъ кровъ свой, и доведены были до такого устройства, что попечитель округа осмѣлился желать для нихъ посѣщенія Государя Императора, удостоившаго, въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, присутствіемъ своимъ Кіевъ. Въ октябрѣ того же года общія квартиры второй кievской гимназіи были осмотрѣны господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія. Отзывъ его о нихъ пѣтъ выше. И все это за какую плату? Въ Кіевѣ общія квартиры раздѣлены на три разряда, съ платою: въ высшемъ разрядѣ 110 рублей серебромъ во второмъ 90 и въ третьемъ 70 рублей въ годъ. Первое полугодіе представило возможность, посредствомъ сдѣланнаго сбереженія въ суммахъ, ввести многія улучшенія, напредмѣръ: для большей успѣшности въ ученіи, приглашены были для многихъ предметовъ учителя, съ обязанностию заниматься ежедневно въ заведеніяхъ, въ свободное отъ классовъ время, приготовленіемъ учениковъ къ урокамъ слѣдующаго дня. Начальство имѣетъ надежду, за ту же самую плату, посредствомъ новыхъ благоразумныхъ сбереженій, ввести въ этихъ пансіонахъ музыку и танцы, а со-временемъ, быть-можетъ фехтованье и верховую вѣзду.

Устройство общихъ квартиръ въ западныхъ губерніяхъ кievскаго учебнаго округа распространяется въ нынѣшнемъ году и на нѣкоторыя уѣздныя дворянскія училища. Онѣ также окончателенно образованы при подольской гимназіи, гдѣ, до окончанія новаго гимназическаго зданія, открытіе ихъ въ прошломъ году было невозможно, по неимѣнію удобныхъ частныхъ домовъ въ Каменцѣ-Подольскомъ.

Польза этихъ заведеній въ-отношеніи учебномъ, въ продолженіи перваго года ихъ существованія, такъ явственнo обнаружилась, что любопытному посетителю стоить взять журналъ cadaго класса и отмѣтить высшія цифры ежедневной оцѣнки ученическихъ успѣховъ: онъ можетъ потомъ удостовѣриться, и почти всѣхъ отмѣченныхъ лучшихъ учениковъ найти въ общихъ квартирахъ. Такіе же успѣхи замѣчены и въ нравственномъ отношеніи: многіе ученики, не отличавшіеся прежде благонавіемъ, заслужили въ годъ пребыванія своего въ общихъ квартирахъ полныя одобрительныя балы за свое поведеніе. Двойной результатъ этотъ объясняется очень естественно: ученикъ, живущій у родителей или родственниковъ своихъ, какъ бы ни былъ дома хорошъ надзоръ за нимъ, имѣетъ всю свободу, возвращаясь изъ классовъ, промѣнить время прогулки своей. Въ самомъ домѣ, будучи одинъ, онъ занимается также по произволу своему. Соревнованія товарищей у него нѣтъ предъ глазами. Домашнее развлеченіе съ нимъ неразлучно. Самая ходьба въ классы и изъ классовъ, часто изъ отдаленныхъ мѣстъ города, отнимаетъ у него много лишняго времени противъ тѣхъ, кому нужно пройти только нѣсколько шаговъ. Все это вредитъ и прилежанію и успѣхамъ его. Для нравственности же, что можетъ быть вреднѣе свободы, какую дѣти могутъ пользоваться во время четырех-кратныхъ ежедневныхъ отлучекъ своихъ изъ дому? Надзоръ, какъ бы ни былъ онъ бдительнъ, въ такомъ случаѣ не можетъ быть вполне достаточнымъ.

Въ-отношеніи къ здоровью, неудобства живущихъ въ домахъ своихъ или

на частных квартирах еще более ощутительны. Четыре раза в день, во время весны и осени, дти должны проходить по грязи, по дождю, перьяко, и даже большею частью, больша пространства. Изъ сравнительныхъ медицинскихъ вѣдомостей за 1859 годъ до существованія общихъ квартиръ, и за 1840 годъ, послѣ образованія ихъ, видно, что въ общихъ квартирахъ не было ни одного смертнаго случая, не было даже ни одной острой болѣзни. Простудные случаи встрѣчались только между учениками, живущими по домамъ своимъ. Вообще 1859 годъ далеко превзошелъ 1840 въ количествѣ и зломъ качества болѣзней. Эти факты могутъ быть повѣрены каждымъ любопытнымъ, и они довольно понятны для убѣжденія въ ихъ истинѣ.

Начало образованія общихъ квартиръ есть новый памятникъ дѣятельной заботливости правительства объ этомъ важномъ предметѣ. Обща квартиры, вѣроятно, распространятся во всей Россіи, и эти приюты, какъ прекрасно назвалъ ихъ господинъ министръ въ своемъ отчетѣ, составятъ эпоху въ исторіи русскаго общественнаго воспитанія!

— Изъ Владиміра (на Клязьмѣ) пишутъ: «Послѣдніе числа августа мѣсяца ознаменованы были во Владимірѣ особымъ торжествомъ: это было совершение акта открытія благороднаго пансіона, устроеннаго на 60 воспитанниковъ иждивеніемъ здѣшняго дворянства, для чего оно пожертвовало въ разное время до 1 миліона рублей; изъ этой суммы 688,000 рублей внесены во Владимірскій приказъ общественнаго призрѣнія, чтобы на получаемые съ нихъ проценты воспитывать и содержать 34 бѣдныхъ дворянъ, въ томъ числѣ 8 въ ознаменованіе достопамятнаго посѣщенія Владимірской губерніи Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ.

«Двадцать-четвертаго числа, по распоряженію епархіальнаго начальства, освящена устроенная при пансіонѣ церковь во имя Благовернаго Князя Александра Невскаго; а тридцатаго числа послѣдовало и самое открытіе дворянскаго пансіона.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ, отъ перваго октября, пишутъ: «Мы вполне благодарны Богу за ту погоду, какою Онъ дарилъ насъ продолженіемъ истекшаго сентября. Сентябрьскіе дожди, умеривъ лѣтній зной и увлажнивъ почву, избавили насъ отъ душной пылы и не произвели еще осенней распутицы. Не только мы не топили еще домовъ своихъ, не жили и не одвѣвались позимнему положенію, но и самыя атмосферическія явленія отличались у насъ въ сентябрь мѣсяцъ совершенно лѣтнимъ характеромъ. Въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое сентября, со вторника на среду, и на слѣдующей недѣлѣ, съ двадцать-третьяго на двадцать-четвертое число, тоже со вторника на среду, раздался удары и продолжительные, рѣзкіе раскаты грома, при ослѣпительномъ блескѣ молніи, и сильнѣйшемъ проливномъ дождѣ — явленія замѣчательныя въ такое позднее время года: это были совершенно лѣтнія грозы, во всемъ ихъ величіи, и которыя были ощутимы на значительное пространство къ сѣверу и югу. Въ первую изъ этихъ ночей, съ пятнадцатаго на шестнадцатое сентября, ливень, продолжавшійся не больше получаса, падалъ съ такою необычайною силою, что въ нѣсколько мгновений наполнилъ дождевыми потоками многія балки (лощины) нашихъ степей, такъ что близъ одной станицы, къ Вознесенску, разорвана плотина, а въ другомъ мѣстѣ, близъ Александріи (въ херсонской губерніи) тяжелый экипажъ, запряженный четверкою лошадей, едва не былъ снесенъ въ ровъ напоромъ воды, хлынувшей черезъ мостъ. Весьма вѣроятно, что вредъ, причиненный этимъ бурнымъ дождемъ, не ограничивается только мѣстами, о которыхъ мы упомянули. Въ ту же самую ночь въ Константинополь была сильная гро-

за, послѣ которой атмосфера значительно тамъ посвѣжѣла. Сентябрь мѣсяцъ также замѣчательнъ былъ въ Одессѣ необыкновеннымъ обиліемъ всѣхъ плодовъ, особенно винограда, котораго гроздамъ сухое, жаркое лѣто придало ароматную сладость. Фунтъ обыкновеннаго сладкаго винограда продавали у насъ по три копейки мѣдою, а высшіе сорта его не превышали 18 — 20 копѣекъ ассигнаціями. Такою дешевойною и изобиліемъ этого благословеннаго плода и Одесса не всегда можетъ похвалиться.»

— Могилевскаго уѣзда, мѣстечка Ялтушкова, мѣщанка Абрамка Вулиха Рыбко, девятаго сентября, въ одно время родила трехъ дочерей, которыя вмѣстѣ съ матерью остаются живы.

— Движимая высокимъ чувствомъ христіанской любви, полковница Анна Николаевна Родіонова, еще при жизни своей, въ 1825 году, пожертвовала благопріобрѣтенное свое имѣніе, находящееся, казанской губерніи, въ ланшевскомъ уѣздѣ, и состоящее изъ 414 душъ крестьянъ, на учрежденіе заведенія, котораго именно недоставало въ Казани, — института благородныхъ дѣвицъ. Мать Россіи и доблестныхъ Царей ея, приняла приношеніе полковницы Родіоновой съ свойственнымъ Ей благодушіемъ, а предполагаемое заведеніе подъ Свое высокое покровительство. По смерти благотворительницы, въ 1827 году, послѣдовало высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе совѣта института, и на принятіе имѣнія Родіоновой въ его управленіе, впредь до открытія заведенія, а потомъ, также по высочайшей волѣ Государя Императора, причислены, для увеличенія способовъ института, семь приказовъ общественнаго призрѣнія, составляющихъ учебный округъ. Затѣмъ воздвигнуто зданіе института, составляющее нынѣ одно изъ лучшихъ украшеній Казани. Съ кончиною въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи, положившей начало этому заведенію, пріобрѣтеніемъ, еще въ 1825 году, для устроенія его, мѣста на Арскомъ Полѣ, но не увидѣвшей осуществленія благодѣтельной мысли своей, высокое мѣсто покровительницы казанскаго Родіоновскаго института соизволила принять, въ числѣ прочихъ учреждений Императрицы Маріи, августѣйшая Наслѣдница всѣхъ Ея Царственныхъ доблестей, Государыня Императрица Александра Феодоровна, по высочайшей волѣ которой институтъ и открытъ тридцатаго августа 1841 года, въ радостный для всѣхъ Русскихъ день тезоименитства Государя Наслѣдника.

— Въ засѣданіи конференціи Императорской академіи наукъ, происходившемъ осьмитаго октября, господинъ Гессъ читалъ слѣдующее извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи Александровской Колонны:

«Исторія механическихъ искусствъ, конечно, сохранить на вѣчныя времена воспоминаніе о перевозкѣ и установкѣ на мѣсто величественнаго монолита въ 44,000 пудовъ вѣсомъ, совершенныхъ торжественно, въ присутствіи сановниковъ имперіи и при стеченіи безчисленнаго народа, съ такимъ же спокойствіемъ, съ такою же тишиною, какъ-бы кака-нибудь масса обыкновенныхъ размзровъ. Этотъ монолитъ состоитъ изъ финляндскаго крупно-зернистаго краснаго граниту. Не прошло еще и пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ воздвигнутъ, а глаза прохожихъ стали уже замѣчать трещину, которая въ немъ образовалась и въ короткое время увеличивалась съ ужасающею быстротою. Грустно было подумать, что этотъ единственный памятникъ можетъ со-временемъ разрушиться. — Вокругъ колонны построили лѣса и, по приглашенію одного изъ моихъ знакомыхъ, я отправился съ нимъ, чтобы осмотрѣть монолитъ. — Но каково же было мое удивленіе, когда, увидѣвъ его вблизи, я удостовѣрился, что трещина, которая мнѣ и многимъ другимъ казалась шириною въ нѣсколько дюймовъ — не что иное, какъ оптическій обманъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Кто знаетъ финляндскій гранитъ, тому извѣ-



стно, что въ немъ бываютъ жилы, многочисленныя въ нѣкоторыхъ мѣсто-рожденіяхъ, но рѣдкія въ этомъ монолитѣ. Сверхъ-того слюда, входящая въ составъ гранита, есть и въ этомъ, хотя ее не много. Отсюда происходитъ то, что вездѣ, гдѣ она занимаетъ наклонное положеніе въ-отношеніи къ периферіи колонны, рѣзецъ, по необходимости, отдѣляетъ покрывающіе слюду небольшіе кристаллы, почему при полировкѣ этого гранита не возможно придать ему поверхности, гладкой какъ зеркало. Мѣстами, и особенно по краямъ жилъ, необходимо должны оставаться небольшія пустоты, не болѣе полуторы линіи глубины; онѣ были наполнены составомъ такого же цвѣту, какъ камень. Вещество это отъ времени потемнѣло и даже, хотя весьма мало, было повреждено дѣйствіемъ атмосферы и увлечено сыростію въ такомъ количествѣ, что на камнѣ образовалась тѣнь, которая изъ-дали казалась углубленіемъ. Это производило совершенный оптический обманъ. Надобно видѣть камень вблизи, даже поскоблить его, чтобы разувѣриться. Жилы, которыя занимали въ скалѣ горизонтальное положеніе, въ колоннѣ необходимо должны быть расположены перпендикулярно, что еще усиливаетъ оптической обманъ. Такъ какъ въ числѣ многихъ, которымъ казалось, что въ Александровской Колоннѣ образовалась трещина, весьма немногіе будутъ имѣть случай остовѣриться въ томъ что это такое дѣйствительно, то, я думаю, имъ пріятно будетъ узнать, что я нашелъ камень этого памятника совершенно въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ сначала.»

— Чтобы показать успѣхъ новаго положенія о пробирныхъ палаткахъ, въ газетѣ «Мануфактурныя и Горнозаводскія Извѣстія» сообщаютъ любопытную сравнительную вѣдомость о дѣйствіяхъ московской пробирной палатки съ перваго января по первое сентября 1840 и 1841 годовъ, то есть, до изданія и послѣ изданія означеннаго положенія.

*Вѣдомость о заклеяемыхъ издѣліяхъ, сплавленныхъ металлахъ и о количествѣ собранной пошлины въ московской пробирной палаткѣ съ перваго января по первое сентября 1840 года.*

## ЗАКЛЕЯЕМО:

	собр. пошл.				
	пуд.	фунт.	зол.	руб.	коп.
Золотыхъ издѣлій.....	7	25	13 $\frac{1}{4}$	202	90 $\frac{2}{3}$
Продувнаго и сплавленнаго золота...	14	36	23 $\frac{1}{4}$	8	90 $\frac{2}{3}$
Серебряныхъ издѣлій.....	802	38	50	778	55 $\frac{2}{3}$
Перечищеннаго и сплавленнаго серебра	1,353	27	84	774	34 $\frac{2}{3}$
За позолоту съ 607 червонцевъ.....	—	—	—	10	7 $\frac{1}{2}$
За клейменіе разбивныхъ мѣдныхъ	—	—	—	—	—
гирь.....	34	33	—	19	90
И съ 40 коромыселъ.....	—	—	—	—	57 $\frac{1}{2}$
<b>А всего собрано серебромъ.....</b>	<b>—</b>	<b>—</b>	<b>—</b>	<b>1,795</b>	<b>24<math>\frac{1}{2}</math></b>

*Вѣдомость о заклеяемыхъ издѣліяхъ, сплавленныхъ металлахъ и о количествѣ собранной пошлины въ московской пробирной палаткѣ съ перваго января по первое сентября 1841 года.*

## ЗАКЛЕЯЕМО:

	собр. пошл.				
	пуд.	фунт.	зол.	руб.	коп.
Золотыхъ издѣлій.....	12	34	78 $\frac{3}{4}$	897	—
Продувнаго и сплавленнаго серебра.....	18	24	5 $\frac{3}{4}$	566	77 $\frac{1}{2}$
Серебряныхъ издѣлій.....	835	15	31	3,353	71
Перечищеннаго и сплавленнаго серебра .	1,196	27	94	2,398	25
Иностраннаго сереб.....	236	23	27	256	64 $\frac{1}{2}$
Золотыхъ проб. 1,042.....	—	—	—	512	60
Золотистыхъ пробъ 450.....	—	—	—	86	—
Серебряныхъ пробъ 12,369.....	—	—	—	1,236	90
Мѣдныхъ разбивныхъ гирь 38 пудовъ 8	—	—	—	76	40
фунтовъ.....	—	—	—	—	—
Съ 5-хъ большихъ коромыселъ съ чаш-	—	—	—	1	80
ками, по 60 коп. съ cadaго.....	—	—	—	—	—
Съ 35-хъ среднихъ коромыселъ съ чаш-	—	—	—	9	90
ками, по 30 к.....	—	—	—	—	—
Съ 1-хъ малыхъ коромыселъ съ чашка-	—	—	—	—	15
ми.....	—	—	—	—	—
Съ записки торгующихъ купцовъ и масте-	—	—	—	161	—
ровъ, 161 чел.....	—	—	—	—	—
<b>А всего собрано сереб.....</b>	<b>—</b>	<b>—</b>	<b>—</b>	<b>9,337</b>	<b>13</b>

— Для выпуска судовъ изъ Ладожскаго Канала въ рѣку Неву въ городѣ Шлиссельбургѣ устроены два русла, называемыя устьями. Первое, именуемое Старымъ, составляетъ продолженіе самаго Ладожскаго канала, гдѣ производится выпускъ судовъ изъ канала въ Неву и ввѣдь изъ Невы въ каналъ, посредствомъ четырехъ, изъ гранита, богато устроенныхъ шлюзовъ. Эти шлюзы окончены лѣтъ шесть назадъ, и замѣнили прежде бывшіе тамъ, обветшалые отъ времени, плитные шлюзы.

Второе, именуемое Новымъ Устьемъ, пролегаетъ отъ Ладожскаго канала влѣво, и входитъ въ рукавъ рѣки Невы, именуемый Малою Невкою.

Выпускъ разнаго роду судовъ изъ канала и ввѣдь изъ рѣки Невы въ каналъ, посредствомъ одного Стараго устья, гдѣ устроены четыре гранитные шлюза, могъ бы почитаться весьма удовлетворительнымъ, потому что въ тихую погоду пропускается тутъ въ сутки до трехъ сотъ разнаго роду судовъ, но во время вѣтровъ это очень затруднительно и весьма часто встрѣчалось, что по вѣсколку дней невозможно было провести ни одной барки: причиною этого то, что Старое устье имѣетъ свое направленіе въ самое

устье рѣки Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ рѣка весьма широка и во время вѣтровъ весьма бурлива.

Для устраненія этого важнаго неудобства и препятствія для судоходства, съ давняго уже времени устроены, вѣтвь отъ шлюзовъ, на самой рѣкѣ, двѣ дамбы, посредствомъ которыхъ образуется гавань, изъ которой суда приходятъ въ Малую Невку, то есть, рукавъ рѣки Невы, гдѣ барки и прочія суда охъ аняются отъ вѣтровъ островомъ и воздвигнутыми на этомъ островѣ строениями, но самый выходъ изъ шлюзовъ, ничѣмъ не прикрываемый, былъ по прежнему весьма затруднителенъ, что побудило начальство путей сообщенія устроить особаго рода заплавы, которые, огибая Старое устье, способствуютъ судамъ проходить въ означенную гавань; вмѣстѣ съ устройствомъ заплавовъ, которые увѣнчались успѣхомъ, расчищена и углублена самая гавань, такъ, что нынѣ, при маломъ вѣтрѣ, барки и суда проходятъ изъ канала и въ каналъ безирепятственно. Во время же большаго вѣтра, выходъ барокъ изъ канала совершенно былъ невозможенъ.

При проходѣ судовъ изъ шлюзовъ на Старомъ устьѣ, которыя при непогодѣ и невозможности проплывать по рѣкѣ Невѣ въ дальнѣйшій путь, заходятъ подъ защиту въ упомянутую гавань, гдѣ иногда помѣщаются до трехъ сотъ разнаго рода судовъ, они тамъ выжидаютъ тихаго времени, и тогда уже вдругъ отправляются къ столицѣ, какъ къ центру внутренней нашей торговли; такимъ образомъ какъ гавань, такъ и рѣка Малая Невка очищаются для другаго подобнаго случая, довольно часто встрѣчающагося, въ особенности въ осеннее время.

Двадцатаго октября освящены въ Шлиссельбургѣ на Новомъ устьѣ Ладожскаго канала два новые гранитные шлюза.

Это новое сооруженіе будетъ представлять для промышленности важную выгоду, потому что Новое устье, ведущее непосредственно въ рѣчку Малую Невку, барки могутъ проходить во всякую погоду. Это есть вновь открытая, весьма удобная дорога, которою, прежде устройства этихъ шлюзовъ, пользоваться было нельзя, потому что въ прежнее время хотя и существовали тутъ гранитные шлюзы и полшлюзы, которые по обветшалости замѣнены были шандорными спусками, но всѣ эти сооружения для пропуска судовъ были неудобны, и Новымъ устьемъ пользовались по большей части лишь бревенчатые плоты.

Нельзя не удивляться этому новому капитальному сооруженію. Всѣ части, составляющія новые шлюзы, могутъ послужить образцомъ прочности; попечительное начальство не оставило ничего, что только можетъ послужить къ удолговѣченію этого сооруженія, и, при непрерывныхъ трудахъ, это общественное зданіе едва окончено въ семь лѣтъ.

Основаніе шлюзовъ заложено изъ камня, безъ употребленія дерева, и весь фундаментъ состоитъ изъ обращеннаго свода, а стѣны изъ обтесаннаго граниту, положеннаго во весь камень, на чисто обтесанныхъ постеляхъ; самые же гранитные камни избраны огромныхъ размѣровъ, и можно съ достовѣрностью сказать, что подобной величины камней и чистоты въ кладкѣ ихъ ни въ одномъ сооруженіи до нынѣ, у насъ въ Россіи, еще не употреблялось.

Каждая шлюзная камера, независимо отъ боковыхъ воротъ, перегороджена въ срединѣ особыми воротами, такъ что кромѣ соединительныхъ трубъ изъ одной камеры въ другую, для сохраненія утраты воды при пропускѣ судовъ, смотря по величинѣ барки или лодки, можно прищипать ворота для сбереженія воды, а какъ пространство между крайними воротами составляетъ 33

сажени, то гонки, безъ разчаливанія, могутъ пропускаться цѣликомъ, чрезъ что уменьшается трудъ и задержка слѣдующимъ другимъ гонкамъ.

Это любопытное описаніе новаго превосходнаго сооруженія, исполненнаго нашимъ попечительнымъ правительствомъ для пользы торговли, сообщено Сѣверной Пчелѣ, Фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ господиномъ *Лазаревымъ*.

— Для устраненія опасности, которой подвергаются суда при входѣ въ устья Западной Двины, отъ незнанія направленія теченія по фарватеру, лѣтомъ пытышняго года устроены на Рижскомъ Маякѣ на восточную и западную сторону два флашкоута, на которыхъ поднимаются флаги: синий, для означенія восточнаго теченія изъ рѣки и синий же съ белымъ въ срединѣ четырехугольникомъ, для показанія западнаго теченія съ моря.

— Изъ Кронштадта пишутъ: «Шкиперъ *Годжсонъ* корабля «Эмпресъ», прибывшій одиннадцатаго октября къ кронштадтскому порту, объявилъ, что осьмагаго числа онъ попалъ на мель у Стонескара, но снялся, выбросивъ за бортъ 12 тонновъ соли; онъ оставилъ тамъ якорь и часть кабельтовой цѣпи. Въ корабль оказалась течь и нужно килевать его.

«Четырнадцать пришедшихъ кораблей (въ числѣ ихъ «Булфинчъ», «Ламонтъ» и «Джень», а имена остальныхъ неизвѣстны) стояли одиннадцатаго числа на якорѣ у вѣшней брандвахты и по причинѣ сильной бури не могли войти въ гавань. Три или четыре возвратившихся корабля бросили якорь у Лондонъ-Грунта.

«Корабль «Булфинчъ» и ганноверскій шкунеръ выставили сигналы объ опасности. Корабль «Булфинчъ», на другой день сорвавшійся съ якоря во время бури, потерявъ руль, попалъ на мель за Кроншлотомъ; отъ ударовъ въ немъ оказалась течь. Корабль «Ламонтъ», шкиперъ *Фростъ*, прибылъ двѣнадцатаго числа въ гавань; въ немъ оказалась течь. Корабли «Джень» и «Принцессъ Рояль» столкнулись одиннадцатаго октября стоя у брандвахты. Последній лишился бугшприта и форъ-мачты и потерпѣлъ поврежденіе въ передовой части. Корабль «Норнень» въ ночи девятаго числа потерпѣлъ сильное поврежденіе въ кормѣ и лишился на другой день якоря и цѣпи у Лондонъ-Грунта; ганноверской шкунеръ, «Барборилей», шкиперъ *Линдебомиъ*, прибывшій изъ Лиссабона, ночью на двѣнадцатое число попалъ на мель за Кронштадтомъ. Въ корабль оказалась течь, онъ потерялъ руль и отрубленъ одинъ якорный канатъ. Впоследствии онъ снятъ съ мели и введенъ пароходомъ въ гавань.

«Прусскій корабль «Говвунгъ» шкиперъ *Реузъ*, шедшій изъ Штетина въ Мемель, прибылъ къ либавскому порту перваго октября по случаю противнаго вѣтру и аварии, но четырнадцатаго числа опять отправился къ мѣсту своего назначенія. — Въ тотъ же день пришелъ туда попавшій на мель недалеко отъ Либавы, англійскій корабль «Дивина», шкиперъ *Кержилъ*, шедшій изъ Арброта съ баластомъ въ Ригу.

«Шкиперъ *Мулленсъ* корабля «Юникорнъ» увѣдомилъ, что десятаго октября, находясь посреди фарватера отъ Фалстербо — Стеффенсъ-Хукъ SO по компасу, онъ увидѣлъ стѣнги и брамстенги потонуващаго шкунера или галіота; паруса висѣли свободно. Онъ направилъ свой корабль ближе къ берегу, чтобы увидѣть, нѣтъ ли кого на этомъ суднѣ; но никого не нашелъ. — Десятаго октября у Дагерорта, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, корабль «Юникорнъ» потерялъ свои форъ-стенги и большіе брамстенги, и для сохраненія корабля и груза долженъ былъ срубить паруса съ принадлежащимъ къ нимъ такелажемъ. Этотъ корабль прибылъ десятаго числа къ кронштадтскому порту. — Корабль «Браво», шкиперъ *Муррей*, при-

бывшій изъ Гула съ товаромъ, сталъ на мель пятнадцатаго числа вечеромъ при туманѣ, къ западу отъ Кровшлота, и какъ вода очень упала, то ему невозможно было сойти съ мели безъ разгрузки и длятого посланъ былъ къ нему лихтеръ; но въ слѣдующую ночь вода поднялась и корабль «Браво» снялся съ мели.

— Норвежскій корабль «Тетисъ», шкиперъ Ф. *Мейеръ*, пришедшій въ Нарву изъ Бергена съ сельдами и грузившійся на тамошнемъ рейдѣ лѣсомъ отъ купца *Жоссона*, одиннадцатаго октября сильнымъ штормомъ бросило на магербургскую сторону на мель, въ разстояніи отъ тамошней заставы около двухъ верстъ и отъ берега на 40 сажень. Грузъ, состоящій изъ 3,600 досокъ, выгруженъ на берегъ. — Прусскій корабль «Активъ», шкиперъ *Маасъ*, пришедшій въ Нарву изъ Ливерпуля съ солью къ купцу *Лаупману*, начало дрейфовать отъ сильного шторма, что и вынудило шкипера срубить гротъ-мачту. Соль, находящаяся въ этомъ корабль, не потерпѣла поврежденія.

— Англійскій корабль «Джонсъ», шкиперъ *Хилъ*, отправленный изъ Архангельска торговымъ домомъ *Кларкъ Моріанъ* и компанією съ грузомъ овса и льна въ Дунди, разбился во время пути, у Мудьюгскаго Острова. Онъ вышелъ изъ Архангельска шестнадцатаго сентября въ 4 часа по полудни; на другой день въ 3 часа достигъ бара вмѣстѣ съ семью кораблями; при слѣдованіи чрезъ баръ нѣсколько разъ ударился объ грунтъ и не доходя до Чернаго Боя сталъ на мель, отъ чего и оказалась въ немъ течь. Наконецъ, употреблено было последнее средство: спустили оба бота, чтобы свезти якорь вмѣсто завоза; но и въ этомъ не успѣли, по причинѣ сильного вѣтру и волненія. Между-тѣмъ, вода въ корабль умножалась, такъ что въ 16 минутъ прибыла на футъ. Въ такомъ положеніи провели на корабль ночь тридцатаго сентября: буря не прекращалась, а вода въ каюты поднялась до 3 футовъ, что и вынудило шкипера и матросовъ, для спасенія своей жизни приготовить боты къ отъезду; въ это время, подошелъ къ нимъ въ 8 часовъ утра лодманскій карбасъ, на которомъ шкиперъ съ своимъ экипажемъ съѣхалъ на Мудьюгскій Островъ.

— Англійскій корабль «Гайнвайдъ», шкиперъ *Портеусъ*, шедшій изъ Санктпетербурга въ Ливерпуль, съ грузомъ пеньки, сталъ на мель втораго сентября на Некманскомъ грунтѣ при островѣ Даго, чрезъ что получилъ сильную течь. По распоряженію помѣщика барона *Унгернъ-Штернберга*, это судно снято съ мели двадцатаго сентября и отведено на генгольскій рейдъ для починки. Пеньки выгружено 1,290 пучковъ; она сложена въ помѣщичій анбаръ, а подмоченная пенька, при доставкѣ на берегъ, пересушивается. Шкиперъ и всѣ матросы спасены, а товаръ застрахованъ. Шкиперъ намѣренъ, по исправленіи судна, отправиться къ мѣсту своего назначенія.

— Новгородской губерніи, крестецкаго уѣзда, Корнилогородской Волости, деревни «Дмитріевой Горы» крестьянинъ, Аѳанасій *Артамоновъ*, съ дозволенія общества государственныхъ крестьянъ означенной волости, осушилъ, расчистилъ и обработалъ не малый участокъ бесплоднаго болота, на что, кромѣ продолжительнаго труда, употребилъ значительныя, по своему состоянію, издержки. Господинъ министръ государственныхъ имуществъ, узнавъ о такомъ похвальномъ и полезномъ дѣлѣ крестьянина *Артамонова*, и желая вознаградить его, и вмѣстѣ поощрить другихъ крестьянъ къ производству подобныхъ расчистокъ, представилъ правительствующему сенату объ утвержденіи за *Артамоновымъ* на 50 лѣтъ, удобреннаго имъ участка земли. Представленіе утверждено сенатомъ, и трудолюбивый крестьянинъ *Артамоновъ* введенъ во владѣніе этимъ участкомъ и будетъ имъ пользоваться въ награду за общепользныи его трудъ.

Можно надѣяться, что собратіи его, въ другихъ мѣстахъ, видя такое благодарственное вниманіе правительства къ полезнымъ трудамъ, не преминутъ послѣдовать хорошему его примѣру и заслужить такое же справедливое вознагражденіе.

#### ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПРОИСШЕСТВІЯ.

Двадцать-втораго октября въ двѣнадцатомъ часу ночи, Васильевской Части пятаго квартала, между тринадцатою и четырнадцатою линіями по Большому Проспекту, въ домѣ купца *Соколова*, внутри двора, изъ деревяннаго сарая показалось сильное пламя и дымъ. Когда прибыли пожарныя команды двѣнадцати частей и двухъ резервовъ, сильный огонь уже распространялся на смежный съ горѣвшимъ сараемъ деревянный двухъ-этажный домъ, по четырнадцатой линіи, на надворный каменный флигель и на двухъ-этажный же деревянный домъ по Большому Проспекту, принадлежащій тоже *Соколову*. Столь сильное пламя съ трехъ сторонъ угрожало большою опасностію смежнымъ съ домомъ *Соколова* деревяннымъ ветхимъ строеніямъ, принадлежащимъ къ Дому Трудолюбія, — складкѣ большого запаса дровъ морскаго корпуса, деревянному дому чиновницы *Волошиной* и каменному двухъ-этажному дому, его же *Соколова*, по четырнадцатой линіи. — Дѣйствіемъ пожарныхъ командъ, распространеніе пожара, сильно упорствовавшего отъ бывшаго порывистаго вѣтру и много настроеннаго, безъ разрывовъ, во дворъ деревяннаго строенія, къ двумъ часамъ пополудни остановлено. Сгорѣлъ до основанія двухъ-этажный деревянный домъ, по четырнадцатой линіи, въ которомъ былъ питейный домъ и принадлежащія къ нему службы съ значительнымъ запасомъ хлѣба; въ надворномъ каменномъ флигелѣ сгорѣли стропила и потолоки; — сняты крыши: съ каменнаго дома по четырнадцатой линіи, съ деревянныхъ службъ, прилегающихъ къ саду Дома Трудолюбія и оторвано нѣсколько загорѣвшихся лѣстницъ, съ деревяннаго дома чиновницы *Волошиной*; прочія всѣ сосѣднія зданія и дома остались невредимы, кромѣ палисады Дома Трудолюбія, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ разобранъ для проѣзда пожарныхъ инструментовъ. — Жившій въ домѣ *Соколова* пансіонеръ академіи художествъ *Н. П.*, не имѣя выхода по загорѣвшейся деревянной лѣстницѣ, выскочилъ изъ втораго этажа въ окно, переломилъ себѣ правую голень, и былъ отправленъ тотчасъ же для пользованія въ больницу Св. Маріи-Магдалины. Старшій городовой унтеръ-офицеръ пятаго квартала *Стефанъ Малафеевъ*, съ двумя пожарными, подвергая себя опасности, бросился по лѣстницѣ, объятой уже пламенемъ въ квартиру, занимаемую чиновникомъ *Гусевымъ*, и спасъ жену его, съ двумя дочерьми. — При дѣйствіи ушибено два брантмейстера и трое рядовыхъ пожарной команды. (П. В.)

#### Некрологъ.

Втораго октября скончался въ Москвѣ градской глава почетный гражданинъ, московскій первой гильдіи купецъ и кавалеръ Александръ Васильевичъ *Алексеевъ*.

— Шестаго октября, скончалась въ Одессѣ, послѣ продолжительной болѣзни, на 73 году жизни, Двора Ея Императорскаго Величества фрейлина княжна Елена Карловна *Гика*. Она родилась въ Константинополь, а воспитаніе свое получила въ С. Петербургѣ. Отецъ ея былъ владѣтельнымъ господаремъ, сначала молдавскимъ, а потомъ валахскимъ. Блаженной памяти Императоръ Павелъ I пожаловалъ ее во фрейлины къ Августѣйшей Супругѣ Своей Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, при гробѣ Великой Своей Родительницы Екатерины II, удостоивавшей покойную

особеннаго своего благоволенія. Память княжны *Гюга* останется незабвенною въ сердцахъ множества благодѣтельствованныхъ ею: благотворительность была главнымъ занятіемъ, исключительною почти цѣлію ея жизни, въ послѣдніе сорокъ лѣтъ. Она помогала многимъ семействамъ, воспитывала на свой счетъ, въ лучшихъ заведеніяхъ, сиротъ, бѣдныхъ мальчиковъ и дѣвицъ: первыхъ опредѣляла въ службу, снабжая всемъ нужнымъ, а послѣднихъ, при вступленіи въ замужство, надѣляла приличнымъ приданымъ: въ послѣдніе годы она была постояннымъ членомъ одесскаго женскаго благотворительнаго общества и пожертвовала 10,000 рублей ассигнаціями на новостроющійся одесскій женскій монастырь. Свѣтлый умъ и прекрасная душа ярко выказывались въ ея дѣйствіяхъ и разговорахъ до послѣднихъ дней жизни; достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, она давно уже съ душевнымъ спокойствіемъ готовилась предстать предъ Того, предъ Кѣмъ не сокрыто ни одно изъ дѣяній человеческихъ. — Тѣло ея предано землѣ на одесскомъ кладбищѣ; митрополитъ адрианопольскій *Герасимъ*, съ многочисленнымъ духовенствомъ, близкіе къ ней, благодѣтельствованные ею и все знавшіе и уважающіе покойную отдали послѣднюю дань праху ея и благоговѣнно проводили ее до послѣдняго жилища на землѣ.

## СОБЫТІЯ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

### ФРАНЦІЯ.

Послѣ глубокой тишины, господствовавшей до нынѣ въ политикѣ, наступило вдругъ движеніе, грозящее породить новыя затрудненія. Сверхъ испанскихъ дѣлъ, возникаетъ еще вопросъ между Франціей и Сѣвѣрной Америкой, о которомъ въ *Moniteur Parisien* отзываются слѣдующимъ образомъ: «Президентъ Соединенныхъ Штатовъ утвердилъ новый таможенный тарифъ, вслѣдствіе котораго на все товары, которые донынѣ привозились свободно, или были обложены незначительною пошлиною, наложена пошлина въ 20 процентовъ. При такихъ обстоятельствахъ правительство должно принять мѣры. Эти мѣры составляють нынѣ предметъ живѣйшей его заботливости; дѣло идетъ о томъ, чтобы прискаты средство, которое бы могло побудить американское правительство къ измѣненію своей коммерческой строгости, и между-тѣмъ не усилило зла, причиняемаго этою строгостію многимъ изъ значительнѣйшихъ ветвей нашей промышленности. Утверждаютъ, что прежде всего американскому правительству будетъ поставленъ на видъ трактатъ 1831 года. По исполненіи этой предварительной мѣры, Франція приметъ въ соображеніе свои выгоды и свое достоинство.

— Въ *Монитерѣ* напечатано сравнительное обозрѣніе сбора косвенныхъ налоговъ втеченіи девяти первыхъ мѣсяцевъ нынѣшняго и втеченіи того же времени прошлаго года. Въ нынѣшнемъ оказывается противъ прошедшаго излишекъ, простирающійся до 17.402,000 франковъ.

— Осьмнадцатаго октября утромъ въ министерствѣ финансовъ открытъ заемъ въ 150 миліоновъ трехъ-процентными облигаціями, съ предоставленіемъ процентовъ съ 22 іюня 1842. По прочтеніи генеральнымъ-секретаремъ министерства финансовъ королевскаго повелѣнія отъ 18 сентября, господинъ *Гуманъ* положилъ на столъ запечатанный пакетъ, заключающій въ себѣ объявленіе о крайнихъ условіяхъ, на которыхъ можетъ состояться заемъ. Послѣ-того онъ потребовалъ желающихъ сдѣлать предложенія. Явился одинъ только *Ротшильдъ* и представилъ, въ запечатанномъ же пакетѣ, свое предложеніе, которое и было тотчасъ вскрыто министромъ финансовъ, такъ какъ на вторичный вызовъ никто не явился. Оказалось, что братья *Ротшильды*, господинъ *Готтингеръ*, господа *Бандонъ* и *Амедей Сенъ-Аидье*,

изъявили желаніе принять на себя заемъ по курсу 78 франковъ 52½ сантимовъ. Такъ какъ этотъ курсъ превышалъ опредѣленный министромъ финансовъ, то заемъ былъ немедленно предоставленъ означенной комиссіи. О курсѣ, назначенномъ министромъ, не объявлено; но утверждаютъ, что онъ былъ 78.50.

— Многія газеты извѣщаютъ, что королю открывали кровь, и заключаютъ изъ того, что его величество страждетъ не маловажною болѣзнію. Утверждаютъ, что врачи уже нѣсколько лѣтъ отъ времени до времени предписываютъ королю кровопусканіе, чтобы воспрепятствовать приливу крови къ головѣ, къ чему король имѣетъ большое расположеніе. Впрочемъ, позднѣйшія извѣстія о состояніи здоровья его величества вполне удовлетворительны.

— Насчетъ несогласій въ министерствѣ въ *Constitutionel* пишутъ слѣдующее: «По-мѣрѣ-того, какъ умножаются затрудненія для министерства, усиливается и несогласіе между его членами. Въ это время вопросъ о томъ, можетъ ли господинъ *Вивьенъ* быть принятъ въ государственный советъ, подаетъ поводъ къ большому разногласію. Господа *Сульцъ*, *Тестъ*, *Кюнень-Гриденъ* и *Дюперрѣ* говорятъ за него; но господинъ *Гиздъ* напротивъ и слышать не хочетъ о допущеніи господина *Вивьена* въ государственный советъ. *Дюшатель* соглашается съ *Гиздъ*, что господинъ *Вивьенъ*, какъ членъ кабинета перваго марта, не заслуживаетъ подобной предупредительности со стороны министерства двадцать-девятого октября, между-тѣмъ онъ полагаетъ, что нужно было бы согласиться очистить еще вторую вакансію въ государственномъ советѣ, чтобы въ одно время помѣстить туда и господина *Дежана*, кандидата, предлагаемаго господиномъ *Гиздъ*, и господина *Вивьена*. Господа *Мартенъ* (*du Nord*) и *Вильменъ* раздѣляютъ мнѣніе господина *Гиздъ*. Въ одномъ все министры, по-видимому, согласны, хотя и не говорятъ о томъ другъ другу, что министерству не должно существовать. Достоверно, что господамъ *Пасси* и *Дюфоръ* дѣлаемы были и дѣлаются предложенія. Имъ постоянно предлагаютъ уволить господина *Гумана* и раздѣлить министерство господина *Мартена*. Господинъ *Пасси* заступилъ бы въ такомъ случаѣ мѣсто министра финансовъ, *Гумана*, *Дюфоръ* сдѣлался бы предсѣдателемъ палаты депутатовъ, а господинъ *Соэ* министромъ духовныхъ дѣлъ. Господинъ *Пасси*, котораго согласіе наиболее стараются пріобрѣсти, противопоставляетъ этимъ предложеніямъ отказъ, или что все-равно, онъ поставляетъ первымъ условіемъ реформу выборовъ, то есть, распространеніе права выборовъ на второй списокъ присяжныхъ. Это условіе мгновенно прекращаетъ всякіе дальнѣйшіе переговоры.

— Маршалъ *Жераръ* изъявилъ желаніе сложить съ себя званіе командира парижской національной гвардіи, потому что состояніе его здоровья не позволяетъ ему долѣе исполнять сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности. Король отказался принять просьбу маршала и упросилъ его остаться главою парижской національной гвардіи.

— Королевскимъ повелѣніемъ, отъ девятаго числа, вновь опредѣленный генераль-прокуроръ при парижскомъ королевскомъ судѣ, господинъ *Геберъ*, назначенъ генераль-прокуроромъ суда перовъ въ процессѣ *Кениссе*.

— Утверждаютъ, что собраніе палатъ назначено двадцать-третьяго декабря. Министерство пріобрѣло большинство, и мы полагаемъ, сказано въ одной газетѣ, что оно нисколько не помышляетъ о своемъ удаленіи. Предметомъ разсужденій объ адресѣ будетъ преимущественно конвенція тринадцатаго іюля, и такимъ образомъ вновь коснутся восточнаго вопроса. Изъ проектовъ законовъ, которые будутъ предложены министерствомъ, назовемъ проектъ о

железныя дорогахъ. Онъ, по всемъ вѣроятностямъ, подвергнется общей участи съ подобнаго рода предпріятіями. Если окинуть взоромъ то, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ сосѣдственныхъ съ Франціей государствахъ, то мы должны краснѣть и стыдиться нашей неспособности. Каковы бы ни были проекты законовъ, которые будутъ предложены палатамъ, они будутъ имѣть мало успѣху, потому что государство не въ состояніи принести жертвы на постройку железныхъ дорогъ, а духъ товарищества не довольно силенъ, чтобы породить общества прочныя и дѣятельныя. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ мы увидимъ, что возможно намъ сдѣлать.

— Въ Парижскомъ Монитерѣ опровергають сообщенный другими газетами слухъ, будто министръ публичныхъ работъ заключилъ условія съ одною англійскою компаніею насчетъ построенія железныхъ дорогъ отъ Парижа до Лиля и до Кале. Въ Монитерѣ присовокупляютъ однако жъ, что этотъ министръ одобрилъ условія и планы компаніи, но что они находятся теперь на разсмотрѣніи министра финансовъ, и что палатамъ не прежде будетъ представленъ проектъ закона объ этомъ предметѣ, какъ по утвержденіи господиномъ *Гуманомъ* финансовой части означеннаго плана.

— Насчетъ плана построенія большихъ железныхъ дорогъ, которымъ будто бы занимается теперь министерство, въ *Souffier Francois* сказано: «Говорятъ, что министръ публичныхъ работъ предложитъ совѣту планъ, обнимающій пространство железныхъ дорогъ отъ 550 до 600 часовъ ѣзды. Система построенія этой сѣти большихъ линий основывается на содѣйствіи мѣстностей и компаній. Департаменты, по которымъ будутъ пролегать железныя дороги, обязаны уступить безвозмездно потребныя для нихъ участки земли. Казна приметъ на себя планировку мѣстъ, а компаніи кладку шинъ, доставку матеріаловъ и постройку необходимыхъ зданій. По предварительной смѣтѣ, за точность которой нельзя впрочемъ поручиться, правительство должно употребить капиталъ въ 300 милліоновъ франковъ, причемъ, безъ сомнѣнія, прибѣгнетъ къ займу. На расходы комиссіи, вѣроятно, потребуетъ такая же сумма. Чтобы вознаградить ихъ за предварительныя издержки, имъ хотятъ предоставить на известное число лѣтъ доходы съ железныхъ дорогъ. Правительство, имѣя въ виду настоящее положеніе финансовъ, которое господинъ *Гуманъ* изобразилъ въ декабрѣ 1840 года столь мрачными красками, не рѣшается приступить къ работамъ на многихъ пунктахъ вдругъ и хочетъ, какъ слышно, потребовать десяти-лѣтняго срока для постройки всѣхъ предполагаемыхъ дорогъ. Только железныя дороги отъ Парижа до бельгійской границы и отъ Марсели до Роны будутъ построены безотлагательно. Министерскій планъ, вѣроятно, встрѣтитъ множество возраженій; но Франція уже почти десять лѣтъ разсматриваетъ вопросъ о железныхъ дорогахъ; пора бы кончить пренія и приступить къ дѣлу. Самая дурная система въ практикѣ всё-таки лучше идеальныхъ совершенствъ въ теоріи.»

— Вопросъ о пошлинѣ на сахаръ, который въ послѣднемъ собраніи палаты почитали рѣшеннымъ, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, начинаетъ снова обращать на себя вниманіе. Коммерческое сословіе Гавра подамо министру торговли просьбу, исполненіе которой измѣнило бы всѣ существующія нынѣ постановленія Гаврскіе купцы требуютъ или совершеннаго запрещенія выдѣлки туземнаго сахара или взиманія пошлины въ 49 франковъ 50 сантимовъ со ста килограммовъ, какъ привознаго, такъ и туземнаго сахара. Въ подкрѣпленіе этого требованія просители говорятъ, что колоніальный сахаръ постепенно упалъ въ цѣнѣ до 52 франковъ 50 сантимовъ и что въ настоящую минуту въ Гаврѣ находятся 24,000 бочекъ сахара, которыя, вслѣдствіе продажи по означенной цѣнѣ, причиняютъ хозяевамъ убытку по-крайней-мѣрѣ по 13 франковъ на каждый центнеръ. Изъ двухъ предлагаемыхъ мѣръ гаврскіе купцы отдають, по-видимому, преимущество запрещенію выдѣлки туземнаго сахара. Это

очень понятно, потому что такимъ образомъ они и колонисты, имѣющіе одинаковыя съ ними интересы, избавятся отъ свекловицы, которая втеченіи пяти, шести лѣтъ уже причиняетъ имъ столько опасеній, и сдѣлаются факторами и посредниками въ продажѣ всего потребляемаго во Франціи сахара. Въ подкрѣпленіе своего проекта они приводятъ слѣдующія обстоятельства. Потребленіе не превышаетъ 125 милліоновъ килограммовъ, колоніи въ-состояніи доставить 80 милліоновъ килограммовъ; такимъ образомъ для свекловичнаго сахара остается 45 милліоновъ килограммовъ. Эти 45 милліоновъ приносятъ казнѣ, при пошлинѣ въ 27 франковъ 50 сантимовъ со ста килограммовъ 12.375,000 франковъ. Но если замѣнить ихъ такимъ же количествомъ сахара изъ Бразиліи, Кубы, Порторико и Индіи, то при пошлинѣ въ 60 франковъ 50 сантимомъ они доставятъ 27.225,000 франковъ, то есть 14.850,000 франковъ болѣе нежели свекловичный сахаръ. — При извѣстіи о такомъ домогательствѣ гаврскихъ купцовъ у министра торговли, туземные фабриканты немедленно собрались въ Аррасъ. Они занимаются теперь составленіемъ просьбы на имя правительства, въ которой излагають состояніе своей промышленности и доказываютъ неумѣренность требованій своихъ противниковъ. Этотъ проектъ еще неизвѣстенъ въ публикѣ, но онъ, безъ сомнѣнія, послужитъ поводомъ къ новой борьбѣ, въ которой правительство приметъ участіе неохотно. Вопросъ о сахарѣ причинилъ уже правительству много затрудненій и если онъ въ нынѣшнемъ году будетъ возобновленъ въ палатахъ, то встрѣтится съ проектомъ закона насчетъ негровъ-невольниковъ, который составляетъ теперь особенная комиссія подъ предсѣдательствомъ герцога *де-Броли*.

— Процессъ господина *Ледрю-Роллена* по поводу рѣчи, произнесенной имъ къ своимъ избирателямъ, будетъ тѣмъ важнѣе и любопытнѣе, что три знаменитѣйшіе адвоката, принадлежащіе къ противоположнымъ сторонамъ оппозиціи: господа *Берге*, *Одильонъ-Барр* и *Араб*, будутъ защищать *Ледрю-Роллена* предъ судомъ.

— Господинъ *Сальванди*, который при назначеніи его посломъ въ Мадридъ, долженъ былъ подвергнуться новому выбору въ качествѣ члена палаты депутатовъ, избранъ снова депутатомъ избирательною коллегіею въ *Nogent-le-Rotrou*. Въ Севернѣ, на мѣсто умершаго господина *Салио* (*Saglio*), избранъ въ депутаты министерскій кандидатъ, жандармскій полковникъ *Манье*.

— Посланникъ одной иностранной державы ходатайствовалъ въ недавнемъ времени у французскаго правительства объ освобожденіи принца Людовика Наполеона. Вслѣдствіе того тюрингійскій кабинетъ предлагалъ принцу свободу, если онъ согласится подписать доставленные ему условія. Принцъ не согласился на это предложеніе, и такимъ образомъ въ его судьбѣ не послѣдуетъ никакой перемѣны.

— Изъ Тулона пишутъ отъ 15 числа н. м.: «Дивизія, подъ начальствомъ капитана *Лерэ*, состоящая изъ 4 линейныхъ кораблей и 1 фрегата, возвращающаяся изъ Туниса въ Тулонъ. Здѣсь вообще полагають, что турецкая экспедиція въ Тунисъ только отложена до весны будущаго года. Думаютъ, что французская эскадра не будетъ удалена изъ Средиземнаго Моря, а только перезимуетъ въ Тулонѣ.»

— Изъ Блуды отъ двадцати-третьяго числа прошлаго мѣсяца пишутъ: «Долгое время не было положительныхъ извѣстій объ эмирѣ и глубокое безмолвіе, господствовавшее въ нашей странѣ, мы не иначе могли объяснить, какъ совершеннымъ изнеможеніемъ нашихъ противниковъ. Въ минуту выступленія въ походъ однако жъ необходимо было собрать вѣрныя свѣдѣнія о распоряженіяхъ эмира. Два дни тому назадъ мы получили наконецъ эти свѣдѣнія черезъ одного пѣннаго, которому удалось бѣжать изъ Текедемпа.»

*Абдель-Кадеръ* находится съ большою частью своей регулярной пѣхоты неподалеку отъ мѣста, именуемаго *Шемифскимъ Мостомъ*. Пѣхота его, которую мы считали уничтоженною, состоитъ еще изъ 5.000 человекъ, хорошо обученныхъ и готовыхъ къ бою. Но эмиръ по-видимому нисколько не заботится о продолженіи войны. Онъ приказалъ сообщить разнымъ племенамъ прокламацію, въ которой старается показать большое спокойствіе. Въ этой прокламаціи между прочимъ сказано: «Такъ какъ многіе изъ начальниковъ вашихъ просили меня о мирѣ, который кажется вамъ столь необходимымъ, то я не хочу долѣе лишать васъ столь драгоценнаго блага. Соглашаюсь на миръ, но для этого вовсе не нужно, чтобы я подчинился Французамъ; мы не должны имѣть съ ними никакихъ сношеній и я буду для того только сближаться съ этими невѣрными, чтобы поражать ихъ. Пусть они свободно проходятъ ваши равнины; избѣгайте съ ними встрѣчи, но не обращайтесь въ бѣгство. Богъ будетъ разить ихъ вмѣсто васъ. Дождь и солнце отмсгать имъ за ваши труды и тягости. Скоро непріятель выступить противъ вашихъ городовъ; удалитесь изъ нихъ, перемѣните мѣста вашего пребыванія; старайтесь, чтобы Французы никогда съ вами не встрѣчались и вы будете побѣждать одною помощію Всевышняго!» Эмиръ получилъ изъ Марокко большіе запасы военныхъ снарядовъ и намъ приходится теперь сожалѣть, что до сихъ поръ не принято рѣшительныхъ мѣръ къ прерванію сношеній между Арабами и жителями Марокко.»

— Генералъ *Бюжд* предпринималъ осеннюю экспедицію, оставивъ въ Алжирѣ не болѣе 1.400 человекъ гарнизону, между которыми много выздоравливающихъ. Жители города этимъ недовольны, потому что національная гвардія должна теперь выставлять ежедневно до 200 человекъ для исправленія городской службы. Опасаются, чтобы Арабы по причинѣ столь слабыхъ оборонительныхъ средствъ, не возобновили опустошеній въ окрестностяхъ Алжира. Запрещеніе торговли шерстью и хлѣбомъ возбуждаетъ также неудовольствіе, особенно въ городахъ, жители которыхъ состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Арабами и привыкли получать отъ этой торговли значительныя выгоды.

— По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Африки, Маскара совершенно снабжена провіантомъ и притомъ чрезвычайно скоро, въ 7 дней. Генералъ *Лалорисьеръ* выступилъ съ большимъ транспортомъ двадцать-третьяго октября изъ Мостаганема, а тридцатаго былъ уже обратно на мѣстѣ, не встрѣтивъ нигдѣ значительнаго сопротивленія. Третьяго октября онъ проводитъ новый транспортъ туда же. По словамъ одного оберъ-офицера, отправленнаго на этой недѣли обратно въ Алжиръ, генералъ *Бюжд* намѣревается самъ въ этомъ году атаковать *Абдель-Кадера* въ Тлемсенѣ. Снабженіе Маскары провіантомъ всякаго роду есть только приуготовленіе къ исполненію его плановъ. Вслучаѣ, если Тлемсенъ достанется въ руки Французовъ, сообщеніе *Абдель-Кадера* съ Марокко существенно затруднится. Генералы *Дювилье*, *Шангарнье*, *Бедо*, *Кавеньякъ*, все вновь принимаютъ дѣятельное участіе въ операціяхъ.

— Извѣстія полученные по телеграфу чрезвычайно важны, показывая, что инсurreкція въ Пампелунѣ не есть только одно мѣстное возстаніе. Оттого, вѣроятно, *Journal des Débats*, отзывавшійся до-сихъ-поръ очень осторожно объ этихъ дѣлахъ, обнаруживаетъ нынѣ съ большою откровенностію пристрастіе свое къ дѣлу королевы Христины. Въ этой газетѣ сказано: «Въ *National* обвиняютъ французское правительство въ томъ, будто оно благопріятствуетъ планамъ *О'Доннелла* и не обинуясь объявляютъ, что такой образъ дѣйствія уполномочиваетъ ко всякаго роду возмездіямъ со стороны испанскаго правительства. Предположеніе, возбуждающее въ такой степени гнѣвъ радикальной газеты, мы почитаемъ вовсе неосновательнымъ. Правительство однажды навсегда рѣшилось не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Испаніи; оно остается вѣрнымъ своей системѣ, и какъ оно не принимало

мѣръ къ предупреженію паденія Маріи-Христины, то невѣроятно, чтобы оно нынѣ употребило свое содѣйствіе къ возведенію ея вновь на тронъ. Между-тѣмъ французское правительство обнаруживало всегда большое уваженіе и участіе къ королеви, и очень правдоподобно, что ему пріятно было бы, если бы она снова овладѣла кормиломъ правленія. Всякій свободенъ въ своихъ склонностяхъ; французское правительство можетъ имѣть свое пристрастіе, а издатели *National* свое.

— Въ Парижскомъ Мониторѣ напечатаны были десятаго октября слѣдующія извѣстія изъ Байонны: «*Харреви* (*Эль-Пасторъ*), находившійся въ Вилья-Франкѣ, и *Муньягорри*, стоявшій близъ Астона, объявили себя въ пользу королевы Христины. Жители Бильбао послѣдовали этому примѣру. Маркизъ *д'Аламедъ*, генералъ-депутатъ провинціи Алавы, принялъ начальство надъ частию вооруженныхъ жителей. Въ числѣ генераловъ, принявшихъ сторону королевы, находятся также *Эспиноса*, *Урбистондо* и *Итурбе*. Двѣ прокламаціи, изданныя генераломъ *О'Доннелемъ*, обнародованы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ произошло движеніе. Увѣряютъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ издана прокламація донъ-Карлоса, въ которой онъ совѣтуетъ прежнимъ своимъ приверженцамъ оставаться спокойными, потому что нынѣшнія событія въ Испаніи вовсе до нихъ не касаются.»

— Извѣстіе, сообщенное въ нѣмецкихъ газетахъ, что Акра все еще не очищена Англичанами, сдѣлало нѣкоторое впечатлѣніе. Французскому правительству предстоятъ большія затрудненія, если оно подтвердится. Въ *Gazette de France*, отъ 12 октября, напечатано: «Въ засѣданіи министерскаго совѣта, происходившемъ третьяго дня, представлено было о жалобахъ испанскаго посланника господина *Олоасаги*. По этому поводу рѣшено воспрепятствовать отъѣзду королевы Христины изъ Парижа, и въ департаменты сообщена телеграфическая депеша о строгомъ надзорѣ за испанскими офицерами. Генералы *Ляндеръ* и *Касторъ* пріѣзжали въ Парижъ. Извѣстно, что королева Христина имѣетъ въ своемъ распоряженіи 25 милліоновъ франковъ. Показаніе нѣкоторыхъ газетъ, что архіепископъ Кубы, извѣстный подъ именемъ патера *Кирилла*, состоитъ въ сношеніяхъ съ ближайшими совѣтниками королевы Христины, несправедливо. Онъ находится въ Хивари съ генераломъ *Элио*.»

— Извѣстія, полученные пятнадцатаго и шестнадцатаго октября изъ Испаніи неблагоприятны для дѣла королевы Христины. Предпринятое движеніе въ Мадритѣ не имѣло, по-видимому, ни малѣйшаго успѣху; увѣряютъ, что полученная оттуда послѣдняя телеграфическая депеша обнародована не вполне и что скрыты нѣкоторыя подробности, объ успѣхѣ центрального правительства. Газета *Constitutionel*, пишетъ: «Увѣряютъ сегодня, что господинъ *Сальванди*, французскій посолъ въ Мадритѣ, получилъ приказаніе немедленно отправиться къ своему послу. Англійскій посолъ при испанскомъ дворѣ, также безъ замедленія отправится въ Мадритъ. Оба дипломата получили, какъ слышно, одинаковыя инструкціи; они должны объявить себя противъ возстанія въ Наваррѣ и увѣрить испанскій кабинетъ въ добромъ расположеніи обѣихъ державъ.»

— Въ газетѣ *le Commerce* отъ тринадцатаго октября напечатано: «Намъ только-что сообщили письмо съ испанской границы, одного изъ самыхъ значительныхъ генераловъ партіи королевы Христины, изъ котораго видно, что *Виллареаль*, *Гемесъ* и другіе карлистскіе генералы, проживающіе во Франціи, готовы были отправиться въ Испанію для поддержанія дѣла королевы, но что они перемѣнили свое намѣреніе когда прочли прокламацію *О'Доннелла*, которая обѣщаетъ сохраненіе фуэросовъ отъ имени законодательныхъ властей; послѣднія, какъ извѣстно, до-сихъ-поръ въ нихъ отказывали. Карлистскіе же генералы надѣялись, что королева будетъ поддерживать прежнее уложеніе (королевскій статутъ) и предоставитъ означеннымъ

права по собственной своей власти. Впрочемъ, кажется достовернымъ, что королева согласилась съ Донъ-Карлосомъ и что рѣшено заключить бракъ между старшимъ сыномъ послѣдняго и королевою Изабеллою, хотя Марія-Христина и не сочла нужнымъ объявить о томъ въ своей прокламаціи.

— Въ отношеніяхъ Франціи и Испаніи, къ политическому разрыву присоединяется несогласіе по торговлѣ, для устраненія котораго, по крайней-мѣрѣ подѣ тѣмъ предлогомъ, посланъ господинъ *Сальванди* въ Мадридъ и ускоренъ отъѣздъ его. Декретомъ регентства, кораблямъ, плавающимъ подѣ испанскимъ флагомъ изъ французскихъ гаваней между испанскими границами и Бордо въ океанъ, и между испанскими границами и Марселемъ въ Средиземное Море, отказано въ преимуществахъ, присвоенныхъ національному флоту. Чрезъ то естественнымъ образомъ нанесенъ существенный вредъ французской торговлѣ, и особенно двумъ вышеозначеннымъ приморскимъ городамъ, такъ какъ Бордо и Марсель находили до-сихъ-поръ свою выгоду въ томъ, чтобы производить торговлю въ Испаніи подѣ испанскимъ именемъ. Успѣетъ ли господинъ *Сальванди* въ своихъ переговорахъ объ этомъ предметѣ, при господствующемъ нынѣ въ Мадридѣ предубѣжденіи противъ Франціи, покажутъ послѣдствія; но вѣрно то, что вслучаѣ успѣха, это принесетъ большую честь его дипломатическому искусству.

— Въ *Constitutionnel*, органѣ, какъ извѣстно, испанскаго посольства, напечатано слѣдующее: «Насъ увѣряютъ, что господинъ *Олосага* представилъ нашему правительству ноту, въ которой жалуется на дѣйствія проживающихъ въ Парижѣ и Байоннѣ испанскихъ выходцевъ, и требуетъ, чтобы всѣ тѣ, которые извѣстны какъ виновники безпорядковъ въ Испаніи высланы были изъ Франціи.» — Еще достойнѣе замѣчанія слѣдующій отзывъ газеты *le Temps*, котораго важность усиливается тѣмъ болѣе, что газета *Journal des Débats* принялъ его въ свои столбцы: «Говорятъ, что господинъ *Олосага*, уже два раза объявлялъ французскому правительству, что онъ намѣренъ потребовать свои паспорта. Одинъ министръ сказалъ недавно въ театрѣ, что правительство рѣшилось выдать ихъ ему теперь, какъ-скоро онъ ихъ потребуетъ.»

— Посѣщеніе королевы Христины испанскимъ посланникомъ, господиномъ *Олосагою*, въ день тезоименитства королевы Изабеллы, обратило на себя общее вниманіе публики. Въ письмѣ, которое господинъ *Олосага* недавно обнаружилъ, и которое адресовано къ генералъ-капитану баскскихъ провинцій, находится мѣсто, объясняющее этотъ загадочный поступокъ. Въ немъ сказано: «Возмущеніе, произведенное мнимыми защитниками регентства королевы-матери, при многихъ причиненныхъ имъ бѣдствіяхъ, представляетъ по-крайней-мѣрѣ ту выгоду, что указываетъ на жесточайшихъ враговъ отечества. Чтобы лучше раскрыть планы ихъ и способствовать съ своей стороны къ объясненію настоящаго положенія дѣлъ, я счелъ своею обязанностію обратиться къ ея величеству королевы Христины, и узнать, дѣйствительно ли генералу *О'Доннелю* и другимъ, выдающимъ себя въ Наваррѣ и баскскихъ провинціяхъ за агентовъ королевы, дано ея величествомъ право дѣйствовать ея королевскимъ именемъ. Пріѣздъ англійскаго курьера, привезшаго ко мнѣ шесть писемъ отъ ея величества королевы Изабеллы и ея высочества инфантины къ ихъ августѣйшей матери, доставилъ мнѣ самый благопріятный случай, какого только я могъ желать. Когда я допущенъ былъ къ ея величеству, и вручилъ ей письма, то сообщилъ ей и желаніе моего правительства, получить объясненіе насчетъ того, справедливо ли все, что говорили въ Пампелунѣ и другихъ мѣстахъ баскскихъ провинцій о ея королевской особѣ и ея планахъ. Ея величество благоволила отвѣчать, что *«несправедливо, будто она даровала генералу О'Доннелю титулъ вице-короля Наварры и генералъ-капитана баскскихъ провинцій; несправедливо, будто она даровала ему или кому-либо другому*

*власть, которой ея величество сама не имѣетъ; все, предпринятое этими генералами, дѣлается ими отъ самихъ себя»* Ея величество повторила свои выраженія нѣсколько разъ, присовокупивъ: «Докажите мнѣ противное, если можете», и уполномочила меня передать правительству это объясненіе, равно какъ и ея желаніе счастья и спокойствія Испаніи.»

— Въ газ. *le Constitutionnel* говорятъ: «Не легко исчислить партій, основывающихъ свѣ и надежды на новыхъ безпорядкахъ въ Испаніи. Есть партія, которая желаетъ возстановленія неограниченной монархической власти и королевскаго статута. Мы не будемъ затруднять себя исчисленіемъ разныхъ подраздѣлений этой партіи. За тѣмъ слѣдуетъ партія, которая не желаетъ, чтобы реакція простиралась до крайней степени, и хочетъ, чтобы королевы Христины возвращено было регентство, а приверженцамъ ея — министерскія мѣста. Третья партія, къ которой принадлежатъ подписавшіе бергарскую конвенцію, независимая *Эспартеро* хлопочетъ только о себѣ и своихъ привилегіяхъ. Далѣе, существуетъ партія, которая желаетъ сближенія дона Карлоса и королевы Христины посредствомъ бракосочетанія принца Астурійскаго съ королевою Изабеллою и отреченія дона Карлоса. Пятая партія хочетъ также бракосочетанія королевы Изабеллы съ принцемъ Астурійскимъ, и требуетъ, чтобы напередѣ, формально были признаны права послѣдняго. Шестая партія надеется, что во время безпорядковъ будетъ провозглашенъ королемъ донъ Карлосъ. Седьмая партія, республиканская, находитъ себѣ приверженцевъ въ Каталоніи. Эти партіи стараются согласиться одна съ другой, но напрасно. Каждая изъ нихъ имѣетъ свѣй планъ государственнаго устройства, признаетъ или не признаетъ фуэросовъ, принимаетъ или не принимаетъ муниципальный законъ и утвержденіе федеративнаго начала въ Испаніи. Но всѣ онѣ согласны въ томъ, чтобы содѣйствовать безпорядкамъ въ Испаніи для достиженія своихъ цѣлей.»

— Въ газетѣ *Courier de la Gironde*, которая почитается о главномъ охранительной партіи въ провинціяхъ, не советуютъ господину *Сальванди* при нынѣшнихъ обстоятельствахъ отправляться въ Испанію. Многія газеты увѣряютъ, что отъѣздъ новаго посланника дѣйствительно отложенъ.

— Инсurreкція въ Испаніи остановлена. *О'Доннелъ* находится уже во французскихъ владѣніяхъ и съ остатками своего войска поступаетъ въ число политическихъ выходцевъ, живущихъ въ южныхъ городахъ Франціи и ожидающихъ новыхъ замѣчателъствъ въ Испаніи. Но если испанская инсurreкція прекращена, то нельзя, кажется, сказать то о же самаго объ испанскомъ вопросѣ. Теперь ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ о движеніи войскъ къ испанской границѣ. Даже въ Парижскомъ Мониторѣ сказано, что разные полки получили приказаніе приблизиться къ Пиренеямъ. Нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что армія, которую полагаютъ сосредоточить на пиренейской границѣ, будетъ простираться до 40,000 человекъ. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужили, какъ слышно, угрожающій тонъ испанскаго правительства и нота, поданная господиномъ *Олосагою*, въ которой онъ настаиваетъ, чтобы королевы Христины воспрещено было оставаться во Франціи. Предположено также отправить къ испанскимъ берегамъ обсервационную эскадру. По-крайней-мѣрѣ въ газетѣ *Toulonnais*, отъ двадцатаго октября, напечатано: «Кораблямъ, состоящимъ подѣ начальствомъ адмирала *Кази*, приказано готовиться къ отплытію въ море. Сегодня въ 8 часовъ утра адмиралъ поднялъ свой флагъ на «Суфренъ» и по всей вѣроятности, какъ этотъ корабль, такъ и три другіе «Маренго», «Юпитеръ» и «Сципионъ» отправятся въ Брестъ. Насчетъ этого неожиданнаго движенія носятся весьма различныя слухи. Съ одной стороны думаютъ, что дивизія адмирала *Кази* отправится къ испанскимъ берегамъ, а съ другой, что эскадра назначена къ отплытію изъ Бреста въ Соединенные Штаты.»

— Въ Journal des Débats объясняютъ слѣдующимъ образомъ неудачу инсurreкціи въ испанскихъ провинціяхъ, которыя въ прежнее время оказывались самыми воинственными: «*О'Доннелъ* надѣялся своими средствами и при содѣйствіи партіи, защищающей фуэрорсы, удержаться въ центрѣ государства и воспламенить духъ беспорядка между горными народами. Но извѣстія изъ Мадрита, Сарагоссы и Барселоны, возстанія повсюду неудавшіяся и подавленные, приближеніе сильныхъ колоннъ, переправляющихся уже чрезъ Эбро, всѣ эти обстоятельства привели въ уныніе его сообщниковъ и побудили ихъ покориться. Города, не имѣвъ времени сами себя привести въ оборонительное положеніе, вступили также въ переговоры, и такимъ образомъ генералы и офицеры, покинутые со всѣхъ сторонъ, должны были искать спасенія въ бѣгствѣ.»

— Въ Messager напечатано слѣдующее: «Во многихъ оппозиціонныхъ журналахъ, съ нѣкотораго времени, говорятъ объ одномъ паспортѣ, найденномъ въ бумагахъ *Мульгорри*, и выданномъ ему подпрелектомъ байонскимъ на обратный отъездъ въ Испанію. Правительству вовсе неизвѣстно это обстоятельство, противурѣчающее его инструкціямъ. Относительно этого предмета, оно не получало отъ испанскаго правительства ни жалобы, ни даже простаго извѣщенія.» Въ *Courrier français* замѣчаютъ по этому случаю: «Мы не сомнѣваемся въ искренности и добросовѣстности министерства; и какъ оно объявляетъ, что выдача *Мульгорри* паспорта противурѣчитъ его инструкціямъ, то надобно полагать, что чиновникъ, дозволившій себѣ такой поступокъ, принявъ его на личную свою отвѣтственность. Существованіе паспорта не подлежитъ сомнѣнію. Если министерство дѣйствительно желаетъ видѣть то, что мы видѣли, то ему стоить только объявить объ этомъ желаніи, и тогда представленъ будетъ ему паспортъ, выданный имъ байонскимъ подпрелектомъ.»

— Слухъ, распространившійся на биржѣ, что правительство намѣрено сосредоточить на испанской границѣ обсервационный корпусъ, по-видимому подтверждается. Въ министерскомъ совѣтѣ, собиравшемся осьмагаго октября въ Сенъ-Клу, рѣшено послать къ испанской границѣ обсервационный корпусъ.

— Въ газетѣ le Temps увѣряютъ, что королева Марія-Христина дала честное слово не выѣзжать изъ Парижа безъ согласія правительства.

— Съ нѣкотораго времени между войсками замѣтно движеніе; они сосредоточиваются на испанской границѣ. Изъ военнаго министерства посланы повелѣнія къ начальникамъ седьмой, девятой, десятой и одиннадцатой военныхъ дивизій, отправить въ походъ къ Перпиньяну часть войскъ, находящихся подъ ихъ начальствомъ.

— Въ газетѣ le Droit сказано: «Переговоры о торговомъ трактатѣ между Франціею и Бельгіею начались снова и все заставляетъ надѣяться, что въ этотъ разъ они приведутъ къ благоприятному результату. Господинъ *Гауманъ*, одинъ изъ важнѣйшихъ брюссельскихъ книгопродавцевъ, состоящій въ числѣ коммиссаровъ со стороны Бельгіи, прибылъ въ Парижъ для совѣщанія о статьяхъ договора, касающихся до книжной торговли и до перепечатыванія.

— Порученіе, возложенное на господина *Пискатори* въ Греціи, подало въ свое время поводъ ко многимъ толкамъ. Нынѣ онъ, послѣ довольно продолжительнаго отсутствія, воротился въ Парижъ, и въ Constitutionel сообщаютъ слѣдующее о цѣли, которую имѣло его порученіе: «Особенная цѣль поѣздки господина *Пискатори* въ Грецію состояла въ томъ, чтобы собрать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи греческаго правительства и предпринять нѣкоторыя розысканія относительно вспомогательныхъ средствъ страны.

Греческое правительство, какъ кажется, уже нѣсколько разъ требовало, чтобы выплачена была послѣдняя часть займа, за который поручилась Франція, и министерство, прежде нежели сдѣлать дальнѣйшій шагъ, хотѣло убѣдиться, до какой степени жертвы, принесенныя Греціи, были ей полезны. Господинъ *Пискатори*, какъ увѣряютъ, собралъ свѣдѣнія, довольно благоприятныя. Греція, хотя все-еще волнуемая партіями, воспользовалась протекшими годами. Нельзя не признать, что несмотря на множество претяствій, въ ней существуютъ всѣ элементы будущаго благосостоянія.

— Небольшой островъ Носса-бе, занятый по повелѣнію прежняго министерства, на сѣверо-западной сторонѣ Мадагаскара, снова по распоряженію настоящаго кабинета счищенъ, потому что французскій гарнизонъ лишился половины своихъ людей отъ лихорадки. И такъ Французамъ не удалась, подобно прежнимъ, и эта попытка завоевать Мадагаскаръ, несмотря на всякаго рода пособія, оказанныя имъ Сакалавами, враждовавшими съ Гювасами, главнымъ народомъ острова. Сакалавы заплатились уже дорого за свою измѣну, и по совершенномъ выступленіи Французовъ они будутъ, вѣроятно, еще болѣе наказаны за помощь, оказанную ими европейскимъ пришельцамъ. Между-тѣмъ какъ Франція въ подобныхъ предпріятіяхъ, дурно рассчитанныхъ, расточаетъ свои силы, Англичане съ своей стороны готовятъ планъ высадки на Мадагаскаръ, который, вѣроятно, будетъ имѣть лучшій успѣхъ. Претендентъ престола, *Раманетика*, двоюродный братъ покойнаго короля Гювасовъ, *Радамы*, изгнанный *Ранавиломъ*, нашель чрезвычайно благосклонный пріемъ въ Бомбаѣ и, кажется, близко уже время, когда Англичанамъ можно будетъ попытаться, съ помощію претендента, водворить на Мадагаскарѣ, сначала свое вліяніе и торговлю, а потомъ и свое владычество.

— Въ одной здѣшней газетѣ напечатано слѣдующее: «Одинъ высшій чиновникъ морскаго министерства, посланный съ мѣсяцъ тому назадъ въ Англію, воротился на дняхъ въ Парижъ и занимается доннынъ составленіемъ донесенія о положеніи англійскаго флота. Онъ говоритъ, что англійское адмиралтейство, въ то самое время, когда лондонскій кабинетъ столь настойчиво требуетъ обезоруженія нашего флота, разсылаетъ приказанія о снаряженіи новыхъ кораблей. Насъ увѣряютъ, что Англія теперь имѣетъ десять совершенно оснащенныхъ кораблей болѣе, нежели въ июль прошедшаго года.

— Въ одной изъ здѣшнихъ газетъ утверждаютъ, что французскій кабинетъ предложилъ англійскому правительству и Соединеннымъ Штатамъ посредничество свое къ окончанію несогласій, возникшихъ по поводу дѣла *Макъ-Лауда*. Такое извѣстіе при нынѣшнемъ положеніи означеннаго дѣла, когда все зависитъ отъ окончательнаго результата судебного процесса, не имѣетъ никакого вѣроятія.

— Въ Messager, отъ семнадцатаго октября, напечатано: «Въ нѣкоторыхъ газетахъ говорено было о собраніи писемъ Генриха IV, которое готовится къ печати подъ руководствомъ министра народнаго просвѣщенія. Розысканія, предпринятая для этой цѣли нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, привели уже къ важнымъ и замѣчательнымъ результатамъ. Число собранныхъ доннынъ писемъ подтверждаетъ все, что извѣстно было насчетъ обширной переписки Генриха IV. Говорятъ, что доселѣ найдено до двухъ тысячъ пяти сотъ оригинальныхъ писемъ, въ числѣ которыхъ находится 1,500 доннынъ вовсе неизвѣстныхъ. Изданіе этого замѣчательнаго творенія поручено господину *Берже де-Ксирею* (Berger de Xivrey), члену института. Письма расположены будутъ въ хронологическомъ порядкѣ; въ нихъ отразятся всѣ эпохи и превратности жизни Генриха IV, какъ частнаго человека, какъ воина и какъ политика. Это собраніе будетъ заключать въ себѣ весь интересъ достоверныхъ записокъ объ одномъ изъ величайшихъ королей нашихъ и всю важность драгоцѣннаго патрѣтика французскаго языка и французскаго духа.»



— Въ одной изъ вечернихъ газетъ напечатано: «Шестнадцатаго октября утромъ въ церкви святаго Сюльпиція былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія *Жюль-Жанена* съ дѣвицею *Гюз* (Huët), дочерью адвоката. Въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при этомъ торжественномъ актѣ, находились: герцогъ *Деказъ*, члены палаты депутатовъ: *Фульдъ*, *д'Эстанжъ*, *Порталисъ*; господа *Энгръ*, *Дюпонъ*, *Спонтини*, баронъ *Биллинъ*, *Сильвестръ де Саси*, *Шевалье* и прочіе. Свидѣтелями со стороны *Жюль-Жанена* были: первый президентъ королевскаго суда въ Руанѣ *Франкъ-Карре*, и главный редакторъ *Journal des Débats*, *Арманъ Бертенъ*; а со стороны дѣвицы *Гюз*: генераль-прокуроръ при королевскомъ судѣ въ Парижѣ, *Геберъ*, и *Фредерикъ-Сулле*.»

## АНГЛІЯ.

Всѣ просьбы на имя королевы противъ отсрочки парламента были представлены ея величеству, но не вѣганы, которымъ онъ былъ доверенъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, сэромъ *Дж. Грагамомъ*; такъ распорядились подѣ тѣмъ предложеньемъ, что королева нуженъ покой. Само-собою разумѣется, что просьбы не произвели никакого дѣйствія, потому что согласиться на нихъ противъ воли министровъ значило бы заставить ихъ выйти въ отставку въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда никакая другая партія не въ-состояніи образовать новаго министерства. Это не привело бы къ желанной цѣли и причинило бы только новыя затрудненія. Вотъ почему седьмаго октября и послѣдовала отсрочка парламента; засѣданія отложены пока до одиннадцатаго ноября, но нѣтъ сомнѣнія, что по наступленіи этого времени послѣдуетъ новая отсрочка до будущаго февраля мѣсяца.

— При тайномъ совѣтѣ составленъ комитетъ общественнаго образованія; члены его суть: графъ *Варнклифъ*, сэръ *Р. Пилъ*, герцогъ *Букингамъ*, господинъ *Гульбурнъ*, сэръ *Дж. Грагамъ*, лордъ *Станлей* и лордъ *Соммерсетъ*.

— Въ *Morning Chronicle* выдаютъ за достовѣрное, что въ скоромъ времени въ министерствѣ сэра *Р. Пилъ* произойдетъ измѣненіе по поводу законовъ о хлѣбѣ. «Лордъ *Пальмерстонъ*, сказано въ этой газетѣ, замѣтилъ весьма справедливо, что настоящая причина, по которой сэръ *Р. Пилъ* требуетъ отсрочки засѣданій парламента, заключается въ томъ, что члены нынѣшняго кабинета несогласны между собою, и первый министръ чувствуетъ необходимость отсрочки, чтобы въ послѣдствіи или достигнуть единодушнаго сдѣйствія своихъ товарищей или отказать отъ дальнѣйшаго управленія дѣлами. Между-тѣмъ онъ надѣется удалить нѣкоторыхъ членовъ кабинета, которые противятся его видамъ насчетъ измѣненій въ законахъ о хлѣбѣ. Трудно впрочемъ, повѣрить, чтобы сэру *Р. Пилю* удалось улучшить эти законы; даже и вслучаѣ существеннаго ихъ измѣненія, онъ едва ли достигнетъ предполагаемой цѣли.»

— Въ *Morning Post* замѣчаютъ, что три члена кабинета занимаютъ почетныя мѣста и въ ученомъ свѣтѣ. Графъ *Абердинъ* — президентъ общества антикваріевъ; графъ *Рейлонъ* — президентъ королевскаго литературнаго общества, а графъ *Грей* — президентъ королевскаго института британскихъ архитекторовъ.»

— Изъ обнародованнаго на дняхъ обозрѣнія государственныхъ доходовъ видно, что впродолженіи послѣднихъ трехъ четвертей года собрано 248,148 фунтами стерлинговъ болѣе противъ соответствующихъ четвертей 1840 го-

да. Доходы послѣдней четверти, сравнительно съ соответствующею четвертью 1840 года, представляютъ приращеніе въ 241,741 фунтовъ стерлинговъ. Въ послѣднія три четверти почтовые доходы уменьшились 268,000 фунтовъ стерлинговъ, а таможенные 667,522 фунтовъ стерлинговъ противъ доходовъ соответствующихъ четвертей 1840, зато акцизный доходъ представляетъ противъ послѣдняго года приращеніе въ 872,547 фунтовъ стерлинговъ.

— Въ Придворной Газетѣ сообщаютъ о наградахъ орденами и чинами многихъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Кантона. Важнѣйшее отличіе, орденъ бани первой степени, получилъ главнокомандующій сухопутными войсками, сэръ *Ю Гю*.

— Господинъ Генри Литтонъ *Болверъ* воротился въ Парижъ, чтобы вновь принять званіе легаціоннаго секретаря. «Совершенно справедливо, хотя и очень странно, замѣчаютъ въ *Morning Herald*, что ему (какъ извѣстно, вѣгу,) предлагаемо было мѣсто перваго секретаря при новомъ генераль-губернаторѣ Канады, сэръ Чарльзъ *Баготъ*.»

— Въ Придворной Газетѣ отъ девятнадцатаго октября официально объявляютъ о назначеніяхъ на разныя дипломатическія мѣста, а именно: лорда *Коулея* посломъ въ Парижъ; сэра Стратфорда *Каннинга* посланникомъ въ Константинополь, сэра Роберта *Гордона* посломъ въ Вѣну и лорда *Бургерша* чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ.

— По новѣйшей народной переписи оказывается приращеніе 30 процентовъ въ населеніи мануфактурныхъ округовъ, и убыль въ два процента съ половиною въ земледѣльческихъ. Народонаселеніе вообще увеличилось двѣнадцатью процентами. Изъ этого заключаютъ, что многіе земледѣльцы переселились въ мануфактурные округи, и что перемѣна въ законахъ о хлѣбѣ произведетъ еще худшія послѣдствія въ этомъ отношеніи.

— Собраніе парламента, отложенное предварительно только до двадцать-перваго числа октября снова отсрочено до двадцать-перваго декабря.

— По распоряженію адмиралтейства, во всѣхъ военныхъ портахъ вербуются теперь матросы. Увѣряютъ также, что въслѣдствіе смнѣнительныхъ отношеній къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки приступлено къ вооруженію не менѣе двадцати-шести или тридцати кораблей.

— Наше правительство, судя по его распоряженіямъ, готово встрѣтить всякую опасность. Въ одномъ Портсмутѣ находится въ готовности не менѣе девятнадцати большихъ и малыхъ судовъ, преимущественно пароходовъ, которые ждутъ только укомплектованія своихъ экипажей, чтобы выйти въ море. Въ Канадѣ стоитъ подѣ ружьемъ по-крайней-мѣрѣ 20,000 регулярнаго и хорошо обученаго войска. На вѣсть-индскихъ островахъ также всѣ войска могутъ быть употреблены въ дѣло; а сверхъ-того, какъ мы узнали изъ достовѣрнаго источника, формируются повсюду полки изъ свободныхъ негровъ, которые вслучаѣ надобности могутъ быть употреблены противъ южныхъ штатовъ. Въ то же время большой флотъ нашъ можетъ запрететь гавани этихъ штатовъ и воспрепятствовать тѣмъ войнѣ, производимой каперскими судами, которыми Американцы въ прежнихъ случаяхъ такъ много вредили нашей торговлѣ. Если они обратятъ оружіе противъ сѣверныхъ нашихъ владѣній, то мы можемъ противопоставить имъ непримиримыхъ враговъ ихъ — красныхъ людей, живущихъ по ту и по сю сторону ихъ гра-

ницы. Не только отправление новаго губернатора, сэра Чарлза *Баюта*, но даже отплытіе почтоваго парохода «Британнія» приостановлено, для того чтобы правительство, узнавъ напередъ обстоятелъна о рѣшеніи процесса *Макъ-Лауда* и о послѣднихъ событіяхъ, могло сообщить чрезъ нихъ свое окончательное рѣшеніе.

— Лордъ *Элленборо*, котораго назначеніе въ генераль-губернаторы Остъ-Индіи утверждено правленіемъ остъ-индской компаніи, отправится къ своему посту чрезъ Египетъ.

— Въ министерской газетѣ *Morning-Herald*, которая до-сихъ-поръ-защищала господина *Гизд*, помѣщена нынѣ сильная статья противъ французской политики въ-отношеніи къ Испаніи. Въ ней очень неодобряютъ того, что полу-официальные парижскіе журналы такъ сильно нападаютъ на *Эспартеро*.

— Въ одной газетѣ графства Фейфъ сообщаютъ, что на дняхъ, близъ мѣстечка Кинкардинъ, былъ выброшенъ на берегъ огромный гренландскій китъ, которымъ жители съ большимъ трудомъ успѣли овладѣть. Морское чудовище дѣлало отчаянныя усилія, чтобы возвратиться въ воду и наносило нападающимъ столь сильные удары хвостомъ, что многіе изъ нихъ попадали въ море. Китъ былъ длиною въ сорокъ футовъ и оцѣненъ въ 150 гиней.

— Въ доказательство быстроты нынѣшняго почтоваго сообщенія съ Остъ-Индіею, газета *Globe* приводитъ, что втораго іюля нынѣшняго года торговый домъ *Кокерилла* и компаніи въ Лондонѣ, отправилъ письмо черезъ Марсель въ Калькутту и отвѣтъ на него получилъ осьмага октябрю, то есть, чрезъ 93 дня.

— Господинъ *Галль*, директоръ желѣзной дороги восточныхъ графствъ, изобрѣлъ новую систему сигналовъ для желѣзныхъ дорогъ. Система эта, какъ увѣряютъ, болѣе всѣхъ прежнихъ сообразна съ цѣлію; на дняхъ она будетъ введена въ употребленіе на означенной дорогѣ, а вслучаѣ успѣха распространится и на всѣ другія.

— Покойный генераль-губернаторъ Канады, лордъ *Сиденгамъ*, извѣстенъ былъ прежде подъ своимъ фамильнымъ именемъ *Поулетъ-Томсонъ*, и былъ съ 1830 года при лордѣ *Грей* и лордѣ *Мельбурнѣ* сначала вице-президентомъ, а потомъ президентомъ коммерческой палаты и членомъ тайнаго совѣта до тѣхъ самыхъ поръ, пока по смерти лорда *Дургама* не назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Канады съ званіемъ пера. Онъ въ-особенности зналъ очень хорошо торговыя отношенія Англіи, и пользовался большимъ уваженіемъ въ партіи вигговъ. Онъ умеръ на сорокъ-седьмомъ году своей жизни, и титулъ пера пресѣчется съ нимъ вмѣстѣ, потому что онъ не былъ женатъ.

— Въ Гуль на прошлой недѣль прибылъ бригъ «*Circassian*» съ грузомъ 2,000 квартеровъ таганрогской пшеницы. Послѣдняя воспламенилась, вѣроятно, на пути, потому что при входѣ въ докъ весь корабль мгновенно объятъ былъ пламенемъ. Большая часть груза совершенно истреблена, а корабль сильно поврежденъ; потерю оцѣниваютъ въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Намѣреніе правительства учредить правильное пароходное сообщеніе съ Востъ-Индіею будетъ приведено въ дѣйствіе съ двадцать-пятого октябрю. Большая часть назначенныхъ для того прекрасныхъ пароходовъ построена уже въ Гренокъ.

— Втеченіе второй половины нынѣшняго года лондонскихъ вечернихъ газетъ разошлось слѣдующее число экземпляровъ: *Courier* въ апрѣлѣ 12,000, въ маѣ 19,000, въ іюнѣ 17,000, всего 48,000 экземпляровъ; *Globe* въ апрѣлѣ 80,000, въ маѣ 80,000, въ іюнѣ 100,000, всего 260,000 экземпляровъ; *Standard* въ апрѣлѣ 70,000, въ маѣ 80,000, въ іюнѣ 100,000, всего 250,000 экземпляровъ; *Sun* (вечерней и утренней газеты) въ апрѣлѣ 100,000, въ маѣ 100,000, въ іюнѣ 114,000, всего 314,000 экземпляровъ.

— Въ 1840 и 1841 годахъ англійскими кораблями привезено чаю на 18.097,985 фунтовъ стерлинговъ.

— Сборъ на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ составляетъ нынѣ 100,000 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю.

— О возвышеніи въ Сѣверной Америкѣ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ въ *Sun* отзываюся слѣдующимъ образомъ: «Мы съ сожалѣніемъ замѣчаемъ въ новомъ сѣверо-американскомъ тарифѣ, обращенномъ нынѣ въ законъ, значительное возвышеніе пошлинъ: статьи, за которыя взималось до сихъ поръ очень мало, обложены нынѣ огромною пошлиною въ двадцать процентовъ съ цѣнности. Такое возвышеніе тарифа равносильно запрещенію въ-отношеніи къ ввозу льняныхъ и другихъ британскихъ товаровъ. Прежніе президенты Соединенныхъ Штатовъ всегда вооружались противу всякаго ограниченія торговли и они-то навѣрное не пользуются популярностью въ южныхъ штатахъ союза. Но, по-видимому, промышленнымъ классамъ удалось наконецъ заставить принять свои мнѣнія, хотя это вовсе не нравится прочимъ ихъ согражданамъ.»

— Девятнадцатаго октябрю вода въ Темзѣ опять значительно поднялась, хотя и не такъ высока какъ за день передъ тѣмъ. Говорятъ, что отъ воды потеряно слишкомъ 10,000 домовъ. Вредъ, причиненный наводненіемъ въ оба дни, значителенъ; въ-особенности помесли убытки хозяева магазиновъ и другихъ подобныхъ строеній на берегу Темзы.

— На пароходѣ «*Great Western*» привезены извѣстія изъ Нью-Йорка отъ двадцать-пятого сентября; важнѣйшее изъ нихъ заключается въ смерти генераль-губернатора Канады, лорда *Сиденгама*, послѣдовавшей девятнадцатаго сентября, отъ сильныхъ судорогъ послѣ перелома ноги. За день предъ тѣмъ было закрыто первое собраніе законодательнаго сословія. Главнокомандующій канадскими войсками сэръ *Р. Джексонъ* заступилъ временно мѣсто покойнаго генераль-губернатора. Принцъ Жоанвильскій прибылъ девятнадцатаго сентября въ Нью-Йоркъ и намѣревался отправиться въ Вашингтонъ.

— По поводу новѣйшихъ извѣстій изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, газета *Times* говоритъ слѣдующее: «Опасенія, возбужденныя прежними преувеличенными или вовсе искаженными слухами, теперь должны исчезнуть. Взятіе *Грогана* подъ стражу изображали несчастнымъ событіемъ, чрезвычайно опаснымъ для *Макъ-Лаудова* дѣла, которое, нанося оскорбленіе Соединеннымъ Штатамъ, исполнило жителей ихъ, особенно въ пограничныхъ округахъ, ненавистью къ Канадцамъ, и легко могло имѣть слѣдствіемъ войну. Оставаясь при нашей твердой увѣренности въ освобожденіи *Макъ-Лауда*, мы тогда же объявили всѣ подробности о взятіи подъ стражу *Грогана*, — бѣжавшаго изъ Канады и выдавашаго себя за полковника, — либо вымышленными, либо весьма преувеличенными. Новѣйшія извѣстія подтвердили справедливость нашего мнѣнія. Американскія газеты, теперь тоже начинаютъ говорить, что присяжные, по всей вѣроятности, не могутъ обвинить *Макъ-Лауда*, въ чемъ въ Европѣ никогда не сомнѣвались. Владѣлецъ парохода «*Каролина*», господинъ *Вельсъ*, не хочетъ присягнуть въ томъ, что онъ когда-нибудь видѣлъ *Макъ-Лауда*. Нѣтъ ни одного американскаго сви-

дѣтеля, который бы видѣлъ его на палубѣ «Королины» или въ непріязненномъ отношеніи къ кому-нибудь изъ экипажа этого парохода; до-сихъ-поръ невозможно было привести ни одного дѣйствительнаго доказательства въ мнимомъ его преступленіи. Американскіи газеты сами сознаются въ этомъ; но какъ бы то ни было, судебное слѣдствіе всё-таки должно быть доведено до конца; оно продлится отъ двѣнадцати до четырнадцати дней, и будетъ имѣть тотъ результатъ, который съ самаго начала *Макъ-Лауда* дѣла былъ предсказанъ нью-йоркскими газетами. По тогда, послѣ оправданія *Макъ-Лауда*, естественно долженъ возникнуть вопросъ, за что же онъ такъ долго томился въ заключеніи? Недостаточность уликъ была известна Американцамъ съ годъ назадъ. Какимъ же образомъ оправдать это продолжительное заключеніе? Такъ какъ не было причины къ арестованію и содержанію въ тюрьмѣ *Макъ-Лауда*, то двойное нарушеніе народнаго права сдѣлалось тѣмъ очевиднѣе, что наше правительство, совершенно независимо отъ виновности или невинности *Макъ-Лауда*, припало на себя съ самаго начала всю отвѣтственность за поступокъ, въ которомъ его обвиняли. — Если съ одной стороны Американцы положили кончить дѣло *Макъ-Лауда* такимъ образомъ, что неразрѣшенными останутся послѣ того одни вопросы второстепенные, не заключающіе въ себѣ необходимой причины къ войнѣ, — то съ другой стороны, мы узнаемъ съ удовольствіемъ, что обстоятельства, сопровождавшія задержаніе *Грозана*, должны были тотчасъ оказаться маловажными и не влекущими за собою ни какихъ критическихъ послѣдствій. Во-первыхъ, никто не оспариваетъ преступную виновность этого выходца въ нарушенія его обязанностей какъ Британца; во-вторыхъ, можно не безъ основанія полагать, что если онъ и былъ схваченъ въ американскихъ владѣніяхъ, то преслѣдовавшіе его вовсе о томъ не знали. Сверхъ-того, онъ былъ арестованъ не регулярнымъ британскимъ войскомъ, а канадскими волонтерами. Наконецъ, если окажутся достаточныя причины къ его освобожденію, монреальскіи начальства, конечно, не замедлятъ признать ихъ и британское правительство не откажетъ въ своемъ согласіи. Вотъ почему мы съ увѣренностію повторяемъ, что дѣло *Грозана* отнюдь не воспрепятствуетъ дружественному окончанію нашихъ несогласій съ Америкою. Если присоединить къ этому оправданіе *Макъ-Лауда*, которое должно вскорѣ послѣдовать, то останутся только вопросы второстепенной важности, миролюбивому разрѣшенію которыхъ Американцы, конечно, не будутъ противиться.»

— Извѣстія изъ Китая оказали значительное вліяніе на цѣны чая; онѣ упали вновь 15 процентами, что однако жъ, должно показаться преждевременнымъ, потому что войну съ Китаемъ никакъ еще нельзя считать оконченною.

— Какъ ни велика была радость при полученіи извѣстія, сообщеннаго французскимъ телеграфомъ, что Кантонъ занятъ англійскими войсками, она скоро миновалась, когда изъ подлиннаго донесенія узнали, что капитанъ *Эллиотъ*, вмѣсто того чтобы овладѣть этимъ важнымъ городомъ, согласился принять выкупъ, несмотря на явное неудовольствіе начальниковъ, какъ морскихъ такъ и сухопутныхъ британскихъ силъ. Ни въ Кантонѣ, ни въ Индіи, ни здѣсь, никто, по-видимому, не можетъ понять, какія намѣренія имѣлъ при этомъ *Эллиотъ*. Когда по мнѣнію его, занятіе города не могло доставить выгодныхъ мирныхъ условій, то къ чему было атаковать его? Когда городъ представлялся ему вѣрною добычею, когда командиръ сухопутныхъ войскъ сэръ *Ю Гоу* объявилъ, что можетъ овладѣть имъ и долженъ стараться только о предохраненіи жителей отъ насилія, то зачѣмъ было отказываться отъ добычи и домогаться платы за пощаду? Сверхъ-того капитанъ *Эллиотъ* отменилъ экспедицію на Сѣверь (нѣкоторые полагаютъ противъ Аммонъ, а другіе противъ самого Пекина), для того, чтобы предпринять нападеніе на Кантонъ, которое, кромѣ полученныхъ пяти милліоновъ таллеровъ контрибуціи, не можетъ принести никакой пользы, потому что обещаніе китай-

скихъ начальствъ ничего не значить, если вѣтъ уже возможности требовать его исполненія пушечными выстрѣлами. Впрочемъ, однако жъ, предполагаемая экспедиція на Сѣверь всё-таки должна была состояться и съ слѣдующею почтою, вѣроятно, получатся дальнѣйшія о томъ извѣстія, потому что полковникъ *Поттинджеръ* и адмиралъ *Паркеръ* могли прибыть въ Макао не ранѣе августа мѣсяца и капитанъ *Эллиотъ* имѣлъ, слѣдовательно, цѣлыхъ два мѣсяца времени, чтобы уничтожить своею дипломатикою слѣдствія храбрости, искусства и терпѣнія нашихъ моряковъ и сухопутнаго войска. — Новый губернаторъ Кантона, племянникъ императора, донесъ, какъ кажется, послѣднему, что онъ заплатилъ Англичанамъ за опиумъ для того, чтобы освободить отъ ихъ присутствія жителей, требующихъ мира. Какъ удивится послѣ того императоръ, когда явится *Поттинджеръ* и за уничтоженный опиумъ и другіе убытки потребуетъ еще 15 милліоновъ таллеровъ? Но гораздо важнѣе другое требованіе, которое онъ долженъ сдѣлать и которое состоитъ въ томъ, чтобы всѣ китайскія гавани были открыты для иностранной торговли и чтобы Англичане не только удержали за собою Хонгъ-Конгъ, но чтобы имъ сверхъ-того дозволено было купить землю въ важнѣйшихъ приморскихъ мѣстахъ для заведенія факторій. Какъ ни тягостно должно быть такое требованіе для Китайцевъ, но императоръ ихъ едва ли не принужденъ будетъ на него согласиться.

— Между-тѣмъ какъ съ одной стороны увѣдомляютъ, что выплаченныя капитану *Эллиоту* китайскими начальствами въ Кантонѣ деньги, будутъ отправлены въ Англію, съ другой стороны увѣряютъ, будто капитанъ *Эллиотъ* самопроизвольно одною частію ихъ вознаградилъ англійскій домъ *Дента* въ Китаѣ за отнятый у него опиумъ, и притомъ по 500 долларовъ за ящикъ, между-тѣмъ какъ въ одномъ письмѣ къ лорду *Аукланду*, генералъ-губернатору Остъ-Индіи, онъ предлагаетъ удовлетворить прочихъ претендентовъ за опиумъ только по 300 долларовъ за ящикъ. У него рѣшительно оспариваютъ право располагать этими деньгами для подобной цѣли, и говорятъ, что ему слѣдовало всю сумму выслать въ Англію, чтобы распределить ее на общемъ основаніи, какъ призовые деньги. Жалуются также, что капитанъ *Эллиотъ*, въ число вознагражденія принялъ одинъ милліонъ съ переводомъ на иностранные купеческіе дома и даже долговыми обязательствами купцовъ Гонга.

— Дѣйствія капитана *Эллиота* въ Китаѣ порицаются въ либеральной газетѣ *Sun* столь же сильно, какъ и въ тористскихъ газетахъ: «Капитанъ *Эллиотъ*, сказано въ первой, столь нетерпѣливо спѣшилъ очистить Кантонъ, что не дождался исполненія ни одной статьи договора. Три императорскіе комиссара, на основаніи условій, должны были удалиться на 60 англійскихъ миль отъ Кантона; *Эллиотъ* удовольствовался тѣмъ, что двое изъ нихъ вышли къ стѣнамъ города; третій же вовсе не оставлялъ Кантона. Войска должны были отступить на такое же разстояніе, но Кантонъ былъ очищенъ, прежде чѣмъ они удалились на 5 англійскихъ миль оттуда, и нѣсколько часовъ по уходѣ Англичанъ они возвратились въ городъ. Шестъ милліоновъ долларовъ отнюдь не составляютъ суммы, уплаченной англійскими купцами въ видѣ пошлины съ 1839 года, которая далеко превышаетъ пошлинную сумму, уплаченную другими народами, торгующими съ Китаемъ. Пошлины, внесенныя первыми, простиралась перваго мая 1841 года до 1.888,888 фунтовъ стерлинговъ, такъ что по настоящему капитанъ *Эллиотъ* не получилъ ни одного милліона таллеровъ за очищеніе Кантона. Въ Макао вообще увѣряли, что серебро, доставленное Китайцами, смѣшано было съ такимъ количествомъ другаго нисшаго металла, что имѣло весьма мало цѣны.»

— Въ газетѣ *Spectator* сильно порицаютъ инструкціи, данныя предшествовавшимъ кабинетомъ новому британскому уполномоченному, сэру Генри *Поттинджеру*, относительно окончанія споровъ съ Китаемъ.

— По известиям из Ямайки от двадцать-седьмого августа, тамъ въ сильнѣйшей степени свирѣпствовала между Европейцами желтая лихорадка. Шестидесятый полкъ лишился отъ этой эпидеміи полковника *Эллиса* и расположился лагеремъ въ горахъ, гдѣ состояніе здоровья солдатъ стало улучшаться.

### АВСТРІЯ.

Изъ Петтау получено известіе, что супруга генераль-маіора герцога Александра Виртембергскаго, урожденная графиня Гогенштейнъ, вслѣдствіе паденія съ лошади на смотру войскъ, который дѣлалъ ей супругъ, преждевременно разрѣшилась отъ бремени и скончалась въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Тѣло ея перевезено въ Зибенбургенъ и положено въ фамильный склепъ графовъ *Редай*.

### ИСПАНІЯ.

Въ парижскихъ журналахъ напечатано множество телеграфическихъ депешей о событіяхъ въ Испаніи; сообщаемъ ихъ сокращенія.

— Пятаго октября *О'Доннелъ*, получивъ баталіонъ подкрѣпленія, потребовалъ, чтобы городъ сдался. *Рибейро* отвергъ это требованіе, и съ цитадели открытъ былъ огонь. Бригада *Конхи* въ Трафальгъ объявила себя въ пользу *Эспартеро*. Въ тотъ же день утромъ Бильбао объявилъ себя въ пользу королевы Христины. Жители, національная гвардія и гарнизонъ, состоящій изъ 1,600 человекъ, единодушно выразили это желаніе. Комендантъ провинціи, *Санта-Крусъ*, одинъ отъ того отказался, и всопровожденіи политическаго коррехидора *Ла-Серри* удалился изъ города. Тогда провинціальная депутація издала немедленно прокламацію, въ которой приглашала всѣхъ жителей провинціи поднять оружіе на защиту правъ королевы и ея матери, а также фуэросовъ и религій. Главное начальство поручено бригадиру *Кастору Андехагъ*, участвовавшему въ подписаніи бергарскаго договора. Депутація объявила, что она доставитъ оружіе для вооруженія всей страны, и будетъ заботиться о жалованьяхъ для тѣхъ, которые вступятъ въ дѣйствительную службу. Сарагосса и Логронья объявили себя въ пользу *Эспартеро*. Бывшій морской министръ *Монтесъ де Ока*, удалившійся изъ кабинета *Переса де Кастро*, издалъ четвертаго октября, въ Витторіи, двѣ прокламаціи въ пользу королевы Маріи-Христины.

— Въ Мадридѣ сдѣлана была попытка, въ ночи съ седьмого на осьмое октября похитить юную королеву, но попытка эта не удалась и осьмого утромъ тамъ все было спокойно.

— Къ девятому октября генераль *Риберо* получилъ въ Пампелунѣ подкрѣпленіе въ 2,600 человекъ. Агенты партіи королевы Христины, пребывающіе въ Байоннѣ и посылающіе съ каждою почтою свои депеши въ Испанію и въ Парижъ, крайне удивились, узнавъ о распоряженіяхъ генерала *Риберо*, на содѣйствіе котораго они полагались. Равнымъ образомъ надѣялись и на отпаденіе генерала *Конхи*, несмотря на то, что онъ родственникъ *Эспартеро*; но эта надежда оказалась тщетною. По всему видно, что предпринятое движеніе не распространилось далѣе баскскихъ провинцій. Но и здѣсь жители находятъ въ такомъ изнеможеніи, что они не хотятъ болѣе и слышать о новой междоусобной войнѣ и почти съ равнодушіемъ смотрятъ на происходящее. Сообщенія *О'Доннелла* съ Мадритомъ прерваны и потому

приверженцы реакціи не знаютъ, что происходитъ въ баскскихъ провинціяхъ.

— Королевъ Изабелль, которая родилась въ 1830 г., минуло десятаго октября одиннадцатъ лѣтъ.

— Десятаго октября съ цитадели Пампелуны открыта была пушечная пальба. Одиннадцатаго числа требовали вновь отъ Пампелуны, чтобы она сдалась. Получивъ отказъ генераль-капитана, продолжали стрѣлять и нанесли большой вредъ городу. Регентъ назначилъ на мѣсто *Рибейро* генерала *Аербе*, прибывшаго изъ Аррагоніи.

— Мадритское правительство обнародовало что *О'Доннелъ* съ тремя ротами заключился въ цитадели Пампелуны, но тамъ тѣснить его войска *Рибейро*, и онъ находится въ необходимости сдаться. Въ министерскихъ газетахъ употребляютъ тонъ совершенной увѣренности; однако генераль *Чаконъ*, членъ временнаго правительства, человекъ робкій, посланный въ ночь на третье октября въ Наварру, чтобы вмѣсто *Рибейро* принять главное начальство, воротился въ Бургосъ, и пятаго числа тайно пріѣхалъ въ Мадридъ. Аюнтаміенто и національная милиція чрезъ уполномоченныхъ предложили регенту свое содѣйствіе, а послѣдній увѣрилъ ихъ что дѣло вовсе не важно.

— Въ Барселонѣ произошла реакція. Аюнтаміенто и провинціальная депутація овладѣли властью. Капитанъ французскаго корабля «Мелеагра» вызвалъ изъ Поръ-Вандра корабль «de Serf» для содѣйствія въ пріемъ несчастныхъ, прибывающихъ многочисленными толпами подъ покровительство французскаго флага.

— Генераль *фанъ-Галенъ* отправился одиннадцатаго числа въ Аррагонію и вмѣсто него назначенъ временнымъ начальникомъ генераль *Сабала*.— *Аербе* вызвалъ 2-й полкъ королевской гвардіи обратно въ Сарагоссу. *Борсо ди Карминати* взяты подъ стражу.

— *Фанъ-Галенъ* смѣнилъ комендантовъ Монхунга, Сеу-д'Урхеля и Кордоны. Въ Барселонѣ муниципалитетъ и провинціальная депутація учредила наблюдательную юнту. Баталіонъ національной гвардіи содержитъ караулъ на главной площади.

— Юнта общественнаго благоденствія предписала сдѣлать заемъ и чтобы обезпечить успѣхъ его, никому не выдаютъ паспортовъ. Милиція занимаетъ укрѣпленія и почти всѣ посты. Въ округахъ формируются корпуса волонтеровъ. Нѣсколько лицъ вновь взяты подъ стражу, но ни одинъ не казненъ.

— Депутація Гвипуской, собравшись въ Бергаръ, издала манифестъ, которымъ призываетъ провинцію къ оружію. Тринадцатаго октября происходила стычка при Валь-Франкѣ. *Алкала* отступилъ; онъ обезоружилъ милицію. Жители Санъ-Себастьяна раздѣлены въ мнѣніяхъ.

— Двадцатаго числа въ два часа огонь съ цитадели Пампелуны прекратился. Распространился слухъ, что городъ вступилъ въ переговоры. Санъ-Себастьянъ приводится въ оборонительное положеніе, и полагаютъ, что генераль *Алкала* заключится въ этомъ городѣ.

— Въ Кадисѣ возникли безпорядки. — Генераль-Капитанъ *Сеованъ* принялъ десятаго числа начальство надъ Валенсіею. Тамъ господствовало сильное волненіе. — Въ Барселонѣ взято подъ стражу 200 приверженцевъ умѣрен-

ной партии. Въ выдачу паспортовъ на проездъ во Францію постоянно отказываютъ.

— Въ Барселонской газетѣ *Constitutionnel* отъ четырнадцатаго числа сообщаютъ, что охранительная юнта изъявила намѣреніе прибѣгнуть къ насильственному займу. Означенная газета полагаетъ, что этотъ заемъ долженъ пасть на капиталистовъ, потому что они обязаны платить за издержки войны, которой были причиною. Охранительная юнта приказала возвратить мѣста чиновникамъ, назначеннымъ правительственною юнтою 1840 года. Въ Гиронѣ четырнадцатаго числа также составлена охранительная юнта.

— *Муньягорри* убитъ въ Гойсетѣ *Эль-Лоріель*, начальникомъ отряда, принадлежащаго къ партии *Эспартеро*. Генераль *Сурбано* взялъ въ плѣнъ семерыхъ микелетовъ и приказалъ разстрѣлять ихъ. Временное правленіе Витторіи назначило цѣну за его голову.

— Съ осьмагаго октября въ Мадридѣ все было спокойно. Генераль *Донъ Диего-Леонъ* схваченъ и приговоренъ къ смерти. Число задержанныхъ лицъ не очень велико. Казней не было. — Генераль *Родиль* выступилъ съ отрядомъ въ 7,000 человекъ къ севернымъ провинціямъ. — Движеніе въ пользу королевы Христины распространилось въ Гвиуской.

— Генераль *Себанъ* выступилъ одиннадцатаго числа съ тремя баталіонами изъ Валенсіи въ Арагонію. Тринадцатаго числа было волненіе въ Валенсіи. — Охранительная юнта Барселоны распорядилась о сформированіи двухъ баталіоновъ волонтеровъ, и одной охранительной роты, равно какъ и о вооруженіи жителей, заслуживающихъ, по ея мнѣнію, довѣріе. Она потребовала 10,000 ружей отъ генераль-капитана, подчинила національную гвардію военной дисциплинѣ и поручила членамъ своимъ, господамъ *Росу* и *Торренсу* выдачу паспортовъ.

— Регентъ назначилъ *Родиль* генераль-капитаномъ арміи, а *Лоренсо* произвелъ въ генераль-лейтенанты. Въ Мадридѣ учрежденъ постоянный военный судъ. Городовый советъ отправилъ одиннадцатаго числа къ регенту депутацію и просилъ его о принятіи сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ.

— *О'Доннелъ* и его приверженцы, заключившіеся въ пампелунской цитадели, претерпѣвали недостатокъ въ водѣ. Онъ обратился къ Амескоа, чтобы набирать войска. Витторія занята артиллеріею. *Урбистондо* съ 1,200 человекъ и съ такимъ же числомъ вооруженныхъ партизановъ находится въ Бергарѣ. Генераль *Алесонъ* занимаетъ Миранду.

— Генераль *Донъ Диего-Леонъ* разстрѣлянъ въ Мадридѣ пятнадцатаго октября. *Родиль* и *Лоренсо* съ 9 и до 10 тысячъ человекъ были шестнадцатаго числа въ Арандѣ; они идутъ на Витторію. Генераль *Алкала* семнадцатаго числа вечеромъ прибылъ въ Андоину, отступая отъ *Урбистондо*, находившагося въ Вилья-Франкѣ.

— Четырнадцатаго числа генераль *Аербе* выступилъ изъ Пампелуны противъ *О'Доннелъ*. Утверждаютъ, что послѣдній соединился съ *Урбистондо* въ Толосѣ. *Итурро* соединился съ *Алкалой* въ Гернани. Его авангардъ былъ въ Андунѣ.

— Шестнадцатаго числа *О'Доннелъ* овладѣлъ Эстельей. *Урбистондо* осьмнадцатаго числа утромъ былъ въ Толосѣ, а *Алкала* въ Андунѣ. Карлистскій полковникъ *Лосъ* находился на границахъ Наварры, начальствуя бывшими офицерами и солдатами своей партии, съ намѣреніемъ оказать вспоможеніе *О'Доннелю*.

— Муниципалитетъ Валенсіи объявилъ себя четырнадцатаго числа, негременнымъ и принялъ на себя управленіе. Онъ предписалъ сформировать третій баталіонъ національной гвардіи изъ работниковъ въ гавани и матросовъ Грао. Каждый алкадъ составляетъ списокъ подозрительныхъ лицъ своего квартала. Только восторженныя могутъ отлучаться изъ города. Третья рота съавойскаго полка, прибывшаго изъ Аликанте, запрещено вступать въ городъ. Генераль *Себанъ* четырнадцатаго числа вечеромъ воротился въ Валенсію.

— Охранительная юнта Барселоны объявила недействительными все свидѣтельства, которыми дозволяется носить оружіе; только людямъ достойнымъ будутъ выданы новыя свидѣтельства.

— Одинъ баталіонъ бурбонскаго полка и одинъ баталіонъ милиціи города Витторіи возстали противъ инсurreкціи; многіе предводители движенія взяты подъ стражу, а другіе сбѣжать за границу.

— Войска, расположенныя въ Алавѣ и Гвиуской, подчинились, въ ночи съ пятнадцатаго на шестнадцатое число, власти регента. Жители, угрожаемые генералами *Сурбано* и *Родильемъ*, равнымъ образомъ снова признали правительство. Предводители движенія обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ прибыли уже во Францію и между прочимъ маркизь *Анамеда Монтесъ де Ока* задержанъ въ Бергарѣ.

— Въ *Journal des Débats* сообщаютъ о генералѣ *Диего-Леонѣ*, разстрѣлянномъ въ Мадридѣ, между прочимъ слѣдующія подробности: *Диего-Леонъ* безспорно былъ лучшей кавалерійскій генераль изъ всѣхъ, бывшихъ въ арміи християнсовъ въ послѣднюю войну. Онъ заслужилъ все свои чины и титулъ графа Беласкопа на полѣ битвы. Нижняя Наварра и Арагонія были главнымъ театромъ его воинскихъ дѣйствій, и онъ отличался во всѣхъ сраженіяхъ быстротою взгляда и блестящимъ мужествомъ. Въ характерѣ своемъ онъ имѣлъ много рыцарскаго. *Эспартеро*, до прошлогоднихъ событий въ Барселонѣ, былъ съ нимъ очень друженъ. *Диего-Леонъ* не разумѣлъ ничего въ политикѣ и вовсе ею не занимался; онъ какъ-бы противъ воли сбѣжался главою умѣренныхъ.

— Депутація Гвиуской, водворяясь въ Бергарѣ, послѣдовала примѣру депутаціи Алавы и Бискайн, и особымъ декретомъ провозгласила королеву Христину регентшею. — Въ Прунѣ сооружаютъ укрѣпленія и воздвигаютъ вновь ворота, находившіяся прежде предъ Бегобійскимъ Мостомъ. Въ Толосѣ генераль-капитанъ баскскихъ провинцій издалъ декретъ, отмѣняющій всякое почтовое и другое сообщеніе до тѣхъ поръ, пока все части провинціи не обратятся вновь къ повиновенію правительству регента.

— Двадцать-перваго октября утромъ, генераль *Родиль* вступилъ въ Витторію. *Монтесъ де Ока* разстрѣлянъ. Городъ Бильбао двадцатаго числа изъявилъ готовность покориться генералу *Родилью*.

— Въ ночь съ двадцать-перваго на двадцать-второе октября, многіе испанскіе офицеры укрылись въ Саррѣ. Въ числѣ ихъ находится *Урбистондо*, два генерала и три бригадира. Каждую минуту являлись новыя бѣглецы. Войска регента занимаютъ границы Наварры. Двадцатаго числа *О'Доннелъ* приказалъ очистить цитадель Пампелуны.

— Двадцатаго вечеромъ получены въ Байоннѣ важныя извѣстія изъ баскскихъ провинцій. Инсurreкція прекращена. Приближеніе генерала *Родиль* и присутствіе бригадира *Сурбачо*, подступившаго почти къ самымъ стѣнамъ Витторіи, привело жителей этого города въ величайшее смутеніе.

Аюнтаменто собрался под председательством маркиза *Аламеда*, генерального депутата провинции Алавы; ршено было не защищаться. Милиция и гарнизон Виттории провозгласили реактивное движение. *Монтесъ де Ока*, маркиз *Аламеда*, бригадиръ *Салуце*, полковникъ *Лейба* и некоторые другие немедленно оставили городъ и направили путь въ Бергару, гдѣ *Монтесъ де Ока* былъ взятъ подъ стражу. Прочіе отправились въ Мотрико, откуда отплыли во Францію. Регентъ выхалъ изъ Мадрита двѣнадцатаго октября вечеромъ. Двадцать-второго числа онъ былъ въ Бривіэскѣ; и въ тотъ же день его ожидали въ Витторію. Въ столицѣ, гдѣ царствуетъ глубокая тишина, осталась только національная гвардія. Кромѣ казни *Дьего-Леона*, другихъ смертныхъ приговоровъ не было. Прочія лица, взятые подъ стражу, еще не суждены.

— Съ двадцать-второго октября въ Байонну непрерывно приходили новыя толпы бѣглецовъ. Въ числѣ эмигрантовъ находятся генералы Антонио де-Урбистондо, Нарсесо *Клаверія*, Ивасіо *Лардисабаль*, Рамонъ *Лароха*, Хосе *Габарра* и Франсеско гидальго *де-Сиснеросъ*. — Узнавъ о покореніи войскъ въ Витторіи подъ власть регента, *О'Доунель* приказалъ очистить пампелунскую цитадель. Подполковникъ *Искіардо* и банкиръ *Рибедъ*, оставивъ съ 200-ми человекъ, цитадель, отправились къ французскимъ границамъ, перешли ихъ при Альдуденъ и были отведены, по приказанію французскаго правительства, въ Молеонъ. Въ Сокоъ вышли на берегъ командиръ бильбаоской национальной гвардіи, генераль-лейтенантъ Ферминъ *Ириарте*, и двое торговцевъ изъ города Бильбао. — Передъ отъездомъ въ Баскскія провинціи, генераль *Эспартеро* издалъ манифестъ, которымъ призываетъ всю національную милицію королевства къ оружію и, въ то же время, ввѣряетъ милиціи мадритской охраненіе королевы.

— *О'Доунель* прибылъ двадцать-второго числа въ 2 часа въ Урдаксъ съ отрядомъ изъ 2,500 человекъ; генералы *Ортигоса* и *Хаурегги* (Эль-Пасторъ) находятся при немъ. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ они вступили на французскую землю. Графъ *Монтеронъ* и некоторые члены провинціальной депутаціи прибыли въ Байонну.

— Въ мадритской официальной газетѣ помѣщенъ осемнадцатаго октября декретъ, которымъ берегъ Кантабріи отъ Кастро д'Урдіанесъ до Фонтараби, за исключеніемъ этихъ двухъ гаваней и гаваней Гегаріи, С. Себастьяна и Пассажа, объявлены въ блокадномъ состояніи.

### ОСТЪ-ИНДІЯ.

Извѣстіе, что шахъ Герата, *Камранъ*, подчинился Персіи, считается въ Бомбаѣ вполне достовернымъ. Большое вниманіе обращаетъ на себя также слухъ, что *Шере-Синъ* признанъ лордомъ *Аукландомъ* преемникомъ *Рендшитъ-Сина* и что на основаніи договора, заключеннаго съ этимъ владѣтелемъ Пенджаба, Пешаверь уступленъ шаху *Суджѣ*, который съ своей стороны уступаетъ его Англичанамъ. Полагаютъ, что Кашмиръ скоро подвернется той же участи.

— Войска шаха *Суджи*, числомъ около 800 человекъ, подъ предводительствомъ британскихъ офицеровъ, совершенно разбили мятежническое войско *Ангановъ* въ 6,000 человекъ. Мятежники лишлись убитыми 300 человекъ, а войска шаха *Суджи* только 12.

— *Нуссиръ-Ханъ* прибылъ двадцать-пятого іюля въ Келатъ и принять подъ защиту Англичанъ.

### ЕГИПЕТЪ.

Четырнадцатаго октября вечеромъ *Мехмедъ-Али* объявилъ, наконецъ, что онъ готовъ платить дань, определенную въ 60,000 кошелековъ и намѣренъ немедленно послать въ Константинополь 10,000 кошелековъ въ счетъ этой дани. Шестнадцатаго, въ пять часовъ пополудни, пароходъ его «Ниль» отправился въ столицу, чтобы сообщить Портъ это извѣстіе. Твердость султана и переговоры некоторыхъ консуловъ съ *Мехмедомъ-Али* о необходимости его согласія, привели къ этому благоприятному результату. Сирійскіе солдаты должны быть по повелѣнію султана отпущены во-свои. До сихъ поръ *Мехмедъ-Али* уволилъ изъ нихъ только 1,100 человекъ, но и тѣмъ еще не уплачено причитающееся жалованье, которое слѣдуетъ инымъ за годъ, а другимъ за два и даже за три года. Относительно торговли паша вичего еще не сдѣлалъ.

### КИТАЙ.

Китайскія начальства Кантона, несмотря на ршительное свое пораженіе, не отважились еще открыть истину пекинскому двору. Всѣ претерпѣнные до-сихъ поръ неудачи приписываютъ они единственно беззащитному состоянію провинціи и всѣ уступки, сдѣланныя Англичанамъ представляютъ военною хитростію, къ которой прибѣгли для того только, чтобы выиграть время для окончанія нужныхъ вооруженій. Военная контрибуція, заплаченная Кантономъ, также показана не вѣрно. Въ донесеніи *Гйшана*, комиссара и племянника императорскаго, отъ тридцать-перваго мая, сказано, что Англичанамъ выдано за опіумъ только одинъ миллионъ.

— Съ девятнадцатаго іюля спокойствіе въ Кантонѣ не было нарушено, и хотя капитанъ *Эллиотъ* объявилъ, что для британскихъ судовъ опасно оставаться въ Вампоа, но тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ сбывли свой грузъ и Китайцы снабдили британскіе корабли позволительными видами для торговли съ такою же готовностію, какъ и суда другихъ націй. Даже многіе британскіе подданные остаются еще въ Кантонѣ. Въ Макао вообще думаютъ, что капитанъ *Эллиотъ*, въ нынѣшнемъ году, не пойдетъ въ Пекинъ, а ограничится Амоемъ и Нингъ-По.

— Постройки, начатыя на островъ Хонгъ-Конгъ, подвигаются впередъ, большіе запасы хлопчатой бумаги складены уже въ анбары; но Китайцы говорятъ, что изъ нихъ ни одинъ зажиточный человекъ не пойдетъ туда, потому что императоръ не одобряетъ уступку острова и намѣренъ строго наказывать всякаго, кто вздумаетъ вести тамъ торговлю съ Англичанами. По всему видно, что Хонгъ-Конгъ будетъ покуда только мѣстомъ для контрабандной торговли опіумомъ.

— Англичане чрезвычайно удивляются успѣхамъ Китайцевъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ.

— Начальникъ изобилующей чаемъ провинціи Фокіень и вмѣстѣ гофмейстеръ наслѣдника престола, по словамъ газеты *Canton-Register*, постоянно совѣтуетъ въ императорскомъ совѣтѣ продолжать войну. Онъ намѣревался напасть на Англичанъ на островъ Чусанъ, но нашелъ уже островъ очищеннымъ до своего прибытія. Теперь онъ занимается сборомъ денегъ, чтобы защитить берега Фокіена отъ нападенія Англичанъ; въ то же время онъ вооружаетъ всѣ рыбацкія лодки.

— Въ той же газетѣ пишутъ: «Кажется, Англичане намѣрены напасть сначала на Амои, на берегахъ Фокіена, потомъ на большой торговый городъ

Нингъ-По и наконецъ на Пекинъ, северную столицу «Сына Неба.» Намъстнику западнаго пограничнаго и подвластнаго государства, Яркенда, отъ котораго находится не въ дальнемъ разстоянн Кабуль, непосредственно состоящей подъ властію Англичанъ, дано повелѣніе препятствовать всякаго роду сообщеніямъ съ британскою Индіею сухимъ путемъ. Также жителямъ Яркенда воспрещена продажа селитры Бухарцамъ и жителямъ Кабула, потому что они могутъ перепродать ее Англичанамъ и такимъ образомъ увеличить средства непріятеля.

#### СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Уже теперь составляется сильная партія, противящаяся избранію вновь президента *Тейлера*, и со стороны банковской партіи будетъ предложенъ кандидатомъ извѣстный *Клей*.

— Присутствіе принца Жоанвилскаго въ Нью-Йоркѣ возбуждаетъ большое любопытство; онъ посѣтилъ частнымъ образомъ французскаго посла и генеральнаго консула, а также осматривалъ строящійся здѣсь русскій парходный фрегатъ.

— Опасенія, чтобы дѣло *Макъ-Лауда* не повлекло за собою войны съ Англіею, гораздо поуменились. Процессъ скоро начнется.

— Человѣкъ, который сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ темницы, надышалъ столько шуму въ Америкѣ, можетъ быть почитаемъ однимъ изъ спокойнѣйшихъ людей, между тѣми, которые были дѣйствующими лицами въ этой обильной послѣдствіями исторіи. *Макъ-Лаудъ* родомъ Шотланецъ, 42-лѣтъ, имѣетъ мужественную наружность, съ широкою грудью и широкими плечами; волосы у него блонкурые, глаза голубые, открытое лицо и низкій лобъ. Онъ холостъ. Его приемы чрезвычайно привлекательны, и непринужденны; во всемъ, что онъ говоритъ, проявляется рѣдкій умъ. Онъ получилъ въ молодости хорошее воспитаніе, учился по-гречески и по-латыни; позднѣе онъ путешествовалъ въ качествѣ домашняго секретаря съ инженеръ-майоромъ *Росселли*, близкимъ родственникомъ, если не сыномъ лорда того же имени, зарѣзаннаго года полтора тому назадъ своимъ камердинеромъ въ Лондонѣ. Вернувшись изъ Франціи, онъ отправился въ 1830 году въ первый разъ въ Америку. Втеченіи большей части времени, проведеннаго имъ въ этой странѣ, былъ онъ вице-шерифомъ въ Ниагарскомъ округѣ Верхней Канады. За мнимое участіе въ сожженіи парохода «*Каролины*» былъ онъ сначала обвиненъ подъ именемъ *Августа Макъ-Лауда*; но это имя младшаго его брата. По несоблюденію формы былъ онъ тогда освобожденъ, но потомъ задержанъ вновь, уже подъ настоящимъ своимъ именемъ *Александра Макъ-Лауда*. Первый допросъ его въ Левистонѣ продолжался пять дней, послѣ чего онъ былъ переведенъ въ тюрьму Стокиорта, гдѣ просидѣлъ онъ, окруженный крѣпкою стражею, полгода. Весною перевезли его въ Нью-Йоркъ, гдѣ его адвокатъ *Иозуа Спенсеръ*, требовалъ его освобожденія. Въ июль онъ былъ переведенъ въ Утику, чтобы выслушать рѣшеніе по той просьбѣ. Отвѣтъ былъ отрицательный, и онъ, подъ надзоромъ шерифа этого графства, отведенъ былъ въ тамошнюю тюрьму. Тамъ сидитъ онъ съ тѣхъ поръ и занимается чтеніемъ книгъ, разговорами и размышленіями, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ не могутъ быть очень веселы. Онъ возбудилъ не малое любопытство въ сельскихъ жителяхъ, многіе изъ нихъ навѣщали его, и на всѣхъ онъ произвелъ благопріятнѣйшее впечатлѣніе. *Макъ-Лаудъ* очень общителенъ и охотно разговариваетъ о своемъ дѣлѣ, отвѣчаетъ на всѣ вопросы, входитъ въ малѣйшія подробности относительно своихъ дѣйствій во время канадскаго возмущенія; но не сознается

въ томъ, что онъ принималъ участіе въ нарушеніи нейтралитета американскихъ владѣній.

— Въ журналѣ севернаго пограничнаго округа, *Burlington Sentinel*, жестоко негодующемъ на насильственное задержаніе полковника *Грогана*, пишутъ, что полковникъ, за нѣсколько лѣтъ до канадскихъ безпокойствъ, 1837 года, жилъ въ Кальдвельсѣ-Монарѣ въ Канадѣ, близъ границы. Онъ, какъ восторженный, въ самомъ началѣ войны Канадцевъ сдѣлался подозрительнымъ и ненавистнымъ для Англичанъ. Зимой 1838 года Англичане окружили и сжгли его домъ, разграбили его собственность и принудили его жену и дѣтей, въ жестокій холодъ, бѣжать пѣшкомъ на американскую границу. Тогда причинено было полковнику убытка болѣе чѣмъ на 6,000 долларовъ, а теперь Англичане намѣрены предать его суду.

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

### I. Литературное обозрѣніе.

Русская беседа. Собрание сочиненій русскихъ литераторовъ издаваемое въ пользу А. Ф. Смирдина. Санктпетербургъ, 1841, 8°. Томъ первый, стр. 682.

### II. Обозрѣніе современной Исторіи и Политики.

Отечественныя и иностранныя извѣстія.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, 1841 г. 18 октября. С. Куторга и П. Корсаковъ.

k w 44/45

## II.

# ОБОЗРѢНІЕ

## СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

### СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

#### НАГРАДЫ И НАЗНАЧЕНІЯ:

Высочайшими указами производятся:

За отличіе по службѣ: (октября девятнадцатаго) таврическаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: *Романовичъ*, *Чушинъ* и *Островскій*; (октября двадцатаго) финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ, изъ портупей-прапорщиковъ въ прапорщики: номера втораго *Накканенъ*, и номера пятаго *фонъ-Рубенау*; грузинскаго линейнаго баталіона номера шестаго изъ фельдфебелей въ прапорщики *Маршинъ*; (октября двадцать-перваго) адъютантъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генерала отъ инфантеріи Головина 1, лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка капитанъ *фонъ-деръ-Лиуницъ*, въ полковники, съ состояніемъ по кавалеріи и съ оставленіемъ при немъ же генералъ-отъ инфантеріи Головинъ 1, для особыхъ порученій; полевой инженеръ-подполковникъ *Бальцъ*, въ полковники; (ноября третьяго) военно-уездный начальникъ втораго округа могилевской губерніи, состоящій по арміи подполковникъ *Кокораки*, въ полковники съ оставленіемъ въ настоящей должности.

За выслуженіемъ узаконенныхъ лѣтъ: (октября двадцать-перваго) лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады, изъ фейерверкеровъ въ прапорщики *Мартыновъ*, въ санктпетербургскій артиллерійскій гарнизонъ; баталіоновъ внутренней стражи: изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики: псковскаго *Буковскій*, новгородскаго *Краевскій*, — оба въ тѣ же баталіоны и саратовскаго, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Ефимовъ*, въ кузнечную инвалидную команду, съ назначеніемъ командиромъ ея; (октября двадцать-второго) въ прапорщики, лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ *Кулаковъ* и *Вобровъ*, — оба въ третій учебный карабинерный полкъ; казанскаго гарнизоннаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ *Соболевъ*; (октября двадцать-третьяго) баталіоновъ внутренней стражи: ревельскаго, изъ фельд-



Фебелей въ подпоручики *Разумовскій*; харьковскаго: изъ фельдфебелей въ подпоручики *Дорошенко* и *Заболотный*, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Сивинковъ*; (октября двадцать-пятого) перваго оренбургскаго казачьяго полка, изъ юнкеровъ въ корнеты *Уваровъ*, въ елисаветградскій уланскій, и изъ вахмистровъ въ прапорщики *Кноблаухъ*, въ литовскій егерскій, полки; (октября двадцать-шестого) костромскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Октябрьскій*; (октября двадцать-седьмаго) митавскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Стахлевъ*; (октября двадцать-осьмаго) изъ топографовъ *Педригайловъ*, въ екатеринбургскій пѣхотный полкъ; (октября двадцать-девятого) по корпусу топографовъ: изъ унтеръ-офицеровъ *Карцовъ*, въ прапорщики, въ замойскій гарнизонный баталіонъ; шестой бригады корпуса морской артиллеріи унтеръ-офицеръ *Оболяшиновъ*, въ прапорщики, въ пятнадцатый рабочій экипажъ; (ноября втораго) въ прапорщики: екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Ахимовичъ 1*, *Ахимовичъ 2*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Степановъ* и *Цыганенко*; тобольскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Елагинъ* и *Силичій*; колыванскаго егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Юсуповъ 1* и *Ненейтиво*; охотскаго егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Сулмиа*; камчатскаго егерскаго полка, изъ юнкеровъ *Якубовскій* и *Тризна*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Писанка 3*, и *Найденевъ*; азовскаго пѣхотнаго полка, изъ портупей-прапорщиковъ *Амтуховъ* и изъ подпрапорщиковъ *Поповъ*.

По экзамену: (октября двадцать-второго) въ прапорщики: лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, изъ юнкеровъ: *Степановъ* со старшинствомъ съ двадцать-пятого апрѣля нынѣшняго года; шестаго сапернаго баталіона, *Пасынковъ*; инженернаго корпуса, изъ кондукторовъ: *Суховихъ*, въ полевые инженеры; *Калиони*, *Сидоровъ*, *Дехтеревъ*, *Синегубъ-Абрамовичъ* и *Акублевичъ* — всѣ пятеро въ гарнизонные инженеры; (октября двадцать-третьяго) баталіоновъ внутренней стражи: житомирскаго, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Андіонъ 1*, *Андіонъ 2*; (октября двадцать-осьмаго) въ прапорщики: егерскихъ полковъ, изъ унтеръ-офицеровъ галицкаго *Стаховскій*, и симбирскаго *Фрибесъ*; лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, изъ юнкеровъ *Карцовъ*, въ гренадерскій саперный баталіонъ.

На вакансіи: (октября двадцать-четвертаго) лейбъ-гвардіи финскаго стрѣльцоваго баталіона, изъ портупей-прапорщиковъ въ прапорщики *Адамъ*; (октября двадцать-седьмаго) петровскаго-полтавскаго кадетскаго корпуса, изъ поручиковъ въ штабъ-капитаны: *Линевичъ*, *Пинкорнелли 1* и *Рихтеръ*; (ноября четвертаго) въ прапорщики, со старшинствомъ съ перваго сентября нынѣшняго года: певскаго морскаго полка: изъ унтеръ-офицеровъ *Коль*, въ тотъ же полкъ, изъ портупей-прапорщиковъ *Верцинскій* и *Висенко*, изъ подпрапорщиковъ, *Рикъ 2*, всѣ трое въ нарвскій, *Андрузскій* и *Таньской*, въ эстляндскій, егерскіе, *Радовъ*, *Фокъ-Клотъ* и *Летковъ 1*, въ новоингерманландскій пѣхотный, и изъ унтеръ-офицеровъ *Григорьевъ*, въ егерскій фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго; софійскаго морскаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Цыганковъ*, *Лютикъ* и *Кліоновскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Ивановъ*, — всѣ четверо въ тотъ же полкъ, и *Эрасмусъ*, въ пѣхотный принца Карла Прусскаго; нарвскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ *Гравовскій* и *Кафеманъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Форбрихеръ*, *Гильцебахъ 1*, *Гильцебахъ 2*, и *Малишевъ*; копорскаго егерскаго полка изъ портупей-юнкеровъ *Вилбоа* и *Макаровъ*; изъ юнкеровъ: *Выгановскій*, *Панцержинскій*, *Армеритетъ*, *Сакентъ*, *Маличій*; *фонъ-Симолинъ 2*, и *Пржеволицкій*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Гаръ*, *Протопоповъ* и *Муракинъ*; пѣхотнаго принца Прусскаго полка: изъ подпрапорщиковъ *Левашовъ*, *Гайковичъ* и *Реутъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Лабуцовъ*; пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Мельгуновъ*; ревельскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ:

*Миллеръ*, *Правиковъ* и *Вноровскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Глазовъ*; эстляндскаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ *Чеплевскій*, *Свѣцкевичъ*, *Яковлевъ*, *Мокржецкій 1*, *Макаревичъ*, *Краузе* и *Турчинъ*; старонингерманландскаго пѣхотнаго полка: изъ портупей-прапорщиковъ: *Отрощенко*, *Корего*, и *Шеломохастановъ*, изъ подпрапорщиковъ: *Арендтъ*, *Добросемскій-Станевичъ*, *Рывоцкій*, *Андерсонъ 3*, *Эленгеръ* и *Шаблинскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Пихно*; новоингерманландскаго пѣхотнаго полка: изъ портупей-прапорщиковъ *Можайко* и *Занковъ*, и изъ подпрапорщиковъ *Катковъ*, *Войцеховскій 1*, *Войцеховскій 2*, и *Бѣлинскій*; егерскаго фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полка: изъ юнкеровъ: *Коломеховъ*, *Гравертъ 1*, *Маціевскій 1*, *Маціевскій 2*, *Гравертъ 2*, и *Черневскій*; великолуцкаго егерскаго полка: изъ юнкеровъ: *Крашевскій*, *Дунавскій* и *Исаковъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Ивановъ*, *Байбородко-Дружелецкій* и *Русецкій*; замойскаго пѣхотнаго полка изъ юнкеровъ *Рудзевичъ*; московскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Твердоманскій*; егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка, изъ юнкеровъ *Гринцевичъ*; пѣхотнаго фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Французовичъ*.

Въ сравненіи съ сверстниками: (октября девятнадцатаго) со старшинствомъ съ пятнадцатаго марта нынѣшняго года: изъ капитановъ въ майоры: адъютантъ второй бригады третьей гренадерской дивизіи, астраханскаго карабинернаго полка *Дитмаръ*, въ сибирскій гренадерскій полкъ; адъютантъ командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, генераль-адъютанта Перовскаго, гренадерскаго его величества короля прусскаго полка графъ *Толстой*, съ оставленіемъ въ настоящей должности и съ состояніемъ по арміи; адъютантъ второй бригады первой гренадерской дивизіи, гренадерскаго эрцъ-герцога Франца Карла полка *Булатовичъ*, въ карабинерный фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полкъ.

Увольняются отъ службы: за болѣзнію: (октября девятнадцатаго) четвертаго кавалерійскаго округа новороссійскаго военнаго поселенія, состоящій по кавалеріи поручикъ *Брайкевичъ*, штабъ-ротмистромъ; бутырскаго пѣхотнаго полка штабъ-капитанъ *Бродовичъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (октября двадцатаго) старшій адъютантъ штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, перваго оренбургскаго казачьяго полка майоръ *Лавровъ*, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ награжденіемъ, за отлично усердную службу, съ чиномъ надворнаго совѣтника; перваго учебнаго карабинернаго полка капитанъ *Фленсъ*, съ пенсіономъ одной трети жалованья; (октября двадцать-перваго) кирасирскихъ полковъ: поручики: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича *Миклашевскій 2*, и исковскаго *Жебуневъ*, — оба штабъ-ротмистрами; драгунскихъ полковъ: поручики: Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича *Юрасовскій*, и нижегородскаго графъ *Платеръ-Зиббергъ*, — оба штабъ-капитанами; учебнаго кавалерійскаго эскадрона штабъ-капитанъ *Данько*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; полковъ лейбъ-гвардіи: преображенскаго, капитанъ *Раевскій*, и измайловскаго полковникъ *Белгардъ*, — оба съ мундирами и пенсіонами одной трети жалованья; пензенскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ *Лысенко*, подпоручикомъ; (октября двадцать-шестого) кирасирскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны полка поручикъ *Клишинъ*, штабъ-ротмистромъ; екатеринославскаго гренадерскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка прапорщикъ *Рунъ*, подпоручикомъ; гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка поручикъ *Есиковъ*, штабъ-капитаномъ; двадцатой артиллерійской бригады поручикъ *Нагель*, штабъ-капитаномъ; (октября двадцать-седьмаго) кинбургской крѣпости комендантъ, подполковникъ *Центиловичъ* полковни-

комъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; командиръ третьей учебной бригады военныхъ кантонистовъ, полковникъ *Кошкинъ*, за раню, генераль-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного оклада, определеннаго уставомъ шестаго декабря 1827 года; (октября двадцать-девятаго) уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка поручикъ *Бороздинъ* ротмистромъ; гусарскаго ево величества короля виртембергскаго полка корнетъ *Демидовъ*, поручикомъ; нестроевой роты уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка подпоручикъ *Коменискій*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; командиръ девятнадцатаго флотскаго экипажа и корабля «Лейпцигъ» капитанъ перваго ранга *Бровцинъ* 1, съ мундиромъ и пенсіономъ полного оклада, на основаніи устава о пенсіяхъ шестаго декабря 1827 года; (октября тридцатаго) состоящій по арміи полковникъ *Асосковъ* 2, генераль-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (октября тридцать-перваго) сумскаго гусарскаго полка поручикъ *Шухтъ*, штабсъ-ротмистромъ; санктпетербургскаго жандармскаго дивизиона капитанъ *Живодеровъ*, майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; (ноября перваго) апшеронскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Демидовичъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября втораго) адъютантъ командующаго своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ, генераль-лейтенанта Герштенцевейга, состоящій по кавалеріи майоръ *Коростовцовъ*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; роты топографовъ нумера четвертаго, состоящій по арміи поручикъ *Киселевъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья.

По домашнимъ обстоятельствамъ: (октября девятнадцатаго) пѣхотныхъ полковъ: московскаго подпоручикъ *Вельшевъ* 2, поручикомъ, и бутырскаго поручикъ *Травинъ*, штабсъ-капитаномъ; егерскихъ полковъ: бородинскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича прапорщикъ *Кулешовъ* подпоручикомъ, и тульскаго, адъютантъ начальника осьмнадцатой пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Чебышева, поручикъ *Навроцкій*, штабсъ-капитаномъ; нестроевой роты бородинскаго егерскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка прапорщикъ *Кузьминъ*, подпоручикомъ; (октября двадцатаго) по корпусу жандармовъ: штабсъ-капитанъ *Ефремовъ*, капитаномъ; начальникъ новгородской жандармской команды, капитанъ *Зелинскій*, майоромъ и съ мундиромъ; (октября двадцать-четвертаго) санктпетербургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, состоящій по арміи штабсъ-капитанъ *Сергеевъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; праскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ *Булгаковъ*, поручикомъ; егерскихъ полковъ: виленскаго штабсъ-капитанъ *Дыздаревъ*, съ мундиромъ; и подпоручикъ *Галицкий-Чевелевъ* поручикомъ; (октября двадцать-шестаго) находящійся при ярославскомъ военномъ губернаторѣ, генераль-лейтенантъ Полтарацкомъ, для особыхъ порученій, состоящій по кавалеріи майоръ *Супоневъ*, подполковникомъ и съ мундиромъ; (октября двадцать-девятаго) уланскихъ полковъ: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, корнеты: *Рагденъ* и *Макаровъ*, — оба поручиками, и его королевскаго высочества принца Фридриха Виртембергскаго, корнеты: *Лемакинъ*, *Макаровъ* и *Мягковъ*, — всѣ трое поручиками; гусарскаго ево величества короля Виртембергскаго полка корнеты *Баклаовскій* и *Груздевъ*, — оба поручиками; гренадерскихъ полковъ: ево королевскаго высочества принца Оранскаго штабсъ-капитанъ *Львовичъ-Кострица*, капитаномъ и съ мундиромъ; подпоручикъ: *Кашперовъ*, поручикомъ; (октября тридцатаго) каргопольскаго драгунскаго полка поручикъ *Колмовскій* штабсъ-капитаномъ; прапорщикъ *Головачевъ* 1, *Акимовичъ* и *Тельзинъ* — всѣ трое поручиками; драгунскаго ево высочества принца Эмиля Гессенскаго полка прапорщикъ *Новицкій* подпоручикомъ; корпуса инженеровъ путей сообщенія подковникъ баронъ *Розенъ*

генераль-майоромъ, съ мундиромъ и, на основаніи свода военныхъ постановлений тома шестаго, статей 470, 482, 459 и 576, съ пенсіономъ одной трети оклада; (ноября перваго) презусъ комиссіи военнаго суда при кievскомъ ордонапсъ-гаузѣ, состоящій по арміи майоръ *Надежнѣй*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; (ноября втораго) одесскаго уланскаго полка поручикъ *Бизлевъ* штабсъ-ротмистромъ; (ноября третьяго) подлѣсничій рязанской губерніи подпоручикъ *Томиловскій*, поручикомъ, и прапорщикъ корпуса лѣсничихъ *Всѣдлановъ*, съ чиномъ губернскаго секретаря.

Назначаются: (октября девятнадцатаго) калужскаго внутренняго гарнизона баталіона майоръ *Казакъ*, командующимъ этимъ баталіономъ; (октября двадцатаго) могилевскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ *Арозовъ*, въ должность старшаго адъютанта въ седьмую пѣхотную дивизию; (октября двадцать-перваго) состоящій по арміи подполковникъ *Виласковъ*, комендантомъ въ актауское укрѣпленіе; лейбъ-гвардіи волинскаго полка подпоручикъ *Глбовъ*, въ должность старшаго адъютанта въ штабъ всей пѣхоты отдѣльнаго гвардейскаго корпуса; находящійся для особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генераль-отъ инфантеріи Головинъ 1, состоящій по артиллеріи штабсъ-капитанъ *Рейнгардтъ*, адъютантомъ къ нему же генералу отъ инфантеріи Головину 1, съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ конную артиллерію, поручикомъ; (октября двадцать-четвертаго) командиръ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона, полковникъ *Дороганъ*, командиромъ гусарскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка; лейбъ-гвардіи драгунскаго полка полковникъ *Столяковъ*, командиромъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона; кавказской гренадерской артиллерійской бригады капитанъ князь *Орбелианъ*, для особыхъ порученій къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Головину 1 съ состояніемъ по артиллеріи; владикавказскаго казачьяго полка поручикъ *Мелого*, адъютантомъ къ владикавказскому коменданту, по управленію кавказскими линейными баталіонами нумерами четвертаго, пятаго и шестаго съ переводомъ въ кавказскій линейный баталіонъ нумера четвертаго, на мѣсто поручика этого баталіона *Соломона*; (октября двадцать-шестаго) драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка поручикъ *Покатиловъ*, адъютантомъ къ воронежскому военному генераль-губернатору генераль-майору барону Ховену; (октября двадцать-седьмаго) адъютантъ генераль-лейтенанта Реада, гусарскаго фельдмаршала князя Витгенштейна полка, ротмистръ *Свѣчинъ*, адъютантомъ же къ черниговскому, полтавскому и харьковскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту князю Долгорукову 1; (октября двадцать-девятаго) флотскихъ экипажей: седьмаго, командиръ фрегата «Церера» капитанъ перваго ранга *Герингъ*, помощникомъ капитана надъ крошштатскимъ портомъ съ состояніемъ по флоту; семнадцатаго, капитанъ втораго ранга *Дмитріевъ*, командиромъ военнаго транспорта «Волховъ», съ переводомъ въ пятнадцатый экипажъ; капитанъ-лейтенанты: одиннадцатаго командиръ бригга «Пріамъ», *Шпейеръ*, командиромъ фрегата «Александра», съ переводомъ въ пятнадцатый экипажъ, и пятнадцатаго, командиръ военнаго транспорта «Волховъ», *Бахтинъ*, командиромъ бригга «Пріамъ» съ переводомъ въ одиннадцатый экипажъ; тридцать-четвертаго, командиръ транспорта «Ахиллъ», *Колесниковъ*, командиромъ тринадцатаго ластоваго экипажа, съ производствомъ въ подполковники; (октября тридцатаго) санктпетербургскаго жандармскаго дивизиона подполковникъ *Фроимъ*, смотрителемъ санктпетербургскаго тюремнаго замка, съ состояніемъ по кавалеріи, на мѣсто числящагося по арміи майора *Соколова* 6; (ноября перваго) командиръ лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады, генераль-майоръ *Стаховичъ* 1, начальникомъ первой артиллерійской дивизіи; командиръ баттарейной, нумера перваго, баттарей лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады полковникъ *Альтфатеръ*, командующимъ этою бригадою; третьей гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады лейбъ-гвардіи баттарейной,

нумера пятаго, баттарей капитанъ *Барлицовъ*, командующимъ баттарейною, нумера перваго, баттарейю лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады, съ переводомъ въ эту бригаду; сибирскаго линейнаго баталіона нумера седьмаго подпоручикъ *Скугаревскій*, начальникомъ итатской этапной команды; (ноября втораго) презусъ комиссіи военнаго суда при измайльскомъ ордонансъ-гаузѣ, состоящій по арміи полковникъ *Малецкій*, презусомъ же комиссіи военнаго суда при кievскомъ ордонансъ-гаузѣ, съ оставленіемъ по арміи; (ноября четвертаго) директоръ лѣснаго и межеваго института, флигель-адъютантъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка полковникъ графъ *Ламздорфъ*, вице-инспекторомъ корпуса лѣсничихъ, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта; (ноября шестаго) артиллерійскихъ бригадъ: кавказской гренадерской штабсъ-капитанъ *Опочининъ* и двадцатой полевой, капитанъ *Сирьяни* и штабсъ-капитанъ *Войцеховскій*, — состоятъ по артиллеріи; по генеральному штабу: капитанъ *Невѣровскій* и штабсъ-капитанъ *Галбовъ*, дивизионными квартирмейстерами, первый въ девятнадцатую, а послѣдній въ пятнадцатую пѣхотныя дивизіи.

Высочайшими указами всемілостивѣйше пожалованы:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: (октября семнадцатаго) статскіе совѣтники: чиновники для особыхъ порученій министерства финансовъ: *Дружининъ*, *Мансуровъ*, *Спровъ*, *Аргаматовъ* и въ званіи камергера *Сабуровъ*; (октября двадцать-пятаго) состоящій въ ведомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ *Шахматовъ* и екатеринославскій предводитель дворянства баронъ *Франкъ*.

Въ статскіе совѣтники: (октября семнадцатаго) коллежскіе совѣтники: чиновникъ для особыхъ порученій министерства финансовъ въ должности штабмейстера графъ *Бобринскій*, начальники отдѣленій департамента разныхъ податей и сборовъ *Валдгринъ* и особенной канцеляріи по кредитной части *Анненской* и совѣтникъ санктпетербургской казенной палаты *Геслингъ*; (октября двадцать-пятаго) начальники отдѣленій: департамента полиціи исполнительной *Оржевскій* и медицинскаго департамента *Мавроди*, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ въ званіи камергера *Горлиновъ* и сорокскій уездный предводитель дворянства *Негаевъ*.

Въ коллежскіе совѣтники: (октября осьмаго) правитель канцеляріи главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, чиновникъ седьмаго класса *Кашневъ*; надворные совѣтники: старшій докторъ управленія черноморской береговой линіи *Крейцеръ*; (октября четырнадцатаго) членъ и правитель дѣлъ археографической комиссіи *Коркуновъ*; (октября семнадцатаго) начальникъ отдѣленія департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ князь *Куеушевъ*, старшій секретарь канцеляріи министра финансовъ *Бенедиктовъ*, чиновники для особыхъ порученій: министерства финансовъ *Гагемейстеръ*, особенной канцеляріи по кредитной части въ званіи камеръ-юнкера *Челищевъ*, и старшій столоначальникъ департамента внешней торговли *Леонтьевъ*; (октября двадцать-пятаго) старшій столоначальникъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ *Бориспольцъ*; штабъ-лекари: акушеръ калужской врачебной управы и старшій врачъ при заведеніяхъ тамошняго приказа общественаго призрѣнія *Быковскій* и порховской старшій уездный врачъ *Линдъ*.

Въ берггаутманы седьмаго класса: (октября семнадцатаго) начальникъ отдѣленія департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ *Юргенсонъ*.

Въ надворные совѣтники: (октября одиннадцатаго) коллежскіе ассесоры: начальникъ архива департамента народнаго просвѣщенія *Василій Петровъ*; (октября двадцать-седьмаго) губернский контролеръ санктпетербургской казенной палаты *Аульиновъ*.

Въ коллежскіе ассесоры: (октября одиннадцатаго) титулярные совѣтники: младшій цензоръ комитета цензуры иностранной *Левъ Роде*, правитель канцеляріи попечителя казанскаго учебнаго округа *Иванъ Цепелевъ*, начальникъ стола департамента народнаго просвѣщенія *Дмитрій Ошелев*, штатные совѣтники уездныхъ училищъ: онежскаго — *Алекскій Варузинъ*, калужскаго — *Александръ Хоботовъ*, секретарь правленія московской медико-хирургической академіи *Яковъ Кетчеръ* и старшій учитель первой кievской гимназіи девятаго класса *Егоръ Арсеньевъ*; (октября семнадцатаго) секретарь перваго отдѣленія пятаго департамента правительствующаго сената титулярный совѣтникъ *Кудиновъ*; (октября двадцать-третьяго) столоначальникъ строительнаго департамента морскаго министерства девятаго класса *Федоръ Белковичъ*.

Въ титулярные совѣтники: (октября одиннадцатаго) коллежскіе секретари: правитель канцеляріи попечителя кievскаго учебнаго округа *Алекскій Лазовъ*, почетный смотритель островскаго уезднаго училища *Егоръ Фирсовъ*, бывшій правитель канцеляріи попечителя харьковскаго учебнаго округа *Иванъ Азюбинъ*, помѣщикъ столоначальника той же канцеляріи *Эмилій Де-Роберти*, учитель аккерманскаго уезднаго училища *Семень Каменскій* и почетный смотритель прагскаго уезднаго училища *Барыковъ*; (октября седьмаго) черноморскаго линейнаго, нумера четвертаго, баталіона лекаръ *Засадскій*; (октября двѣнадцатаго) чиновникъ и художникъ археографической комиссіи *Николай Менцовъ*; (октября двадцать-пятаго) секретарь канцеляріи департамента корабельныхъ лѣсовъ, *Николай Соколовъ*.

Въ коллежскіе секретари: (октября втораго) аудиторъ инспекторскаго департамента военнаго министерства губернский секретарь *Иванъ Григорьевъ*; (октября одиннадцатаго) губернскіе секретари: старшій помощникъ начальника стола департамента народнаго просвѣщенія *Николай Михайловскій*, младшій помощникъ начальника стола того же департамента *Михаилъ Жирлевъ* и канцелярскій чиновникъ того же департамента *Владиміръ Желевъ*.

Въ губернскіе секретари: (октября одиннадцатаго) коллежскіе регистраторы: исправляющій должность столоначальника правленія московской медико-хирургической академіи, канцелярскій чиновникъ *Іосифъ Свинтицкій*, и канцелярскіе чиновники комитета цензуры иностранной: *Захаръ Добровольскій* и *Иванъ Владиміровъ*; (октября двѣнадцатаго) канцелярскій чиновникъ канцеляріи святѣйшаго синода *Харьковъ*; (октября двадцать-пятаго) служащіе въ канцеляріи грузино-имеретинскаго губернатора: *Марказовъ*, *Исарловъ* и въ тамошнемъ губернскомъ правленіи *Сакварелидзе* и князь *Тарханъ-Моуравовъ*.

Въ коллежскіе регистраторы: (октября пятаго) новогеоргіевской комиссаріатской комиссіи вахтеръ *Григорій Паркаевъ*; (октября девятаго) тифлискаго егерскаго полка унтеръ-офицеръ *Михайловъ*, симферопольской провіантской комиссіи вахтеры *Власій Спиридоновъ* и *Федоръ Ивановъ*; (октября седьмаго) тепгинскаго пѣхотнаго полка изъ унтеръ офицеровъ *Алекскій Познанскій*.

Въ четырнадцатый классъ: (октября десятаго) кораблестроительнаго департамента морскаго министерства писарь втораго класса *Федоръ Макси-*

мовъ; штаба черноморскаго флота и портовъ курьеръ *Василій Матвѣевъ*; (октября двѣнадцатаго) канцелярн морскаго министерства писарь перваго класса *Василій Филиповъ*; (октября семнадцатаго) военно-походной по флоту канцелярн Его Величества писарь перваго класса *Василій Ивановъ*.

Въ аудиторы: (октября двадцать-втораго) находящійся на усовершенствованіи въ аудиторской должности въ штабъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, писарь пермскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона *Якимъ Ветшевъ*.

Въ коммерціи совѣтники: (октября семнадцатаго) почетные граждане, первой гильдіи купцы: московскій *Владиміръ Молчановъ*, перчинскій *Алексій Кадинскій* и ревельскій *Жирардъ*.

Увольняются: (октября осемнадцатаго) ректоръ дерптскаго университета коллежскій совѣтникъ *Ульманъ*; (октября двадцать-третьяго) кавказскій гражданскій губернаторъ действительный статскій совѣтникъ *Холмутовъ*.

Назначаются: (октября седьмаго) главнымъ управляющимъ граничными имѣніями Его Императорскаго Высочества герцога Лейхтенбергскаго генераль-интендантъ Его Высочества *Леру де-Даміани*, принимаемый вмѣстѣ съ тѣмъ въ русскую службу съ чиномъ действительнаго статскаго совѣтника и съ причисленіемъ къ департаменту удѣловъ; викаріемъ исковской епархіи, епископомъ рижскимъ, ректоръ московской духовной академіи настоятель московскаго богоявленскаго второкласнаго монастыря архимандритъ *Филаретъ*, на мѣсто уволеннаго епископа Припарха; (октября семнадцатаго) председатель тульской палаты уголовнаго суда старшій изъ числа избранныхъ тульскимъ дворянствомъ кандидатовъ отставный гвардіи капитанъ *Науловъ*, на мѣсто коллежскаго ассессора *Князева*, который увольняется согласно его прошенію; (октября двадцатаго) Ярославскимъ вице-губернаторомъ коллежскій совѣтникъ *Ханьковъ*; (октября двадцать-пятого) председателемъ енисейскаго губернскаго суда совѣтникъ астраханской казенной палаты коллежскій совѣтникъ *Зубаревъ*; членами отдѣленія русскаго языка и словесности при императорской академіи наукъ: ординарными академиками: *Филаретъ*, митрополитъ московскій и коломенскій; *Иннокентій*, епископъ вологодскій, *Арсеніевъ*, действительный статскій совѣтникъ; *Бутковъ*, тайный совѣтникъ; *Востоковъ*, статскій совѣтникъ; князь *Вяземскій*, действительный статскій совѣтникъ; *Давыдовъ*, ординарный профессоръ московскаго университета; *Жуковскій*, тайный совѣтникъ; *Каченовскій*, ординарный профессоръ московскаго университета; *Крыловъ*, статскій совѣтникъ; *Михайловскій-Данилевскій*, генераль-лейтенантъ; *Панаевъ*, действительный статскій совѣтникъ; *Шлетневъ*, ординарный профессоръ санктпетербургскаго университета; *Погодинъ*, ординарный профессоръ московскаго университета; князь *Ширинскій-Шихматовъ*, тайный совѣтникъ, и *Языковъ*, действительный статскій совѣтникъ; адъюнктами: *Берединиковъ*, коллежскій ассессоръ; *Розбергъ*, ординарный профессоръ дерптскаго университета; *Строровъ*, коллежскій совѣтникъ и *Шевыревъ*, ординарный профессоръ московскаго университета; (октября двадцать-пятого) председателемъ медицинскаго совѣта действительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикъ *Маркусъ*, на мѣсто сенатора, тайнаго совѣтника *Пецурова*, которой увольняется согласно его желанію.

Высочайшими грамотами всеимпостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ:

Святаго равноапостольнаго князя владимира второй степени большаго креста: (октября третьяго) управляющій департаментомъ на-

роднаго просвѣщенія и председатель археографической комиссіи князь *Ширинскій-Шихматовъ*.

Святой анны первой степени: (октября пятнадцатаго) состоящій въ должности штабмейстера при дворѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, действительный статскій совѣтникъ графъ *Віельгорскій*.

Святаго станислава первой степени: (октября перваго) командиръ второй бригады тринадцатой пѣхотной дивизіи *Чугаговъ*; (октября семнадцатаго) вице-директоръ особенной канцелярн по кредитной части действительный статскій совѣтникъ *Ламанскій*; председатель черниговской казенной палаты действительный статскій совѣтникъ *Науловъ*; (октября двадцать-пятого) состоящій въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, действительный статскій совѣтникъ *Волковъ*.

Святаго владимира третьей степени: (октября перваго) командиръ первой бригады тринадцатой пѣхотной дивизіи генераль-майоръ *Балицкий* и командующій резервною дивизіею и нѣаго пѣхотнаго корпуса генераль-майоръ *Анненковъ*; (октября третьяго) главный редакторъ и членъ археографической комиссіи, статскій совѣтникъ *Востоковъ*; (октября девятаго) состоящій при начальникѣ морскаго штаба по особымъ порученіямъ гвардейскаго экипажа капитанъ перваго ранга *Купреловъ*; (октября семнадцатаго) председатель вольнскаго казенной палаты, действительный статскій совѣтникъ баронъ *Врангель*; командиръ вольнскаго бригады пограничной таможенной стражи полковникъ *Лавринъ*; губернской казначей московской казенной палаты коллежскій совѣтникъ *Князиковъ*; управляющій должностъ тобольскаго гражданскаго губернатора статскій совѣтникъ *Ладженскій*; (октября двадцать-пятого) состоящій въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, действительный статскій совѣтникъ *Суиковъ* и екатеринославскій вице-губернаторъ коллежскій совѣтникъ *Сафоновъ*.

Святой анны второй степени императорскою короною украшеннаго: (октября десятаго) попечитель екатерининской больницы въ Москвѣ, въ званіи камергера Двора Его Величества, коллежскій совѣтникъ князь *Мещерскій*, подольскій уѣздный предводитель дворянства, полковникъ *Сухово-Кобылинъ*, и чиновникъ особымъ порученіемъ при канцелярн московскаго военнаго генералъ-губернатора, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Величества, надворный совѣтникъ *Мономаревъ*; (октября семнадцатаго) статскіе совѣтники: директоръ московской практической коммерческой академіи *Шредеръ*; начальники отдѣленій: канцелярн министра финансовъ *Шелювъ* и департамента государственнаго казначейства *Григорьевъ*; коллежскіе совѣтники: состоящій въ должности директора юрбургскаго таможеннаго округа *Альфтонъ*, управляющій юрбургскою таможеню *Гворецкій*; департамента государственнаго казначейства: старшій контролеръ *Каленевъ-Любовскій* и старшій столоначальникъ *Зубаревъ*; седьмаго класса: начальникъ отдѣленія департамента государственнаго казначейства *Бѣлевъ*, кассиръ комиссіи погашенія долговъ *Вершъ* и губернской казначей санктпетербургской казенной палаты осьмаго класса *Кисловъ*; (октября двадцать-пятого) статскіе совѣтники: начальникъ отдѣленія хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ *Киндерева*, инспекторъ витебской врачебной управы медико-хирургъ *Яворскій* и таврической вице-губернаторъ коллежскій совѣтникъ *Беръ*.

Святой анны второй степени: (октября осьмаго) тенгисскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Бордовскій*; (октября пятнадцатаго) управляющій придворною конторою Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, коллежскій совѣтникъ *Юргенсъ*,

(октября семнадцатаго) членъ общаго присутствія морскаго интендантства, четвертаго класса *Андреевъ*; пятаго класса: старшій контролеръ департамента государственнаго казначейства *Лисенко* и младшій контролеръ департамента разныхъ податей и сборовъ *Яновъ*; кассиръ, комиссія погашенія долговъ седьмаго класса *Щербаковъ* и главный бухгалтеръ заемнаго банка коллежскій ассессоръ *М. Малицевъ*.

Святаго Станислава второй степени, императорскою короною украшеннаго: (сентября двадцать-шестого) статскіе совѣтники: пензенскій губернскій прокуроръ *Леонтьевъ*; войсковой прокуроръ донскаго войска *Шевинъ*; коллежскіе совѣтники: бѣлостокскій областный прокуроръ *Слозевъ*; правительствующаго сената: оберъ-секретарь 1-го отдѣленія 8-го департамента *Каневскій*; старшіе секретари: 1-го департамента *Якимовъ*, 7-го департамента *Андреевъ*, 8-го департамента *Ягодкинъ*, председатель владимірской палаты уголовного суда надворный совѣтникъ *Куломзинъ*; коллежскіе ассессоры: старшій секретарь межеваго департамента правительствующаго сената *Ольшевскій* и одесскій прокуроръ *Косачъ*; (октября осьмаго) командиръ тегинскаго пѣхотнаго полка, полковникъ *Хлюпинъ*; дежурный штабъ-офицеръ управления начальника черноморской береговой линіи, состоящій по арміи майоръ *Мицгородскій*; грузинскаго линейнаго нумера четвертаго, баталіона майоръ *Скуратовъ*; (октября десятаго) секретарь канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, надворный совѣтникъ *Анбаровъ*; (октября одиннадцатаго) командиръ черноморской конно-артиллерійской гвдочей, нумера десятаго, баттарей, состоящій по арміи капитанъ *Фарафонтьевъ*; (октября семнадцатаго) статскіе совѣтники: докторъ медицины: главный докторъ черноморскаго флота и портовъ *Ашманъ*, втораго ластоваго экипажа *Гаугеръ* и казначей кораблестроительнаго департамента морскаго министерства, 5 класса *Арбузовъ*; (октября семнадцатаго) командиръ одесской полубригады пограничной таможенной стражи полковникъ *Батуринъ*; коллежскіе совѣтники: старшій директоръ заемнаго банка *Молдавскій*, совѣтники казенныхъ палатъ: рязанской, князь *Крапоткинъ* и владимірской, *Петровъ*; исправляющій должность совѣтника и начальника отдѣленія главнаго управления западной сибіри *Капустинъ*; старшій столоначальникъ департамента разныхъ податей и сборовъ *Коневъ* и управляющій ревельскою таможенною *Корсаковъ*; губернскій контролеръ тверской казенной палаты надворный совѣтникъ *Чернавскій*; совѣтникъ архангельской казенной палаты, коллежскій ассессоръ *Механизовъ* и губернскій казначей мѣвской казенной палаты 8-го класса *Чеботко*.

Святаго Станислава второй степени: (сентября двадцать-шестого) статскіе совѣтники: председатель гродненской палаты уголовного суда *Анисимовъ* и членъ симферопольской межевой комиссіи *Яновичъ*; коллежскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ Юстиціи *Филиповъ*; прокуроръ евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи *Брунъ* и состоящій въ должности оберъ-секретаря 7-го департамента правительствующаго сената *Чекуринъ*; надворные совѣтники: вологодскій губернскій прокуроръ *Брянгачиковъ*; судья новгородскаго уѣзнаго суда *Короткій*; судьи совѣстныхъ судовъ: нижегородскаго, коллежскій ассессоръ *Веселовскій*; черниговскаго, штабъ-капитанъ *Тризна* и порховскій уѣздный предводитель дворянства поручикъ *Ашиковъ*; (октября перваго) командующій резервною бригадою четырнадцатою пѣхотной дивизіи, состоящій по арміи подполковникъ *Ефимовичъ*; литовскаго егерскаго полка майоръ *Азеконскій*; (октября третьяго) главный редакторъ и членъ археографической комиссіи, коллежскій ассессоръ *Берединовъ*; (октября осьмаго) командиръ черноморскаго линейнаго, нумера четвертаго, баталіона, состоящій по арміи майоръ *Азвонкевичъ* и командиръ черноморскаго линейнаго, нумера девятаго, баталіона, состоящій по арміи майоръ *Калтковскій*;

(октября десятаго) штага московской полиціи частный приставъ, коллежскій ассессоръ *Хотинскій*; московскій первой гильдіи купецъ, членъ московскаго комитета о просящихъ милостины, почетный гражданинъ Борисъ *Страховъ*, въ воздаяніе оказаннаго имъ отличнаго усердія къ обезпеченію продовольствія бѣдныхъ и сдѣланнаго имъ пожертвованія на предметъ общественной пользы, — согласно ходатайству начальства и удостоенію комитета министровъ, съ тѣми по этому ордену правами, какія принадлежатъ лицамъ купеческаго званія на основаніи § 81 статута означеннаго ордена; (октября четырнадцатаго) командующій таврическимъ внутреннимъ гарнизоннымъ баталіономъ, состоящій по арміи подполковникъ *Борисовъ*; (октября семнадцатаго) начальники отдѣленій: комиссаріатскаго департамента морскаго министерства, статскій совѣтникъ *Терлевиъ*; надворный совѣтникъ *Каменискій* и экзекуторъ и казначей инспекторскаго департамента морскаго министерства, 8 класса *Ивановъ*; начальники отдѣленій инспекторскаго департамента морскаго министерства, коллежскій совѣтникъ *Корилловъ*; канцеляріи министра финансовъ, статскій совѣтникъ въ званіи камергера *Ростовцовъ*; командующій ливонскою полубригадою пограничной таможенной стражи, полковникъ *Рейхардъ*; коллежскіе совѣтники: председатель тобольской казенной палаты *Покровскій*; начальникъ отдѣленія департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ *Кабылинъ* и чиновникъ для особыхъ порученій *Матафтинъ*; бергпробиреръ лабораторіи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, берггаушманъ 6-го класса *Карпишскій*; совѣтникъ виленьской казенной палаты надворный совѣтникъ *Мишковъ*; губернскій казначей тамбовской казенной палаты 7-го класса *Комаровъ*; приставъ нижегородскихъ соляныхъ запасовъ, коллежскій ассессоръ *Вьлокрьльцевъ* и губернскій казначей могилевской казенной палаты 8-го класса *Косачевскій*.

Святаго Владимира четвертой степени съ бантомъ: (октября одиннадцатаго) черноморскихъ казачьихъ полковъ коннаго нумера пятаго эскадръ *Зовгородскій* и пѣшаго нумера осьмаго эскадръ *Бей-Могучиковъ*.

Святаго Владимира четвертой степени: (сентября двадцать-седьмаго) кавказскаго сапернаго баталіона поручикъ *Каргановъ*; (октября перваго) литовскаго егерскаго полка майоръ *Воскобойниковъ*; (октября четвертаго) начальникъ первой волости третьяго округа военнаго поселенія кievской и подольской губерній, числящійся по кавалеріи штабъ-ротмистръ *Турчаниновъ*; (октября осьмаго) войсковые старшины: командующіе черноморскими казачьими пѣшими полками: нумера перваго *Шаранъ* и втораго *Зальзлякъ*; штабъ-капитаны: навагинскаго пѣхотнаго полка, *Кгаевскій 1*, старшій адъютантъ управления перваго отдѣленія черноморской береговой линіи, черноморскаго линейнаго, нумера пятаго, баталіона *Арнаутовъ* и тегинскаго пѣхотнаго полка поручики: *Титовъ* и *Наумовъ*; (октября двадцать-перваго) профессоръ живописи *Бруки*.

Святой Анны третьей степени съ бантомъ: (октября осьмаго) черноморскаго линейнаго, нумера десятаго, баталіона штабъ-капитанъ *Перекрестовъ*; старшій адъютантъ штаба управления начальника черноморской береговой линіи эриванскаго карабинернаго полка поручикъ *Миргородскій*; и черноморскаго линейнаго, нумера пятаго, баталіона подпоручикъ *Луговскій*; (октября одиннадцатаго) тегинскаго пѣхотнаго полка майоръ *Хромовъ*; и кабардинскаго племени прапорщикъ Тлекечъ *Толбиевъ*; (октября шестнадцатаго) куринскаго егерскаго полка штабъ-капитанъ *Звелоольскій-Мельниковъ*.

Святой Анны третьей степени: (октября четвертаго) вице-консулъ нашъ въ Килъ, негодантъ *Шредера*; (октября осьмаго) командиръ черно-

морского линейнаго, номера десятаго, баталіона майоръ *Копискій*; черноморскаго линейнаго, номера осьмаго, баталіона капитанъ *Андреевъ* и грузинскаго линейнаго, номера третьяго, баталіона штабсъ-капитанъ *Каленовъ*; (октября четырнадцатаго) майоръ таврическаго внутренняго гарнизоннаго баталіона *Пискорскій*; (октября семнадцатаго) полевые инженеръ-капитаны: *Зейдлицъ*, *Федоровъ* и *Козловъ*; (октября двадцать-пятаго) вице-консулъ нашъ въ Марсели, Антонъ *Фіерръ*.

Святаго Станислава третьей степени: (сентября двадцать-шестаго) коллежскіе ассессоры: контролеръ департамента министерства юстиціи *Никулинъ*; правительствующаго сената: старшій секретарь перваго отдѣленія третьяго департамента *Собининъ*; экзекуторъ перваго отдѣленія третьяго департамента *Форманъ*; секретари: втораго отдѣленія третьяго департамента *Юркевичъ*, седьмаго департамента *Цыпиковъ*, состоящій въ должности секретаря временнаго присутствія герольдн *Авраховъ*; исковскій губернскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій *Ивановъ*; уездные стряпчіе: порховскій *Веденскій*, волоцкій *Каміонко* и старшій помощникъ секретаря втораго отдѣленія третьяго департамента правительствующаго сената титулярный совѣтникъ *Ивановъ*; (октября перваго) брестскаго пѣхотнаго полка капитанъ *Закусинъ*; (октября втораго) поручикъ линейныхъ казаковъ собственнаго Его Величества конвой *Фроловъ*; (октября третьяго) секретарь канцеляріи генераль-губернатора витебскаго, могилевскаго и смоленскаго надворный совѣтникъ *Шоповъ*; (октября осьмаго) черноморскаго линейнаго, номера четвертаго, полка штабсъ-капитанъ *Роменскій*; тевгвискаго пѣхотнаго полка подпоручикъ *Бетакъ*, и прапорщикъ *Мерлинъ*, въ воздаяніе отличо-усердной и ревностной службы; корпуса топографовъ поручикъ *Рябовъ* и тевгвискаго пѣхотнаго полка прапорщикъ *Рохановскій 2-й*; (октября десятаго) надворные совѣтники: непремѣнный членъ и казначей московскаго приказа общественаго призрѣнія *Смирновъ*; штаба московской полиціи частные пристава: *Агаповъ* и *Мартьяновъ*; главный по московской полиціи штабъ-лекарь *Рязанцовъ* и следственный приставъ по корчемной части коллежскій ассессоръ *Недѣлскій*, попечитель сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ бойринскомъ уездѣ, коллежскій регистраторъ *Оржешико*, московскій первой гильдіи купецъ, членъ московскаго попечительнаго общества о тюрьмахъ *Николай Ревинъ*, въ воздаяніе оказаннаго имъ отличнаго усердія къ обезпеченію продовольствія близныхъ и сдѣланнаго имъ пожертвованія на предметъ общественной пользы, съ тѣми по этому ордену правами, какія принадлежатъ лицамъ купческаго званія на основаніи § 84-го статута означенаго ордена; (октября одиннадцатаго) королевско-прусскіе ландраты: островскаго округа *Тиниовицъ* и розенбергскаго округа *Таубаделъ*; (октября одиннадцатаго) навагинскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ *Жуковский*, черноморскихъ конно-казачьихъ полковъ: номера третьяго, эсаулъ *Корсунъ* и номера перваго, хорунжій *Бѣлаго 2*, и состоящій при отрядѣ войскъ нашихъ, керченскаго племени поручикъ *Беберль Битоковъ*; (октября семнадцатаго) чиновники 7-го класса: бухгалтеръ кораблестроительнаго и ученаго комитета *Яковлевъ* и начальникъ отдѣленія комиссаріатской экспедиціи интендантства главнаго управленія черноморскаго флота и портовъ, *Стронскій*; коллежскіе ассессоры: секретарь аудиторіатскаго департамента морскаго министерства *Степановъ* и штабъ-лекарь шестаго ластоваго экипажа *Бенедиковскій*; 8-го класса: учителя морскаго кадетскаго корпуса *Ивановъ* и *Вангиновъ*, чиновникъ особыхъ порученій при виленскомъ военномъ, гродненскомъ, минскомъ и вѣлостокскомъ генераль-губернаторѣ, надворный совѣтникъ *Вялоцкій* и секретарь канцеляріи того же генераль-губернатора, титулярный совѣтникъ *Уразовъ*; (октября шестнадцатаго) гробенскаго казачьяго полка хорунжій *Залинъ*; (октября семнадцатаго) губернскіе казначей казенныхъ палатъ: вятской, коллежскій совѣтникъ *Грофъ* и пензенской надворный совѣтникъ *Плехановъ*; коллежскіе ассессоры: совѣтникъ енисейской казенной палаты *Галкинъ*; ассессоры казенныхъ палатъ:

полтавской *Федоренко* и вятской *Кузнецовъ*, управляющій виндавскою таможенно *Шлитеръ*, младшій кассиръ главнаго казначейства *Суворовъ* и чиновникъ для особыхъ порученій *Кремленецкій*, младшій кассиръ главнаго казначейства 6-го класса *Лаврентьевъ*; титулярные совѣтники: членъ оренбургской таможи *Степановъ*, секретарь полтавской казенной палаты *Билбасовъ*, надзиратель санктпетербургской пограничной таможенной стражи *Ивановъ* и столначальникъ рязанской казенной палаты *Тейсъ*, младшій кассиръ главнаго казначейства *Гавриловъ*, чиновникъ для особыхъ порученій при начальникѣ юрбургскаго таможеннаго округа *Афанасьевъ*, младшій бухгалтеръ рижской конторы коммерческаго банка *Преторіусъ*, контролеры казенныхъ палатъ: смоленской *Васильевъ*, симбирской *Микулинъ* и надзиратель санктпетербургской пограничной таможенной стражи *Сорокинъ*.

Святой анны четвертой степени, съ надписью за храбрость: (октября одиннадцатаго) лейбъ-гвардіи кавказско горскаго полускадрона корнетъ султанъ *Адиль-Гирей* и абазехскаго племени хорунжій Гусейнъ *Цей*.

Золотою саблею съ надписью за храбрость: (октября одиннадцатаго) черноморскаго конно-казачьяго, номера втораго, полка войсковый старшина *Литевскій*.

Медалью: главный начальникъ горныхъ заводовъ уральскаго хребта донесъ: 1) пермскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона ридовой Данило *Прозоровъ*, сдѣлавъ побѣгъ отъ службы, былъ пойманъ въ вятской губерніи, но во время препровожденія его въ Пермь къ командиру пермскаго баталіона, вѣдь бѣжалъ и скрывался вмѣстѣ съ бѣглымъ же крестьяниномъ слободскаго уезда Князевымъ, на родинѣ около Омутницкаго Завода, принадлежащаго Озюкну и 2) что отецъ означеннаго дезертира, мастеровой сего же завода, Панфиль *Прозоровъ*, извѣстившись о побѣгѣ сына и замѣтивъ, что онъ съ бѣглымъ крестьяниномъ Князевымъ скрывается въ лѣсу около Омутницкаго Завода, пригласилъ ихъ обоихъ къ себѣ въ домъ, обѣщая скрыть ихъ; когда же бѣглецы явились къ нему ночью, то мастеровой Панфиль *Прозоровъ*, немедленно объявилъ объ этомъ начальству, по распоряженію коего дезертиръ *Прозоровъ* и бѣглый крестьянинъ Князевъ взяты подъ стражу и отправлены по принадлежности. О семъ похвальномъ поступкѣ мастераваго Панфила *Прозорова*, товарищъ министра финансовъ имѣлъ счастье довести до свѣдѣнія Государя Императора и Его Императорское Величество, въ 25 день сентября, высочайше повелѣлъ соизволилъ: дать мастеровому *Прозорову* медаль за усердіе, сто рублей серебромъ, и публиковать.

Перстнемъ: директоръ Императорскаго фарфороваго завода действительный статскій совѣтникъ *Галлинъ*, имѣлъ счастье получить отъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны драгоцѣнный бриллиантовый перстень съ вензельнымъ изображеніемъ Имени Ея Высочества, за поднесенный имъ альбомъ собранія видовъ окрестностей города Выборга.

#### Постановленія.

— Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, действительный тайный совѣтникъ *Уваровъ*, удостоился получить слѣдующій Высочайшій Рескриптъ, отъ децятнадцатаго октября.

«*Сергій Семеновичъ*. Обращая непрерывное вниманіе на успѣхи отечественной словесности, и имѣя въ виду споспѣшествовать ея развитію приве-

двѣмъ занятій учрежденія, которому ввѣрено попеченіе о русскомъ словѣ, въ единство и совокупно ть съ трудами первенствующаго ученаго сословія въ имперіи, Я призналъ за благо, на основаніи утвержденного сего дня положенія и штата, присоединить Императорскую российскую академію къ Императорской академіи наукъ, въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности. Вслѣдствіе сего оказывается необходимымъ измѣнить въ некоторыхъ отношеніяхъ, устройство академіи наукъ въ новомъ, расширенномъ ея составѣ. Почему повелѣваю: раздѣлить оную на три отдѣленія: 1) физико-математическія науки, 2) русскаго языка и словесности и 3) историческихъ наукъ и филологій; изъискать прежнихъ штатныхъ и хозяйственныхъ суммъ российской академіи употребить на усиленіе способовъ академіи наукъ вообще и въ особенности третьяго отдѣленія; наконецъ занятія каждаго отдѣленія и цѣлой конференціи, равно и управленіе хозяйственной части распределять согласно съ настоящимъ постановленіемъ. Вы не оставите учинить по сему надлежащее распоряженіе. Пребываю къ вамъ всегда благосклонный.»

Вотъ главные положенія упоминаемаго въ означенномъ рескриптѣ Высочайше утвержденного положенія.

I. Императорская российская академія присоединяется къ Императорской академіи наукъ въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности. Вслѣдствіе этого, вся собственность первой, состоящая въ знаніяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества последней. Академія наукъ, въ распространѣнномъ такимъ образомъ объемѣ своемъ, раздѣляется на три отдѣленія, въ числѣ которыхъ отдѣленіе русскаго языка и словесности занимаетъ второе мѣсто. Главно: управленіе отдѣленіемъ русскаго языка и словесности сосредоточивается по ученой части въ конференціи, или общемъ собраніи всѣхъ отдѣленій; а по хозяйственной въ комитетъ правленія академіи наукъ.

II. Отдѣленіе русскаго языка и словесности состоитъ изъ шестнадцати ординарныхъ академикомъ и четырехъ адъюнктовъ, которые, могутъ быть удостоиваемы званія экстраординарныхъ академикомъ. Назначеніе академикомъ и адъюнктовъ отдѣленія, на первый разъ, предоставляется министру народнаго просвѣщенія. По образованіи отдѣленія, избраніе ихъ производится въ общемъ собраніи академіи наукъ, на основаніи устава ея, изъ кандидатовъ, предложенныхъ отъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Удостоенные избранія, представляются министромъ народнаго просвѣщенія на Высочайшее утвержденіе. Въ академики и адъюнкты отдѣленія русскаго языка и словесности могутъ быть избираемы лица, имѣющія пребываніе въ столицѣ, въ иныхъ городахъ имперіи, также обязанныя другими служебными занятіями. Всѣмъ действительнымъ членамъ российской академіи, которые не поступаютъ въ число академикомъ, и не имѣютъ званія почетныхъ членомъ Императорской академіи наукъ, присвоается званіе почетныхъ членомъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Академики и адъюнкты отдѣленія русскаго языка и словесности, исключая особъ духовнаго званія, состоятъ въ государственной службѣ, со всѣми обязанностями и преимуществами этихъ званій въ прочихъ отдѣленіяхъ, но не получаютъ жалованья и пенсій. Тѣ изъ нихъ, которые находятся въ Санктпетербургѣ, присутствуютъ въ конференціяхъ академіи наукъ, которыя бывають одинъ разъ въ мѣсяцъ. Почетные члены отдѣленія русскаго языка и словесности могутъ также присутствовать въ еженедѣльныхъ собраніяхъ этого отдѣленія и участвовать въ его занятіяхъ, — что будетъ принимаемо съ признательностію; но не вѣнчается въ непревышнюю ихъ обязанность.

III. Отдѣленіе русскаго языка и словесности состоитъ подъ ближайшимъ управленіемъ одного изъ принадлежащихъ къ нему ординарныхъ академи-

ковъ, избираемаго президентомъ академіи наукъ и утверждаемаго министромъ народнаго просвѣщенія на два года, съ званіемъ *предсѣдательствующаго*. Имѣя попеченіе объ успѣхъ занятій цѣлаго отдѣленія, онъ долженъ распределять труды между академиками; слѣдить упражненія каждаго и поддерживать ихъ дѣятельность всеми зависящими отъ него средствами. При самомъ вступленіи въ исполненіе своей должности, онъ предлагаетъ на разсмотрѣніе отдѣленія планъ подлежащихъ ему занятій, который, по предварительномъ обсужденіи, долженъ быть представленъ на утвержденіе конференціи. Независимо отъ представленія въ конференцію ежегоднаго отчета о дѣйствіяхъ отдѣленія, предсѣдательствующій, по истеченіи года, свидѣтельствуетъ предъ президентомъ академіи объ усердіи и трудахъ каждаго академика. Въ нужныхъ случаяхъ, онъ можетъ обращаться непосредственно къ президенту академіи и просить его содѣйствія къ отклоненію встрѣчающихся препятствій въ ходѣ занятій отдѣленія. Предсѣдательствующій получаетъ жалованье, положенное по штату академіи наукъ ординарному академику; но уже не можетъ участвовать въ денежныхъ вознагражденіяхъ ниже опредѣленныхъ.

IV. Въ кругъ занятій втораго отдѣленія входятъ: 1) основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря; 2) изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ, относительно къ языку русскому, и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря, и 3) славяно-русская филологія вообще и въ особенности исторія русской словесности. Впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ отдѣленія, ему не чуждо будетъ все входящее въ область изящной словесности и русской исторіи. Въ отношеніи къ историческимъ памятникамъ языка и древней письменности русской, отдѣленіе состоитъ въ сношеніяхъ съ археографическою комиссіею.

V. Какъ большая часть помннутыхъ выше занятій не иначе можетъ увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ, какъ при совокупныхъ усиліяхъ нѣкотораго числа академикомъ, то и предоставляется отдѣленію русскаго языка и словесности составлять изъ среды своей, въ нужныхъ случаяхъ, временныя комиссіи, подъ ближайшимъ руководствомъ предсѣдательствующаго. Каждый академикъ приглашается представить ежегодно въ отдѣленіе хотя одну оригинальную статью своего сочиненія. Къ этому приглашаются также и почетные члены.

VI. Отъ времени до времени могутъ издаваться собранія этихъ сочиненій. Статьи, назначаемыя отдѣленіемъ къ напечатанію, предварительно представляются на разрѣшеніе президента академіи наукъ.

VII. На вознагражденіе академикомъ, явившихъ постоянное усердіе и содѣйствіе къ трудамъ отдѣленія, или особыми трудами заслужившихъ почетное имя на поприщѣ изящной литературы, опредѣляется 8500 рублей серебромъ въ годъ. Соразмѣрный съ трудами и уравнительный по занятіямъ образъ употребленія этой суммы будетъ предварительно опредѣленъ въ отдѣленіи и представленъ на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія. Предсѣдательствующій представляетъ ежегодно президенту академіи о количествѣ денежнаго вознагражденія каждому академику. Эти денежные вознагражденія не считаются въ обыкновенномъ порядкѣ службы препятствіемъ къ полученію другихъ подобныхъ наградъ. На напечатаніе изданій отдѣленія русскаго языка и словесности назначается по 4000 рублей серебромъ въ годъ. По усмотрѣнію президента, можетъ быть опредѣлено академику, занимающемуся письмоводствомъ, ежегодное вознагражденіе отъ 300 до 500 рублей серебромъ изъ общихъ остаточныхъ суммъ академіи. Такъ какъ отдѣленію поставляется въ особую обязанность пешись объ изученіи славянскихъ на-

рвич и литературы, то ежегодно назначается по тысячъ рублей серебромъ, которые, какъ по усмотрѣнію президента академіи, такъ и по представленію отдѣленія, употребляются на поощреніе и путешествія молодыхъ русскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію славянскихъ литературъ, на изданіе ихъ трудовъ и на другіе подобныя предметы.

— Государь Императоръ, тринадцатаго мѣсяца сентября, Высочайше утвердить соизволилъ положеніе военнаго совета, чтобы при всѣхъ вообще перевозкахъ пороховъ, на казенныхъ подводкахъ или на вольно-наемныхъ, кромѣ предосторожностей, изложенныхъ во второй книгѣ четвертой части свода военныхъ постановленій, принять за правило, чтобы на первой повозкѣ порохового транспорта былъ выставленъ на палкѣ краснаго цвѣта флагъ, на подобіе пожарныхъ командъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдованіи транспортовъ съ пороховъ всѣ посторонніе отъ нихъ удалялись, а бѣдующіе на встрѣчу съ обозами или въ экипажахъ и повозкахъ отъѣзжали бы по-возможности въ сторону; но съ тѣмъ, чтобы наложенныя правила относились собственно до пороховыхъ транспортовъ отдѣльно отъ войскъ.

— Государь Императоръ, Высочайше повелѣть соизволилъ: безрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ дозволить пріобрѣтать въ городахъ дома, наравнѣ съ отставными нижними чинами.

— Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ разрѣшить приступить къ учрежденію общихъ учебныхъ квартиръ при учебныхъ заведеніяхъ белорусскаго учебнаго округа, на предположенныхъ господиномъ действительнымъ тайнымъ советникомъ Уваровымъ основаніяхъ, подобно тому, какъ такія квартиры разрѣшено уже учредить при заведеніяхъ кievскаго учебнаго округа, дозволивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, отпускать гимназіямъ белорусскаго округа стипендіальныя суммы употреблѣть, по усмотрѣнію господина министра народнаго просвѣщенія, для содержанія на этихъ квартирахъ бѣдныхъ, но прилежныхъ учениковъ.

— Государь Императоръ, по положенію комитета господъ министровъ, четырнадцатаго октября, вслѣдствіе представленія господина министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣть соизволилъ: надзоръ за учебною частію въ состоящемъ при харьковскомъ университетѣ педагогическомъ институтѣ, возложить на проректора, въ званіи директора института, съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія распространить эту мѣру, по усмотрѣнію надобности, и на другіе университеты.

— Государь Императоръ, въ дополненіе существующихъ нынѣ правилъ, о пріемѣ въ военную службу дворянъ и вольно-опредѣляющихся, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Сыновей бѣдныхъ дворянъ дозволить принимать въ военную службу на казенное содержаніе и сверхъ комплекта, штатами полковъ и линейныхъ баталіоновъ, для юнкеровъ и подпрапорщиковъ опредѣленнаго; но только въ пѣхоту. 2) Право это предоставить тѣмъ только дворянамъ, которые по удостовѣренію гражданскихъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, въ письменныхъ свидѣтельствахъ изложенному, действительно не имѣютъ никакихъ способовъ содержать себя на свой счетъ. — Свидѣтельства эти, дворяне обязаны представлять при просьбѣ объ опредѣленіи ихъ. 3) Дворянъ этихъ, на основаніи правилъ установленныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству осьмнадцатаго февраля 1840 года номеръ четырнадцатый, подвергая экзамену, зачислять въ службу: а) Выдержавшихъ удовлетворительно испытаніе, унтеръ-офицерскимъ званіемъ и производить довольствіе по этому званію; —

и б) невыдержавшихъ экзамена и безграмотныхъ, — рядовыми, и отпускать содержаніе противу рядовыхъ.

4) Опредѣленіе дворянъ въ кавалерію оставить на существующихъ нынѣ правилахъ, то есть, принимать ихъ сверхъ комплекта не иначе, какъ собственномъ ихъ содержаніи.

5) Всѣхъ вообще вольно-опредѣляющихся, желающихъ поступить въ военную службу, какъ въ пѣхоту, такъ и въ кавалерію, согласно правиламъ, въ вышеупомянутомъ приказѣ по военному вѣдомству постановленнымъ, подвергать также экзамену, выдержавшихъ его зачислять унтеръ-офицерами, а прочихъ рядовыми.

6) Въ обонхъ случаяхъ, дѣтей иностранцевъ и купцевъ, пользующихся правами вольно-опредѣляющихся, принимать впредь не иначе, какъ на собственный ихъ счетъ; — и

7) Изъ сыновей оберъ-офицеровъ, а также священническихъ и пасторскихъ, опредѣлять на казенное содержаніе тѣхъ только, которые представляютъ свидѣтельства мѣстнаго начальства, что они действительно бѣднаго состоянія и не могутъ сами содержать себя въ полкахъ, а прочихъ изъ нихъ допускать къ пріему не иначе, какъ на собственномъ ихъ иждивеніи.

— Государственный советъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ правительствующаго сената общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ, о дворянскомъ происхожденіи рода *Милкевичей*, признавъ, согласно съ сенатомъ, представленныя доказательства соответственными силѣ законовъ и вслѣдствіе сего *мильемъ* своимъ, Высочайше утвержденнымъ семнадцатаго сентября, *положилъ*: Франца ни сына его Елевтерія-Юрія, *Милкевичей*, въ дворянскомъ достоинствѣ подтвердить.

#### Разныя извѣстія.

Двадцать-седьмого октября въ три часа по полудни, во время производства работъ по укрѣпленію берега противу дачи тайнаго советника *Сухарева* и сахарнаго завода *Алферова* (Выборгской Части перваго квартала), когда предположено было опустить приготовленные въ погрузку для завала берега Большой Рѣки Цевы набитые мусоромъ кули изъ числа 28 лодокъ, называемыхъ «соминками» и поддерживавшихся на канатѣ, 19 лодокъ вдругъ погрузились въ воду; изъ нихъ всплыло осемь: пять нанесено на флашкоуты Воскресенскаго Моста, три принесено къ берегу въ разныя мѣста, а гдѣ остальные одиннадцать лодокъ, неизвѣстно.

— Изъ Кронштадта получены слѣдующія извѣстія: Отъ перваго ноября: Пароходъ изъ Санктпетербурга сегодня не приходилъ. — Въ порти образовалось много льду не только вдоль береговъ, но и въ срединѣ фарватера. Изъ Ораніенбаума сегодня прибыли лодки.

— Отъ втораго ноября. Два корабля стоятъ на якорѣ у маяка. Изъ нихъ, кажется, одинъ австрійскій, возвратившійся сюда. — Сегодня не было сообщенія съ Ораніенбаумомъ. Фарватеръ болѣею частью покрытъ льдомъ.

— Отъ третьяго ноября: Шхипера: *Мисиръ* корабля «Донъ» и *Тетери* корабля «Дженъ» намѣревались сегодня отплыть въ море, но стоятъ въ гавани на мели, оттого что вода очень упала. — Шхиперъ *Рейдъ* корабля



«Гвильфордъ», по выходѣ въ море, сталъ на мель у Кроншлота; по случаю льда, нельзя было послать ему помощи. — Сегодня весь фарватеръ былъ покрытъ льдомъ, такъ что корабли, хотѣвшіе отплыть въ море, не могли пройти; однако потомъ, усилившимся восточнымъ вѣтромъ, отнесло ледъ къ морю и корабли отправились. Почта по причинѣ большаго пловучаго льда, должна была возвратиться.

— Изъ Аренсбурга пишутъ, что одиннадцатаго октября сталъ на мель, противъ острова Орелайдъ, голландскій корабль «Тезехина Элизабетъ», шхиперъ В. Викманъ, шедшій изъ Амстердама въ Ригу съ грузомъ сельдей. Корабль поврежденъ.

— Въ городѣ Твери, двадцать-второга мая, отъ громаго удара треснула на 2½ аршина каменный сводъ надъ воротами одного частнаго дома, и по выше трещины обвалилась штукатурка на квадратный аршинъ. Въ томъ же домѣ опалило при этомъ случаѣ два образа, разбило зеркало, стекло у картины, бывшей на стѣнѣ, и нѣсколько стеколъ въ окнахъ, и повредило деревянный шкафъ; спавшій лежавшій на немъ столовый ножъ съ вязательными иглами, вырванными изъ рукъ женщины, которая въ той самой комнатѣ вязала шерстяной чулокъ у раствореннаго окна. Въ одной изъ комнатъ загорѣлся потолокъ, но огонь въ ту же минуту былъ залитъ молокомъ. Женщина, у которой были вырваны иглы, отъ громаго удара лишилась чувствъ; но скоро потомъ пришла въ память, и потомъ жаловалась только на шумъ въ головѣ.

— Въ Твери же, мѣщанка *Селезнева*, послѣ сильнаго громаго удара, двадцать-осьмаго мая, увидѣла, что двухъ-лѣтній сынъ ея съ крикомъ бѣжитъ со двора въ комнату. Мальчикъ показался ей, какъ она рассказывала потомъ, блестящимъ, или какъ-будто объятымъ пламенемъ, и она хотѣла схватить его на руки, но въ то же мгновеніе упала безъ движенія. По совѣту прибывшаго на этотъ случай приходскаго священника, *Селезневу* положили въ выкопанную въ землѣ яму, и этимъ способомъ привели въ чувство, потомъ пустили ей кровь изъ руки. Послѣ того *Селезнева* чувствуетъ только нѣкоторую боль въ груди: наружныхъ же знаковъ на ней и на мальчикѣ никакихъ не осталось.

— Херсонская губернская скачка на Высочайше назначенные призы, на трехъ верстовомъ кругѣ, произведена здѣсь двадцать-седьмаго сентября. На бѣгъ представлено было семь лошадей, русскихъ заводовъ. Первою въ два бѣга достигла призоваго столба гнѣдая кобылица, семи лѣтъ, «Молва», англійской породы, завода господина *Мосолова*, принадлежащая орденскаго кирасирскаго полка юнкеру *Богдановичу*, и выигравшая въ 1839 году въ Херсонѣ 1-й, а въ Екатеринославѣ 2-й призы; а вторымъ, въ оба же бѣга, былъ светло-гнѣдой жеребецъ, четырехъ лѣтъ «Астръ», англійской породы, принадлежащій генералъ-маіоршѣ О. Ст. *Нарышкиной*, собственнаго ея завода, выигравшій въ нынѣшнемъ году, пятнадцатаго сентября, 1-й призъ въ Кишиневѣ. Императорскіе призы присуждены по этому означеннымъ лошадямъ: 1-й серебряная ваза въ 1,500 рублей ассигнаціями, «Молва», а 2-й 500 рублей, ассигнаціями «Астру».

— По представленію главнаго мѣстнаго начальства, въ новороссійскомъ краѣ переименованы правительствующимъ сенатомъ въ мѣстечки: принадлежащее коллежскому совѣтнику Рауху, херсонской губерніи, въ ананьезскомъ уездѣ, село Петровка, съ учрежденіемъ въ немъ торговъ чрезъ каждыя двѣ недѣли и двухъ годовыхъ ярмарокъ, двадцать-перваго мая и двадцать-шестаго октября, — и принадлежащее маіору Шабельскому въ ростовскомъ уездѣ, екатеринославской губерніи, селеніе «Милость Куракина», съ учрежденіемъ тамъ трехъ годовыхъ ярмарокъ: двѣнадцатаго января, двадцать-третьяго мая и двадцать-четвертаго ноября.

— Одесскій Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о торговлѣ крымскихъ портовъ въ 1840-мъ году. I. Керченскій портъ. Къ керченскому порту привезено изъ-за границы въ 1840 году, товаровъ на 57,432 рублей 71 копейки и монеты на 85,613 рублей 38 копѣекъ, всего на 143,056 рублей 12 копѣекъ серебромъ; отпущено оттуда товаровъ на 30,243 рублей серебромъ; монеты въ отпускъ не было. Таможенныхъ пошлинъ и другихъ сборовъ поступило при керченской таможенѣ 83,493 рублей 62 копейки серебромъ. Заграничныхъ судовъ прибыло къ керченскому порту 179, а отошло оттуда 128. Каботажныхъ судовъ, объявившихъ свои грузы въ керченской таможенѣ, прибыло къ керченскому порту изъ русскихъ портовъ 576, а отошло оттуда въ русскіе порты 604. На этихъ судахъ привезено изъ русскихъ портовъ разныхъ товаровъ на 398,611 рублей, а отпущено товаровъ въ русскіе порты на 171,604 рубля серебромъ. Сверхъ-того, прибыло каботажныхъ судовъ въ керченскій карантинъ, съ товарами, оплаченными пошлиною въ азовскихъ портахъ, для передачи ихъ за границу, 290, а отошло прямо изъ карантина въ Таганрогъ, съ товарами, назначенными къ очисткѣ пошлиною въ таганрогскій таможенъ, 243. Слѣдовательно, полное число каботажныхъ судовъ, прибывшихъ въ 1840-мъ году въ Керчи (къ таможенѣ и карантину), было 866, а отшедшихъ оттуда 847.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано слѣдующее любопытное письмо изъ Бердянска, отъ пятаго октября: «Нашъ городъ, преуспѣвая въ торговлѣ хлѣбомъ, въ то же время дѣлается важнымъ рынкомъ для сбыта и другихъ внутреннихъ произведеній земледѣльческой и мануфактурной промышленности. Доказательствомъ тому служитъ нынѣшняя покровская ярмарка. — Съ дозволенія правительства, въ Бердянскѣ бываетъ нѣсколько годовыхъ ярмарокъ; лучшею изъ нихъ считается покровская. Ея превосходству, безъ сомнѣнія, всего болѣе содѣйствуетъ самая осень — то время, когда хлѣбонашець, овцеводъ и каждый сельскій промышленникъ, пожиная плоды своихъ трудовъ, приобретаетъ средства къ удовлетворенію главнѣйшихъ своихъ потребностей.

«Въ нашъ уголокъ, доселѣ почти неизвѣстный, съѣхались купцы изъ губерній: орловской, черниговской, полтавской, харьковской, екатеринославской и таврической. Однихъ красныхъ и желтыхъ товаровъ, фарфоровой и глиняной посуды привезено на 70,000 рублей ассигнаціями. Сумма эта, сама по себѣ не значительная, много однако жъ говоритъ въ пользу коммерческой дѣятельности Бердянска. Вспомнимъ, что мѣсто, гдѣ теперь стоитъ городъ, лѣтъ сорокъ назадъ, было привольемъ для дикихъ лошадей, звѣрей и змѣй; а въ 1826 году лучшимъ жилимъ строеніемъ въ городкѣ (такъ называли прежде Бердянскъ) считалась землянка частнаго пристава *Комогорова*.

«Наша ярмарка была снабжена предметами, которые каждый получалъ за сходящую цѣну. Рогатаго скота, лошадей и овецъ тоже было довольно. Торговля вообще производилась хорошо. Випрожденіи всей ярмарки погода стояла хорошая. Рогатый скотъ преимущественно покупали Ногайцы. Замѣчательно, что это племя такъ недавно оставившее кочевую жизнь, уже довольно полюбило земледѣліе. Если спрашиваете Ногайца: Для чего ты покупаешь воловъ? онъ скороговоркою и съ самодовольнымъ видомъ отвѣчаетъ: «пада пшевичку работай.»

— Таврическая губернская конская скачка на Высочайше назначенные призы, происходила Симферополѣ двадцать-седьмаго сентября. Она удостоена присутствія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Елены Павловны и Великой Княжны Маріи Михайловны. Лошадей къ состязанію изъ русскихъ конскихъ заводовъ представлено было

тринадцать. Въ первый бѣгъ, первый достигъ призового столба гнѣдой жеребецъ семи лѣтъ, «А трѣбъ» принадлежащій помѣщику перекопскаго уѣзда Пьясь-Мурзѣ *Вейторскому*, а затѣмъ темно-сѣрый жеребецъ пяти лѣтъ «Шашавбанъ», принадлежащій того же уѣзда Татарину духовнаго званія *Куртгевели* Ренію-Эвенди. Во второй бѣгъ первымъ прискакалъ тотъ же жеребецъ «Астрѣбъ», а вторымъ темно-сѣрый жеребецъ, шести лѣтъ, «Сиротка», принадлежащій гвардіи ротмистру Магмутъ-Бею *Хукалову*. По правиламъ для скачекъ следовало послѣ этого быть перескачекъ между жеребцами «Шашавбанемъ» и «Сироткой», но такъ какъ владѣлецъ перваго, *Куртгевели*, отъ того отказался, то призы и присуждены: первый, серебряная ваза въ полторы тысячи рублей ассигнаціями помѣщику *Вейратскому*, а второй, пять сотъ рублей ассигнаціями, гвардіи ротмистру *Хукалову*. Скаковой кругъ былъ длиною въ шесть верстъ.

— Въ Орлѣ былъ третьяго октября страшный пожаръ. Онъ начался въ исходѣ третьяго часа пополудни на Болховской улицѣ въ домъ мѣщанинѣ Желтухиной. Отъ этого дома, при сильномъ вихрѣ, втеченіи полу-часа объялся пламенемъ весь кварталъ, въ которомъ находились домъ дворянства съ депутатскимъ собраніемъ. Оттуда съ непомерною быстротою пламя перенеслось на казенныя каменные двухъ-этажныя зданія не въ дальномъ разстояніи находившіяся, занимаемыя губернскимъ правленіемъ, казенною палатою и канцеляріями гражданскаго губернатора и прокурора и губернской почтовою конторою. Собравшіеся къ губернскому правленію чиновники, усердно содѣйствовали къ спасенію всего, бывшаго въ корпусѣ правленія, но пламя съ чрезвычайною быстротою разливалось по всему зданію и, проникнувъ въ среднюю, обхватило лѣстницу. При всемъ стараніи едва успѣли вынести зерцало, денежные документа, сундукъ съ расходною суммою, некоторыя книги полнаго собранія и свода законовъ, и часть двѣль, бумагъ и документовъ, бывшихъ въ производствѣ по отдѣленіямъ. Но изъ этихъ двѣль, бумагъ и документовъ, сложенныхъ на открытомъ мѣстѣ, многіе разнесены вѣтромъ, а многіе также сгорѣли. Вѣтеръ безпрестанно перемѣнялъ свое направленіе и порывы его были такъ сильны, что двѣльы кипы бумагъ, объята пламенемъ, поднимались на воздухъ и уносились верстъ за десять отъ городу. Спасена только небольшая часть двѣль и бумагъ, но и тѣ разрознены и смѣшаны, а мебель правленія, большая часть архива съ двѣлами и документами, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ дома правленія, и типографія его, со всеми инструментами, матеріалами и находившимися въ ней для напечатанія бумагами и документами разныхъ присутственныхъ мѣстъ, сдѣлались жертвою пожара.

— Соль для народнаго продовольствія въ Россіи, добывается болѣею частью изъ самосадочныхъ озеръ, а также вывариваются на заводахъ казенныхъ и частныхъ. Главныя соляныя озера находятся въ Крыму, Бессарабіи, саратовской губерніи, а главные соловаренные заводы въ пермской губерніи. Въ прошедшемъ 1840 году, какъ извѣстно по официальнымъ свѣдѣніямъ, добыто соли изъ казенныхъ источниковъ и выварено на казенныхъ заводахъ болѣе двадцати-шести милліоновъ пудовъ, да на частныхъ заводахъ слишкомъ пять милліоновъ, следовательно, все количество приготовленной въ прошедшемъ году соли составляетъ болѣе тридцати-двухъ милліоновъ пудовъ; присоединивъ къ тому прочіе запасы соли выходитъ, что ее было въ наличности въ 1841 году слишкомъ сорокъ-четыре милліона пудовъ. Среднимъ числомъ вообще добывается у насъ соли ежегодно до тридцати милліоновъ пудовъ и всегда находится налицо такое количество, которое совершенно обезпечиваетъ народную потребность.

Добыча соли садочной или озерной обходится казнѣ отъ  $\frac{1}{4}$  до 6 копѣекъ серебромъ пудъ; а соль выварочная стоитъ казеннымъ заводамъ отъ 6 до 50 к, серебромъ за пудъ. Въ этихъ числахъ заключаются частныя издержки соб-

ственно на приготовленіе соли; въ истинную же цѣну ея, сверхъ того, входятъ: перевозка въ главныя запасныя магазины, расходы на исправленіе солевозныхъ путей; пять процентовъ съ капитала, заключающагося въ заведеніяхъ, магазинахъ и прочихъ строеніяхъ, и три процента на починку и содержаніе ихъ; сумма, которой стоитъ соль, разгрузка, усыпка и утечка; деньги, которыхъ лишается правительство въ податяхъ и повинностяхъ съ казенныхъ солевозцевъ и другихъ приписныхъ къ работамъ людей; и наконецъ десять копѣекъ ассигнаціями съ каждаго пуда на содержаніе солянаго управленія. По присоединеніи къ этому нѣсколькихъ процентовъ, составляющихъ чистый доходъ казны, образуется продажная цѣна соли. Она установлена по каждому казенному магазину особенно, смотря по различію разстояній и употребленныхъ казною на провозъ соли издержекъ.

Въ 1840 году продано соли казенной 22.070,738 пудовъ на 6.948,416 рублей 47 копѣекъ серебромъ. Казна получила отъ этой операціи чистаго дохода 4.141,849 рублей 85 копѣекъ серебромъ. Къ этому нужно присовокупить соль, добытую съ запасныхъ промысловъ, 776,383 пудъ.

Въ нѣкоторые годы соли продавали болѣе, но это не доказываетъ мѣры дѣйствительной внутренней потребности и происходитъ отъ случайныхъ причинъ. Такъ напримѣръ, въ 1839 году соли продано слишкомъ тридцати-одинъ милліонъ пудовъ, оттого что всѣ солепромышленники старались сдѣлать огромные запасы, по причинѣ распространившихся тогда ложныхъ слуховъ о предстоящемъ болѣею возвышеніи на нея казенной цѣны. Обыкновенная же годовая продажа соли для внутренняго потребленія бываетъ около двадцати милліоновъ пудовъ.

— Перваго января 1839 года въ демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся, съ высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, открыто особое *отдѣленіе для снабженія бѣдныхъ пищею*. Эта пища, состоящая изъ двухъ горячихъ кушаньевъ — *щей* или *супу* \*) и *каши* \*\*), раздается ежедневно отъ 11 до 2 часовъ по полудни въ самомъ заведеніи и въ особыхъ столовыхъ по билетамъ, получаемымъ у директора и старшинъ заведенія и также во всѣхъ столовыхъ \*\*\*). Каждый билетъ, дающій право пользоваться пищею въ продолженіи мѣсяца, стоитъ *одинъ* рубль серебромъ, а ежедневный обѣдъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и квасомъ двѣнадцать копѣекъ мѣдью.

Не смотря на столь малую цѣну, особливо при нынѣшней цѣнности на съестныя припасы, снабженіе бѣдныхъ пищею введено совсемъ не съ тою цѣлю, чтобы продавать ее бѣднымъ за деньги, отъ нихъ самыхъ получаемыя, но съ тѣмъ, чтобы благотворителямъ доставить возможность пріобрѣтеніемъ билетовъ

\*) Щи или супъ приготовляются въ скоромные дни на бульонѣ изъ говядины или голяшекъ, а въ постные со снятками.

\*\*) Каша дается съ коровьимъ или коноплянымъ масломъ; сверхъ этого къ каждой порціи дается одинъ фунтъ ржанаго хлѣба.

\*\*\*) Для доставленія удобности пользоваться пищею бѣднымъ, живущимъ въ отдаленныхъ отъ заведенія мѣстахъ, открыты особыя столовыя: 1. Близъ Александро-Невской Лавры (въ домѣ купца *Иванова*); 2. у Какушкина Моста (въ домѣ купца *Кузьмина*); 3. близъ Московской Заставы (противъ училища гражданскихъ инженеровъ); 4. на Петербургской Сторонѣ (на Больницѣ гражданскихъ инженеровъ); 5. на Васильевскомъ Островѣ (на углу Малаго Проспекта въ 10-й линіи въ домѣ иностранца *Окля*). Въ эти столовыя пища доставляется изъ одной общей кухни въ особо устроенныхъ для этого котлахъ, способныхъ долго сохранять ее горячею.

на получение пищи и раздачу их бѣднымъ, нуждающимся въ средствахъ къ снисканію себѣ и своему семейству насущнаго хлѣба, исполнять долгъ челоѣколюбія съ очевидною пользою, къ истинному и существенному благу ближняго, вмѣсто подавнія денежной милостыни, болѣею частію испрашиваемой праздно-шатающимися тунеядцами и обращаемою ими во вредъ себѣ и другимъ.

Трехъ-годичный опытъ снабженія бѣдныхъ пищею уже служитъ твердымъ ручательствомъ, что челоѣколюбивое учрежденіе, при всей своей новосте и недавности существованія въ нашемъ отечествѣ, обратившее на себя всеобщее вниманіе и самое дѣятельное участіе, будетъ сохранено и распространено христіанскою любовью тѣхъ, которымъ Провидѣніе вверило судьбу вдовъ и сиротъ, не имѣющихъ ни пристанища, ни опоры въ жизни.

Со дня открытія этого отдѣленія, во всѣхъ столовыхъ роздано порцій бѣднымъ:

Въ 1839 году . . . . .	126,843	порцій
— 1840 — . . . . .	201,392	— —
— 1841 — . . . . .	107,436	— —
Всего . . . . .	435,671	порцій.

Такое количество розданныхъ порцій ясно показываетъ, съ одной стороны, необходимость и пользу учрежденія, а съ другой — постоянную готовность средствъ со стороны благотворителей къ поддержанію его.

Сумма, получаемая отъ благотворителей за проданные имъ билеты, употребляется на покупку съѣстныхъ припасовъ; но кромѣ-того благотворители, не довольствуясь раздачею на свой счетъ билетовъ для полученія пищи, еще ознаменовываютъ свое усердіе, разными ежегодными и единовременными приношеніями въ пользу означеннаго учрежденія. Приношенія эти состоятъ въ пожертвованіяхъ припасами, вещами и деньгами; — безъ постоянного содѣйствія благотворителей, это учрежденіе, не имѣя никакихъ другихъ средствъ, не можетъ существовать.

Жертвуемая сумма необходима для покрытія разныхъ расходовъ по содержанію кухни и столовыхъ, именно: на наемъ квартиръ для столовыхъ, покупку дровъ, свѣчей, обзаведеніе посудой, ремонтъ, развозку пищи, жалованье служащихъ и тому подобное. Кромѣ-того при каждой столовой имѣется кружка для вклада пожертвованій отъ посѣтителей: сумма, высылаемая изъ кружекъ, употребляется на приготовленіе пищи въ пользу тѣхъ бѣдныхъ семействъ, которыхъ горестное и крайнее положеніе можетъ быть извѣстно директору и старшинамъ заведенія, или непосредственно, или по удостовѣренію лицъ, заслуживающихъ довѣріе. Старшины, постоянно содѣйствуя усильному расходу билетовъ, какъ на собственныя свои суммы, такъ и между посторонними благотворителями, съ отличнымъ усердіемъ и ревностію исполняютъ постоянное и непосредственное наблюденіе за сохраненіемъ порядка, какъ въ приготовленіи, такъ и раздачѣ пищи бѣднымъ въ столовыхъ.

Попечительство демидовскаго дома призрѣнія трудящихся, содѣйствуя мѣрамъ правительства къ искорененію нищенства въ благоустроенной столицѣ нашего отечества и желая болѣе и болѣе распространить эту благотворительную отрасль, принимаетъ на себя *приготовленіе и раздачу бѣднымъ пищи* отъ всѣхъ, кто желаетъ заказать ее въ ознаменованіе своего семейственнаго счастья и радости, — или на поминаловіе умершихъ (неоднократные заказы уже были производимы разными лицами даже и изъ губерній). Эти заказы будутъ приниматься въ конторѣ дома трудящихся, гдѣ

имѣется нарочно для этого книга и въ ней означается фамилія заказавшаго (или отъ неизвѣстнаго); имя, за кого должна быть роздана бѣднымъ пища (оно при раздачѣ можетъ быть по желанію давшаго провозглашаемо бѣднымъ); количество заказанныхъ порцій, на какой именно день и въ какой столовой; за заказанное число порцій вносится впередъ сумма по 12 копѣекъ мѣлю за каждую порцію.

Такимъ образомъ домъ трудящихся въ этомъ случаѣ беретъ на себя посредничество между благотворителями и бѣдными. Нѣтъ сомнѣнія, что это у насъ единственное еще въ своемъ родѣ учрежденіе, основанное на чувствѣ истинной, безкорыстной любви къ ближнему, подѣ стѣію благаго Промысла, при высокомъ покровительствѣ Государыни Императрицы, при взаимномъ, единодушномъ участіи обществъ и частныхъ благотворителей, вскорѣ пріобрѣтетъ значительныя средства къ своему усовершенствованію во всѣхъ отношеніяхъ и содѣлается однимъ изъ полезнѣйшихъ филантропическихъ учреждений. Заведеніе находится по Мойкѣ противъ Новой Голландіи.

#### НЕКРОЛОГИ.

Въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ слѣдующія біографическія подробности о генераль-лейтенантѣ Александрѣ Павловичѣ *Алединомъ*, который скончался четвертаго сентября на шестьдесятъ седьмомъ году отъ-роду. Онъ былъ послѣдній изъ числа осьми кавалеровъ, участвовавшихъ въ воспитаніи Его Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Выпущенный въ 1792 году изъ перваго шляхетнаго корпуса, онъ, въ чинѣ поручика, поступилъ на службу и находился во многихъ сраженіяхъ, прославившихъ блистательный походъ Суворова противъ польскихъ мятежниковъ. Въ 1799 году, въ качествѣ адъютанта генерала отъ инфантеріи Розенберга, онъ участвовалъ въ незабвенной италинской кампаніи, ознаменованной битвами при Комо, Требии и Нови, и пользовался личнымъ благорасположеніемъ Суворова. Проходя службу съ честью въ разныхъ чинахъ, онъ, по волѣ блаженной памяти Императора Александра Павловича, почтенъ былъ довѣренностію находится въ качествѣ наставника при принцѣ Карлѣ Мекленбургскомъ во время двухъ-лѣтняго его путешествія по Европѣ — и по возвращеніи въ 1805 году былъ опредѣленъ кавалеромъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ неотлучно состоялъ при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ до окончанія ихъ воспитанія. Въ 1823 году былъ назначенъ управляющимъ гофмейстерскою частью Двора Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Въ 1824 году, разстроенное здоровье вынудило его просить объ увольненіи отъ службы, на что послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе съ пожалованіемъ ему пенсіона. Тогда, проводя болѣею часть года въ деревнѣ, онъ посвятилъ себя спокойствію сельской жизни и тишинѣ домашняго быта. Въ апрѣлѣ нынѣшняго 1841 года, какъ-бы чувствуя приближеніе своей кончины, пробывъ семь лѣтъ въ отставкѣ, онъ снова пожелалъ надѣть эполеты, которые приносилъ сорокъ три года и Государю Императору благоугодно было снисойти на просьбу его, опредѣливъ его по арміи, съ увольненіемъ на четыре мѣсяца въ отпускъ. Онъ потѣхалъ въ свое помѣстье (псковской губерніи), думая поддержать слабѣющее свое здоровье; но 4 сентября постигла его кончина. Почтенный А. П. *Алединый*, всеми любимый, соединялъ рѣдкія душевные качества, прямоту, сострадательность къ ближнему и благородство чувствъ съ рѣдкимъ добросердечіемъ. Стараясь всегда быть всемію полезнымъ, онъ находилъ величайшее свое наслажденіе въ покровительствѣ беззащитныхъ и въ утѣшеніи несчастныхъ.

— Двадцать-четвертого октября скончался в Санктпетербургъ, отъ апоплексическаго удара, непремѣнный секретарь Императорскаго вольнаго экономического общества, корреспондентъ Императорской академіи наукъ и членъ многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, полковникъ горныхъ инженероу Петръ Григорьевичъ *Соболевскій*. Кому не известны заслуги покойнаго на поприщѣ наукъ? Мы только припомнимъ, что онъ первый въ Россіи, въ 1811 году, занялся газовымъ освѣщеніемъ и опередилъ въ этомъ отношеніи современныхъ ему иностранцевъ, изобрѣлъ новый способъ обработки платины, познакомилъ Европу съ разнообразнымъ употребленіемъ этого металла; не менѣе важныя услуги оказалъ онъ по раздѣленію золота отъ серебра и по другимъ предметамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ представителемъ русскихъ ученыхъ въ Штутгартѣ, въ собраніи европейскихъ естествоиспытателей, гдѣ, своими разнообразными практическими и глубокими свѣдѣніями обратилъ на себя общее вниманіе. Съ этою рѣдкою ученостію, П. Г. *Соболевскій* соединялъ превосходныя качества сердца: онъ былъ почитательнымъ отцомъ многочисленнаго семейства и находилъ особенную отраду въ благотворительности.

— Съ Кавказа пишутъ о кончинѣ У. Е. *Дядьковского*, московскаго медика и профессора, и о прекрасной духовной его, которую онъ назначаетъ большую часть своего имѣнія на воспитаніе сиротъ въ рязанской губерніи.

— Двадцатаго октября скончался въ Москвѣ известный своими трудами, по части статистики, бывший редакторомъ Московскаго Наблюдателя, первымъ издателемъ журнала для овцеводовъ, В. П. *Андросовъ*, на 42-мъ году отъ рожденія. Двадцать-второго числа онъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, близъ любимаго учителя его, Мерзлякова.

## СОБЫТІЯ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

### ФРАНЦІЯ.

Говорятъ, что недавно опять едва не послѣдовало распушеніе министерства по поводу разногласія, возникшаго между членами кабинета насчетъ проекта о построеніи большихъ желѣзныхъ дорогъ. Господа *Сультъ*, *Тестъ*, *Кюенъ-Гриденъ* и *Дюперрѣ* объявили, что палатамъ необходимо представить полную систему желѣзныхъ дорогъ, а другіе министры, и въ числѣ ихъ господинъ *Гуманъ*, отвѣчали, что въ такое время, когда государственныя финансы представляютъ значительный дефицитъ, нельзя предпринимать столь огромныхъ работъ. Посредничеству двухъ высокихъ особъ удалось однако же согласить некоторымъ образомъ обѣ партіи, и, говорятъ, что рѣшено представить палатамъ предварительно только планъ двухъ большихъ желѣзныхъ дорогъ.

— О настоящемъ положеніи министерства въ *Constitutionel* напечатано сегодня слѣдующее: «Съ некоторыхъ поръ министерство находится въ состояніи непрерывнаго кризиса. Въ кабинетѣ постоянно господствуетъ разногласіе. Одна партія тамъ доктринерная, а другая, неодобряющая доктринерныхъ началъ. Первая недовѣряетъ послѣдней, но не можетъ еще обойтись безъ нее. Последняя желала бы освободиться отъ первой, но еще не рѣшается на такое предпріятіе. Есть, однако же, одинъ портфель, который ежедневно кому-нибудь предлагается: это портфель господина *Гумана*. Чѣмъ болѣе приближается время собранія палатъ, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлается не-

согласіе, тѣмъ настойчивѣе становятся предложенія. Предстоящее собраніе дѣйствительно опасно для министерства. Мы уже часто излагали его ошибки въ томъ видѣ, какъ онъ должны представиться депутатамъ, наиболее расположеннымъ къ списхожденію. Последніе невольно должны будутъ спросить себя: какимъ образомъ перенесъ — мѣра простая и справедливая — могла послужить поводомъ къ столькимъ безпорядкамъ? Они напрасно будутъ стараться отыскать причину тѣхъ странныхъ циркуляровъ, въ которыхъ присяжныя и муниципальные выборы попеременно объявлялись подозрительными. Они наконецъ никакъ не поймутъ дѣйствій министерства при послѣднихъ событіяхъ въ Испаніи. Несмотря, однако жъ, на это, министерство столь несогласное и, по видимому, столь непрочное, все-еще существуетъ. Ктѣ же его поддерживаетъ? ктѣ препятствуетъ его паденію? мы должны объяснить это. Министерство держится несогласіемъ людей, которые, слѣдуя одинаковымъ правиламъ, одинаковымъ мнѣніямъ и принадлежа къ одной и той же партіи, все-таки раздѣлены между собою выгодами и причинами второстепенными, такъ что они представляютъ въ одномъ цвѣтѣ двадцать различныхъ оттѣнковъ. Вся надежда министерства заключается въ поддержаніи этого несогласія и этой недовѣрчивости. Между-тѣмъ въ цѣлой Франціи желаютъ, чтобы скорѣе миновало такое замѣшательство, дѣлающее невозможнымъ существованіе настоящаго большинства и ослабляющее важнѣйшія государственныя силы.»

— Въ другомъ журналѣ пишутъ: «Въ советѣ министровъ все-еще существуетъ раздоръ; кабинетъ раздѣленъ на двѣ стороны: на одной находится господа *Гизо*, *Дюшатель*, *Мартенъ* и *Вильменъ*; впрочемъ послѣдній не совсемъ еще склонился на сторону господина *Гизо* и не-разъ уже защищалъ свою независимость противъ министра иностранныхъ дѣлъ. Господинъ *Гуманъ*, девятый министръ, представляетъ родъ нейтральнаго лица и исключительно занимается своимъ дѣломъ, финансами. Потому-то съ каждымъ днемъ ожидаютъ, что его принесутъ въ жертву, чтобы господина *Пасси* ввести въ кабинетъ и доставить господину *Дюфору* президентское мѣсто въ палатѣ депутатовъ. Господинъ *Гуманъ* въ виду такихъ опасностей совершенно спокоенъ и, по-видимому, совершенно чуждъ министерскихъ интригъ вокругъ него составляющихся. Изъ всего этого видно, что большинство въ советѣ не на сторонѣ доктринерной партіи, и потребны все усилія господина *Гизо*, чтобы избѣгнуть кризиса, если только онъ можетъ его избѣжать, потому что независимо отъ нерасположенія къ нему многихъ членовъ кабинета, графъ *Моле*, какъ кажется, замышляетъ съ своей стороны планъ образовать министерство и неослабно дѣйствовать. Говорятъ, что онъ готовъ даже сблизиться съ господиномъ *Тьеромъ*, если послѣдній согласится на умѣренныя условія. — Мы уже нѣсколько разъ говорили, что кромѣ старыхъ непріязненныхъ отношеній существующихъ между многими членами министерства, въ немъ господствуетъ еще разность въ мнѣніяхъ, и нѣкоторыя обстоятельства, которыя безъ того были бы вовсе не важны, способствовали къ усиленію несогласія. Такъ на примѣръ назначеніе господина *Вивьена*, бывшаго хранителя печати, въ члены государственнаго совета, которое, по-видимому, уже рѣшено, подало поводъ къ жаркимъ преніямъ и взаимнымъ упрекамъ, вслѣдствіе которыхъ президентъ совета одержалъ верхъ въ пользу своего кандидата. Неизвѣстно еще, приметъ ли господинъ *Вивьенъ* это назначеніе. Между-тѣмъ, чтобы ослабить нѣсколько побѣду маршала *Сульты*, господинъ *Гизо* вводитъ также господина *Жанье* въ государственный советъ. Этотъ, извѣстный непостоянствомъ своихъ мнѣній, депутатъ принадлежитъ теперь къ доктринерной партіи, и доставляя ему желаемое званіе, успѣютъ можетъ-быть окончить его по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время. Впрочемъ, это довольно незначительное пріобрѣтеніе: господинъ *Жанье* не пользуется большимъ кредитомъ въ палатѣ, а что касается до административныхъ его способностей, то онъ до-сихъ-поръ ни въ чемъ еще ихъ не проявилъ.»

— Говорятъ, будто недавно между господами *Моле* и *Тьерсомъ* последовало примиреніе при посредничествѣ господина *Ремюза*. Если этотъ слухъ справедливъ, то положеніе партій въ палатѣ депутатовъ должно совершенно измѣниться. Но это не очень вѣроятно.

— Извѣстный депутатъ *Дювержье де Горанн* напечаталъ въ *Revue des deux Mondes* длинную статью, въ которой доказываетъ необходимость и возможность соединенія партій разделяющихъ палату депутатовъ. Газета *le Commerce* считаетъ эту статью парламентскимъ манифестомъ господина *Тьера*, который всѣми силами старается снова захватить въ свои руки кормило правленія; но она сомнѣвается, чтобы это ему удалось.

— Переговоры съ обществомъ французскихъ и англійскихъ капиталистовъ о построеніи желѣзной дороги въ Лилль и Кале прерваны не отъ недостатка уступчивости у министра финансовъ, а вслѣдствіе непомерныхъ требованій со стороны предпринимателей. Общество вызывалось устроить дорогу въ шесть лѣтъ, употребивъ на то капиталъ, который государство должно было бы выплатить втеченіи двѣнадцати лѣтъ, а до тѣхъ поръ уплачивать на него проценты. Договоръ на этомъ основаніи былъ изготолвленъ къ подписанію, но господинъ *Гуманъ* отказалъ въ своемъ на то согласіи, находя, какъ самую сумму, такъ и проценты на нее слишкомъ высокими. Несмотря на то планъ желѣзной дороги въ Лилль съ боковою дорогою въ Калѣ, какъ важнѣйшей и необходимѣйшей изъ предполагаемыхъ линій, включенъ будетъ въ программу для предстоящаго собранія палаты. Впрочемъ достоверно, что министръ публичныхъ работъ, негодовавшій уже въ прошедшемъ году на бездѣйствіе по его вѣдомству, по случаю укрѣпленія Парижа, объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ откажется отъ своего мѣста, если въ этотъ разъ требованія его о постройкахъ для общественной пользы не будутъ уважены.

— Въ Монитерѣ помѣщены королевскія повелѣнія, которыми назначаются: баронъ *Биллингъ* генеральнымъ консуломъ въ Александрію, баронъ *Лансдорфъ* чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при императорѣ бразильскомъ, а маркизъ *Шасслу-Лобъ* чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при германскомъ союзѣ.

Этимъ перемѣнамъ и повышеніямъ не придаютъ никакой особой важности. Назначенный посланникомъ во Франкфуртъ маркизъ *Шасслу-Лобъ* не занималъ до-сихъ-поръ никогда дипломатическаго поста. Онъ служилъ въ военной службѣ и былъ адъютантомъ маршала *Сультъ*. Въ палатѣ депутатовъ занимаетъ онъ извѣстную степень между министерскими ораторами, и въ-особенности отличался во времена министерства 15 апрѣля ревностію и жаромъ, съ которыми онъ поддерживалъ графа *Моле*.

— О занятіяхъ въ предстоящемъ собраніи палаты, въ *Revue de Paris* пишутъ: «Испанскія дѣла, конечно, подадутъ поводъ къ жаркимъ преніямъ. Они представятъ, какъ въ 1858 году, поле битвы между министерствомъ и оппозиціею. Важность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Присоединивъ къ этому главному вопросу восточныя дѣла, вопросы насчетъ обезоруженія флота, резерва сухопутныхъ войскъ, и укрѣпленія Парижа, мы должны согласиться, что все это составитъ обильную жатву для парламентскихъ ораторовъ. Сверхъ-того палата должна будетъ разсмѣтрѣть планъ господина *Теста* относительно построенія большихъ линій желѣзныхъ дорогъ. На ней будетъ лежать обязанность согласить большіе расходы, которыхъ потребуетъ отъ нея министръ публичныхъ работъ, съ прочими потребностями бюджета. Можетъ ли Франція въ настоящее время последовать примѣру Бельгіи, гдѣ въ 1854 году постановлено закономъ примѣнить обширную систему желѣзныхъ дорогъ ко всему королевству и исполненіе этого плана предоставлено пра-

вительству? Палатѣ предстоитъ разрѣшить этотъ вопросъ. Мы надѣемся, что она не будетъ расположена жертвовать на слишкомъ смѣлые планы вспомогательными средствами, которыя должны получить другое еще назначеніе. Отъ нея потребуютъ, чтобы она согласилась на построеніе желѣзныхъ дорогъ длиною въ 600 миль и на отпускъ для этой цѣли 400 милліоновъ. Увидимъ, признаетъ ли она необходимымъ ограничить столь пышный проектъ. Между вопросами о внутренней политикѣ, которые привлекутъ вниманіе палаты, первое мѣсто займетъ извѣстное предложеніе объ исключеніи изъ палаты депутатовъ должностныхъ лицъ. Съ другой стороны графъ *Легонъ* настаиваетъ о скорѣйшемъ заключеніи торговаго трактата между Франціею и Бельгіею, и желалъ бы, чтобы палаты въ предстоящее уже собраніе утвердили этотъ трактатъ. Но зато министерство не торопится. Члены его не одинаковыхъ мыслей о выгодахъ, которыя произойдутъ отъ трактата. Многие изъ нихъ, будучи въ то же время депутатами, помышляютъ о частныхъ выгодахъ, которыхъ они представители, и опасаются нарушенія ихъ посредствомъ трактата. Съ трудомъ рѣшатся, въ собраніе, можетъ-быть послѣднее, настоящаго законодательства, коснуться вопроса, легко могущаго отвлечь отъ министерства всколькихъ депутатовъ и множество избирателей. Вообще должно предполагать, что, по нѣкоторымъ парламентскимъ уваженіямъ, коммерческій союзъ между Франціею и Бельгіею будетъ на долгое время отложенъ.

— Лица, служація на флотѣ въ Средиземномъ морѣ, и находившіяся въ продолженіи 42 и даже 48 мѣсяцовъ постоянно на службѣ, получили, по словамъ *Moniteur parisien*, отпускъ на шесть мѣсяцовъ.

— Въ военномъ министерствѣ постоянно занимаютъ вопросомъ о разоруженіи. Сомнительно, предложитъ ли дѣйствительно маршалъ *Сультъ* палатѣ о составленіи резерва, потому что эта система измѣнитъ всѣ существовавшія до-сихъ-поръ отношенія во Французской арміи. Маршалъ предполагаетъ, какъ кажется, сохранить всѣ двѣнадцать новыхъ пѣхотныхъ полковъ и допустить частныя отпуска, такъ что кадры останутся неизмѣненными, но число людей и издержки сократятся. Планъ распустить по двѣ роты изъ каждаго баталіона, рѣшительно оставленъ; намѣрены ограничиться отпускомъ только по одной ротѣ изъ баталіона. Сдѣлать болѣе къ уменьшенію арміи маршалъ *Сультъ* находитъ невозможнымъ при настоящемъ положеніи испанскихъ и другихъ дѣлъ. — Что касается до кавалеріи, въ которой находится много негодныхъ лошадей, то онѣ будутъ выключены изъ строя и не замѣнены, а также часть годныхъ лошадей будетъ отдана на прокормленіе поселянамъ, и другая часть, заключающая въ себѣ, по справедливому замчанію газеты *Siècle*, около 4 или 5,000 лошадей, поступитъ въ ремонтныя депо и будетъ содержима въ готовности. Это сокращеніе числа лошадей дастъ возможность распустить самихъ кавалеристовъ, а именно по пяти эскадроновъ изъ каждаго полка и нестроевой эскадронъ (*escadron hors rang*). Впрочемъ кадры вновь составленныхъ кавалерійскихъ полковъ будутъ сохранены, а также не будетъ даваемо отпусковъ ни унтеръ-офицерамъ, ни бригадирамъ, а только простымъ кавалеристамъ. — Что касается до артиллеріи, для которой труднѣе обучить людей, то при пѣшей артиллеріи полагаютъ оставить тридцать конныхъ баттарей, сообразно закону о дополнительномъ кредитѣ 1837 года, и также не будутъ отпущены ни унтеръ-офицеры, ни бригадиры, ни фейерверкеры, а только извѣстное число изъ 25,000 простыхъ артиллеристовъ.

— Морской министръ, по рѣшенію большинства голосовъ въ министерскомъ совѣтѣ, отозвалъ шесть линейныхъ кораблей и шесть фрегатовъ съ морскихъ ставцій и приказалъ въ-половину разоружить ихъ на рейдахъ. Это сокращаетъ расходы на нѣсколько милліоновъ по морскому вѣдомству.

— Контр-адмиралъ *Казу* вышелъ съ своею дивизіею, состоящею изъ линейныхъ кораблей: «Суфрена», «Юпитера», «Сципиона» и «Тритона», изъ тулонской гавани и отплылъ въ Брестъ.

— Въ *Comptier français* уверяютъ, что по известіямъ изъ Тулона, министерство рѣшительно приступило къ обезоруженію. Между-тѣмъ, какъ изъ Африки отзываютъ 12,000 человекъ, оно увольняетъ 6,000 матросовъ, не считая тѣхъ, которые будутъ уволены съ эскадры, отправившейся въ Брестъ. Черезъ мѣсяць наличное число морскихъ силъ будетъ уменьшено цѣлою третью.

— Эскадра, которая подъ командою капитана *Ле-Ро*, находилась близъ Туниса и состояла изъ линейныхъ кораблей «Нептуна», «Геркулеса», и «Трезубца», «Диадемы» и фрегата «Андромеды», возвратились двадцать-пятаго октября въ Тулонъ.

— Линейные корабли «Нептуна» и «Лена» пойдутъ вслѣдъ за эскадрою адмирала *Казу*, изъ Тулона въ Брестъ, гдѣ они, по всей вѣроятности, будутъ разснащены. Увольненіе матросовъ, бывшихъ известное время въ морѣ, находится въ связи съ этою мѣрою и составляетъ важный шагъ къ уменьшенію морскихъ силъ. (Число этихъ матросовъ, по показанію газеты *Toulonnais*, простирается до 6,000.) Все это возбуждаетъ въ публикѣ очень мало вниманія, но производитъ страшные крики въ оппозиціонныхъ журналахъ.

— Между-тѣмъ, какъ до-сихъ-поръ столь много и такъ увѣрительно говорили насчетъ обезоруженія флота, одинъ изъ органовъ министерства вдругъ уничтожаетъ всѣ подобныя надежды. Газета *la Presse*, которая нѣкогда сама извѣщала о намѣреніи министерства — приступить къ обезоруженію, объявляетъ теперь, что правительство нисколько не думаетъ о такой мѣрѣ. Двѣ тысячи матросовъ дѣйствительно получили отставку, но люди эти выслужили свой срокъ и немедленно будутъ замѣнены новыми рекрутами.

— Девятаго октября въ следственной комиссіи прочтенъ былъ докладъ по процессу *Кениссэ*. Пятнадцатаго онъ будетъ представленъ суду перовъ въ публичномъ засѣданіи.

— Число лицъ взятыхъ подъ стражу, по подозренію въ сообщничествѣ съ *Кениссэ*, простирается до девятнадцати или двадцати, но говорятъ, что въ докладѣ следственной комиссіи предложено будетъ освободить по недостатку доказательствъ, тринадцать или четырнадцать человекъ, такъ что подъ судъ отданы будутъ только четверо или пятеро которыхъ самъ *Кениссэ* признаетъ своими сообщниками.

— На дняхъ ожидаютъ возвращенія въ Брестъ фрегата *la Belle Poule*, состоящаго подъ командою принца Жоанвильскаго.

— Въ *Sentinelles de la Marine*, газетѣ, которой тонъ внушаетъ величайшую довѣренность къ истинѣ ея сообщеній и къ безпристрастію ея приговоровъ, содержатся разныя свѣдѣнія о морскомъ управленіи во Франціи. Расточительность съ одной стороны и безотчетливая небрежность о покрытіи самыхъ нужныхъ расходовъ съ другой, по словамъ этой газеты, встрѣчаются очень часто по морскому ведомству. Въ газетѣ приводятъ множество примѣровъ этого. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: линейные корабли «Тритонъ», «Лена» и «Непреклонный» оснащены были съ старательностію и съ большими издержками въ Брестъ и Шербургъ, и отплыли въ Тулонъ; но тамъ все ихъ устрой-

ство объявлено ошибочнымъ, и вновь съ большими издержками приступлено было къ ихъ переоснащенію. Фрегатъ «Галатея» исправленъ былъ въ Тулонѣ съ употребленіемъ на то 100,000 франковъ. Оттуда отправился онъ прямо въ Брестъ, гдѣ признано было, что его слѣдуетъ разснастить. Оснащеніе «Монтебелло» продолжалось нѣсколько лѣтъ, потому что, по прихоти разныхъ командировъ, устройство его безчисленное множество разъ было измѣняемо. Оттого нѣрѣдко важнѣйшія работы должны быть откладываемы или вовсе оставляемы. Въ той же газетѣ уверяютъ, что корабли: *Nantaise*, *Turquoise*, *Bretonne*, *Lilloise* потому только погибли, что не позаботились о необходимомъ ихъ исправленіи. Капитанъ послѣдняго корабля, *Блюссвилль*, зналъ очень хорошо, какимъ опасностямъ онъ подвергается, отправляясь въ полярныя моря; но онъ потерялъ надежду получить потребную на исправленіе его корабля сумму, пустился въ путь и не воротился. Корабль «Эстафета» три раза выходилъ изъ гавани, и три раза возвращался, потому что капитанъ его ясно видѣлъ, что онъ не удержится на морѣ. Онъ принужденъ былъ вслѣдствіе настоятельнаго приказа отправиться въ четвертый разъ, и остался въ морѣ на-вѣки. Пожаръ на *Trocadero*, совершенно новомъ 120 пушечномъ кораблѣ, стоившемъ 2 милліона франковъ, произошелъ, по словамъ той же газеты, отъ непринятія самыхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, такъ что чиновники гавани говорили: «если бы нарочно хотѣли сжечь *Trocadero*, то не могли бы лучше распорядиться». Большая часть этихъ свѣдѣній извлечена издателемъ морскаго журнала изъ дописанія генераль-директора гаваней, господина *Тюшигъ*, морскому министру.

— Насчетъ бюджета города Парижа, въ *Journal des Débats* замѣчаютъ слѣдующее: «Въ 1839 году получено было 3,274,689 франковъ дѣйствительнаго приращенія въ доходахъ; надѣялись, что въ 1840 году окажется столько же приращенія, а что касается до текущаго года, то сборъ акциза уже двадцатаго мая превышалъ 60,000 франковъ прошлагодній сборъ по тотъ же день. Столь благоприятное положеніе городскихъ доходовъ позволяетъ предпринять мнѣжество улучшеній: ассигнованы суммы на благотворительныя нововведенія въ домахъ ума лишенныхъ; назначены новыя средства къ расширенію первоначальнаго образованія, которое стоитъ уже 900,000 франковъ; опредѣлено 100,000 франковъ на поддержаніе тротуаровъ; 300,000 на исправленіе мостовой, колеблемъ и непрестанно разрушаемымъ движеніемъ сорока или пятидесяти тысячъ экипажей. Правда, что для покрытія столь большихъ издержекъ, надлежало обложить все пошленною, какъ предметы роскоши, такъ и необходимое, какъ скромныя обѣды средняго сословія, такъ и изысканныя пиршества богачей. Устрицы, морскія рыбы, фазаны, картофель, капуста, цвѣты, сало, которое сжигаемъ, камень, изъ котораго мы строимъ свои дома, фiakръ, который стоитъ на перекресткѣ, — все платитъ пошину. Платятъ за вино, которое пьютъ, и за воду, которую употребляютъ; платятъ за переходъ съ одного берега рѣки на другой, и за отдыхъ во время прогулки. Платятъ не только за все то, что относится къ жизни, но и за право умереть. Продажа мѣсть на кладбищахъ доставляетъ ежегодно 584,000 франковъ. И такъ мы платимъ вездѣ, за все и безпрестанно. Но это необходимо. Только подъ этимъ условіемъ, можемъ мы пользоваться яркостью газоваго освѣщенія, пріятностію прогулки по тротуарамъ, тѣнію деревьевъ, свѣжестію отъ проточной воды, чистотою улицъ и прочее. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы доставить гражданамъ эти удовольствія, городъ обязанъ расходовать ежегодно 960,000 франковъ. Кто можетъ жаловаться на это? Только при сборѣ косвенныхъ налоговъ возможно воспитывать сиротъ, дать ложе несчастному старцу, пользоваться раненаго работника и доставлять неимущимъ образованіе и помощь. Въ Парижѣ не производится ни одинъ расходъ, который бы не приводилъ наконецъ болѣе или менѣе къ благотворительной цѣли.»

— Департаментъ Роны снова подвергся опустошеніямъ отъ разлитія рѣкъ. Въ ночи съ двадцать-пятого на двадцать-шестое октября Рона прорвала мон-коконскую плотину и ту, которая ведетъ изъ С. Дени въ Бокеръ. Равнина, простирающаяся отъ послѣдняго города до морскихъ береговъ, наводнена была какъ въ прошломъ году въ это же время. Близъ Авиньона вода въ Ронѣ поднялась двадцать-пятого числа до такой степени, что половина города находилась подъ водою. Всѣ мѣры къ оказанію помощи были приняты. Въ Лионѣ Рона тоже выступила изъ береговъ и вода въ Соноѣ очень поднялась. Дня черезъ два однако жъ, Рона сравнилась уже съ берегами и воды начали опадать. Дождь прекратился.

— Генералъ *Бараге д'Ильеръ* донесъ военному министру отъ двадцать-третьяго октября, что гарнизонъ Алжира во второй разъ снабдилъ Милану провіантомъ очень успешно, разбивъ непріятеля при Шабель-Готтѣ. Арабы, по собственному сознанію, лишлись 200 человекъ убитыми и значительнаго числа ранеными. У Французовъ убиты: одинъ офицеръ и два солдата, ранено 30 человекъ.

— Въ Алжирскомъ Монитерѣ напечатаны слѣдующія подробности объ этомъ событіи. «Двадцать-втораго и двадцать-третьяго сентября двѣ колонны выступили въ Мостаганемъ; одна, подъ командою генерала *Ламорисьера*, сопровождала большой обозъ въ Маскару, другая же, подъ командою генерала-губернатора, поддерживала бѣгъ, которому многія племена обѣщали выйти на встрѣчу для изъявленія покорности. Они, вѣроятно, имѣли это желаніе, но имъ воспрепятствовала близость регулярныхъ войскъ *Абдель-Кадера*. Завидя насъ, они бѣжали; уполномоченный съ ихъ стороны не являлся. Послѣ трехъ-дневныхъ ожиданій, генералъ-губернаторъ рѣшился дѣйствовать. Онъ перешелъ рѣку и достигъ нѣкоторыя племена въ лѣсистыхъ горахъ Сиди-Яхія. Послѣ довольно жаркаго дѣла, въ которомъ второй полкъ африканскихъ стрѣлковъ, зуавы, спаги и мекали бѣгъ оказали много энергіи, на полъ битвы осталось около 200 Арабовъ; мы взяли въ плѣнъ 329 человекъ, захватили болѣе 2,000 штукъ бойнаго скота и приобрѣли много другой добычи. Въ этотъ день кошныя меджегеры въ первый разъ сражались въ нашихъ рядахъ. — Колонна, движеніе которой было затруднено добычею, возвратилась въ Мостаганемъ, гдѣ нашла генерала *Ламорисьера*, располагавшаго выступить съ новымъ обозомъ въ Маскару. Возвращаясь оттуда въ первый разъ, онъ выдержалъ нападеніе непріятельскаго отряда, состоявшаго изъ всадниковъ числомъ отъ 1,500 до 2,000 человекъ. Съ помощью своихъ стрѣлковъ онъ держалъ ихъ въ отдаленіи, убилъ у нихъ значительное число людей, отвилъ много лошадей, а съ своей стороны имѣлъ только двухъ убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Маскара достаточно снабжена теперь всѣмъ нужнымъ; тамъ находятся запасы овощей и плодовъ для всей дивизіи; больныхъ очень мало. Непріятель при каждомъ нападеніи былъ прогоняемъ съ урономъ. Все это дѣлаетъ честь подполковнику *Геру*, командующему въ Маскарѣ и храброму гарнизону, столь хорошо исполняющему его распоряженія.»

— Въ здѣшнихъ газетахъ напечатано: «Александръ *Гумбольдтъ* готовитъ оставить Парижъ, чтобы возвратиться въ Берлинъ. Во время пребыванія своего между нами онъ окончилъ твореніе въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ: «Средняя Азія, изслѣдованія горныхъ пространствъ и климатологии.» Известно, что господинъ, *Гумбольдтъ* по порученію російскаго Императора, совершилъ путешествіе по Азіатской Россіи. Результаты его тогдашнихъ наблюденій изложены въ этомъ новомъ твореніи, къ которому присоединена карта горъ и вулкановъ Средней Азіи по новѣйшимъ астрономическимъ изслѣдованіямъ и гигрометрическимъ измѣреніямъ. Знаменитый путешественникъ составилъ эту карту въ Берлинѣ въ 1839 и 1840 годахъ. Въ слѣдующемъ году она была окончена въ Потсдамѣ господиномъ *Петерманомъ* и

потомъ выгравирована въ Парижѣ господиномъ *Тардье*. Новое твореніе господина *Гумбольдта* написано на французскомъ языкѣ; его не должно считать продолженіемъ извѣстныхъ «Отрывковъ азіатской геологіи и климатологии» *Гумбольдта*, который готовитъ также шестой томъ своихъ «Критическихъ изслѣдованій географіи XV столѣтія.»

— Министръ Финансовъ понизилъ проценты билетовъ государственнаго казначейства (bons du trésor) съ 4 на 3.

— Число писемъ, за пересылку которыхъ получена была плата, простиралось во Франціи въ 1821 году до 45.382,151; въ 1850 до 63.817,260; въ 1831 до 63.380,592; въ 1832 до 66.915.011; въ 1833 до 68.716,377; въ 1834 до 70.826,519; въ 1835 до 75.010,918; въ 1836 до 78.970,561; въ 1837 до 83.348,008; въ 1838 до 87.625,570; къ концу 1841 число писемъ должно возрасти до 100 милліоновъ.

— Королева Марія-Христина поставляетъ, по-видимому, министерство въ затрудненіе, и многіе министры отзывались объ этомъ предметѣ даже официально. Достоверно то, что на испанской границѣ замѣтно большое движеніе войскъ. Седьмой кирасирскій и три пѣхотныхъ полка должны соединиться съ южными дивизіями, состоящими подъ командою генераловъ *Гариспа* и *Кастеллана*. Рѣчь идетъ объ отправкѣ къ испанской границѣ 30,000 человекъ подкрѣпленія, и дѣятельность, господствующая съ нѣкотораго времени въ департаментахъ военнаго министерства, придаетъ нѣкоторую вѣроятность этому слуху. До-сихъ-поръ это обстоятельство не имѣетъ важности, или по-крайней-мѣрѣ оно не такого рода, чтобы могло усилить существующее между нашимъ правительствомъ и регентомъ несогласіе.

— Говорятъ, что съ *О'Доннелемъ* перешли во Францію 718 солдатъ, 48 унтеръ-офицеровъ, 40 капитановъ, 154 лейтенанта и 42 штабъ-офицера.

— Генералъ *О'Доннелъ* прибылъ тридцатаго октября утромъ въ Парижъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ у королевы Маріи-Христины и затѣмъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ ея частнымъ секретаремъ.

— Увѣряютъ, что господинъ *Олосага*, какъ-скоро узналъ о прибытіи *О'Доннелъ* въ Парижъ, отправился къ господину *Гизо* и потребовалъ, чтобы предводителю наваррской инсurreкціи воспрещено было дальнѣйшее пребываніе въ столицѣ, пока въ ней будетъ находиться Королева Марія-Христина. Господинъ *Гизо*, какъ слышно, приказалъ *О'Доннелю* отправиться въ свѣрный департаментъ.

— По новѣйшимъ извѣстіямъ *Эспартеро* занялъ Баскскія провинціи и Наварру. Часть его войскъ будетъ содержать гарнизоны въ Пампелунѣ, Витторіи и такъ далѣе, и уже въ первыхъ числахъ ноября онъ воротится въ Мадридъ. Ожидаютъ съ полною увѣренностію обнародованія общей амнистіи. Всѣ французскіе полки, отправленные на подкрѣпленіе южной военной дивизіи, находятся уже нынѣ подъ начальствомъ командующихъ этою дивизіею генераловъ. Образованіе дѣйствительнаго наблюдательнаго корпуса и назначеніе главнокомандующаго, еще не сдѣланы. Генералъ-лейтенантъ *Гариспа* командуетъ дивизіею въ Байоннѣ, генералъ-лейтенантъ графъ *Кастелланъ* въ Перпиньянѣ.

— Въ Constitutionel объявлено, что *Эспартеро* приказалъ испанскимъ начальствамъ выдавать паспорта унтеръ-офицерамъ, солдатамъ и поселянамъ, которые перешли во Францію съ *О'Доннелемъ* или другими предводителями инсurreкціи. Эта мѣра не распространяется на офицеровъ и другихъ людей,

служившихъ прежде въ карлистскихъ рядахъ, а также и на тѣхъ, которые уже однажды возвращались въ Испанію, воспользовавшись амнистіею.

— Въ *Moniteur parisien* напечатано: «По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Байонны, испанскіе бѣглецы продолжаютъ вступать во Францію. Въ числѣ вновь прибывшихъ находятся генералы *Пасторъ* и *Горесъ*. На границѣ сосредоточено войско, чтобы препятствовать эмиграціямъ. Разрушеніе барселонской цитадели остановлено, но полагаютъ, что къ нему вскорѣ снова будетъ приступлено. Двадцать-седьмого октября въ Мадридѣ все было спокойно.»

— Оппозиціонные журналы много толковали о томъ, что у *Муныгорри* найденъ былъ паспортъ, данный ему байонскимъ подпрефектомъ господиномъ *Лерра*. Министерскіе журналы ничего не отвѣчали. Наконецъ въ *Messenger* было напечатано: «Правительство не считало приличнымъ входить съ оппозиціонными журналами въ полемику насчетъ паспорта, найденнаго въ бумагахъ *Муныгорри*. Оно не получало отъ испанскаго правительства никакихъ жалобъ ни представленій, по этому предмету и ни сколько не удивлялось тому, зная, что паспортъ былъ выданъ съ-вѣдъ ма испанскаго консула въ Байоннѣ и безъ малѣйшихъ жалобъ съ его стороны. Многіе журналы перепечатали письмо байонскаго префекта къ редакторамъ журнала *Seni-nelle des ruyés*. Это письмо не было помѣщено ни въ *Messenger* ни въ *Мониторъ*, потому что правительство находитъ несообразнымъ съ истинными началами администраціи, чтобы чиновникъ, безъ разрѣшенія министра, въ ведомствѣ котораго онъ состоитъ, отъ собственного своего имени защищалъ дѣйствія свои въ журналахъ.»

— Относительно декрета *Эспартеро*, лишшаго королеву Марію-Христини назначеннаго ей кортесами содержания, въ газетѣ *la Presse* замѣчаютъ, что сумма, ей опредѣленная, должна была простираться до 750,000 франковъ, но что королева Христина съ-тѣхъ-поръ какъ состоялось постановленіе, не получала ничего изъ Испаніи и едва ли могла на то надѣяться. И такъ декретъ регента ее не печалитъ.

— Разительнымъ доказательствомъ страннаго положенія, въ которомъ здѣшнія партіи находятся въ отношеніи къ Испаніи, служить то, что только въ *Journal des Débats*, *la Presse* и *National* порицаютъ *Эспартеро* за отъѣздъ фуэросовъ въ Баскскихъ провинціяхъ, между-тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ журналахъ вмѣняютъ регенту въ заслугу смѣлость, съ которою онъ рѣшился приступить къ централизаціи правленія Испаніи.

— Въ *Temps* сообщаютъ, какъ слухъ, что два линейныхъ корабля получили повелѣніе отправиться къ Барселонѣ для защиты, вслучаѣ нужды, французскихъ выгодъ.

— Въ Парижѣ пронесся пятого ноября слухъ, что въ Барселонѣ обнаружались важныя безпокойства, и что тамошніе экзальтадосы (восторженные) взяли подъ стражу барселонскаго епископа.

— Въ *Journal des Débats* изображая, довольно мрачными красками настоящее положеніе Каталоніи, по случаю послѣднихъ событій въ Барселонѣ, присовокупляютъ: «Послѣднія происшествія вмѣняютъ французскому правительству въ обязанность охранять безопасность нашихъ единоземцевъ въ Испаніи, гдѣ они ежедневно служатъ мѣтою кинжаламъ партій. Мы убѣждены, что правительство исполнитъ этотъ долгъ съ надлежащею твердостью.» Въ газетѣ *la Presse* говорятъ объ этомъ гораздо откровеннѣе и между прочимъ слѣдующее: «Съ горестію узнали мы, что двое Французовъ, отираившихся двадцать-седьмого октября изъ Перпиньяна, умерщвлены, по прибытіи въ Барселону. Если это прискорбное извѣстіе подтвердится, то фран-

цузскій кабинетъ, конечно, не преминетъ сдѣлать то, что предписываютъ ему человеколюбіе и право народѣвъ. Въ другихъ газетахъ увѣряютъ, будто бы французскій консулъ въ Барселонѣ, желая защитить этихъ несчастныхъ, самъ подвергся разнымъ неприятностямъ и былъ принужденъ выѣхать изъ городу.

— Въ *Journal des Débats* сожальютъ, что переговоры между Франціею и Бельгіею о торговомъ трактатѣ не привели ни къ какому результату, и со-вѣтуютъ французскому правительству не оставлять этого предмета. Нѣкоторые утверждаютъ, правда, что торговаго союза Бельгіи съ Пруссіею нельзя опасаться, что Бельгія принуждена будетъ наконецъ обратиться къ Франціи, что она лежитъ слишкомъ далеко отъ Берлина и что Пруссія не придастъ никакой цѣны союзу съ Бельгіею. «Остережемся, сказано въ вышеозначенной газетѣ, подобныхъ мыслей, которыя обличаютъ самонадѣяность и неразумительность. Бельгія граничитъ съ прусскими владѣніями. Брюссель находится отъ Берлина, такъ же далеко, какъ Сарлуи и Сарбрюкъ.»

— Объ этомъ предметѣ въ *Constitutionnel* напечатана слѣдующая статья: «Переговоры о трактатѣ между Франціею и Бельгіею возобновились, но въ этотъ разъ условія предложенаго трактата будутъ обсуживаемы не комиссарами, а бельгійскимъ посланникомъ, который вступитъ въ прямое сношеніе съ министерствомъ. Надобно думать, что графъ *Леонъ* получилъ опредѣлительнѣйшую инструкцію и обширнѣйшее полномочіе, нежели какія имѣлъ господишъ *Мюленеръ*; въ противномъ случаѣ перемяна лицъ не заключала бы въ себѣ ни какой важности. Въ одномъ журналѣ утверждали, что вновь обратились къ мысли о коммерческомъ союзѣ и что теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобы произвести совершенное соглашеніе торговыхъ выгодъ обѣихъ странъ. Когда въ первый разъ говорено было о подобномъ планѣ, то мы предсказывали, что онъ встрѣтитъ непреодолимые препятствія. Переговоръ, между бельгійскими комиссарами и министерствомъ оправдалъ справедливость нашего мнѣнія, такъ что ни та, ни другая сторона не могла согласиться ни насчетъ одной статьи простаго коммерческаго трактата. Теперь, когда вновь обратились къ первоначальной идеѣ о союзѣ, надобно, полагать что по отъѣздѣ господина *Мюленера* изъ Парижа, мнѣнія обѣихъ сторонъ страннымъ образомъ измѣнились. Но трудно допустить подобное предположеніе, потому что неудавшаяся попытка къ сближенію сдѣлана была очень недавно. И если даже расположеніе умовъ съ обѣихъ сторонъ будетъ самое миролюбное, то все-таки новый планъ породитъ важныя, новыя и неожиданныя затрудненія, и въ разсужденіяхъ объ немъ, по нашему мнѣнію, потеряютъ только время.»

— По словамъ *Moniteur parisien*, баронъ *Дефуроди*, бывшій посланникъ при Германскомъ Союзѣ, будетъ вмѣстѣ съ господиномъ *Минье де Мезонёффъ* производить переговоры, касательно заключенія торговаго трактата съ Бельгіею.

— Вчера прѣехалъ изъ Лондона докторъ *Боррингъ*. Онъ, какъ говорятъ, присланъ новымъ англійскимъ министерствомъ, чтобы снова приступить къ переговорамъ о торговомъ союзѣ между Франціею и Англіею, которые уже столько разъ начинались и прекращались.

— Въ *Courrier français* замѣчаютъ, что объявленіе *Макъ-Лауда* певиннымъ, еще не уничтожило всѣхъ поводовъ къ столкновенію между Великобританіею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Остается рѣшать еще два вопроса. Во-первыхъ, такъ какъ англійское правительство приняло на себя ответственность за разрушеніе парохода «*Каролина*», то оно обязано сдѣлать за это Соединеннымъ Штатамъ вознагражденіе. Затѣмъ



слѣдуетъ вопросъ о границахъ, который, впрочемъ, разрѣшить не трудно, если только обѣ стороны будутъ благоразумны въ своихъ требованіяхъ. Но до-сихъ-поръ ни Англія ни Сѣверная Америка не оказали склонности къ соглашенію. Король нидерландскій былъ избранъ въ посредники и постановилъ рѣшеніе, запечатлѣнное безпристрастіемъ; но какъ-скоро оно сдѣлалось извѣстнымъ, то по обѣ стороны Атлантическаго Океана раздались страшные крики и ни которая изъ двухъ партій не приняла его рѣшенія. Нынѣ въ Morning-Herald говорятъ, что Англія принимаетъ посредничество предложенное ей Франціею. «Если такъ говоритъ *Congrès français*, то это по-даетъ намъ высокое понятіе о неустрашимости господина *Гизо*, который не боится принять на себя рѣшеніе вопроса неразрѣшимаго.»

— Съ другой стороны увѣряютъ, что господинъ *Болверъ*, первый секретарь англійскаго посольства въ Парижѣ, имѣлъ вчера продолжительное совѣщаніе съ господиномъ *Гизо*, въ которомъ изъявилъ французскому кабинету признательность англійскаго правительства за предложенное первымъ посредничество по дѣлу *Макъ-Лауда*, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что оправданіе обвиненнаго прекращаетъ несогласіе, существовавшее между кабинетами Вашингтонскимъ и Лондонскимъ; что, впрочемъ, послѣдній представляетъ себѣ прибѣгнуть къ посредничеству французскаго кабинета, вслучаѣ, если бъ вопросъ о границахъ представилъ новыя затрудненія.

— Индѣйская почта, прибывшая въ Марсель 1 ноября, привезла извѣстія изъ Бомбей отъ 1 октября, изъ Китая отъ 24 августа. Китайскія дѣла находятся въ прежнемъ положеніи. Единственное замѣчательное событіе, совершившееся въ тѣхъ мѣстахъ, есть прибытіе новаго уполномоченнаго, сэра Генри *Поттинджеръ*. Онъ посылалъ въ Кантонъ своего секретаря, майора *Малкольма*, съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи и съ письмомъ на имя императора; а когда Квангъ-шу-фу пріѣхалъ къ нему, онъ не принялъ его и отослалъ къ своему секретарю. Двадцать-перваго августа, эскадра, состоящая изъ десяти линейныхъ кораблей и фрегатовъ, четырехъ военныхъ пароходовъ и двадцати-одного транспорта, съ 3,000 высаднаго войска, пошла на сѣверъ, какъ полагаютъ, къ Аммон.

— Съ двадцать-перваго по двадцать-шестое іюля въ китайскихъ моряхъ господствовали страшные вѣтры. Куттеръ «Луиза», на которомъ находились Капитанъ *Эллиотъ* и сэръ *Д. Г. Бремеръ*, разбился о берега острова Коу-лоу. Туземцы очень дурно обошлись съ ними и ограбили коммодора. Капитанъ и коммодоръ съ трудомъ уговорили Китайцевъ перевезти ихъ за 5,000 долларовъ въ Макао.

— Новый уполномоченный былъ съ большою радостію принятъ англійскими подданными: они многого ожидаютъ отъ его рѣшительности. Ему дана полная власть вести войну и заключить миръ. Изъ прокламаціи его видно, что онъ считаетъ войну неизбежною. Вотъ эта прокламація: «Вступая въ должность единственнаго уполномоченнаго ея величества, чрезвычайнаго министра и главнаго надзирателя торговли въ Китаѣ, сэръ Генри *Поттинджеръ* долгомъ считаетъ объявить, что онъ приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей, съ живѣйшимъ желаніемъ упрочить благосостояніе и обезпечить безопасность подданныхъ ея величества, равно какъ и иностранцевъ, находящихся въ китайскихъ владѣніяхъ. Онъ долгомъ считаетъ также объявить рѣшительно, что употребитъ всѣ возможные усилія для достиженія главной цѣли своего назначенія, которая заключается въ томъ, чтобы какъ-можно скорѣе достойнымъ образомъ окончить войну и потому не можетъ допустить, чтобы коммерческія или какія-либо другія частныя отношенія препятствовали принятію энергическихъ мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы принудить китайское правительство и китайскихъ

подданныхъ къ заключенію прочнаго мира. Сэръ Генри *Поттинджеръ* знаетъ, что тѣмъ, къ кому онъ обращается, извѣстно также хорошо какъ и ему самому, сколь мало довѣренности заслуживаютъ обѣщанія кантонскаго провинціального правительства. Онъ объявилъ этому правительству, что согласенъ сохранить существующее перемиріе, но что при малѣйшемъ нарушеніи его, непріязненные дѣйствія противъ этой провинціи тотчасъ возобновятся; а это событіе весьма вѣроятно, не только по причинѣ извѣстной недобросовѣстности китайскихъ провинціальныхъ чиновниковъ, но и по тому, что они всегда могутъ быть принуждены императорскимъ правительствомъ отказаться отъ собственныхъ своихъ дѣйствій. Поэтому сэру Генри *Поттинджеру* остается только предупредить подданныхъ ея величества и иностранцевъ, чтобы они не отдавали самихъ себя и свои имущества во власть китайскихъ начальствъ, потому что за послѣдствія онъ не отвѣчаетъ. Пользуясь этимъ случаемъ, сэръ Генри *Поттинджеръ* объявляетъ, что условія, заключенныя его предѣстникомъ насчетъ острва Хонгъ-Конга, будутъ сохраняемы, впредь до дальнѣйшихъ повелѣній ея величества.

## АНГЛІЯ.

— Въ газетѣ *Globe* пишутъ слѣдующее о вооруженіяхъ, которыя производятся во многихъ англійскихъ портахъ: «Давно уже верфи Дептфорда, Вульвича, Ширнеса, Портсмута, Плимута и Пемброка не представляли такой дѣятельности какъ нынче: по причинѣ сомнительности нашихъ отношеній къ Соединеннымъ Штатамъ и къ Китаю, теперь вооружаются для дѣйствительной службы не менѣе 26 или 30 военныхъ кораблей различныхъ ранговъ. Надобно сознаться, однако жъ, что для составленія экипажей этихъ кораблей трудно набрать способныхъ моряковъ по причинѣ большой надобности въ нихъ для купеческихъ судовъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ британскіе моряки получаютъ значительную плату и гдѣ съ ними очень хорошо обходятся. — Оснащены уже слѣдующіе корабли: *Queen, Styg* (пароходъ), *Malabar, Syren, Heroine, Thalia, Pique, Harlequin, Aigle, Belvedere, Illustrios, Speedy, Driver* (пароходъ), *Formidable, Isis* и *Warspite*. Для ускоренія набора экипажей, адмиралтейство отмѣнило постановленіе, на основаніи котораго матрсы, получающіе пенсію, лишались ее при новомъ вступленіи въ службу. На будущее время они могутъ получать пенсію при жалованьи. Сверхъ-того обнародованъ приказъ, по которому солдаты, принадлежащіе къ обществамъ умѣренности, должны получать при отплытіи на королевскихъ судахъ двойные раціоны сахара, какао и чаю, вмѣсто крѣпкихъ напитковъ». — Въ *Liverpool Times* изъявляютъ желаніе, чтобы вслучаѣ войны употребляемы были для крейсированія только фрегаты о 50 пушкахъ, потому что во флотахъ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ совсѣмъ нѣтъ фрегатовъ меньшаго размѣру. Въ Англіи считается покуда шестнадцать такихъ судовъ, но многіе, выстроеныя вновь, вооружаются.

— Въ *Morning Herald* сказано: «Рѣшеніе французскаго кабинета уменьшить свой флотъ въ Средиземномъ Морѣ шестью линейными кораблями, которые будутъ отозваны въ гавани и разснащены, сообщено нашему правительству самымъ дружественнымъ и чистосердечнымъ образомъ. При этомъ не сдѣлано ни малѣйшаго намѣка о желаніи, чтобы мы, съ своей стороны, также уменьшили нашъ флотъ въ Средиземномъ Морѣ, и собственно ни съ той, ни съ другой стороны подобное взаимное сокращеніе флотовъ не было никогда предметомъ переговоровъ. Мы узнали, однако жъ, что наше правительство намѣрено на этотъ дружественный вызовъ отвѣчать тѣмъ же и отозвать часть нашего флота, находящагося нынѣ въ Средиземномъ Морѣ. Корабли, удаленные оттуда, получать, вѣроятно, повелѣніе отправиться на

американскія и вестъ-индскія станціи на смѣну другимъ кораблямъ, которыхъ срокъ нахождения на этихъ станціяхъ оканчивается.

— Въ *United Service Gazette* также подтверждаютъ извѣстіе, что морскія силы Великобританіи въ Средиземномъ Морѣ будутъ уменьшены. Однако жъ число кораблей, которые должны возвратиться въ Англію, еще не опредѣлено. Притомъ, такъ какъ необходимо, чтобы тамъ всегда была хотя небольшая эскадра, то контръ-адмиралъ сэръ Франсисъ *Мессонъ* будетъ стоять въ Таго съ двумя линейными кораблями и нѣсколькими меньшими судами.

— Лорды адмиралтейства отдали генералъ-инспектору флота и начальнику гаваней приказъ, сообщить имъ списокъ кораблей, годныхъ въ действительную службу, которые находятся въ гаваняхъ безъ всякаго назначенія. Рѣчь идетъ, по-видимому, о томъ также, чтобы большую часть кораблей третьяго ранга обратить въ 50-ти пушечные фрегаты. Въ *Standard* помѣщено слѣдующее исчисленіе англійскихъ кораблей, находящихся въ действительной службѣ: тринадцать линейныхъ кораблей перваго ранга о 104 до 120 пушекъ; восемь линейныхъ кораблей втораго ранга о 80 и до 92 пуш.; пятьдесятъ одинъ корабль третьяго ранга, о 72 и 78 пушкахъ, а всего семьдесятъ два линейныхъ корабля. Девять новыхъ пятидесяти пушечныхъ фрегативъ перваго ранга, тридцать-девять втораго ранга о 36 до 44 пушекъ, всего сорокъ восемь корветтовъ и бригговъ о двадцати шести пушкахъ одинъ, шесть о 10 до 18 пушекъ, восемь имѣющихъ менѣе 10 пушекъ и того четырнадцать. Въ готовности находятся четыре линейныхъ корабля перваго ранга, восемь втораго, одиннадцать третьяго, всего двадцать три; семь фрегативъ перваго ранга, одиннадцать втораго итого осмнадцать; корветтовъ и бригговъ: пять о 26 пушкахъ, три о 24, десять о 26, двадцать о 16, двадцать четыре, имѣющіе менѣе 10 пушекъ, итого шестьдесятъ два. Пароходныхъ фрегативъ въ готовности или въ действительной службѣ тринадцать. И такъ всего въ действительной службѣ сто двадцать одинъ корабль, въ готовности сто сорокъ четыре, что составляетъ вмѣстѣ двѣсти шестьдесятъ восемь кораблей. Въ этомъ числѣ не заключаются пароходные и парусные пакетботы, транспортныя суда, береговыя, находящіяся у Канарскихъ Острововъ, а также тѣ, которыя заняты службою въ гаваняхъ.

— Изъ Портсмута пишутъ, что контръ-адмиралъ *Мессонъ* получилъ предписаніе итти съ тремя линейными кораблями въ Лиссабонъ. Три другіе корабля того же ранга будутъ стоять въ Гибралтаръ, такъ, что шесть кораблей будутъ всегда въ готовности, смотря по обстоятельствамъ, или собраться въ Средиземномъ Морѣ, или итти въ Соединенные Штаты.

— Вдовствующая королева занемогла въ Судбури-Галль.

— Въ газетѣ *Times* сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія, которыя ясно показываютъ на какой низкой степени находятся въ Англіи первоначальное обученіе и религіозное образованіе. Въ 1840 году все число приговоренныхъ преступниковъ въ Англіи составляло 19,927; изъ нихъ 4,105 человекъ отправлены были въ ссылку; въ томъ числѣ только 390 умѣли читать и понимать библию, прочіе были безъ всякаго образованія. Въ одномъ граествѣ 44 человекъ были приговорены къ ссылкѣ, и изъ нихъ ни одинъ не въ состояніи были читать библию. Капелланъ составилъ протоколъ о томъ, что изъ числа 222 лицъ, находившихся въ послѣднюю четверть года въ тюрьмѣ, 59 было такихъ, которымъ вовсе неизвѣстно было имя Спасителя; 61 были копфированы и изъ нихъ 18 бывали постоянно у святаго причастія; прочіе болѣею частию не имѣли никакой вѣры и никакого понятія о догматахъ религіи. Въ Ворчестершейръ, части Англіи, которую вовсе нельзя почесть необразованною, изъ 1,954 преступниковъ 771 не умѣли ни читать ни писать; хорошо читать и писать умѣли только 23 изъ всего числа.

— Лордъ *Фицджеральдъ* назначенъ президентомъ оствъ-индскаго контроля на мѣсто Лорда *Элленборо*.

— *Джемсъ Брюсъ* назначенъ первымъ, а *Джемсъ Ваграмъ* вторымъ вице-канцлеромъ въ англійской канцлерской судѣ. Они первые заняли эти мѣста, вновь учрежденныя на основаніи билля, принятаго въ послѣднее собраніе парламента, для улучшенія и ускоренія судопроизводства.

— По новой народной переписи народонаселеніе Англіи и Южнаго-Валлиса составляетъ 15.901.981, Шотландіи 2.624.586, Ирландіи 8.205.382 Гернсея, Джерсея и Мэна 124.079, всего 26.856.028 душъ. Въ томъ числѣ не заключаются ни флотъ, ни сухопутное войско, а также моряки, находящіеся на морѣ, путешественники за границею и вообще всѣ тѣ, которые пятого іюня, когда производилась перепись, не были въ своихъ домахъ и жилищахъ. Со включеніемъ этихъ лицъ народонаселеніе будетъ простираться до 27 милліоновъ, то есть, двумя милліонами болѣе, чѣмъ въ 1831 году.

— Въ концѣ октября, биржа сильно была встревожена слухомъ, что въ публикѣ ходятъ фальшивыя билеты казначейства на весьма значительную сумму; это заставило заключать сделки на эти фонды, только съ условіемъ ручательства въ подлинности билетовъ. Наконецъ открыли виновника подлога: это первый секретарь въ отдѣленіи заготовленія билетовъ казначейства, Э. *Боуманъ* или *Бомонтъ Смитъ*; онъ немедленно арестованъ. Кажется, онъ былъ только орудіемъ преступниковъ, которые, въ послѣднее время, производили большія спекуляціи на испанскихъ фондахъ, и преступленіе его состоитъ не въ прямой поддѣлкѣ билетовъ казначейства, а въ обманѣ бывшаго канцлера казначейства, Лорда *Монтгилла*, завѣдывавшаго выпускомъ билетовъ. Лордъ *Монтгиллъ*, кажется, поступалъ не слишкомъ осторожно при подписи представляемыхъ ему бумагъ, и секретарь *Смитъ* подавалъ ему для подписи дубликаты и триплекаты уже выпущенныхъ билетовъ. Такимъ противозаконнымъ образомъ пушено въ оборотъ билетовъ на 400,000 фунтовъ стерлинговъ; но билеты на 200,000 находятся уже въ казначействѣ. Оно издало объявленіе, въ которомъ, во-первыхъ, всѣ билеты, выпущенные въ мартъ и іюнь нынѣшняго года, объявляетъ подлинными, и во-вторыхъ, приглашаетъ владельцевъ билетовъ, выпущенныхъ въ другое время, предьявлять ихъ въ казначейство, для утвержденія ихъ подлинности новымъ штемпелемъ. Теперь возникаетъ вопросъ: обязано ли правительство признать фальшивыя билеты выпущенные однимъ изъ его чиновниковъ, и въ свое время выкупить ихъ? *Times* говоритъ, что канцлеръ казначейства, господинъ *Гульбурнъ*, хочетъ совершенно отвергнуть эти билеты, такъ какъ обманъ произошелъ не исключительно отъ чиновника казначейства, а, напротивъ, *Смита* надлежитъ считать орудіемъ спекулянтовъ, которые употребили во зло его услужливость, и за которыхъ казначейство, разумѣется, не можетъ отвѣчать. Напротивъ, *Morning-Chronicle* увѣряетъ, что правительство хочетъ выкупить эти билеты, только не всѣ, и что теперь идетъ споръ между господиномъ *Гульбурномъ* и лордомъ *Монтгиллемъ*, кто изъ нихъ долженъ подписать объявленіе объ этомъ. *Morning-Herald* представляетъ въ этомъ отношеніи важный примѣръ, именно, примѣръ господина *Аслетта*, который, будучи кассиромъ англійскаго банка въ 1805 году, выпустилъ фальшивыхъ билетовъ казначейства на 2,500 фунтовъ стерлинговъ. Тогда судъ рѣшилъ, что эти билеты, хотя они и подписаны лицомъ, не имѣвшимъ на то законнаго полномочія, находясь въ рукахъ честныхъ купцовъ, считаются действительными, и потому даютъ право требовать по нимъ уплаты отъ правительства. Банки англійской и ирландской имѣютъ въ рукахъ подобныхъ билетовъ на 1.250,000 фунтовъ стерлинговъ, и всѣ они считаются действительными.

— Событіе, которое, въ глазахъ Англичанъ, будетъ народнымъ бѣдствіемъ, поразило весь Лондонъ горестію. Пожаръ истребилъ часть зданія, самаго

драгоценнаго для націи по историческимъ воспоминаніямъ, которыя съ ними связывались — Лондонской Башни (Тоуэра). Больше двухъ сотъ тысячъ ружей и безчисленное множество разнаго другаго оружія, сдѣланы добычею пламени. Убытокъ отдѣиваютъ въ миллионъ фунтовъ стерлинговъ (около 25.000.000 рублей). Тридцатаго октября, въ половинѣ одиннадцатаго вечеромъ, одинъ часовой первый замѣтилъ пламя и произвелъ тревогу, выстрѣливъ изъ ружья. Начали бить сборъ; солдаты выскочили изъ казармъ почти нагіе и тотчасъ принялись за работу; но не доставало воды и пожаръ остановить было не возможно. Карауль, стоявшій у воротъ Тоуэра, исполня предписанныя ему правила, не рѣшался сначала впустить пожарную команду, и ворота отворены были тогда уже, когда карауль получилъ новый приказъ. Пожаръ начался на вершинѣ одной изъ башенъ и потому вода изъ пожарныхъ трубъ не достигала до огня. Въ одиннадцать часовъ Круглая Башня была уже совершенно истреблена, а въ часъ обрушилась съ ужаснѣйшимъ трескомъ Часовая Башня. Коронныя брилліанты находятся въ одной изъ нижнихъ залъ башни и ключи отъ нее хранятся у лорда-каммергера. Такъ какъ пламя угрожало этой части зданія, то надобно было выломать двери и всѣ эти драгоценности перенесены были посреди суматохи въ квартиру коменданта, при чемъ однако жъ ни одна изъ нихъ не утратилась. Глубочайшее соболѣзнованіе возбуждено будетъ въ Англіи потерей столькихъ трофеевъ, которыми убраны были стѣны Лондонской Башни и которыя сдѣланы добычею пламени. — Нѣсколько лѣтъ какой-то рокъ тяготѣетъ надъ древнѣйшими и драгоценнѣйшими памятниками англійской національной исторіи. Пламя пожрало древнюю часовню Святаго Стефана, въ которой столько времени собирался парламентъ; потомъ любопытное и странное зданіе, которое служило биржею и куда стекались капиталы всего земнаго шара. Послѣ этого пламя устремилось на опоры британскаго могущества, проникло въ портсмутскіе бассейны и уничтожило флагъ *Нельсона*; а нынче жертвою его сдѣлался прекраснѣйшій трофей воинской славы Великобританіи.

— Газета Northern-Advertiser утверждаетъ, что тюрьмы, въ которыхъ содержатся неоплатные должники въ Ньюкастлѣ, Дургамѣ и Ланкастерѣ, никогда не бывали такъ полны какъ нынче. Это показываетъ до какой степени разстроены въ той части Англіи торговля и промышленность.

— Муниципальные выборы въ Англіи продолжаются, и либеральныя газеты надѣются, что они будутъ вообще благоприятнѣе для виговъ, чѣмъ для торіевъ.

— Недѣли черезъ двѣ будетъ открыта телеграфическая линія между Лондономъ и Дувромъ. Она состоитъ изъ четырнадцати телеграфовъ; дѣйствовать будетъ та же система, которой уже лѣтъ пятнадцать слѣдуютъ съ величайшимъ успѣхомъ на телеграфической линіи между Голигдомъ и Ливерпулемъ. По этой системѣ можно въ осьмнадцать секундъ сообщать извѣстія на десять англійскихъ миль.

— Въ Morning-Herald говорятъ, что число банкротствъ сдѣлавшихся извѣстными въ Англіи и Южномъ-Валлисѣ до перваго октября, простирается до 967, слѣдственно 100 банкротствами менѣе чѣмъ въ то же время 1840 года, но 234 болѣе чѣмъ въ 1839.

— Перваго ноября *О'Коннелъ* выбранъ въ лорды-меры Дублина. Альдерманъ *Арабинъ* (Arabin) въ первомъ собраніи муниципалитета, избраннаго на основаніи новаго билля о реформѣ, предложилъ *О'Коннелъ* въ лорды-меры. Потомъ альдерманъ *Вутъ* (Vute) предложилъ другаго кандидата, баронета сэра Э. *Борроуга*; но видя, что оппозиція его ни къ чему не послужитъ, онъ не принималъ участія въ балотировкѣ, и *О'Коннелъ* былъ избранъ безъ сопротивленія въ лорды-меры. Новый лордъ-меръ тотчасъ подписалъ пред-

писанное законами объявленіе и былъ подведенъ къ своему мѣсту. *О'Коннелъ* благодарилъ за оказанную ему довѣренность, обѣщавъ дѣйствовать совершенно безпристрастно въ отправленіи своихъ обязанностей, и увѣрялъ, что въ полной мѣрѣ умѣетъ цѣнить умѣренность и благородство, съ которыми альдерманъ *Вутъ* противился его избранію.

— Большинство членовъ городского совета въ Дублинѣ было рѣшительно на сторонѣ католиковъ. Это безспорно доказываетъ, что означенная религіозная партія составляетъ настоящее большинство въ столицѣ Ирландіи; обстоятельство это тѣмъ удивительнѣе, что вслѣдствіе постоянной оппозиціи верхней палаты, масса бѣднѣйшихъ гражданъ лишена тамъ, какъ извѣстно, участія въ избирательномъ правѣ. Для ирландскихъ католиковъ такой результатъ долженъ служить доказательствомъ, что несмотря на всѣ толки, верхняя палата все-таки предоставила имъ достаточное вліяніе на новыя корпораціи. Такимъ образомъ уничтожается, по-крайней-мѣрѣ, одна изъ причинъ, на которыхъ *О'Коннелъ* основываетъ необходимость разрыва союза. Но изъ того должно возникнуть еще другое благоприятное обстоятельство. *О'Коннелъ*, какъ первое правительственное лицо третьей столицы государства, никакъ не можетъ продолжать своей оппозиціи, которая, по сознанію многихъ виговъ и даже католиковъ и такихъ протестантовъ, которые наиболее дѣйствовали въ пользу эмансипаціи, должна, наконецъ, привести къ самой рѣшительной и отчаянной борьбѣ между Великобританіею и Ирландіею. *О'Коннелъ* тѣмъ менѣе можетъ продолжать ее, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ началъ принимать участія въ пользу общества репилмеровъ отъ разныхъ лицъ и цѣльныхъ компаній въ Соединенныхъ Штатахъ, съ которыми мы состояли въ самыхъ сомнительныхъ и опасныхъ отношеніяхъ. Надобно надѣяться, что онъ воспользуется новымъ своимъ назначеніемъ, чтобы отказаться отъ стремленія, которое можетъ содѣлаться чрезвычайно гибельнымъ не только для него самого, но и для его отечества.

— Въ Standard утверждаютъ, что избраніе *О'Коннелъ* въ лорды-меры Дублина, есть жесточайшее пораженіе, какое только протестанты потерпѣли въ Ирландіи и вообще во всемъ государствѣ. Впрочемъ, въ томъ же журналѣ говорятъ, что новый лордъ-меръ, при своемъ избраніи, дѣйствовалъ весьма благоразумно. Въ рѣчи своей онъ въ-особенности говорилъ о финансахъ города Дублина и совѣтовалъ избрать четырехъ ассессоровъ лорда-мера или такъ-называемыхъ аудиторовъ по-поламъ изъ партіи виговъ и торіи, чему послѣдніе очень рады, потому что они, безъ-сомнѣнія, потерпѣли бы пораженіе и при этихъ выборахъ.

— Въ Ирландіи между репиллерами возникло, по-видимому, несогласіе и нѣкоторые изъ нихъ намѣрены, какъ кажется, отдѣлиться отъ *О'Коннелъ* и пристать къ радикалу *Кравфорду*; который считаетъ разрывъ законодательнаго союза Ирландіи съ Англіею гибельнымъ и невозможнымъ.

— Въ Morning-Post, совершенно министерской газетѣ, объявляютъ, что французское правительство получило уже, вѣроятно, извѣстіе о совершенномъ очищеніи Акры англійскими войсками, и о томъ, что съ первымъ пакетботомъ привезено будетъ донесеніе объ очисткѣ всей Сиріи британскими и австрійскими войсками. «Такимъ образомъ, присовокупляють въ той же газетѣ, всѣ условія трактата 15 іюля будутъ въ точности выполнены.»

— Газета Morning-Herald полагаетъ, что сообщенное недавно во французскихъ газетахъ и въ Times извѣстіе объ отправленіи шести французскихъ линейныхъ кораблей изъ Тулона въ Брестъ для разоруженія ихъ, несправедливо, и что эти шесть кораблей должны составить наблюдательную эскадру, которую французское правительство намѣревается отправить къ испанскимъ берегамъ.

— Тридцать-перваго октября, вечеромъ, въ Дублинѣ произведены оранжистами довольно важныя безпорядки. Одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ, *Смитъ*, взятъ, хотя и не безъ труда, подъ стражу и посаженъ въ тюрьму.

— Въ *Limerick-Chronicle* сказано, что британскія войска въ Китаѣ дотогу потерпѣли отъ болъзней и климата, что остъ-индскую армію принуждены были увеличить двумя полками.

— Въ Китаѣ назначаются все новыя войска. Находящаяся тамъ экспедиція должна быть подкрѣплена двадцать-осьмью и пятидесятью полками.

— Черезъ Мальту получены новыя извѣстія изъ Китая и Остъ-Индіи. На томъ пароходѣ, который привезъ эти извѣстія, прибыли туда, двадцать-осьмаго октября, сэръ *Джонъ Бремеръ* и капитанъ *Эллиотъ*. Они намѣревались немедленно продолжать путешествіе свое въ Англію. Мальтійская гавань снова наполнена судами, въ числѣ которыхъ не менѣе осьми линейныхъ кораблей. Военныя суда, посланные въ Тунисъ, все уже возвратились. Съ давняго времени уже носился слухъ, что въ Средиземномъ Морѣ снова появились пираты. Нынѣ одно мальтійское купеческое судно было преслѣдуемо на высотѣ острова Кандіи греческими пиратами, но ему удалось уйти отъ нихъ. Извѣстія изъ Китая доходятъ до двадцать-четвертаго августа, а изъ Бомбей до перваго октября. Девятаго августа, адмиралъ сэръ *Вильямъ Паркеръ* и сэръ *Генри Поттинджеръ* прибыли въ Макао; капитанъ *Эллиотъ* и командовавшій флотомъ сэръ *Дж. Г. Бремеръ* тотчасъ сдали имъ свои должности и отпр авились въ Остъ-Индію. Сэръ *Генри Поттинджеръ* немедленно объявилъ кантонскимъ начальствамъ, что онъ назначенъ уполномоченнымъ въ Пекинъ, передалъ имъ письмо объ этомъ на имя императора и отправился съ флотомъ на сѣверъ, чтобы атаковать Аммои и, какъ полагаютъ, снова занять Чусанъ. Въ Остъ-Индіи не произошло ничего особенно замѣчательнаго. Большая часть контрибуціи, уплаченной городомъ Кантономъ, привезена туда и отправлена въ Англію. Причиною того, что коммодоръ сэръ *Д. Г. Бремеръ*, который не отозванъ, подобно капитану *Эллиоту*, возвращается въ Англію, полагаютъ его болъзненное состояніе. По прибытіи въ Китаѣ новаго уполномоченнаго, сэра *Генри Поттинджера*, кантонскія начальства изъявили расположеніе къ переговорамъ и отправили кваит-шу-фу или оберъ-бургомистра города Кантона въ Макао, чтобы вступить въ сношенія съ англійскимъ уполномоченнымъ и, какъ говорятъ, предложить ему десять милліоновъ долларовъ, если онъ согласится отменить свою экспедицію на сѣверъ. Кажется однако жъ, что это не удалось, или предложенія были не такого рода, какъ говорили, потому что сэръ *Генри Поттинджеръ* отправился двадцать-перваго августа съ экспедиціею къ Аммои. Торговля въ Кантонѣ производилась при посредствѣ Американцевъ.

— Сто девяносто два солдата и семь офицеровъ разныхъ полковъ назначены къ немедленному отправленію въ Остъ-Индію. Сверхъ-того въ будущемъ мѣсяцѣ должны отправиться въ Китаѣ девяносто осью полкъ и тысяча сто пятьдесятъ человекъ разныхъ другихъ полковъ. Артиллерійская рота капитана *Гревуда* также, какъ слышно, назначается къ отправленію въ Китаѣ. Въ казармы Вульвича ежедневно приходятъ партіи рекрутъ изъ всѣхъ частей королевства. Въ прошломъ мѣсяцѣ прибыло туда 463 рекрута, а въ первые четыре дня нынѣшняго уже 103.

— Извѣстіе, что *Макъ-Лаудъ* освобожденъ, подтвердилось. Пароходъ «Акадія», отплывшій изъ Нью-Йорка шестнадцатаго, а изъ Галифакса осьмнадцатаго октября, привезъ это извѣстіе, произведшее въ Сити и во всемъ Лондонѣ большую радость. Процессъ продолжался недѣлю, и по окончаніи допросовъ и совѣщаній, судъ присяжныхъ безъ дальняго затрудненія, произнесъ: «невиновентъ». Судья *Гридли*, сдѣлавшій обзоръ преній, былъ совершенно расположенъ въ пользу *Макъ-Лауда*. Присяжные были дотогу го-

товы объявить свое мнѣніе, что по выслушаніи допроса, сдѣланнаго свидетелю, представленнымъ со стороны обвинителя, они изъявили уже желаніе немедленно освободить подсудимаго. Адвокатъ *Макъ-Лауда*, господинъ *Спенсеръ*, началъ рѣчь свою отрывками изъ переписки между англійскимъ посломъ и господиномъ *Вебстеромъ*, а также изъ депешей британскаго правительства. Послѣ-того прочтены были показанія сэра Аллена *Макъ-Нэба* и другихъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи противъ «Каролины»; они все показываютъ, что не видали *Макъ-Лауда* между волонтерами при этомъ случаѣ и что имя его не находится въ числѣ тѣхъ, о которыхъ было донесено канадскому провинціальному начальству, какъ объ участникахъ въ экспедиціи. Все показанія служили къ доказательству, что онъ вовсе не участвовалъ въ дѣлѣ, и даже не принадлежалъ къ числу лицъ, способствовавшихъ успѣху предпріятія. Ни одинъ, сколько-нибудь достойный вѣры, свидетель не могъ привести ничего такого, что бы могло поколебать показанія, сдѣланныя въ полізу *Макъ-Лауда*. Въ *Standard*, сообщая объ этомъ счастливымъ окончаніи процесса *Макъ-Лауда*, присовокупляютъ еще извѣстіе, почеркнутое изъ вѣрнаго источника, что американское правительство изъявляетъ искреннѣйшее желаніе сохранить дружественныя отношенія между обими странами, и что на пароходѣ «Акадія» привезены депешы, которыя вполне это подтверждаютъ.

— Въ одной канадской газетѣ, *Montreal-Herald*, сообщаютъ также важное извѣстіе, что задержанный Канадцами американскій полковникъ *Гроганъ*, по приказанію временнаго губернатора Канады, сэра *Ричарда Джаксона*, вслѣдствіе представленія начальства Соединенныхъ Штатовъ, освобожденъ и переданъ инспектору полиціи, которому предписано проводить его въ безопасности до границы. Раздраженіе пограничныхъ жителей начинаетъ утихать и замѣняется чувствованіями, болѣе миролюбивыми.

— Объявленіе невиннымъ *Макъ-Лауда*, который, послѣ рѣшенія утихскихъ присяжныхъ, какъ само-собою разумется, тотчасъ получилъ свободу и теперь уже, вѣроятно, выехалъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, и освобожденіе американскаго гражданина *Грогана*, который сидѣлъ въ монреальской крѣпости, устранили бы всякія опасенія насчетъ сохраненія мира между Англіею и Соединенными Штатами, если бы первая не стала требовать удовлетворенія за задержаніе *Макъ-Лауда*, и вознагражденія ему самому, что, между прочимъ, газета *Globe*, признаетъ неизбѣжнымъ. Впрочемъ торістская газета *Morning-Herald* успокоиваетъ своихъ читателей и на этотъ счетъ, утверждая, что англійское правительство приняло посредничество Франціи для рѣшенія всѣхъ споровъ, которые могли бы возникнуть между Англіею и Соединенными Штатами и по этому дѣлу и по вопросу о границахъ.

— Въ *Globe* утверждаютъ, что оправданіе *Макъ-Лауда* и освобожденіе *Грогана* еще не устраняютъ всѣхъ причинъ къ непріязненному столкновенію между Англіею и Соединенными Штатами. «Президентъ союза», сказано въ этой газетѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ американскихъ газетъ, намѣренъ назначить *Макъ-Лауду* вознагражденіе за несправедливое его обвиненіе и содержаніе въ тюрьмѣ; но онъ въ то же время рѣшился обратиться къ Англій съ слѣдующими требованіями: 1) чтобы выдано было вознагражденіе владельцамъ парохода «Каролины», семейству убитаго *Дюрфе* и полковнику *Грогану*, противозаконно задержанному Англичанами во владѣніяхъ союза; 2) чтобы равнымъ образомъ назначено было вознагражденіе за купеческія суда, захваченныя противозаконно британскими военными кораблями у американскаго берега; 3) чтобы спорныя земли, принадлежащія по трактату 1786 года Мэнскому штату, были очищены до четвертаго іюля будущаго года, и 4) чтобы признана была пограничная линія, проведенная комиссарами сѣверо-американскаго правительства. Въ этомъ, по увѣренію означенныхъ американскихъ газетъ, заключаются вопросы, отъ рѣшенія которыхъ

зависятъ миръ и война между обѣими великими націями. Несмотря, однако жъ, на это, со времени полученія послѣднихъ извѣстій изъ Америки, тонъ англійскихъ газетъ въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ очень измѣнился; онѣ начинаютъ обнаруживать дружелюбіе и готовность къ примиренію.

— Девятаго ноября, въ два часа по полудни, двойнымъ королевскимъ салютомъ въ 41 пушечный выстрѣлъ, возвышено столице о радостномъ событіи—рожденіи наследнаго принца. Ея величество, почувствовавъ первые припадка въ шесть часовъ утра, благополучно разрѣшилась отъ бремени принцемъ въ десять минутъ одиннадцатаго часа. Состояніе здоровья королевы и новорожденнаго принца было весьма удовлетворительно. Весь этотъ день былъ для жителей столицы настоящимъ празднествомъ.

### ГАННОВЕРЪ.

Въ половинѣ октября здѣсь происходили похороны скончавшагося въ Висбаденѣ князя *Бутеры*; тѣло его положено въ погребальномъ склепѣ его фамилии, на кладбищѣ чтѣ въ предместьи. Онъ не оставилъ по себѣ прямыхъ наследниковъ. По желанію его супруги, тѣло его перевезено было изъ Висбадена въ Ганноверъ, чтобы покойся подлѣ тѣла его матери. Для оказанія послѣдняго долга покойному князю, прибыли сюда братъ его, майоръ *Вильдингъ* и сынъ второй его супруги отъ перваго ея брака. Духовнымъ завѣщаніемъ князь назначилъ брата единственнымъ по себѣ наследникомъ, на котораго — какъ говорятъ—перейдетъ и графскій титулъ покойнаго (*Comte di Campo Fiorito*).

### АВСТРІЯ.

Герцогъ Бордосскій пріѣхалъ сюда въ концѣ октября; экипажъ герцога состоялъ въ обыкновенной почтовой каретѣ и какъ-скоро онъ изъ нея вышелъ, дворцовые ворота были заперты, вѣроятно, для того, чтобы въ первую минуту удержать толпу любопытныхъ. Впродолженіи четырехъ-недѣльнаго здѣсь своего пребыванія, герцогъ, вѣроятно, посвятилъ еще нѣкоторое время окончательному поправленію своего здоровья. Какъ родственникъ нашей императорской фамилии, онъ уже принималъ посѣщенія многихъ ея высокихъ членовъ; императоръ возвысилъ это родственное вниманіе, посетивъ на дняхъ принца, къ которому прибылъ совершенно пикогнито и пышкомъ.

— Правленіе австрійской желѣзной дороги, съ высочайшаго разрѣшенія, положило впредь топить свои паровозы дровами, вмѣсто каменнаго угля, и производить свои поѣздки по ночамъ.

### МАЛЬТА.

Въ газетѣ *Malta-Chronicle* напечатано: «Нашъ портъ снова принялъ самый живой видъ, потому что, не считая иностранныхъ судовъ, здѣсь теперь находится 9 англійскихъ линейныхъ кораблей, 2 фрегата, 2 бригга и 8 военныхъ парусныхъ судовъ, слѣдственно, всего 21 корабль. Осмидесяти-четырёхъ-пушечный корабль «Гангесъ» и 76-ти-пушечный («*Revenge*») прибыли сюда изъ Туниса, откуда они вышли 19 числа. Осидесяти-пушечный корабль «*Vanguard*», который, вышелъ отсюда въ тотъ же самый день, воротился вмѣстѣ съ ними. Осмнадцати-пушечный бриггъ «*Дафна*» пришелъ сюда 19 числа изъ Смирны.

### ОСТЪ-ИНДІЯ.

Семнадцатаго августа въ Афганистанѣ происходило жаркое дѣло между британскими войсками и сильнымъ непріятельскимъ корпусомъ, подъ предводительствомъ хановъ *Уктари* и *Украма*. Британцы одержали въ этомъ сраженіи полную побѣду,

— Сики имѣли съ Китайцами, на китайскихъ границахъ, при *Лудахъ*, небольшую сшибку, но были прогнаны и лишились двадцати человекъ убитыми или взятыми въ плѣнъ.

— Ассамская Компанія чайныхъ плантацій собрала, въ этомъ году, 10,212 фунтовъ чаю, которые и отпращены уже въ Англію. Второй сборъ индиго былъ также весьма удаченъ.

### ИСПАНІЯ.

*О Доинель, Пикеро, Хаурегви, Урбистондо и Ириарте* перешли во Францію. Число выходцевъ простирается до 1,200 солдатъ или поселянъ и 400 офицеровъ.

— Собраніе кортесовъ назначено девятнадцатаго ноября (день тезоименитства королевы Изабеллы II). Въ ознаменованіе этого радостнаго дня всемъ карлистамъ безъ исключенія, даровано будетъ всепрощеніе за то, что они отказались принять участіе въ инсурректіи Христиносовъ. Между *Алкалой*, *Бургосомъ* и *Витторіей* будетъ выставленъ наблюдательный корпусъ въ 50,000 человекъ до-тѣхъ-поръ, пока не разрѣшится вопросъ о фуэросакъ свверныхъ провинцій.

— Разстрѣлянный въ Витторіи генераль *Монтесъ де Ока*, бывший президентомъ временнаго правленія, предлагалъ награду въ 100,000 франковъ тому, кто выдастъ ему генерала *Сурдано* живаго или мертваго; а генераль *Алисонъ* предлагалъ еще болѣе значительную сумму за выдачу *Монтеса де Оки*.

— Генераль *Палареа*, агентъ партіи королевы Христины, взятъ подъ стражу въ *Картагенѣ*.

— Срытіе бастионовъ короля и королевы въ цитадели Барселонны началось двадцать-шестаго числа въ 9 часовъ утра, въ присутствіи охранительной юнты и городского совѣта. Генераль *Сабала* и политическій начальникъ протестовали. Линейныя войска, оставшіяся еще въ Барселонѣ, отправлены были двадцать-пятого числа на границу.

— По случаю боя быковъ, въ Барселонѣ произошли безпорядки, которые, однако жъ сильными мѣрами охранительной юнты прекращены. Цитадель *Пампелуны* сдалась; въ *Бильбао* множество лицъ взяты подъ стражу.

— Генералу *Нарваесу* не удалось произвести въ Андалузій движеніе; онъ удалился, какъ слышно, въ *Кадисъ*, а по увѣренію другихъ, скрывается близъ *Аликанте*. Въ *Кадисъ*, точно такимъ же образомъ какъ въ Барселонѣ, учреждена юнта, и въ большей части городовъ южныхъ провинцій намѣрены, по-видимому, послѣдовать этому примѣру.

— Въ *Gazetta* помѣщенъ декретъ отъ девятнадцатаго октября, вслѣдствіе котораго иностранные корабли, находившіеся въ блокированныхъ гаваняхъ до того времени, съ котораго декретъ семнадцатаго числа вошелъ въ свою силу, не подвергаются дѣйствію первой статьи инструкціи, и могутъ свободно выйти оттуда. Иностранные корабли, взявшіе направленіе въ блокированныя гавани, не подлежатъ никакому штрафу, даже и тогда, когда вой-

дуть въ эти гавани, но только въ такомъ случаѣ, когда командирамъ ихъ не было извѣстно о блокадѣ. Суда, получившія увѣдомленіе о томъ, что они не могутъ входить въ означенныя гавани, должны идти въ другую испанскую гавань, но не могутъ выгружать тамъ никакихъ запрещенныхъ товаровъ.

— Въ Испанію прибылъ герцогъ *Салданья*; онъ присланъ португальскимъ правительствомъ съ особеннымъ порученіемъ къ регенту. — Верховный военный и морской судъ уничтожилъ сентенцію военного суда по дѣламъ генерала *Квироси* и графа *Рекенсы*, и присудилъ перваго расстрѣлять, а послѣдняго заключить на всю жизнь въ крѣпость.

— Къ Придворной Газетѣ приложено прибавленіе, въ которомъ сообщаются самыя благоприятныя извѣстія изъ сѣверныхъ провинцій о совершенномъ прекращеніи инсurreкціи. Доне енія изъ южныхъ и центральныхъ провинцій также очень удовлетворительны. По словамъ Придворной Газеты, донъ *Хосе Орибе*, скрывшійся въ Португаліи съ отрядомъ въ двѣсти тридцать пять человекъ, по приказанію португальскихъ начальствъ, былъ обезоруженъ въ Маладѣ, и оружіе было передано испанскимъ пограничнымъ начальствамъ.

— Пифантъ донъ *Франсиско де Паула* удаленъ изъ Сарагоссы двадцатьпятаго октября, и принялъ командованіе дивизіею подъ начальствомъ *Эспартеро*. — Въ Витторіи обнародованъ манифестъ регента, въ которомъ возвѣщено сѣвернымъ провинціямъ, что отнынѣ онѣ подчиняются правительственному единству. — На Бильбао и Витторію наложены огромныя контрибуціи. Полковникъ *Рисо*, по вступленіи въ Бильбао войскъ *Эспартеро*, расстрѣлялъ. Поговариваютъ также о томъ, что генералъ *Лагера* и оба его адъютанта, казнены въ Сантандерѣ.

— Мадритское правительство чрезвычайно вооружено противъ французскаго повѣршеннаго въ дѣлахъ, господинъ *Паж*, и, какъ увѣряютъ, требовало его отозванія. Говорятъ также, что господину *Олосагъ*, поручено требовать удаленія изъ Франціи королевы Маріи-Христіны.

— Декретомъ генераль-капитана Басскихъ провинцій, пеня въ шесть миліоновъ реаловъ, наложенная на тѣхъ изъ жителей Бильбао, которые принимали участіе въ инсurreкціи, раздѣлена на двѣ половины, изъ которыхъ одна должна быть выплачена втеченіи шести дней, другая втеченіи двухъ недѣль. Маркизь *Санта-Крусъ*, маркизь *Вальмедіана*, графъ *Корресъ* и братья *Вагонъ*, отданы подъ военный судъ. Маркиза *Санта-Крусъ* и графиня *Корресъ* также содержатся подъ стражею.

— Правительство дѣятельно занимается начертаніемъ новаго положенія о образованіи національной гвардіи. Такъ какъ послѣднія событія показали, что правительство не можетъ полагаться на войска, то оно хотеть уменьшить армию и усилить національную гвардію, которая имѣетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи: холостыхъ и женатыхъ. Первое отдѣленіе, должно по первому призыву быть готово къ дѣйствительной службѣ и къ выступленію въ походъ, а второе обязано отправлять только службу на-мѣстѣ. Такимъ образомъ *Эспартеро* надѣется совершенно обезопасить свое могущество, потому что въ Испаніи считается до 600,000 національныхъ гвардейцевъ и въ томъ числѣ по-крайней мѣрѣ 250,000 холостыхъ.

— Генералъ *Родиль* издалъ въ Бургосѣ прокламацію, которою объявляетъ прощеніе инсurreнтамъ, которые втеченіи двѣнадцати дней вступятъ въ ряды національной гвардіи, а тѣмъ, которые пропустятъ этотъ срокъ, грозитъ смертною казнію. Эта амнистія не распространяется на зачинщиковъ возстанія въ Пампелунѣ, Бильбао и Витторіи; они должны быть казнены смертію.

— Двадцатаго октября генералъ *Сурбано* безъ сопротивленія занялъ Бильбао.

— Поговариваютъ о томъ, чтобы конфисковать имущество лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ седьмаго октября, и составить изъ него особенный капиталъ, для пенсіи національнымъ гвардейцамъ, раненымъ въ эту почъ, а также вдовамъ и сиротамъ убитыхъ.

## КИТАЙ.

Трое императорскихъ комиссаровъ издали въ послѣднее время нѣсколько прокламацій и между прочимъ слѣдующую: «Генералиссимусъ, тушитель мятежей, *Ли*, и избранные ему въ помощь великіе министры *Янгъ* и *Лунгъ*, извѣщаютъ о предназначаемыхъ наградахъ. Кто окажетъ нынѣ услугу нашему дѣлу, тотъ, во-первыхъ, пріобрѣтетъ почетъ и благоволеніе въ глазахъ своихъ единосемцевъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ надобно употребить весь свой умъ на благо общее. Англійскіе варвары въ послѣдній годъ, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ они бросили яблоко раздора, не перестаютъ возмущаться противъ небесной имперіи: они не образумляются, повелѣваютъ съ гордостію, полагаются на свои силы, опустошаютъ наши земли, расхищаютъ, грабятъ и даже не оставляютъ въ покоѣ мертвыхъ въ могилахъ. Что имъ сдѣлали кости разсыпавшіяся въ прахъ? Поля и хижины покинуты; нашъ народъ доведенъ до крайности; чуждые варвары съели мясо и выпили мозгъ; въ деревьяхъ не слышны уже болѣе ни крики пѣтуха ни лай собакъ; даже беззащитныя дѣти сдѣлались добычею ихъ преступной жадности. Нынѣ варвары явились предъ Каптономъ, подъ ложнымъ предлогомъ споспосовствовать возстановленію мира: хитрые какъ лисицы, они обманываютъ людей; ихъ лукавыя взоры — проклятіе Китая. И вотъ отъ чего происходятъ сѣвненіе въ нашемъ сердцѣ и скрежетъ зубовъ. Мы получили изъ Пекина повелѣніе преслѣдовать одну цѣль: покореніе и истребленіе ипострашцевъ; мы должны избавить прибрежный народъ отъ бѣдствія воды и огня; намъ приказано пожрать мясо мятежныхъ шаекъ и закутаться въ ихъ кожу. Мы просимъ народъ укрѣпиться въ мужественной рѣшимости. Наши вспомогательныя средства неистощимы; употребимъ ихъ все: за насъ и вѣтры и облака. Могутъ быть вымышлены военныя хитрости, чтобы по желанію нашего императора предохранить страну отъ погибели. Каждый изъ насъ долженъ сдѣлать попытку истребить врага: если удастся намъ побѣдить Англичанъ, то намъ не надобно уже бѣдѣться опасаться подобныхъ противниковъ. Тогда вновь воцарится у насъ счастье и благоденствіе: но ваши имена, блестящія патриотизмомъ, будутъ начертаны на бамбукъ и шелкъ; свидѣтельство о вашихъ похвальныхъ дѣяніяхъ, украшенныя императорскою печатью, будутъ писпадать съ вашихъ плечъ. Мы, генералы, твердо держимся нашей клятвы и приковали себя къ закону, какъ къ скалѣ. Издавая повелѣнія, мы по нимъ же и дѣствуемъ; обѣщая награды, мы вѣрно сдержимъ слово. Оттого мы обнародовали это повелѣніе и опредѣлили въ немъ степени назначенныхъ наградъ. Отмстите варварамъ за зло, ими вамъ сдѣланное; отмстите за единосемцевъ, пожертвовавшихъ жизнію за отечество. Если вы утромъ приведете насъ въ состояніе представить о славныхъ вашихъ подвигахъ императору, то вечеромъ уже имена ваши будутъ включены въ списокъ мужей заслуженныхъ. Воины и народъ! Старайтесь, не предаваться сами, какъ это сдѣлали жители Чусаня; будьте крѣпки и непоколебимы, какъ скалы въ богатомъ жемчужнымъ морѣ.»—Вотъ списокъ предположенныхъ наградъ: «Кто изъ солдатъ, или изъ жителей, овладѣетъ капитаномъ *Эллиотомъ* и представитъ его, тотъ получитъ 100,000 долларовъ и будетъ повышенъ въ четвертую степень. Кто захватитъ и представитъ одного изъ подчиненныхъ *Эллиота* (*Бремера*, *Моррисона*, или *Дента*), тотъ получитъ 50,000 долларовъ награды и повысится въ пятую степень. Тѣ, которые придумаютъ спо-

собь сжечь корабли варваровъ и приведуть это въ исполненіе, получать по тысячѣ долларовъ за каждую мачту, а за пхуну по три тысячи долларовъ. Грузъ захваченныхъ или сожженныхъ кораблей, независимо отъ назначенной награды, принадлежитъ тѣмъ, которые совершаютъ эти подвиги. За взятіе парохода назначено по шести тысячѣ долларовъ. Купцы иностранныхъ націй, которые помогутъ Китайцамъ истребить Англичанъ, будутъ на будущее время платить за ввозъ и вывозъ товаровъ половинную пошлину. Кто, зная хорошо отношенія варваровъ и прѣвосхода ихъ въ военныхъ хитростяхъ, устройтъ брандеры и машины для ихъ истребленія, тотъ, если пожелаетъ, будетъ принятъ въ китайскую службу, или же получить двадцать тысячѣ долларовъ въ награду. Наконецъ за каждого живаго Англичанина, взятаго въ плѣнь, назначено двѣсти долларовъ, за голову каждого изъ нихъ сто долларовъ, за живаго сипая (индѣйскаго солдата) пятьдесятъ долларовъ и за голову каждого изъ нихъ тридцать долларовъ.»

— Намѣренія сэра генри *Поттинджер*, какъ само-собою разумѣется, ни кому въ точности не извѣстны. Никто не сомнѣвается въ томъ, чтобы экспедиція, отправившаяся двадцать-перваго августа на сѣверъ не взяла Аммои. Говорятъ, что уполномоченный намѣревался итти оттуда прямо въ Пекинъ, но что сэръ *Ю Гу* отвратилъ его отъ этого намѣренія, потому что сухопутныя войска, состоящія не болѣе какъ изъ трехъ тысячѣ человекъ, слишкомъ малочисленны для подобнаго предпріятія и оттого необходимо нужно подождать подкрѣпленій. Многіе полагаютъ, что эскадра, по взятіи Аммои и Нинпо, должна будетъ оставаться нѣсколько мѣсяцовъ въ бездѣйствіи, потому что островъ Чусанъ можетъ быть занятъ только тогда, когда совершенно прекратятся болѣзни, царствующія тамъ въ это время. Такимъ образомъ, экспедиція въ Желтое Море и Пекинъ не можетъ быть предпріяята ранѣе весны 1842. Адмиралъ сэръ *Вилліамъ Паркеръ*, при отъѣздѣ своемъ изъ Бомбая, помогаль, что война не можетъ быть окончена ранѣе, какъ черезъ шестнадцать или двадцать мѣсяцовъ.

— Во время пребыванія маіора *Мальколма* въ Кантонъ, тамъ разнесся слухъ, что татарскимъ войскамъ приказано воротиться туда и что два бота съ войсками дѣйствительно уже пришли. Въ Кантонъ всѣ были увѣрены, что укрѣпленія будутъ снова выстроены и заняты войсками и орудіями, какъ-скоро англійская эскадра пойдетъ на сѣверъ.

## ЕГИПЕТЪ.

Торжественный пріемъ русскаго генеральнаго консула происходилъ въ Александріи утромъ девятнадцатаго сентября, со всѣмъ великолѣпіемъ и почестями, обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ. Въ девять часовъ утра господинъ *Кремеръ* прибылъ во дворецъ, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ единосемцевъ, въ числѣ которыхъ находились офицеры русскаго военнаго гоэлета «Ласточка.» Впереди шли двѣ роты гвардіи съ музыкой. Послѣ врученія шубы и прочихъ обычныхъ подарковъ, наша имѣлъ съ новымъ генеральнымъ консуломъ конференцію, продолжавшуюся почти цѣлый часъ. Непосредственно затѣмъ, съ укрѣпленій и съ гоэлета произведено было по двадцати-одному пушечному выстрѣлу въ честь русскаго флага, поднятаго на консульскомъ домѣ.

Вскорѣ послѣ этого *Мехмедъ-Али* возвратился въ загородный дворецъ Могаремъ-Бей, откуда вечеромъ отправился въ Нижній Египетъ.

— Съ нѣкотораго времени начали-было сомнѣваться въ томъ, что Сирійцы будутъ отпущены изъ внутреннихъ провинцій-Египта; по вначалѣ октя-

бря прибыло каналомъ Махмудѣ множество судовъ съ войсками. Въ разныя мѣста сирійскаго берега отправлено 5,000 Сирійцевъ, и въ непродолжительномъ времени будетъ отправленъ послѣдній отрядъ, что составитъ всего 6,723 человекъ. Такимъ образомъ окончательно исполняются обязательства паши и прекращаются безпокойства, относительно обстоятельства, котораго мирное окончаніе заранее можно было предвидѣть.

— Несмотря на всеобщія предсказанія, Ниль разлился съ ужасною, необычайною силой. Спасеніемъ множества народа и уборкой огромнаго количества хлѣба жители обязаны египетскимъ войскамъ, которыя были собраны въ долины. Безъ ихъ пособія они неизбѣжно бы погибли. Это страшное разлитіе было поводомъ къ огромнымъ работамъ и устройству безчисленныхъ плотинъ: повсюду видна была необыкновенная дѣятельность и повсюду усилія войска увѣнчаны успѣхомъ. *Абдалла-Бей*, губернаторъ провинціи Шаркіе, наиболѣе отличался своимъ челоуколюбивымъ усердіемъ, благоразуміемъ и распорядительностью; однако жъ, опустошенія были весьма велики: деревни Мансура и Терране исчезли подъ водой. Шестьдесятъ другихъ деревень подверглись, какъ говорятъ, такой же участи. Къ счастью, погибло незначительное число людей. *Мехмедъ-Али*, который личнымъ своимъ присутствіемъ оживлялъ дѣятельность войскъ противъ наводненія, уѣхалъ въ Каиръ не прежде, какъ удостоверившись, что не упущено ничего для предохраненія страны отъ большихъ бѣдствій.

— По повелѣнію египетскаго паши учрежденъ въ Каирѣ, подъ предсѣдательствомъ *Ибрагима-Паши*, совѣтъ, обязанностью котораго будетъ произвести нужныя измѣненія въ разныхъ отрасляхъ высшей администраціи. Многіе врачи, особенно изъ Французовъ, уволены. Такъ какъ теперь Сирійцы распущены по домамъ, то комиссаръ Порты, *Мустафа-Бей*, въ непродолжительномъ времени оставитъ Египетъ. Правительство поддерживаетъ, по-прежнему, высокія цѣны на жизненные припасы.

## ТУРЦІЯ.

По случаю рожденія, одиннадцатаго октября, дочери султана, Дарю Сааде Агаси, начальникъ черныхъ евнуховъ принесъ высокой Портѣ гаттишерифъ, возвышающій объ этомъ радостномъ событіи, который и былъ торжественно прочтенъ въ присутствіи всѣхъ государственныхъ сановниковъ. Новорожденной принцессѣ дано имя *Неири* (свѣтящей). Впродолженіи трехъ дней, какъ и въ прежнихъ подобныхъ случаяхъ, происходила пушечная пальба съ батарей Босфора и турецкихъ военныхъ кораблей.

— Осьмаго октября присланы въ посольства русское, австрійское и прусское портреты его высочества султана, украшенные брилліантами, для доставленія графу *Нессельроде*, тайному совѣтнику *Бутеневу*, князю *Меттерниху* и барону *Вертеру*. Осыпанныя брилліантами сабли доставлены были также для адмираловъ *Стопфорда*, *Бандіери* и полковника *Годжеса*, а адмиралу *Бандіеру* пожалованы, сверхъ-того, брилліантовые знаки ордена Нишани-Ифтихара.

— Французская эскадра, состоящая изъ двухъ линейныхъ кораблей, одного фрегата, одного бригача и одного парохода, подъ командою контръ-адмирала *Ла-Сюсса*, прибыла, семнадцатаго октября, въ Смирну изъ Александріи.

— Генералъ *Юкмусъ* назначенъ Бушъ-Металлиномъ (главнымъ наставникомъ) турецкой арміи, съ чиномъ ферики или дивизионнаго генерала.

— Весь флотъ воротился двадцать-четвертаго октября изъ Босфора въ заливъ арсенала. Оттого разнесся слухъ, что онъ тутъ перезимуетъ и экспедиція въ Тунисъ будетъ отложена. Турецкій полковникъ *Гассанъ-Бей* посланъ съ значительною денежною суммою въ Триполи, чтобы раздать войскамъ недоимочное жалованье болѣе чѣмъ за годъ, и такимъ образомъ прекратить ихъ неудовольствіе. Въ то же время поручено ему устранить несогласія, возникшія между беємъ триполійскимъ и нѣкоторыми европейскими консулами, и между прочими испанскимъ.

— Съ министромъ финансовъ, *Муза-Саффети-Пашею*, случилось несчастіе: онъ въхалъ на монетный дворъ; лошади понесли и министръ, выскочивъ изъ экипажа, переломилъ себѣ руку.

— Четырнадцатаго числа султанъ и всѣ важнѣйшіе сановники присутствовали при испытаніи воспитанниковъ галатскаго медицинскаго училища.

— Великій-адмиралъ *Тагиръ-Паша* сдѣлался теперь первымъ любимцемъ султана, послѣ великаго дворцоваго маршала *Риза-Паши*. *Абдуль Медшидъ* недавно пожаловалъ *Тагирю* прекраснаго коня съ богатой сбруею. Это очень беспокоитъ министровъ, которые боятся, чтобы султанъ не сдѣлалъ его великимъ-визиремъ и стараются уговорить *Тагира* ѣхать куда-нибудь посланникомъ, чтобы такимъ образомъ удалить его, какъ они уже удалили *Решида-Пашу*.

— Порта признала за нужное смѣнить армянскаго патріарха *Истифана*, одного изъ вѣрнѣйшихъ членовъ армянскаго духовенства, который, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, неспособенъ былъ исправлять своихъ обязанностей со всею точностію и заботливостію, требуемыми его должностію. Въ слѣдствіе того, старшины и почетныя особы армянскаго народа собрались для избранія новаго патріарха, и выборъ ихъ палъ на духовнаго, *Азвандура*, отличавшагося всегда своими заслугами и познаніями. Выборъ этотъ былъ утвержденъ султаномъ, и новый патріархъ, призванный къ двору, получилъ инвентуру со всеми обычными обрядами.

— Девятаго октября ночью, вспыхнулъ въ Ворцѣ пожаръ; половина города истреблена пламенемъ.

— Машины для чеканенія новой монеты, заказанныя турецкимъ правительствомъ въ Англію доставлены уже въ Константинополь. Говорятъ, что онѣ обошлись въ тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ (семьсотъ тридцать тысячъ рублей)!

— Въ газетѣ *Echo de l'orient* пишутъ слѣдующее, о землетрясеніи бывшемъ въ Константинополь въ ночи съ пятаго на шестое октября, при которомъ ощущены были два сильные удара, второй черезъ полчаса послѣ перваго происшедшаго въ двадцать пять минутъ третьяго по полуночи. «Виродженіи болѣе девяти лѣтъ ни одно землетрясеніе не было такъ грозно какъ нынѣшнее. Удары его, сопровождавшіеся глухимъ гуломъ въ воздухѣ, были такъ ужасны, что большая часть жителей, особливо обитавшихъ въ казенныхъ домахъ, покинули свои жилища. Время стояло тихое, вечеръ былъ темный, воздухъ густой, что во всемъ согласуется съ извѣстными причинами этого явленія, которое геологи вообще приписываютъ расширенію подземной теплоты происходящей отъ воспламененія смолныхъ или стѣрныхъ веществъ, заключенныхъ въ недрахъ земли. Къ-счастію, все копчилось почти однимъ страхомъ; погубило только нѣсколько человѣкъ, засыпанныхъ обрушившеюся стѣною въ Сераскиератъ. Нѣсколько комнатъ въ постояломъ дворѣ, извѣстномъ подъ именемъ Геть-Хенъ-Иаль-Хапа, обрушились также и во многихъ стѣнахъ оказались трещины.

— Сераскиератъ (военное министерство) сдѣлалъ предложеніе, чтобы столица и ея большія предместья, почти совершенно открытыя, были обведены съ европейской стороны укрѣпленною линіею. Этотъ проектъ заслужилъ общее одобреніе и его намѣреваются привести въ исполненіе. Система обороны будетъ состоять изъ укрѣпленныхъ казармъ, расположенныхъ въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой и соединенныхъ между собою шанцами. Устройство ея не представитъ большихъ затрудненій. Уже есть двѣ большія каменные казармы, *Дауда паши* и *Римисчиликская*, изъ которыхъ въ одной могутъ помѣститься до десяти, а въ другой до пяти тысячъ солдатъ. Обѣ онѣ стоятъ въ половинѣ и въ трехъ-четвертяхъ часу отъ городской стѣны, на юго-западѣ, тамъ, гдѣ идетъ большая дорога изъ Европы въ Адрианополь. Третья, столь же огромная, казарма будетъ вскорѣ выстроена въ Сентъ-Стефани, на южной границѣ константинопольскаго округа и въ двухъ часахъ разстоянія отъ столицы. Слѣдственно, оставалось бы только продолжить эту линію съ Запада и Сѣвера.

— Порта просила прусское посольство выписать прусскаго инженернаго капитана, который бы могъ управлять инженерною частію вмѣсто умершаго *Фалкк*. Въ Константинополь недавно прибыли два прусскихъ офицера, которые будутъ обучать артиллеристовъ и одинъ ветеринарный врачъ. (До сихъ поръ ветеринарныхъ врачей въ турецкой кавалеріи совсѣмъ не бывало и обязанности ихъ исправляли невѣжественные кузнецы.)

#### СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Въ полдень четвертаго октября начался наконецъ въ Утикѣ процессъ *Макъ-Лауда*. Судебная зала была наполнена зрителями, но при входѣ не тѣснились и поутру на третій день, при началѣ совѣщаній, любопытныхъ почти не было. Впрочемъ, приняты были нужныя мѣры для предупрежденія всякихъ беспорядковъ. Рѣчь обвинителя не обнаруживала никакой страсти. Онъ изложилъ дѣло не касаясь политики и соотвѣтствовалъ присяжнымъ, если они найдутъ, что показанія свидѣтелей служатъ къ обвиненію подсудимаго, произнести приговоръ, не обращая вниманія на слѣдствія. Эти показанія мало говорятъ въ обвиненіе *Макъ-Лауда* касательно убійства американскаго гражданина *Дорффе*. Свидѣтели по большей части описывали одно нападеніе на пароходъ «*Каролина*» и сожженіе его. Изъ нихъ только двое показывали, что *Макъ-Лаудъ* принималъ участіе въ дѣлѣ. Одинъ объявилъ, что онъ находился на пароходѣ и что ему грозилъ шпагою какой то человѣкъ, въ которомъ онъ, какъ кажется, узнавалъ *Макъ-Лауда*; но былъ ли то дѣйствительно *Макъ-Лаудъ*, онъ утвердительно сказать не можетъ. Другой свидѣтель утверждалъ, что онъ видѣлъ *Макъ-Лауда* на одной изъ лодокъ, возвращавшихся съ парохода «*Каролина*» и слышалъ, какъ тотъ хвалился участіемъ своимъ въ разрушеніи парохода. Вообще, судя по всемъ этимъ показаніямъ, остается весьма сомнительнымъ, загрѣшенъ ли *Дорффе* нападавшими, или по печальности собственными своими друзьями. Такъ напримѣръ изъ показаній не видно, чтобы нападавшіе выходили на берегъ, а между-тѣмъ надобно полагать, что выстрѣлъ изъ ружья, которымъ убитъ *Дорффе*, сдѣланъ былъ въ весьма близкомъ отъ него разстояніи, потому что фуражка его была ошалена; удалиться отъ того мѣста, гдѣ получилъ рану, онъ также не могъ, потому что пуля пробилла ему черепъ. Результатомъ процесса было объявленіе *Макъ-Лауда* невиннымъ и ему тотчасъ возвращена свобода.



— Новый кабинетъ Соединенныхъ Штатовъ вполне составленъ. Давидъ Вебстеръ изъ Массачусетта, занимаетъ мѣсто статсъ-секретаря; Вальтеръ Форвардъ, изъ Пенсильваніи, мѣсто секретаря казначейства; Адель Упуръ, изъ Виргиніи, секретарь морскаго вѣдомства; Джонъ Спенсеръ, изъ Нью-Йорка, секретарь военнаго; господинъ Логаръ, изъ Южной-Каролины, исполняетъ должность генераль-прокурора, а Чарльзъ Виклифъ, изъ Кентуки, генераль-почтмейстера.

Кн 46

## II.

## ОБОЗРѢНІЕ

## СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

## СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

## НАГРАДЫ И НАЗНАЧЕНІЯ.

Высочайшими приказами производятся:

За отличие въ дѣлахъ противъ горцевъ: (ноября тридцатаго) изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны, находящійся при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, состоящій по арміи Кириловъ 2, съ оставленіемъ при томъ корпусѣ; гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка, изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны Галезскій; тенгинскаго пѣхотнаго полка: изъ капитановъ въ майоры Гриневичъ; изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны Корзунъ; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны Центоловичъ; изъ прапорщиковъ въ подпоручики Боронинъ; черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ: № седьмаго, изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны Лисовскій; № девятого, изъ подпоручиковъ въ поручики Воейковъ; № десятого, изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны Сидери и Званбай; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны Абашидзе; изъ прапорщиковъ въ подпоручики, полевой инженеръ Витковскій; по генеральному штабу: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны Вранкенъ; тринадцатой гарнизонной артиллерійской бригады, изъ прапорщиковъ въ подпоручики Лукьяновъ; (ноября осемнадцатаго) воинскій начальникъ укрѣпленія Теминъ-Ханъ-Шуры, капитанъ Лисенко, въ майоры, съ оставленіемъ въ настоящей должности; кавказской гренадерской артиллерійской бригады поручикъ Лагода, въ штабсъ-капитаны, — оба со старшинствомъ съятаго февраля нынѣшняго года.

За отличие по службѣ: (ноября осьмаго) нижегородскаго драгунскаго полка, изъ подполковниковъ въ полковники Каргановъ; грузинскаго линейнаго баталіона № втораго, изъ прапорщиковъ въ подпоручики Баграмотовъ по корпусу инженеровъ: изъ полковниковъ въ генераль-майоры Рейхель; съ утвержденіемъ въ званіи начальника перваго округа путей сообщенія, по строительному отряду: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны Мейеръ;

1, и Мейеръ 2; (ноября пятнадцатаго) по корпусу жандармовъ: подполковникъ Баронъ фонъ-Тизенгаузенъ, въ полковники; тринадцатой гарнизонной артиллерійской бригады подпоручикъ Федоровъ, въ поручики; (ноября осемнадцатаго) старшій адъютантъ штаба корпуса жандармовъ, лейбъ-кирасирскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка штабсъ-ротмистръ Чернышевъ, въ ротмистры, съ оставленіемъ въ настоящей должности; (ноября двадцатаго) тарутинскаго егерскаго полка, изъ капитановъ въ маіоры Псащенко, въ грузинскій резервный линейный баталіонъ, съ назначеніемъ командиромъ этого баталіона; тенгинскаго пѣхотнаго полка, изъ капитановъ въ маіоры Тотковъ, въ кабардинскій егерскій полкъ; пѣхотнаго фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, изъ прапорщиковъ въ подпоручики Добровольскій; (декабря втораго) адъютантъ военнаго начальника келецкой губерніи, ладожскаго егерскаго полка капитанъ Неудачинъ, въ маіоры, съ состояніемъ по арміи и съ назначеніемъ помощникомъ военнаго начальника этой же губерніи; (декабря шестаго) по корпусу инженеровъ: изъ подполковниковъ въ полковники Мельниковъ; изъ маіоровъ въ подполковники, адъютантъ главноуправляющаго Евреиновъ 1, съ оставленіемъ при настоящей должности; изъ капитановъ въ маіоры: Станевичъ 1, и за особые труды по построению Аничкова Моста, Бутцацъ 1; по военно-рабочей бригадѣ: изъ унтеръ-офицеровъ Николай Зилонъ, и изъ кондукторовъ Николай Шаховской въ прапорщики той же бригады; флотскихъ экипажей: изъ капитановъ втораго ранга въ капитаны перваго ранга: командиръ пятаго экипажа и корабля Императоръ Петръ I, Шуленниковъ 1; исправляющій должность начальника штаба кронштадтскаго порта, Васильевъ 2, съ утвержденіемъ въ этой должности; изъ лейтенантовъ въ капитанъ-лейтенанты: тридцать-седьмаго, Леонновъ 1; сорокъ-четвертаго, Тьбальскій-Буткевичъ; тридцать-пятого, Ключниковъ 2; тридцать-третьяго, Краевскій 2; тридцать-шестаго, Ставраки; сороковаго, Лузановъ; тридцать-девятого, командиръ транспорта Суджукъ-Кале, Хартуларій 2; тридцать-осьмаго, старшій адъютантъ штаба пятой, флотской дивизіи Морозовъ 1, съ оставленіемъ при прежней должности; пятнадцатаго, Богачкаровъ 1; морскаго кадетскаго корпуса, командиръ фрегата Надежда, Терентьевъ 1; пятнадцатаго, Бубиновъ 2; тринадцатаго, Калужинъ 1; перваго, Рудневъ 2; шестаго, Дросардъ 1; девятого, Кишкинъ; четвертаго, Тобизинъ 1, и двадцать-втораго, Елмановъ; изъ мичмановъ въ лейтенанты: семнадцатаго, Трубниковъ; по корпусу морской артиллеріи, изъ капитановъ въ подполковники: старшій адъютантъ при начальникѣ артиллеріи черноморскаго флота, состоящій по этому корпусу Гавришевъ, съ назначеніемъ въ пятую бригаду; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны адъютантъ состоящаго въ должности инспектора корпуса морской артиллеріи, генераль-лейтенанта Примо, третьей бригады Феллисовъ, съ оставленіемъ при прежней должности; изъ капитановъ втораго ранга въ капитаны перваго ранга: смотритель зданій главнаго адмиралтейства Теглевъ, съ оставленіемъ при прежней должности; изъ маіоровъ въ подполковники: ластовой роты гвардейскаго экипажа, Ивановъ 1; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: перваго ластоваго экипажа, Машикинъ; изъ подпоручиковъ въ поручики: военно-рабочей, номера десятого, роты морской строительной части, Андреевъ, съ назначеніемъ командиромъ той роты; флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полковникъ Назимовъ 1, въ генераль-маіоры, въ состояніемъ въ свитѣ Его Величества, командующій резервною бригадою одиннадцатой пѣхотной дивизіи подполковникъ Фитингофъ въ полковники, съ оставленіемъ въ настоящей должности; гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка изъ ротмистровъ въ маіоры Лихаревъ; гренадерскихъ полковъ: Императора Франца I, изъ подполковниковъ въ полковники Светицкій и Везевскій 2, и короля Фридриха Вильгельма III изъ маіоровъ въ полковники Блюгоужевъ 2, и Кошевъ 2; изъ маіоровъ въ подполковники; командиры пятыхъ баталіоновъ: владимірскаго пѣхотнаго полка Вольфъ; егерскихъ полковъ: великолукскаго Шеховскій 2 и Украин

скаго Асневъ 5, въ тросъ съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; пятаго баталіона тобольскаго пѣхотнаго полка изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны Бугулевъ; петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса изъ подполковниковъ въ полковники Пиркопелли; гвардейской фуриштадтской бригады изъ маіоровъ въ подполковники Андреевъ 6; изъ подпоручиковъ въ поручики Таршинъ; (декабря одиннадцатаго) санктпетербургскій плацъ-адъютантъ, штабсъ-капитанъ Алексинъ, въ капитаны, съ оставленіемъ въ настоящей должности; (декабря четырнадцатаго) кавалерійскихъ округовъ поворооссійскаго военнаго поселенія: перваго, изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры старшій адъютантъ штаба инспектора резервной кавалеріи Балавинскій, съ переводомъ въ серпуховскій уланскій полкъ и съ оставленіемъ въ настоящей должности; осьмаго, изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры Балевъ; (декабря пятнадцатаго) дежурный штабъ-офицеръ штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, числящійся по кавалеріи подполковникъ Розенмейеръ, въ полковники; адъютантъ командующаго отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи генераль-лейтенантъ Рейбница, оренбургскаго уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Эйлеръ, въ ротмистры,—оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ, а первый и по кавалеріи; состоящіе по арміи: изъ подполковниковъ въ полковники: исправляющій должность помощника окружнаго генерала перваго округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, Андерсъ, съ утвержденіемъ въ этой должности; помощникъ окружнаго генерала пятаго округа того же корпуса, Лутовиновъ 1, съ оставленіемъ въ настоящей должности; изъ маіоровъ въ подполковники: командующій тамбовскимъ внутреннимъ гарнизоннымъ баталіономъ, Черницкій, съ оставленіемъ въ этой же должности; командующій каменецъ-подольскимъ внутреннимъ гарнизоннымъ баталіономъ, Колоновъ, съ утвержденіемъ въ настоящей должности, — въ четверо съ оставленіемъ по арміи; баталіоновъ внутренней стражи: изъ капитановъ въ маіоры: санктпетербургскаго, старшій адъютантъ перваго округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, Басковъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности; костромскаго, Морозовъ; орловскаго, Светоторжецкій; московскаго, старшій адъютантъ втораго округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, Ильинъ, съ оставленіемъ въ этой должности; витебскаго, Козигъ; изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны: новгородскаго, Агановъ; витебскаго, Уваровъ; саратовскаго, Муравлевъ; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: санктпетербургскаго, адъютантъ окружнаго генерала осьмаго округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль-маіора Катаржи, Велькинсонъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности; рижскаго, Бондаревъ; ярославскаго Туръакинъ; втораго архангело-городскаго Анциферовъ; московскаго, старшій адъютантъ четвертаго округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи Спиридоновъ, съ оставленіемъ въ этой должности; ростовской инвалидной команды Гавриловъ; начальникъ сугайской этапной команды Кудяровъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности; (декабря осьмаго) изъ ротмистровъ въ маіоры: волинскаго уланскаго полка графъ Оруркъ; гусарскаго фельдмаршала князя Витгенштейна полка Нордбергъ; (декабря шестнадцатаго) шестой артиллерійской бригады, командиръ баттарейной № четвертаго баттарей, капитанъ Безакъ, въ подполковники съ оставленіемъ въ настоящей должности; (декабря семнадцатаго) архангельскій плацъ-адъютантъ, штабсъ-капитанъ Григорьевъ, въ капитаны; помощникъ одесскаго полиціймейстера, штабсъ-капитанъ Глайгимсъ, въ капитаны,—оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; (декабря тридцатаго) плацъ-адъютантъ санктпетербургской крѣпости поручикъ Ваксмутъ, въ штабсъ-ротмистры, съ оставленіемъ въ настоящей должности; состоящій въ должности плацъ-адъютанта санктпетербургской крѣпости подпоручикъ Вильбрехтъ, въ поручики, съ утвержденіемъ въ этой должности.

По экзамену: (ноября девятого) семенгинскаго пѣхотнаго полка изъ унтеръ-офицеровъ Струмицскій, въ якутскій пѣхотный полкъ; (ноября двадцать-шестаго) бугскаго уланскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ корнеты.

*Рузи*; (декабря перваго) втораго кадетскаго корпуса *Жаннмиль-Абисаловъ*, въ прапорщики, въ нижегородскій драгунскій полкъ; въ корнеты, въ линейные казачьи полки: перваго кадетскаго корпуса *Али-Бекъ-Пензулаевъ*, въ гребенскій; втораго кадетскаго корпуса: *Гализа Алказовъ*, въ кизлярскій семейный, *Джапаръ Аджуракаевъ* и *Жанжотъ Захоховъ*. — оба въ волгскій; по дворянскому полку: *Асланбекъ Кубатиевъ* и *Исмаиль Дударовъ*, — оба въ волгскій, Магометь *Дударовъ* въ горскій; *Лотъ Клузовъ*, въ хонерскій; (декабря шестаго) изъ юнкеровъ въ мичманы: флотскихъ экипажей: третьяго, *Аввелинъ*; двадцать-шестаго, *Шитусовъ*; осьмнадцатаго, *Эрмиль*; девятаго, *Шмелевъ*; пятаго, *Юрьевъ*; девятаго, *Шостенко*; осьмнадцатаго, *Шемлякинъ*; девятаго *Леоновъ*; шестаго, *Карандино* и двадцать-четвертаго *Эсмаидъ*; финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ, нумера шестаго, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики: *Жемгузишниковъ* 2, — въ пятый баталіонъ ревельскаго егерскаго полка.

За выслуженіе узаконенныхъ лѣтъ: (октября двадцать-третьяго) состоящіе по ведомству путей сообщенія фельдфебель Егоръ *Ивановъ*; писаря: *Василій Кириловъ*, *Стенанъ Терентьевъ*; унтеръ-офицеры: *Григорій Петровъ*, *Павель Быковъ*; и чертежникъ *Петръ Трубенковъ*. — въ коллежскіе регистраторы, съ оставленіемъ *Кирилова*, *Терентьева* и *Петрова* на службу по ведомству путей сообщенія, а *Павлова*, *Быкова* и *Трубенкова* съ увольненіемъ отъ службы; (ноября пятаго) перваго учебнаго морскаго экипажа боцманъ *Васильевъ*, въ прапорщики, съ назначеніемъ въ учебный морской рабочій экипажъ; (ноября осьмаго) въ корнеты: уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка изъ портупей-юнкеровъ *Челищевъ*; изъ юнкеровъ: *Лефевъ*, *Протасевъ*, *Штюрмеръ*, *Нарышкинъ* и *Паракъ*, — все шестеро въ тотъ же полкъ; изъ портупей-юнкеровъ *Кашинцовъ*, въ гусарскій наследнаго гротссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго; *Пановъ*, въ гусарскій его величества короля Нидерландскаго, и изъ юнкеровъ, *Бллавцовъ*, въ уланскій эрцъ-герцога австрійскаго Алберта; *Суходольскій*, въ уланскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича и *Бендерскій*, въ борисоглебскій уланскій; уланскаго его королевскаго высочества принца Фридриха Виртембергскаго полка; изъ портупей-юнкеровъ: *Вышеславцовъ* 1, *Вышеславцовъ* 2 и *Ушаковъ*, изъ юнкеровъ *Койленскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Ауербакъ* 1, и *Ауербакъ* 2; гусарскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка: изъ портупей-юнкеровъ: *Голбузинъ*, *Дубровинъ* и *Келлеръ*, и изъ юнкеровъ *Ржевницкій*; гусарскаго его величества короля виртембергскаго полка: изъ портупей-юнкеровъ *Барковский*, *Бродыцкій* 2, и *Грязевъ* 2, изъ юнкеровъ *Храновицкій* и *Барковъ*; въ прапорщики: уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка: изъ портупей-юнкеровъ *Гриденковъ*, въ могилевскій пѣхотный, и изъ юнкеровъ *Даниловъ* въ витебскій егерскій, и *Захаревичъ*, въ драгунскій Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, полкъ; уланскаго его королевскаго высочества принца Фридриха виртембергскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Ильинъ*, въ александровскій егерскій полкъ; гусарскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Ильинъ*, въ кременчугскій егерскій полкъ; гренадерскаго его величества короля Прусскаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Казанцовъ*, *Бергенстроль*, *Мальгшевъ*, *Даниловъ*, *Чеглоковъ*, *Струйскій*, *Кнлзевъ*, *Гаттунъ* и *Снодеръ*; гренадерскаго принца Фридриха нидерландскаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Арбузовъ*, *Ушаковъ*, *Шипуновъ* и *Фохтъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Ягодинъ*; гренадерскаго эрцъ-герцога Франца Карла полка, изъ портупей-прапорщиковъ *Бирюковъ*, и изъ подпрапорщиковъ *Клайгельсъ*; карабинернаго фельдмаршала князя Барнада-де-Толли полка, изъ юнкеровъ: *Вульздорфъ* 2, *Ивануцкій*, *Сахаровъ*, *Берлеминшевъ* и *Юркевичъ*, изъ унтеръ-офицеровъ *Зоуъ* и *Лисинскій*; гренадерскаго принца оранскаго полка

изъ подпрапорщиковъ: *Стоцкій*, *Исаценко* 1, *Исаенко* 2, *Зоринъ*, *Исаицъ* 2 и *Щепетовъ*; гренадерскаго его королевскаго высочества принца Евгения виртембергскаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Низовцовъ*; екатеринославскаго гренадерскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, изъ подпрапорщиковъ: *Шаренбергъ*, *Волковъ* 1, *Волковъ* 2, *Исатовичъ*, *Шендоль*, *Шауманъ*, *Кондратовичъ*, и *Шульгинъ*; карабинернаго гротссъ-герцога Павла мекленбургскаго полка, изъ юнкеровъ: *Лосовскій*, *Ренецъ*, *Кудлай*, *Литвиновъ*, *Федоровскій* и *Глаубицъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Копыловъ*; сибирскаго гренадерскаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Пущинъ*, *Ушаковъ*, *Михайловъ* и *Бурмейстеръ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Никитинъ*; гренадерскаго фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка: изъ подпрапорщиковъ: *Чаплинъ* 1, *Проселковъ* и *Барановичъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Морцихинъ* и *Вагуцкій*; гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка: изъ подпрапорщиковъ: *Тоглицкій*, *Нормацкой*, *Викторовъ*, *Дельфинъ*. — все четверо въ тотъ же полкъ, и *Катицынъ*, въ сѣвскій пѣхотный; астраханскаго карабинернаго полка: изъ юнкеровъ: *Крыжовъ*, *Мельгуновъ*, *фонъ-Брилльмеръ*, *Александровичъ* — все четверо въ тотъ же полкъ, и *Кириловъ*, въ брянскій егерскій; со старшинствомъ съ перваго августа 1810 года: гренадерскаго его величества короля Прусскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Крепишъ*; гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Ивановъ*; гренадерскаго фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Смирновъ*; (ноября десятаго) въ прапорщики: арстантской нумера сорокъ-седьмаго роты инженернаго ведомства, изъ унтеръ-офицеровъ *Чижовъ*; астраханскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, изъ портупей-прапорщиковъ: *фонъ-Кульманъ* и *Рыбушкинъ*, въ пензенскій, *Исаевъ*, *Вильке*, — оба въ симбирскій, и *Ильинъ*, въ рязанскій, баталіоны внутренней стражи; виленскаго гарнизоннаго баталіона, изъ унтеръ-офицеровъ *Вендтъ*; (ноября двенадцатаго) могилевскій инвалидной команды, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Курбангаллинъ*, въ каменецъ-подольскій внутренній гарнизонный баталіонъ; (ноября шестнадцатаго) осьмнадцатой артиллерійской бригады фейерверкеръ *Поспеловъ*, въ прапорщики, въ брянскій артиллерійскій гарнизонъ; (ноября двадцать-перваго) бугскаго уланскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Паладьевъ* и *Васильевъ*, во временныя рабочія роты, первый третьяго, а послѣдній четвертаго, округовъ военнаго поселенія кievской и подольской губерній; (ноября двадцать-вторяго) рязанскаго пѣхотнаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Френевъ*, въ тульскій внутренній гарнизонный баталіонъ; (ноября двадцать-третьяго) гусарскаго наследнаго гротссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ корнеты *Матвеевскій*; (ноября двадцать-шестаго) роты топографовъ: нумера четвертаго, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Хмельевъ*, съ состояніемъ по арміи; баталіонъ въ внутренней стражи: таврическаго, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Бликовъ*; костромскаго, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Петровъ*; (ноября двадцать-осьмаго) корпуса инженеровъ военныхъ поселеній, изъ кондукторовъ въ прапорщики *Чистинъ*, въ военно-рабочій баталіонъ нумера пятаго; (декабря четвертаго) лейбъ-гвардіи казачьяго полка, изъ старшихъ вахмистровъ въ корнеты *Михайлушкинъ*; лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Астафьевъ*, въ екатеринбургскій пѣхотный полкъ; лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Пикитинъ*; лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Матвеевъ*, — оба въ четвертый учебный карабинерный полкъ; лейбъ-гвардіи егерскаго полка: изъ фельдфебелей въ подпоручики *Акрыжковъ*, въ третій, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Ивановъ*, во второй оренбургскій линейный баталіонъ; *Масниковъ*, въ четвертый учебный карабинерный, *Салгевъ*, въ тивалискій егерскій полки и *Васильевъ*, въ тульскій внутренній гарнизонный баталіонъ; лейбъ-гвардіи московскаго полка, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Блюусенко*, въ брестскій пѣхотный полкъ, лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Анто-*

новъ, въ архангелогородскій пѣхотный полкъ; лейбъ-гвардіи литовскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Лагановъ*, въ олонекскій пѣхотный и *Захаровъ*, въ ладожскій егерскій полкъ; лейбъ-гвардіи волынскаго полка: изъ фельдфебелей въ подпоручики *Ивановъ*, въ первый и *Вагоновъ* въ третій учебные карабинерные, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Янубовскій*, въ архангелогородскій пѣхотный полкъ: гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III-го полка: изъ фельдфебелей въ подпоручики: *Чекалинъ*, въ сибирскій гренадерскій; *Мантуровъ*, въ олонекскій; *Иваненко*, въ бѣлозерскій, и *Ивановъ* въ суздальскій пѣхотные, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики: *Ивановъ*, въ углицкій егерскій, *Фолминъ*, въ четвертый учебный карабинерный полкъ; *Соловьевъ*, въ оренбургскій линейный баталіонъ нумера девятаго и *Фисенко*, въ харьковскій внутренней гарнизонный баталіонъ; гренадерскаго егерскаго Высочества принца оранскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Колтаковъ*, въ московскій пѣхотный полкъ; (декабря пятаго) богородской инвалидной команды, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Богатовъ*, въ чертановскую этапную команду новаго устройства, съ назначеніемъ начальникомъ ея; (декабря шестаго) въ прапорщики: третей бригады корпусаморской артиллеріи юнкеръ *Семилевъ* въ шестую морскую арестантскую роту; корпуса корабельныхъ инженеровъ кондукторъ *Филитовъ* съ состояніемъ по рабочимъ экипажамъ; (декабря седьмаго) въ прапорщики: пятыхъ баталіоновъ полковъ: пилсесбургскаго егерскаго, изъ портупей-юнкеровъ *Тихменевъ* 5, въ пятый баталіонъ бѣлозерскаго пѣхотнаго полка; галицкаго егерскаго, изъ юнкеровъ *Жуковскій*, въ тотъ же баталіонъ, и изъ портупей-юнкеровъ *Веденевъ*, въ пятый баталіонъ вологодскаго пѣхотнаго полка; низовскаго егерскаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Солониковскій*, въ пятый баталіонъ муромскаго пѣхотнаго полка; пѣхотнаго фельдмаршала герцога Веллингтона: изъ портупей-прапорщиковъ *Кугевскій*, и изъ подпрапорщиковъ, *Боровко* и *Коршуковъ*, — все трое въ пятый баталіонъ витебскаго егерскаго полка; могилевскаго пѣхотнаго: изъ подпрапорщиковъ *Бѣллевъ* и *Постовскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Молгановъ*; витебскаго егерскаго, изъ юнкеровъ *Ивановъ*; алексопольскаго егерскаго изъ юнкеровъ *Клеменко* и *Силинъ*; елецкаго пѣхотнаго, изъ портупей-прапорщиковъ *Левковичъ*, въ пятый баталіонъ егерскаго фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка; сѣвскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Карякинъ* и *Апушкинъ*; брянскаго егерскаго, изъ юнкеровъ: *Степановъ*, *Шелевъ* и *Христичъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Балковскій*; егерскаго фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, изъ юнкеровъ *Филиповичъ*; тобольскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Юрьевъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Ахлестинъ*, — оба въ пятый баталіонъ азовскаго пѣхотнаго полка; томскаго егерскаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Полницкій*, въ пятый баталіонъ камчатскаго егерскаго полка; селенгинскаго пѣхотнаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Шабскій*; якутскаго пѣхотнаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Славинскій*; охотскаго егерскаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Никашидзе*; азовскаго пѣхотнаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Миропольцевъ*; днѣпровскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Власевскій*; украинскаго егерскаго, изъ портупей-юнкеровъ *Ельшинъ*, въ тотъ же баталіонъ, и изъ унтеръ-офицеровъ *Вильдиенъ*, въ пятый баталіонъ днѣпровскаго пѣхотнаго полка; суздальскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Малаховъ* и *Жокшаровъ*, — оба въ пятый баталіонъ якутскаго пѣхотнаго полка; углицкаго егерскаго, изъ юнкеровъ *Толмачевъ*, въ пятый баталіонъ якутскаго пѣхотнаго полка; бутырскаго пѣхотнаго: изъ портупей-прапорщиковъ *Тавкелевъ*, изъ подпрапорщиковъ *Украинцовъ*, — оба въ тотъ же баталіонъ, *Гродскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Качалинъ*, въ пятый баталіонъ якутскаго пѣхотнаго полка; бородинскаго егерскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича: изъ юнкеровъ *Тимофьевъ*, а изъ унтеръ-офицеровъ: *Квятковскій*, — въ тотъ же баталіонъ, *Пеликановъ* 1 и *Пеликановъ* 2, — въ пятый баталіонъ одесскаго егерскаго полка; рязанскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Самойловичъ* 3; ряжскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Самойловичъ* 4; бѣлевскаго егерскаго, изъ

унтеръ-офицеровъ *Ивановъ*; тульскаго егерскаго, изъ юнкеровъ *Бѣлолюбскій*, и *Аверкиевъ*, въ пятый баталіонъ бѣлевскаго егерскаго полка; (декабря осьмаго) въ прапорщики: гренадерскаго егерскаго Высочества принца Евгения Виртембергскаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Козинъ*; карабинерныхъ полковъ, изъ юнкеровъ: фельдмаршала князя Барклая-де-Толли *Никульшинъ*, и гротсъ-герцога Павла Мекленбургскаго *Поддубскій*; (октября девятаго) изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики: тарутинскаго егерскаго полка *Добровольскій*; рязанскаго пѣхотнаго полка *Франковскій*; (декабря одиннадцатаго); въ прапорщики: волынскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Сухимъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Давыдовскій*; минскаго пѣхотнаго полка, изъ портупей-прапорщиковъ *Демиденко*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Жуковскій* и *Энгельсъ*; житомирскаго егерскаго полка, изъ юнкеровъ: *Гуренковъ*, *Радзевскій* и *Леденевъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Буторинъ*; пятыхъ баталіоновъ: волынскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Романовичъ*; минскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Ингистовъ*; подольскаго егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Бегма*; житомирскаго егерскаго полка, изъ юнкеровъ *Рубановъ*; (декабря двѣнадцатаго) гусарскаго Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Домбровскій*, въ нестроевую роту бородинскаго егерскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка; замойскаго гарнизоннаго баталіона, изъ фельдфебелей въ подпоручики *Мауиовъ*, въ радомскую, и изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Андреевъ*, въ мѣховскую, инвалидныхъ команды; (декабря тринадцатаго) уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка старшій вахмистръ *Григорьевъ*, въ подпоручики, въ нестроевую роту того же полка; (декабря четырнадцатаго) въ прапорщики: елисаветградскаго уланскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Михневъ*, во временную рабочую роту втораго округа военнаго поселенія кievской и подольской губерній; пятыхъ баталіоновъ полковъ: могилевскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Орель*; пѣхотнаго фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, изъ подпрапорщиковъ *Петровскій*, въ пятый баталіонъ кременчугскаго егерскаго полка; сѣвскаго пѣхотнаго, изъ подпрапорщиковъ *Орель*, томскаго егерскаго, изъ унтеръ-офицеровъ *Ивановъ*, въ пятый баталіонъ камчатскаго егерскаго полка; (декабря семнадцатаго) черниговскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона унтеръ-офицеръ *Минценко*, въ прапорщики; (декабря осемнадцатаго) кирасирскаго принца Алберта прусскаго полка, изъ старшихъ вахмистровъ въ подпоручики *Макаровъ*, въ нестроевую роту того же полка. На вакансіи: (ноября десятаго) лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полкуэскадрона: изъ поручиковъ въ штабъ-ротмистры князь *Умиевъ* изъ корнетовъ въ поручики *Байрамъ-али-Елисхановъ*; (ноября одиннадцатаго) въ прапорщики: владимирскаго пѣхотнаго полка изъ портупей-прапорщиковъ *Запольскій*, и изъ подпрапорщиковъ *Дмитриевъ*; суздальскаго пѣхотнаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Шкультецкій*; углицкаго егерскаго полка, изъ юнкеровъ *Матгинъ*; егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка, изъ портупей-юнкеровъ *Шульгинъ*, въ тотъ же полкъ, и изъ унтеръ-офицеровъ *Груель*, въ галицкій егерскій, московскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ: *Ржанецкій*, *Гейдель* и *Меньшиковъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Жоловъ*; бутырскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ: *Поповъ*, *Радожницкій* и *Леонтьевъ*; бородинскаго егерскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, изъ юнкеровъ *Рыбаловъ*, въ московскій, и изъ унтеръ-офицеровъ *Заварзинъ*, въ бутырскій, пѣхотные полки; (ноября двѣнадцатаго) санктпетербургскаго жандармскаго дивизиона: изъ капитановъ въ майоры *Биринъ*; изъ штабъ-капитановъ въ капитаны *Титовъ* и *Чудиновъ*; изъ поручиковъ въ штабъ-капитаны *фонъ-деръ-Паленъ* и *Романовъ*; изъ прапорщиковъ въ поручики: *Рашковичъ*, *Рязниковъ*, *Тилуковъ* и *Щербаковъ*; (ноября двадцать-седьмаго) служительской роты павловскаго кадетскаго корпуса, изъ подпоручиковъ въ поручики *Дикановъ* и *Боровиковъ*; (ноября

двадцать-осьмаго) колыбанскаго егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики *Силановскій*; (декабря втораго) павловскаго кадетскаго корпуса подпоручикъ *Шелькингъ*, въ поручики; (декабря шестаго) по корпусу инженеровъ: изъ полковниковъ въ генераль-майоры: *Голле*, *Бульмерингъ 1* и *Павло-Швыковский*; изъ подполковниковъ въ полковники: *Кейзеръ*, *Чедаевъ 1*, *Четвериковъ 1*, *Менеласъ 1* и *Елфимовъ*; изъ майоровъ въ подполковники: *Саханскій*, *Гротусъ*, *Борейша* и *Макаровъ*; изъ капитановъ въ майоры: *Безпаловъ*, *Редеръ* и *Стюартъ 2*; изъ поручиковъ въ капитаны: *Лосевъ 2*, *Дитмаръ 3*, *Крамеръ*, *Щербовъ*, *фонъ-Барановъ*, *Николаи 2*, *Ушаковъ 1*, *Иванцелло* и *Польтманъ*; по строительному отряду: изъ капитановъ въ майоры: *Чебыкинъ* и *Нандельштедтъ*; изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны: *Повалишинъ*, *Пузыревъ*, *Огаревъ*, *Мартыновъ*, *Мироновскій*, *Фортини 2*, *Бердаевъ*, *Дронинъ*, *Слизенъ 1*, *Кострица 1*, *Савинъ 1*, *Коршуновъ 1*, *Складневъ*, *Виндинъ*, *Попенъ*, *Селишковъ 5*, *Дементьевъ 1* и *Фожъ 2*; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: *Ивановъ 2*, *Арсеновъ*, *Пацевичъ*, *Савинъ 2*, *Воротниковъ*, *Трунинъ*, *Рейнгардтъ 1*, *Карлонъ*, адъютантъ начальника перваго округа *Гладышевъ*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи: *Делинъ*, *Локшиковъ*, князь *Максумовъ*, *Никишинъ 4*, *Витте*, *Людевицъ*, *Лепелинъ*, *Рекитеръ*, *Солома 2*, *Москаленко*, *Глинка 2*, *Малама* и *Погожевъ 2*; изъ подпоручиковъ въ поручики: *Ледантъ*, *Лозовицкій*, *Зандеръ*, *Лелонгъ*, *Энгельгардтъ 2*, *Дураковский*, *Лавантъ 5*, *Лавантъ 4*, *Геденовъ*, *Мукро*, *Наумовъ 2*, *Воропай*, *Бахметьевъ*, *Рапцевичъ* и *Клекъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Позднеевъ*, *Зубганиковъ*, *Подаревскій*, *Богомолецъ 2*, *Годеніусъ*, *Аицъ*, *Демидовъ 2*, *Швейницкій*, *Шешедаловъ 1*, *Нельловъ*, *Харинскій*, *Шешедаловъ 2*, *Рыпинскій*, *Рейнботъ*, князь *Оболенскій 2*, *Диффертъ*, *Лоренцо*, *Тишинъ*, *фонъ-дербъ-Флисъ*, *Могановъ*, *Поляковский*, *Синклеръ*, *Греганиковъ*, *Зевигъ*, *Горскій*, *Кириженко-Астромовъ*, *Тушинскій 2*, *Иванциковъ*, *Корицкій*, *Ельгачиновъ*, *Рюль*, *Герасимовъ*, *Вильке*, и *Самсоновъ*; по военно-рабочей бригадѣ: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны: бригадный адъютантъ *Алябьевъ*, съ оставленіемъ въ томъ же званіи, *Казимировъ*; военно-рабочей роты динабургскаго шоссе *Палковъ*, *Горизжскій 1* и *Королевъ*; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: *Алексаки* и *Полосковъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики *Серебряницкій*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Строльманъ* и *Сиверсъ*; по гаркутному экипажу: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Григорьевъ*, и изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Аристовъ*; лейбъ-гвардіи коннаго полка изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры: полковой адъютантъ *Анненковъ* съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Аршеневскій* и *Гине*; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры: графъ *Крейцъ* и *Штакельбергъ*; изъ корнетовъ въ поручики: баронъ *фонъ-дербъ-Шаленъ*, *Миллеръ*, *Топорнинъ* и *Стальпинъ*; лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка: изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры: *Шрейдеръ* и состоящій въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ *Соломе*, съ оставленіемъ въ настоящей должности; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры: *Карташевъ* и *Грецевичъ*; изъ корнетовъ въ поручики: *Сабанцевъ*, *Глыбовъ* и *Орловскій*; лейбъ-кирасирскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка: изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры *Елагинъ*; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры: *Чегиринъ*, *Демидовъ*, гевальдигеръ первой легкой гвардейской кавалерійской дивизіи *Воробьевъ* съ оставленіемъ въ настоящей должности и *Щебашевъ*; изъ корнетовъ въ поручики: *Бороздинъ*, графъ *Стенбокъ-Ферморъ*, *Скаржинскій*, *Масловъ*, *Гамильтонъ* и *фонъ-Рейтернъ*; — лейбъ-гвардіи уланскаго полка: изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры *Россетъ*, изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры: *Меринскій 1* и *Жельзновъ*; изъ корнетовъ въ поручики *Стессагъ*; лейбъ-гвардіи гусарскаго полка: изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры князь *Голицынъ*; адъютанты: старшій дежурнаго генерала главнаго штаба Его Императорскаго Величества генераль-адъютанта графа Клейнмихеля, *Пищевичъ*; полковой *Годейнъ*, и начальника пятой легкой кавалерійской дивизіи генераль-лейтенанта *Глазепана 1*, *Щидловскій*, всѣ трое съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ,

и князь *Вяземскій 2*; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры *Рейнгольдъ*; изъ корнетовъ въ поручики *Долговъ*; лейбъ-гвардіи казачьяго полка: изъ ротмистровъ въ полковники *Козловъ*; изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры *Машилькинъ*; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры: состоящій для особыхъ порученій при астраханскомъ военномъ губернаторѣ генераль-лейтенантъ *Темирязевъ Тюменевъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности; *Тевкелевъ*, и графъ *Орловъ Денисовъ*; изъ корнетовъ въ поручики: *Демидовъ*, *Вокровъ* и *Иловайскій 4*; изъ юнкеровъ въ корнеты: *Астаховъ*, *Бобриковъ*, *Денисовъ* и *Иловайскій 5*; — лейбъ-гвардіи казачьяго полка, седьмаго черноморскаго эскадрона: изъ ротмистровъ въ полковникъ *Буриновъ*, съ переводомъ въ черноморское казачье войско; изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры *Котляревскій*, съ назначеніемъ командующимъ этимъ эскадрономъ; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры *Виташевскій*; — лейбъ-гвардіи крымско-татарскаго эскадрона изъ унтеръ-офицеровъ въ корнеты *Мухтій-Заде* и *Мегметъ-Гази-Мурзи-Тулубей*; лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны, адъютанты: новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта графа *Ворошица Орлай*, начальника перваго округа корпуса жандармовъ, генераль-лейтенанта *Полезова*, *Казиковъ 2*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ, и графъ *Бенингенъ*; лейбъ-гвардіи уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка: изъ штабсъ-ротмистровъ въ ротмистры *Саваневскій*, и состоящій въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, *Врангель*, съ оставленіемъ въ настоящей должности; изъ поручиковъ въ штабсъ-ротмистры *Чаликовъ 5*; лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, изъ корнетовъ въ поручики *Ярошевицкій*; учебнаго кавалерійскаго эскадрона: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Жолмаръ*; изъ прапорщиковъ въ поручики *Черныхъ* и *Борозенецъ*; лейбъ-гвардіи преображенскаго полка: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны: состоящій для особыхъ порученій при казанскомъ военномъ губернаторѣ, генераль-адъютантъ *Стрекаловъ*, *Криденеръ 1*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Челищевъ 1*, адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, *Катенинъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Федоровъ*, крепостадтской крепости плацъ-адъютантъ *Михайловъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, и *Филатовъ*, изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: *Подыловъ*, *Шернгамъ*, *Яковлевъ* и *Щостакъ 2*; изъ подпоручиковъ въ поручики: *Мезенцовъ 2*, полковой казначей *Мошковъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Протопоповъ*, *Демидовъ*, *Похвасневъ* и *Челищевъ 2*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *фонъ-Швенцовъ 1*, *Тилротъ*, состоящій въ должности адъютанта при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, *Мердеръ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности; *Ржевскій*, *фонъ-Швеймонъ 2*, графъ *Апраксинъ*, флигель-адъютантъ *Кушелевъ*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи, *Ушаковъ 2* и *Аверкиевъ 2*; лейбъ-гвардіи семеновскаго полка: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Бабкинъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики: состоящій въ должности адъютанта при санктпетербургскомъ военномъ генераль-губернаторѣ, генералъ отъ инфантеріи графъ *Эссенъ*, *Колзаковъ*, съ утвержденіемъ въ настоящей должности, и графъ *Сиверсъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики князь *Волконскій* и *Шелашниковъ 2*; лейбъ-гвардіи измайловскаго полка: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны *Свержковъ 1*; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: адъютантъ начальника первой гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ *Арбузова*, *Полозовъ*; состоящій въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ *Брянчаниновъ*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ, и *Тухолька 2*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Александровъ*; лейбъ-гвардіи егерскаго полка: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: *Барановскій 1*; изъ подпоручиковъ въ поручики: *Гвардовскій*, *Коптевъ*, *Ралль* и *Живковичъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Панкратьевъ* и *Теллжоскій*; лейбъ-гвардіи московскаго полка: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: адъютантъ начальника второй гренадерской

дивизіи, генераль-лейтенанта Шульгина 1, *Ушаговъ*, и состоящій въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ баронъ *фонъ-Котенъ* 3, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; изъ подпоручиковъ въ поручики *Сатинъ* и *Лаврентьевъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Людсгаузенъ-Вольфъ* 1, *Набель* и баронъ *Людсгаузенъ-Вольфъ* 2; лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны *Ховенъ*; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны: *Муратовъ*, московскій плацъ-адъютантъ *Рейхнау*, адъютантъ командующаго отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи, генераль-лейтенанта Рейбница, *Нелидовъ*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ, и *Мусманъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики: *Захревскій*, *Лукошковъ* и *Эллерсъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Чекмаревъ* 2, *Деконскій* и *Гладышевъ*; лейбъ-гвардіи павловскаго полка: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны *Постовскій*; изъ подпоручиковъ въ поручики *Пушчинъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Бруннеръ*, *Пенковъ*, *Гоувальтъ*, *Макаровский* 2; лейбъ-гвардіи финляндскаго полка: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны: *Гусевъ*, *Родисановскій*, *Алексеевъ* и *Федотовъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики: *Дурново*, *Витте*, *Симанскій*, *Ханенко*, полковой адъютантъ *Дружининъ* 1, съ оставленіемъ въ настоящей должности, и *Дрентельнъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Проскурляковъ*, *Ждановичъ*, *Бллокочытовъ*, баталіонные адъютанты *Томилловскій* и *Пащенко*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ, и *фонъ-Минстеръ*; лейбъ-гвардіи литовскаго полка: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны *Житковъ*; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Леонтьевъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики *Менделеевъ*, *Скибиневскій* 1, *Вольфъ*, состоящіе въ Императорской военной академіи *Боуфаль*, и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ *Сталармъ-Тавастъ*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ и *Деметевъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: баталіонный адъютантъ *Порошинъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, князь *Оболенскій*, баталіонный адъютантъ *Тишинъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Лаппа* 2, *Вибергъ* и *Языковъ*; гренадерскаго Императора Франца I полка: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Адауровъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики: *Поповъ*, *Рейбницъ* и *Жуковский*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Бурмейстеръ*, *Денисовъ* и *Озеровъ* 1; лейбъ-гвардіи волынскаго полка: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны, старшій адъютантъ штаба астраханскаго военного губернатора, *Плотниковъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности; *Филиповъ*, состоящій при первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ; *Лихаревъ*, съ оставленіемъ при этомъ же корпусѣ, и *Нельовъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики: баталіонный адъютантъ графъ *Толстой*, съ оставленіемъ въ настоящей должности, *Борисовъ* 2, состоящій въ должности адъютанта въ шестой гвардейской пѣхотной бригадѣ *фонъ-Штемпель*, съ утвержденіемъ въ настоящей должности, находящійся въ Императорской военной академіи *Талызинъ* съ оставленіемъ въ той же академіи, и *Свищевъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Ермолаевъ* 2, *Ермолаевъ* 1 и *Шатиловъ*; лейбъ-гвардіи конной артиллеріи: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны: *Кноррингъ* 1, адъютанты: исправляющаго должность директора артиллерійскаго департамента военного министерства, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора графа Кушелева, *Кругляковъ*, и военного министра, графъ *Стакельбергъ*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ и *Соловцовъ*; лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады, изъ подпоручиковъ въ поручики *Лавровъ* и *Безакъ*; по гвардейской инвалидной бригадѣ: изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны *Муратовскій* и *Мурлыгинъ*; изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Мелюховъ* и *Студенкинъ*; изъ подпоручиковъ въ поручики *Ивановъ* 1 и *Защукъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Грицъ* и *Молодцовъ*; гвардейской фуришатской бригады: изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Павловъ* 1; изъ подпоручиковъ въ поручики *Закиваевъ*; въ сравненіе съ сверстниками: (ноября десятаго) бывшій, Выборгскій плацъ-адъютантъ, состоящій по арміи капитанъ *фонъ-Фитингофъ*, въ маіоры, со старшинствомъ съ двѣнадцатаго февраля 1841 года и съ переводомъ въ

финляндскій линейный баталіонъ № шестаго; (ноября двѣнадцатаго) витебскаго егерскаго полка, изъ капитановъ въ маіоры *Введенскій*, со старшинствомъ съ двадцать-пятого мая настоящаго года; (ноября четырнадцатаго) астраханскій отдѣльной роты военныхъ кантонистовъ штабсъ-капитанъ *Свенгичскій*, въ капитаны, со старшинствомъ съ шестнадцатаго сентября 1840 года; мингрельскаго егерскаго полка капитанъ *Саханскій*, въ маіоры, со старшинствомъ съ семнадцатаго мая 1841 года и съ переводомъ въ пѣхотный фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полкъ; (ноября пятнадцатаго) находящійся при исправляющемъ должность начальника черноморской береговой линіи, генераль-маіоръ Апрепъ, въ должности адъютанта, нижегородскаго драгунскаго полка прапорщикъ *Кулебякинъ*, въ поручики, съ утвержденіемъ въ настоящей должности; (ноября шестнадцатаго) кабардинскаго егерскаго полка капитанъ *Шульковскій*, въ маіоры, со старшинствомъ съ семнадцатаго мая 1841 года; (ноября семнадцатаго) драгунскаго егерскаго полка высочества принца Александра нидерландскаго полка прапорщикъ *Паулинъ*, въ поручики, со старшинствомъ съ четырнадцатаго іюля нынѣшняго года; (ноября двадцатаго) начальники жаандармскихъ командъ: кронштадтской, изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны *Гороховъ*; брестъ-литовской, изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Милодовскій*, — оба съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; (ноября двадцать-седьмаго) грузинскаго линейнаго баталіона № десятаго изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны *Жоржъ*, со старшинствомъ съ семнадцатаго мая 1841 года; (декабря шестаго) двадцатой артиллерійской бригады, изъ подпоручиковъ въ поручики *Кузовлевъ*, со старшинствомъ съ шестнадцатаго іюня 1841 года; (декабря десятаго) кирасирскаго принца Алберта прусскаго полка, изъ ротмистровъ въ маіоры: *Калинскій*, въ девятую фуришатскую бригаду, съ назначеніемъ оберъ-вагенмейстеромъ во вторую кирасирскую дивизию; *Харнскій*, въ орденскій кирасирскій, и *Павловъ*, въ кирасирскій Его Высочества Принца Петра Ольденбургскаго полка, — всѣ трое со старшинствомъ съ пятого іюля нынѣшняго года; (декабря одиннадцатаго) бывшій адъютантъ санктпетербургскаго военного генераль-губернатора, генерала отъ инфантеріи графа Эссена, лейбъ-гвардіи уланскаго полка ротмистръ *Карповъ*, въ полковники, со старшинствомъ съ тридцатаго марта 1841 года и съ переводомъ въ гусарскій Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго полкъ; елисаветградскаго уланскаго полка поручикъ *Гудиль-Левковичъ*, въ штабсъ-ротмистры, со старшинствомъ съ пятого іюля 1841 года.

Назначаются: (ноября пятаго) командиръ шестнадцатаго рабочаго экипажа подполковникъ *Трофимовскій*, командиромъ одиннадцатаго рабочаго экипажа; командующій осьмнадцатымъ рабочимъ экипажемъ маіоръ *Фокинъ*, командиромъ шестнадцатаго рабочаго экипажа; тридцатаго флотскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ *Романовичъ* 1, командиромъ осьмнадцатаго рабочаго экипажа, съ производствомъ въ подполковники; (ноября седьмаго) кизлярскій плацъ-адъютантъ, состоящій по кавалеріи капитанъ *Зарембскій* исправляющимъ должность воинскаго начальника въ г. Кубу съ оставленіемъ по кавалеріи; куринскаго егерскаго полка подпоручикъ *Прудкой*, плацъ-адъютантомъ въ Кизляръ съ состояніемъ по арміи; суздальскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ *Макашевъ*, въ должность адъютанта къ командующему резервною дивизіею отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генераль-маіору Максимовичу 1, съ переводомъ въ апшеронскій пѣхотный полкъ; бывшій командиръ лабораторной нумера перваго роты, состоящій по артиллеріи полковникъ *Андреевъ* 2, помощникомъ командира тульскаго оружейнаго завода, по хозяйственной части; (ноября десятаго) состоящій при гвардейской кирасирской дивизіи, генераль-маіоръ графъ *Ниродъ*, командующимъ лейбъ-гвардіи уланскимъ полкомъ; пѣхотнаго фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полка полковникъ *Каржавъ*, командиромъ люблинскаго егерскаго полка; подполковникъ

баронъ *Любекеръ*, дивизионнымъ квартирмейстеромъ въ двадцать-первую пѣхотную дивизию, на мѣсто подполковника *Каллиберга*; старшій адъютантъ пятого округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, московскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона майоръ *Брожевановъ*, старшимъ адъютантомъ въ штабъ поманутаго корпуса, съ состояніемъ по арміи; (ноября десятаго) минскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Ракусса*, адъютантомъ въ первую бригаду четырнадцатой пѣхотной дивизіи; (ноября одиннадцатаго) тифлисскаго егерскаго полка прапорщикъ князь *Орбеліанъ*, въ должность адъютанта къ начальнику девятнадцатой пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанту Фези, на мѣсто штабсъ-капитана пѣхотнаго фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка *Смирнова*; (ноября четырнадцатаго) псковскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона капитанъ *Абрамовъ*, плацъ-адъютантомъ въ Псковъ, съ состояніемъ по арміи; (ноября шестнадцатаго) санктъ-петербургской крѣпости плацъ-адъютантъ, лейбъ-гвардіи павловскаго полка капитанъ *Козловъ*, плацъ-майоромъ въ парискую крѣпость, съ состояніемъ по арміи, подполковникомъ; прусскаго полубаталіона карантинной стражи подпоручикъ *Зелинскій*, поднимейстеромъ въ г. Кагуль, съ состояніемъ по арміи; (ноября семнадцатаго) харьковскаго уланскаго полка ротмистръ *Козакевичъ*, городничимъ въ г. Новоалександровскъ, съ состояніемъ по кавалеріи; гусарскаго наследнаго гротсъ-герцога саксенъ-веймарскаго полка поручикъ *Гельфердингъ*, адъютантомъ къ начальнику главнаго штаба дѣйствующей арміи, генераль-адъютанту князю *Горгакову* 3, съ переводомъ въ влѣстичій гусарскій полкъ; (ноября девятнадцатаго) состоящій по арміи генераль-майоръ *Мейландеръ*, командиромъ второй учебной бригады военныхъ кантонистовъ; лейбъ-гвардіи конной артиллеріи: командиръ легкой, нумера третьяго, баттарей полковникъ *Лутковскій*, адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству командиру отдѣльнаго гвардейскаго корпуса; капитанъ *Мухинъ* командующимъ легкой, нумера третьяго, баттареею той же артиллеріи; (ноября двадцатаго) старшій адъютантъ штаба пѣхотнаго корпуса, состоящій по арміи майоръ *Кириловъ*, дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ седьмой округъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, съ оставленіемъ по арміи, на мѣсто числящагося по арміи майора Войцеховича; лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона полковникъ *Деморъ*, командиромъ перваго сапернаго баталіона; адъютантами: сумскаго гусарскаго полка поручикъ *Писаревъ* къ генераль-квартирмейстеру дѣйствующей арміи, генераль-адъютанту Бергу 2, на мѣсто ротмистра гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка *Лихарева*, конно-артиллерійской легкой, нумера осьмага, баттарей поручикъ *Лихачевъ*, къ командиру своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ, генераль-лейтенанту Герштенцевейгу; (ноября двадцать-перваго) полевой инженеръ-полковникъ *Ганзенъ*, строителемъ брестской крѣпости, на мѣсто полковника Грослауба; (ноября двадцать-втораго) въ третій резервный кавалерійскій корпусъ: дежурный штабъ-офицеръ третьяго резервнаго кавалерійскаго корпуса, полковникъ *Винтуловъ*, исправляющимъ должность начальника штаба; старшій адъютантъ штаба третьяго резервнаго кавалерійскаго корпуса, майоръ *Марковъ*, дежурнымъ штабъ-офицеромъ; адъютантъ второй бригады первой драгунской дивизіи, драгунскаго его королевскаго высочества принца Александра нидерландскаго полка капитанъ *Стороженко*, старшимъ адъютантомъ; (ноября двадцать-третьяго) пятнадцатой артиллерійской бригады капитанъ *Балибаевъ*, состоять по полевой артиллеріи; (ноября двадцать-пятого) тульскаго егерскаго полка подпоручикъ *Шоринъ* 2, гевальдигеромъ въ осмнадцатую пѣхотную дивизию, на мѣсто штабсъ-капитана того же полка *Николева*, а этотъ адъютантомъ къ начальнику означенной дивизіи, генераль-лейтенанту *Чебышеву*; (ноября двадцать-шестяго) по корпусу лѣсничихъ: майоръ *Мертваго*, старшимъ адъютантомъ въ штабъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, съ состояніемъ по арміи; (ноября двадцать-седьмаго) лейбъ-гвардіи волынскаго полка штабсъ-капитанъ графъ *Штенбокъ*, адъютантомъ къ санктъ-петербургскому военному генераль-губернатору, генералу отъ инфантеріи графу Эссену; (ноября двадцать-осьмага) состоящій по кавалеріи полковникъ *Ротъ* 6, комен-

дантомъ въ анапскую крѣпость; (ноября тридцатаго) находящійся при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, состоящій по кавалеріи полковникъ *Нейманъ*, комендантомъ въ актауское укрѣпленіе; волынскаго пѣхотнаго полка подполковникъ *Рейгнау*, командиромъ минскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, съ состояніемъ по арміи, на мѣсто числящагося по арміи подполковника *Фриде*; (декабря перваго) городничій города Рыльска, состоящій по арміи капитанъ *Гришинъ*, городничимъ же въ городъ Путивль, съ оставленіемъ по арміи; (декабря втораго) начальникъ инженеровъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и управляющій грузинскимъ инженернымъ округомъ, генераль-майоръ *Армеритетъ*, состоять при инженерномъ департаментѣ военнаго министерства; полевой инженеръ-полковникъ *Постельсъ* 1, исправляющимъ должность начальника инженеровъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и управляющимъ грузинскимъ инженернымъ округомъ; грузинскаго гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ *Пантелеевъ*, плацъ-адъютантомъ въ г. Тифлисъ, съ состояніемъ по арміи; старшій адъютантъ шестой пѣхотной дивизіи, муромскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Вушицъ*, старшимъ же адъютантомъ въ штабъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, съ переводомъ въ эриванскій карабинерный полкъ; кавказскаго линейнаго баталіона, нумера осьмага, штабсъ-капитанъ *Жуценко*, командиромъ моздокской вивалидной команды; ставропольской вивалидной команды капитанъ *Яковлевъ*, командиромъ екатериноградской вивалидной команды; (декабря третьяго) сибирскаго линейнаго баталіона, нумера перваго, прапорщики: *Ивановъ* и *Тарасовъ*, начальниками этапныхъ командъ, первый Сыбнискон, а послѣдній Переваловской; флотскихъ экипажей: капитанъ-лейтенанты: сорокъ втораго, *Силбаровскій-Шпаковский* 1, и сорокъ-третьяго, *Тыртовъ*, состоять по флоту; штабо, лейтенантъ *Скольниковъ*, адъютантомъ къ начальнику главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества; (декабря пятого) уфимскаго казачьяго полка поручикъ *Середица*, старшимъ адъютантомъ въ штабъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса; адъютантъ начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, генераль-лейтенанта Гилленшмидта, десятой артиллерійской бригады капитанъ *Безакъ*, командиромъ баттарейной нумера четвертаго баттарей шестой артиллерійской бригады; (декабря шестяго) флотскихъ экипажей: девятаго командиръ фрегата «Касторъ», капитанъ втораго ранга *Князевъ*, командиромъ одиннадцатаго экипажа и корабля Императрица Александра; девятнадцатаго командиръ фрегата «Мельпомена», капитанъ втораго ранга *Струковъ*, командующимъ девятнадцатымъ экипажемъ и кораблемъ «Лейпцигъ»; двадцать-девятого капитанъ-лейтенантъ *Манюкъ* 1, командующимъ своднымъ экипажемъ при устройствѣ въ Севастополѣ сухихъ доковъ; осьмага, командиръ парохода «Ижора», капитанъ-лейтенантъ *Нордманъ* 1, командиромъ фрегата «Мельпомена», съ переводомъ въ девятнадцатый экипажъ; капитанъ-лейтенантъ *Квашинъ-Самаринъ*, старшимъ адъютантомъ при дежурномъ генералѣ главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества, съ состояніемъ по флоту; второй бригады корпуса морской артиллеріи полковникъ *Шушковъ*, командиромъ пятой бригады этого корпуса; флигель-адъютантъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка полковникъ князь *Долгоруковъ* 3, исправляющимъ должность начальника штаба инспектора резервной кавалеріи, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта; дежурный штабъ-офицеръ штаба инспектора резервной кавалеріи, состоящій по кавалеріи полковникъ *Данненбергъ* 2, для особыхъ порученій къ инспектору резервной кавалеріи, генералу отъ кавалеріи Никитину 1; лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ *Энгельгардтъ*, адъютантомъ къ начальнику первой легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенанту Ланскому 1, лейбъ-гвардіи егерскаго полка подпоручикъ *Панкратьевъ*, въ должность адъютанта къ командиру третьяго гвардейскаго пѣхотнаго дивизию, свиты Его Императорскаго Величества генераль-майору *Фонъ-Моллеру* 1; (декабря девятаго) адъютантъ командующаго войсками, въ восточной Сибири расположенными, генераль-лейтенанта Руперта, состоящій по арміи штабсъ-капитанъ *Яковлевъ*, старшимъ адъютантомъ въ управление войскъ его же генераль-лейтенанта Руперта; куринскаго егер-

скаго полка капитанъ *Хрисанфовъ*, для особыхъ порученій къ командирующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-адъютанту Граббе 1, съ состояніемъ по арміи; (декабря двѣнадцатаго) карабинернаго фельд-маршала князя Барклая-де-Толли полка, штабсъ-капитанъ баронъ *Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ* 1, адъютантомъ во вторую бригаду первой гренадерской дивизіи; пятаго баталіона люблинскаго егерскаго полка подполковникъ *Червиновъ*, въ должность адъютанта въ резервную бригаду тринадцатой пѣхотной дивизіи, съ переводомъ въ пятый баталіонъ литовскаго егерскаго полка; (декабря тринадцатаго) старшій адъютантъ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи литовскаго полка поручикъ *Энко-Даровскій* 2, старшимъ же адъютантомъ въ первую гвардейскую пѣхотную дивизію, на мѣсто штабсъ-капитана лейбъ-гвардіи преображенскаго полка *Толбулина*; адъютантъ пятой гвардейской пѣхотной бригады, лейбъ-гвардіи литовскаго полка капитанъ *Лыщинскій*, старшимъ адъютантомъ въ третью гвардейскую дивизію; (декабря четырнадцатаго) адъютантъ второй бригады четырнадцатой пѣхотной дивизіи, подольскаго егерскаго полка штабсъ-капитанъ *Жоховъ*, старшимъ адъютантомъ въ военное управленіе пограничнаго начальника сибирскихъ Киргизовъ; (декабря пятнадцатаго) помощники окружныхъ генераловъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, полковники: втораго округа *Тельгемъ* и шестаго округа *Чивилевъ* — оба состоятъ по арміи, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ; (декабря шестнадцатаго) бывшій адъютантъ начальника штаба инспектора резервной кавалеріи, борисоглебскаго уланскаго полка ротмистръ *Голубининъ*, старшимъ адъютантомъ въ означенный штабъ; тобольской инвалидной команды капитанъ *Серафимовичъ*, командиромъ этой команды; (декабря семнадцатаго) лейбъ-гвардіи уланскаго полка поручикъ *Муравьевъ*, адъютантомъ къ начальнику первой легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенанту Данскому 1; костромскаго егерскаго полка майоръ *Добровольскій*, командиромъ симбирскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, съ отчисленіемъ по арміи, на мѣсто состоящаго по арміи подполковника Агѣева; тифлискаго егерскаго полка подполковникъ *Петровъ*, командиромъ кавказскаго линейнаго баталіона, номера девятаго, съ отчисленіемъ по арміи; гвардейской инвалидной, номера седьмаго, роты прапорщикъ *Марковъ*, въ должность адъютанта въ гвардейскую инвалидную бригаду съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ гарнизонный баталіонъ; (декабря осьмнадцатаго) новомиргородскаго уланскаго полка поручикъ *Каринъ*, старшимъ адъютантомъ въ штабъ втораго резервнаго кавалерійскаго корпуса; гусарскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка ротмистръ *Ветцель* гевальдигеромъ въ четвертую легкую кавалерійскую дивизію; находящійся при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, состоящій по арміи штабсъ-капитанъ *Пегковскій*, командирующимъ джаро-лезгинскую милицію.

Увольняются отъ службы: (ноября семнадцатаго) льсной ревизоръ орловской губерніи капитанъ *Шуманскій*, согласно прошенію, майоромъ и съ мундиромъ, и (ноября двадцать-перваго) состоящій по арміи полковникъ *Роотъ* 1, генераль-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (ноября двадцать-шестаго) состоящіе по кавалеріи, генераль-лейтенантъ *Раевскій* 1, и генераль-майоръ *Антоновъ* 1, — оба съ мундирами и пенсіонами полного жалованья; состоящіе по арміи: генераль-лейтенантъ *Фенишъ*, съ мундиромъ и пенсіономъ полного оклада опредѣленнаго уставомъ шестаго декабря 1827 года, и генераль-майоры *Шулло* 1, и *Булгаровъ* — оба съ мундирами и пенсіонами, первый полного, а послѣдній двухъ третей жалованья; состоящій по артиллеріи генераль-майоръ *Скородумли*, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; (ноября двадцать-седьмаго) генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ баронъ *Деллинсгаузенъ*, согласно просьбѣ его, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья адъютантъ санктпетербургскаго военнаго генераль-губернатора, генералъ отъ инфантеріи графа Эссена, лейбъ-гвардіи павловскаго полка штабсъ-капи-

танъ *Грушецкій*, капитаномъ и съ мундиромъ; (ноября двадцать-осьмаго) адъютантъ черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта князя Долгорукова 1, псковскаго кирасирскаго полка штабсъ-ротмистръ *Лосевъ*, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ награжденіемъ, за отличіе по службѣ, чиномъ тигулярнаго совѣтника; (декабря третьяго) военный губернаторъ г. Каменца-Подольскаго и подольскій гражданскій губернаторъ, генераль-майоръ *Флиге*, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; начальникъ четвертаго округа корпуса жандармовъ, генераль-майоръ *Фрейгангъ*, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (декабря десятаго) бывшій новгородскій комендантъ, генераль-майоръ *Колзевскій*, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; по корпусу жандармовъ: бывшій гродненскій комендантъ, генераль-майоръ *Маринъ* 1, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; бывшій каменецъ-подольскій комендантъ, генераль-майоръ *Мариновъ* 2, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; (декабря пятнадцатаго) казанскій военный губернаторъ, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ *Стрекаловъ*, съ назначеніемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ и съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта.

За волеизъявіемъ: (ноября пятаго) корпуса корабельныхъ инженеровъ прапорщикъ *Гедде*, подпоручикомъ; морской арестантской, номера третьяго, роты поручикъ *Бурцовъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; (ноября шестаго) корпуса инженеровъ путей сообщенія поручикъ *Быковъ*, капитаномъ и съ мундиромъ; (ноября десятаго) лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка ротмистръ графъ *Наленъ-Рагинскій*, съ мундиромъ; клястицкаго гусарскаго полка поручикъ *Фель-Розенъ* 2, штабсъ-ротмистромъ; гренадерскаго императора Франца I-го полка подпоручикъ *Возницынъ*, поручикомъ; (ноября четырнадцатаго) плацъ-адъютантъ г. Пскова, состоящій по кавалеріи штабсъ-ротмистръ *Валентиновичъ*, ротмистромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; городничій г. Слуцка, состоящій по арміи подполковникъ *Веклешовъ*, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября пятнадцатаго) гусарскаго эрцгерцога Фердинанда полка поручикъ *Князевъ*, штабсъ-ротмистромъ; (ноября шестнадцатаго) егерскихъ полковъ: глицкаго штабсъ-капитанъ *Климовичъ*, капитаномъ, и виленскаго поручикъ *Шатиловъ*; полевой инженеръ-полковникъ *Фелькерзамъ* 1, генераль-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей оклада, опредѣленнаго уставомъ шестаго декабря 1827 года; (ноября семнадцатаго) воронежскій губернскій льбничій майоръ *фонъ-Круе*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья, по табели шестаго декабря 1838 года; директоръ института корпуса горныхъ инженеровъ, генераль-майоръ *Вейценбрейеръ*, съ мундиромъ и пенсіономъ; по корпусу жандармовъ: подполковникъ *Линденбаумъ*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября осьмнадцатаго) сибирскаго уланскаго полка поручикъ князь *Баграціонъ*, штабсъ-ротмистромъ; (ноября девятнадцатаго) членъ кораблестроительнаго и учетнаго комитета, состоящій по флоту капитанъ перваго ранга *Дубасовъ* 1, съ мундиромъ и пенсіономъ полного оклада, на основаніи устава о пенсіяхъ шестаго декабря 1827 года; строительнаго отряда путей сообщенія майоръ *Ливотовъ*, подполковникомъ, съ мундиромъ и, на основаніи 580 ст. свода военныхъ постановленій части II-й, тома шестаго, съ пенсіономъ полного жалованья; (ноября двадцать-второго) лейбъ-гвардіи уланскаго полка ротмистръ *Окуловъ*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; лейбъ-гвардіи павловскаго полка штабсъ-капитанъ *Моржевскій* 1, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября двадцать-третьяго) якутскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Асинскій*, съ пенсіономъ одной трети жалованья; колыванскаго егерскаго полка капитанъ *Негавъ*, майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (ноября двадцать-четвертаго) гусарскаго Его Императорскаго Высочества Герцога Мак-



симиліана Лейхтенбергскаго полка маіоръ *Гурьевъ*, подполковникомъ и съ мундиромъ, и поручикъ *Булгаковъ*, штабсъ-ротмистромъ; (ноября двадцать-шестого) состояцій по ластовымъ экипажамъ маіоръ *Вантисманскій*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; корпуса флотскихъ штурмановъ: подпоручикъ *Пилсеновъ*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья и прапорщикъ *Карналевскій*, подпоручикомъ; (ноября двадцать-седьмого) корпуса инженеровъ путей сообщенія полковникъ *Головинскій*, генераль-маіоромъ, съ мундиромъ и, на основаніи 579 статьи свода военныхъ постановленій тома шестого, съ пенсіономъ двухъ третей оклада; (ноября двадцать-осьмого) адъютантъ командира перваго резервнаго кавалерійскаго корпуса, генераль-лейтенанта Сиверса 1, псковскаго кирасирскаго полка ротмистръ *Матвеевъ*, маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; перваго кавалерійскаго округа украинскаго военнаго поселенія, состояцій по кавалеріи штабсъ-ротмистръ *Рудневъ*, ротмистромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; округовъ военнаго поселенія кievской и подольской губерній, состояціе по кавалеріи: четвертаго, ротмистръ *Ганжа*, маіоромъ; и перваго, штабсъ-ротмистръ *Вилоусовъ*; — оба съ мундирами и пенсіонами одной трети жалованья; по корпусу топографовъ: поручикъ *Емельяновъ* 2, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; (ноября тридцатаго) комендантъ актаускаго укрѣпленія, состояцій по арміи подполковникъ *Виласковъ*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; военно-рабочей нумера пятаго роты, вѣдомства военнаго поселенія подпоручикъ *Журавлевъ*, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ повышеніемъ чина; (декабря перваго), полковъ лейбъ-гвардіи: коннаго, ротмистръ *Балабинъ*, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ надворные советники, и гродненскаго гусарскаго поручикъ *Сназинъ*, штабсъ-ротмистромъ; лейбъ-гвардіи московскаго полка поручикъ *Насалевскій*, штабсъ-капитаномъ; (декабря четвертаго), смотритель госпиталя седьмаго кавалерійскаго округа украинскаго военнаго поселенія, состояцій по арміи штабсъ-капитанъ *Каммеръ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; начальникъ штаба инспектора резервной кавалеріи генераль-лейтенантъ *Задонскій*, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада, опредѣленнаго уставомъ шестого декабря 1827 года; лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Князь *Вяземскій*, штабсъ-ротмистромъ; пермскихъ баталіоновъ военныѣхъ кантонистовъ, числящійся по арміи поручикъ *Мельниковъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; шестой артиллерійской бригады, командиръ баттарейной, нумера четвертаго, баттарей, капитанъ *Кушлянскій*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; военно-рабочаго баталіона, нумера седьмаго, поручикъ *Кузьминъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; подвижной инвалидной, нумера двѣнадцатаго, роты штабсъ-капитанъ *Зыбиловъ*, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; (декабря осьмаго) пѣхотнаго фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка штабсъ-капитанъ князь *Аваловъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; перваго резервнаго сапернаго баталіона подполковникъ *Юнантъ*, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; военно-рабочей, нумера четырнадцатаго, роты инженернаго вѣдомства поручикъ *Брусенцовъ*, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; арестантской, нумера тринадцатаго, роты инженернаго вѣдомства подпоручикъ *Сергеевъ* поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (декабря девятаго) пятаго кавалерійскаго округа украинскаго военнаго поселенія, состояцій по кавалеріи штабсъ-ротмистръ *Калагевъ* ротмистромъ и съ мундиромъ; могилевскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ *Ружинъ*, подпоручикомъ; (декабря одиннадцатаго) флигель-адъютантъ, кавалергардскаго Ея Величества полка полковникъ *Толстой* 5, съ чиномъ действительнаго статскаго советника; лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ *Половцовъ*, штабсъ-капитаномъ и съ мундиромъ; учебной артиллерійской бригады поручикъ *Филиповъ*, штабсъ-капитаномъ; конно-артиллерійской резервной, нумера шестого, баттарей штабсъ-

капитанъ *Полозовъ*, капитаномъ и съ мундиромъ; (декабря четырнадцатаго) лабораторныхъ ротъ: нумера шестого, подпоручикъ *Карповъ*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; нумера пятаго, подпоручикъ *Абрамовъ*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (декабря шестнадцатаго) сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, штабсъ-капитаны: нумера перваго *Димитріевъ*, и нумера втораго командиръ тобольской инвалидной команды, *Бабушкинъ*, — оба капитанами, а послѣдній съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; ялutorовской инвалидной команды прапорщикъ *Околицкиновъ*, подпоручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; (декабря осьмнадцатаго) старшій адъютантъ штаба втораго резервнаго кавалерійскаго корпуса, состояцій по кавалеріи маіоръ *Векротъ*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети оклада, опредѣленнаго уставомъ шестого декабря 1827 года; корпуса жандармовъ штабсъ-капитанъ *Василевскій*, съ пенсіономъ одной трети жалованья; корпуса инженеровъ военныхъ поселеній полковникъ баронъ *Розенъ* 7, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей оклада, опредѣленнаго уставомъ шестого декабря 1827 года.

По домашнимъ обстоятельствамъ: (ноября пятаго) третьяго флотскаго экипажа лейтенантъ *Меркуловъ*, капитанъ-лейтенантомъ; (ноября шестого) корпуса инженеровъ путей сообщенія поручики, *Лонъ* и *Анненковъ*, капитанами, и стрѣлельнаго отряда путей сообщенія подпоручикъ *Шукинъ*, поручикомъ; (ноября девятаго) командиръ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, генераль-маіоръ князь *Ливенъ* 5, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; полковъ лейбъ-гвардіи: преображенскаго, капитанъ *Хозиковъ*, съ мундиромъ; павловскаго подпоручикъ *Эисенгардтъ*, поручикомъ, и литовскаго полковникъ баронъ *Седеркрейцъ*, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября четырнадцатаго) казанскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, состояцій по арміи прапорщикъ *Суворовъ*, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ повышеніемъ чина; гренадерскаго принца Фридриха нидерландскаго полка штабсъ-капитанъ *Дугошинъ*, съ мундиромъ; (ноября пятнадцатаго) вознесенскаго уланскаго полка подполковникъ *фонъ-Радеиъ*; полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; мингрельскаго егерскаго полка прапорщикъ *Прашкевичъ*, подполковникомъ; сибирскаго линейнаго баталіона нумера пятаго, капитанъ *Бекшиевъ*, маіоромъ и съ мундиромъ; начальникъ переловской этапной команды подпоручикъ *Перваловъ*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; (ноября шестнадцатаго) казанскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, состояцій по арміи поручикъ *Соловьевъ*; (ноября семнадцатаго) одесскаго егерскаго полка поручикъ *Брюшковъ*, штабсъ-капитаномъ; (ноября осьмнадцатаго) саратовскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, состояцій по арміи капитанъ *Лобанъ-Быковскій*, маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября девятнадцатаго) стрѣлельнаго отряда путей сообщенія прапорщикъ *Лалонъ*, подпоручикомъ; исправляющій должность вице-директора провіантскаго департамента военнаго министерства, состояцій по кавалеріи полковникъ *Бутурлинъ* 2, генераль-маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети оклада, опредѣленнаго уставомъ шестого декабря 1827 года; (ноября двадцать-перваго) бугскаго полка корнетъ *Гибнеръ*, поручикомъ гусарскаго ея величества короля виртембергскаго полка штабсъ-ротмистръ *Булгаковъ*, ротмистромъ; (ноября двадцать-втораго) по дворницкому полку капитанъ *Гагелейстеръ*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (ноября двадцать-третьяго) полковъ вологодскаго штабсъ-капитанъ *Давидовъ*, капитаномъ и съ мундиромъ, и подпоручикъ *Арепьевъ*, поручикомъ; муромскаго прапорщикъ *Федоровъ*, подпоручикомъ; нижегородскаго подпоручикъ *Бралиантовъ*, поручикомъ; фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго адъютантъ резервной бригады девятаго пѣхотной дивизіи капитанъ *Меньшиковъ*, маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; селенгискаго, подпоручики *Макушинъ*, *Аветинъ*, — оба поручиками, и азовскаго прапорщикъ *Микушинъ*, подпоручикомъ; егерскихъ полковъ: шлицсельбургскаго

штабс-капитанъ *Энкель*, капитаномъ и съ мундиромъ; прапорщики: *Коровинъ* и *Омшевскій*; ладожскаго *Коловскій*; костромскаго *Лабуть*; низовскаго *Нолвевъ*, — всѣ пятеро подпоручиками; брянскаго поручикъ *Митинъ*, штабс-капитаномъ; фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриваскаго капитанъ *Петровъ*, маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; томскаго подпоручикъ *Лаптинъ 1*, поручикомъ; камчатскаго подпоручикъ *Есиповичъ*, поручикомъ; тульскаго прапорщикъ князь *Вяземскій*, подпоручикомъ; (ноября двадцать-четвертаго) гусарскаго наследнаго гротъ-герцога саксенъ-веймарскаго полка корнетъ *Саковнинъ 4*, поручикомъ; пѣхотныхъ полковъ: суздальскаго штабс-капитанъ *Каменскій*, капитаномъ; московскаго поручикъ *Василевъ*, штабс-капитаномъ; бутырскаго штабс-капитанъ *Чирковъ*, капитаномъ; егерскихъ полковъ: поручики: углицкаго *Цвилевъ*, штабс-капитаномъ; тарутинскаго штабс-капитанъ *Перфильевъ*, съ мундиромъ, поручикъ *Перелоговъ*, штабс-капитаномъ; подпоручики: *Заблоскій*, *Малковскій* и *Тверитиновъ*, — всѣ трое поручиками; прапорщики: *Щекатишинъ* и *Тверитиновъ*, бѣлевскаго *Клименовъ* и тульскаго *Бартеневъ* и *Мисниковъ*, — всѣ пятеро подпоручиками; (ноября тридцатаго) егерскихъ полковъ: низовскаго штабс-капитанъ *Балбековъ*, капитаномъ, и тарутинскаго поручикъ *Карзовскій*, штабс-капитаномъ, рты номера пятаго варшавской телеграфической линіи штабс-капитанъ *Летизъ*, капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (декабря перваго) лейб-гвардіи коннаго полка поручикъ *Кишинскій*, штабс-ротмистромъ; лейб-кирасирскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка корнетъ *Астраханцовъ*, поручикомъ; полковъ лейб-гвардіи: измайловскаго подпоручикъ *Изыдиновъ 1*, поручикомъ; павловскаго поручикъ *Кожинъ*, штабс-капитаномъ и съ мундиромъ, и лѣтовскаго подпоручикъ *Перцовъ*; (ноября третьяго) состоящій по корпусу жандармовъ генералъ-маіоръ графъ *Апраксинъ 2*, тайнымъ советникомъ и съ пенсіономъ полного оклада, ервдвѣннаго уставомъ шестаго декабря 1827 года; (декабря четвертаго) лейб-гвардіи коннаго полка ротмистръ *Багметевъ*, полковникомъ и съ мундиромъ; поручикъ *Волифъ*, штабс-ротмистромъ; находящійся при кубанскомъ линейномъ казачьемъ полку, состоящій по кавалеріи корнетъ *Лозаревъ*, поручикомъ; подвижной инвалидной, номера двѣнадцатаго, роты поручикъ *Бородавкинъ*, штабс-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; (декабря девятаго) драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка капитанъ *Кохановскій*, маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; уфимскаго казачьяго полка корнетъ *Чегодаевъ 2*, поручикомъ; старшій адъютантъ управления войскъ, въ восточной Сибири расположенныхъ, пятаго баталіона архангелогородскаго пѣхотнаго полка поручикъ *Возносиковъ*, штабс-капитаномъ; (декабря одиннадцатаго) лейб-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ *Карамзинъ 2*, поручикомъ; конно-артиллерійскихъ легкыхъ баттарей прапорщики: номера пятаго *Косиковскій* и номера двадцать-четвертаго *Дубовицкій*, — оба подпоручиками; рижскаго артиллерійскаго гарнизона прапорщики: *Ланской*, *Юрловъ* и *Любавцовъ*, — всѣ трое подпоручиками; (декабря четырнадцатаго) гренадерскихъ артиллерійскихъ бригадъ: первой, поручикъ *Яковлевъ*, штабс-капитаномъ и третьяго штабс-капитанъ *Марскій*, капитаномъ, и поручикъ *фонъ-Вендригъ*, штабс-капитаномъ и съ мундиромъ; командующій сухумкальскимъ артиллерійскимъ гарнизонномъ, состоящій по артиллеріи капитанъ *Шуба*, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья; (декабря семнадцатаго) туринской инвалидной команды подпоручикъ *Панаевъ*, поручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья; начальникъ выкуловской эганный команды, прапорщикъ *Клюжевскій*, подпоручикомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья; ольвиопольскаго уланскаго полка поручикъ *Вердеревскій*, штабс-ротмистромъ; гусарскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка поручикъ *Мухомтовъ*, штабс-ротмистромъ; кавалерійскихъ округовъ украинскаго военнаго победенія, со-

стоящіе по кавалеріи поручики: перваго *алабасовъ*, штабс-ротмистромъ и съ мундиромъ, вѣстнаго *Доброхотовъ*, штабс-ротмистромъ; (декабря осемнадцатаго) кирасирскаго Его Светлости Принца Петра Ольденбургскаго полка корнетъ баронъ *фонъ-Вольфъ*, поручикомъ.

Высочайшими указами всеилюстивѣйше пожалованы:

Въ тайные совѣтники: (ноября двадцать-седьмаго) состоящіе по вѣстному министерству: 4-го класса Леонтій *Мейеръ* и Станиславъ *Богомолецъ*, съ увольненіемъ отъ службы.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: (ноября двадцать-осьмаго) началникъ отдѣленія департамента вѣншей торговли статскій совѣтникъ *Ильинъ*; (декабря шестаго) чиновникъ для особыхъ порученій при главноначальствующемъ надъ почтовымъ департаментомъ статскій совѣтникъ *Бартеневъ*.

Въ статскіе совѣтники: (ноября седьмаго) коллежскіе совѣтники: екатеринославскій вице-губернаторъ Дмитрій *Сифоновъ*; председатели палатъ: подольской казенной Алексій *Покровскій*, подольской уголовной Дмитрій *Черновъ*, тверской гражданской Михайлъ *Филиповъ*, пермскаго уголовного и гражданскаго суда Владиміръ *фонъ-Галлеръ*, товарищъ председателя таврической уголовной палаты Иванъ *Браилко*; совѣтники: лифляндскаго губернскаго правленія Александръ *Рихтеръ*, харьковской палаты государственныхъ имуществъ Козьма *Иванскій*, ярославскаго губернскаго правленія Егоръ *Борисоглыбскій*, и бывшій совѣтникъ астраханской казенной палаты, а нынѣ председатель енисейскаго губернскаго суда Дмитрій *Зубаревъ*.

Въ коллежскіе совѣтники: (ноября перваго) надворные совѣтники: генеральный консулъ въ Тавризъ *Ашиковъ*; (ноября седьмаго) председатель саратовской палаты гражданскаго суда Владиміръ *Паскевичъ*, судья пермскаго совѣстнаго суда Иванъ *Солмоновъ*; совѣтники: губернскихъ правленій: санктпетербургскаго Владиміръ *Черноглазовъ*, ярославскаго Венедиктъ *Поповъ*, пермскаго Василій *Нешуловъ*, товарищъ председателя минской уголовной палаты Антонъ *Антоновъ*, бессарабскаго областного прокуроръ Яковъ *Ивченко*; совѣтники, палатъ государственныхъ имуществъ: могилевской Францъ *Копоновичъ-Горбачскій*, вятской Гаврила *Елисеевъ*, комиссіи для строеній въ Москвѣ и уѣздныхъ ея городахъ Тимсоей *Исофитовъ*; казенныхъ палатъ: полтавской Петръ *Григоровичъ*, кавказской Николай *Гендслевичъ*, оренбургской Александръ *Телешевъ*, казанской Федоръ *Билетовъ*, непрѣмный членъ вятскаго приказа общественаго призрѣнія Андрей *Глейнигъ*, ассессоръ таврической уголовной палаты Иванъ *Челъ*; чиновники для особыхъ порученій министерства финансовъ, причисленные къ VII классу, Павелъ *Ганенфельдъ*, и Федоръ *Рейнбогъ*, чиновникъ для особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ смоленскомъ, вѣтсбскомъ и могилевскомъ Иванъ *Синицкинъ*, исправляющій должность судьи колыванскаго окружнаго суда Василій *Воронковъ*, верхнеудинскій окружный начальникъ Владиміръ *Шапошниковъ*; (ноября девятаго) состоящій въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ *Святскій*; сосницкій окружный начальникъ, седьмаго класса Дмитрій *Ушинскій*; (ноября двадцать-осьмаго) состоящій при директорѣ департамента вѣншей торговли *Аристронгъ*.

Въ оберъ-бергмейстеры седьмаго класса: (октября двадцать-седьмаго) совѣтникъ олонцакаго горнаго правленія оберъ-гиттенфервалтеръ осьмаго класса *Чудиновъ*.

Въ надворные совѣтники: (октября двадцать-седьмого) коллежскіе ассессоры: совѣтникъ тульской казенной палаты *Родкевичъ*, губернской казначей симбирской казенной палаты *Маркиновичъ*, чиновники для особыхъ порученій министерства финансовъ: *Еорисманъ* и въ званіи камеръ-юнкера *Свистуновъ*; старшій столоначальникъ канцеляріи министра финансовъ *Кюгель*, старшій бухгалтеръ особенной канцеляріи по кредитной части *Цвейтингеръ*, департамента государственнаго казначейства: старшій контролеръ *Шторхъ*, и старшій столоначальникъ *Тилигевъ*; канцелярія министра финансовъ: младшій секретарь *Аладовъ*, и младшій столоначальникъ *Вбликовъ*, и столоначальникъ департамента разныхъ податей и сборовъ *Ивановъ*; (ноября втораго) чиновникъ особыхъ порученій при хозяйственномъ департаментѣ, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества *Кайсаровъ*, правитель канцеляріи гродненскаго гражданскаго губернатора *Люрко*; штабъ-лекари: операторъ орловской врачебной управы *Гольдерекеръ*; одесскій городской врачъ *Видинскій*, и врачъ при рязанской градской больницѣ *Гацисскій*; (ноября четвертаго) членъ комитета по устройству таурогенскаго шоссе, *Артыновъ*; (ноября четырнадцатаго) чиновникъ для особыхъ порученій министерства финансовъ *Чухачевъ*; (декабря осьмага) состоящій при генералѣ отъ инфантеріи графѣ Эссенѣ для особыхъ порученій, отставной майоръ *Вердеревскій*.

Въ коллежскіе ассессоры: (октября двадцать-седьмаго) титулярные совѣтники: ассессоръ могилевской казенной палаты *Лакотченковъ*, младшій контролеръ департамента государственнаго казначейства *Тюрбертъ*, столоначальникъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ *Рейхельтъ*, секретарь ливонской казенной палаты *фонъ-Китеръ*, канцеляріи министерства финансовъ: главный журналистъ *Лебедевъ* и старшій помощникъ секретаря *Де-ла-Рю*, чиновникъ для особыхъ порученій владимірской казенной палаты *Станкевичъ*, и старшій помощникъ столоначальника департамента разныхъ податей и сборовъ *Скибицкій*; девятаго класса: уездные казначей: кievскій — *Сивковскій* и гдовскій — *Гаринъ*, младшій контролеръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ *Ломоносовъ*, бухгалтеръ главнаго казначейства *Голозовъ*, старшій помощникъ бухгалтера особенной канцеляріи по кредитной части *Мерцъ*, старшій помощникъ контролера департамента государственнаго казначейства *Валуевъ*; (ноября втораго) титулярные совѣтники: инспекторъ состоящаго въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ Аптекарскаго Острова, *Бакуринскій*; служащіе въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ: секретарь для переписки на иностранныхъ языкахъ, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества графъ *Сологубъ*, и старшій помощникъ столоначальника *Пушениниковъ*, старшій помощникъ столоначальника хозяйственнаго департамента *Костенецкій*, непремѣнный членъ псковскаго приказа общественаго призрѣнія *Самойловъ*, совѣтникъ тульскаго губернскаго правленія *Виолевъ*, секретарь полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія *Люблирскій*, секретарь ливонскаго приказа общественаго призрѣнія *Голдгайммеръ*, интендантскій чиновникъ карантиннаго отдѣленія канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора *Керстигъ*, правитель дѣлъ ярославской комиссіи народнаго продовольствія *Золотаревъ*, младшій учитель французскаго языка ярославской губернской гимназіи *Турне*; неимѣющіе чиновъ доктора медицины: операторъ ярославской врачебной управы *Фоссъ*, акушеръ той же управы *Булгаровскій*, состоящій въ должности младшаго въ Москвѣ городоваго акушера *Голубцевъ*, медико-хирурги: состоящій при имѣніи помѣщицы Засѣцкой съ правомъ государственной службы *Оршинскій*, акушеръ херсонской врачебной управы *Повстанскій*, штабъ-лекари: акушеръ рязанской врачебной управы *Пугковскій*, и операторъ нижегородской врачебной управы *Соловьевъ*; (ноября осьмнадцатаго) служащій дѣлопроизводителемъ во временной комиссіи для окончанія дѣлъ счетовъ и отчетовъ бывшаго медицинскаго департамента титулярный совѣтникъ *Залужовскій*; (ноября двадцать-третьяго) кронштадтскаго артиллерійскаго гарнизона цейхваргеръ девятаго класса *Смир-*

*новъ* съ увольненіемъ отъ службы; (ноября двадцать-пятого), бендерскаго осаднаго инженернаго парка цейхвартеръ девятаго класса *Калининъ*; (декабря шестаго) состоящій при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ штабъ-лекаръ *Мейеръ*.

Въ осьмой классъ: (ноября четвертаго) камердинеръ двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича девятаго класса *Пахомъ Шматковъ*.

Въ титулярные совѣтники: (октября двадцать-седьмаго) коллежскіе секретари: старшій помощникъ секретаря собственной канцеляріи министра финансовъ канцеляріи по секретной части *Кранихфельдъ*, старшій помощникъ контролера департамента разныхъ податей и сборовъ *Териховъ*, старшій помощникъ столоначальника департамента мануфактуръ и внутренней торговли *Любоцинскій*, младшіе помощники столоначальниковъ департаментовъ: разныхъ податей и сборовъ: *Щербининъ* и *Бакулинъ*, государственнаго казначейства *Садовнигій*, мануфактуръ и внутренней торговли *Твардовскій*; (ноября втораго) младшій бухгалтеръ и контролеръ департамента полиціи исполнительной *Новоиколюскій*; столоначальники: того же департамента *Зубовъ*, хозяйственнаго департамента *Михайловъ*, переводчикъ нижегородскаго губернскаго ирзвенія *Толстой*; неимѣющіе чиновъ: лекари третьяго отдѣленія: состоящій при виленскомъ госпиталѣ ума лишенныхъ и при сиротскомъ домѣ Св. Стефана *Милешевскій*, и штатный врачъ конфискованнаго имѣнія Деречинъ *Старжинскій*; (ноября двадцать-пятого) старшій помощникъ столоначальника канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода *Сваражкій-Сварикъ*; (декабря пятого) состоящій при департаментѣ министерства юстиціи *Рябининъ*.

Въ коллежскіе секретари: (октября двадцать-седьмаго) губернскіе секретари: въ должности секретаря департамента государственнаго казначейства *Пургольдъ*, старшій помощникъ секретаря канцеляріи министра финансовъ *Селиховъ*, исправляющіе должность письмоводителей заемнаго банка: *Алброжевичъ* и *Молиторъ*, при начальникъ ревельскаго таможеннаго округа *Лазаровичъ*, помощникъ санктпетербургскаго уезднаго казначея *Лукій*, бухгалтеръ санктпетербургской казенной палаты *Албрехтъ*, младшій помощникъ контролера департамента государственнаго казначейства *Гриблатъ*, младшій помощникъ бухгалтера департамента мануфактуръ и внутренней торговли *Эгеръ*; младшіе помощники столоначальниковъ, департаментовъ: разныхъ податей и сборовъ *Папкевичъ*; горныхъ и соляныхъ дѣлъ *Гуляевъ*, столоначальникъ санктпетербургской таможни *Кудрявцовъ*, помощникъ столоначальника канцеляріи департамента разныхъ податей и сборовъ *Янковскій*, счетный чиновникъ департамента государственнаго казначейства *Шпаковский*, канцелярскіе чиновники канцеляріи министра финансовъ *Мольнеръ*, департамента внешней торговли: *Владимировъ*, *Чижъ*, *Андреевъ*, и департамента государственнаго казначейства *Гербаневскій*; (ноября втораго) старшіе помощники столоначальниковъ: департамента полиціи исполнительной *Обрѣзовъ*, канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ *Шамардинъ*, младшій помощникъ столоначальника той же канцеляріи (нынѣ состоящій въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ) *Львицкій*, младшіе помощники столоначальниковъ: хозяйственнаго департамента *Валицкій*, департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій *Гулькевичъ*, старшій помощникъ бухгалтера и контролеръ департамента полиціи исполнительной *Захаровъ*, младшій помощникъ столоначальника того же департамента *Валкъ*, и состоящій при статистическомъ отдѣленіи совѣта министровъ внутреннихъ дѣлъ *Дельяновъ*; (ноября шестаго) состоящій въ должности оберъ-аудитора при генеральной комиссіи военнаго суда двѣнадцатаго класса *Курихинъ*; (ноября седьмаго) служащій въ канцеляріи курскаго гражданскаго губернатора губернскій секретарь князь *Кавкасидевъ*; (ноября четырнадцатаго) младшій помощникъ столоначальника департамента министерства юстиціи *Патуховъ*; (ноября двадцать-четвертаго) младшій помощникъ

правителя канцеляріи тамбовскаго гражданскаго губернатора *Толмачевъ*; (ноября двадцать-третьяго) эриванскаго артиллерійскаго гарнизона унтеръ-цейхвартерь двѣнадцатаго класса *Барановъ*, съ увольненіемъ отъ службы; (ноября двадцать-осьмаго) унтеръ-цейхвартерь казанскаго арсенала двѣнадцатаго класса *Логиновъ*; (декабря пятого) канцелярскій чиновникъ московской казенной палаты губернскій секретарь *Петровъ*; (декабря двадцатаго) губернскіе секретари, служащіе въ канцеляріи харьковскаго гражданскаго губернатора *Святоторъ-Штепизъ*, и тамошней гражданской комиссіи народнаго продовольствія *Урюпинъ*.

Въ губернскіе секретари: (октября двадцать-седьмаго) секретари: сенатскіе регистраторы: счетные чиновники департамента государственнаго казначейства: *Прытковъ* и *Куницынъ*; коллежскіе регистраторы: въ должности секретаря псковской казенной палаты *Королевъ*, младшій помощникъ секретаря канцеляріи министра финансовъ *Соколовъ*, младшій помощникъ контролера департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ *Малоковъ*; столоначальники казенныхъ палатъ: санктпетербургской, *Красулькинъ* и витебской *Жулинскій*, въ должности архиваріуса санктпетербургской казенной палаты *Вѣликовъ*, счетный чиновникъ департамента разныхъ податей и сборовъ *Цинзерлингъ*, канцелярскій министра финансовъ: общей, *Альевъ*, и собственной по секретной части, *Поланскій*; департамента разныхъ податей и сборовъ: *Сиринъ*, *Бородавко* и *Солонинъ*; и канцеляріи министра финансовъ 14-го класса *Клепцовъ*; (октября тридцать-перваго) служащій въ курской палатѣ государственныхъ имуществъ столоначальникъ коллежскій регистраторъ *Григоровъ*; (ноября втораго) младшій помощникъ столоначальника медицинскаго департамента коллежскій регистраторъ *Зеленскій*, и служащій въ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора четырнадцатаго класса *Мишуловъ*; (ноября четвертаго) двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича камердинеръ *Михаилъ Соболевъ*, кофисенкъ *Александръ Найденовъ*, метръ-дотель *Александръ Щепотьевъ*; (ноября шестаго) аудиторъ генеральной комиссіи военнаго суда при эскадрѣ въ каспійскомъ морѣ тринадцатаго класса *Никифоровъ*; (ноября пятнадцатаго) бухгалтеръ санктпетербургской казенной палаты коллежскій регистраторъ *Лавровъ*; (ноября двадцать-третьяго) служащій въ здѣшней палатѣ гражданскаго суда втораго департамента коллежскій регистраторъ *Поповъ*; (декабря шестаго) учитель цѣльной стрѣльбы отдѣльнаго гвардейскаго корпуса четырнадцатаго класса *Гартунъ*; (декабря двѣнадцатаго) служащій въ канцеляріи курляндскаго гражданскаго губернатора коллежскій регистраторъ *Полуянскій*.

Въ Аудиторы: (октября тридцать-перваго) баталіонный писарь селенгинскаго пѣхотнаго полка *Федоръ Колпаченко*; (ноября одиннадцатаго) писари штабовъ: первой уланской дивизіи *Иванъ Сторкаченко*; второй драгунской дивизіи *Василій Луценко*; пяти округовъ военнаго поселенія кievской и подольской губерній *Николай Свекла*, и оберъ-форштмейстерскій писарь пятого, шестаго, седьмаго и осьмаго кавалерійскихъ округовъ украинскаго военнаго поселенія *Алексій Тарановъ*; (ноября пятнадцатаго) писарь лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка *Матвѣй Никифоровъ*; (ноября двадцать-шестаго) писари: лейбъ-гвардіи семеновскаго полка *Алексій Орловъ*, штаба отдѣльнаго гренадерскаго корпуса *Сергѣй Федоровъ*, и дежурства штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса *Егоръ Катасановъ*.

Въ коллежскіе регистраторы: (октября тринадцатаго) почетный гражданинъ города Кубы *Степанъ Лазаревъ*; (октября двадцать-втораго) находящійся на испытаніи при ставропольской комиссаріатской комиссіи писарь венскаго военнаго полу-госпиталя *Матвѣй Медвѣдевъ*; (октября двадцать-девятого) фельдфебель *Егоръ Ивановъ*; писари: *Василій Дириловъ*, *Павель Быковъ*,

и чертежникъ *Петръ Грубенковъ*; (октября тридцать-перваго) вахтеръ московской провіантской комиссіи *Иванъ Сисковъ*; (ноября четвертаго) писарь II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Высочества конторы канцеляристъ *Николай Родионовъ*; (ноября пятого) писарь военной типографіи *Василій Сафоновъ*; (ноября девятого) вахтеръ московской провіантской комиссіи *Александръ Акомльковъ*; (ноября тринадцатаго) помощникъ учителя гимнастики павловскаго кадетскаго корпуса *Федоръ Орловъ*; (ноября осьмнадцатаго) старшій вахтеръ кременчугской провіантской комиссіи *Сидоръ Афанасьевъ*; (ноября двадцатаго) писари канцеляріи комитета высочайше утвержденаго въ осьмнадцатый день августа 1841 года *Павель Яблоковъ* и *Герентій Григорьевъ*; (ноября двадцать-девятого) нижніе чины унтеръ-офицерскаго званія: уволенный въ отставку изъ омской полевой провіантской комиссіи вахтеръ *Василій Грининъ*, повгородскаго впустреннаго гарнизоннаго баталіона подпрапорщикъ *Войцегъ-Новосельскій*, тринадцатой полевой артиллерійской бригады баттарейной нумера перваго баттарей юнкеръ *Зиновій Борговскій*; (декабри втораго) находящіеся на испытаніи при комиссаріатскомъ департаментѣ писари бывшей рижской комиссаріатской комиссіи *Госифъ Отто*, *Александръ Зилиховъ*, *Василій Дроздовъ* и *Петръ Ходовъ*.

Въ четырнадцатый классъ: (ноября двадцать-седьмаго) старшій фельдшеръ седьмаго рабочаго экипажа *Иванъ Васильевъ*; курьеръ морскаго министерства *Яковъ Алексеевъ*.

Высочайшими грамматами всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ.

Святой анны первой степени императорскою короною украшеннаго: (декабря шестаго) корпуса инженеровъ генераль-лейтенантъ *Готманъ 1*; свиты Его Императорскаго Величества генераль-майоръ, директоръ пажескаго корпуса *Игнатевъ 2*, и директоръ департамента вышней торговли генераль-майоръ *Языковъ*.

Святой анны первой степени: (ноября пятнадцатаго) правитель Аваріи генераль-майоръ *Ахметъ-Ханъ Мехтулинскій*; московскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сенявинъ*; (декабря пятого) командиръ второй бригады пятой флотской дивизіи контръ-адмиралъ *Станюковичъ 1*; (декабря шестаго) начальникъ штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса генераль-майоръ *Коцебу 2*, вице-директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кушинниковъ* и вице-директоръ департамента государственнаго казначейства четвертаго класса *Басинъ*.

Святаго станислава первой степени: (ноября седьмаго) управляющій придворною конторкою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича дѣйствительный статскій совѣтникъ, *Халгинскій*; (ноября двадцать-девятого) начальникъ военныхъ поселеній кievской и подольской губерній генераль-майоръ *фонъ-Брадке*.

Святаго владимира третьей степени: (ноября двѣнадцатаго) начальникъ третьяго отдѣленія черноморской береговой линіи генераль-майоръ *Муравьевъ*; (декабря пятого) виборгскій губернаторъ *Стевенъ*; командиръ первой бригады первой флотской дивизіи, контръ-адмиралъ *Черниковъ*; (декабря шестаго) инспекторъ классовъ перваго кадетскаго корпуса статскій совѣтникъ *Кушакевичъ*, корпуса инженеровъ путей сообщенія полковникъ *Крафъ* и корпуса горныхъ инженеровъ полковникъ *Армстронгъ*.

Святой Анны второй степени брилліантами украшеннаго: (ноября перваго) королевскій прусскій тайный совѣтникъ посольства *Цикъ*.

Святой Анны второй степени императорскою короною украшеннаго: (октября тридцатаго) императорской академіи наукъ ординарный академикъ, статскій совѣтникъ *Шмитъ*; (ноября двенадцатаго) состоящій при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, числящійся по арміи подполковникъ *Козловскій*; (ноября двадцать-девятаго) дежурный штабъ-офицеръ штаба инспектора резервной кавалеріи, состоящій по кавалеріи полковникъ *Данненбергъ 2*; (декабря пятаго) командующій корветтомъ «Львица» флигель-адъютантъ, гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ *фонъ-Глазенанъ*.

Святой Анны второй степени: (ноября осьмаго) управляющій ладожскимъ отдѣленіемъ корпуса инженеровъ путей сообщенія полковникъ *Семичевъ 1*; (ноября двадцать-девятаго) командующій первымъ округомъ военного поселенія кievской и подольской губерній, кирасирскаго принца Алберта Прусскаго полка подполковникъ *Гродецкий* и командующій вторымъ округомъ того же поселенія, состоящій по кавалеріи седьмаго округа новороссійскаго военного поселенія подполковникъ *Курбановъ*; (декабря пятаго) командиръ сорокъ-втораго флотскаго экипажа и корабля «Три-Иерарха», капитанъ перваго ранга *Вукотичъ 1*; (декабря шестаго) дежурный штабъ-офицеръ штаба главнаго начальника пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка, полковникъ *Сытловъ* и наставникъ-наблюдатель перваго кадетскаго корпуса, коллежскій совѣтникъ *Хитрово*.

Святаго Станислава второй степени императорскою короною украшеннаго: (октября двадцать-пятаго) начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ *Берманъ*; председатель комитета по устройству таурогенскаго шоссе корпуса инженеровъ путей сообщенія майоръ *Загоскинъ 5*; (ноября пятнадцатаго) апшеронскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Вагнеръ*.

Святаго Станислава второй степени: (октября двадцать-пятаго) статскіе совѣтники: начальникъ отдѣленія канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ *Лесевичъ* и состоящій въ ведомствѣ сего министерства *Желтоуховъ*; коллежскіе совѣтники: старшій степенный совѣтникъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій *Габонскій*; состоящій въ ведомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, председатель временнаго отдѣленія санктпетербургской управы благочинія *Михаилсъ*; надворные совѣтники: совѣтникъ олонечскаго губернскаго правленія *Виноградовъ*, курскій уездный предводитель дворянства *Пузановъ*, непрѣмный членъ казанскаго приказа общественаго призрѣнія коллежскій ассессоръ *Логиновъ*, бѣлицкій уездный предводитель дворянства коллежскій секретарь *Войничъ-Слюженскій*; (октября тридцать-перваго) николаевскій полиціимейстеръ, состоящій по кавалеріи полковникъ *Антоповъ*.

Всемилоствѣйше сопричислены къ ордену святаго Станислава второй степени: (октября двадцать-пятаго) пробствъ перваго округа, въ южномъ краѣ Россіи, консисторіальный совѣтникъ *Гримбаумъ*, и официалъ камепецкой римско-католической духовной консисторіи, прелатъ архидіаконъ *Висигиъ Остаповичъ*; (ноября осьмаго) директоръ работъ ладожскаго отдѣленія корпуса инженеровъ путей сообщенія майоръ *Веригъ 1*; (ноября двадцать-девятаго) главный смотритель конскихъ заводовъ новороссійскаго военного поселенія, состоящій по кавалеріи, подполковникъ *Григорьевъ*; (декабря перваго) штатный смотритель подольскаго уезднаго училища коллежскій ассессоръ *Казимирскій*.

Святаго Владиміра четвертой степени съ бантомъ: (октября двадцать-девятаго) адъютантъ начальника главнаго морскаго штаба 4-го флотскаго экипажа лейтенантъ *Веригинъ*; (ноября двенадцатаго) состоящій при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ для особыхъ порученій лейбъ-гвардіи казачьяго полка корнетъ князь *Шервашидзе*; (декабря пятаго) старшій адъютантъ по морской части штаба начальника черноморской береговой линіи 52-го флотскаго экипажа лейтенантъ *Медовниковъ*.

Святаго Владиміра четвертой степени: (ноября осьмаго) антекаръ перваго военно-сухопутнаго санктпетербургскаго госпиталя коллежскій ассессоръ *Веймаръ*; (ноября пятнадцатаго) профессоръ мюнхенскаго университета *Фридрихъ Германъ*; (декабря пятаго) старшій секретаръ миссіи нашей въ Франкфуртъ на Майнѣ, коллежскій совѣтникъ *Струве*; командиръ парохода «Силачъ», 40-го флотскаго экипажа лейтенантъ *Сотири 1*; капитанъ-лейтенантъ флотскихъ экипажей: 5-го, старшій адъютантъ штаба 1-й флотской дивизіи *Исковъ 1*, и 25-го командиръ парохода «Богатырь», *фонъ-Глазенанъ 2*; (декабря шестаго) преподаватель химіи въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпуса инженеровъ путей сообщенія майоръ *Соболевскій*; александровскаго кадетскаго корпуса старшій лекаръ штабъ-лекаръ коллежскій совѣтникъ *Адунгъ*; новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса ротный командиръ капитанъ *Изаровъ*; преподаватель химіи въ дворянскомъ полку, корпуса горныхъ инженеровъ майоръ *Кованько*, и корпуса горныхъ инженеровъ майоръ *Романовъ*.

Святой Анны третьей степени съ бантомъ: (ноября двадцатаго) состоящій въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ числящійся по кавалеріи поручикъ князь *Засханъ Моршанъ*; абхазской милиціи прапорщикъ князь *Чаплагъ Дзешинъ*, и цебельдинской милиціи прапорщикъ князь *Зурабъ-Чхотовъ*.

Святой Анны третьей степени: (ноября перваго) состоящій въ службѣ его величества король прусскаго поручикъ *Швандеръ*; (ноября осьмаго) членъ искусственнаго отдѣленія правленія 1-го округа путей сообщенія корпуса инженеровъ майоръ *Венедиктовъ*; (ноября четырнадцатаго) состоящій въ должности старшаго адъютанта при штабѣ войскъ на кавказской линіи и въ черноморіи, генеральнаго штаба поручикъ *Рыльцовъ*; (ноября двадцать-девятаго) архитекторъ штаба инспектора резервной кавалеріи, коллежскій ассессоръ *Элисонъ*; командиръ роты перваго московскаго кадетскаго корпуса капитанъ *Голеновскій*; (декабря пятаго) помощникъ начальника Камчатки капитанъ втораго ранга *Сарычевъ*; капитанъ-лейтенанты флотскихъ экипажей: 21-го командиръ фрегата «Екатерина», — баронъ *Розенъ*; 12-го командиръ фрегата «Диана» — *Бривцинь 5*; 25-го *Ермолинскій*, 5-го командиръ люгера «Орапиенбаумъ» — *Акуловъ 1*, и 20-го командующій бригадою «Несторъ» — *Струксовъ 2*; лейтенанты: 25-го, *Соловцовъ*; 5-го командующій люгеромъ «Петергофъ» — *Развозовъ* и 27-го *Невельскій 2*; командиръ бригада «Оемистокль», — 51-го флотскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ *Варницкій 2*; командиръ парохода «Молодецъ», 57-го флотскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ *Краевскій 1*, и лейтенантъ 42-го флотскаго экипажа *Перелешинъ 5*, за отличіе въ сраженіи противъ горцевъ; (декабря шестаго) корпуса горныхъ инженеровъ капитаны: *Бабушкинъ*, *Деві 1*, и *Гернеросъ*; кондукторской роты главнаго инженернаго училища капитанъ *Гармонъ*; перваго кадетскаго корпуса штабъ-капитанъ *Мизниковъ*, перваго московскаго кадетскаго корпуса штабъ-капитанъ *Дубасовъ* и корпуса топоратовъ штабъ-капитанъ *Егоровъ 1*.

Всемилоствѣйше сопричислены къ ордену святаго Станислава третьей степени: почетный каноникъ варшавской римско-католической архіепископской и гроецкой благочинный священникъ *Феликсъ Топискій*; (октября двадцать-пятаго) вице-официалъ камепецкой римско-католической духовной консисторіи прелатъ, канцлеръ *Лаврентій Марчинскій*; ассессоръ той же консисторіи,

каноникъ *Асодать Турсовичъ*, прелатъ конторы минской епархіи Венедиктъ *Огневскій*, пробствъ величскаго округа въ Лифляндіи консисторіальный советникъ *Раккеръ*, проповѣдникъ лембургскаго прихода въ Лифляндіи, консисторіальный советникъ *Асслуть*, и проповѣдникъ перортскаго прихода въ Курляндіи *Вагнеръ*.

Святого Станислава третьей степени: (октября двадцать-третьяго) судья варшавскаго мирнаго суда перваго отдѣленія Павелъ *Яворскій*; (октября двадцать-пятого) коллежскіе ассессоры, находившіеся въ комитетѣ по устройству таурогенскаго шоссе: членъ *Асташевъ*; бухгалтеръ и казначей *Стадкевичъ*; состоящіе при главномъ директорѣ путей сообщенія въ царствѣ Польскомъ референтъ-контролеръ *Ржевускій* и секретарь и переводчикъ *Сташкевичъ*; (октября двадцать-седьмаго) помощникъ начальника самурскаго округа, грузинскаго линейнаго нумера девятаго баталіона подпоручикъ *Кашинджиевъ*; (октября тридцать-перваго) частные пристава города Николаева, титулярный советникъ *Мельничковъ*, и поручикъ *Ревуцкій*; (ноября двѣнадцатаго) тенгинскаго пѣхотнаго полка баталіонный лекаръ *Германъ* и ординаторъ бомборскаго военнаго госпиталя, лекаръ втораго отдѣленія *Вигульскій*; абхазской милиціи подпоручикъ князь Григорій *Шервашидзе*, прапорщики *Балонъ-Анчабадзе*, *Шау-Зашишъ* и цецельдинской милиціи прапорщикъ князь *Мисоустъ-Моршаній*; (ноября двадцать-девятого) младшій лекаръ лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады штабъ-лекаръ *Дубницкій*; старшій столоначальникъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ коллежскій советникъ *Асюковичъ*; надворные советники: советникъ иркутскаго губернскаго правленія, *Пильничковъ*; акушеръ могилевской врачебной управы, докторъ медицины *Веневскій*; секретарь дворянства виленской губерніи, коллежскій ассессоръ *Ямонтъ*; титулярные советники: рогачевскій уездный предводитель дворянства *Хмызовскій* и лядскій земскій исправникъ *Сухомлиновъ*; экзекуторъ комиссіи построения въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, коллежскій ассессоръ *Теркевъ*.

Святой Анны четвертой степени съ надписью за храбрость: (ноября двѣнадцатаго) абхазской милиціи прапорщики: князь *Хамурза-Моршаній*, князь *Худза-Анчабадзе* и состоящіи при начальникѣ третьяго отдѣленія черноморской береговой линіи переводчикомъ прапорщикъ *Давидъ-Чуадзе*; (ноября пятнадцатаго) анперенскаго пѣхотнаго полка поручикъ *Колотовской*; мекхулинскаго ханства прапорщикъ *Султанъ-Чайнай-Оглу* и гиллицкой бекъ прапорщикъ *Капаль-Бекъ-Гирей-Бекоевъ*.

Святой Анны четвертой степени: (декабря пятого) лейтенанты флотскихъ экипажей: 40-го *Копоновъ 2* и 42-го *Свешниковъ 1*, и мичманъ 42-го флотскаго экипажа *Воробьевъ*.

Золотою полусавлею съ надписью за храбрость: (ноября двѣнадцатаго) черноморскаго линейнаго, нумера десятого, баталіона поручикъ *Шупинскій*.

Медальми: (ноября шестаго) валдайскій второй гильдіи купецъ Иванъ Матвеевъ *Кузьминъ* золотою на анненской лентѣ для ношенія на шеѣ; (ноября одиннадцатаго) крестьянинъ деревни Устья Ижоры въ ведомствѣ здѣшней александровской мануфактуры Андрей *Копоновъ*, серебряною для ношенія на шеѣ на анненской лентѣ; (ноября двадцать-третьяго) санктпетербургскій мѣщанинъ Эліасъ *Гонфенгаузенъ* серебряною медалью съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ; (ноября двадцать-пятого) золотыми съ надписью «за усердіе» на анненской лентѣ для ношенія на шеѣ: тульскій первой гильдіи купецъ Александръ *Сапуновъ*, третьей гильдіи: еоодоссійскій купецъ Александръ *Ливозаровъ*, чистопольскій купеческій сынъ Василій *Мироновъ*, темниковской градской глаза

третьей гильдіи купецъ Михаилъ *Мелентьевъ*, сулинскій промышленникъ англійскій подданный Христофоръ *Петалло*; серебряными съ надписью «за усердіе» для ношенія въ петлицахъ, на анненскихъ лентахъ: крестьянинъ помещика Яковлева Никита *Михайловъ*, и ржевскій мѣщанинъ Алексій *Туржанковъ*.

Землями: (октября двадцать-седьмаго) бригадные командиры: генералъ-майоры, второй бригады первой гренадерской дивизіи *Щербатскій* и второй бригады третьей пѣхотной дивизіи *Самаринъ*, командиръ навагинскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Полтинчукъ*.

Назначаются: (октября двадцать-пятого) симферопольскій уездный казенный титулярный советникъ *Сейтъ-Халиль-Эфенди* таврическимъ кади; (октября двадцать-шестаго) действительный статскій советникъ *Ошторпъ* минскимъ губерnskимъ предводителемъ дворянства; (октября двадцать-осьмаго) бывшій епископъ рижскій и викарій псковской епархіи *Принархъ* епископомъ острожскимъ и викаріемъ воронежской епархіи; (ноября третьяго) на мѣсто управляющаго подольскою палатою государственныхъ имуществъ седьмаго класса *Пятковскаго*, советникъ орловской палаты государственныхъ имуществъ надворный советникъ *Абиза*; управляющимъ черниговскою палатою государственныхъ имуществъ полковникъ *Соболевскій*; (ноября седьмаго) начальникъ измайльскаго таможеннаго округа коллежскій советникъ *Кроль* начальникомъ либавскаго таможеннаго округа, а исправлюющій должность начальника измайльскаго таможеннаго округа одесской полу-бригады пограничной стражи полковникъ *Батуричъ* начальникомъ измайльскаго таможеннаго округа; (ноября осьмаго) директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія находившійся прежде въ этой должности чиновникъ особыхъ порученій при томъ же министрѣ статскій советникъ *Коловскій*; членомъ главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ министра внутреннихъ дѣлъ, гофмейстеръ Е. П. *Перовскій*; (ноября одиннадцатаго) почетнымъ попечителемъ минской губернской гимназіи, на трехъ-лѣтіе, старшій изъ избранныхъ дворянствомъ кандидатовъ, бывшій застѣатель минской палаты уголовнаго суда, Иванъ *Козалло*; почетными попечителями гимназій: каменецъ-подольской, винницкій помещикъ Владиславъ *Здѣлховскій*; пемдиробской въ званіи камергера двора Е. В. П. графъ Болеславъ *Потоцкій*; (ноября четырнадцатаго) состоящій въ должности секретаря втораго департамента правительствующаго сената, коллежскій ассессоръ *Тягуновъ*, оберъ-секретаремъ того же департамента; (ноября шестнадцатаго) полтавскимъ губерnskимъ предводителемъ дворянства камергеръ коллежскій советникъ *Капнистъ*; кievскимъ губерnskимъ предводителемъ дворянства, камергеръ, тайный советникъ графъ *Тышкевичъ*; (ноября девятнадцатаго) настоятель шуаствинскаго рождество-богородицаго монастыря въ Грузіи архимандритъ *Никифоръ*, викаріемъ епархіи Грузіи епископомъ горійскимъ; (ноября двадцатаго) директоръ хозяйственнаго управленія при свѣтѣйшемъ синодѣ и членъ главнаго правленія училищъ, статскій советникъ *Нозосильскій*, директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій съ содержаниемъ по штату положеннымъ, сверхъ получаемаго имъ оклада по званію члена главнаго правленія училищъ; (ноября двадцать-пятого) предсѣдателемъ нижегородской палаты гражданскаго суда избранный дворянствомъ нижегородской губерніи кандидатъ коллежскій советникъ Дмитрий *Николаевъ*; судьей воронежскаго собственнаго суда изъ числа избранныхъ дворянствомъ воронежской губерніи кандидатовъ отставной поручикъ *Стржевскій*; (ноября двадцать-осьмаго) состоящій въ должности оберъ-секретаря межоваго департамента правительствующаго сената надворный советникъ *Игреневъ*, къ такой же должности въ четвертый департаментъ; (ноября двадцать-девятого) почетными попечителями гимназій: екатеринославской, коллежскій советникъ Михаилъ *Иваненко*; таганрогской славяносербскаго уезда предводитель дворянства штабъ-капитанъ Михаилъ *Сомовъ*; надворный советникъ *Мейснеръ*, управляющимъ владимірскою палатою государственныхъ имуществъ, на мѣсто отставнаго полковника *Ознобишина*; (декабря втор-

раго) чрезвычайный посланник при дворах виртембергскомъ и гессенъ-дармштадтскомъ действительный статскій советникъ графъ *Медель*, состоять для особыхъ поручений при Е. В. императоръ австрійскомъ на мѣсто чрезвычайнаго и полномочнаго посла въ Вѣнѣ действительнаго тайнаго советника *Татищева*, который, по прошенію, увольняется отъ этой должности; (декабря четвертаго) ординарный профессоръ и ректоръ университета Св. Владиміра *Неволинъ* утверждается въ семь послѣднемъ званіи еще на четыре года; (декабря пятаго) помощникъ попечителя баденскаго учебнаго округа действительный статскій советникъ *Груберъ*, попечителемъ сего округа; чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при германскомъ союзѣ действительный тайный советникъ *Ури*, состоять въ томъ же качествѣ и при Е. К. В. великомъ герцогѣ гессенъ-дармштадтскомъ; двѣнцы: княжна Елисавета *Чернышева* и Марціана *Герстеневицъ* фрейлинами къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ; исправляющій должность секретаря при президентѣ Императорской Академіи Наукъ титулярный советникъ Степанъ *Геденовъ* камеръ-юнкеромъ двора Е. И. В.; состоящій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ действительный статскій советникъ князь *Горчаковъ*, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при виртембергскомъ дворѣ; (декабря шестаго) чиновникъ особыхъ поручений при министрѣ внутреннихъ дѣлъ статскій советникъ князь Леонидъ *Голицынъ* камергеромъ двора Е. И. В.; (декабря осьмаго) директоръ почтоваго департамента тайный советникъ *Кривошапкинъ*, членомъ совѣда при главноначальствующемъ надъ почтовымъ департаментомъ учрежденнаго, а санктпетербургскій почтъ-директоръ, тайный советникъ *Прянишниковъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ почтоваго департамента; (декабря одиннадцатаго) костромской вице-губернаторъ статскій советникъ *Бороздинъ*, симбирскимъ; могилевскій, надворный советникъ *Крыловъ* костромскимъ; состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ надворный советникъ *Протейкинскій*, могилевскимъ вице-губернаторомъ; (декабря двѣнадцатаго) состоящій при министерствѣ финансовъ действительный статскій советникъ *Безкозозайнскій*, председателемъ вятской казенной палаты на мѣсто статскаго советника *Хоровина*, который причисляется къ министерству финансовъ.

Увольняются: (ноября осьмнадцатаго) архіепископъ имеретинской и гурійской епархій *Соброній*; (ноября двадцатаго) действительные статскіе советники: директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій *Шлисовъ*, и (ноября двадцать-девятаго) состоящій въ должности минскаго гражданскаго губернатора *Сушковъ*; (декабря перваго) управляющій владимірскою палатою государственныхъ имуществъ отставной полковникъ *Ознобишинъ*; (декабря тринадцатаго) камергеръ двора Е. И. В. действительный статскій советникъ Александръ *Тургеневъ*.

#### П о с т а н о в л е н і я .

Государственный советъ въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе господина управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о присоединеніи округа третьяго страховаго общества къ округу таковога же втораго, Высочайше утвержденнымъ двадцатаго минувшаго октября, мнѣніемъ положилъ: 1) По неучрежденію третьяго русскаго страховаго отъ огня общества, страхованіе имуществъ въ губерніяхъ и областяхъ, вошедшихъ въ округъ его, дозволить исключительно второму страховому отъ огня обществу, на точномъ основаніи устава его шестаго марта 1835 года. 2) Учредить третьяго общества поставить въ обязанность, чтобы они, собранными за выданныя акціи деньги, безотлагательно возвратили акціонерамъ, съ банковыми процентами по разсчету, и объ окончаніи возврата денегъ объявили въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

— Государь Императоръ по Положенію комитета господъ министровъ въ двадцать-пятый день минувшаго октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) въ городѣ Грайворонѣ, для управленія общественными дѣлами, учредить ратушу. 2) Для присутствованія, по временному штату опредѣлять въ ратушу чрезъ каждые три года, по выбору городского общества, на основаніи правилъ, въ уставѣ о службѣ по выборамъ изложенныхъ, одного бургомистра и двухъ ратмановъ, и каждому изъ нихъ, на случай отсутствія, по одному кандидату. 3) Ратушѣ поручить веденіе всехъ общественныхъ, судныхъ, опекунскихъ и сиротскихъ дѣлъ, которыя, на основаніи 880, 881, 882, 1003, 1011, 1018 и 1019 статей 2 т. свода зак. учреж. губерп. и продолж. къ нему, подлежатъ веденію городскихъ головъ, городскихъ думъ, магистратовъ, сиротскихъ и словесныхъ судовъ. 4) Содержаніе грайворонскій ратуши, впредь до возможности производить его изъ городскихъ доходовъ, отнести на счетъ тамошняго городского общества, сообразно изъявленному имъ на то согласію. 5) Помянутый штатъ допустить въ видѣ опыта, лишь на два года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока губернское начальство представило этотъ штатъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для окончательнаго утвержденія, съ присовокупленіемъ къ тому надлежащихъ соображеній: не признается ли необходимымъ въ чемъ-либо измѣнить его; и 6) Заштатный городъ Хотмыжскі, отъ недостатка способныхъ и прежде не имѣвшихъ городского управленія, оставить въ веденіи грайворонской земской полиціи; состоящихъ же въ немъ по ревизіи мѣщанъ, по всемъ предметамъ, относящимся до приписки ихъ въ это званіе и выдачи паспортовъ, а также по дѣламъ уголовнымъ, гражданскимъ, тяжбынымъ и торговымъ, подчинить грайворонской городской ратушѣ.

— Государь Императоръ, по Положенію комитета господъ министровъ, въслѣдствіе представленія господина министра народнаго просвѣщенія въ двадцать-осьмой день октября, Высочайше повелѣть изволилъ: ректора, проректора и декановъ университетовъ дерптскаго и Св. Владиміра, избирать впредь на четырехъ-лѣтній срокъ по правиламъ, постановленнымъ въ этомъ отношеніи въ Высочайше утвержденномъ двадцать-шестаго іюля 1835 года общемъ уставѣ русскаго университета, сравнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ положенный по штату дерптскаго университета каждому изъ пяти декановъ окладъ добавочнаго жалованья съ окладомъ присвоеннымъ этому званію въ другихъ университетахъ, съ производствомъ этой дополнительной издержки изъ государственнаго казначейства.

— По всеподданнѣйшему докладу господина министра финансовъ Государю Императору, о дѣйствіяхъ рыбинской временной конторы коммерческаго банка, учрежденной въ видѣ опыта въ сентябрь мѣсяцъ 1841, послѣдовало въ тридцать-первый день октября Высочайшее собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе о возобновленіи въ будущемъ году опыта открытія помянутой конторы съ десятаго мая по десятое іюля, командировать для того въ Рыбинскъ, по примѣру 1841 года, чиновниковъ, имѣющихъ назначиться въ составъ нижегородской временной банковской конторы.

— Мнѣніемъ государственнаго совета, Высочайше утвержденнымъ пятаго іюля 1838 года, для отклоненія затрудненій, встрѣченныхъ комиссіями для ревизіи дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній въ западныхъ губерніяхъ, назначенъ трехъ-лѣтній срокъ на представленіе неимѣющихъ при дѣлахъ тѣхъ собраній документовъ о дворянствѣ, на которыхъ опредѣленія ихъ были основаны, съ тѣмъ, чтобы лица, которыя этого не исполняютъ и не владѣютъ или не владѣли недвижимыми населенными имѣніями, немедленно были обращены въ однодворцы. Хотя этотъ срокъ уже миновалъ, по принимая во вниманіе, что многіе изъ жителей западныхъ губерній, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, не успѣли представить документовъ на дворянство втеченіи трехъ лѣтъ по особеннымъ затрудненіямъ, отстраненіе

которыхъ не могло зависѣть отъ собственной ихъ воли, и желая явить новое доказательство заботливости о пользахъ и выгодахъ жителей того края, облегченіемъ имъ способовъ къ охраненію ихъ правъ, Государь Императоръ, пятого ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: установленный Высочайше утвержденнымъ пятого июля 1835 года мнѣніемъ государственнаго совѣта трехъ-лѣтній срокъ на представленіе жителями вѣсѣхъ западныхъ губерній доказательствъ ихъ на дворянство, какъ въ депутатскія собранія, такъ и въ герольдію, продолжить до перваго января будущаго 1844 года.

— По ограниченному числу дѣлъ, поступающихъ въ вятскую гражданскую палату, согласно съ представленіемъ министра юстиціи, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣннымъ, двенадцатаго ноября Высочайше повелѣно: 1) Вятскія судебныя палаты соединить въ одно присутствіе, подъ наименованіемъ: вятской палаты уголовного и гражданского суда. 2) Въ эту соединенную палату опредѣлить, сверхъ товарища, еще одного совѣтника, оставивъ въ ней трехъ секретарей: двухъ для дѣлъ уголовныхъ и одного для гражданскихъ. 3) Размѣщеніе председателей и членовъ нынѣшнихъ судебныхъ палатъ предоставить распоряженію министра юстиціи, а прочихъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей начальнику губерній, по ближайшему его усмотрѣнію. 4) Остающихся за штатомъ уволивъ съ производствомъ имъ втеченіи шести мѣсяцовъ получаемыхъ ими нынѣ окладовъ жалованья. 5) На содержаніе вятской палаты уголовного и гражданского суда отпустить 9,545 рублей 24 копейки серебромъ изъ суммъ, ассигнуемыхъ нынѣ на объ вятскія судебныя палаты. 6) Остающіеся затѣмъ 2,274 рубли 13 копеекъ серебромъ причислить къ запаснымъ суммамъ министерства юстиціи.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина министра народнаго просвѣщенія, въ двадцать-четвертый день ноября Высочайше повелѣлъ, къ нынѣшнему составу комитета правленія Императорской академіи наукъ прибавить еще одного члена изъ ординарныхъ академикомъ отдѣленія русскаго языка и словесности, и одного совѣтника, съ жалованьемъ послѣднему по штату академіи, такъ чтобы отъ каждаго отдѣленія было по одному совѣтнику. Окладъ непрѣмшнаго секретаря академіи увеличить прибавкою къ назначенному штатомъ добавочному жалованью еще по шести сотъ рублей серебромъ въ годъ; какъ эту прибавку, такъ и жалованье совѣтника отнести на остатокъ отъ штатной суммы російской академіи и включить ихъ въ штатное положеніе Императорской академіи наукъ.

— Высочайшими указами данными правительствующему сенату тринадцатаго ноября, повелѣно: *Первымъ*. Званіе управляющаго военно-походною Его Императорскаго Величества канцеляріею упразднить. 2) Всѣ вообще предметы занятій, порученные этой канцеляріи статьями 1132, 1161 до 1165 и 1168, части 1, книги 1, свода военныхъ законовъ, отдѣлить отъ военно-походной канцеляріи. 3) Завѣдываніе этими предметами устроить по особому распоряженію военнаго министра и 4) всѣ эти мѣры привести въ дѣйствіе съ перваго января 1842 года. *Вторымъ*. Штатное число членовъ, какъ военнаго совѣта, такъ и генераль-аудиторіата, ограничить въ каждомъ изъ этихъ установленийъ шестью, кромѣ председателя.

#### П р и в и л е г и и.

Въ последнее время выданы слѣдующія привилегіи: 1) Великобританскому подданному *Гольднеру* (шести-лѣтня) на изобрѣтенный имъ новый способъ извлекать воздухъ изъ сосудовъ для сохраненія животныхъ и растительныхъ веществъ. 2) Иностранцу *Иосифу Фридриху Ширеку* (пяти-лѣтня) на механизмъ для замѣны силы паровъ силою животныхъ. 3) Коллежскому совѣтнику *Александру Оболенскому* на учрежденіе и содержаніе по Ладожскому Озеру и рѣкѣ Свири пароходовъ, для перевозки грузовъ и пассажировъ для буксированія судовъ. 4) Датскому подданному *Карлу Деннеру* на изобрѣтенный имъ музыкальный инструментъ подъ названіемъ «фортогармонія»

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

### I. Литературное обозрѣніе.

Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка. Сочиненіе сенатора *Бурлина*. Санктпетербургъ, 1839 — 1841. — Три повѣсти госпожи Ребб. Переводъ съ французскаго Александры *Зражевской*. С. Петербургъ, 1841. — Человѣкъ, женщина и демонъ. Романъ, взятый изъ древняго сказанія о папѣ Твардовскомъ. Сочиненіе *А. С.* Изданіе *Ф. Писаева*. Москва, 1841. Двѣ части. — Руководство къ познанію средней исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, *С. Смарагдовымъ*, учителемъ исторіи и географіи при сиротскомъ институтѣ императорскаго гатчинскаго воспитательнаго дома. С. Петербургъ, 1841. — Буря. Драма Шекспира. Съ англійскаго *Н. Сатинъ*. Москва 1840. — Записки объ Островахъ Уналашкинскаго Отдѣла, составленныя *Н. Веніаминовымъ*. Изданныя издвѣніемъ Російско-Американской Компаніи. Санктпетербургъ, 1840. Двѣ части. Записки объ атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ. *Н. Веніаминова*, составляющія третью часть Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла. Санктпетербургъ, 1840. — Исторія Семилѣтней Войны въ Германіи, съ 1756 по 1765 годъ, сочиненіе *И. В. Архенгольца*, служившаго капитаномъ въ арміи Фридриха Великаго. Перевелъ *Алексій Мартосъ*, Москва, 1841.

### II. Обозрѣніе современной Исторіи и Политики.

Отечественныя извѣстія.

Печатать дозволяетел. Санктпетербургъ 1841 г. 6 декабря. С. Куторга и П. Корсаковъ.



K W 44/45

### III.

## С М Ъ С Ъ.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ.

(Статья Марльё.)

=

Осень есть пора путешествій артистовъ, и своеобразныхъ странствованій. Каждый день въ это время появляются въ Швейцаріи, на берегахъ ея озеръ, въ ея зеленыхъ долинахъ, ветряный рой молодыхъ людей, жаждущихъ новыхъ впечатлѣній, или грузные экипажи безпечныхъ празднолюбцевъ, которыхъ гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто, съ сардоническимъ смѣхомъ, демонъ сплина. Гора Юнгфрау (Дѣва), стоя на вѣчномъ своемъ подножіи, опоясанная облаками, съ гордостью выказываетъ свои бѣлыя плеча, позлащенные солнцемъ. Водопадъ Штауббахъ, ниспадая съ вершины утеса, какъ газовый эшарпъ, блестящій подобно радугѣ, разсыпаетъ на бѣлокурые головы молодыхъ Англичанокъ свою жемчужную росу, свой алмазный дождь, и между-тѣмъ, какъ видъ бездонныхъ пропастей напоминаетъ тому, кто осмѣливается взбираться на остроконечныя вершины горъ, головокруженіе Манфреда, наскать холма широкія вѣтви сосенъ скрываютъ подъ своею таинственною тѣнью какую-нибудь идиллическую чету, которой только нужно нужное уединенное убѣжище, чтобъ безмятежно нашептывать другъ другу слова любви, и кристальный источникъ, чтобъ смотреться въ него, какъ Германъ и Доротея. Идиллія еще существуетъ въ Швейцаріи, и въ какихъ мѣстахъ муза простосердечныхъ чувствованій, изгнанная изъ большихъ городовъ, нашла бы себѣ убѣжище, если не въ этихъ пустыняхъ, гдѣ шумъ ораторовъ, несогласія партій, не заглушаютъ еще мелодическаго голоса природы?

Скоро всѣ эти счастливые путешественники, которыхъ судьбы мы завидуемъ, возвратятся подъ свой кровъ, одни съ растениями, набранными на вершинѣ Юры, другіе съ рисунками, начертанными по-среди прелестнѣйшихъ мѣстоположеній, третьи съ ихъ вѣчною скукою. Тогда появятся у насъ новыя описанія Швейцаріи, новые рассказы о путевыхъ приключеніяхъ и драматическихъ эпизодахъ. Вздумаетъ ли кто-нибудь изъ этихъ кочующихъ рассказчиковъ сообщить намъ преданія мѣсть, которыя онъ посѣтилъ, рассказы слышанные имъ въ швейцарскихъ хижинахъ? Сказать правду, мы этого не надѣемся. На великолѣпной землѣ Швейцаріи природа овладѣваетъ

всѣми способностями души, посредствомъ самыхъ сладостныхъ обаяній, самыхъ сильныхъ ощущений. Какое зрѣлище можетъ понравиться тѣмъ, которые недавно видѣли на вершинѣ Риги солнце, искрившееся на снѣговыхъ равнинахъ? Какъ обращать вниманіе на ежедневную болтовню какого-нибудь городка, тому, кто слышалъ грохотъ лавины, раздававшейся по горамъ? Всѣ зданія человѣческія кажутся ничтожными предъ этими вѣковыми громадами, воздвигнутыми рукою Божіею, и какъ малъ человекъ съ высоты этихъ вершинъ, которыхъ орелъ едва достигаетъ въ своемъ полетѣ!

Мы, которые слѣдимъ жаднымъ взоромъ каждого изъ тѣхъ, кому достается счастье увидѣть эти величественныя красоты, попробуемъ предпринять путешествіе по лѣтошисямъ, за невозможностію совершить его по горамъ. Швейцарія богата славными воспоминаніями и преданіями разнаго рода: тамъ найдемъ геройскія преданія, начертанныя неизгладимыми буквами на утесахъ Моратскихъ и на поляхъ Семпахъ; преданія рыцарскія, затемненные временемъ, но которыхъ еще можно прочесть на развалинахъ старыхъ замковъ; религіозныя преданія, таинственно сохраненныя подъ монастырскими сводами, и подъ арками церквей; преданія литературныя, разсѣянные тамъ и сямъ, въ мѣстахъ, гдѣ звучала пріятная лира минезингеровъ, на берегу озера, описаннаго Сень-Прё, воспѣтаго Бирономъ посвященнаго Коринною, и въ поэтическомъ Цюрихѣ гдѣ Геснеръ создавалъ свои патріархальныя идилліи, и гдѣ Цшокке, еще сочиняетъ свои народныя повѣсти.

Рыцарь Бернардъ Стретлингенъ былъ человекъ сердцемъ добрый и сострадательный, помогая слабымъ и служа Богу. Каждый день бѣдные жители каштоновъ приходили просить его о помощи, и каждый день достойный владѣтель замка раздавалъ имъ щедрую милостыню. Въ одинъ зимній вечеръ, кто-то постучался въ его дверь; рыцарь видитъ несчастливца полу-нагаго, дрожащаго отъ стужи, который проситъ у него изъ милости какую-нибудь ветошь для одежды. Бернардъ вводитъ его въ свое жилище, даетъ ему свой плащъ, чтобы одѣться на ночь. Черезъ нѣсколько часовъ бѣднякъ и плащъ исчезли. Этотъ мнимый нищій, былъ не кто другой, какъ самъ дьяволъ, который съ намѣреніемъ разсердить рыцаря и охладить его сострадательность, пришелъ похитить среди зимы лучшую его одежду. Но благочестіе и самоотверженіе Бернарда были непоколебимы; каждый разъ, когда онъ испытывалъ какое-нибудь лишеніе, каждый разъ, когда обманутый тѣми самыми, къ кому онъ простиралъ руку помощи, онъ призывалъ въ защиту своего святаго патрона, и снова чувствовалъ себя подкрѣпленнымъ въ своихъ святыхъ намѣреніяхъ. Чтобы болѣе удостоиться покровительства своего небеснаго хранителя, онъ рѣшился предпринять странствованіе на поклоненіе ему. Его патронъ воздвигнулъ храмъ на горѣ Гаргано. Я не знаю, гдѣ находится эта гора, но Бернардъ зналъ, и отправился въ ту сторону. Пускаясь въ дорогу, онъ взялъ обручальное свое кольцо, переломилъ его надвое, далъ одну половину женѣ своей, и сказалъ ей: общайся остаться мнѣ вѣрною впродолженіи пяти лѣтъ, и если по истеченіи этого времени, я не принесу тебѣ назадъ другой половины нашего кольца, ты будешь свободна выйти замужъ за другаго. Жена обѣщала ожидать его пять лѣтъ, и рыцарь пустился въ путь съ посохомъ, въ одеждѣ пилигрима. Путь его былъ счастливъ до горы Гаргано. Онъ достигъ благополучно цѣли своего путешествія, преклонилъ колѣна въ храмъ своего патрона, и окончивъ свое богомолье, съ радостнымъ сердцемъ снова отправился въ путь къ своему замку. Но вдругъ онъ попадаетъ въ руки невѣрныхъ, и въ цѣпяхъ заключаютъ его въ башню. Уже четыре года онъ тамъ, печальный, страждущій, напрасно умоляетъ онъ своихъ палачей, сжалиться надъ нимъ. Въ одно утро, пересчитывая день-за-день все время, которое онъ провелъ вдали отъ своего жилища, съ ужасомъ узнаетъ онъ, что пяти-лѣтіе, впродолженіи котораго жена должна его ожидать, уже миновалось. Онъ бросается на колѣна и призываетъ съ новымъ усердіемъ своего патрона. Едва кончилъ онъ

свою молитву, какъ видитъ предъ собою въ темницѣ необыкновенное существо въ длинной епанчѣ. «Ты меня не унабѣши», сказалъ этотъ новый пришлецъ; «я тотъ самый, который приходилъ къ тебѣ разъ, вечеромъ, зимою, просить милостыни; я тебя обокралъ въ надеждѣ разсердить тебя; но обманулся въ своемъ ожиданіи, и къ довершенію несчастья твой патронъ, который могущественнѣе меня, повелѣлъ мнѣ похитить тебя изъ темницы и перенести въ твой замокъ». Вотъ ужъ не ожидалъ такого избавителя, сказалъ самъ про себя набожный рыцарь. Можетъ-быть, это новый обманъ. Но такъ и быть, я вѣрую въ моего патрона, и отдаюсь подъ его защиту.

Тутъ онъ перекрестился, что заставило сильно скорчиться его гостя, потомъ сѣлъ спокойно на плеча своего вожатаго, который пустился стрѣлой по воздуху. Черезъ нѣсколько часовъ онъ внесъ рыцаря, здрава и невредима, во внутренность его замка. Правду-сказать, что было и пора. Достойная жена Бернарда строго исполнила свое обѣщаніе. Впродолженіи пяти лѣтъ ни что не могло поколебать ея вѣрности; но въ первый день шестаго года она выходитъ замужъ. Уже свадебный пиръ былъ готовъ, гости собрались, и женихъ велъ къ столу невесту. Бернардъ пробирается тайкомъ въ залу, и бросаетъ въ кубокъ, изъ котораго жена обыкновенно пила, половину своего кольца. Жена узнаетъ этотъ залогъ любви, вскрикиваетъ, смотритъ кругомъ себя, и бросается въ объятія своего супруга.

Вотъ другое преданіе, въ которомъ нечистый духъ играетъ также важную роль. У одного бѣднаго угольщика родился сынъ. Слѣдуя обычаю, надобно было задать, въ день крестинъ, большой пиръ для родственниковъ и сосѣдей. Это было дѣло трудное, потому что угольщикъ не имѣлъ ни денегъ, ни кредиту. Случаются такія оказіи не съ одними угольщиками. Бѣднякъ, по правдѣ сказать, не зналъ даже какъ и достать штофъ водки, необходимую принадлежность торжественнаго обѣда. Однажды вечеромъ онъ бродилъ по лѣсу, повѣсивъ голову, съ заботою на лицѣ, и не зналъ чѣмъ помочь горю. Между-тѣмъ какъ онъ шелъ, самъ не зная куда, попадаетъ ему на встрѣчу низенькій господинъ, одѣтый въ черное платье, какъ бургомистръ. Смотритъ онъ на угольщика съ видомъ сожалѣнія и говоритъ ему: «Я знаю, что тебя сокрушаетъ, любезный Иванъ, и я готовъ тебѣ помочь, потому что у меня сердце доброе, — что про меня ни говори! Заключимъ условіе: въ день крестинъ, у тебя въ домѣ будетъ все нужное, для великолѣпнаго угощенія твоихъ родныхъ и пріятелей. За такую щедрость я требую отъ тебя бездѣлицы: если ты во время пира чихнешь три раза, и никто тебѣ, по обычаю, не скажетъ: Богъ да будетъ съ тобой! то ты будешь моимъ слугою.» Вотъ что! — отвѣчалъ честный Иванъ, почесавъ затылокъ, — вашимъ слугою! Это не шутка, потому что вы господинъ чортъ; я это вижу, а нашъ пасторъ довольно намъ толковалъ, каково служить вашей милости. — Потомъ онъ призадумался и сказалъ самъ себѣ: впрочемъ, что же тутъ за бѣда? Въ нашемъ кантонѣ, если и послѣдній нищій чихнетъ, то и ему въ ту же минуту скажутъ: Богъ да будетъ съ тобою. Странно бы было, чтобы мнѣ не сказали, какъ всякому другому, этого коротенькаго привѣтствія. «Ну! что будетъ то будетъ», вскричалъ онъ вдругъ, поднявъ голову: «Согласенъ, господинъ чортъ. Завтра въ полдень у меня роскошный обѣдъ, а вечеромъ, . . . вечеромъ, . . . ну, увидимъ.»

Чортъ ушелъ. Угольщикъ бѣжитъ приглашать не только своихъ друзей, но и поселянъ, которыхъ онъ знаетъ за нѣсколько миль въ окружности. На другой день колокола звонятъ, ребенка съ большою пышностію несутъ въ церковь. Возвратясь въ домъ, гости находятъ комнаты, убранныя цвѣтами, столъ уставленъ разными кушаньями, бочки пива у дверей, боченки съ виномъ и водкой въ чуланѣ, пирамидальныя груды пироговъ въ кухнѣ. Никто не понимаетъ откуда взялась такая роскошь! Самые богатые мызники съ ужасомъ думали о расходахъ, употребленныхъ на такое пиршество, и

одинъ изъ нихъ, который иногда ѣзжалъ для платежа податей въ Люцернъ, говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго у самого господина бургомистра. Спрашиваютъ угольщика; онъ ничего не отвѣчаетъ, слегка улыбается, наливаетъ стаканы и разрѣзываетъ большими кусками телятину и баранину, только-что изжаренную. Потомъ приходятъ скрипачи, начинаются танцы. Хозяинъ беретъ за руку самую хорошенькую сосѣдку, открываетъ балъ, пляшетъ и поетъ, думая про себя: хорошо я сдѣлалъ, что принялъ предложеніе чорта! Но вотъ при звонѣ стакановъ и бутылокъ, при шумѣ пляски, при восклицаніяхъ пьющихъ гостей, почтенный угольщикъ чихаетъ. Въ этой суматохѣ никто не слышитъ его чиханья; и никто ему не говоритъ обычнаго привѣтствія. Онъ немножко струсилъ, но потомъ разсудилъ, что ему еще остается чихнуть два раза, и что онъ успеетъ избѣжать бѣды. Снова принимается онъ весело пить и плясать съ хорошенькими мызницами. Черезъ полчаса онъ опять чихаетъ, и никто ему не говоритъ ни слова. Это ужъ очень плохо! Бѣднаго Ивана морозъ подралъ по кожѣ. Онъ начинаетъ съ ужасомъ думать, что рогатый метрдетель, приготовившій ему пиръ, легко можетъ его утащить въ такое мѣсто, которое гораздо хуже его хижины. Онъ подходитъ ближе къ своимъ друзьямъ и старается обратить на себя ихъ вниманіе, но вихрь праздника ихъ уноситъ, онъ чихаетъ въ третій разъ, и никто этого не замѣчаетъ. Метрдетель, который притаился у дверей, входитъ съ торжествующимъ видомъ, чтобы тащить хозяина, куда слѣдуетъ. Несчастный угольщикъ, увидѣвъ его, падаетъ на-взничъ. Пропалъ бы онъ совсѣмъ, но сдѣлалось чудо: новокрещенный младенецъ поднимаетъ изъ колыбели свою головку и говоритъ ангельскимъ, яснымъ голосомъ: Богъ да будетъ съ тобой! При этихъ словахъ, смущенный метрдетель бѣжитъ опростелю за дверь, а добрый Иванъ благодаритъ небо за свое избавленіе.

Швейцарія имѣетъ также свою мифологию, своихъ чудовищъ и баснословныхъ духовъ. Пещеры ея горъ населены маленькими людьми, обладающими большимъ могуществомъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ легки и проворны, какъ эльфы Даніи. Эти человѣчки живутъ въ кристалловыхъ гротахъ и спятъ подъ сводами изъ алмазовъ. Лѣтомъ они часто выходятъ плясать на луга, при свѣтѣ мѣсяца, но зимою постоянно остаются въ ихъ тепломъ убжищѣ, гдѣ сидятъ около разведеннаго огня, ласкаются къ своимъ крошкамъ-жепамъ и посмѣиваются надъ бѣдами и хлопотами смертныхъ. Иногда они входятъ и въ деревни, наиболѣе для того, чтобы испытывать сердце и характеръ поселенцевъ. Если кому-нибудь изъ жителей деревни удастся понравиться этимъ человѣчкамъ, то они оказываютъ ему всевозможныя благодѣянія и услуги; волятъ коровъ его на самыя лучшія пастбища, косятъ для него сѣно, поселяются въ его хижинѣ и смотрятъ за домашнимъ въ ней порядкомъ, поятъ его лошадей, когда нужно, чистятъ мебель и надзираютъ за кладовыми, гдѣ хранятся молоко, масло и сыръ. Изъ жалости къ поселенскимъ дѣтямъ, которыя ходятъ по горамъ за дровами, человѣчки часто кладутъ на тропинкахъ маленькія связки дровъ и такимъ образомъ избавляютъ дѣтей отъ труда ходить далеко. Если въ какой-нибудь бѣдѣ поселенцевъ призоветъ человѣчкова на помощь, они почти всегда ему помогаютъ, и если удалось по какому-нибудь случаю услужить имъ, то они никогда не забудутъ этого. Однажды, осеннимъ вечеромъ, одинъ изъ этихъ карликовъ, утомленный длинною дорогою, зашелъ въ деревню, чтобы отдохнуть и собраться съ силами, такъ какъ до его жилища было еще очень далеко. Онъ переходилъ отъ дома къ дому и стучался въ двери, прося впустить его на ночлегъ. Въ деревнѣ жили все поселане богатые; богатство заглушило въ ихъ сердцахъ состраданіе, и бѣдный карликъ не былъ впущенъ ни въ одинъ домъ. Онъ уже отчаявался найти ночлегъ, и, глядя во все стороны, увидѣлъ наконецъ бѣдную хижину, въ дверь которой онъ еще не стучался. Тамъ приняли его съ радушіемъ. Хозяинъ хижины развелъ для гостя огонь; хозяйка вывела изъ шкафа остатокъ ужина, а дѣти поселанина, которые ростомъ были не многимъ больше ихъ гостя, принесли

онъ могъ переодѣться, такъ какъ его одежда вся была измочена дождемъ и забрызгана грязью. На другой день рано утромъ маленькій гость удалился. Черезъ нѣсколько часовъ набѣжали на небо тучи, ударилъ вѣтеръ, загремялъ громъ; разбушевалась страшная буря. Дождь льетъ ливнемъ, бѣжитъ потоками съ горъ, и эти потоки увлекаютъ съ собою обломки скалъ и сложенные деревья. Вода начинаетъ потоплять деревню. Богатые и него-степримные жители ея спешатъ выбраться изъ домовъ своихъ и бѣгутъ на высоты, чтобы спастись отъ наводненія. Вдругъ, посреди волнъ появляется плавающая скала. На ней стоитъ карликъ и правитъ скалою, какъ лодкой. Онъ подплылъ къ той хижинѣ, гдѣ его гостепривно приняли, и спасъ ее отъ разурненія. Потомъ, когда наводненіе кончилось, онъ началъ отъ времени до времени приносить хозяину то хлѣбъ, то деньги, началъ пригонять прекрасныхъ коровъ и овецъ къ его бѣдному стаду, и добрый поселеникъ съ семъ ею своею зажить припѣваючи.

Сколько добрыя человѣчки къ тѣмъ, кто угодили имъ, столько же они и жестоки къ своимъ оскорбителямъ. Рассказываютъ много страшныхъ исторій, о которыхъ многіе поселане боятся и заикнуться, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь изъ маленькихъ жильцовъ горъ не подслушалъ ихъ и не разсердился. У многихъ карликъ въ ествѣ стада серна, которыхъ они берегутъ съ большою заботою, и горе неба гораздому охотнику, который осмѣлится войти на пастбище карлика и застрѣлить его серну. Одино изъ такихъ охотниковъ карликъ притаился на край пропасти. «Помилуй!» закричалъ несчастный упавъ на колѣна: «служба привела жену сюда. У меня нѣтъ на поляхъ, ни стада, я только и живу охотою». Карликъ съжалился и отвѣчалъ: «хорошо! пойдѣ домой, и не ходи сюда впередъ. Каждую недѣлю будетъ у дверей твоей хижины серна». Охотникъ обрадовался и побѣжалъ домой. Въ слѣдующую субботу увидѣлъ онъ прекрасную, тучную серну, которая прыгала у дверей его хижины. Въ другую субботу то же самое, и такъ продолжается пять или шесть недѣль. Сначала такая легкая добыча ему нравилась. Не нужно уже лазить по горамъ, нечего бояться бурь и лавинъ. Славно запилъ охотникъ, ходилъ въ гости къ сосѣдямъ, курилъ трубку и знать не хотѣлъ, что такое трудъ и работа. Но вскорѣ праздная жизнь ему наскучила. Онъ началъ сожалѣть о томъ времени, когда онъ бродилъ цѣлый день по горамъ, съ ружьемъ на плечѣ, и возвращался домой вечеромъ гордясь своимъ искусствомъ и принося женѣ своей и дѣтямъ добычу. Онъ началъ со вздохомъ поглядывать на горы, на вьющіяся вверхъ тропинки, и если иногда серна появлялась на утесѣ, то охотнику казалось, что злое животное смотрѣло на него насмѣшливо и укоряло его за праздность. Однимъ прекраснымъ утромъ онъ не вытерпѣлъ; горы на чистомъ небѣ прелестно рисовались передъ нимъ съ бѣлыми туманами своими и мрачными лѣсами. «Что будетъ, то будетъ!» воскликнулъ охотникъ: «не могу долѣе выносить моей праздности, пойду побродить по горамъ, посмотрю, не забылъ ли я лазить по крутизнамъ и стрѣлять изъ ружья. Я не пойду во владѣнія карлика и буду только стрѣлять въ орловъ да коршуновъ.» Не слушая просьбъ жены, онъ пошелъ въ путь, взобрался по каменистой тропинкѣ на горы, и когда онъ на вершинѣ утеса сталъ окруженный глубокими долинами, сердце его забилось прежнимъ удовольствіемъ, прежнею радостью, которой давно уже не чувствовалъ. Онъ гордо смотрѣлъ на горы и на пропасти. Вдругъ серна выбѣжала изъ кустарника. Охотникъ забылъ все, прицѣлился, пафъ! и серна упала. Въ тотъ же мигъ откуда ни взялся карликъ. «Ты обманулъ меня!» закричалъ онъ: «теперь меня не упросишь!» И вотъ потащилъ человѣчекъ охотника къ пропасти. Глубина такая, что и взглянуть страшно! Неумолимый карликъ столкнулъ въ эту бездну несчастнаго охотника.

Много есть легендъ въ Швейцаріи объ огромныхъ змѣяхъ, живущихъ въ густыхъ лѣсахъ, о драконахъ, которые стерегутъ клады и пожираютъ людей,

подобно минотаврѣ. Гораздо прежде знаменитаго сраженія съ Австрійцами, въ которомъ Арнольдъ Винкельридь прославился своимъ геройскимъ подвигомъ, предокъ его былъ уже извѣстенъ въ легендахъ. Объ немъ повѣствуютъ, что онъ безстрашно пошелъ одинъ на дракона, который опустошалъ Швейцарію, возпалъ свое копье въ пасть змѣи и избавилъ отечество отъ этого ужаснаго мотодѣда.

Вотъ еще Швейцарская легенда о змѣѣ, извѣстная во всей Германіи. Ее рассказываетъ и итальянскій поэтъ Петрарка.

Когда Карлъ Великій былъ въ Швейцаріи, то велѣлъ придвѣлать у дверей своего дворца колокольчикъ. Всякомъ имѣвшій нужду въ правосудіи и защитѣ короля, могъ смѣло потянуть за спурокъ, и по первому звону тотчасъ вводили просителя въ комнату Карла Великаго. Однажды колокольчикъ зазвенѣлъ; прислужники побѣжали отперть дверь и, вскорѣ возвратясь въ ужасѣ, донесли королю, что у крыльца пѣтъ никого, кромѣ огромнаго змѣя. Карлъ Великій велѣлъ впустить такого необыкновеннаго просителя, выслушалъ жалобу его на жабу, которая тутъ же находилась, и приговорилъ ее къ смерти за то, что она похитила у змѣя его змѣенка. На другой день удивительный проситель опять явился, величаво пропоявъ по залѣ, гдѣ король обѣдалъ съ вельможами, и положилъ въ королевскій бокалъ алмазь невиданной красоты. Э отъ алмазь имѣлъ силу талисмана. Ктò владѣлъ имъ, того король любилъ безъ памяти. Карлъ Великій подарилъ его женѣ своей. После ея смерти алмазь достался епископу Туринскому. Тотъ, замѣтивъ волшебную силу алмаза и опасаясь, чтобы ктò нибудь изъ недостойныхъ служителей короля не употребилъ талисмана во зло, бросилъ въ рѣчку, омывающую стѣны Ахена. Съ тѣхъ поръ Ахенъ сталъ любимымъ городомъ Карла Великаго изъ всѣхъ городовъ его обширныхъ владѣній.

Много есть и другихъ народныхъ рассказовъ, но довольно и этихъ, чтобы получить понятіе о легендахъ и преданіяхъ Швейцаріи.

#### Опера «Робертъ» на островѣ Маврикіи.

Твореніе Мейербергера свершаетъ путь свой около земнаго шара. Недавно одинъ путешественникъ видѣлъ представленіе Роберта въ главномъ городѣ острова Маврикіи, (\*) и вотъ что онъ рассказываетъ:

Въ *Портъ-Луи* есть французскій театръ. Труппа актеровъ довольно полна и хороша для публики, которая не имѣетъ права быть слишкомъ възыскательною. Гдѣ взять талантовъ на островъ, когда ихъ и на твердой землѣ не много. Случай познакомилъ меня съ актеромъ, представляющимъ роли первыхъ любовниковъ. Онъ былъ прежде китоловомъ и бѣжалъ съ корабля, на которомъ ему надоело гоняться за неуклюжими китами. Онъ предпочелъ гнаться за привлекательной славой артиста. По высокому росту и красивой наружности приняли его охотно на вакансію умершаго перваго любовника. Этотъ добрый-малый пригласилъ меня на первое представленіе Роберта. Я согласился. Любопытно было послушать, какъ справится отставной китоловъ

(\*) Какъ извѣстно, островъ Маврикіи или Иль-де-Франсъ находится на Индѣйскомъ Океанѣ въ 166 миляхъ къ Востоку отъ Мадагаскара.

съ ролью Нурри и Дюпрѣ, и посмотреть, какъ режиссёръ ухитрится поставить Роберта съ танцами, хорами, превращеніями, машинами и великолѣпнымъ спектаклемъ, на скромномъ театрѣ острова Маврикіи. Въ назначенный часъ отправился я въ театръ. Пѣвецъ-китоловъ повелъ меня прежде за кулисы. Мы прошли съ нимъ сначала по двумъ большимъ кладовымъ, гдѣ хранились декорации. Эти кладовыя были чуть-чуть освѣщены, и я на каждомъ шагѣ натѣкался то на гору, то на облако, то на храмъ, то на груду картонныхъ оружій, и въ заключеніе столкнулся съ актрисой, которая одѣвалась. Наконецъ по узкому корридору вышли мы на сцену. Занавѣсъ былъ еще опущенъ. За нимъ раздавались рукоплесканія нетерпѣливой публики, а машинисты между-тѣмъ въ страшныхъ хлопотахъ переставляли декорации перваго акта, ворча на декоратора, который по вѣтренности настаивалъ, для лагеря норманскихъ рыцарей, палатокъ съ турецкими полу-мѣсяцами. Наконецъ занавѣсъ поднялся. Театръ былъ полонъ. Музыканты и актеры помнили убѣдительныя просьбы директора не ударить лицомъ въ грязь. Въ-особенности оркестръ отличился усердіемъ. Онъ гремѣлъ въ полномъ смыслѣ слова; гений Мейербергера воодушевилъ музыкантовъ и они играли съ такимъ восторгомъ, съ такимъ неистовствомъ, что струны поминутно лопались. Я началъ опасаться, что придется оперу доиграть безъ струнъ; но вѣрно и сами музыканты раздѣлили мое опасеніе и потому съ половины оперы умѣрили свой восторгъ. Актеры были не совсѣмъ искусны и опыты. Кое-что они пропѣли и хорошо, однако жъ, я каждую минуту боялся, что память имъ измѣнитъ и что пѣвцы, того и смотри, собьются и станутъ въ-туникъ. Зрители впрочемъ поддержали ихъ. Они такъ часто аплодировали, что актерамъ, хоть бы и сбились, можно было легко справиться и припомнить роли. Нашъ китоловъ былъ превосходенъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ и пѣлъ такъ хорошо, какъ я не ожидалъ. Опера сошла съ рукъ очень изрядно, хотя нѣсколько трудныхъ арій было пропущено, равно какъ и балетъ въ третьемъ актѣ. Но балетъ, какъ объясняли мнѣ, исключенъ былъ потому, что онъ состоитъ изъ неприличныхъ танцевъ. Это напомнило мнѣ директора одного провинціального театра, который однажды объявилъ, что опера «Блانا» представлена будетъ безъ пѣнія, чтобы лучше можно было зрителямъ понять сюжетъ оперы. Въ началѣ пятаго акта «Роберта» произошло минутное замѣшательство отъ нежданнаго случая. Въ то время когда Робертъ волнуется первшимостью и не знаетъ какъ слѣдуетъ: за отцомъ ли своимъ или за Алисой, одинъ негръ, недавно опредѣленный въ театральные работники, такъ растрогался положеніемъ Роберта, что бросился на злобнаго Бертрапа, оттолкнулъ его отъ рыцаря и взялъ его подъ свою защиту противъ нечистой силы. Многие зрители по счастью не замѣтили этой прибавки къ либретто оперы и начали аплодировать. Между-тѣмъ Робертъ, благодарный Робертъ далъ пинка своему избавителю и толкнулъ его обратно за кулисы; а онъ дѣйствовалъ отъ чистаго сердца, въ невинномъ порывѣ великодушія. Впрочемъ, на свѣтѣ и сплошь получаютъ пинки всѣ избавители и благодѣтели. Затѣмъ опера окончилась благополучно, и всѣ зрители были въ восторгѣ. На другой день я встрѣтился въ обществѣ съ Англичаниномъ, который хвалилъ съ жаромъ Роберта. «Какъ хороша эта сцена», сказалъ онъ между прочимъ, «когда выскакиваетъ неожиданно негръ, спрятанный хитрою Алисой, чтобы съ его помощью избавить своего любезнаго рыцаря изъ рукъ Бертрапа. Да и негръ сыгралъ свою роль превосходно: съ какой энергіей, съ какимъ жаромъ бросился онъ на Бертрапа. Я не ожидалъ такого таланта въ негрѣ!»

...и ...

**ОГЛАВЛЕНИЕ.**

**I. Литературное обозрѣніе.**

**Исторія смутнаго въ Россіи, въ началѣ XVII вѣка. Сочиненіе сенатора Бутурлина.**  
Санктпетербургъ, 1850 — 1841. — Два тома.

**II. Обозрѣніе современной Исторіи и Политики.**

**Отечественныя и иностранныя извѣстія.**

**III. Смльсь.**

**Швейцарскія легенды и преданія. — Опера „Робертъ“ на островѣ Маврикія.**

**Печатать дозволяется. Санктпетербургъ 1841 г. 23 октября и 6 ноября. С. Куторгга  
и П. Корсаковъ.**

...и ...

НОВЫЯ КНИЖКА

A. СИНЬКИНА.

ЛЮБКА И ПЕРВАЯ

ТОМА КИРОВА

КОМПАНИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

...и ...

# НОВЫЯ КНИГИ,

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

**А. СМЕРДИНА.**

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТЪ ВЪ ДОМЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

## РУССКАЯ БЕСѢДА,

**ТОМЪ ПЕРВЫЙ,**

ВЫШЕЛЪ И РАЗДАЕТСЯ ГГ. ПОДПИСАВШИМСЯ

ВЪ НЕМЪ СОДЕРЖАТСЯ:

АЛЕКСАНДРИНА, небольшой романъ, взятый изъ записокъ Юрія З\*\*\*, соч. Федора фанъ-Дима. — БАРЫНЯ, соч. Ивана Панаева. — ВИДѢНІЕ НА БЕРЕГАХЪ ЛЕТЫ, соч. К. Батюшкова. — ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ КРЫМЪ, соч. В. Бенедиктова. — ЛАНДЫШИ, разсказъ старушки, соч. М. Жуковой. — СЛѢПОЙ СЛУЧАЙ, соч. Г. Р. Державина. — КНЯЗЬ МАРГЕРЪ ПИЛОНСКІЙ. Разсказъ Циркуна, великаго коношаго, Великаго Княжества Литовскаго. Историческая повѣсть XIV вѣка, соч. Н. В. Кукольника. — РУССКАЯ ПѢСНЯ, соч. Князя Д. Кропоткина. — ИЗМѢНИЦА, соч. Бернета. — КОЧУБЕЙ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Ш. Кульжинскаго. — НА СМЕРТЬ МОЕЙ ПЛЕМЯННИЦЫ, соч. Князя Шаховскаго. — ФУЛЬТОНЪ, повѣсть, соч. П. Каменскаго. — КОМАРЪ, басня, соч. Б. М. Федорова. — ЖАЛОБА, соч. Э. Губера. — МЕЧТА, соч. Князя Кугушева. — СМЕРТЬ ДАНТА, соч. Автора путешествія къ Святымъ мѣстамъ. — ВИДѢНІЕ ІЕЗЕКІИЛЯ, соч. Бороздины